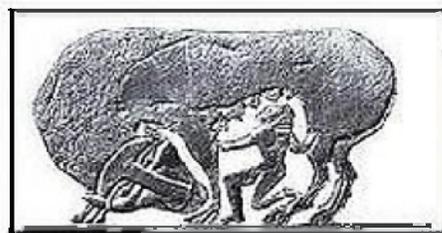
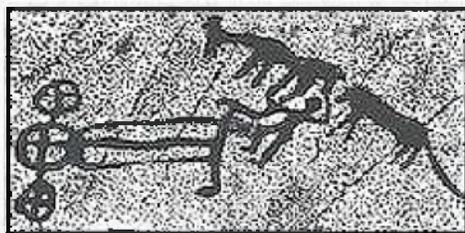

МАРСЕЛЬ БАКИРОВ

ПРОТОТЮРКИ

ИЗНАЧАЛЬНАЯ ПРАРОДИНА,
РАННИЕ ПЛЕМЕНА И ЯЗЫК,
ИСТОРИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРА

МАРСЕЛЬ БАКИРОВ

ПРОТОТЮРКИ

ИЗНАЧАЛЬНАЯ ПРАРОДИНА,
РАННИЕ ПЛЕМЕНА И ЯЗЫК,
ИСТОРИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРА

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КФУ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР
РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И
ИСКУССТВА им. Г. ИБРАГИМОВА

Марсель Бакиров

ПРОТОТЮРКИ

ИЗНАЧАЛЬНАЯ ПРАРОДИНА,

РАННИЕ ПЛЕМЕНА И ЯЗЫК,

ИСТОРИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРА

МОНОГРАФИЯ

УДК 94(3):811 ББК 63.3:81 Б19

Ответственные за выпуск:

Р. Р. Замалетдинов, директор Института филологии и межкультурной коммуникации КФУ;
Ф. Х. Завгарова, директор Республиканского Центра развития традиционной культуры; **К. М. Миннуллин**, директор Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ

Рецензенты:

Т. Н. Галиуллин, член-корреспондент АН РТ, профессор;

А. М. Шарипов, доктор филологических наук, профессор;

Ф. Ю. Юсупов, доктор филологических наук, профессор;

О. Р. Хисамов, кандидат филологических наук, доцент

Бакиров, М. Х.

Б19 Прототюрки : изначальная прародина, ранние племена и язык, история и этнокультура :
монография / Марсель Бакиров. - Казань : Татар, кн. изд-во, 2019. - 463 с., с илл.
ISBN 978-5-298-03719-8

Настоящая книга посвящена сложнейшей проблеме происхождения и ранней этнической и этнокультурной истории тюркских племён и народов. По концепции автора, прототюркский язык начал формироваться ещё в глубокой древности на Ближнем и Переднеазиатском Востоке и превратился в родственный языковой массив благодаря длительному сосуществованию и интеграции языков и диалектов агглютинативного строя. А со временем дальние пращуры тюрков волнообразно мигрировали и проникали на территории Восточной Европы, Средней и Центральной Азии, просторы Сибири. Всё это подтверждается, прежде всего, внушительным корпусом-словарём параллельных слов с лексикой мёртвых и живых языков древней Передней Азии. В исследовании приводятся также многочисленные уникальные факты и веские аргументы из ранней истории, из областей материальной и нематериальной культуры и антропологии в пользу первоначальной ближневосточной прародины ранних тюрков.

УДК 94(3):811 ББК 63.3:81

ISBN 978-5-298-03719-8 © Татарское книжное издательство, 2019

© Бакиров М. Х., 2019

От автора

Где начинается этническая история самых дальних предков тюрков, к каким временам и территориям восходят их языковые и этнические корни, с какими древними народами они общались и обменивались культурными ценностями - все эти извечные вопросы этногенеза и этнической истории наших пращуров издревле волновали и интересовали интеллектуалов общества, подталкивая и вдохновляя учёных разных поколений заниматься научными исследованиями в названной области. Этот наш труд, как бы эстафетой продолжающий работы своих предшественников, также посвящён вопросам этногенеза и плоттогонии, в частности исследованию и выяснению самых ранних лингвистических, этнографических,

антропологических и других корней тюркского мира. Исследование своё мы решили именовать «Прототюрки: изначальная прародина, ранние племена и язык, история и этнокультура». оно, по сути, отражает основные параметры и ключевые направления глобальной проблемы.

При разработке такой исторической проблемы мы, естественно, следуя за объективными фактами о дальнем прошлом, должны иметь дело с разнообразным материалом седой древности, что никоим образом не означает, что мы искусственно и тенденциозно стремились удревнять этногенез и этническую историю тюрков. Как мы знаем, предупреждение об этом и завуалированная форма табу, осуждающая случаи неаргументированного возведения национальных историй некоторых народов к древнейшим периодам, прозвучали в 1987 г. (т. е. в период тоталитарного антиплюралистического режима) в выступлении учёного *секретаря - академика С. Л. Тихвинского* на сессии Отде-

ления истории и Совета по координации научной деятельности АН СССР [753, с. 92].

По концепции же самого Тихвинского, древнетюркская языковая общность первоначально сформировалась в степях Центральной Азии (Монголии, Северного Китая), отсюда начала расселяться на запад лишь после III—VI вв., т. е. в эпоху так называемого Великого переселения народов, когда гунны - выходцы из центральноазиатских степей совершили нашествие в Европу. А активную миграцию тюркских народов в Европу, на Ближний Восток (в Турцию, Азербайджан) сторонники данной концепции относят к ещё более позднему периоду - IX-XII вв. [768].

Однако часть отечественных учёных, причём занимающихся узловыми проблемами ностратической теории и происхождения индоевропейской макросемьи, стала понимать, что далеко не верно и даже порочно ограничивать первоначальное местопребывание древних тюрков территорией Монголии и Северного Китая, тем более появление их в Средней Азии и Европе - лишь периодом «Великих переселений». В частности, *В. М. Иллич-Свитыч* ещё в шестидесятые годы минувшего столетия, развивая гипотезу датского учёного *Х.*, обосновал ностратическую теорию родства индоевропейской и ряда других языковых семей, включая алтайскую, где тюркскому праязыку отводится регион Западного Туркестана, точнее, область Восточного Приаралья. При этом, по этой теории, выделение алтайско-тюркских языков из восточно-ностратической общности отодвигается уже к III тыс. до н. э., если ещё не глубже.

А учёные-индоевропеисты *Т. В. Гамкрелидзе* и *В. В. Иванов*, когда им необходимо было доказать пребывание тохаров (А, В) в Средней Азии до их миграции на восток, ссылаясь на тюркско-тохарские параллельные праформы, сами же безболезненно пошли на удревление пратюркской эпохи в Средней Азии до II—I тыс. до н. э. [130, с. 28; 307, с. 14-15].

Пробивает себе дорогу, хотя и робко, идея тюркоязычности определённой части сако-скифов и сарматов. Вслед за исследователем-иранистом *В. Ф. Миллером* сторонник ираниз-

ма этих племён *В. И. Абаев* вынужден был заявить, что «под общими наименованиями скифов и сарматов, возможно, скрываются и неиранские элементы», однако, заключает он, «для их этнической и языковой характеристики сделано пока недостаточно» [754]. Ему вторит и иранист *С. А.*, который утверждает: «Показательно, что практически все авторы, решительно утверждавшие сегодня «тюркоязычность» скифов, саков и других древних кочевников, не имеют необходимой для таких выводов профессиональной лингвистической подготовки» [755, с. 108]. Отговорка ли всё это, связанная со своеобразным проявлением ираноцентризма, или заключает в себе и зерно истины - сказать трудно.

Правда, среди тех, кто всё ещё настаивает на недоказанности наличия среди так называемых сако-скифов тюркского слоя, есть также скептики, которые считают, что без восстановления древнейших форм тюркских слов пытаться сравнивать их со скифскими - это пустая затея. Такие упрямые скептики, на мой взгляд, упускают из виду в высшей степени мощный и уникальный признак тюркского языка, каковым является структурообразующая система - агглютинация (лат. *agglutination* - приклеивание). Агглютинация - это образование в языке производных слов и грамматических форм путём последовательного присоединения к корню или основе слова однозначных аффиксов, т. е. выражающих только одно грамматическое значение. Аффиксы, следующие друг за другом, не сливаются ни с корнями, ни с другими аффиксами, поэтому их границы довольно отчётливы и прозрачны.

Примечательно и показательно также то, что при присоединении стандартных, непроницаемых аффиксов корень или основы слова, в отличие от *флективных (индоевропейских)* языков, остаются всегда без изменений. Ко всему этому нужно добавить, что агглютинации сопутствует *сингармонизм*, связанный с сохранением определённого режима постоянного качества гласных, а иногда и согласных. Кроме того, наличие твёрдого порядка слов ('определение + определяемое!) обуславливает большую спаянность словосочетаний, и такой порядок распространяется

на целые причастные и деепричастные конструкции, которые превращаются в развёрнутые определения. **Все перечисленные факторы, естественно, придают структурному строю тюркского языка и лексическим его корням железную устойчивость и долговечность.**

Здесь уместно вспомнить слова одного из крупнейших лингвистов XIX в. **Ф. М. Мюллера**, переведившего на английский язык «Ригведу», который, поражённый логической и структурной стройностью и совершенством тюркских языков, писал: *«Такова работа человеческого разума, реализацию которого мы видим в языке. Но в большинстве языков из этих ранних процессов ничего не остаётся в поле зрения. Они же (грамматические формы и значения слов тюркских языков. -М. Б.) находятся перед нами как нерушимые скалы, и только микроскоп филолога в состоянии обнаружить те остатки органической жизни, с помощью которых они построены... Мы можем предположить, что тюркский язык является результатом воплощения мысли некоего выдающегося общества, состоящего из обогащённых опытом мудрости людей»* [764, с. 3; 765, с. 38-39].

В правоте высказанного о жизнестойкости слов агглютинативного строя, «нерушимости, как скал», грамматической формы и значений слов такого типа в течение веков и даже нескольких тысячелетий мы многократно убедились в ходе наших исследований. *И надо особо подчеркнуть, что предполагаемые нами дретейшие племена и народности, ставшие этнически ми компонентами в процессе интеграции и формирования тотюрков. а также взаимодействовавшие с самыми ранними пращурами тюрков. в большинстве своём были неиндоевропейцами и относились как раз к носителям агглютинативных языков.* Вместе с тем они же оказывали определённое субстратное и адстратное влияние на соседние языки, находившиеся в орбите ареального союза генетико-контактного родства на Ближнем Востоке, откуда и вышли дальние пращуры тюрков.

Реконструкция исторической лексики, как правило, производится на фонемно-морфемном, а также лексико-семантическом

уровнях. Основной же целью лексической и семантической реконструкции является установление того первичного значения слова, к которому восходят все последующие значения [756, с. 37]. Как показывают полученные нами результаты, в лексическом фонде древних языков Ближневосточного ареального союза сохранилось очень много слов, тем более базовых, с первичными архаическими значениями, которые без ощутимых изменений дошли до сегодняшнего дня. Этим, конечно, данные языки обязаны вышеотмеченным жёстким закономерностям исторической лексикологии.

Мы в своих исследованиях имели дело в основном с такими вот праформами при сравнении их с родственными словами или изоглоссами из древнего и общетюркского языка. Вместе с тем мы пользовались фонемно-морфемным уровнем реконструкции в пределах установленного исследователями исторического *чередования отдельных звуков*, особенно согласных (учитывая, конечно, при этом реконструированную тюркологами константную систему пратюркского состояния). И не пытались иметь дело с унаследованными с Ближнего Востока более сложными и сильно видоизменёнными праформами. На наш век (мне уже 85 лет!) и тем более для первой попытки масштабных исследований, думается, этого вполне достаточно, ибо с учётом параллельных изоглоссов из состава ряда разделов, восходящих к седой, глубокой древности, пратюркские изоглоссы насчитывают около 800 единиц, если не больше.

Безвременно ушедший в иной мир известный казахский поэт и энтузиаст-исследователь Олжас Сулейменов мечтал создать на материале палео-и древнетюркской лексики «Этимологический словарь: 1001 слово», который должен был охватить также слова, созданные уже на территориях Средней и Центральной Азии, Сибири.

Очень хотелось бы надеяться, что глобальной реконструкцией исторической лексики тюркских народов и дальнейшим изучением их этимологической истории впредь займутся другие исследователи, особенно молодые учёные-энтузиасты.

Разумеется, выявленные нами в разного рода древнейших источниках изоглоссы и праформы - **а их не меньше 800 (!)** - ни

в коем разе не должны приниматься за простое заимствование или за «кочующие слова». Как известно, пресловутая «теория влияний» в большинстве случаев в ориенталистских трудах решается в духе влияния индоевропейского, чаще всего иранского, на «малый», обычно неиндоевропейский язык. Но в данном случае речь идёт, в большинстве своём, об общих праформах и архетипах, сближающих и объединяющих древний и общетюркский язык с рядом неиранских и частью даже неностратических языков, что свидетельствует о генетико-контактном ареальном союзе на Ближнем Востоке как маточной, базовой среды, откуда произошли прототюрки.

Вместе с тем нужно отметить, что установление факта заимствования того или иного слова в языке решается посредством выявления его этимологии. Этимология же может быть выявлена только на базе того языка, в котором данное слово возникло. Приведённый нами сравнительный анализ общих слов, встречающихся в ряде языков с родственными корнями, показывает, что их этимология чаще всего раскрывается именно на материале тюркского языка. И в силу того, что, согласно основополагающему выводу ностратических исследований, тюркско-алтайская общность значительно древнее индоевропейской [5 (1), с. 19], заимствующей стороной частенько выступала про-тоевропейская общность.

Из капли образуется море. А огромный корпус слов, родственный по фонемно-морфемной структуре и семантике-значению древней и общетюркской лексики, указывает на то, из каких именно этнических компонентов или племенных групп, благодаря длительным генетикоконтактным связям, образовался прототюркский народ. Они же, на мой взгляд, указывают также на миграционные пути прототюрков с Запада на Восток и на их этнических потомков, которые, хотя и носили различные этнические имена, бытовали на разных территориях Евразии и вкуче составляли огромный тюркский мир.

Историческая преемственность между народами, по большому счёту, бывает трёх видов: 1) языковая, 2) культурная, 3) биологическая. В монографическом исследовании для подтверждения своей концепции, кроме языковых показателей, мы опирались также на веские и в значительной степени не

задействованные до этого реалии и доводы из области религиозноидеологических и мировоззренческих взглядов древних, а также из сферы материальной и нематериальной культуры, выступающих как этнические определители. И, конечно, необходимое внимание было уделено, с выходом на соответствующие исследования, физико-биологической, т. е. антропологической преемственности между предположительно причастным к раннему тюркскому миру древним населением и его наследниками.

В качестве методологической основы этногенетических сопоставительных исследований служил историкосравнительный метод, способствующий биению пульса истории в подвергавшемся системному анализу фактическом и теоретическом материале. Названный метод активно совмещался с ретроспективным и особенно комплексным методами, последний из которых позволяет систематично сосчитать необходимые данные и достижения различных наук. Это хорошо видно из списка процитированной литературы, охватывающего буквально все области многогранной проблемы.

Попутно нужно добавить, что использованные нами по востребованной области глобальной проблемы данные, среди которых достаточно много малоизвестных и уникальных, были изучены и собраны нами по крупинкам, притом неоднократно, в центральных библиотеках Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Алма-аты (Алматы), Ташкента, Фрунзе (Бишкека), Баку, в книгохранилище Матенадарана (Ереван), а также в научной библиотеке родного Казанского университета. В список литературы включены только процитированные источники и труды, общее количество которых достигает 801 наименования.

Мы, конечно, допускаем, что часть предложенных нами параллельных изоглоссов и лексикосемантических схождений может быть оспорена. Возможно, среди них могут быть неудачные сопоставления и неологизмы. Но в целом подавляющая часть проанализированного фактического материала, без сомнения, должна работать в пользу разработанной нами концепции. Более того, мы надеемся, что эта работа позволит в определённой степени снять ряд устаревших или не стыкующихся концы с концами

взглядов (скажем, выведение ранних тюрков только из хунну; ограничивание появления тюрков на исторической арене только нашей эрой; привязывание прародины тюрков к Востоку или Алтаю; приписывание предкам тюрков монголоидности и причисление их к отсталым народам; доминирование в отечественной историографии и культурологии «теории влияний»; нахождение под колпаком ираноцентризма и монопольным верховенством индоевропеизма).

Очень хотелось бы надеяться, что эта работа даст побудительный импульс и станет толчком для дальнейших углублённых исследований по проблемам этногенеза и этнической истории тюркского мира, в том числе по ранней истории языка, по определению *Ф. М. Мюллера*, «выдающегося общества, состоящего из обогащённых опытом мудрости людей».

Прототюрки в составе ареального языкового союза г1ереднеазиатского и Ближнего Востока

Вступление

Свои размышления и суждения о самых ранних истоках зарождения тюркского языка и его носителей хочется начать с проблемной ситуации.

В древнетюркском словаре, а также в монографии «Сравнительная фонетика тюркских языков» А. М. Щербака [1, с. 193] слово «ага» со значением еда, пища названо как древнетюркская лексема. Между тем этот же корень с аналогичной близкой семантикой («нища», «хлеб») мы обнаружили в эламоязычном тексте Вехисту некой надписи древнеперсидского царя Дария I (правил в 522-486 гг. до н. э.), составленной на трёх мёртвых языках [37, с. 279]. Кроме того, эта же праформа, только в другом фонетическом оформлении *-ац-* хлеб, еда ~ - **нища, нитаться** - представлена соответственно в армянском и санскритском языках. Наконец, аналогичная, вернее, тождественная лексическая основа, наращённая аффиксом и сочетавшаяся с самой ранней земледельческой культурой и мифологией, зарегистрирована в аккадском (вавилано-ассирийском) языке: *as-nan* - **зерно, бог зерна** [3, с. 46].

Не вызывает сомнений, что это поразительное сходство между лексемами нескольких языков порождено не простым, случайным совпадением, а является следствием каких-то глубинных межъязыковых и культурных связей. Суть проблемы в том, **какой же характер носили эти связи, были ли они культурноконтактными, либо генетическими, или же в создании и передаче общего лексического корня участвовали оба вида связей.**

Современное языкознание и этнография для изучения и реконструкции этногенеза и общезыкового праязыкового уровня, а также для восстановления истории возникновения, взаимодействия и распада этнических общностей и языковых макросемей используют различные, весьма оригинальные методы и аргументированные гипотетические теории. Таков, например,

лексико-статистический метод **глоттохронологии**, разработанный американским учёным *М.Сводегаем* [3, с. 23-52]. Суть метода сводится к тому, что коэффициент сохраняемости слов базового фонда, не связанного с культурной лексикой и подсчитанного по составленному автором опытному списку, за тысячу лет равняется приблизительно 81-85 процентам. В течение второго тысячелетия из оставшегося унаследованного фонда сохранится столько же процентов слов и т. д. Поскольку, по эмпирическому правилу «глоттохронологии», изменение и сохранение базовой лексики во всех языках происходит более или менее одинаково¹, то, опираясь на этот метод, можно ориентировочно определить давность разделения родственных языков или же приблизительный возраст смежных языковых семей.

Теория «**языкового союза**», разработанная русским лингвистом *Н. С. Трубецким*, интерпретирует фонетические, грамматические и лексические схождения и соответствия между отдельными языками как **результат контактирования, сближения и «смешения» различных по тину и происхождению языков, а не обязательно как продукт распада единого языка-основы**. Соседями древнейших языков индоевропейской макросемьи, по Трубецкому, могли быть только две большие языковые группы: «**урало-алтайская**» и «**средиземноморская**», которые оказывали довольно большое влияние на индоевропейскую общность [4, с. 67-68, 73].

Одним из наиболее крупных, можно сказать, высших достижений современной лингвистики является **теория постратики** (от латинского *noster*- наш), впервые выдвинутая датским учёным *Х. Педерсеном* и научно обоснованная на богатом фактическом материале советским учёным *В. Илlichem-Свитычем* [5, с. 69]. Под этой теорией понимается генетическое родство обширной группы языков Евразии и северных районов Африки, представленной индоевропейской, уральской, дравидийской, картвельской и интересующими нас афразийской и алтайской семьями (последняя из которых включает в себя, как известно, и тюркские языки!).

Проведённые *В. М. Илlichem-Свитычем* подсчёты показывают, что реконструированные им праформы (всего 353 головных

корня) наиболее часто подкреплены индоевропейским, афразийским и алтайским материалами (соответственно 241, 237 и 231 корень-изоглосс). При этом автор подчёркивает, что **«алтайская общность значительно древнее уральской, дравидийской, индоевропейской, картвельской и семито-хамитской (афразийской, вар. афроазийской) группы языков и наиболее близка к общеностратической макросемье»** [5, с. 69].

Современный лингвист *М. Л.*, отстаивающий синкретическую теорию «генетико-контактного родства» между ностратическими языками, да и языками другого типа, **удрев-ляет также и общеафразийскую группу, полагая, что и эта семья языков образовалась гораздо раньше, чем общеиндоевропейская** [6, с. 53]. По мнению отдельных учёных, размежевание или отделение афразийской общности от ностратической общности произошло в XI-X тыс. до н. э. то есть лишь примерно на одно тысячелетие позже, чем распад ностратического единства [7, с. 8-9, 14-15].

Афразийская семья (или по-другому семито-хамитские языки, получившие названия от имён Сим (евр. Sem) и Хам - по библейской «Таблице народов» сыновья Ноя (др.-евр. Ноах)) включает в себя пять самостоятельных ветвей, локализующихся в Передней Азии и Северной, Северо-Восточной Африке: 1) семитскую. 2) древнеегипетскую. 3) берберскую. 4) кушитскую и 5) чадскую. Каждая из этих ветвей, в свою очередь, делится на группы или отдельные языки. *Семитская* ветвь, например, представлена аккадским языком с вавилонским и ассирийским диалектами, а также древнееврейским, арамейским, более поздним по происхождению - арабским и другими языками. *Из хамитских языков берберская* же ветвь включает в себя группы языков, распространённых в Северной Африке и Сахаре, тогда как *кушитская* ветвь объединяет языки народов и племён, проживающих в северо-восточной части Африки [8, с. 9-11, 250-253].

Когда речь идёт о становлении древнейших языковых групп или о генезисе языка вообще, учёные пытливым умом и дерзкими гипотезами стремятся проникнуть в глубь веков и тысячелетий. В настоящее время учёные полагают, что первое разделение общечеловеческого языка эпохи Начала состоялось

40-50 тысяч или, согласно самым новым версиям, 85 тысяч лет назад, когда *Homo sapiens* (**человек разумный**) из первоначальной родины - Африки через Аравийский полуостров вышел на новую промежуточную Родину - Переднюю Азию.

А часть Раннего человечества при этом осталась на континенте, где она появилась, и стала основой для становления различных языковых групп [9 (1), с. 65-66; 9 (2), с. 81-90]. Дальние предки многих современных народов «варились в Переднеазиатском котле» и обогащались непреходящими ценностями благодаря взаимодействию и взаимопроникновению культур и языков **африканских, малоазиатско-анатолийских, месопотамских и кавказо-каспийских** этнических групп.

Афразийцы, являющиеся прапрапотомками Раннего человечества, с древнейших времён занимали часть Африки и Передней Азии и находились в культурно-генетическом родстве с ностратическими языками. Исходя из географического местоположения и смежности территорий приверженцы ностратической теории (*В. М. Иллич-Свитыч, А. Б. Долгопольский* [10, с. 110-113]) афразийскую семью отнесли в состав западно-ностратической группы языков. Однако, судя по общности определённой части культурно-базовой лексики, афразийцы состояли в весьма близких отношениях также и с восточно-ностратической группой, включающей в себя, как это принято в настоящее время, и интересующую нас «алтайскую» семью.

Языковед М. Л. Палмайлис алтайские языки рассматривает, правда, в чисто теоретическом плане, как одно из звеньев, или ветвей, первоначальной афразийско-индоевропейско-урало-древне-алтайской языковой общности, находящейся в состоянии генетико-контактного родства [6, с. 56]. По, на наш взгляд, эта древнейшая ностратическая макрогруппа, или общность, дополнилась и расширилась за счёт симбиоза и длительного сосуществования с носителями шумерского, эламитского, а также **картвельских, хуррито-урартских и загро-каспийских** языков (шумерский язык и языки последних двух групп - неностратические), распространённых на общих и смежных землях Ближнего Востока. Среди этих групп, разумеется, были и генетически родственные языки, происходившие от праязыка той или иной языковой семьи.

Но в данном случае нас интересуют афразийские, загро-каснийские и прототюркские лексикосемантические схождения или общие пракорни, которые, как мы полагаем, составляют наиболее объёмный слой в общетюркском словарном фонде. Определённая часть из них возникла, надо думать, ещё в эпоху первоначального языкового единства, а позже - на базе общения и «смешения» различных языковых групп, а также ареального союза на территории Северной Африки² и Передней Азии. Иначе говоря, мы решили целенаправленно выявить и извлечь из различных исторических и этнолингвистических источников **схожие и тождественные афразийско-загросско-тюркские изоглоссы, архетипы**, большая часть которых, на наш взгляд, восходит к ареальному «праязыку», или, вернее, к языковой общности синкретического характера, основанной на контактогенетическом родстве. Разумеется, для составления историкосравнительного лексико-семантического словаря мы вовлекали изрядное количество параллельных и схожих лексем также из других мёртвых или древних языков Ближнего Востока, которые либо входили как этнические составляющие в ареальный языковой союз, либо как территориально смежные этносы примыкали к нему. А некоторые из них, вымершие, представляли собой субстратные языки, наложившие самый архаический отпечаток на интересующий нас общий словарный корпус.

При стадийном распаде этой общности интегрировавшиеся на базе более близких, родственных между собой языков дальние предки тюрков многообразную лексику, созданную ими самостоятельно и во взаимодействии с соареальными языками, включая и заимствованную у отдалённых групп, унесли отсюда **как собственное, а часть - как общее достояние и донесли её до наших дней.** Определённой частью своих лексем они, безусловно, обменивались позднее с другими ностратическими и неностратическими соседями, пополняя и обогащая тем самым свой словарный фонд.

А если учесть тот загадочный феномен, что некоторые извлечённые нами лексические корни и изоглоссы получили распространение ещё и в древнейших культурах, весьма отдалённых друг от друга по времени и пространству, **то как нельзя кстати здесь задействовать теорию языкового моногенеза.** Эта

гипотетическая теория, созданная А *Тромбетти* и М. *Сводешем*, предполагает, что **все древние языки человечества вышли из диалектов единого языка, т. е. генетически родственны между собой** [11, с. 304-309]. Гипотетически можно предположить, что некоторые афразийско-загросско- прототюркские прапраформы, особенно звукоподражательные и агглютинативного строя, действительно могут сохранить первозданные корни и исходные значения отдельных слов, восходящих к речи Раннего человечества, которое берет начало, как установлено современной наукой, из Африки и Передней Азии, Афразийско-прототюркские изоглоссы подвергались нами системному описанию и анализу, многие лексикосемантические праформы сопровождаются новым толкованием и своим видением проблемы в целом.

Разбитые нами на тематические группы лексикосемантические схождения излагаются по следующей схеме: сначала даётся слово либо лексический корень, реконструированный этимологами либо выявленный нами в различных словарях и исторических источниках по той или иной афразийской (семито-хамитской) или иной языковой группе. Вслед за ним перечисляются параллельные лексемы из группы загро-каспийских (кутио-кассито-субаро-дравидийских) языков. Далее, разделённые вторым или третьим знаком II, добавляются созвучные корни из европейских и других языковых семей, находящихся в общем языковом союзе или отдалённом контактогенетическом родстве. По мере возможности даются также внеареальные, но культурно-контактные лексические параллели. После всего этого, отделённые знаком приводятся лексикосемантические схождения или соответствия в древнетюркском языке, а также межтюркские и алтайские параллели.

При записи некоторых корней в египетском или афразийских языках указываются лишь согласные без неустановленных гласных, если же гласные неизвестного качества - в корне обозначаются знаком V. Под звездочкой (*) приводятся реконструированные архаические корни или праформы.

Часть первая. Лексико-семантический сравнительный словарь

(ареальные генетико-контактные изоглоссы)

1. Культовая и сакральная лексика

1. *Tingir* (сем.: акк., неинд.-евр.: урарт.) - идеограмма бога > *dingir* неинд.-евр.: шум.) - **бог, небо** ⇔ *teṅri, tengri*/(др.-тюрк.) - **бог, небо** ~тенгире, дэнгир, тенир, (*межтюрк.*) - **небесный бог** || *тэнгер, тенгри, тэнгэрэ, тангара, танара* (тунг,- маньч.) - небо, бог || *тангароа* (палонез.) || *тоара, тоора* ~ (фин.) *торэ / турэ* (чув.) - небесный бог || *тоннере* (франц.), *тонар* (др.-герм.), *тонар, донар* (гот.) - бог грома.

На наш взгляд, корень перечисленных теонимов с различными огласовками *тин / тен тэн тан / дон* представляет собой не что иное, как архидревние **звукоподражательные слова**, имитирующие раскаты грома, который, по представлению древних, считался атрибутом небесного бога (retr. / < гро-мовик). В различных языках планеты этот однотипный корень с сонорным согласным «н» в конце (* t / d - п) обозначал **звук, грохот**. Например, в афразийских языках *тун* (куш.: сомали) - **грохотание, гул, тунту** - барабан / *тан / тар* (др.-тюрк.) - греметь, грохотать, *дан* - звукоподражание грохоту с раскатами (МК - *Махмуд Кашигари, III, 384*), *тан / тянь* (кит.) - звук, грохот (отсюда *тянь / I 'ien* - небо, в японском *тир* - небо), *тайгу / тяньгу* - барабан, *тонар* (скандинавск.) - звучание, грохот, *доннар* (нем.) - грохот грома, *донгыр* (удм.) - грохот, *тунту* (самод.) - барабан, *тангур / дунгур* (алт.) и *тэнгер* (бур.) - шаманский бубен и др.

Всё это вкуче свидетельствует о том, что общетюркское *teṅri / tengri* и иноэтнические схожие теонимы образовались по единой модели, первоначальные образцы которой восходят к афразийской и шумерской культуре.

Что же касается второй половины двучастного теонима *тенг+ри / тэц+ре*, то она > по нашему убеждению, также генетически взаимосвязана с афразийской палеосредой. У древних египтян, представлявших в Африке одну из ветвей афразийской семьи

языков, бог солнца засвидетельствован в формате *pa/pe* [21 (2), с. 358]. Этот же корень в значении «солнце», «рассвет» функционировал и в борейском праязыке [19, с. 293], а также у полинезийцев. И не от этого ли сакрального названия получили дальнейшее развитие *Mit-ra* (др.-иран.) - бог солнца, *Инд-ра* (инд.) - бог грома и молнии, *Авро-ра* (др.-греч.) - богиня утренней зари, *ра-вы* (санскр.) - солище, *ра-биус* (лат.) - луч, *ра-оуга* и *за-ря* (рус.), *ре-ша* (северокавказ.: цез.) - луч и *рэ-шэ* / (тат.) - солнечное марево?!

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что древнетюркский теоним *teijri / tengri* произошёл в результате слияния двух палеолексем: звукоподражательного слова, приобретавшего сакральное, номинативное значение, плюс названия солнца и ассоциирующегося с ним бога, которые вкуче стали названиями **неба** и **небесного бога**.

Можно было бы предложить и другую версию об этимологии *тац+ре/ри*. В древнетюркском - утро, восход солнца, заря (остальные параллели смотрите ниже). Отсюда можно допустить, что теоним *тац-ре/ри* означал утреннее солнце, отождествляемое с культом восходящего светила у тюрков, которое по сути приравнивалось богу (< плазу всевидящего бога). Но такая этимология, хотя и отражает религиозно-мифологические верования древних, нам кажется, менее правдоподобна, поскольку она имя бога связывает только с утренним состоянием солнца.

2. *Tan / tat*(ностр.) - **солнце, день, рассвет, утренняя заря**
~ *Es-tan* (хатт. - неностр. язык) / *Is-tanu* (хетт.) - бог солнца ~ *tan-ap* (хатт.) - ясный день [110, с. 3] || *ten* (ностр. / картвель.: груз.) - светать ~ *tan* (мегр.) - светать ~ **тен-еб-а** (груз.) / **тан-ан-а** (чан.) рассвет [160, с. 63] *tap* (др.-тюрк.) *рассвет, заря* ~ *tatj* (др.-уйг.) - утро ~ *tarj* (крх.-уйг., МК, 251) - *рассвет, утренняя заря* ~ *tap* (алт., узб., тат., башк.) - «то же» [30, с. 80] || *don / dong* (кит.) - восход солнца, восток || *tan / don* (кор.) - восход [17, с. 253] || *tat* (америнд.: сиу) - заря [162, с. 19].

Тюркские производные от праформы : *тац ату* - рассветать, *тац калу* - поразиться, обомлеть.

Предки тюрков - хунны обожествляли и почитали Восток и утреннюю пору. Утром шаньюй (верховный правитель) выходил из своей ставки, совершал поклонение восходящему солнцу. Титулатура

или должность в хуннском государстве дробилась пополам, причём титулы *левого или восточного крыла* (т. е. стороны восходящего солнца) по степени знатности считались выше правого (западного) крыла [161, с. 144-145].

В свете анализируемой праформы *tan / lay* обращает на себя внимание очень любопытная и весьма значимая параллель с ней из языка североамериканских индейцев сиу (другое название племени - дакота). Американский ориенталист и полиглот *Отто Периг*, проживая среди них и специально изучив их язык, установил в нём поразительные сходства на уровнях лексики, морфологии и грамматики с алтайскими, особенно с тюркскими языками. Одно из лексических сходств - это как раз лексема *tar*, означающая именно зарю, которая, как видим, полностью совпадает и по основе, и по смыслу с общетюркским словом *tarj* [162, с. 19]. Более того, производное от этой основы *tani* в значении «сделаться / ясным», «узнавать» соответствует идентичному тюркскому изоглоссу «тану» (с таким же значением), и всё это в свою очередь указывает на единый и архидревний источник всех этих лексем.

3. *Nar (ностр.) - **солнце, день** ~ ***nhr** (сем.-хам.) - **день, дневной свет** [5 (2), с. 339] ~ (*a // u*) - *tut* (акк.) - **свет, день** [2, с. 133] ~ *niç* (скр.) - **огонь** [51, с. 617] ~ *niça* (арам.) - **огонь** ~ *naç / naç-ın* (араб.) - **огонь, пламя, niç / niç-ın** (араб.) - **свет, сияние** [15, с. 150] || *naça* (неинд.-евр.: драв.) - **свет, огонь** [242, с. 13] *шга (алт.) - *naç-an* (монг.) - **солнце** ~ *naç* (халх.) ~ *naça / n/* (бур.) - **день, солнце** || *naç* (дагур.) - **солнце** [189, с. 334] *naç* (тюрк.-тат. диал.) - **огонь** [189, с. 313] ~ (*п // j*) - *jar-ıq* (др.-тюрк.) - **свет, сияние, луч, уап / светиться, сиять, - заря, jar-nn** - **утром** [36, с. 243-244].

Как и в семито-хамитских языках, в пратюркском языке ан-лаут (начальный) н- (п-1 также существовал. «Но он был замещён на й в процессе исторического развития тюркской фонетики (н- > й). Есть определённые основания полагать, что процесс утраты анлаута н- начался в тюркских языках в периоде их столкновения с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками где-то в ареале Центральной Азии во II тыс. до н. э. (подчёркнуто нами. -М. Б.), т. е. в период зарождения и распространения карасукской культуры» [242, с. 12-13].

Производное сложное слово, образованное при помощи корня *nar*. *nardugan* (нар+д^т/уган - доел, «солнце родилось») - святки, календарный праздник зимнего солнцеворота, с наступлением которого (21-23 декабря) светлое время суток начинает постепенно удлиняться.

4. *An* (неинд.-евр.: шум.) - **небо, бог неба** ~ / *ану* (сем.: акк., неинд.-евр.: хурр.) - **бог неба** [21 (1), с. 75; 21 (2), с. 608] ~ *ана* (халд. - вавилонско-арамейский диалект) - невидимое небо ~ *ани* (халд.) - бог, бог неба и земли [40, с. 9; 81, с. 44, 49] ~ *ан-нам* (драв.: тамиль.) - небо [121, с. 82] || *Анахит* (арм.) - богиня плодородия и любви ~ *Анахита* богиня воды и плодородия у туранцев. Этот же сакральный корень имел и другую огласовку: у урартов это *ин / ину* - **бог**, у хуррито-субарейцев - *ене / ину* «то же» [82, с. 15].

В языках уральской группы угро-финнов переднеазиатская праформа сохранилась в неразрушенном формате: *эн / ен* (коми) - **небо, бог**, в удмуртском *ин* небо, *шмар* - бог [80, с. 15] ^ А в древнетюркском сохранились общекорневые слова: *уг-ан* - **бог, всемогущий** (МК, I, 77], производные от того же корня-архетипа *кок-ан* - радуга, *ипане / инану* - вера, доверие ~ *ан-ган* (тув.) - высота, верх, *ац=кау* (тат.) - небо. В приведённых словах интересующая нас праформа в значении «**небо**», «**высота**», «**бог**», «**вера**» участвует и как корневой компонент, и как аффикс.

Этот же перечень можно дополнить параллелями из пантеона палеоазиатов чукотско-камчатской группы: христианскую икону они называют *эн-эн*, а у коряков общее название бога - *ан-ан* [83, с. 89], что лишний раз свидетельствует о том, насколько разветвлёнными и долговечными оказались традиции, идущие из древнего Ближнего Востока.

Древние тюрки также донесли до нас разработанную их предками удивительную зоологическую классификацию, соотнесённую с небом и небесным богом. Как и древние семиты-хамиты, названия диких животных они маркировали специальным, но сугубо своим, кодовым окончанием, означающим «*зверь*» (retr. // *ан* - «небесный»), они, в отличие от домашних животных, считались небесными животными, или божьими

тварями. Приведём их названия: *тарпан* - дикая лошадь, *кулан* - дикий осёл, *кабан* - дикая свинья, *арслан* - лев, *болан* - олень, лось, *елан* - змея, *куян* - заяц, *каплан* - леопард, *абшан* - медведь, *келэн* - единорог. А у слов, обозначающих домашних животных, такого кодового определителя нет: *ат* - лошадь, *i'tgez* - бык, *сыгыр* - корова, *бузра* - верблюд, *куй* - овца, *са-рык* - «то же», *кечи* - коза.

5. *СэИп /cin/sin* (др.-сем., акк.) - **лунное божество** ~ *cVhVn* (хамит., куш.: чад.) - луна [104, с. 86] || *can-* — *су* (кит.) - **богиня луны** [51, с. 624] || *sap* (кит.) - **верх, высь** > *sapdy /sangdy* - бог (букв, «высший», «верхний») ~ * *sandy sanctus* (лат.) - **высший, высокий, святой, творец** [17, с. 432, 463] *chien / thjen* (кит.) - вершина [106, с. 76] *cenly* (хунн.) - **небо** ~ / (япон. диал.) - небо [105, с. 373] ~ *gin / §in* (тюрк., монг.) - **вершина** [106, с. 176], отсюда, как принято считать, и собственное имя - *gyngyzhan / cinysqan* (*Чингиз хан*). И не от этой ли сакральной праформы произошло китайско-тюркское *sun / сун* (чын) - истина, правда?

Как видим, интересующий нас пракорень, представленный с мягкими и твёрдыми огласовками - *сэИп / cin cēn cin can san*, - нашёл отражение и в архаической лексике и мифологии и древних китайцев. Этому не нужно удивляться. Историкосопоставительными исследованиями было установлено (С А. Старостин и др.) отдалённое родство сино-тибетских и енисейских языков с северокавказскими языками, обусловленное их ранними культурно-генетическими контактами [107 (2), с. 197-199].

Титулы из того же модифицированного пракорня: а) переднеазиатские: *cunki* (элам.) - царь ~ *sangi / sungi* (мидий.) - «то же» [37, с. 96]; б) хуннские и юечжийские: *чэнли гуту* - небесный сын ~ *шаньюй* - небесный посланник, верховный правитель.

6. **K—n/*kVh—* солнце: древнетюркский *kirn.* - солнце. Согласно концепции Олжаса Сулейменова, это архаическое название солнца берёт начало из региона Средиземноморья и Передней Азии [17, с. 5, 131]. Автор даже допускает, что эта праформа некогда стала исходной основой для появления других названий солярного светила в среде различных языковых семей: *к-п* > *г-п* > **s-n* > **s-l* > **s-r*. В частности, германские праформы

солнца - *suun, soon, saan*, романские - балтийские - *sanl*;
индоиранские - *sour, hoar, hoor*; тюркские - *kun, kon, gun, as, gun-es*;
китайское - *гянь*.

Титульное имя аккадского царя Саргона (XXIV в. до н. э.), завоевавшего Шумер, звучало как В Древнем Вавилоне главу государства называли *sar* - царь (<солнце>), а компонент *kin* в данном случае означает истинный, справедливый (по-семитски *кэни* - верный, по-шумерски *кина* - правильный [116, с. 107], что, безусловно, объясняется связью с обожествляемым солнцем, так как данное слово фактически является его альтернативным именем-эпитетом. Если в последующие века слово *sar* получило своеобразное продолжение в древнеиранском и славянском языках (*sar* - глава, царь, государь), то *кин / кэну* в другой, мягкой оплосовке, но в том же значении сохранилось в древнетюркском языке: *кот* - верный, правдивый, истинный [36, с. 315]. Эти параллели можно наиболее удачно объяснить тем, что вавилонский титульный термин *sarkin (sar-kin)*, по прозорливой догадке О. Сулейменова, некогда имел значение *Съш Солнца, Луч Солнца (но дословный перевод его - Царь-Солнце, подчёркивающий уподобление царя именно дневному светилу). Вспомним титул царя Тукульти-Нинурти I: «царь Вселенной, царь Ассирии, царь четырёх частей света, *солнце* всех народов, царь Шумера и Аккада» [115, с. 267].

Поразительно то, что протоафразийское название солнца палеоазиаты в формате *kin / kirj* (диалекты майя) и / (диалекты инков) преодолев тысячи километров и пересекая разделяющий два континента Берингов пролив, донесли до берегов Тихого океана, вплоть до самой Америки. Согласно научно-хронологическим подсчётам, заселение Северной Америки происходило 15-9 тысяч лет тому назад, в котором, судя по языковым данным, участвовали и выходцы из палеоафра-зийской среды. Американские майя бога солнца называли тем же корнем: *Ах кин (чил)*, а цари их носили титул *k'inich*, жрецы - титул *ax kin* («тот, что принадлежит солнцу») [20, с. 104; 205].

7. *Yarih /Йарих* (сем.: акк.) - **луна**; *ierah, iareah* (иврит, др.-евр.) - **месяц, луна**; *йарих* (финик.) - бог луны ~ (/ *i*): *terig* (хамит. / куш.: беджа) - луна [108, с. 6] ~ (*g*) (куш.)-

луна *jaruq* (др.-тюрк.) - **свет, сияние, блеск, луч**; ~ /
жарук - луч [36, с. 244, 641] ~ *jaruq* (др.-уйг.) - светлый, лучезарный;
jarut - освещать < **jar* - луна [199, с. 15, 18] ~ *jar* (алт., тел.) - сеять,
излучать свет. Эти примеры - суть архаической полисемии, вернее,
субституционного параллелизма. **Древние тюрки название
лучезарного светила заменили его основным свойством -
освещать, сеять свет, т. е. сохранили его сакрализованный
атрибут с тем же омонимическим корнем.**

А луну наши пращуры предпочли назвать другим словом, но тоже
созданным в среде межъязыковой союзной общности, одним из
этнических компонентов или диалектов которой были они сами. Мы
имеем в виду имя жены аккадского бога солнца Шамаши (позже она
же жена хурритского бога солнца Шими-*ge*) - *Айа*, в стяжённом
звучании - *Ай* [21, с. 608]. Однако, согласно исследованиям отдельных
востоковедов, божество Ай / Айа существовало в Месопотамии ещё до
освоения этой территории шумерами и аккадцами и оно досталось им
как субстрат от более ранних жителей этого региона [67, с. 28]. После
распада синкретической этнической общности или языкового союза
пратюрки это сакральное название ночной светилы унесли на Восток.
Кроме того, этот же древний корень вошёл в словарный состав
отдельных индоевропейских языков: *ай* (др.-англ.) ~ *Ei* (нем.) ~ *aje*
(праслав.) - **луна** [94, с. 587].

8. *Кйага* (хамит. / куш.: агава) - **солнце** [108, с. 10] || *куера/ kuir*
(неностр., урарт.) - один из богов, олицетворявший идею
плодородия [95, с. 371-372] ~ *kiu* (луллуб.) - бог ~ *kuri / kiri*
(неинд.-евр.: элам., кассит.) - **божество, владыка** [37, с. 81-83;
24, с. 32-35; 97, с. 135] ~ *квир-иа* (груз.) - божество плодородия
[96, с. 233-234] *куар / гуар* (сувар. *савир*. гунн.) - **бог молнии и
грома**, связанный с погодой и плодородием [96, с. 233] -(р // з) -
куазь < *куар* (удм.) - бог неба [82, с. 16]. Одно из разветвлений
этого этимологического гнезда образует лексические параллели:
квара (груз.) - **огонь** ~ *кавар* (чув.) - «то же» ~ *qovur* (др.-тюрк.) -
жарить, калить [63, с. 462].

Анатолийская корневая основа *kirir / kin* имеет также
самостоятельную или же модификационную форму , нара

щённую присоединением специфического аккадского окончания - *ит*. К ней, по всей вероятности, примыкают этрусское *каерит* - священный, латинское *саеритониа* - почитание, благоговение [97, с. 133], а также, как мы полагаем, угро-финское и чувашское *керемет* - кереметь (вар.) - место поклонения и жертвоприношения языческому духу. Как установил исследователь древних языков Ближнего Востока Н. Я. Марр, за архаическим корнем керм / керум скрывается одно из древних названий змеи и дракона. Такое значение, связанное с культом змеи, сохранилось в древнеиндийском языке в форме *крими* и в персидском (напр., в «Шах-наме») - в форме *керм* [98, с. 287; 82, с. 16].

Представляют интерес также близкие по морфологической структуре и по семантике сакральные термины: (сем.: сир.) - жрец ~ *kumartaa* (фин.) - поклоняться [9, с. 220] ~ *ком* (хунн., др.-тюрк.) - шаман ~ *коми* (япон.) - бог.

9. *Kik* (неинд.-евр.: элам.) - **небо** ~ (кассит.) - «то же» [37, с. 80] ~ (k//m//t): *kirn / tim* (груз.) - **небо** ~ *qim-k* (хайск.) - **небо** [40, с. 89] || *kok* (америнд.: кечуа) - **небо, небосвод, небесный цвет** [162, с. 44] *kok* (др.-тюрк.) - **небо**, вторичные значения - **цвет неба: голубой, снний, снзый** [36, с. 312] ~ *kok* (др.-уйг., чаг.) - **небо, gdk** (тур., туркм., кум.) - «то же», *kok* (алт., каз., кирг.) - **небо**, *kiik* (тат., башк.) - «то же» || *коке* (монг.) - голубой [30, с. 60].

Орхонские тюрки, подчёркивая свою приверженность к обожествлённому небу, называли себя « - «небесные тюрки».

10. *Qut / qud* (неностр.: хатт.) - **душа, дух** ~ *kudu-ili* (хатт.) - **божество, охраняющее душу** [143, с. 59] || *кут / куот* (хамит. / куш.: Судан) - дух, эпитет великого духа Джуока [144, с. 311] || *Код-еш* - бог (имя еврейского бога у масонов) [81, с. 543] *qut* (др.-тюрк.)-**душа, жизненная сила, дух** [144, с. 311] (*др.-уйг.*) *ку* (майя) - дух [162, с. 34] - почитание, освящение, счастье ~ *ку-д-ан* (горноалт.) - дух или божество охотников, *хат* (чув.) - божество скота [97, с. 144] || *ку, кётэй* (япон.) - **дух, душа, сердце** [103, с. 172] || *сид* (индоарии - «Ригведа») -

оживлять [64, с. 516] || *кудэ / кутхэ* (кор.) - бог, божественная личность, основатель древнего Корейского государства || *кутх*

(палеоазиат.: ительмен.) - бог-творец, создатель мира ~ *куту* (эвен.) - душа, счастье [126, с. 139] || *ud* (осет.) - дух, душа [120, с. 82].

Похоже на то, что переднеазиатско-афразийский пракорень получил эволюционное продолжение и в нарицательных именах индоевропейских богов, основанных на традиционном чередовании отдельных звуков: *гуд* (швед.) *год* (англ.) готт (нем.) ~ *худ-а* (перс.) - бог. К праформе *gut* (душа), вероятно, возводится и название мухи «*кот*» на мордовском языке, которая, по мифологическим воззрениям древних, отождествлялась с душой усопшего.

В тюркских языках сохранились выражения, в которых запечатлены древние значения слова *кут / куд*: «**КОТ ЧЫГУ**», «**КОТ АЛЫНУ**», «**КОТ ОЧТЫ**» (тат.) - сильно испугаться, доел, «душа вышла», «душа улетела», «**КОТ БОТКА ЖИТТЕ**» (тат.) ~ «**КОТ БОТ БУЙЫНА КИТТЕ**» (башк.) - «душа в пятки (вар. в ножку) ушла».

В общетюркском языкознании принято считать *gut* исконно тюркским словом, не замечая при этом его древнейшие афразийские и иные параллели [142, с. 593-594].

11. *Nagw-agwad* (сем.: гэ'эз) - **гром, молния** (хамит.: куш.) ~ *nig(U)d* (куш.: хамир) - «то же» [14, с. 176] ~ *ngo* (Зап. Афр.) - **змея** ~ *махам* (ностр. драв.: тамиль.) - змея [139, с. 81] **ng''hi* (и.-е.) - змей [21 (1), с. 470, 530] || ~ (др.-инд.)- **змей, змееподобные нолубожества** [34, с. 240] ~ *Нага-радже* (в буддизме) - царь змей в мировом океане [236, с. 395] || *нак* (тох.) - змея как циклический знак, *nage* - дракон (как дух воды) ~ *naga* (санскр.) - большая змея ~ *nag/k* (согд.) - дракон [142, с. 809] || *o:naga* (япон. диал.) - змея, *nogi /mogi* (диал.) - радуга ~ *niji < nizi* (япон.) - радуга [105, с. 375] *нек* (др.-тюрк.)- **крокоднл, циклический знак** (retr. дракон; ср. *нек* (пер.) - **крокодил, большая змея** [36, с. 357]) ~ *najzaraj* (каз., кирг.) - **молния, зарница** ~ *naja* (тат.) ~ / *najzayaj* (башк. диал.) - зарница [30, с. 23; 237, с. 14].

Некоторые слова из этого пучка, или гнезда, носят контакминационный характер, объединяясь с иранским *ажу* (Ажи-дабака) - **дракон, громадная змея**: *ajayap* (тат. диал.) ~ *azagaj* (башк. диал.) - **зарница** ~ *az'daya* (тат. диал.) - «то же» [30, с. 23] ~ *аждака* (тат. < иран. < сак.) - дракон [257 (1), с. 53].

Как пишет Т. А. Колычева, изучавшая мифологическое драконоведение: «Слово «*нага*», «мудрый змий», стало всеобщим, ибо это одно из тех немногих слов, которые пережили крушение первого всеобщего языка. Это слово употребляют туземцы как Южной, так и Центральной и Северной Америки, от Берингова пролива до Уругвая, где оно означает «глава», «учитель» и «змий» [236, с. 402].

Кроме всего прочего, **архаические лексемы, отпочковавшиеся от пракорня *n/ig-, донесли до нас отголоски раинего этапа культа змей**, которые связывают этот мифический образ с плодородием, небесными водами и небесным огнём. Так, в мифах монгольских народов дракон - владыка водной стихии и громовержец. Или вспомним общетюркские приметы: «Год дракона будет дождливым, уродится обильный урожай». «Зарница - к урожаю».

12. *S-l- (ностр.) - **змея, болото, ползать по болоту** ~ *eios* / из *se/ - (и.-е.: греч.) - болотный ~ *sol-im* (арм.) - **ползущая по болоту, змея** ~ *sl-ango* (др.-нем.) - змея ~ *sal-ama* (эвен.) - змея [113, с. 8] ~ **sulama* (монг.) - змея [30, с. 180]

(I //z //z): **sar* (тюрк.) - **болото** ~ *saz* (тат.) - «то же» ~ *sazayan* (общекрыпч.) - **дракон, обитавший в облаках** ~ *сазаган* (каз.) - **молния, казаган / казагай** (башк.) - **молния, зарница** [237, с. 15, 60; 189, с. 335-336] ~ *сазаган* (пратюрк.) - **дракон** [97, с. 146].

Приведённый малоизвестный материал указывает на существование семантической и мифологической связи «змея» - 'болото' и на причастность этой этимологии также к ареалу Закавказья и Средиземноморья.

К вышеперечисленным лексико-семантическим параллелям необходимо добавить ещё пару интересных соответствий, засвидетельствованных в памятниках хотано-сакской письменности на шрифте брахми. В этом языке, считавшемся родственным языку саков, правивших Индией в I в. до н. э., сохранились следующие диалектные, но родственные лексемы: *sazda* ~ *ssaysda* - **змея** [307, с. 76]. Как видим, корень этих лексем *saz* полностью сходится с корнем пратюркского слова *саз(а)-ган*, означающего «дракон».

13. Третий диалектный вариант, объединяющий молнию и змею-дракона в лексико-семантическом и мифологическом плане,

также восходит к Переднеазиатскому Востоку.
(сем.-хам.): *berg* (акк.) - молния ~ *baraqu* (акк.) - **сверкать молнией, извергать молнию** [2, с. 57] ~ (евр.) - молния ~ *barq* (арам., мехри) - «то же» ~ *brq* (аравийск. диал.) - осенневесенняя гроза [18 (1), с. 89-90] ~ *baraq* (иврит) - молния [15, с. 98] || (г—>1): **bal* (g) - **blg* (сем.) - блестять [5 (2), с. 331] ~ **bhq* (сем.) - сверкать, сиять [226, с. 165] ~ *bakqa* (арам.) - молния [15, с. 24] || **balg* (хамит.: куш.) - «то же» ~ *balag-* /*balagi* (куш.: огомо) - **сверкать, блестять** ~ **m-bala* (чад.) - светить, светлый [14, с. 254] *balq* / *balqi* (крат., кар., кум., каз., ккал., тат., башк.) - **свет, сияние, сверкать, блистать** ~ *balq-* (тур. диал.) - **молния, вслохи на горизонте ночью в ясную погоду** [41 (2), с. 56].

Исходя из традиции отождествления в древних культурах молнии со змеей-драконом. мы вправе объединить схожие корневые основы, обозначающие эти объекты, в одну группу. В языках Восточного Кавказа, издревле близко контактировавших с семито-хамитами, змея обозначалась соответственно общекорневыми лексемами, подвергавшимися фонетической модификации: *Бегка* (ахв.) ~ *Бека* (тинд.) ~ *bekala* (бежт.) ~ *Ббха* (чеч.) ~ *b'exal* (инг.) - змея [163, с. 63]. К этому ряду примыкают: *Бика* / *Бйкй* (др.-тюрк.) - **большая змея** [МК, I, с. 227; 36, с. 132] || **тики* (монг.) - змея [30, с. 180], которые, вкуче с вышеназванными параллелями, **позволяют нащупать былую и забытую культурно-контактную ареальную общность переднеазиатских, кавказских и тюркских народов в сфере языка и мифологии.**

14. *Jadu* / *джаду* (ностр./драв.: канн.) - **колдовство, волшебство** [101, с. 312] *yaiu* («Авеста») - **колдовство** ~ *jadu* (перс.) - **чары** *jat* (др.-тюрк.) - **колдовство, волшебство, связанное с вызыванием дождя и ветра** [МК, III, 159] ~ *jada tas* (др.-тюрк.) - **волшебный камень.**

Производные: *jatci* / *jadci* (др.-тюрк.) - **заклинатель, волшебник** [36, с. 222, 247].

2. Объекты ландшафта и стихийные силы природы

15. **АП-* / *al-* (хамит.: куш.) - **высота, вершина, гора**, название горного района на юге Сомали [23, с. 140] || (не-

ностр.: урарт.) - **гора, горная страна** || *Aratta /Araty*
(шумероаккадские силлабарии) - **гора, вариативное название горной страны в Месопотамии**, основанное на чередовании р//л [24, с. 21]. Отсюда же дошедшие до нас наименования известных оронимов: *Алтай, Арарат, Альпы*.

В тюркских языках архаический корень *ала* в значении «гора, высота» получил довольно широкое распространение. Так, горный район в северном Китае, откуда вышел хуннско-тюркский род Ашина, назывался Аяшднь. Как первая часть этого слова «*ала*» на тюркском языке, так и переданная по-китайски вторая часть «*гиань*» - обе имели значение «**гора**». А китайский ороним *ТяньШань* у тюрков издревле назывался *Алатоа* или *Алатау*, т. е. разновременные и разновариантные обозначения одного и того же объекта слились как бы в одно слово. Так называемый хребет *Араган*, расположенный на территории Армении, у турков именуется *Алагеоз*. Безусловно, к тюркскому же корню *ала* примыкают лексикосемантические параллели у монголов *ола* и тунгу со-маньчжуров и мансиев *ала* со значениями «**высота**», «**возвышенность**».

16. *Kir-* (неинд.-евр.: шум.) ~ *qiura* (неинд.-евр.: урарт.) - **земля** [54, с. 182] ~ (*к // 1 // d // j*): *zil* (неинд.-евр.: хатт.) - **земля** [84, с. 53] ~ *er /ir -esu* (сем.: акк.) ~ **возделанная земля** / *erresu* - земледelec / *erresutu* - земледелие [2, с. 44] (*brr* (сем.) - невозделанная земля (ср. *bhr-* почва [85, с. 165]) || *terra* (и.-е.: лат.) ~ *Иэгга* (исн.) - земля [86, с. 119] ~ *dier* (тадж.), *erd* (герм.) ~ *erd* (курд.) ~ *ep* (арм.) - земля [21, с. 519] *jer* (др.-тюрк., ср.-тюрк.) - **земля** [18, с. 88] ~ *йир* (др.-уйг.) - *otqur* (тат.) ~ *зep* (балк.) ~ *чир* (хак.) ~ *сир* (як.) ~ *сёр* (чув.) - **земля** [30, с. 192]. Примечательно, что чувашское *сёршыв* - **страна, местность** (букв, «земля - вода») совпадает с древнетюркским *jersub*, означающим **родную страну, родину** (симв. - метафора).

Несмотря на различного рода модификации, вариативные изменения, обусловленные громадным интервалом во времени и расстоянии, а также диалектно-языковыми особенностями, всех этих слов-корней с адекватной или схожей семантикой объединяет исконная культурно-генетическая общность.

17. *Kir/ Imp* (неи.-е.: шум.) - земля [109, с. 239] || (неи.-е.: урарт.) - земля ~ *xur/quri* (вост.-кавказ.: ав., ахв.) - поле ~ *qur* (вост.-кавказ.: лак.) - пахотное поле [88, с. 191] *qira* (др.-тюрк.) - поле, пашня [36, с. 445] ~ *кыр* (тюрк.: тат.) - поле [223 (1), с. 700].

18. *Kuz* (неинд.-евр.: шум.) - гора, гористая местность [104, с. 86] || *qr* (сем.-хам.) - скала, гора, холм [5 (1), с. 340] ~ *kwr* (сем.: саб.) - холм ~ *kar* (куш.: беджа) - холм ~ *киг* (куш.: сомали) - гора, холм ~ *киг* (ренд.) - гора ~ *kir* (чад.: гер-ка) - холм ~ *кигг / киг* (чад.: лог, кус.) - гора [31, с. 133] *kir / кыр* (др.-тюрк., МК, I, 334) - плоскогорье [36, с. 445] ~ *кур* (др.-уйг.) - гора [5 (1), с. 341] ~ *qir* (чат., узб.) - горный хребет ~ *хгг* (хак.) - гора, горный хребет, возвышенность, холм || * *киг / кыр* (коми-зыр.) - гора, высокий берег [30, с. 95-96].

19. *Dag, daga* (хамит.: куш.: билин, дембиа, каффа) - возвышенность, горная страна, верх ~ *ta, tag, tagig, tagega* (куш.: агава: дамот) - верх, высокий, возвышенность, горная местность || *dogo* (чад.) - высокий, верхний [25, с. 75-76] || *dw* (аф-раз.: егип.) - гора [26, с. 73] || *tawr* - название горной цепи, протянувшейся по северному побережью Средиземноморья (Малая Азия) *Tau-yetov* - доел, гора-могучий царь (догреческое название самой высокой горы в Греции [801, с. 128] *day* (др.-тюрк.) - гора [36, с. 526] ~ *таг* (др.-уйг.) - гора ~ *ту / тав* (чув., алт.) - гора ~ *тау* (тат., башк.) - «то же».

Антропонимы: *Дагару* - горная страна в древней Месопотамии, *Дагестан* - горная страна на Кавказе, современный город на юге России - *Биштау* - Пятигорск.

20. *Deba, dibo, debba* (хамит. / куш.: квара, дембра) - гора, *dubo* (сом.) - холм, невысокая гора, *daba / dava* - холм [25, с. 9] || *teba/tebu* (сем.: акк.) - подниматься, вставать, *teba* (сем.: сабин.) - возвышенность [18 (вып. 2), с. 5] || *tepe* (америнд.: науа) - гора [275, с. 143] *tobii / topii* (др.-тюрк.) [36, с. 58 а] - вершина, макушка; *tobii* (МК) - вершина горы ~ *таба* (як.) ~ *tuba* (тат.) - пик, вершина горы [223, с. 444].

Географические антропонимы: *Коктюбэ / Коктебель* - голубая горка ~ *Toqiztape* (на территории средневековой Армении) - девять

ХОЛМОВ.

21. *Kal/xal* (ностр. / драв.: мал.) - **камень** ~ *кал* (там.) - «то же» [102, с. 87, 94; 139, с. 71] ~ *khal* (драв.: браг.) - **камень** [136, с. 52] || *kar* (индоар.) - камень ~ *karkara* (др.-инд.) - «то же» [154, с. 20] || *Blz/khar* (арм.) - камень [40, с. 84; 155, с. 129] ~ **karr-i* — **karri* (баск.) - камень ~ *kuj* (груз.) - кремень ~ *kod* (сван.) [57, с. 304] || **kap* / *карг* (сем.: халд.) - камень [40, с. 84] ~ *kw* (чад.): *каи* (будума) ~ *ког* (дари) - камень [5 (2), с. 343] *qaja* (др.-тюрк.) - скала ~ *qajir* - песок [36, с. 406-407] ~ *таш / к ы р ч ы н т а ш* (тюрк.) - щебень, рассыпчатый камень.

К // т: сравните - *kel-* (др.-тюрк.) - просьба, моление // *tel-* (др.-тюрк.) - «то же» (*tizak* (др.-тюрк.) - навоз // *kizak* (тюрк.) - навоз). Аналогичные соответствия согласных букв в анлауте (сюда входит и чередование *m* // *p*~ и ауслауте (*ш/с/л*) позволяют объединить древнейшие разновариантные, но единые по смыслу корни архетипов в общий этимологический пучок.

Вот архидревние примеры, присоединяющиеся как составные лексемы в лексико-семантический пучок «камень»: **m/aj/ IA*: **t'iaV* (алт.) - **камень** ~ *tab* (картв.: груз.) - кремень [5, с. 43] ~ *pala* (хамит. / чад.: ламанг) ~ *pala-k* (хидкала) - **камень** [18 (1), с. 8] ~ **pAIIA* (чад.) - большой белый камень для колдовства [156, с. 59] *las* (др.-тюрк.) - **камень** ~ *таш/даш* (алт., азерб.) ~ *том* (узб.) - камень ~ *чул* (чув.) - «то же» ~ *чуерташ* (тат.) - галька, бульжник || *cila-gun* (стар.-монг.) / *чулуу'/н* (сов. монг.) - *чолу/н* (калм.) - **камень** || *cila* (инд.) - камень, скала [155, с. 138] || *чыге* (енис., остяц.) ~ *чыс* (пумп.) ~ *тысь* (имб.) ~ *иши* (кот.) - камень [157, с. 20].

В ряд производных слов мы включаем тюркское слово *чулпы* - накосник, происхождение которого неизвестно. Это на-косное украшение татарок и башкирок, на наш взгляд, образовано от болгаро-чувашского корня *чул* - камень (= драгоценные камни) + *ны* (вV // vV) - аффикса двойственного и множественного числа. Этот корень сохранился в алтайских языках как рудимент ближневосточного наследия. Сравните: *igive* (эвенк) - близнецы ~ *ikive* (монг.) - «то же» ~ *ikive* (кор.) - близнецы [158, с. 10]. Чулпы-накосники, кстати, также состояли из двух, парных блях, украшенных драгоценными или

полудрагоценными камнями и соединённых между собой «коромыслищем» (по-татарски «кеянтэле чулпы»).

Суффикс множественного числа *-bi* (*-mi*) из древних народов употреблялся у эламитов и луллубеев в Передней Азии [95, с. 124]. Приведём попутно названия древних ближневосточных и других евразийских племён и народностей с аффиксом множественного числа: *кастл, луллуби, аримасы, аргипти, ну-шиби, сяньби*.

22. **Виг°Ъиг /bare* (хамит./ куш.: сахо, сомали, беджа, ирак) - **песок, пыль, песчаная дюпа, земля, песчаная местность, полупустыня** ~ *bur A / bur / burn* (чад.: ангас, боккос, ло-гон) - **песок, пыль, зола** || *bara /j /* (сем.: араб.) - **пыль** || *Ъегбг* (картв.: мехри) - **песчаная земля** [14 (1), с. 315] *бар-ханы* (тюрк.) - **материковые дюны**, сыпучие песчаные образования [246, с. 118] — *пор* (тув.), *буор* (як.), *бор* (кирг., уйг., каз.), *бир* (тур.) - **земля, не пригодная для обработки** ~ *бур* (тат.) - **мел** || *бор* (стар.-монг.) - **горшечная глина** ~ *боро* (бурят.) - **глина** || *пор* (хак.) - **осадок при переплавливании масла** [189, с. 310].

Вышеиллюстрированные тюркские корни, однотипные по своей структуре и семантике с семито-хамитскими праформами. до этого в одно этимологическое гнездо не объединялись.

23. **БрА*: (и.-е.) **leip* - **смазывать, прилипать** ~ *Ир* (хетт.) - **мазать** ~ (р/б/м) - *Хv/ua* (греч.) - **грязь** ~ *Птах* (лат.) - **слизень, limus** - **осадок на дне, грязь** || *Пт* (др.-исл.) - **клей** [5 (2), с. 347; 243, с. 145] || *leim* (др.-в.-нем.) - **глина, Пт** - **слизь** ~ *leth* (алб.) - **ил, глина** [244, с. 18] || *Him / lime* (фин.) - **ил, глина** *Iem* (удм.) - **клей** [150, с. 138] (m/b - ?) - **lb* (сем.-хам.) - **смазывать** ~ *lap-atu* (акк.) ~ *lap* (чад.: ангас) **смазывать** [5 (2), с. 347] || *lab/ lav* (кит., др.-тюрк.) - **воск для печати** [30, с. 333] ~ *лаЫ* (як.) - **глина, слякоть** ~ *лаpek* (тат. диал.) - **грязь, глина** ~ *lam* (тат., башк.) - **ил, глина** [189, с. 307].

Loi (евр.) - «то же» [244, с. 18] || *Ha* (ностр., картв.: груз.) - **грязь, ил** [5 (2), с. 338] *lai / laj* (тат., башк., сибирск. диал.) - «то же» ~ *lajla* (тат.) - **слизь** [62 (3), с. 726-727].

Принадлежность вышерассмотренных тюркских корней к общему ностратическому наследию не вызывает сомнений. Восходят ли

представленные двуформантные варианты *lam / lap* и *laj* к одному корню или нет, пока не совсем ясно.

24. **SAmA* (ностр.) - таков один из вариантов ностратической праформы, связанной с **жидкостью, водой**. Под ним Иллич-Свитыч объединил ряд лексикосемантических схождений из разных языков: **seu* (и.-е.) - жидкость, лить ~ алт. **sub (A)* - **вода** ~ картв. ~ **šw* - пить [5 (2), с. 341].

Но мы считаем, что в этот ряд необходимо отнести также такие древние изоглоссы из неностратических языков Передней Азии, как *sij / sejs* (неинд.-евр.: хурр.) - вода, река ~ *sue* (урарт.) - озеро [88, с. 186], равно и неучтённые родственные лексемы из семито-хамитских языков: *zuw* (куш.: агава) - дождь, течь ~ *zuwv / z u w a / zoow* (куш.: билин, хамир, квара) - «то же» ~ *sow a / suwaa* (куш.: кемант) - дождь, течь ~ **j* (зап.-чад.) - вода, дождь [23, с. 100]. Исследователи (В. Орёл, О. Столбова), естественно, выделенную ими семито-хамитскую праформу сближают с индоевропейскими корнями **seu*, **su* - влага, течь, идти (о дожде) и полагают развитие начального *z* в —» *s* [111, с. 15].

Общекорневое гнездо или взаимосвязанный лексический ряд был бы ущербным, если бы мы не включили в него слово *gov* (др.-арм.) - **море**, относящееся также к озеру *sev-an* [28, с. 131] ~ *suje* (прусс.) ~ *sy* (тох.) - **дождь** || *sui* (япон.) - **вода** ~ лэ (кит.) - **река** || *хе* (общедагест.) - вода [309, с. 271] || *hao* (америнд.: сиу) - вода [162, с. 36]. Эти изоглоссы, идущие из глубины тысячелетий, безусловно, находятся в контактногенетическом родстве с межтюркскими формами *su / suv* и *su / siv* (чув.) - вода.

25. **Mw* (сем.-хам.) - **вода, тг** (сем.-хам.) - **влага, дождь, водоём**, (m//b): *bhr* - **разлив, река, море** [5, с. 66] || (аф-раз.: егип.) - вода, *тг* - канал || *m-an* (хамит.: куш.) - море || *Mara-ss-atare* (хетт.) - назв. реки [298, с. 40] || **magA* (драв.) - вода, дождь [5 (3), с. 334] ^ *тога / тйга* (алт.) - **море, река, вода**, ~ *тиган* (уйг.) - река, Амур - река на Дальнем Востоке, *Умар* - тюркское название реки Обь, (др.-тюрк.) - дождь, [36, с. 225] ~ *су-мар* (чув.) - дождь (доел, падающая вода), *мул/р* (кор.) - вода || *мур* (болг.) - **вода** || *маре / море* (др.-евр.) - море [32, с. 20].

Производные: *Мораса, Мортъш* - реки в Татарстане.

Синонимический вариант: **am / ам* (сем.-хам.) - **вода, река; амЫ** (чад.) - **вода, дождь** \| *jam* (куш.) - вода, река [23, с. 24] \| *ambit* (ностр.: драв.) - вода, сырость; *am* (драв.: там.) - вода, жидкость [29, с. 94] \| *атага* (греч.) - **канал** \| *ambit* (санскр.) - вода, *амбах* (перс.) - воды \| *ком* (фин.-угор.) - **река** ~ *Кама* (?) - начальный «к» здесь нужно считать протетическим // гидронимы *Амур, Аму-дарья* \| *ям* (чув.) - омут, водоворот на реке.

26. *Pu / пу* (неинд.-евр.: шум.) - **источник, родник** [116, с. 104] ~ **Pl-g* (сем.) ~ *palg* (акк.) - **канал, ноток** ~ *palg-at* (евр.) - «то же» ~ *falag* (эффиосем.: гз.) - поток [18 (1), с. 39] *bulaq* (др.-тюрк.) - **источник, канал, арык** [36, с. 121] ~ *bulag* (тур., чаг.) - родник, канал, ручей ~ *болак* (тат.) ~ *бынак* (каз.) ~ *пулук* (алт.) ~ *bulag* (монг.) - «то же» [41 (2), с. 257-258].

М. Рясянен и Г. Дёрфер сближают булак с глаголами течь и *bulga* - смешивать, делать мутным, которые, по существу, не выходят за рамки тюркологии, тогда как исходный его корень берёт начало в древней Передней Азии.

27. **Aqq* (хамит.: куш.) - **вода** [23, с. 24] \| **ак* (ностр.: драв.) - **болото** // **'к* (сем.-хам.) - **вода, литься** [5, с. 334] \| *aqua* (и.-е.: лат.) - вода \| *aha* (гот.) - река ~ *eg* (др.-англ.) - поток, течение \| *axъ* (неинд.-евр.: вост.-кавк.: удин) - река [12, с. 940] *aq* (др.-тюрк.) - **течь, лить, истекать** ~ *aqiy* течение ~ *aqt* - поток ~ *ъц* (вар. с узким гласным) - вода, река ~ *oguz* (др.-тюрк.) - **река, ogart - канал, ручей** [36, с. 48, 379, 383] \| *og* (хант.) - течение реки ~ *dg-sem* - ключ, родник; *aga* (ман.) - дождь.

Гидронимы: *Aqardu* - приток Дона, *Oks* - Сырдарья, *Ar+aks* (Араке), *Ar+agu* (Арагва), *Йаи+ык* (*Яик*), *Аксаи* ~ *Акчай* ~ *Актай* - речки в Татарстане.

28. **Qul* (сем.-хам.) - **водоём, река; quia (чад.) - **озеро**, \| **q/o/l* (ностр.: драв.) - **водоём, ируд** [5 (2), с. 352] ~ *kul-am* (драв.: малаялам) - пруд, водоём [125, с. 42], *gol* (курд.) - озеро, пруд *z± *k'ol* (алт.) - **озеро, водоём** ~ *kol* (др.-тюрк.) - озеро, водоём ~ *kill* (тат., башк.) ~ *kol* (хак.) ~ *kuol* (як.) - озеро \| **kelA* (урал.) - пруд, болотце, речной залив.**

29. **Dhl* (сем.-хам.) - **волноваться, мутить** ~ *dlh* (акк., др.-евр.) - волноваться, мутить воду || *ddldg* (бербер.) - смущать [5 (1), с. 16] || *lalla-* (драв.: каннада) - волноваться [101, с. 03] *doli-* (алт.) - **волна** ~ *doli-yi* (монг.) - «то же» [5 (1), с. 216] ~

dlh*: *tolkun* (турк.) ~ *dolyun* (як.) ~ *dalga* (тур., азерб.) - **волна ~ *tulkin* /*dolya* (узб.) ~ *tolkin* (каз., ккалп.) - «то же» [189, с. 20].

DhlH*(и.-е.) *Θάλασσα* (греч.) - **море [5 (1), с. 216]. В отличие от В. Иллча-Свнтыча, общекорневые тюркские лексемы со значением «море» мы возводили не к монгольской праформе **dalu-ǵi* - **волна**, а непосредственно к сохранившейся на Ближнем Востоке исходной праформе *dlh/tlh* — **волновать (воду, море)**. Кроме афразийцев, она представлена также у древних греков, однако считалась догреческим субстратом [190, с. 128]. Реликтовые варианты этого форманта известны в большинстве балканских языков: *talaz* (осм.-тур.) - **волна** ~ *talaz* (болг.) - «то же». В рунических памятниках древних тюрков и в карлуко-уйгурском памятнике «Огуз-наме» архетипы *taluj* / *talyi* представлены тоже в значении «море, океан».

30. *Ud* (неи.-е.: шум.) - **огонь** [109, с. 240] *U'tu* (шум.) - **бог солнца** [44, с. 51] ~ *ut* (шум.) - **свет, огонь** || *uS/ut* (этрус.) - **свет, огонь** [Латыпов, 350, с. 27] *ot* (др.-тюрк.) - **огонь** ~ *ota* (др.-тюрк.) - **зажигать** [36, с. 373] ~ (тюрк.: тат.) - **огонь** [223 (2), с. 485].

31. **As* ~ *asa* ~ *es* (хамит.: куш.) - **огонь, жара** ~ *Aj* / *Aya* (куш.) - **бог солнца** [23, с. 90] || *os* (сем.) - **огонь** ~ *es* (иврит) - **огонь** [15, с. 124] ~ *is-atu* (акк.) - **огонь, пламя, горение** [2, с. 44] || *Astan/Estan* (неностр.: хатт.) - **бог солнца** // *ataş* (и.-е.: перс.) - **огонь, пламя** **asa* (алт.) - **загораться**; *Aca* (чув.) - **бог молнии** ~ *Al+ac*(межтюрк.) - **дух или богиня огня** ~ *ши* (тур. диал.) - **огонь** ~ *osaq* / *ociq* (др.-тюрк.) - **очаг, печь** ~ *quj* + - **солнце**: **quj* - **жечь, палить** [30, с. 21], *as* - **огонь (retr. as - солнце)**.

На наш взгляд, у древних тюрков названия отдельных знатных родов образовались с использованием названия того же обожествлённого объекта - огня (см. статью №407).

32. *DVik* (сем.-хам.) - **жечь** [5 (2), с. 352] ~ *tak* (акк.) - **огонь, искра** ~ *tk/ tok* (афраз.: егип.) - **сжигать, гореть, освещать** [18, с. 73] ~

**jakk* (хамит.: куш.) - светло [23, с. 85] ~ **jAkl* (хамит.: бербер.) - дневной свет, светлый [55, с. 170] || *dah* («Ригведа») - сжигать, гореть ~ *dag* («Авеста») - жечь [34, с. 261] || *dah* (санскр.) - жечь
 *2 **dak* (алт.) - **жечь** ~ *dak / jak* (др.-япон.) - **жечь, разводить огонь** [33, с. 36, 90] *jak* (др.-тюрк., меж-тюрк.) - **жечь, освещать** [33, с. 36, 90] ~ *day / dagъ* (ст.-тат., башк.) - сжигать, гореть ~ *toq-and* (тат. диал., башк.) - зажечь.

Примеры явно иллюстрируют исконное чередование d / 1 / 3 / j, восходящее к региону Ближнего Востока.

30. **Ball* (хамит.: куш.) - **облако** || *biluk-i* (чад.) - **облако** [23, с. 194] || *bhol* (и.-е.) - пар, зной || **b(j)l* (сем.-хам.) - **облако** || **pula* (картв.) - облако, пар [5 (2), с. 51 (америнд.: майя) - дымить [162, с. 41] * *БуБЛ* / (алт.) - **облако** ~ *bulut* (др.-тюрк.) - **облако, туча** ~ *bidyt* (межтюрк.) / *pěIII* (чув.) - облако || **phol* (неинд.-евр.: енис.) - облако [32, с. 144].

31. **Daman* (хамит.: куш.) - **туман, облако, облачная погода** ~ *damana* (чад.) - дождь [23, с. 51] ~ *damina* (чад.) - сезон дождей ~ **ddm* (сем.: араб.) - **туман, облако** [18, вып. 2, с. 72] ~ **tam / tern* (куш.) - темно, быть тёмным, дым, [23, с. 53] *tuman* (др.-тюрк.) - **туман, мгла, мрак** ~ *tuman* (др.-уйг., тат., башк.) - «то же» ~ *tuman* (ср.-кыпч.: тел., чаг., уйг. диал. - **облако** [30, с. 33].

Производные: *tuman* (др.-тюрк.) - десять тысяч (> *tuman*).

32. *ВузЛ*: *br / bwr* (хамит.) - **(несчаная) буря, ветер** ~ *barawe* (чад.: музгу) - «то же» [5 (2), с. 332] ~ (бербер.: шелька) - буря с градом - (*b>f): *fora* (куш.: сомали) - **сильный ветер, несущий ниль в пустыне** ~ *far'a* (куш.: ираку) - ветер || *furo* (<*bhr*) (и.-е.: лат.) - бушую || *БзгэнП* (Авеста) - бурный || *burja* (ст.-славян.) - буря || (греч.) ~ *bora* (итал.) - северный ветер *Бог* (др.-тюрк.) - **буря, вьюга** ~ *boro* - (< **boга*) (кирг.) - **бушевать** [5 (1), с. 88-189; 41 (2), с. 192] ~ **буран** (аз., кбал., каз., кирг., тат., башк.) - буря, порыв ветра || *Боган* (калм.) - непогода, буря с дождём и снегом ~ *Бога-уан* (монг.) - метель || *ригЛ*- / *ригкЛ* (урал.) - «то же» [41 (2), с. 190-191].

3. Названия растительного мира

36. *U* (неи.-е.: шум.) - **растение** || *uta* (этрус.) - **трава, растение** [Латыпов, 350, с. 27] || *c, at/c, et* (картв.) - **трава** [5 (2), с. 369] || *xuot* (и.-е.: арм.) - **трава** *ot* (др.-тюрк.) ~ **трава, зелень** [36, с. 373] ~ *ot/om* (др.-уйг.) - **трава** [199, с. 12] ~ ? > *otaba* (рус.) - **трава, выросшая снова после косьбы** [100, с. 29].

Производные: *otaci* (др.-тюрк.) - (?) **лекарь/травник** [36, с. 373] ~ *otluq* - **корыто для корма** ~ *sarum* (сары + ут) - **нырей** ~ *алабута* (алаб+ута) (тюрк.: тат.) - лебеда.

37. *Tore* (хамит./чад.: ангас.) - **баобаб, тропическое дерево** **во** из семейства бомбаксовых со стволом в окружности 8-12 м, разводится ради съедобных плодов [18 (2), с. 48] || *tarn* (и.-е.: хетт.) - **дерево** [12 (2), с. 612] || **dor-* / **dor-* / *Spv* (и.-е.: Гомер.: греч.) - **лес** ~ *darn / dru-ma-h* (санскр.) - **дерево** [127, с. 319] ~ *du-ru* / *Зрт* (др.-греч., язык линейного письма В) - **дерево** [221, с. 84] ~ *Зрйд* / (др.-греч.) - **дерево, дуб** ~ *driu* (гот.) || *dm* (др.-инд.) - **дерево** ~ *dair / daur* (ирл.) - **дуб** [171, с. 52, 200] - (d/t) - *leer* (нем.) ~ *teom* (англо-сакск.) ~ *tree* (англ.) - **дерево** *terak* (др.-тюрк.: МК, I, 387) - **тополь** [36, с. 553] ~ *terak / terek* (уйг., узб., кирг., каз., ног., алт.) ~ (тат., башк.) ~ *дерек / дэрзк* (турк., уйг., узб. диал.) - **дерево, тополь** [41 (3), с. 205-206].

В. Радлов, Г. Рамстедт с колебаниями выводили тюркское *терек/дерек* из иранского (перс.) *дирехт* - **дерево, растение**. А. М. Рясянен видел в тюркском слове контаминацию с названным персидским словом. К. М. Мусаев же допускает, что последнее является несколько фонетически видоизменённой формой первоначального тюркского *терек* [66, с. 163].

Мы на материале семито-хамитских языков, а также крито-микенской культуры пришли к выводу, что **архетип перечисленных изоглосс берёт начало в средиземноморском и североафриканском регионе**. Это ареал западно-ностратических языков.

38. **Tal-*: *taP* (неинд.-евр.: хурр.) - **дерево** ~ *tal-wit* (неинд.-евр.: хатт.) - **дерево (запора)** ~ (/ *z*) - *Наго* (неинд.-евр.: восточн.-кавк.) - **дерево** [76, с. 141] ~ / **twali* (восточнокавказские языки): *Hala* (лак.) - **бревно** ~ *tal* (дарг. диал.) - **столб, шест** ~ *dal* (рут.) - **длинная палка** [88, с. 172] ~ *тал* (санскр.) - **росток**,

поросль, гроздь, лист [167, с. 189] *tal* (др.- тюрк.) - **ива, тальник, ивовый прут** [36, с. 528] ~ *tal* (крх.-уйг., ср.-кыпч., чаг., алт., каз., тат., башк.) - **ива** ~ *dal* (тур., ктат.) - «то же» [30, с. 125].

В ряде тюркских языков праформа *tal* сопровождается значениями: **тоиоль** (узб., кбал.), **верба, ветла** (турк., ктат., кум., хак.), **дерево** (салар.), **ветвь, сук** (крх.-уйг., тур., долг.) [30, с. 125-126].

39. **EI-* (и.-е.) - «детерминитив», точнее, первый слог в названиях **ольхи, вяза, можжевельника** и др. [226, с. 164]: *ilmus* (лат.) - **вяз** (дерево из семейства ильмовых) ~ *elira* (др.-в.-нем.) - «то же» ~ *elme* - **ольха, elike** - **ива** [32, с. 79-80; 171, с. 51] ~ *шемь* (др.-рус.) - ильм (тюрк.: кбал., кум.) - **ильм** ~ *elma* /элмэ (тат., башк.) ~ *elmen* (ног.) ~ *jelme* (чув.) - «то же» [30, с. 126].

40. **Цьдъав* (ностр.: картв.) - **лавровишня** ~ (груз.) ~ *цьдъол / цьдъв* (мегр.) ~ *цьдъав* / (сван.) - «то же» [234, с. 89] || *сбкэ* (азерб.) - **лина, лыко** / (чув.) - **лина** ~ *jdge* (тур. диал., ккалп.) ~ (к у м .) ~ *jiika* (тат., башк.) ~ *joke* (ног.) ~ *zoke* (каз., ккалп.) ~ *joko* (кирг.) ~ *zuka* (узб.) - **лина** [30, с. 128].

Вечнозелёное дерево-кустарник лавровишня растёт на Кавказе и в Закавказье, где издавна проживали пращуры тюрков. Судя по адекватности названий двух видов растений, возникает резонный вопрос: не произошло ли у древних тюрков перенесение названия этого дерева-кустарника на липу, растущую в других регионах?!

41. *Ziher* (неинд.-евр.: хатт.) - **дерево, строительный лес** [76, с. 142] ~ *zarie* (неинд.-евр.: урарт.) - сад (фруктовый) ~ *zirte* (хурр.) - **оливковое дерево** || *dent* (и.-е.) **дерево** [227, с. 23] ~ *zirk* (иран.: перс.) - барбарис *zirek* (кбал., тат.) ~ *zirk* (узб.) ~ *zi(r)k* (уйг.) - **ольха** ~ *jirk* (кбал.) ~ *jerek* (башк., тат. диал.) ~ *sirek* (чув.) ~ *sihik* (як.) - «то же» [30, с. 130].

Единый корень с фонетически обоснованными вариациями (**zih*/**zir* → *sir/jer*) объединяет в одну общую группу близкие и однородные по смыслу лексемы, которые генетически восходят к древнему Переднеазиатскому Востоку.

42. **Hos* (и.-е.) - эта праформа рассматривается как общий корень, от которого образовались схожие название дерева **hos* - **ясень: had**

(арм.) ~ *ogvrj* (греч.) ~ *ask-* (др.-исл.) ~ *cesk* (др.-англ.) ~ *ash* (англ.) ~ *ask* (др.-в.-нем.) ~ *Esche* (нем.) с суффиксальным образованием на $k^{[h]}u - i$, а также дерева **(h)osp[h]* - осина: *abse* (прус.) ~ *aspa* (др.-в.-нем.) ~ *Espe* (нем.) ~ *apse* (латыш.) [12 (2), с. 625-627] *ос/ос* (алт., хакас., тув.) - осина, тополь ~ *аспак / апсак* (алт. диал.: шор., куманд.) - осина [150, с. 220; 41, с. 607-608] ~ *усак* (тюрк.: тат.) - «то же» [223, с. 484].

Похоже на то, что в образовании тюркского названия осины участвовали обе ветви общего индоевропейского корня. И это могло происходить ещё в период пребывания прототюрков на Ближнем Востоке, поскольку ясень и осина издавна были распространены в Средиземноморском ареале - на юге, включая Северную Африку, а также в Малой Азии, на севере Месопотамии и на Кавказе. А в регионах компактного проживания современных татар ясень не растёт. Татарское название ясеня - «коры агач», «дардар агачы».

43. **BAd*: *bdd* (сем.) - **сук, ствол** [226, с. 164] ~ *badd* (евр.) - **сук, жердь, палка** ~ *baad* (арам.) - «то же» ~ *bdd* (евр.) - быть отделённым ~ *budd-* / *badad-* (араб.) - доля, часть || *bad* (*z*) - (хамит./куш.: сидано) - отделять, делить ~ *bad-* (куш.: кафичо, моча) - колоть дрова || *badd-at* (егип.: копт.) - букв, **сукообразный знак** [18 (1), с. 46-47] *butaq / butiq* (др.-тюрк.) - **сук, сучок / ветвь, ветка, побег** [36, с. 129] ~ *butyq* (др.-уйг.), *butakJ budak* (ср.-кыпч., ст.-осм., алт.) - «то же» ~ *botak* (тат., башк.) - **сук, сучок / ветвь, ветка** [30, с. 103-104].

Корень *buta* нашёл отражение в монгольском, тунгусо-маньчжурском, корейском и японском языках.

44. **KarA* / **[q]orA* И ~ *ка(p)p-* [*Az*] (хамит.: куш.) - кора дерева, кожа, кожа ~ *кишго* (куш.: ойда) ~ *ко 'ала* (куш.: гидо-ле) ~ *кар* (авийа) - «то же» [23, с. 67] ~ **/k/erA* // **/q/orA* (алт.) - кожа, кора ~ *кеге/кора* (урал.) - кора ~ *kuor-i* (фин.) - кора, кожа [113, с. 30] || **kzt* (сем.-хам.) - «то же» [5 (2), с. 344-345]

**qajur* (др.-тюрк.): *qadyz / qaSi* (крх.-уйг.) - кора дерева ~ *qajru / кайры* (тат.) - кора ~ *hujar* (чув.) - «то же» [30, с. 106].

**Qabuq* (тур., гаг., ктат., кбал.) - кора, корка, кожа ~ *qabyq / кабык* (тат., башк., каз., ккалп.) - «то же» [30, с. 107].

Исходные параллели интересующего нас корня обнаруживаются в семито-хамитском кругу.

45. Бытующие в настоящее время у тюркоязычных народов названия ряда **посевных культур** представляют собой весьма архаичные образования, которые **возникли у афразийцев** на начальном этапе земледелия на Ближнем Востоке. Это, прежде всего, нижеследующие термины.

**QVn-* /*kVn* (и.-е.) ~ *qunibi* /*куниби* (неинд.-евр.: шум.) - конопля [219, с. 102] - *коннаби* (и.-е.: греч.) ~ *connabis/canapis* (лат.) (Фаем. II, с. 312) - «то же» [150, с. 105] || *коно/кана* (скиф.) ~ / *канаб* (перс.) - конопля [539] *kendir* (др.-тюрк.) - конопля (*dir*-словообразовательный аффикс) [36, с. 298] ~ *kendir* (др.-уйг., ср.-кыпч., тур., турк.) - «то же» ~ *kinder* (тат., башк., ног.) - конопля ~ *kandir* (уйг.) ~ *kantar* (чув.) - конопля [30, с. 128] || *канан* (арм.) ~ *канани* (груз.) ~ *кине, кынё* (мар.) - «то же» [219, с. 102].

В. И. Лыткин и Р. Г. Ахметьянов усматривают первоначальный источник всех этих слов в шумерском *куниби*.

46. *Kite* / *kitu* (сем.: акк.) - лён, льняная материя, полотняная ткань, льняная одежда [2, с. 105] ~ (к // г) - *гад / гад* (неинд.-евр.: шум.) = ткань, льняная ткань || ~ *kettana* (санскр.) ~ *катап* (перс.) ~ *каштан* (араб.) - лён, льняная ткань [150, с. 108] *keten* (тур., кбал., кум., ног., ктат.) ~ *kedem* (алт., ту в.) ~ *йитен* (тат. диал.), *экуитен* (тат.) - лён ~ *kitan / китен* (тат. диал.) - холстина, полотно [30, с. 128] ~ *jitirn* (др.-тюрк.) - льняное семя [36, с. 264].

47. **Bud*, **bVr* (афраз.) - **вид злака, ишеннца** ~ *bvr-i* (аф-раз.) - зерновая пища, мука [176, с. 40] ~ *badd-at-* (сем.) - злак [18 (1), с. 47] ~ *bur/budul* (куш.: сомали) - зерно, хлеб ~ *budino* (куш.: кафичо) - мука [25, с. 55] ~ *Бог* (сем.: сокотри) - зерно, пшеница ~ *barr* (хамит, бербер.: мехри) - «то же» || *пурод/пурос* (греч.) - **ишеннца** ~ *purai* (лит.) - «то же» [127, с. 398] (др.-тюрк.) - **пшеница** [36, с. 120] ~ *buydaj* (др.-уйг., чаг., тур., турк.) ~ *bodaj* (ср. огуз., тат.) ~ *budaj* (кбал., кум.) - пшеница || *buyudaj* (монг.) - «то же» [30, с. 462].

Varaj / *бурай* - полба, особый вид пшеницы с ломким колосом *Vd-t* (афраз.: егип.) - полба ~ *bote* (афраз.: копт.) - «то же» [18 (1), с. 47]. Кроме египтян, греков и литовцев это слово различной вокализации

присутствует также в ряде современных языков: *бурай* (тат., башк.) ~ *пары* (чув.) ~ *пуро* (ст.-слав.) - полба [41, с. 234].

Название этой культуры также можно возводить к афразийскому пракорню *bVr*, выступавшему как название возделываемых хлебных злаков.

48. ? (*Su*)' -*ar* (неинд.-евр.: шум.) - **ячмень** [16, с. 28] ~ (хамит.: куш.: билин) - **зерно, злак** [196, с. 21] || (r/l) > *alçpi / alb* Ч (и.-е.: греч.) - ячмень ~ *elpi* (алб.) - «то же» [41 (1), с. 176; 150, с. 19] *агра* (др.-тюрк.) - **ячмень** [36, с. 53] ~ *агра* (тур., турк., каз., тат.) - ячмень ~ *arba* (алт., хак.) - «то же» ~ *arfa / арфа* (турк. диал.) - ячмень || *arbaĵ* (монг., маньч.) - «то же» [41 (1), с. 176-177] ~ *урба / орба* (чув.) - ячмень [149, с. 36].

Древними производными от *арпа/арба* являются *аграган* - дикий ячмень [36, с. 53] и, возможно, *Арноксай* - собственное имя среднего сына родоначальника скифов Таргитая, характеризующее его носителя как приверженца земледелия [218, с. 143].

49. *Taro* (хамит.: бербер.: гуанче) - **ячмень, зерно** ~ *ага* (куш.: билин) - **зерно, злак** [196, с. 21] ^ *tariy* (др.-тюрк.) - **просо, зерно, злак, хлеб** [36, с. 537] ~ *тарыг / тариг* (уйг., узб., чаг., хак., тув.) - просо, зерно, злаки ~ *тары / тара* (др.-уйг., алт., кум., тат.) - «то же» [41 (3), с. 157] ~ *туорах* (як.) - просо || *тариа* (монг.) - зерно [66, с. 232].

50. *Доогё* (афраз.: егип.: копт.) ~ <Тг' (егип.) - **растение** [234, с. 59] ~ **tuk* > *tku* (бербер.: ахачгар) - **зерно, бобы** ~ *toge* (хамит, чад.: тангале) - **плодоноситель** ~ *toge-le* - бобы [18 (2), с. 14-15] || на кавказских языках (неинд.-евр.): *дуга* (чеч.) - **рис** ~ *дукъ* (рутульск.) ~ *дукъ* (табасар.) ~ *дукк* (агульск.) - просо || *дикъа* (груз.) - пшеница ~ (*и*)*дикъа* (чан.) - пшеница, зерно [160, с. 59] *togi* (др.-тюрк.) - пшено [36, с. 579] ~ *Іёгё / teke* (чув.) - рис ~ *дёге* (тат.) ~ *дёгё* (башк.) - рис [160, с. 59].

Как явствует из родственных изоглосс, некогда пракорень *dgV/ tgV / tkV* имел общее, нарицательное значение «**растение**», «**зерно**» и в зависимости от того, какая зерновая культура возделывалась в соответствующую эпоху у того или иного народа, употреблялся для обозначения различных культур.

51. *Ur/uru* (неи.-е.: шум.) - **нерест, метание икры** || *ага* (ха-

мит./куш.: билин) - **зерно, злак** [196, с. 21] (др.-тюрк.) - **семя, зародыш, зачать** [116, с. 32, 34] ~ (др.-тюрк.) - **семена, род, потомство** [36, с. 615].

Производное от общего родственного корня *t-aro* (хамит./ куш.: гуанч.) - **зерно**, отсюда и раннее омонимическое название ячменя. Звук же *t* здесь носит протетический характер [36, с. 615].

Попутно хочется заострить внимание на том, что древние творцы - создатели слов, ассоциируя однотипные явления из различных сфер органического мира, приближали и объединяли их между собой вокруг одних и тех же лексических корней.

52. *As* (сем.: акк.) - **зерно** ~ *as-nan* (акк.) - **бог зерна** [3, с. 46] || *as* (злам.) - **хлеб, зерно, ннща** [37, с. 279] || *ay* (и.-е.: арм.) - **еда, ннща** [260, с. 49] || *ad /ada* (санскр.) - **ннща, питаться** [56, с. 710] *as* (др.-тюрк.) - **еда, ннща** [36, с. 61].

53. *Sumbultum* (неностр.: шум.) - **колос** [150, с. 180] ~ (сем.: акк.) [15, с. 79] ~ *sibbol-et* (евр.) ~ *sebbel-t* (арам.: сир.) *sumbul /sunbul* (араб.) - **колос, гнацнтт** [18 (3), с. 12] ~ *sibbolat* (Библ.) - «то же» [51, с. 298] || *thumbure /sumbull* (балк.: алб.) - **почка, бутон** ~ *simbure / snmbure* (рум.) - **семя, зерно, ядро ореха** [191, с. 59] *сунбул* (азерб.) - **колос** ~ *суммул* (тюрк.) - **колос ншеницы** [66, с. 245-246] ~ *свнбел / свмбелэ* (тат.) - **созвездие Девы, праздник (урожая) осеннего равнодепствия (22-23 сентября)**, название шестого месяца солнечного календаря (период с 22 августа по 22 сентября) [150, с. 180].

54. *Kalpqa* (и.-е.: греч.) - **стебель** ~ *ксОм/лод* (греч.) - **тростник** ~ *calmus* (и.-е.: лат.) - **стебель, соломина** - архаичнее собирательного солома || (*k/s*): *silā* (др.-инд.) - **колос, оставшийся в поле** || *salme* (др.-прус.) ~ *salms* (латыш.) ~ *слама* (др.-рус.), *солома* (рус.) || *halm* (др.-венг.) - **солома** [86, с. 122] *saman* (др.-тюрк.: МК, I, 415) - **солома** [36, с. 483] ~ *салам* (тат.) ~ *halam* (башк.) - **солома**.

55. *Kirikiri* (сувар.-хурр.) - **шишка, жёлудь** [88, с. 190] || —>

56. **K'rk'o* (картв.) - **жёлудь** ~ *k'urk'o* (груз, диал., ту-шинск.) - **жёлудь** || **querqu* (италийск.) ~ *quercus* (лат.) - **дуб** [12 (2), с. 880] *курка/куркз* (тюрк.: тат.) - **шишка** (ели, сосны.).

4. Домашние и дикие животные

57. *Chtr / xtr* (сем.-хам.: егип.) - **конь** < **gudnr / qodur* - **лошадь** [16, с. 9, 18] ~ *kudanu* (ассир.) - **мул** || *kudimu* (неинд.-евр.: шум.) - **мул** || *kutu* (неинд.-евр.: злам.) - **лошадь** ~ **gutirai / kutira* (драв.) - **конь** [442, с. 119] || **ghutra* (санскр.) - **лошадь** [61, с. 118-119] **quti* (хунн.) - **лошадь** [62, с. 139] ~ *qutur*

(др.-тюрк., диал. вариация) - **олень, як** [36, с. 474] ~ *godux* (азерб.) - **осёл** [37, с. 66] ~ *godī* (крым. тат.) - **дурная лошадь** [Радлов, т. II, с. 1603].

Таким образом, древнейшие и общекорневые названия лошади и приравненных ей животных, возникшие в ареале Северной Африки и Передней Азии, сохранились и дошли до нас как реликты общей, межрегиональной речи, но вместе с тем в том же регионе зародилось и бытовало и другое диалектное обозначение этого животного, о чём речь пойдёт ниже.

58. *AtA / atdnu* (сем.: акк.) - **ослица** [2, с. 48] ~ (сем.: финикийск.) - **ослица** [32, с. 367] ~ (др.-евр.) - **ослица** [15, с. 77, 121] || *atya* (и.-е.: Ригведа: индоар.) - **скакун** ~ *dyah* (там же) - **кобылицы** [64, с. 579, 717].

В соответствии с гипотезой Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, если сравнить время пребывания ариев (протоиндоариев) в Передней Азии совместно с более древними и уже вымершими языками семитской семьи из того же региона (V-IV тыс. до н. э.) [64, с. 429], то напрашивается вывод о том, что название лошади возникло на основе общекорневого обозначения осла (атк который был приручен семитами раньше лошади). Полу осёл водился в широкой степной полосе севернее Месопотамии около VII тыс. до н. э., включая Малую Азию и Закавказье, и рано начал использоваться в качестве тягловой силы [12, с. 558]. Позже арии унесли это название в Среднюю Азию и далее в Индию, но в то же время одна из ветвей ариев - праиндоарийцы - ещё в прежнем регионе для обозначения коня использовала и своё слово - *aqva* [64, с. 430]. А другая ветвь, представленная после деления арийской общезыковой основы иранцами, продолжала использовать этот же архаический корень в формантах *asua* (праиран.) / *asa* (др.-перс.) - **лошадь** [65, с. 55].

Предки же тюрков, будучи создателями множества односложных слов, освоили межареальный инноним в усечённом варианте, и их потомки сохранили его до наших дней: *at* (др.-тюрк., др.-уйг., ср.-кыпч., тат. и др.) - лошадь, конь ~ *pachmat* / *бахмат* (тюрк., др.-тат.) = бакма + ат - ухоженная или домашняя лошадь.

Языковеды в орбиту этимологических сопоставлений и для выяснения генезиса тюркского названия лошади вовлекают формы: **arta* / *aqta* / *aq̄t* (перс., монг., тюрк.) - мерин, холощёное животное, рысак, минуя при этом переднеазиатский корень-архетип [30, с. 441]. Мы считаем указанные варианты более поздними лексемами, произошедшими от первоначального афразийского пракорня или же от родственной с ним арийской праформы. К тому же происхождение иппонима «ат» от этих основ представляется нам фонетически весьма проблематичным.

Согласно культурно-историческим и археологическим материалам, одомашнивание лошадей в Центральной и Восточной Анатолии произошло ещё в конце IV тыс. до н. э., аналогичная картина была характерна и для IV тыс. южного переднеазиатского ареала (Месопотамия, Элам и смежные области древнего Ирана [12, с. 559]. **«Семиты очень рано знали ирриучённую лошадь, и от них ознакомилось с нею шумерийское население евфратских земель»** [32, с. 366]. В этой связи обращает на себя внимание вполне оправданное скептическое отношение И. Дьяконова к сближению индоиранской основы *asua* с шумерским корнем *zi-zi*, означающим «лошадь», считавшего их фонетически несовместимыми [67, с. 26]. На наш взгляд, шумерское слово *zizi* является изначальной праформой или же производным от аккадского *sisn* (зап. сем. *siisn*), *sus* (др.-евр.) - «то же». Одно из диалектных вариантов названия лошади из Передней Азии проникло на Кавказ: *isua* (хурр.) - конь, лошадь > **icwa* (прасеверокавк.: тинд. *icwa*, ахв. *ic a*) - лошадь, кобыла [68, с. 77].

Складывается впечатление, что прототюрки вышеназванным лексическим основам предпочли односложный корень «ат». Это слово, как мы уже знаем, тоже переднеазиатского происхождения, оно стало

излюбленным общетюркским названием лошади, коня (в скобках добавим: а у якутов также и **осла**).

Древнетюркское название осла, по всей вероятности, генетически также восходит к региону древнего Переднеазиатского Востока, где первоначально родственные зоологические виды обозначались одним и тем же корнем [32, с. 367]: **es-* / *ess* (неинд.-евр.: хурр.) - **лошадь** [88, с. 179] ~ *es* (арм.) - **осёл** [32, с. 368] ~ *esak* (др.-тюрк., междтюрк.) - «то же». В древних вавилонских анналах у горных племён касситов, которые в первой половине двутысячелетия до н. э. хлынули волной в Вавилонию на боевых колесницах, запряжённые в них лошади названы «ослами гор» [240, с. 46].

Примечательно, что у африканских кушитов и чадских народностей осёл и лошадь тоже представлены однотипными лексическими корнями общего происхождения: *dokm'ari* (куш.: дамот.) - **осёл** ~ *dakwa* (чад.: джимсбин.) - **конь** [18 (2), с. 66].

Всё это лишний раз доказывает, что общетюркский термин «ат» произошёл от переднеазиатской праформы atA (сем., индо-ар.), которая стала основой для обозначения двух родственных видов животных: осла и коня.

59. *Taug* (др.-сем.) - **бык, скотина (вол, корова)** [68, с. 24] || *taurus* (и.-е.: лат.) - **бык** ~ *tavros* (греч.) - бык ~ *tauris* (др.- прус.) - **зубр** ~ *tauras* (лит.) - **буйвол** ~ *тоурь* (ст.-слав.) - бык [17, с. 317] *tavar* / *Invar* (др.-тюрк.) - **скот** ~ *tavar* [МК, III, с. 343] - **скот, имущество, добро** ~ *тувар* (зап. кыпч.) - **скот** ~ *тувар* (кбал.) - крупный рогатый скот ~ *давар* (тур., азерб.) ~ *довар* (турк.) - мелкий рогатый скот ~ *мал-туар* (тат.) - скот, скотина [66, с. 65-67].

Основа *taur* была заимствована индоевропейцами из семитского языка и первоначально означала семантику крупного рогатого скота, далее, в силу того, что у древних кочевых тюрков главным богатством и предметом торговли являлся скот, содержание её расширилось, и она одновременно стала употребляться и в значении «**имущество**», «**товар**».

60. **Ek 'u-os* (и.-е.) - **лошадь** ~ *equ-us* (лат.) - *iqo* (мик.) -

конь [345, с. 193-194] ~ *yakwe* (санскр.) - **конь** [307, с. 256] (е//й) (*l*)-*jilqi* (др.-тюрк.) - **скот** (лошади) [36, с. 267] ~ *jylqu* (др.-уйг., ср.-кыпч., ст.-ост., туркм.) - **табун лошадей, неезжен-ная лошадь** (алт.), **лошадь** (турк.) [30, с. 444].

Не имеет монголо-тунгусских параллелей.

61. **Es-* > *екд* (неи.-е.: хурр.) - **лошадь** [88, с. 176] ~ *ëgu* (и.-е.: арм.) - **осёл** [41 (1), с. 317] *esak* (др.-тюрк.) - **осёл** ~ *esgak/esjak* (др.-тюрк.) - «то же» [36, с. 185-186; МК, I, 244, II, 246].

Как мы уже убедились на конкретных примерах, использование одного и того же корня для обозначения близких по родству и виду объектов, в том числе и животных, в ранние времена было широко распространённым явлением.

62. **Vk* / *bag* / *bug* (хамит.: куш., чад.) - **скот, домашние животные** [79, с. 63, 67] ~ *bag* / *bagga* (эфиоп.-семит.) - **овца, козёл** [23, с. 315] ~ *bugo/buqo* (чад.: сокоро) - **корова, бык, домашнее животное** [79, с. 63, 68; 5 (1), с. 126] *buqa* (др.-тюрк.)

-**бык-производитель**-«то же» // *Бука* (лат.) - **корова** ~ *buga* / *buha* [36, с. 25] ~ *buqa* / (чеч., дарг.) - **бычок, телёнок** [17, с. 487] ~ *Бу biha* (общетюрк.) (др.-тюрк.) - **олень** ~ *buyaj* (тюрк.) - **бык**.

Bqr* / *ркг* (сем.-хам.) - **крупный рогатый скот, бык ~

Бакаг (др.-евр.) - **скот** ~ *buqar* (акк.) - телец, молодой бык [5 (1), с. 126] **p'okeg* (алт.) - **крупный рогатый скот, бык** ~ *(*h*)*bkur* / *(*h*)*okur* (*h* < пратюрк. *p*): (др.-тюрк.) - **бык**, /*ogtiz* (др.-уйг.) ~ *hokiz* (узб.), *oktiz* (туркм., турец., азерб.), *ugez* (тат., башк.) - **бык** || *htiker* / *tiker* (монг.) - рогатая скотина, бык [5 (1), с. 126-127] || *окю* (тох.В.) - бык [130, с. 27] ~ *oks* (нем.) ~ *iksa* (санскр.) ~ *ixsa* (авест.) - бык [41, с. 522].

63. **Ud* / *gud* (неностр.: шум.) - **бык** ~ *gud* (сем.: халд.) - **бык** [99, с. 387] ~ *го* (позднешумер.) - **бык** [109, с. 249] ~ *го, gau* (хамит.: куш.: каффа) - «то же» [108, с. 3] ~ *го* (драв.: каннада) - **корова, бык** [101, с. 7] ~ *goova* (драв.: малая-лам) - **корова** [102, с. 72] || *gaitis* (др.-инд.) - **бык, корова** [108, с. 3] *ud/ut* (др.-тюрк., алт.) - **корова, бык** [197] ~ *гудаа* (то-фаларск.) - «то же» ~ *гау/гав* ~ *кау кав* (тур.) - **бык** || *говядина* (рус.) - **коровье мясо** ~ *go-lang* (тибет.) - **бык** [66, с. 55].

О. Сулейменов через промежуточный компонент (неностр.: шум., сем.: халд.) - **барап** генезис названия этих животных связывает с

солярным культом Передней Азии: *ud* (шум.) - **солнце**, *udu* (шум.) - **солнечное божество, священный** [17, с. 224].

64. **W/i/rjA* (и.-е.: ностр.) - **детёныш (травоядного жн вотного)** ~ **wxrj* (сем.-хам.) - **детёныш, молодое животное** ~ *w'd* (афраз.: егип.) - сын, отпрыск || *wArA/z* (хамит.: куш.) - быть юным ~ **werj* (ностр.: картв.) - баран [55, с. 171] ~ *pVr* (хамит.) - **телёнок** [123, с. 20] || *pasav-* (авест.) ~ *pagccw* (санскр.) - **скот, особенно мелкий рогатый** [41 (2), с. 241], *bast* (вост.-кавказ.: ав.) - **телёнок**, *huso* (ахв.) / *boha* (тинд.) - бычок [88, с. 172] *burayu / buzayu* (*бурагу / бузагу*) (др.-тюрк.) - **телёнок** (А. М. Щербак реконструирует праформу в виде *burayu*) ~ *birayu* (монг.) - «то же» ~ *buz* (др.-уйг.) ~ / *buzay* (чаг.) - **телёнок** ~ *buzaw* (каз.) / *bozaw* (тат.) - «то же» [30, с. 428].

65. **Qun* - **овца, баран:** ~ *k'unkal* (неинд.-евр.: ст.-шум.) / *kin-gal* (шум.) - **курдючный баран** [69, с. 15] *qon* (др.-тюрк., МК, I, 140)- **овца** ~ (тюрко-огуз.) - **баран, овца** [17, с. 106] ~ *qon* (др.-уйг., рун.) / (др.-уйг.) - **овца** [30, с. 431] // *кун* (дагест./ анд.) - овца ~ *кути* (дагест./ карет., ботл.) - «то же» [70, с. 148] // *къун* (лезг.) - козёл || *хонь / хонин* (монг.) - овца ~ / *хонин* (бурят.) - «то же» [66, с. 57] ~ *хони конин* (тунг.-маньч.: эвенк., нан., сол.) - овца, баран [72, с. 100].

В ходе исторического развития в большинстве тюркских языков конечный «н» в слове *кун* перешёл в «й»: *куй / quj*.

В халаджском же языке, обнаруженном в своё время в глубине территории Ирана и охарактеризованном специалистами как наиболее архаический из тюркских языков, сохранился первоначальный «н»: *qon* - **овца** [73, с. 94].

66. **Zrq / zirqu* (акк.: вавилон-ассир.) - **овца** [2, с. 80] // *zar* (неинд.-евр.: хатт.) - **баран** [75, с. 209] ~ *zar* (хатт.) - **овца** [76, с. 142] ~ *zr* (афраз.: егип.) - **овца** || *s a-* / (сем.-хам.) - скоти на, овца или коза [8 (1), с. 77] ~ **herik** (курд.) - овца с курдюком *harek* (тур., диал.) - **курдючная овца** [77, с. 36] ~ *сарык* (ккалп., каз.) - **название породы бескурдючных овец** ~ *сарык* (тат.), *Барык* (башк.), *сурах* (чув.) - «то же» || *saryk* (мар.) - овца [30, с. 432] ~ *sarka* (узб., уйг.) - **холощёный козёл** [30, с. 429] ~ *serke* (письм.-монг.) ~ *сэрх* (калм.) - **кастрированный козёл** [30, с. 439].

Тюрколог-языковед К. Мусаев зооним *сарык* / *харык* рассматривает как местное явление, специфическое для татарского и башкирского языков, что противоречит указанным нами фактам. Мы считаем также сомнительным выведение лексемы *сарык* А. ТПербаком от русского слова *ярка* - «годовалая овна» [71, с. 111]. Ибо Византийский император и историк К. Багрянородный, характеризуя ситуацию в X в. в Киевской Руси, писал: **«Руссы стараются жить в мире с ичечеигами. Они нокунают у них быков, коней и овец и от этого живут легче и нривольнее, так как на Руси ни одного из названных животных не водятся»** [78 (1), с. 1; 78 (2), с. 120]. Скорее всего, русское

«*ярка*» заимствовано у древних тюрков. Что же касается межтюркского слова «*сарык*» / «*сарка*», то оно, как мы полагаем, восходит к вышеуказанному нами переднеазиатскому архетипу *zrq*.

65. **DakA* / *takA*: *tags* (неностр.: хурр.) - *самец, мужчина* [88, с. 175]. **Эта нраформа нашла отражение в северозападно- и восточнокавказских языках, которые, согласно предположению ряда учёных, издревле находились в контактнородственных отношениях с отдельными языками Малой и Передней Азии.** В частности, это: *txa* (ностр.: картв.: груз., мегрельск., чанск.) ~ *t'uka* / *tiga* / *l'eka* (авх., тинд.) - **козёл, дикий козёл** [110, с. 71-72] ~ *t'iq'o* (ав.) ~ (бежт.)-

«то же» [88, с. 175] *teka* (др.-тюрк.) - **козёл, самец козы** ~ *taka* (др.-уйг., ср.-кыпч.) - «то же» ~ *teke* (тур., турк.) - козёл || *take* (калм.) ~ *Шха* (бур.) - домашний и дикий козёл [30, с. 154, 428].

Как видим, палеотюрки и жители Кавказа древнее название самца употребляли как название козла.

66. **Gadju* (афраз.) - **коза, козлёнок** ~ *gadu* (сем.: акк.) ~ *gadja* (арам.) - «то же» [108, с. 4] ~ *gadia* (сирийск.) - козёл [129, с. 61] || *hejji* / *hejjiV* / *kic'sV* (неинд.-евр.: общесеверокавказ.) - **коза, козлёнок** ~ **kVc's* (праадыгейско-кабардинск.) - «то же» [68, с. 76] *keci* (МК, III, 219) ~ (др.-огуз.) - **коза** ~ *kaci* (тур., турк.) - «то же» ~ *kaja* (тат.) ~ *kaza* (башк.) ~ (уйг.) - коза [30, с. 426].

**Aca/esa* (прасеверокавк.) - козёл-производитель, коза ~ *aca* (адыг.) / *aza* (каб.) - «то же» [68, с. 76] *ackii* (др.-уйг.) ~ *иски* (чаг.) ~ *acki* (ср.-

кыпч.) ~ *aski* (кбал., кум.: ног., узб.) - коза [30, с. 426].

В последних примерах *ki / ki* нужно рассматривать как словообразовательные суффиксы.

Возведение поволжской формы *каса* к русскому слову «коза» (А. М. Щербак) **неубедительно**, поскольку такое утверждение не согласуется ни с пребыванием древних тюрков в Анатолии и на Кавказе, ни с объективным утверждением Византийского императора и историка К. Багрянородного о заимствовании практики разведения домашних животных русскими у тюрков (см. ст. № 66).

67. **Kozl* (ностр.) **kr/r* (сем.-хам.) - **ягнёнок, овца** ~ *kirnt / kerru* (вавиланоассирийск.) - **ягнёнок, ягнята** [2, с. 103] || *kori* (драв.) - **овца** ~ **kraw-* / *krw-* (картв.) - детёныш, молодое животное [5 (2), с. 373] || *кз* (хамит.: афр.) - ягнёнок, молодой козёл ~ *kori / k o z i* (драв.) - вид мелких овец *kuri / kori* (алт.) - **ягнёнок** [123, с. 20] ~ (r>z) *qozi / quzi* (др.-тюрк.) - **ягнёнок** ~ *qozy* (др.-уйг.) ~ *quzu* (чаг., ср.-огуз., тат. диал.) - «то же» [30, с. 433] ~ *quri* (монг.) - ягнёнок [138, с. 101].

68. **Siis* - **животное, бывшее объектом охоты при родовом строе** ~ *уод* (и.-е.: греч.) - **свинья** ~ *sus* (лат.) - **свинья** [245, с. 74] ~ *sow* (и.-е.: англ.) ~ *sail* (нем.) - «то же» [138, с. 99], *до* (греч.) ~ *su* (др.-в.-нем.) ~ *hu* (др.-иран.) - вепрь, кабан [171, с. 41] *суска* (чув.), *сосха* (хакас.) ~ *суска* (башк.) - **свинья** ~ *чочка* (уйг.) ~ *чучка* (тат.) - «то же» ~ *чочуц* (чыг.) - **поросёнок** || *сосна* (мар.) - свинья [150, с. 240].

А. Б. Долгопольский считает праформу **su/sus* ностратическим корнем, к которому, на наш взгляд, примыкает и общетюркская лексема *суска / чучка*.

69. *Kijna* (ностр.) - **волк, собака** ~ **k(j)n* (сем.-хам.) - «то же» ~ **k(j)n* (куш.) - собака: *кана* (баскетто) ~ *kjan* (гимирра) ~ *kjnapo* (моча) - собака || *кенё* (чад.: гамергу) ~ *кан* (вост.-чад.) - собака [5 (1) с. 361] || *kinos* (и.-е.: греч.) ~ *canis* (лат.) - сука [17, с. 287] **k'ina* (алт.) - **собака** [123, с. 8] ~ [МК, I, с. 475] (у = i, читается как ы) - сука ~ *qa* (крх.-уйг.) ~ *qancik* (тур.) ~ *qancuk* (тат., каз.) - **самка собаки, сука** [30, с. 180] || *кзнтэй* (тат.) - сука || **kijna* (урал.) - **волк, собака** ~ *kejin* (коми) ~ *kujon* (удм.) - «то же» [5

(1), с. 361-362] || *k'wen* (кит.) - собака [159, с. 41] || *kuni /koni* (американцы) - собака [17, с. 269].

По хуннским и древнетюркским тотемистическим легендам, волк и собака представляли собой родоначальника тюркских племён или же их вождя.

70. *Barra* (и.-е.: хетт.) - **волк** [90, с. 33; 87, с. 157], *Бг - *barbar* (сем.: акк.) - волк [18 (1), с. 104] *bori* (общетюрк.) - **волк**. Отдельные языковеды (А. Вамбери) название волка связывают с древнейшим корнем, означающим «серый, буроватый, рыжий, коричневый». По нашему наблюдению, ранние слова с такими значениями и схожей структурой происходят из Передней Азии и смежного с ней территориально Северного Кавказа:

bawr / p a w r o (хурр.) - бурый || *bora* (чеч., инг.) - коричневый ~ *berhe* (дарг.) ~ *bure-r* (агульск.) - серый [88, с. 171; 89, с. 277].

Названные кавказские языки нахско-дагестанской группы считаются родственными хуррито-урартским языкам. В них представлен родственный корень (а может быть, первичный?!) и со значением 'волк': **bherge* ~ *bhorg* (чеч.) ~ *borz* (инг.) - «то же» [163, с. 64]. Далее: *bah.ru* (инд.-ир.) - серый, жёлто-бурый ~ *Bega* (кельт.) - волк ~ *birgga* (сак.: произносилось *birga*) ~ *berog* (осет.) - волк. В последнее время иранские формы предполагаются тюркизмами.

Тюркские слова со значением «волк» представлены в следующих вариантах: *Бдгг* (др.-тюрк.) (*др.-уйг.*) (кыпч.) ~ *Бдгг* (узб.) ~ *Бйгэ* (тат., башк.) ~ *рөггэ* (чув.) ~ *Бдгд* (як.) [30, с. 160]. Очень близки к тюркскому санскритское *vrkah* и восточнофинские формы: *piragy / pira* (мар.) ~ *virgez* (морд.: эрзя) ~ *virgaz* (морд.: мокша) || *бирюк* (рус.) - волк-одиночка [41 (2), с. 221].

Заметим, что в регионах Анатолии и Кавказа существовала традиция уподобления вождя боевой дружины или предводителя волку. Такое же символическое представление зафиксировано в хуннской пословице на Дальнем Востоке: «Когда теряют одного волка, разбегается тысяча овец», которая означала: «Когда погибает один военачальник, разбегаются тысячи солдат» [89, с. 173].

Тюркские собственные имена и присоединяемые к ним титулы: *Асперух / Esberuh* - 'равносильный волку' (П. А. Баскаков), *Бури-шад* -

князь-волк , *Бури-хан* - «то же», *Бури-тегин* - 'принц-волк', *Ир-бури* - 'муж-волк'.

73. *-prass* (неинд.-евр.: хатт.) ~ (и.-е.: хетт.) - **барс, леопард** || *pardus* (греч.) - «то же» [91, с. 67] ^ *bars* (др.-тюрк.) - **тигр, леопард** ~ *bars* (др.-уйг.) - «то же» ~ *bars* (кыпч.) - **барс** ~ *barus* (каз.) ~ *pars* (алт.) - «то же» / *jolbars* (др.-тюрк.) - **тигрица** ~ *jolbars* (уйг.) ~ *julbars* (тат.) - **тигр, леопард** [30, с. 157] || *fars / pars* (перс.) - **иантера** [91, с. 67].

В древней Малой Азии и Африке барс / леопард выступает в качестве одного из диких «животных богов». Древние тюрки также почитали барса. Это животное считалось тотемным животным енисейских киргизов, болгары также почитали и обожествляли его. Об этом свидетельствуют название хазарского и болгарского племени *барсил* (барс-ил/ел) / *барсула*, топоним *Барскаун*, антропонимы *Барс-бег*, *Бей-барс*, *Баг-барс* [89, с. 274-275].

74. *'arja* (сем.: сирийск.) - **лев** [129, с. 52] ~ *arzu* (неинд.-евр.: хатт.) - «то же» [137, с. 29], *araz* (этрус.) - лев [348, с. 45]

arslan (др.-тюрк.) ~ *arşları* (др.-уйг., алт., кумык., тат.) - **лев** [71, с. 137] ~ *аслан* (тур., азерб., балк.) ~ (тув.) - «то же» [41 (1), с. 177].

А. Вамбери делит слово *арслан* на «*ari(c)*» - сильный и «*лап*» - зверь (кит. *Иан*, тюрк, *ан* - зверь). По этой модели образованы слова *каплан*, *сыртлан*. Некоторые лингвисты выделяют корень «*ар*» в значении «каштановый», «красно-жёлтый». По-видимому, к этому ряду примыкает и древнетюркское слово *argun* - небольшое хищное животное, мангуста (МК, I, 120). Любопытно, что мангуста преимущественно обитает на юге - в северной Африке, Малой Азии в зарослях кустарников. Африканскую мангусту называют фараоновой крысой.

75. **Tl* (сем.-хам.) - **шакал, лиса** ~ **tolA* (ностр.: драв.) - шакал [5 (2), с. 372] ^ *tülga* (алт.) - **лиса** ~ *tülki* (др.-тюрк.) ~ *ülkü* (др.-уйг.) ~ *tülkü* (кыпч.) ~ *tilki* (тур.) ~ *tülkü* (кум.), *tölkö* (башк.), *lolkä* (тат.), *tülgü* (хак.) ~ *dilgi* (тув.) - **лиса** [30, с. 161].

Производность зоонима от слова-корня *tük* — «пух» считается сомнительной.

76. *Tavs-ala* / *тави-ала* (и.-е.: хетт.) - **заяц** [92, с. 41] *tamsyan* (МК, II, с. 165) ~ *tabıyan* (др.-тюрк.) - **заяц** [36, с. 526], *tabıyan / tavsan*

j'ii - год зайца ~ *тавгиан* (тур.), *довшан* (азерб.), *товгиан* (турк.), *тавгсхан* (як.) - **заяц** [71, с. 136].

Сближение *тавциан* отдельными учёными с арабским *lafza* и монгольскими *tmilaL*, *табгл* со значением «заяц» мы считаем необоснованным.

77. В конце раздела о животных добавим несколько названий из мира птиц, примыкающих к классу позвоночных животных.

Qos / кош (америнд.: майя) - **вид птицы** [162, с. 34] || *gash* (неинд.-евр.: шум.) - **итица** [109, с. 237] || *kahr-kâsa* (авест.) ~ *car-gas* (осет.) ~ *cr-ks* (согд.) - **хищная итица**, коршун [12 (2), с. 539] *qus* (др.-тюрк.) - **итица** [36, с. 471] ~ *каракош* /

кара-куш (тюрк., тат.) - орёл, доел.: чёрная птица [223, с. 534] ~ *карлы-gash* (ккал.) ~ *карлы-gach* (тат.) - ласточка.

74. **GAra* - *kor* (картв.) - **ястреб** ~ *kor-i* (груз.) - «то же» ~ *kur-i* (лаз.) - **ястреб** || *a-uop* (греч.) - **орёл** (а - здесь гласная протеза) [12 (2), с. 904] ? *kar-syga* (тюрк.: каз.) ~ (тат.) - ястреб ~ *sun-kar/sun-kar* (тюрк.: тат., каз.) - **сокол** [17, с. 345] ~ *qar-ga* (др.-тюрк.) - **ворои** [36, с. 425].

Складывается впечатление, что корень *uar/qar/qog*, как и название ряда птиц, образовался вследствие звукоподражания.

75. *Tusan* (америнд.: майя и др. племена) - **хищная итица, сокол** *toyan* (др.-тюрк.) ~ *doyan* (тур.) - **сокол** [162, с. 39] ~ *toyan* / *tiyan* (кыпч.) ~ *tojyan* (башк.) - **хищная итица, сокол** [30, с. 651].

В ареале Ближнего Востока это древнейшее название хищной птицы либо утеряно, либо пока ещё не зафиксировано.

76. *Uz* (неинд.-евр.: шум.) - **гусь, утка** || *('i~) *wazz* (сем.): *'uz* (угар.) ~ *wazz* (сур, арам.) - **гусь** || *a-waz/z* (афраз.: берб.) - страус [31, с. 120] || *gass* (ирл.) ~ *gans* (герм.) - гусь || *sag* из **qaz* (арм.) - «то же» [32, с. 373] *qaz* (др.-тюрк.) - гусь [36, с. 438].

77. *Zibin* (и.-е.: шум.) - **муха** [150, с. 232] || *zubbu/zumbu* (сем.: акк.) - **муха** [2, с. 76] *zebub* (иврит) - «то же» [15, с. 79] *чзбгн* (тюрк.: чагат., крым., таран.) - **муха, ичела** [63 (3), с. 2154, 2163] ~ *чШн* (казан.-тат.) - муха.

5. Человек и его социальные и родственные отношения

78. **Ag* (хамит.: куш.) - **мужчина, муж, самец** [14, с. 201] ~ *er/ir* (сем./халд.) - род, семья, народ [40, с. 80] || **eg* (ностр.: драв.) - самец *egA* (алт.) - самец, мужчина [5 (2), с. 362] ~ *eg* (др.-тюрк.) - **мужчина, муж**; ~ (межтюрк.) - мужчина, муж; ~ *ag* (чув.) - мужчина, муж; ~ *eg* (др.-тюрк.) - **муж, мужчина, воин** [30, с. 661] ~ *egen* (межтюрк.) - мужчина, герой, человек [41, с. 290-291] ~ *ag* (межтюрк.) - люди, мужчины [42, с. 369-370], отсюда этнонимы **хазар, авар, сувар, мишар** || *naḡ* (санскр.) - человек, мужчина || *ag* (абх.) - народ, войско, самец; *eg-g* (груз.) - народ, *ag* (баск.) - самец [40, с. 80-81].

Пракорень *ag* в значении «человек», «люди», насколько нам известно, впервые зафиксирован шумерским клинообразным письмом на эблаитском, т. е. чрезвычайно архаическом семитском языке с аффиксом множественного числа: *ag* (человек) —
► *ag + mi* - люди. Эти клинообразные памятники обнаружены археологами на территории древнесемитского государства Эбла, расположенного между восточным побережьем Средиземноморья и средним течением Евфрата, которое ещё в III тыс. до н. э. по уровню своего развития, как утверждают специалисты, не уступало своим современникам - Египту и Шумеру [43, с. 284-285].

83. **Is* (сем.: др.-евр.) - **человек, issa - женщина** [44, с. 367, 382] ~ *'is* (иврит) - **человек, 'issa - женщина** [15, с. 113], *assa* (сем.: акк.) - **жена** [164, с. 13] || *gis* (неностр.: шум.) - человек ~ *ast* (хурр.) - женщина, *asta* - жена [45, с. 220] || *isu* (кавк.: удин.) - человек [70, с. 193] || *is* (майя) - **женщина, супруга, госпожа** [46, с. 202-203] ~ *isi / min* (америнд.: яна) - человек [162, с. 28] || *is* (тохар В / кучан) - человек [49, с. 305] || *us* (санскр.) - жена, женщина [47, с. 17] || *kaci* (ностр., картв.: карте.) - человек ~ *koci* (мегр.) - «то же» [53, с. 31] *isi* (др.-тюрк.) - женщина, *is e* - друг, приятель [36, с. 214, 184] ~ *is / is* (др.-уйг.) - товарищ, друг, *isi* - **женщина, дама, супруга** [241, с. 12, 14] ~ (др.-тюрк.) - женщина, жена, человек [250, с. 394] || (тунг.) - жена, *asi* (як.) - жена [47, с. 8].

В библейском словаре А. Верховского утверждается, что древнетюркские слова *is* и *isa* использовались как

альтернативные имена Адама и Евы [48, с. 74]. В турецкой мифологической легенде названная этими именами пара изображается как самые первые люди, образовавшиеся из глины. Похоже на то, что в древнетюркском языке термины родственных отношений, реализованные с помощью «внутренней флексии», возводятся к этим же праформам: *esa* - старшая сестра, *esi* - старший брат, дядя, *asa* - родственник, *esi* - предки [3, с. 4, 162].

Возникает резонный вопрос: не к тому ли архаическому гнезду (*is/isa/isi*) примыкает гипотетическое утверждение крупного лингвиста Г. И. Рамстедта о том, что *ни* (фонетические варианты *-ни/-ци/-чи*) в тюркских языках первоначально имел значение «**мужчина**», «**человек**», «**персона**», «**лицо**», позже стало словообразовательным суффиксом: *bali-ci* — рыбак, *em-ci* - целитель, лекарь, *as-ci* - повар [50, с. 53]. В порядке сравнения приведём схожие корни из северокавказской семьи языков: *ci* (авар.) - **человек**, **мужчина** ~ *zi* (таб.) ~ *сэ* (уб.) - «то же» [107, с. 225].

84. **Man* (сем.-хам.: куш.) - **человек, мужчина, люди, воин, самец** [23, с. 180] ~ **meni* (чад.) - **мужчина** [5 (2), с. 349] || *man* (ностр.: драв.) - **мужчина** || *Manu* - в германской мифологии - первочеловек [51, с. 105] || *mann* (авест., др.-инд.) - человек || *mann* (гот.) ~ *man* (англ.) - человек. С помощью этого лексико-семантического корня образовались тюркские этнонимы: *qu+man*, *turk+man* и отдельные сложные слова: - учитель, *ata+man*, *las+man*.

Сюда же напрашивается существующая в лингвистике теория, согласно которой отдельные полноценные слова, в том числе и существительное *man* - «**человек**», в ходе исторического развития перешли в разряд местоимений. Сравните неопределённо-личные местоимения в немецком - *man*, голландском - *men*, шведском, норвежском и датском - *man*, происходившие от существительного именно со значением «**человек**» [52, с. 17].

По всей вероятности, шумерская, кельтская и грузинская стяжные форманты *te*, древнетюркское *men* (*ben*), древнеуйгурское *tom*, межтюркское *men*, мордовское и удмуртское *ton*, тунгусское *tin*, соответствующие значению личного местоимения первого лица «я», также отпочковались от того же архаического корня.

85. *SarrA / sarA* ~ *zarrA / zarA* (неинд.-евр.: хурр., субар.) - **раб, слуга** || *daqa / tsara* (и.-е.: арм.) - **слуга, раб** ~ *dog* / (мегр.) - слуга, раб [53, с. 30-31] (тюрк.: уйг., узб.) - **рабыня, служанка** ~ *sigā* (чув.) - **невольница** ~ *sora* (каз.) (*кирг.*) - **рабыня, служанка** [30, с. 321] *sigā* (каз., тат.) - **слуга знатного лица** || *surī* (тадж.) - рабыня.

Sura (неинд.-евр.: урарт.) - **сильный, герой** [54, с. 143] || (г // 1): **sIA* (сем.-хам.) - **быть сильным** || *j* (ностр.: картв.) - **сильный** [55, с. 170] || *col/cor* (кит.) - **воин, боец** || *sura* (и.-е.: др.-инд., авест.) - **сильный, могущественный, герой** || *ḍiḡa* (санскр.) - **мужественный, отважный, герой** [56, с. 652] *мура* (др.-тюрк.) - **храбрый воин, сильный, член боевой дружины** [93, с. 213] ~ *чора /шора* (кыпч.) - **герой, богатырь** [21, с. 632] ~ *sig* (др.-тюрк.) - **возвышающий титул-приставка: curtegin, kiili cur, beg cur.**

Собственные имена: Ханчура, Чурашах, Чурамурза, Чура-ман, Чура-батыр.

Как явствует из примеров, омонимические корни, образующие два семантических пучка, генетически оба восходят к региону Ближнего Востока. Причина их семантического расхождения, отражающегося отчасти в вариациях корневой огласовки, возможно, связана с выделением мужчин-рабов из общей массы с большей физической силой.

86. *Adan/akan* (америнд.: майя) - **дядя по матери** ~ *w-age* (америнд.: кегуа) - **дядя по отцу** [162, с. 34, 44] || *abI* (шум.) - **старший брат** || *axa* (этрус.) - **старший брат, дядя** [350, с. 26; 348, с. 140] *aya/aqa* (др.-тюрк.) - **старший брат** [36, с. 48] ~ *ага* (общетюрк.) - **старший брат, дядя** [41, с. 70].

87. *Egen* (неи.-е.: шум.) - **воин, работник, невольник** [109, с. 232] *egan* (др.-тюрк.) - **воин, муж, мужчина** [36, с. 176] ~ *egen* (межтюрк.) - **мужчина, герой, человек** [41, с. 290-291] ~ *egen* (др.-уйг., караим., кирг., каз., тат. диал.) - **мужчина, герой, дворник, деловой человек** [41 (1), с. 290-291].

88. *Pa- / pa-* (и.-е.: индоар.) - **охранять, защищать** [64, с. 59] ~ *pai* (др.-инд.) - **охранять, защищать, оберегать, пасти** ~ *patr-am* (др.-инд.) - **обеспечивающий защиту** ~ *pair* - **защитник** \\ *patar*

(Авеста, др.-персид.) - защитник, страж, хранитель [206, с. 48; 141, с. 106-107] || ? > *pahs* (и.-е.: хетт.) - защищать || (тохар А) ~ *pa-sk* (тохар В) - охранять [193, с. 140] || *Вайт/Башир* (сем.: акк., луллуб.) - название горы у Сарапула (Передняя Азия), где на скале высечены изображение и надпись о победоносном походе владыки Луллубума по имени Анобинини на северную Месопотамию (XXIII в. до н. э.) [37, с. 81-82].

Мы считаем, что этимология общетюркской лексемы *batur/ batir* (др.-уйг., тур., турк., алт., тат.) - **герой, богатырь** восходит к праформе *pa- /part* - **защищать, защитник**. А из монголо-тюркской лексемы *bayatur / bayadur* выделяется корневая основа *bay-* (*баг-*) - пасти, присматривать с первичным значением «**пастух**» [30, с. 560] > обеспечивающий защиту —> **герой**.

Заметим, что по мнению ряда синологов, имя основателя хуннской империи Маодун (Модэ) - это китаизированный вариант тюрко-монгольского имени Бахадур/Багадур (< ба // ма / мо) [194, с. 15-16]. Это подтверждается, как мы заметили, и более поздними китайскими эквивалентами этого и схожего с ним слова, зафиксированными в древнетюркское время: *Мохэдо Тугунь = Багадур Ту дин, Мохэ-дагань = Бага тархан* [195, с. 173]. Да и китайское слово *ма* - лошадь, по видимому, адекватно тюркскому слову *бахбай*, сохранившемуся в детской речи (ма= ба!).

89. *Jabu* (сем.: акк., вавилоноассирийск.) - **враг, противник, враждебный** ~ *a-jabu / h a j a b* - «то же», множ. число [2, с. 24] *jablaq / ja\`laq* (др.-тюрк.) - **недруг, плохой, скверный**

[36, с. 222-223, 249] ~ (Б *Их //у*): *jayiliq* - вражда ~ *jayi-* враг [36, с. 224] ~ *jayiq / й а ^ ы ц* (турк., кирг., ног.) - враг, недруг, находящийся во враждебных отношениях [169, с. 55].

90. *Ada* (неинд.-евр.: шум.) - **отец, ania - мать** [109, с. 231] ~ *ata / ada / ataj / alia* (неностр.: хурр., урарт.) - **отец** ~ *amma - мать* [88, с. 175] || *atei* (этрус.) - отец ~ *anei* (этрус.) - мать [348, с. 140] || *ata* (хамит.: чад.) - отец ~ *ama - мать* [112, с. 257] || *alas* (и.-е.: хетт.) - отец ~ *annas - мать* [27, с. 201] ~ *alia* (элам.) - отец ~ *ata* (лидий.) - «то же» / *ëna - мать* || *ina / inna* (куш., бербер.) - мать [31, с. 125] **ane* (алт.) - мать ~ *ana/ine* (тюрк.) ~ *ana* (орх.-енис., др.-уйгур.,

ккалп., тат.) - мать [114, с. 24] ~ *ane* (др.-япон.) - *ant* (кор.) - мать [33, с. 78] || *ata* (уйг., кирг., каз., тат.) - отец ~ *ada* (алт., хак., тув.) - «то же» [114, с. 24-25].

В порядке оговорки надо заметить, что эти общие лепетные слова (*naturlaute*) могли иметь и самостоятельное происхождение. Но всё же настораживает то, что отец в подавляющих случаях передаётся через корень *ata/ada*, а мать - через *ama/ana/ ina/ëna*.

91. '*att-* /*at-u* (сем.: угарит.) ~ '*atum* / '*attum* (акк.) - **женщина, жена** [51, с. 211] ~ **xVdV*(неинд.-евр.: правост.-кавк.): *xadi* (авар.) - «то же» ~ *xade*(дарг.) - **женщина, жена** [88, с. 193] *qatun* /*xatun* (др.-тюрк.) - **жена, женщина, госпожа** [36, с. 436, 637] ~ *qatun* (др.-уйг.) ~ *qatun* (орх.) - жена, госпожа, женщина ~ *xatun* (тур.) ~ *hatun* (уйг.) ~ *xat* (хак.) || *xatan* (монг.) - «то же» [30, с. 296-297].

92. *Oyul*/угул (общетюрк.) - **сын, дитя, ребёнок**. Это слово, согласно этимологическим исследованиям, является производным от корня **ог/уг* // **ок/ук*, древнейший источник которого восходит к шумерам. Он с древнетюркским корнем составляет родственную семантическую пару: *уг, угу, угун* (шум.) - **род, рожать, производить на свет, порождать, мать** и *ог/уг/ук/дк* (тюрк.) - **потомство, род, происхождение, мать** [116, с. 36-37] || *oylan* (др.-тюрк.) - **сын, ребёнок, мальчик** ~ *oyla* - юноша (МК, I, 129) ~ *ogo* (як.) - ребёнок.

Or (хамит.: куш.) - **сын, ребёнок** [8 (1), с. 42] *огу*

(др.-тюрк.) - **сын, мальчик, юноша** [36 с. 614] || (г//1) /

(евр.) - **дитя** [47, с. 18] || *ul/ nil* (хамит.: чад.) - ребёнок ~ (бербер.) -

сын [8(1), с. 74] ~ *БХ-од* (греч.) - сын *oul* (тур.) ~

ул (тат., башк.) - сын [41, с. 414-415].

93. *K'j* (афраз.: егип.) - **девица** ~ (егип.) - **сосуд** [118, с. 21] ~ *qi*

(семит.: халд.) - **девушка** || *ke* (мегр.) - **дочь, женщина** [40, с. 90,

141], *kiys / кийс* (др.-арм.) - дева [323, с. 329] ~ *k'er* (др.-арм.) -

сестра [117, с. 8] || (к // х): *хьир* (дагест. языки: агульск.) - жена

[70, с. 187] || хег(чув.)- девушка

девочка [120, с. 87] ~ *хур* (афг.) - девица / *хор* (афг.) - сестра [47, с. 17]

кыз (орх.-енис., кир., каз., ккалп., тат.) - **девушка, девочка, дочь** ~ *циз*

(уйг., узб.) ~ *xiz* (МК, III, 218) - девочка ~ *хыс* (хакк.) - дочь, девочка ~ *kis* (др.-тюрк.) - жена [36, с. 310].

В указанных лексемах наблюдается чередование звуков: *й // з* (сравните: *coj-la / cozla* - говори, *qozi* (др.-тюрк.) - вниз, внизу [36, с. 453, 462]); *к // х* и *з / р* - (/ *хур* (чув.) - гусь), которое издавна характерно для ностратических языков.

94. **Ваг-* / *бар-* (сем.: араб., Библия) - **сын** ~ *bar* (хамит.: чад.: сок.) - **дитя** ~ *par* (чад.: ангас) - **младенец** ~ **г 1** - *Бла/ била* (чад.: тер.) - младенец [18 (2), с. 86-87] ~ (чад.)- **рождать(ся)** [122, с. 25] || (*г // l*) - *Bala/бала* (ностр.: драв.: канн.) - молодой, юный, детский ~ *балукейу* (канн.) - ребёнок, дитя [101, с. 87, 89] ~ *pilla* (малаялам) - ребёнок [102 с. 84] ~ *balasula* (драв.: тамиль.) - ребята, детвора [136, с. 43] || *baby* (англ.) - ребёнок, дитя ~ *bala* (санскр.) - **дитя, мальчик, детский** [41 (2), с. 49] **pAl* (праенис.) - ребёнок ~ *'polat* (аринск.) - дитя ~ *phalla/fala* (пумф.) - мальчик, сын [107, с. 200] *bala / бала* (общетюрк.) - **ребёнок, дитя, детёныш животного, птенец** [41 (2), с. 48[^]-9] *бала* (МК, I, 403) (уйг., тур., кирг., каз., тат.) - «то же» [41, с. 17-18].

Как видим из примеров, следы перехода звука «р» в «л» сохранились ещё в африканском (чадском) языке.

95. *Baha* (америнд.: сиу - дакото) - **старый человек** [162, с. 25] || *pab/ наб* (неи.-е.: шум.) - **старший дядя по отцу, дед** || *papa* (этрус.) — > **дед, дедушка** [348, с. 40] || *bab/baba* (сем.: хара-ри) - **дед** [18 (1), с. A\] *rap* (и.-е.: арм.) - **дед** || *rap-id* (этр.) - «то же» || *baba* (картв.) - «то же» ~ *babua* (ностр.: груз.) ~ **дед** [58, с. 60-61] || *Папай* (скиф.) - **обожествлённый предок скифов** [252, с. 427] *баба* (осм.-тур., туркм., каз., кирг., сарт.) - **предок, дед, почтенный старик** ~ *бабай* - **дедушка** (обращение) [63 (4), с. 1564].

Хэлянь-бобо - основатель хуннского государства Ся (407-431) на территории Китая. С этим и с царством Северная Лян (401-439), которые были последними хуннскими государствами, связано первое упоминание племени ашина в китайской историографической литературе [307, с. 122-123]. Арслан-Баба-шейх-наставник среднеазиатского суфия-поэта Ахмеда Ясави. Баба-Туклас («волосатый баба») - кипчакский дервиш-святой.

96. **K'eno* (неи.-е.: урарт.) - **детёныш, дитя, ребёнок** *kanina* (др.-инд.) - **юный, молодой** ~ *kanyd* - девочка [182, с. 24]

| *kanda* (драв.: каннада) - маленький ребёнок ~ *kanji* (тулу) ~ *kandu* (телегу) - **младенец** [5 (1), с. 336] || *kind* (др.-в.-нем.) - **ребёнок** *kepc* (др.-тюрк.) - **ребёнок, детёныш** [36, с. 298] ~ *kinja* / *kinja* (тат., башк.) - младший ребёнок в семье, младший (-шая).

97. *Ekü/akü* (сем.: акк.) - **сирота, не имеющий отца** [2, с. 24]

oge/eze/Zogej/ezeu/Zugej/yzeu (общетюрк.) - **неродной, сводный пасынок, падчерица** [41 (1), с. 495-496] ~ (др.-тюрк.)- *ogaj oml* - **пасынок** ~ *ogaj giz* - **падчерица** [36, с. 379].

А. М. Рясянен связывает тюркский *Ogej* с монгольским словом *ogei* - нет. Однако было бы неправомерно игнорировать исходный адекватный архетип, который берёт начало из региона Средиземноморья порядка пяти тысячелетней давности.

98. **KIn* (сем.-хам.) - **невестка, невеста** ~ *kalla*. (др.-евр.) - «то же» ~ *kalla-tu* (ассиро-вавилонск.) - «то же» ~ **kall* (ностр.: драв.) - **жена младшего брата отца** [10, с. 118] ~ *kalla-t* (акк.) - **невеста** ~ **kal/ew* || *kalii* (урал.) - золовка, свояченица ~ (фин.) - жена брата [5 (2), с. 363] **kalin* (праалт.) - **невестка, сноха** ~ *kelin* (МК, III, 12) ~ **невеста, новобрачная** ~ (уйг., алт., каз., кирг.) - невестка, невеста, сноха, молодуха ~ *kilen* (тат., хак.) ~ *gelin* (тур., турк.) - «то же» [124, с. 63-64].

Древнее значение корня, означающего степень родства в семейно-брачных отношениях, - это «**женщина другой фратрии (другого брачного класса)**» родового общества. Этимологию слова в тюркологии принято производить от тюркского глагола *kel-* / *kal-*— приходить, однако родственные варианты его, наряду с вышеуказанными параллелями, представлены и в ареале Ближнего Востока: *ke-* / *klh* (сем.-хам.) - приходить ~ *kal* (драв.) - идти [5 (1), с. 293].

99. **Kuda*, как утверждает А. Долгопольский, - это ностратический термин, связанный с брачно-семейными отношениями дуально-родовой организации родового общества, означающий «**мужчина другого брачного класса**» [10, с. 118-119]. Этот же термин в том же значении сохранился у алтайских и тюркских народов: *quda* - **сват, сватья, кум** ~ *qoda* (алт., каз., кирг., узб., тат., тув.) - «то

же» [30, с. 310] || *quda* (монг.) - родители супругов, сваты [10 (2), с. 363].

В большинстве языков слово «*kuda*» имеет только «мужское» значение. Так называют друг друга мужчины двух переживших семей-родов или фамилий. Ср. *qutu* (др.-тюрк.) - **род**.

100. **Tur/turV*— *turuni/туруни* (ней.-е./драв.: малаялам) - **девушка** ~ *турунийар* (малаялам) - **девушка** [343, с. 836] (?) -

tiirkiin (тюрк.: кирг., сиб.-тат.) - **родственники жены** [Радлов, III, 1256, 1563] ~ *tiirgun* (сиб.-тат.) - **обряд посещения замужней**

дочерью отчего дома [358, с. 221] ~ (др.-тюрк.) -

кровные родственники [36, с. 581].

101. *Gal/гал* (неинд.-евр.: шум.) - **большой, быть большим, расти, увеличиваться** [116, с. 39] || *cal/кал* (этрус.) - старик [350, с. 27]

|| (g Ик ~ I ИГ // d): *kadaa/kaded* (хамит.: куш.: билин) - **старик, быть старше** (откуда: быть уважаемым, вождём племени) [14 (1), с. 89]

kariuli/kandu (и.-е.: хетт.) - **старый** [251, с. 229] ~ **kirA*

(ностр.: драв.) - **старый** [5 (2), с. 367] ^ *qal* (др.-тюрк.) - **старик**

~ *qari*(др.-тюрк.) - **старый, старик,**

становиться старым ~ *карт* (др.-тюрк.) - старик [36, с. 410, 426, 429].

Как бы ни было заманчиво, сведение древнетюркского архетипа *kaj* / *кар* к лексеме *кар* - «снег», ассоциируя его с прожитыми зимами 1 как это делают некоторые этимологи! [150, с. 93], нам кажется малоубедительным, поскольку оно оставляет на стороне явные исходные параллели из Ближнего Востока.

102. *Ur* (ней.-е.: шум.) - **нерест, метание икры, родство, родня, родственные связи** [116, с. 34] ~ *иги* (шум.) - **община** [44, с. 50] *ур/ор* (др.-тюрк.) - **семя, зерно, плод, родственники, род** (> *иг* + *иу*) - **род** [116, с. 34; 36, с. 615] ~ (общетюрк., як., тат.) - **кровный, родовой круг, племя, община** [41 (1), с. 615; 223, с. 651].

Если праформа *иг*, присходившая из Передней Азии, в узком значении означала икру, зародыш, злак и зерно, то постепенно она приобрела более широкое значение, означающее межродственные и коллективные отношения между людьми.

6. Части человеческого тела

Bas/pas/bas (общетюрк.) - **голова**. Если верить лексической реконструкции Ф. Р. Латыпова, это слово из средиземноморских народностей письменно зафиксировано в формате *ps/ ros* в минойском, этрусском и древнеиберийском текстах [348, с. 38; 353, с. 122]. Мы же встретили названную лексему в индоарийском памятнике «Ригведа», созданном во второй половине или в середине II тыс. до н. э. Там в одном из гимнов, посвящённых богу грозы и войны Индре (Indra), говорится: «Ты пробил насквозь челюсти (?) (в оригинале *pas-ja*) змей Вритры». Подготовивший к изданию книгу специалист-индинолог в комментарии отмечает, что: «челюсти» (?) (*pasya*) неясное слово» [64, с. 73, 578]. А нам, тюркологам, яснее ясного, что корень этого слова означает «**голова**».

Другие параллели: (*p/b//m*) *маасита* (хотаносакск.) - **голова** [149, с. 61] ? *basiliŋos* (греч.) - **царь** < **глава страны** [17, с. 334-335] *bas* (др.-тюрк.) - **голова, начало** [36, с. 86] ~ *нас* (тюрк.: хакас.) ~ *нос/нус* (чув.) ~ баш (тат.) - голова [149, с. 61] ~ *наси/нази* (др.-япон.) - начало.

Производные: *массагеты* сакские народности ~ *маскуты* - тюркоязычное (?) племя в Южном Дагестане [295, с. 314] ~ *башкорт* - тюркское население на Урале ~ *илбагы* (тюрк.: тат.) - глава страны ~ *су-башы* - предводитель войска, воевода ~ *башак* - колос.

103. *El* (и.-е.) - **сгибать** ~ *bl-i* - **локоть, рука** [227, с. 148] || *el* (этрус.) - **рука** ~ *al* (этрус.) - **брат** [348, с. 141, 145] || *al* (баск.) - **рука** [57, с. 304] || ? - *al-a* (кавк.: чеч.) - **давать** [88, с. 188] *el* (др.-тюрк.) - **рука, кисть руки** [36, с. 169] ~ *el/al* (общетюрк.) - **рука** (до запястья), **кисть руки** ~ *al-* (др.-тюрк.) - **брат, взять** [41 (1), с. 32, 260].

По утверждению тюрколога Н. А. Баскакова, синонимические форманты *el/эл* и *kol/кол* - рука получили отдельное развитие в группах соответственно огузских и кыпчакских языков [349, с. 245].

104. *Мон/мон* (ней.-е./драв.: брауи) - **передняя часть** ~ *ти'* (брауи) - **лицо** [340, с. 97] ~ *тип/мун* (драв.: тамиль.) - **перед** [121, с. 137] || *мац/ман* (монг.) - **передняя сторона** [150, с. 141] ^ *теиуз* (др.-тюрк.) - **лицо, облик, наружность** ~ **лицо, лик** [36, с. 341-342] ~ *тау* (тюрк.) - **лоб** [66, с. 152].

105. *Mantai* (неи.-е./драв.: тамиль.) - **голова** ~ *mande* (драв.: канн., тул.) - «то же» *maiidaj/mantaj/ manlaj* (общетюрк.) - **лоб** [66, с. 152] ~ *мацгай* (тюрк.: тат.) - «то же» [223 (2), с. 18].
106. *Meu/meyi* (неи.-е./драв.: там., канн.) - **тело** (m//b; y//j//d) - *badan* (араб.) - «то же» || *bod/bob* (др.-тюрк.) ~ **тело, стан** [36, с. 106, 108] ~ *boy/puj* «то же» || *body* (англ.) - **тело** [66, с. 152] ~ (y//j//r) (?) - *таг-гт* (др.-тюрк.) - **тело (человека), орган тела** [36, с. 377].
107. **Ka- //cu-* (сем.-хам.: куш.) - рука [15, с. 306] ~ (г // 1): *kar-bi* (сем.: халдеи) - рука, **бог** [54, с. 85] *kur-min* («азиани-чesk.» языки Передн. Азии: злам.) - руками ~ *kur-p* (злам.) - рука / руки [352, с. 224] || *k'ull* (майя) - поднять руку [162, с. 31] ~ **kel-* / *qal-* (ностр.: картв.) - рука [5 (2), с. 362] ~ *gel* (груз.) - «то же» [66, с. 158] || *xeir/xir* (греч.) - рука || *qul / kil* (неинд., евр.: воет.-кавк.: удин.) ~ *гьил* (лезг.) ~ *хыл* (рутиль) - рука || ~ *кулг* (инг.) [227, с. 125, 136] || **qu qol* (и.-е.: арм.) - рука || *qol* (курд.) ~ *q'ux* (осет.) ~ *qul* (пушту) - рука || *голя* (рус.) - ветвь [58, с. 19], а также *кул-ак* (рус.) ~ (санскр.) - пять вместе [60, с. 298] *qol* (др.-тюрк.) - **рука** [36, с. 453] ~ *qol* (др.-уйг., ср.-кыпч., ст.-осм., тур.) - рука ~ *qul* (тат., башк.) - рука ~ *xul* (тув., як.) - рука || *qol- /xol-* подмышка [107, с. 209].

Производные от общего корня *qol / qul* - рука: в дравидийском (тамильском) языке: *кол* - брать, держать ~ *кёл* - просить [121, с. 364-365] ~ *qol / kel* (др.-тюрк.) - просить, вымаливать [36, с. 454].

Латинское слово *cul-tura* с первоначальными значениями «**возделывание**», «**обрабатывание**» великий **Н. Я. Марр** возводил к древнейшему корню и «**орудию орудий**» (Аристотель) *cul* — «рука, творцу всей нашей культуры и через руку¹ человек, человечество - создатель её и никто другой, и ничто иное» [59, с. 73 (II), 153 (IV)].

Примечательно, что в баскском языке **плуг** и его **лемех**, будучи орудиями вспашки или обработки земли, названы именно при помощи интересующего нас корня: *gol+de* - «плуг» < *culter* - «лемех» [57, с. 317]. Между прочим, многие цивилизованные народы приняли в свой словарный фонд и более ёмкие производные значения слова «**культура**», в том числе означающее «**совокупность общественных, материальных и духовных благ или ценностей, созданных человеком**» (< *retr.* его руками и умом). К большому сожалению,

культурная общественность казанских татар, хотя в создании потенциально многогранного архетипа «кул» участвовали и прототюрки, отказалась от наращённого от него слова «культура» и заменила его арабским «мэдэният». Фактически же последнее слово имеет значение «цивилизация». Между тем из тюркских народов турки поступили правильно: сохранили слово «культура» в своём языке в прямом его значении.

На наш взгляд, с лексико-семантической праформой *qol / qul* - «рука» по своему происхождению родствен ещё один корень *qul* омонимического характера, означающий «раб». Нет необходимости доказывать, что раб - это, особенно в древности, закабалённый работник, основное орудие производства которого - «кул», подвергавшийся эксплуатации своим хозяином. Это производное слово, восходящее к архаическому архетипу из Передней Азии, использовалось древнехуннскими и тибетскими племенами без модификаций и соответственно, а также получило продолжение у тюркоязычных народов: *qul* (др.-тюрк. и межтюрк.), *gul* (тур.) - **раб, невольник, слуга, служитель** [30, с. 318].

108. *Guraksd* (афраз.: чад.) - **сердце** [5 (1), с. 232] ~ *zurk-iya* (неинд.-евр.: хурр.) - сердце [76, с. 137] ~ **jerk'wi* (восточнокавк.) - сердце ~ *jerk'w* (агульск.) ~ *urk'i* ~ *jik* (рут.) - «то же» [88, с. 171] *jiirak* (др.-тюрк.) - **сердце** ~ *jure* к (др.-уйг., тур.) - «то же» ~ *jorak* (тат., башк.) ~ *zi'trek* (каз.) ~ *jiirdk* (кирг.) - сердце || *jurtiken / j i r u g e n* (монг.) ~ *zi* (калм.) [30, с. 276] ~ *zilrex* (монг.) - «то же» [131, с. 15].

Полагают, что это слово носит народно-этимологический характер и возводится к корню *jur* - **двигаться, ходить**. Между тем созвучная праформа была характерна для ностратической макросемьи в целом, включая семито-хамитов: *je* (hA) - **идти; ходить** [8 (2), с. 359] и древних тюрков *jtiri //ju.ru.* - ходить, двигаться [36, с. 286].

109. **Phd* (сем.) - **бедро, ляжка** ~ *phd* (сирийск., евр.) - «то же» ~ *hpd* (афраз.: егип.) - ягодица || *budo /baudo* (хамит.: куш.: сом.) - **бедро** [25, с. 56, 65] *pahad* (др.-евр.) - «то же» [122, с. 26] ~ **pA(n)dA* (куш.: чад.) ~ *ba'udo* (сом.) - бедро [122, с. 24] *bu t* (др.-тюрк.) - **бедро** ~ *but* (др.-уйг., ср.-кыпч., чаг.) ~ *bud* (тур., азерб.) ~ *bot* (тат., башк.) - **бедро, ляжка** [30, с. 282].

Ped /patA* (инд.-евр.) - **нога, ступня || (ностр.: драв.) - ступня, ступать [25, с. 65] ~ *pat* (санскр.) - нога [127, с. 202] ~ **pada* (и.-е.: др.-инд., др.-ир., авест.) - нога [34: 283] $z \pm (p//b)$ - *but* (др.-тюрк.) - бедро, нога [36, с. 129], **padak* (алт.) - **ступня, нога** [5 (2), с. 368] ~ *pata* (чув.) - нога [131, с. 21] ~ *бут* (тув., алт.) - нога [114, с. 34].

Семито-хамитская праформа />/гс? у древних алтайцев-тюрков, отпочковавшихся от общеязыковой или межсоюзной основы, постепенно расширялась по смыслу и с новообразовавшейся парой стала обозначать также человеческое тело вообще: **bod > boj* ($d // j$)- **тело, туловище, фигура, рост (человека)** ~ *bjd* (орх.-енис., др.-уйг) - *boj* (др.-огуз., МК, III, 141) ~ *bod / boj* (ср.-уйг.) - «то же» ~ *boj* (тур., азерб.) ~ *biy* (тат., башк.) - тело, фигура [30, с. 265].

110. *Karšu / karašu* (сем.: акк. š читается как s) - **живот** ~ *karša* (неинд.-евр.: хурр., урарт.) - «то же» [128, с. 72] ~ *kapsā* (сем.: сирийск.) - живот [129, с. 50] *qurugsaq* (др.-тюрк.) - живот, желудок ~ *qursak* (уйг.) / *qursak* (ср.-кыпч., ст. осм.: чаг.) - «то же» ~ *qorsak* (тат., кум.) - живот [30, с. 277].

111. **BVk* - (хам.: куш.) - **живот, чрево, беременность** ~ *bog/bug* (куш.: сом.) - **живот** ~ *bogi* (байсо) / *bagu* (афар) / *Буке* (оромо) - живот, бок (все < от **BVk* [18 (1), с. 61] ^ *böksik* (др.-тюрк.) - **живот, брюхо** [36, с. 117] — (др.-уйг.) / (крх.-уйг.) ~ *boksa* (чаг.) ~ *böksö* (каз.) - «то же» ~ *biiksa* (тат., ног., ккалп.) - живот || *böksö* (внутр.-монг.) ~ *biyso* (бур.) - зад, задняя часть [30, с. 278] || *bögsen* (письм. монг.) ~ *böq / boqsen* (калм.) - низ, нижняя часть [41 (2), с. 214].

Г. Рамстедт считал тюркское *böksa* заимствованием из монгольского языка, оставаясь в рамках алтаистики.

112. *Qorb/i/* (сем.-хам.) - **живот, внутренности** ~ *qerebu* (сем.: др.-евр.) - **брюшная полость, внутренности** ~ *qvb* (аф-раз.: др.-егип.) - кишка || *grb* (куш.) - живот, внутренности || *kanil / karal* (драв.: малаялам) - внутренности, кишки || (картв.) - живот *karbi* (алт.) - **живот, брюшной жир** ~ **кагун* (алт.: тюрк.) - **живот, утроба** (упрощение -*rb*- > -*г*-) ~ *qarm* (др.-тюрк.) - **живот, чрево, желудок** ~ *qarun* (др.-уйг., ст.-огуз., ст.-кыпч.) - живот, утроба [5 (1), с. 338-339].

113. *Pī/pī, pa- (сем.: акк.) - **лицо** ~pūt (акк.) - **лоб**, перед ~pa'-t (арам., сир.) - перед, внешность [18 (1), с. \2A\fit (эффиосе-мит.) - лицо, перед, фасад || *biç (неинд.-евр.: восточнокавк.)- лицо, перед ~beç (авар.) - лицо, вид ~balh (чеч.) - лицо [88, с. 193] - (Б // т) - *mat 'Л (неинд.-евр.: северокавк.) - лицо ~ mat 'I (лак.) - морда [107 (2), с. 201] || *bat (праенис.) - лицо, bat (кет.) / ba:t (юг.) - лицо [107 (2), с. 201] bit (др.-тюрк.) - **лицо** [36, с. 103] ~ bet (др.-уйг.) - «то же» [30, с. 207] ~ bet (ног., кум., ккалп., балк.) - **лицо** ~ bit (тат., башк.) ~ bat (уйг.) - лицо [30, с. 207].

Выведение реликтового корня, означающего «лицо», также и из восточнокавказских языков не случайно. Согласно новейшим исследованиям, в настоящее время как восточнокавказские языки [88, с. 203], так и северокавказские [76, с. 5, 134-144] наряду с хаттским и хуррито-урартскими языками когда-то составляли одну близкородственную группу в Переднеазиатском Востоке.

Производные значения от bit/bet в ряде тюркских языков: сторона, щека, страница, лист.

114. *A-jd (неинд.-евр.: хурр.) - **лицо, перед** ~ a-ja (неинд.-евр.: урарт.) - перед \\j-iih (восточнокавк.: чеч.) - **лицо** ~ j-uh (инг.) - лицо ~ j-aih (дарг.) - лицо [88, с. 193] ~ jac (осет.) - глаз [120, с. 32] *jA /jti + z(c) (в ряде случаев z (c) выступает как предметный аффикс) ~ juz (др.-тюрк.) - **лицо, лик** ~ jiiz (орх.-енис., др.-уйг.) - лицо ~ juz (тур., узб., уйг.) - «то же» ~ (тат.) /jod (башк.) - лицо [30, с. 207].

Венгерский тюрколог Лигети и В. Банг считали, что **в древнейшее время в тюркских языках форма множественного числа выражалась и через z**. Такое окончание указывает также на ряд слов, обозначающих парные предметы: *jil-z* - **лицо (две щеки)**, *ti-z* - **колени (два колена)**, *otuz* - **плечо (два плеча)** [140, с. 51].

115. Hr / hp (афраз.: егип.) - лицо [26, с. 74] ~ (h—><?—)ч *ciray* (др.-тюрк.) - лицо [36, с. 151, 387], *дёр* (чув.) - лицо [145, с. 64], *чихра / чэхрэ* (и.-е.: перс.) - лицо (*Огуз-наме*) - *лицо girai* (монг.) - «то же» [132, с. 139] ~ *чырай* (тат.) / (башк.) - лицо [132, с. 139] ~ *сырай / сарый* (як.) - «то же» [47, с. 79] ~ *цура* (япон.) - рожа [146, с. 112].

Это слово вообще выпало из поля зрения исследователей-тюркологов и приверженцев неостратической теории.

116. **Ku* /*ку* (неинд.-евр.: хатт.) - *видеть* ~ *Im*- (неинд.-евр.: хурр.) - «то же» ~ *kaes* (хатт.) - **казаться, видеть, выглядеть** [76, с. 137] ~ (*puq* (хурр.) - **смотреть, видеть** ~ *ir* (егип.) - **глаз** [26, с. 74] || *kuq* (драв.: парджи) - **видеть, смотреть** [121, с. 11] ~ *kega* (Ригведа) - **видеть** ~ *khus* (баск.) - **видеть** [133, с. 310] ~ *goru* (хам.: суахили) - **видеть** || *her* (восточнокавк.: дарг.) - **взгляд** [88, с. 193] (г/z) - *кдг* (др.-тюрк.) - **видеть** > (др.-уйг.) - **глаз, взгляд** ~ *koz* (алт., ккалп., каз.) - **глаз, зрение** ~ *gdz* (чаг., тур., турк., кум.) - «то же» ~ *kiiz* (тат.) / *kuc* (чув.) - **глаз, взгляд, зрение** [30, с. 209].

Koz / *gdz* можно считать древним производным от глагола *ку-* / (*р*) (*к*) *иг*, где конечная *z* (*с*) иногда рассматривается как показатель парности или множественности (см. 90; 132, с. 144). Ср. *tuguz* - рога, *tiz* - колена.

117. **Bq-* / *бк-* (сем.-хам.) - **видеть** [5 (2), с. 366] ~ *bk-* [*w*] (арам., араб.) - **смотреть** [25, с. 57] ~ **Бак-* / *Бакк-* (куш.) - **видеть** ~ *beeq-* / *beeg-* (сомали) - «то же» ~ *beg-* / *beg* (кафф.) ~ *bakki* (моч.) - **видеть, показать** [23, с. 41, 264; 25, с. 57] || (польск.) - **видеть** > *baki* - **глаза** [134, с. 44-45] **baqa* (алт.) - **смотреть** [5 (2), с. 366] ~ *baq* - **смотреть** > (др.-тюрк.) - **наблюдение** ~ *baqis* (др.-тюрк.) - **взгляд, видение, наблюдение** [36, с. 82-83] ~ *bak* (МК, орх.-енис.) - **смотреть** ~ *baq* (тур., узб., тат., башк.) - **смотреть** [41, с. 38].

118. **Qwall* / *kwal* (хамит.: куш.) - **смотреть, видеть** ~ *kwal* (хамир) ~ *kal* (хамта, квара) - «то же» [14, с. 81, 196] || (л→р): *кага* (алт.) - **смотреть** ~ *qaraq* (др.-уйг.) - **глазное яблоко** (анатомическое слово) ~ *qaraq* (ср.-уйг., ст.-осм.) - **глаз** ~ *qaraq* (ср.-кыпч.) - **зрачок, радужная оболочка** [30, с. 210-211].

119. **Kul-* (сем.-хам.) - **слышать** ~ *kel* (ностр./драв.: та-мил.) - «то же» ~ *-kwal* (хамит.: куш.) - **ухо** / *kwal* - **слышать** [5 (3), с. 92; 5 (2), с. 366; 121, с. 98] **q(w)l-* (куш.: афф.) - **ухо, слышать** || **kur* (картв.) ~ *q'ul* (алт.) - «то же» [135, с. 6] *qulaq* / *qulyaq* (др.-тюрк., МК, II, 352), [36, с. 463] ~ *qulaq* / *qulqaaq* (орх.-енис.) - **ухо** ~ *qulqaaq* (др.-уйг.) ~ *qulag* (чаг.) ~ *qulaq* (тур., гаг., кар., кбалк.) - **ухо**

- ~ *qolaq* (тат., башк.) - «то же» || *qulugu* (монг.) - ухо, слышать
 ~ **ki-k* (япон.) - слышать [30, с. 204].
120. **S-* / *is-* / *es-* > *yi-is-mi* (сем.: ханаан.) - **он слышит** / *yi-is-ma* - я слышал [79, с. 250, 262] ~ *sdm-f* (др.-егип.) - некто слышит [44, с. 251] ~ *is-tamana* (хетт.) - **ухо** || (хетт.) - **слышать, узнать** ~ *m* (позднеавест.) - ухо [41, с. 319] *esit* (др.-тюрк.) - **слышать** / *esitmak* (др.-тюрк.) - слушание [36, с. 185] ~ *eset* (др.-уйг.) - **(у)слышать, услышать** ~ *isit* / *uuium* (тур., гаг., уйг.) ~ *iset* / *uuet* (тат., башк.) - «то же» [30, с. 318].
121. **Ois* / *aus-θ* (праиндоевр.) - **рот** ~ *ais* (хетт.) ~ *austo* (прусс.) ~ *ust* (ст.-слав.) - **уста** [12, с. 814] ~ *aus-* / *oos* (лат.) - рот [17, с. 278] || *ax* / *ac* (др.-инд.) - «то же» [137, с. 12] ~ *asya* (санскр.) - рот, уста [56, с. 302] ^ *ayz* / *ayiz* (др.-тюрк.) - **рот** ~ *agiz* (уйг., узб.) ~ *agiz* (аз., тур., чаг.) - «то же» ~ *auiz* (каз., тат., ног., ккалп.) - **рот, уста** ~ *uos* (як.), *oos* (кирг.), *ooc* (алт.) - «то же» [132, с. 145; 41 (2), с. 81].
122. *Qolo* (сем.: акк.) - голос [51, с. 759] ~ *qal* (сем.: сир.) - **голос** ~ *qala* (араб.) - **говорить, сказать** [79, с. 617], *xill* (неинд.-евр.: хурр.) - говорить [88, с. 187] ~ *qol* (евр.) - голос || *kelendem* (хамит., чад.: нанг.) - мой язык || */ *k/ela* (ностр.: драв.) - говорить ~ *kila* (тамил.) - выражаться ~ *col* (там., мал.) - говорить, слово ~ *col* / *kēl* (там.) - просить [121, с. 77; 139, с. 110] (алт.) - **говорить** ~ *kelacti* (др.-тюрк.) - **слово** [МК, I, 445] ~ *kela* (тат. диал.) / *kelay* (тат.) - **пожелание, просьба, моление** ~ *Mle* (чув.) - просить, умолять ~ *kala* (чув.) - говорить, сказать [5 (1), с. 345] || **kele* (урал.): *кель* (эрзя-морд.) ~ (удм.) - **язык** [152, с. 59] || *kele* (монг.) ~ *xeh* (бур.) ~ *xele* (калм.) - говорить ~ *kele/n* (монг.) - язык || *kele* (урал.) - язык [5 (1), с. 346].
- К —> т: **Təl* > *tu* И (сем.-хам.) - магическая речь ~ *tel-t* (сем.) - **речение** || *tilla* (хамит., чад.: хауса) - **громко говорить, кричать** [18 (2), с. 25] ~ **tal* (запади.-чад.) - **просить, кричать** ~ *ləl* - магическая речь [18 (3), с. 84] ~ *tilak* (др.-тюрк.) - **пожелание, просьба, моление** [36, с. 560] ~ *tul/tel* (др.-тюрк.) - язык, **речь** ~ *til* (др.-уйг., ср.-кыпч.) - «то же» ~ *kelay* / *telay* (тат.) - моление ~ *тел* (тат.) - **язык, речь** [223 (1), с. 558; 30, с. 227].
123. *B'n* (афраз.: егип.) - **шея** [18 (1), с. 100] ~ (Б —> т б —> м): **тзопу* (праиндоевр.) - «голову» + «водящая» = **шея** ~ **та-пуа**

(санскр.) - затылок ~ *mn-inel* - **шея** ~ *mo-non* (негид.) - «то же» ~ *ta-je* (алб.) - верхушка, вершина [13, с. 151-152, 281] **bojn* > *bojun* (др.-уйг., МК, III, 169) — **шея** ~ *bojn* / (чаг.) ~ *bojun* (тур., кум.) - «то же» ~ *tijun* (тат., ног., каз.) - **шея** || *tojn* (праалт.) ~ *tunda* (калм.) ~ *tjdk* (кор.) - шея [30, с. 133-134].

Производные от древнего корня: *tojnak* (алт.) - **ошейник** ~ *муенса* (тат.) - **ожерелье**, *муенчак/мунчак* - **ошейник**.

124. **HVn-* / *hindnb* / *handub* (хамит.: куш.: *saho*) - **пуп, пу**
повина ~ *hondub* (афар) ~ *hundur* (сомали, исак) - «то же» [14, с. 236]
(h → k) **kin* < *kin-tik* / (уменьшительное) ~

kindik (алт., тур., каз., ккалп.) - **пуп, пуповина** ~ *kendek* (тат., башк.) - «то же» ~ *kandik* (бараб.) ~ *xindik* = *xin* (тув.) - пупок [30, с. 279-280].

125. **PAg* (сем.-хам.) - **палец** ~ **pAr* / *rgV* (куш., чад.) - «то же» ~ **pIzLzL* (чад.) - **палец, ноготь** ~ *per* (байсо) ~ *far* (сомали) - **палец** || *prar* / *rgag-* (тохар А, В) - **палец** [141, с. 70-71; 23, с. 41-42] *raga-(ya)* (алт.) - «то же» [135, с. 7], *barmaq* (ст.-осм., ср.-уйг., ср.-кыпч.) - **палец** ~ *Багтакъ* (хорезм., кум., балк., тат.) - «то же» ~ *ragtax* / *regtax* (сап.) / *ragtak* (гаг., бараб.) - палец [30, с. 254].

126. **Turp* / *drp* (сем.-хам.) - **ноготь** ~ *tupra* / *lepra* (евр., араб.) - «то же» ~ *tepro* (сирийск.) ~ (t // p) - (чад.) - ноготь II **rg/c/xa* (картв.) - ноготь, коготь [141, с. 70-71; 122, с. 24] **tynju* (праалт.) ~ *ti'ryaq* (др.-тюрк.) - **ногти, когти** ~ *tyrrjaq* (др.-уйг.) - «то же» ~ *tymaq* (ср.-уйг., ср.-кыпч.) ~ *dymaq* / *tymaq* (ст.-осм., тур., гаг., турк.) - ногти, когти [30, с. 258].

127. *Zākān* (сем.: иврит) - **борода** [15, с. 96] (?) *saqal* (др.-тюрк.) - борода [36, с. 486] ~ *saqal* (др.-уйг., ср.-кыпч., ст.-осм., чаг.) - «то же» || **saqal* > *sahal* (ср.-монг.) ~ *Нахал* (бурят.) - «то же».

Этимология затруднительна [30, с. 222-223]. Возведение происхождения данной лексики к монголам, для которых ношение бороды не характерно, весьма малоубедительно [см. 150, с. 169].

7. Хозяйственная деятельность и средства жизнеобеспечения

128. *Hišša* (и.-е.: хетт.) - **дышло** (повозки?) ~ *išā* (и.-е.: др.-инд.) - **дышло (оглобля) военной колесницы** ~ **aiša* (иран.) II ~ *esa* (словен.) ~ *aisa* (фин.) ~ *ažja* (морд.) - дышло, оглобля [165, с. 156-157] || *hiš(a)* → *iš(a)* → (?): **aris* (араб.) - дышло экипажа <A- *aris* /

iriš / eriš (тур., ктат., кбал., кум., тат.) - **оглобли, оглобля** [41 (1), с. 189-190] || ~ *arts* (каз.) - деталь повозки ~ *aral* (монг.) - дышло, деталь повозки [166, с. 41].

В языкознании установлено, что многие термины конской упряжи и средств передвижения восходят к понятию ‘связывать’, ‘стягивать’ [86, с. 113]. Э. Севортян первую часть указанных тюркских слов **ар/ ары** также возводит к такому понятию.

129. *Yugan* (и.-е.: хетт.) ~ *ζυγόν / zugon* (и.-е.: греч.) ~ (лат.) ~ *yugam* (санскр.) ~ *juk* (гот.) ~ *iho* (из *jīgo) - **ярмо** [127, с. 134] ~ *jungas* (лит.) ~ *joh* (староверхненемецк.) ~ *уго* (старо-славянск.) - **ярмо, древнейший хомут для рабочего рогатого скота** [32, с. 431] ~ *yohe* (англ.) ~ *Joch' / Joch* (нем.) - ярмо, повозка, запряжённая парой волов || **uog-ho* (инд.-евр.) - **воз** [68, с. 88] *jök / jük* (др.-тюрк.) - **поклажа, вьюк, груз** [36, с. 285] ~ *йвк / йук / йуг* (общетюрк.) - **груз, воз.**

Между вышеназванными архетипами *yugan*, *iugut*, *yugam* и праформой *yuga* (и.-е.: хетт., др.-инд., санскр.) также усматривается понятие ‘связать’, ‘стягивать’ [86, с. 113]. А если это так, то, на наш взгляд, в древнетюркском слове *jiigen* / - узда, уздечка и в общетюркском лексиконе // - **за**

прячь, диад, сбруя, ярмо / хомут [167, с. 69] проглядываются тот же исходный корень и первоначальное архаичное значение.

Зафиксирование корня *yoga* в хеттских анналах в значении **упряжка** [168, с. 156], в индоарийском памятнике «Ригведа» соответственно - **запряжание** [64, с. 738], в санскритском языке в значении **соединение** [56, с. 814] - тому весомое подтверждение. Сравните также слова *уго/jigo* -

Возведение происхождения ближневосточной праформы в «Этимологическом словаре» тюркских языков [169, с. 172] к монгольскому языку (*zegu* (монг.: калм. 1 - запрягать! малоубедительно. т. к. ближневосточный корень намного старше монгольского.

126. *Turija* (и.-е.: хетт.) - **запрягать** ~ *dhur* (др.-инд.) - **запряжка** [168, с. 154]. Слова на других языках, сходные по структуре и значению с этими лексемами, нам неизвестны. Но в порядке рабочей гипотезы можно было бы привести созвучное им тюрко-

татарское слово из области конского снаряжения, используемого для запряжки лошади: *dirbija* / *дирбия* - **сбруя, упряжь**. По-видимому, это тюркское слово, созданное по образцу древней модели, относится к более позднему времени.

127. *Huluk-anni* (и.-е.: хетт.) - **повозка, телега, колесница ~ 1 // г (?)**: *hurki* (хетт.) - **колесо** || **hdlkwV* (прасеверокавк.) - повозка [68, с. 88] *koliik / kolug* (др.-тюрк.) - **повозка** ~ *goliik / goliik / gdriik* (тур.) ~ *кулук* (чаг.) || *kolok* (брахми) - **средства передвижения (телеги, лошади), транспорт, повозка** ||

(монг.) - повозка, упряжное животное [41, с. 69-70].

KuI* (сем.-хам.) - **круглый, вращать ~ (куш.: беджа) - катить || **kal* (драв.) - **колесо** || **ldel* (и.-е.) - **вращаться, катиться** || **к'о!Л* (монг.) - вертеться, кататься [5 (2), с. 345-346] ^ *кдШк* (др.-тюрк.) - **повозка** ~ *kolurjii* (др.-тюрк.) - **колесница** [36, с. 314, 511, 621] ~ *kolgen* (монг.) - повозка [41, с. 70] ~ *kul* (кор.) - катиться || **коГЛ* (урал.) > *коГа* (селькуп.) - круг, окружать [5 (2), с. 346].

(К // h, 1 // г): *hurki-* (и.-е.: хетт.) - **колесо** ~ *huluk-kanni* (хетт.) - **повозка** ~ *hslkwV* (неинд.-евр.: прасеверокавк.) - повозка [68, с. 88] || *qol-gida* (монг.) - вертится [5 (2), с. 345].

КбI (др.-тюрк.) - **запрягать** [36, с. 314] ~ (чув.) - **впрягать** ~ *koli* (монг.) - соединять, запрягать лошадь [41, с. 70]. Один из семантических вариантов древней праформы, который обозначает присоединение упряжью тялового животного с повозкой (*kobiik* - повозка).

Возведение М. Рясненом (вслед за Рамстедтом) тюркских форм к монгольскому источнику, оставляя при этом афразийские праформы без внимания, нам представляется явно необоснованным.

128. *Сb-к* (сем.) - *sbk* (др.-евр.) - **плести** ~ *cVb* (хамит.: чад.: сура) - **плетение** [18 (3), с. 29, 41] ~ **cVp-* (афраз.) - **плетение из кожаных ремешков** ~ *cVp-r-* (сем.-хам.) - плетение из волос, шерсти [176, с. 38], *савуккы* (драв.: тамиль.) - **кнут, плёт** [139, с. 44] *сар-* (др.-тюрк.) - **хлестать, стегать** [36, с. 139] ~ *субургу / ч(с)ыбырткы* (общетюрк.) - **кнут, плёт, хлыст** ~ *быркылау* (тат.) - стегание, хлестание кнутом.

По-видимому, более поздний, вторичный источник тюркской (народной?!) этимологии кнута взаимосвязан с лексемой *субиуq сибиг*

(др.-тюрк.) - прут [36, с. 147, 156].

129. *Arba/araba* (тюрк.: чаг., тур., турк., ср.-кыпч.) - **телега, повозка.**

Слово в тюркских письменных памятниках отмечено поздно.

Однако некоторые исследователи связывают его происхождение с ближневосточной праформой (и.-е.: греч.) - **боевая колесница, двухколёсная телега**, принявшей у тюрков в результате чередования m//b форму *arba*. Сравните: буен —» муен.

130. *Харод* (и.-е.: греч.) ~ *camus / chamus* (и.-е.: лат.) - **намордник для лошади, ошейник, хомут** || *katte* (нем.) - **деревянный ошейник для коз, инструмент, который кладётся рогатому скоту на шею, чтобы на нём укрепить сбрую** ||

sami (и.-е.: арм.) - хомут примитивного устройства || *chomout* (чешек.) - хомут [170, с. 141-148]. О. Шрадер в этот корневой пучок включает также индийское *samya* и немецкое *Hame* со значением хомут [171, с. 41] *камыт* (алт.) ~ *qamyt / камыт* (тюрк., тат., башк.) - *хомут (чув.)* - «то же» *ком*

(кирг.) - свёрнутый из кошмы нагорбник для двугорбого верблюда [170, с. 140; 172 (2), с. 26].

Как видно из проанализированных примеров, ряд ведущих терминов коневодства у европейских народов и тюрков восходит к Переднеазиатскому Востоку, ареалу бассейна Средиземноморья. Это в определённой степени противоречит утверждению Е. Е. Кузьминой о том, что «навыки скотоводства, а также домашний конь... и бык были заимствованы у ираноязычного населения евразийских степей соседними народами - урало-алтайцами и тюрко-монголами» [173, с. 106]. А И. М. Стеблин-Каменский, как бы оспаривая такой взгляд, указывает на «**бедность иранской терминологии, связанной с лошадью**», и поясняет, что «**предки современных ираноязычных народов Ср. Азии также не занимались коневодством, получая коней от каких-то скотоводческих племён, которых позднее сменили тюркские пришельцы**» [174, с. 42]. Да и в самой Передней Азии в средневавилонский период в лексике, отражающей терминологию ранних колесниц, **подавляющее большинство терминов принадлежат аккадцам и шумерам соответственно, а за ними - касситским племенам** [175, с. 192], проживавшим на смежных территориях.

131. *Kasa* (америнд.: кечуа) - перенести в другое место [162, с. 44] || **gac / gach* (сем.-хам.) - **сниматься с места, гнать скот** [176, с. 48]. Этот термин, связанный с миграцией, сохранился в ареале распространения древних афразийских языков, с которыми, как явствует общая архаическая лексика, тесно общались наши дальние предки - прототюрки. Он же уцелел, главным образом, и у нас: *кос* (др.-тюрк.) - **кочёвка, кочевье** ~ *кос* (др.- тюрк.) - **кочевать, передвигаться** [36, с. 311] ~ *кос / кис* (др,- уйг., ср.-кыпч.) ~ *гос* (тур., турк., гаг) - **кочёвка, кочевать, переходить с места на место** ~ *кос* (протобулг.) ~ *кис* (тат.) ~ *kiis* (башк.) - «то же» || *коке* < **кдске* (монг.) - **караван** [41 (3), с. 89-90; 30, с. 488] || *коч-* (рус., от тюрк.): *кочевье* - место, занятое кочевым хозяйством ~ *кочевать* - переходить стадами с места на место ~ *кучер* - возница, проводник, кто управляет упряжными лошадьми [177, с. 180, 229].

Первоначальное значение древнейшего афразийско-палеотюркского архетипа *gac* (> *гос / кос*) - ‘смена пастбищ’ оказалось весьма долговечным. Вместе с тем отпочковались и производные значения: **караван** (тур.), **табор** (азерб.), **семья** (чаг.), **рой** (тат.), **Кощей (Бессмертный)** (рус).

132. **Kad-* / *kut-* / *kid-* / *ked-* > *kadu*(сем.: акк.) — **охранять, сторожить** ~ *kidinu* (акк.) - защита, охрана [2, с. 93-94] ~ *na-kid*(неинд.-евр.: шум., ностр.: сем.: акк.) - главный пастух [178, с. 212] || *kuti-* (злам.) - охранять [119, с. 42] / *kiid* (др.-тюрк.) - **беречь, стеречь, присматривать, пасти** ~ (др.-тюрк.) - чабан [36, с. 324, 330] ~ (чаг.) - пасти [180, с. 304] ~ *koty* (тат.) - **пасти, табун** || *kiititta* (хант.) - **выслеживать зверя, охранять** [113, с. 96] ~ *guotto* (саам.) ~ *xado* (ненец.) - пастбище [181, с. 99] ~ *кэдэрэ* (тунг.-маньч.) - стеречь, охранять [183, с. 443].

Kutu (неинд.-евр.: урарт.) - **продвигаться** ~ *ki/edanu* - **собирать, посылать, отправлять** ~ *kid-* **гнать (скот)** [182, с. 43, 115] ~ *kutu* (урарт.) - **выдворить** || (драв.: каннада) - собрание, скопление [101, с. 210] ~ *kuttu-ka* (малаялам) - собирать [125, с. 28] ~ *kyttam* (драв.: тамиль.) - **стадо, кутты** - **собирать, куттам** - **стая** [139, с. 74] || *kat* (мегр.) - перемешивать, собирать [184, с. 108]

kuta (др.-тюрк.) - пасти (скот) [36, с. 330] || *катйку* (япон.) - скот (собирагельн.) [146, с. 378].

В перечисленных изоглоссах, восходящих к общему, «смешанному» или контактному языковому состоянию, запечатлены древнейшие глагольные основы и процесс происхождения из них определённых терминов животноводства и семантического их разветвления.

133. **Svr-* / *cvr* (ностр.) - *sir(a)* (неностр.: урарт.) - **пастбище** ~ *sira* - стада [185, с. 72] || *чару* (ностр.: драв.: каннада) - **пастбище, выгон** ~ *сёр-увейу* - стадо, отара [101, с. 256] || ~ *саг* (Авеста) - пастись ~ *сагау* (пехл.) - пастбище [37, с. 278] || *дйин* (курд) - табун ~ *gerandin* - пасти ~ *дэгё* - стая [188, с. 327] ^ *stir-* (др.-тюрк.) - **гнать (стадо)** ~ *stirtig* - **стадо, табун** [36, с. 517-518] *сури* - стая, табун [180, с. 314] || *сурэг* (монг.) - табун.

134. **TuГ* (сем.-хам.) - **рыболовная сеть** || **tulA* (урал.) - «то же» || *txevl* (ностр.: картв.: груз.) - **ловить рыбу сетью** || **tdla* (тунг.-маньчж.) - **ставить сеть, ловушку**. А. Долгопольский возводит эту ностратическую праформу к эпохе мезолита

(дата мезолита - каменной эпохи на Ближнем Востоке 12-9, в Европе - 10-7 тыс. лет назад) и через фонетические видоизменения корня **ШГ* → **dul'* → **djul'* → **dju* → связывает

его с древнеэфиопским словом, означающим **сетки**, покрывало, ткань [10, с. 116].

Со своей стороны мы афразийский архетип *ju* сближаем с уцелевшим тюркско-татарским архаическим словом / *цылым, Ruap.jylym /йылым* - **невод, рыболовная сеть**.

135. **SṼr~:* *suri* (неинд.-евр.: урарт.) - **вооружённая сила, воинство, оружие войны** [54, с. 120] ~ *saur̄s* (неинд.-евр.: хурр.) - **оружие** ~ *sors* (урарт.) - «то же» [164, с. 56; 44, с. 134] ~ *sera* (хурр.) - **оружие** ~ **кйгэ* - **войско** [128, с. 91] ~ *suri* (урарт.) - оружие || *sur* (кавк.: вейнах) - **войско** [192, с. 34] *sti /su* (общетюрк.) - **войско**.

На наш взгляд, из праформы *sṼr* отпочковался близкий по значению другой семантический пучок: *ṣegl* (урарт.) - **охранять** [54, с. 121] ~ *таṣ-ṣaḡu* (сем.: акк.) - **стража, охрана** [2, с. 139] || (§ // s // h): *haurV* (Авеста) - **стерегуший, охраняющий** ~ *har-va* - охранять [186, с. 77]

~ *servo* (лат.) - охранять, сторожить ~ *sergeti* (лит.) - «то же» [187, с. 327] < - охранять [5

(2), с. 334] *cerig* (др.-тюрк.) - **войско** [36, с. 144] ~ *cerig* (др.- уйг., др.-кыпч.) - **отряд воинов, войско** ~ *cegi* (алт., тат.) ~ *serf* (як.) - «то же» [30, с. 572].

Выведение древнетюркской лексемы *cerig* из ср.-китайского корня *cep* (др.-кит. *toḡ-5*) - драться, сражаться, бояться [142, с. 775] мы считаем неубедительной натяжкой.

136. *Dur /durun* (неинд.-евр.: шум.) - **жить, место стоянки** [116, с. 48] ~ *dur* (сем.: др.-евр.) - обитать ~ *dfir-un* (иврит)- **жилище** [15, с. 150] ~ *duru* (акк.) - укрепление, крепость [2, с. 65] *tur-* (др.-тюрк.) - **жить, обитать** ~ *turn* - **укреплённое жилище** ~ *turay / turuy* - **жилище, убежище, прибежище** [36, с. 568-588] ~ *turn* (крх.-уйг., чаг., алт.) - укреплённое жилище, крепость, дом, изба ~ *durak / turak* (тур., чаг., кирг., ккалп.) - стоянка [30, с. 486] ~ *торак* (тат.) - жилище, жильё || > *tura* (монг.) - крепость, город ~ *tura* (бур.) - изба [36, с. 486].

137. *Ur/yp* (неинд.-евр.: шум.) - кровля, крыша, навес, терраса [116, с. 34-35] **ḍp / *ḍp* (др.-тюрк.) - покрытие / покрывать ~ [там же] ~ *ort* (др.-тюрк.) - покрывать [36, с. 389] ~ *иг /yp* (тюрк.) - накладывать, воздвигать [41 (1), с. 599].

Производные и близкие по вокализации и семантики слова: *дгй* (др.-тюрк.) - вверху ~ *ortiiy* - укрытие, покрывало [36, с. 390] ~ *врлек* (тат.) - матица, балка на потолке [223 (2), с. 118].

138. **Eṣ -eb* (сем.: др.-евр., иврит) - **страдание, тяжёлый труд, мука** [15, с. 273] || **as* (хамит.: куш.) - **делать** ~ (хамит. куш.: *bilin*, хамир, *dembea*) - «то же» ~ *is /as* (куш.: *сахо*, *афар*, *дараса*, *бамбала*) - **делать** [14, с. 151] || *essa* (хетт.) - «то же» [204, с. 98] || *as* (кавк.: *агван*, *удин*) - **работа, дело** [205, с. 429, 453] *is* (др.-тюрк.) - **дело, работа** [36, с. 214] ~ *is* (тур., азерб., кум.) - «то же» ~ *is* (уйг.) ~ *es эш* (тат.) ~ *es /* (чув.) - **работа, дело** ~ *Ша* (др.-тюрк.) - **работать, делать** [41 (1), с. 395].

В древнееврейской лексеме сохранилось первичное значение архетипа - **страдание, мука, связанное с физическим трудом**. Сравните: *эмгэк* (др.-уйг.) - **страдание, труд** [199, с. 14] || *альцэбре* (араб.) - принуждение, насилие = алгебра.

139. *hb* (афраз.: егип., пирам.) - **МОТЫЖИТЬ** || *haba* (хамит.: зап.-чад.) - **МОТЫГА** [196, с. 23] ~ *sabba* (хамит.: бербер.) - мотыга [18, с. 16] —» *hb* (афраз.: егип.) - **ПЛУГ** ~ *apin* (шум.) - «то же» [197, с. 169] || *ситун-др* (иран.: ваханцы) - **СОХА** [198, с. 192]

ab-il / аб-ыл (алт.) - мотыга, стяжённая форма [319, с. 159] ~ *saban* (крх.-уйг., ср.-кыпч., ст.-осм.) - **СОХА, ПЛУГ** ~ *sapan* (аз., уйг.) - «то же» ~ *saban* (тат., башк.) - плуг [30, с. 468] ~ (др.-тюрк.) - **ПАРНАЯ УПРЯЖКА ВОЛОВ С ПАХОТНЫМИ ОРУДИЯМИ, ПАХОТА** [36, с. 478].

Унаследованные от общеафразийско-переднеазиатского языкового состояния праформы указывают на эволюцию развития земледелия от ручной, мотыжной обработки земли к вспашке сохой и плугом, запряжёнными волами и позднее - лошадьми.

Из производных *сабан* - хорошо известный татарский народный праздник **Сабан-туй**.

140. **Ky-n* (хамит., зап.-чад.: хауса, ангас, сура) - **МОТЫГА** ~ *hnn* (афраз.: егип., пирам.) - мотыга [196, с. 23] ? *кеШан* (др.-тюрк., МК, I, 444) - **КЕТМЕНЬ** [36, с. 304] ~ *кетмен* (узб., каз., ккалп.) - кетмень, мотыга ~ (тат.), *кэтмэн* (тат. диал.) - «то же» ~ *касман*, *к* (чув.) || *катман* (мар.) - кетмен, мотыга [150, с. 108].

Культурно-контактную зону египетского и чадского языков и лексические параллели между ними одной из первых выявила О. В. Столбова [196, с. 23]. Наряду с этими языками название древнейшего орудия земледелия Ближнего Востока, похоже, освоили и прототюрки.

141. Другая диалектная праформа афразийского (западно-ностратического) ареала, связанная с древнейшим этапом земледелия, - это **sVkk / s a k* > **cVkk* (сем.: акк., сир.) - заострённый колышек, кол ~ *saw k* (арам.) - сук, ветка [200, с. 100-103].

Можно с уверенностью утверждать, что первоначальным орудием обработки почвы были именно **СУК** из твёрдых пород деревьев и заострённый **КОЛ**. Афразийское название этого орудия постепенно перешло на мотыгу и деревянную соху, а также на сам процесс обработки земли. Таковы общекорневые изоглоссы: ~ *sakak* (сем.: акк.)

- боронить ~ *skV*, (афраз.: егип.) - пахать, обрабатывать землю ~ *sk-t* (егип.) - пахотная земля ~ *sak* (чад.: сура) - мотыга, пахать ~ *suka* (хамит.: чад.: хауса) - сеять ~ *skka* (бербер.: мзаб.) - обрабатывать землю, пахать ~ *skke-t-* плуг [200, с. 100-103] || *gakha* (др.-инд.) - **сук** ~ *hoha* (гот.) - **соха, плуг** [201, с. 141] *suqa* (тюрк.: узб.) ~ *snqa* (тат.) ~ *huqa* (башк.) - **сука (деревянный плуг)** || *soxa* (рус.) - «то же» [41, с. 469].

Земледельческая лексема «сука»-саха в тюркских письменных источниках отмечена сравнительно поздно. Однако это отнюдь не исключает бытования этого термина и частичного использования названного им орудия у ранних тюрков, поскольку взаимосвязь данной лексемы афразийцев с праформами, с которыми общались наши дальние предки, не вызывает сомнений.

142. *Tic/tik* (америнд.: майя) - **сажать** [162, с. 40] || ? - *tikh* (ностр./драв.: брауи) - **класть** [136, с. 221] || ~ () **цикъ* (картв.: мегр.) - **втыкать** ~ *циг* (картв.: чан.) - «то же» [160, с. 84-85] *tik* (др.-тюрк.) - **втыкать, сажать, сеять** ~ *tiq* (др.- тюрк.) - **затыкать** ~ *тык/тыг-у* (тюрк.: тат. [36, с. 558, 569]) - **совать, втыкать** [223 (2), с. 451] || ? > **тык-ать** (и.-е.: рус.) - **совать торчком, вонзять, тыкалка** - кол или заострённая чурочка на палке для делания лунок в грядках в огороде под посев [Даль, 357, с. 447].

Этот интереснейший термин, сохранившийся как на материке Нового Света, так и в Евразии, законсервировал и довёл до нас обозначения первоначального приёма обработки земли и посадки или посева ранних злаков и культур. Но до этого, к сожалению, он не удостоился особого внимания исследователей. в отличие от другого аналогичного термина *tary-/tery-* (др.- тюрк.) - **втыкать, разрыхлять, возделывать (землю)**, детально проанализированного как ранний земледельческий термин.

143. В афразийском историко-лексическом фонде представлен ещё один архаический формант по раннему земледелию, который связывает нас с древним Переднеазиатским Востоком. Имеется в виду праформа **h^or*, с которой сродни хеттский *har-s* (и.-е.) - **разрывать, пахать** [202, с. 10] ~ / / *h e t* (сем.: акк.) - **копать, рыть, прокопать** [2, с. 87] ~ *hrs* (акк.) - **пахать** [156, с. 50] ~ *сйр-абу* (драв.:

каннада) - **плуг** [101, с. 124] || (и.-е.: др.-инд.) - плуг [165, с. 159] ~ (санскр.) - плуг [56, с. 131] ~ *сѣг / сог* (памирск. языки: шугнан.) - пахать [203, с. 42] || *sero* (лат.) - сеять [32, с. 378] / *сур* (тюрк.: тур., турк., азерб., карг.) - **пахать** ~ *сур-* (кум., ккал., ног.) ~ *сор* (тат.) ~ *хур* (башк.) - «то же» [41 (4), с. 267].

Несмотря на отсутствие фиксации этой праформы в ранних тюркоязычных источниках, этимология её средневековых образцов также восходит к общеафразийскому ареалу. По всей вероятности, она была известна пратюркам издавна, поскольку, согласно историческим источникам и археологическим результатам, определённая часть хуннов занималась земледелием.

144. Мы уже анализировали афразийские названия орудий раннего земледелия, которые зафиксировали как стадию примитивного ручного и мотыжного взрыхления земли, так и переход к его плужной обработке с тяловыми силами. Такая же преемственность перехода от собирания диких растений к возделыванию хлебных злаков находит отражение в дошедших до нас общих терминах отдельных сельскохозяйственных культур.

«Языковые реконструкции позволяют достаточно определённо полагать, что **пратюркские племена ещё на стадии до распада общетюркского праязыка освоили земледелие** (выделено нами. - М.Б.). Об этом свидетельствует разноплановость соответствующей исконной тюркской лексики» [142, с. 436]. В монографии Института языкознания РАН, посвящённой исследованию пратюркского языка, в качестве архаического примера приводятся изосемантические глаголы с разными огласовками - *tary-* / *tara-* / *turn-* / *tira-* ‘**втыкать** (некий зубец / зубцы)’ и ‘проводить воткнутое орудие, разрыхляя и/или разравнивая (почву, волосы, шерсть)’, ‘царапать, **рыть** (острым концом)’ [142, с. 436-437].

Хотя семантика этих глаголов имеет несколько натянутый характер, по общему духу и содержанию мы сближаем их с определёнными афразийскими изоглоссами. Речь идёт о праформе **tVr*: *tr'* (акк.) - проникать, ударить ~ (сем.: сир.) - пронзать, пробивать ~ *trtr/tartaraa* (сем.: ахмарск.) - разбить на мелкие кусочки, расколоть [18 (2), с. 24, 48].

145. *TVk* (сем.-хам.) *tuk* (куш.: ором) — **бить** ^ *ttik* (куш.:

каф.) - ударить кулаком ~ *ik-* (евр.) - **бить** ~ *tika* (хамит., чад.: хауча) - **бить, колотить** ~ *tku* (чад.: логоне) - «то же» [18 (2), с. 13-14] || *tak* (ностр.: драв.) - ударить [25, с. 81] *toqi/ toqu* (общетюрк.) - **бить, ударить** [30, с. 563] ~ / *tokus* (др.-тюрк.) - битва, сражение [36, с. 576-577] ~ (крх.-уйг., др.-кыпч.) ~ *toqys* (МК, II, с. 83) - **битва, сражение, бой** [30, с. 562-563].

146. *Sqs / sgs* (сем.: акк., вавилоноассирийск.) - **устроить бойню, уничтожить** ~ *saqqas-tu* / (акк.) - **бойня, уничтожение, истребление** [2, с. 206] ~ *sksk* (афраз.: егип.)- уничтожать ~ *sakk* (егип.: нубийск.) - наносить удар [200, с. 100] || *sah* (хамит., куш.: иракв.) - бить, ударить (h<*k) [200, с. 100] *soq-* (др.-тюрк.) - **бить, ударить** ~ / (др.-тюрк.) - встречаться, сталкиваться [36, с. 507, 509] ~ *soqus* (узб.) ~ *siyuus* (уйг., ккалп., каз., ног.) - **война** ~ (кирг., алт.) - «то же» ~ *siyuus* (тат.) ~ (башк.) - война, схватка [30, с. 562].

Как полагают специалисты-семитологи, буква s. как и в предыдущих аккадских примерах, читается как s.

147. *Toqa* (сем.: др.-евр.) - **закон** [15, с. 25] *Idqa* (др.-тюрк.) - **закон, обычай** ~ *tom* (др.-тюрк.) - **порядок, правило, закон, обычай** [36, с. 580-581] ~ *torn / lory* (поэма «Кутадгу билиг») - «то же» [230, с. 238] ~ *тора / тору* (осм., тур., уйгур., коман.) - обычай, закон, правило [63 (2), с. 1250].

Производные от этого архаического корня (с мягкой огласовкой): *torulug* (др.-тюрк.) - сведущий в законах, знающий порядки ~ (?) *tori* (др.-тюрк.) - создавать, творить [36, с. 581-582] ~ *тбрэ* (караим.) - суд, судебное дело, судебное решение [63 (2), с. 1250].

148. *Наралл* (неинд.-евр.: хатт.) - **железо** - от него: (и.-е.: греч.) ~ *ка-ко* (микин.) - **общепереднеазиатское название металла (и основного металла века меди и бронзы)**. Миграционное название железа представлено во многих языках Восточной и Юго-Восточной Азии, для которых предполагается исходное * *Nez* - **железо**: *khst* (кам.) ~ *Шэи* (кит.-тибетск.: мяо) ~ *thiet* (арх.-кит.) - **железо** [76, с. 100-101], в ином же прочтении *deir-mwur* (др.-кит.) - **железная вещь** [30, с. 409].

Другая ветвь хаттско-греческого названия металла получила распространение в формате *kalaj* (> *kVI-): (и.-е.: ново-греч.) ~ *kalai* (алб.) ~ *kalai* (курд.) ~ *kelleq* (перс.) ~ *k°alaj* (араб.) ~ *kalay* (тюрк.) - **олово** [32, с. 322] *канай* (тат., башк.) - **листовое железо, жечь** ~ *канай* (чув.) - **металл** ~ *канай* (каз., ккалп.) - **олово, бронза** || *канай* (мар., удм.) - **металл** [150, с. 88].

В монографии, посвящённой реконструкции пратюркского языка, название металла железо - **demur* (*temir*) возводится к среднекитайской лексеме *thiet* той же семантикой [142, с. 774]. Как мы видели из примера чуть выше, крупный ориенталист Вяч. Вс. Иванов происхождение этого китайского слова связывает с греческой праформой со значением «металл», восходящей, в свою очередь, к Переднеазиатскому Востоку.

При всём этом необходимо учитывать и название древнего металла **меди и бронзы** в шумерском языке: **дабир* (*забир, ти-бира* - медник) [109, с. 234-235], созвучное с древнетюркской лексемой *temir* /*temiir* [36, с. 551], которая связывает интересующий нас термин тоже с Древним Востоком.

149. *Aes* (и.-е.: лат.) - **медь** ~ *aiz* (гот.) || *ayas* (др.-инд.) - **медь** [171, с. 38]. В тюркских языках сильна тенденция к закрытию слога. В порядке рабочей гипотезы можно допустить, что в данном случае тюркский эквивалент этого слова образовался заменой анлаутного гласного с согласным *j* (др.-тюрк.) - **жёлтая медь** [36, с. 260, 264] ~ *ïez* (аз., калп., кум., ног.) - **медь** ~ *ïes* (чув.) ~ *Нас* (алт.) (*там.*) (кирг.) ~

жез (каз., ккал.) - медь || *јас* (тохар.) - **медь** [169, с. 168-169] || *йог* (мар.) - «то же» [150, с. 68].

8. Элементы материальной и духовной культуры

154. **Таб-к* (афраз.) - блюдо, сума [176, с. 38] ~ *daeaq* (хамит., кушит: сомали) - **поднос, блюдо, плетённое из травы или тростника** [18 (3), с. 27] ~ *Iava* (хамит.: чад.) - **плетёная сумка** ~ *taeak* (чад.: гигага) - сумка ~ *tabahun* (чад.: хауса) - кожаная сумка II *iaβak/īαpk* (сем.: араб.) - **сковорода, поднос для еды** ~ *taba 'u* (сем.: амхар, соддо, мухер) - глиняная тарелка [18 (2), с. 36-37] *taeaq / табак* (общетюрк.) - **поднос, блюдо из фарфора и металла** ~ *taba* (каз., тат.) - **сковорода, глиняное плоское блюдо.**

Обращает на себя внимание изменение обозначаемого объекта термином *daeaq / tabak*, который первоначально использовался как название плетёных сосудов из травы и тростника.

155. **Qa-* / *ka* (ностр.) - **сосуд,местилище для жидкостей и всякого рода продуктов** > *карри* (сем.: акк.: вавилоноассирийск.) - **жертвенная сковорода, чаша, таз, кастрюля** [2, с. 100] ~ *kad* (сем.: иврит) - кувшин ~ *kös* (иврит) - чаша [15, с. 124] ~ *kale* (сем.: мальто) - **чашка из листьев** ~ евр.) - посуда, судно ~ *kalla-hat* (др.-евр.) - горшок, котёл ~ *kalha* (сем.: беджа) - горшок || *kala / kali* (ностр. драв.: конда, куи) - сосуд из листьев ~ *kaḷam* (драв.: тамиль., малаялам) - сосуд, горшок [5 (1), с. 287] ~ **kap* (сем.-хам.) - сосуд, череп [5 (2), с. 366] У *qaba* (прасеверокавк.: ав., дарг.) - горшок, кувшин, сосуд II *qhap/k'ap* (др.-кит.) - деревянная чаша, сосуд [68, с. 87] II *катё* (др.-япон.) - кувшин [207, с. 59] *qa* (др.-тюрк.) - **сосуд, посуда** ~ *qap* (др.-тюрк.) - **сосуд, бурдюк, мешок** ~ *qaban* (др.-тюрк.) - блюдо, поднос, тарелка [36, с. 399, 420].

Надо полагать, изначальное значение примитивного сосуда в формате «**сосуд из листьев**» сохранилось в вышеназванных семито-хамитских языках-диалектах.

156. **Вук/бак* (праафраз.) - **тыква, бутылка** [176, с. 38]. Термин указывает на использование в седой древности жителями Ближнего Востока тыквы в качестве сосуда *qa-bak/qabaq* (др.-тюрк.) - **тыква** [36, с. 389; МК, I, 382]. Перед нами интереснейший пример, свидетельствующий о культурно-лингвистической преемственности между афразийцами и далёкими предками тюрков, уходящей своими

корнями в глубь тысячелетий. Как мы полагаем, за кажущимся однозначным названием тыквы параллельно скрывается также одно из первых названий примитивного сосуда, вкупе воспринимающихся в настоящее время как единый бахчевой термин: *ка (сосуд) + бак (тыква) = сосуд-тыква > тыква.*

157. *Q-z* (афраз.: егип.) - **сосуд** [26, с. 68] ~ *kathsa* (сем.: арам.) - **котёл** ~ *карам* (неинд.-евр.: хатт.) - сосуд, посуда [16, с. 5] II *саги* (и.-е.: др.-инд.) - котёл || *catinus* (лат.) - **котёл** II *katils* (гот.) || *котль* (др.-слав.) - «то же» [171, с. 89] || *сама* (др.-япон.) - котёл [207, с. 60] (*t z >* (сравните: *Заг* (афраз.) - гора ~ *таг* (тюрк.) - «то же») *qazan* (общетюрк.) - **котёл**. Возможно, у тюрков, как мы думаем, также и у других народов, это слово состоит из двух компонентов: *qa* - сосуд + *zan/zon* - родовой коллектив, племя (см. статью № 155), вкупе означающих «**родовой сосуд**», «**сосуд рода (племени)**». Вспомните большие родовые котлы у хуннов и скифов.

Древний гидроним на территории Татарстана - **озеро Кабан**, по нашему мнению, возводится также к архаическому корню *ка - сосуд + бан* (др.-тюрк.) - **быть связанным** [36, с. 81], которые в сочетании означают взаимосвязанный, вернее, «**сообщающийся сосуд**» (= **водоём**). Как известно, Кабан состоит из трёх озёр, сообщающихся между собой через узкие проливы, что и нашло отражение в общем их названии. К сказанному нужно добавить, что метафорические термины, построенные на сравнении, в гидронимии встречаются нередко. Вот ещё примеры: *саут* - сосуд (название озера на территории Украины, которую раньше населяли гунны, печенеги, огузы, половцы), *Тустыган чтимэсе* - родник, Чашка (название родника в Алькеевском районе Татарстана) [277, с. 153, 296].

158. *Bal* (неинд.-евр.: шум.) - **топор** [116, с. 103] ~ *balag* (шум.) - «то же» ~ *pilaqqu* (сем.: ассиро-вавилон.) - **топор** [208, с. 183] ~ **pl* (сем.-хам.) - топор > *pH* (арам., Сирия) - ломать, разбивать ~ *pl-h/fl-h* (др.-евр.) - **раскалывать** [18 (1), с. 30] ~ *pelka* (сир.) - топор [17, с. 83] *baidu! baltu* (общетюркское) - **топор, секира** [36, с. 81; 209, с. 147] || *puldu* (саам.) || *balta / baltu* (монг.) || *balta* (тунг.) - топор, секира, большой молот [210, с. 60].

По мнению некоторых исследователей (К. Менгес и др.), праформа «балта» представляет собой древнее месопотамское (ассиро-вавилонское! заимствование.

159. Обшенокстратические названия лука и стрелы в древних источниках засвидетельствованы в нескольких уцелевших вариантах. Некоторые из них характерны и для тюрков. (В одном из вариантов представлен также неиндоевропейский шумерский язык.)

CVkw / сак'''* (афраз.) - **остриё, острый предмет ~ *šukk-ā* (евр.) - колющее оружие ~ *sakwami* (чад.: хауса) - **стрела с деревянным наконечником** ~ *sakwai* (хауса) - остриё [200, с. 100-101] У *sag* (и.-е.: др.-греч.) - **стрела** [211, с. 87] ~ *sagitta* (лат.) - стрела, лук [212, с. 80] (праалт.) - **лук, стрела**

> *soyan* (др.-тюрк.) - **стрела** ~ *sağan* - **остриё стрелы** ~ *saydaq* (каз., балк., ккал., як.) - лук, богатырский самострел / (турк., карк., уйг.) - колчан (для лука и стрел) ~ *садауци* - лучник || *sayadaq* (монг.) - колчан для стрел ~ *sayalı* (монг.) - самострел [41 (4), с. 140-141].

Tir (неинд.-евр.: шум.) - **стрела** || **tV(n)g* (праафраз.) - стрела, копье, дротик **tVhw* (афраз.) - натягивать, метать [176, с. 40] II *tihr/tigr* (др.-иран.) - стрела [17, с. 256-257] || *tighri* (иран.: зендск.) [32, с. 327] ~ *tîr* (курд.) - стрела [188, с. 151] || *tir* < *tirer* (фр.) - стрелять [213, с. 800] || *tore / (tök / tîke)* (афраз.: егип. / коптск., др.-греч. - калька из коптск.) - метать (стрелы), сложи, слово - стрелометатель (—> *trscate* - лук [212, с. 78-80]

tirik (тюрк.: сагайск) - **стрела, оружие** [109, с. 232] ~ г k g > *tikdn - tikkan* (др.-тюрк.) - шип, колючки, остриё ~ *teg-* (др.-тюрк.) - попадать, настигать, поражать [36, с. 547, 558].

(Т // s И с) > *tore / trs* (и.-е.: др.-греч., афраз.: коптск.) - **метать (стрелы), лук** || *sûra* (иран.: зенд.) - дротик || *çula* (санскр.) - «то же» ~ *çâri / çarya* (санскр.) - стрела [32, с. 325, 327] II *çurām / çuram* (др.-тюрк.) - **стрельба из лука по дальней цели** [36, с. 157] ~ *mosov / toko-so* (греч.) - лук [211, с. 91] || *toqī* (др.-тюрк.) - вбивать, ударять, поражать.

Juā / й'иа (и.-е.: др.-инд., авест.) - **тетева (лука), сухожилие** ~ **ziya* - (иран.: шугн.-руш.) - **тетева, струна** ~ *jue* (хотан.) - «то же» [34, с. 443] ~ *juā* (иран.: зенд.) - лук [32, с. 324] ||

/ *z-os* (греч.) - лук [171, с. 87] <=> * *jāj / jaja* (общетюрк.) - **лук (оружие)** ~ *Пай* (турк., аз., ног.) ~ *жай* (каз., ккалп.) - «то же» ~ *йэйэ* (башк.) ~ *эк; айа / эк; эйд* (кбал., тат.) - лук [169, с. 74] ~ *jāj* (алт.) - **стрела, острыйё** \| *ja* (др.-япон.) - **стрела** [33, с. 77, 79] \| *jomi* (фин.) - лук [32, с. 350].

Н. Андреев для выяснения происхождения данной праформы привлекает слова из разных языков с архаической семантикой: *ja-don* (др.-нем.) - **охотиться** \| *yā-van* (вед.) - преследующий, охотящийся (верхом на лошади) \| (тунг.-маньч.: ульчи) - стрелять (из лука) [113, с. 151].

Похоже на то, что последний вариант (*juā / й'иа*) из вышеприведённых названий древнего вида оружия возник в среде восточно-ностратических языков, так как в западном регионе общекорневых лексем, кроме греческой, пока не выявлено.

160. *Arqan / аркан* (тюрк, канат) - **длинная верёвка с подвижной петлёй на конце для ловли животных** [246, с. 80] ~ *аркан* (общетюрк.) - **толстая верёвка, лассо** [149, с. 39] ~ / *argan* (тур.) ~ *арган / aryan* (узб. диал.) - длинная верёвка, канат, волосяная верёвка [41 (1), с. 175] \| *arqan* (осет.) - верёвка, канат (< тюрк.) [247, с. 64].

По сведениям римского автора Помпония Мелы, относящимся к периоду до нашей эры, сако-массагетские воины искусно пользовались арканом во время сражения для ловли своих противников [248, с. 99].

А. Вамбери полагает, что в основе **аркан** лежит тюркский корневой слог *иг- / ор- / үр*— «плести», «сплестать», который считается приемлемым и сегодня. Мы же думаем, что это древнее слово является производным со значением названия орудия действия от глагола *гг- / ыр-*, наращённые формы *iryat / îryît* (др.- тюрк., уйг., кирг., каз., тат., башк.) - бросать, кидать, бросить далеко, бросать с силой ~ *iryoyu* (др.-тюрк.) - крючок, зацепка ~ *îryan / l'rqan* (тур. диал.) ~ *îrya- / ырка-* (тур., алт.-шор., тел.) ~ *грган* (чаг.) - двигать, раскачивать [41 (1), с. 660-661].

Наша версия подтверждается весьма весомым фактом, к тому же относящимся к интересующему нас региону Передней Азии.

Речь идёт об армянском слове *аркан-ет* со значением «бросаю», «кидаю» [224, с. 137], у которого корень *ар-* / *ар(к)-* созвучен с пратюркской изоглоссой *ыр-* / *ыр(г)* и, возможно, является изначальной праформой по звуковому составу и главное - по основному значению, отражающему функциональный признак орудия ловли.

161. *Саккимукки кал* (ностр.: драв.: тамиль.) - **кремель, доел, излучающий искры (блеск) камень** [139, с. 51] *соу* (др.-тюрк.) - блеск, сияние ~ *саq-* (др.-тюрк.) - **высекать искру, огонь (ударом по кремню)** ~ *саq / чакмак* (др.-тюрк.) - **огниво, кресало** (= очень твёрдый камень - кремень, употреблявшийся для высекания огня) [36, с. 140, 151] ~ *саqтаq* (турк., кирг.) ~ *саqта* (тат.) ~ *саqта* (башк.) - огниво, кремень [30, с. 373] || *gdkah* (санскр.) - блеск [127, с. 269] || *еэгах* (иран.) - искра, блеск [149, с. 117].

Tal* (пратюрк.) [145, с. 79] (ностр.: драв.: тамиль.) [139, с. 72] - (1 // г) - *khār* (драв.: брауи) [136, с. 75] ~ *khār* (и.-е.: арм.) [45, с. 129] ~ *чул* (чув., тат. диал.) [145, с. 79] - **камень.

Все эти слова, как и корни: *са* - искра, огонь - восходят к общим архетипам. К этому же пучку примыкает одно из древнейших названий каменного орудия с острым режущим краем: *сег* (афраз.) - кремнёвый нож [176, с. 391].

162. **G-r-* / **K-g-* (ностр.): *qar[r]* (сем.-хам.) - **остриё, лезвие** ~ *kar* (хамит.: куш.: оромо) - *qar-ta* (куш.: консо) - «то же» ~ *caaradii* (куш.: сомали) - остриё меча [14, с. 89] || **g-r~*: делать зарубки, отличая надрезать, процарапывать резы ~ *gr-apho* (и.-е.: греч.) - вырезаю, царапаю ~ *ker-be* (др.-нем.) - зарубка, насечка || **gh-r* (ностр.) - острые предметы, **стрелы** ~ *gar-e* (норв. диал.) - остриё [113, с. 45, 48] || *karta* (авест.) - **меч** ~ *kapata* (авест.) - **нож** ~ *krti-* (др.-инд.) ~ *kard* - (перс., осет.) ~ *ker* (курд.) - **нож, меч** [34, с. 220].

Приводя в параллель с указанными праформами следующие родственные изоглоссы из Юго-Восточной Азии: *kre* (бирм.) ~ *keris* (мал.) - **клинок**, которые изначально имели смысл «**режущий предмет из меди-бронзы**», В. В. Иванов сближает их с шумерским словом *nri* - **клинок** [238, с. 76].

Возможно, к этому же общему гнезду относится также лексема слегка в изменённом формате *kinq-lu* - **драгоценный меч**, обнаруженная синологом Ф. Хиртом в китайском «Шан-шу» (XII в. до н. э.), а также у сюн ну в «Цянь хань-шу» (47 г. до н. э.) в аналогичном фонетическом и смысловом варианте [239, с. 19]. Сравнивая её с древнетюркской лексемой **обою**

доострый нож, кинжал, автор заключает, что это древнетюркское слово, зарегистрированное письменно ещё в XII в. до н. э.

Впрочем, засвидетельствованная праформа у шумеров и семитохамитов дошла до нас и в других, почти эквивалентных фонетических вариантах: *keH* - (др.-тюрк.) - **надрезать, делать метку** ~ *kekğ* (др.-тюрк.) - топорик, кирка [36, с. 301] ~ *keskert* (кирг.) - **перочинный нож** [34, с. 220].

163. *Magarru / magru* (сем.: акк.) - **колесо, колесо телеги** [2, с. 63] ~ *may* (и.-е.: согд.) - **луна** - ассоциация по форме [36, с. 355] (*m // t* > сравните: *мисле / тбсле* - подобно, *тиле-миле* - дурачье) ~ *lager / tegir-* (др.-уйг.) - **кружить, вращать, вертеть** [41 (3), с. 172] ~ *tegerma* (др.-тюрк.) - **круглый** [36, с. 548] ~ *tagarmac / тззрмзч* (тат.) - **колесо**.

Mag-* / **teg-* / **dev-* > *daver* (сем.: араб.) - **вращение, кругооборот [220, с. 113] - *tawir* (др.-уйг.) - **кружить, вращать** ~ *devir* (тур., азерб., ктат.) - **вращаться, быть возвращённым ч.-л.** [41 (3), с. 172].

Производные от вышеуказанных вариационных корней: *Mag* (согд.) - **луна**, *tegira* (др.-тюрк.) - **вокруг** ~ *tegirman* - **мельница, жёрнов, мельничное колесо** ~ *daver / дзвер* (тат.) - **период, промежуток времени**.

164. *Chakram* (ностр. / драв.: малаялам) - **колесо** [125, с. 73] ~ *сахга* (и.-е.: др.-инд., Ригведа) - **колесо** ~ *сахга* (авест.) ~ *сахга* (ирак.) - «то же» [64, с. 740; 65, с. 58-59] ~ *сахга* (санскр.) - **колесо** [32, с. 431] *ciyri* (др.-тюрк.) - **колесо, колодезный ворот, пряслице** ~ *sevur* (др.-тюрк.) - **вертеть, вращать** [36, с. 145, 148] ~ *чыгыр* (тат.) - **механизм с колесом для подъёма воды из колодца, ролик** [223, с. 593] ~ *sayaraq* (чаг., тур. диал., турк., кирг.) - **круг, круг-окошко наверху юрты**, круг, составляющий верх юрты / кибитки, обод колеса ~ *sayaraq* (ног.) ~ *sayaraq I saqsraq* (башк.) - «то же» || *sayariy* (монг.) - **обруч, круг, обод** [30, с. 508-509].

165. *Uru/уру* (неи.-е.: шум.) - **круг, окружность, обод** [116, с. 104] || *undu/урулу* (ностр./драв.: канн.) - **вращение, вертеть, петля** [101, с. 202] *oga-/ига-* (общетюрк.) - заворачивать, окружать, обходить, идти (ехать) **круглым путём** [41, с. 469] *~урау* (тюрк.: тат.) - **круглый, обходный** [223 (2), с. 480].

В тюркологии прослеженная выше праформа считается заимствованием из согдийского су-хг - круг, колесо в «период контактов с согдийской торговой империей» [142, с. 798]. Однако из примеров следует, что данная праформа образовалась гораздо раньше и что она изначально, по-видимому, была связана с кочевым бытом, в том числе и у наших предков.

166. *flavayupi / панагор* (и.-е.: греч.) - ярмарка, **торг** *panajur* (ср.-тур.) *~ panayir* (совр. тур.) - «то же» [229, с. 201] *~ пэнаер* (тюрк., ст.-тат.) - ярмарка («Песнь о Кашане» - историческая песня-плач о гибели болгарского города Поволжья) [228, с. 251-252].

Этот общий малоизвестный термин является немым свидетельством былых торговых связей и культурноконтактных взаимоотношений наших предков.

167. **Ke-Ion-el* (евр.) - телогрея *~ xerwv / chiton* (греч.) *~ tunica* (лат.) - одежда из овечьих или иных шкур [171, с. 44]. **Tun / tun-ica* (и.-е.: др.-греч. диалект: язык линейного письма В) - одежда [220, с. 82] || *thauna* (сакск.) - одежда, платье [231, с. 149] *ton* (др.-тюрк.) - одежда *~ ton* (др.-тюрк.) - платье, одежда [36, с. 574] *~ ton* (др.-уйг., ср.-кыпч., ср.-огуз.) *~ ton* (тур., гаг., кирг., алт.) *~ tun* (тат., башк., узб.) - одежда, верхняя одежда, шуба, платье [30, с. 473].

Возведение происхождения вышеуказанной основы к сакскому слову *thmma* - одежда [30, с. 474], а также к древнекитайскому корню *tor > tan* Гер.-кит. - *twari*) - одежда [142, с. 775] оставляет в тени первоначальную средиземноморскую праформу.

168. *Iṣṣ* (неностр.: шум.) - похлёбка [34, с. 254] *~'dso* (хамит.: куш.) - ужин, день [140, с. 300] || *ada* (и.-е.: санскр.) - завтрак || *as* (ср.-иран.) - суп *~ as* (перс., тадж.) - варёная пища, кушанье *as / as* (др.-тюрк.) - еда, пища [36, с. 61-62] *~ as auu* (турк., тур., уйг., тат., башк.) - пища, еда, суп, плов [41 (2), с. 210-211].

И. М. Стеблин-Каменский считает *os/as* словом неясного происхождения, относящимся к культурному кругу [34, с. 254],

иранским считает его Э. В. Севортян. Г. Рамстедт же этот корень возводил к алтайскому архетипу [41, с. 212]. Однако при всём этом нельзя не учитывать его параллельные ближневосточные корни.

169. **jt* 'it > И (куш.: сидамо, хадия, камбатта) - есть, еда [10, с. 118] || **Ed-* > *ed-* (и.-е.: хетт.) - **есть** ~ (и.-е.: латин.) - **ем** ~ *edo* / *eSojua* (греч.) - «то же» ~ *eat* (англ.) - **есть** ~ *edmi* (лит.) - ем ~ *еда* / *ем* (рус.) [222, с. 52] || *идэ-х* (монг.) - «то же» [10, с. 118]^ **je-* < *d(t) / j* > *je-* (др.-тюрк.) - **есть, кушать** ~ *jejim* / *jem* (др.-тюрк.) - еда, пища, корм ~ *jediir* (др.-тюрк.) - кормить [36, с. 252-253].

170. **KVr* (ностр.) > *kiru* / *kirati* (сем.: акк.) - сад, парк [2, с. 102] || (*к* / *h'* / / *g*) - *-hortus* (и.-е.: латин.) - сад ~ *garten* (нем.) ~ *garden* (англ.) - сад ~ *гардас* (лит.) - ограда ~ *kert* (тохар) - «то же» || *kert* (венг.) - сад, огороженное место || *керт* (чеч.) ~ *кэрт* (инг.) - изгородь, ограда из жердей, прутьев, забор ~ *карта* (груз., мегр.) - огороженное место для скота [219, с. 104-105] *ker-* (др.-тюрк.) - преграждать, замыкать [36, с. 300] ~ *кпртэ* (тат.) - изгородь, ограда ~ *кэртэ* (башк.) - «то же», хлев ~ *карта* (чув.) - изгородь, ограда, огород, скотный двор [219, с. 104— 105].

В качестве чуть ли не исходной основы вышеуказанных изоглосс можно было бы привлечь в этот ряд семитское (вавилоноассирийское) слово *кат* из того же корня [2, с. 96], которое служило названием самого раннего типа ограды: **вал, земляная насыпь.**

171. *Йуртта* (ностр./драв.: тамиль.) - **юрта** [121, с. 187] *jurt* (др.-тюрк.) - **дом, владение, место жительства** [36, с. 282] || *юрта* (тюрк.) - **переносное, круглое в плане жилище народов Сибири, Центральной и Средней Азии** [267, с. 972].

172. *Арре* (неи.-е.: шум.) - **хлеб** || *ipe/ipi* (этрус.) - **хлеб** [351, с. 26] || *epi* (акк.-шумерск.) - **испечь хлеб** [150, с. 78; 2, с. 38] *api/ipi* (тюрк.: тат.) - **хлеб** ~ *эпэй* (башк.) - «то же» ~ *ипрак/апрак* (азерб.) - **хлеб** [41, с. 254].

173. **Dabir/dabur* (неи.-е.: шум.) - **медь, бронза** ~ (b//m) — *томор* (и.-е./индоарийск.: бенгаль.) - **медь** [109, с. 235] *tdmir-am/тамир-ам* (ностр./драв.: тамиль.) - **медь** [139, с. 297]

tem.tr/temur (др.-тюрк.) - **железо** [36, с. 551] ~ *temir-tomor* (тюрк.: тат.) - **железные (металлические) изделия** [223 (2), с. 377] ~ ? *timur*

(Зап. Средиземноморье: иберийск.) - **железо** [353, с. 128].

Как явствует из веских примеров, термин *temir* (синоним - *tomor*) первоначально появился не в Китае, откуда его якобы и заимствовали древние тюрки (? < поздн. др.-кит. **diet-mwut* - **железные вещи** ~ ср.-кит. *thief*. - **железо**) [142, с. 774], а в ареале Ближневосточного языкового союза. Семантика его у наших дальних предков развивалась путём переноса этого же названия на новоосвоенный металл - **железо**.

174. *Дангур-аву* (ностр./драв.: канн.) - **барабан** [101, с. 212] || *тангу/танту* (хамит./куш.) - «то же» || *тангу/танъгу* (кит.) ~ **барабаны с различными звучаниями дунгур/тунгур** (алт.) || *тэнгер* (бурят.) - **шаманский бубен** [89, с. 200] ~ *daii /Iaц* (др.-тюрк.) - **звукоподражание грохоту, грому** [МК, III, 357].

175. *Е/э* (неи.-е.: шум.): - **дом, жилище** [116, с. 39] *ijj/iiv/ ev/ee* (др.-тюрк.) - **дом, юрта, кибитка** [36, с. 623; 41, с. 513].

Как установил О. Сулейменов, утрата конечного согласного, то есть тенденция к открытому слогу, - характерная черта новошумерского языка. Древние же тюрки, в частности огу-зы, стремились в произношении закрыть конечный слог [17, с. 221, 236]. Сравните: *иги/иги* (шум.) - **род, племя** || *итк/иту* (тюрк.) - «то же» ~ *и/у* (шум.) - **десять** || *ин/ун* (тюрк.) - «то же» ~ *Бе/бе* (шум.) - **сеньор** || *beg/бег* (др.-тюрк.) - **бек, князь** ~ *ti* (шум.) - **жизнь** || *Иг* (др.-тюрк.) - **жить**.

176. *Е/э* (неи.-е.: шум.)² - **дом, жилище** [116, с. 39] ~ *el/эл* (шум.) - **светлая, чистая земля** [150, с. 77] || *И* (драв.: телегу) - **дом** [336, с. 37] || - (t/r) - *e-ir* (и.-е.: хетт.) - **дом** [200, с. 23] || *al/hal* (элам) - **страна** [341, с. 32] || (неи.-е.: урарт.) - название Урартского государства на местном языке [354, с. 51; 355, с. 32]. *Еуркум-ели* — название страны около озера Севан, *Армар-или* - область к востоку от озера Ван [355, с. 112]

ev/ee/ij (др.-тюрк.) - **дом** > *el/эл/ил* (общетюрк.) - **страна, племенной союз, государство, народ** [36, с. 168-169; 41 (1), с. 339-341] ~ *к 'ил/г 'ил* (тюрк.: чув.) - **дом**.

Как видно из примеров, развитие семантики древней лексемы ареального происхождения шло по возрастающей градации: дом —> родная земля —> страна —> государство —> союз племён, народ.

177. *Talu/юазу* (ней.-е./драв.: канн.) - задвижка, засов [101, с. 94] *тэлигэ* (тюрк.: ктат., осм.) - валец, вертушка ~ *тэлэкэ* (тюрк.: тат.) - «то же» [150, с. 195] ~ (?) - *t e m* (др., - тюрк.) - засов [36, с. 551] ~ *t Imalik*(алт., шор.) - кольцо [63 (2), с. 1084].

Производные от пракорня *t/mal* (монг.) - кольцо, телега ~ *телега* (рус.) - телега. (Не произошли ли эти однокорневые слова по ассоциации формы и движения вращающегося объекта?)

178. *Чатму / чатыр* (ностр./драв.: канн.) - крыша, навес, потолок [101, с. 79, 120] || *чадыр / чадур* (перс.) - шатёр, палатка [150, с. 230] || *catir/cacir/casir* (др.-тюрк.) - «то же» [36, с. 142] ~ *чатыр* (тюрк.: тат.) - шатёр, палатка [223 (2), с. 563].

179. *Qalu /калу* (неинд.-евр.: хатт.) - **засов** [76, с. 136] ~ *kala* (сем.: акк.) - **запирать, задерживать** ~ *foil* (др.-евр., сир.) - препятствовать, запирать ~ *kelle* (егип.: копт.) - **засов, замок** || *уХdig*(и.-е.: греч.) - **ключ** ~ *clavis* (лат.) - «то же» || *kola /кэlua* (мегр.) - ключ, запирать ~ *kola* (чан.) - ключ ~ (сван.) - «то же» [108, с. 6] *kila* (каз., тат.) - **задвижка** ~ *kilim* (шор. / тат.) - **ключ** ~ *kilid / kilim* (тур., кирг., ктат.) - **замок** ~ *ki limit* (тур.) - запёртый замком [63 (1), с. 1411, 1371].

180. *Suma* (и.-е.: хетт.) - **рог** [204, с. 98] ~ *surana* (хетт., и.-е.) - **рог** [86, с. 126] || *зйг-ип* (сем.: иврит) - **рог, труба** [15, с. 150] || *sumi* (лат.) - рог [86, с. 126] || *sur / сур* (перс.) - рог, рожок, труба из рога [217, с. 141] ~ *guma* (курд.) - рожок [188, с. 110] ^ *soryu* (др.-тюрк.) - **рожок** [36, с. 509] ~ *сурнаи* (бар.) - **флейта** ~ *суруна* (коман.) - труба ~ *сурууаи* (ккир.) - «то же» ~ *зурна* (тур.) - музыкальный инструмент, похожий на кларнет [63 (2), с. 770-771, 919] ~ *сорнай* (тат.) ~ / - народ

ный духовой музыкальный инструмент из рожка.

181. *Tabal/tapal* (сем.: акк.) - барабан ~ *tabl* (сир.) - бубен, тамбурин ~ *l.абел* (араб.) - барабан || *tambari* (хамит.: чад.) ~ *tambal* (чад.: сокоро) - «то же» *davul* (турк.) - барабан, шаманский бубен [214, с. 138-139; 215, с. 114] ~ (древнетюрк. поэма «Джумджума султан») - барабан [216, с. 37].

Судя почти по адекватной фонетической основе и схожести форм, внешнего вида обозначаемых им хозяйственных предметов, архаическое, но поздно зафиксированное слово **тубал** -

‘цилиндрический сосуд из коры дерева, луба’, ‘круглое лукошко для семян (при севе вручную), для сбора роя’ вполне может быть производным от древней праформы *tabl /davul*.

182. *Sir/sir*(неностр.: шум.) - **пение, песня** (сем.: акк., др.-евр.) ~ *s r / s i m* (угарт.) - **песня** (*хамит, куш.: сомали*) *sirb* (хадия) ~ *sur* (куш.: омотск.) - **петь** ~ **sr* (чад.)-петь [31, с. 59-60; 79, с. 231] ~ *sir* (и.-е.: хетт.) - **песнь** [204, с. 98] || *erg* (арм.) - **песня** [224, с. 276] || *jar* (вед.) - **петь** [225, с. 74] ~ *zar* (осет.) - **песня** [120, с. 87] *jir* (др.-тюрк.) - **песня** [36, с. 208] ~ *йыр* (тур., турк. диал., кум., ног., тат. диал.) ~ *ыр* (турк. диал., кир., тат. диал.) ~ *щыр* (тур., кбал., тат.) - **песня** [30, с. 285] ~ *йура* (чув.) - «то же» [160, с. 79].

Мы считаем досадным недоразумением при определении первоисточников архетипа «песня» неучитывание, вернее, явное игнорирование названных нами параллелей - многочисленных ближневосточных изоглоссов [см. 150, с. 73].

183. К сфере духовной культуры, точнее, к области словотворчества мы относим также **термины, связанные с категорией времени**, поскольку они являются продуктами нематериального производства, ориентированными на потребление и хранение. В данном случае они представляют неоценимый материал для сопоставительного изучения особенностей словотворчества и мировоззрения древних и культурноконтактных связей между ними.

В своё время Н. Я. Марр писал, что некогда «человечество представляло себе отдельно лишь два сезона, лето и зиму, а весну и лето никак, или, вернее, слитно. Весну с летом и осень с зимой, как диффузные понятия - всего лишь два понятия» [59 (1), с. 216]. Цикл весна-лето в сознании наших предков ассоциировался как тёплый, солнечный, светлый, обильный, урожайный период, а цикл осень-зима ассоциировался как период морозный, холодный, снежный, скудный, неудобный, трудный в хозяйственном отношении [232, с. 46]. **По нашим наблюдениям, дошедшая до нас терминология времён года весьма часто восходит к ностратическому и отчасти афразийско-палеотюркскому контактному единству.**

Kusu / kuššu (сем.: акк.) - зима (> *kuššu* - холод, мороз, *kašu* - холодный) [2, с. 101] *qiš* (др.-тюрк.) - зима [36, с. 448] ~ *quš* (др.-уйг., крх.-уйг., чаг., тур.) - «то же» ~ *quš* (кар., каз., кирг., алт., тат., башк.) - зима ~ *kiš* (уйг.) - зима ~ *kus* (як.) ~ *xəl* (чув.) - «то же» [30, с. 75-76] || (š // s t) - енисейские языки: *kə-t / kə-te* (кет.) ~ *kö-te* (имб., зед.) ~ *kēti* (кот.) - зима [32, с. 138].

184. *Ear / ěar* (и.-е.: греч.) ~ *uēg* (лат.) - весна ~ *jer* (гот.) ~ *ярь* (др.-слав.) - весна [171, с. 99-100] **ja:r* (пратюрк.) - весна (лето) [30, с. 75] (z//z): *jaz* (др.-тюрк.) - весна [36, с. 250] ~ *jaz* (тур., аз., уйг., кум., кар., тат.) - «то же» ~ *joz* (узб.), *yaz* (кирг.), *žaz* (каз.) - весна.

В более ранние времена первое (весна-лето) и второе (осень-зима) полугодие каждое в отдельности принимались за «климатический» год. **И** в силу того, что сезонные различия внутри них ещё не были чётко дифференцированы, смежные времена года, включая даже название самого года, весьма часто обозначались одним и тем же словом или же общекорневыми производными. *Ярь / jar* (др.-слав.) - весна || *ярь / jar / яри* (серб.) - лето || *yār* (др.-иран.) - год || *jer* (гот.) - год ~ *Jahr* (нем.) - год || **jaar* (пратюрк.) ~ (r//z)-*jaaz* - весна, лето ~ 7 / *el* (др.-тюрк.) - год [32, с. 203; 171, с. 99].

Не только название зимы, но и архаические названия весны и года вводят нас в орбиту Древнего Востока.

185. *Ze-ni* (и.-е.: хетт.) - «в конце лета» [233, с. 41]. Это конец первого полугодия, который включал в себя весенний и летний сезоны и завершался 8-м летним месяцем. Следы того, что этот временной промежуток раньше считался «климатическим» годом, сохранились в грузинском языке, по сути, в том же ареале. **В** частности, у них слово *za-prxil* - «лето» этимологически распадается на *za* - год, *px* - «тёплый» и буквально означает тёплый год, а грузинское *zamtar* также состоит из двух лексем: *za* - год и *mtar* (< **mt*) - «холодный», которые в слитном формате означают холодный год [232, с. 44]. **В** картвельских языках существуют самостоятельные слова только для понятий «лето» и «зима», а значения «весна» и «осень» подразумеваются под общими терминами «тёплый год», «холодный год».

В свете сказанного в высшей степени любопытно, что грузинский термин *za*, означающий «климатический» год (возможно, хеттский *ze* тоже имел значение «год», но, согласно контексту, значение года тёплого), в родственном сванском языке бытует в формате *зэй- /зэв* [160, с. 61]. Эта лексема как по фонетическим законам (*z // j*), так и по значению совпадает с древнетюркским словом *jaj* ~ *зай* (балк.) - лето, тёплое время года ~ *йай* (ног.) - весна [169, с. 74].

Мы считаем, что реконструкция праформ названий времён года (да и, по существу, генезиса всей архаической лексики) должна производиться тюркологами не только на уровне контактно-генетического праалтайского единства, но и на уровне связей с Древним Востоком, которые ведут исследователя в неизведанный мир.

В Передней Азии был известен также ареальный архетип, означающий понятия астрономического года вообще, которого в том же значении унаследовали и предки тюрков: (неи.-е.: урарт.) - год || *сел/цел* (картв.: груз.-зан.) ~ *цъал* (картв.: чан.) - год [227, с. 157; 160, с. 88] *йы* (общетюрк.) - год ~ *сол/сул* (тюрк.: чув.) - «то же» [150, с. 64] (гунно-булгарск.) - год > *саль* (кор.) - «то же» [160, с. 88].

184. *Od / ed* (неинд.-евр.: шум.) - время [116, с. 40] *dd* (др.-тюрк.) - время [36, с. 376; МК, I, 44]. От этого идущего из глубин тысячелетий корня в тюркском языке образовались разного типа время определяющие слова: (*d // l*) - *otrii* (др.-тюрк.) - затем, потом ~ *δ81a* (др.-тюрк.) - назначать время [36, с. 377, 393] ~ (*o // u*) - *uda* (кир., хак.) - всегда, постоянно ~ *udu* (каз., ккал.) - затем, потом, после [41 (1), с. 565-566] ~ (*d // - ojla* (др.-тюрк.) - полдень [МК, I, с. 113].

185. *Zag / zag* (неинд.-евр.: шум.) - сторона, бок, край [116, с. 41-42; 109, с. 234] *juq /* (др.-тюрк.) - сторона [36, с. 237] ~ *йак/эк; ак* (общетюрк.) - сторона, бок, край [41, с. 82].

186. *Kita* (неи.-е.: шум.) - внизу [335, с. 32] || *Kata* (и.-е.: хетт.) - внизу ~ *kate-ra* (хетт.) - нижний [356, с. 99] (?) - *qodi* (др.-тюрк.: вниз, внизу) ~ *qoji/qozi* (др.-тюрк.) - «то же» [36, с. 451, 453, 462].

187. *Teri* (неи.-е.: хурр.) - **передняя сторона, лоб** [335, с. 37] ~
t'er/ters* (хурр.) - **лоб || *te* (вост.-кавказ.: чеч., инг.) - **передняя часть** [88, с. 176] *tor* (др.-тюрк.) - **место против входа, почётное место** [36, с. 580] ~ *torn* - **почётное место в юрте** [МК, III, 221] ~ *tiğ/тур* (тюрк.: тат.) - **почётное место в комнате** (обычно место против двери в глубине комнаты) [223 (2), с. 449].

Наличие вышеприведённого лексико-семантического архетипа в словарном фонде Переднеазиатского Востока исключает заимствование его протюрками, как это утверждается в исследованиях венгерского алтаиста А Рона-Таша. якобы из пратохарского языка (тох. В: *twere* - дверь > пратюрк. *tor* (*e*) - почётное место! [307, с. 14].

188. *Ti/tir* (неи.-е.: шум.) - **жизнь** [109, с. 232] **tir* (др.-тюрк.) - **жизнь** [116, с. 103; 109, с. 232] ~ *Иг-* (др.-тюрк.) - **жить, проживать** ~ *ting-живой, жизнь* [36, с. 561-562].

В конце добавим ряд терминов, касающихся пространства и означающих различные абстрактные понятия.

189. *Dzelos-is* (греч.) - **состязание** [261, с. 112] (1 // г) - *jaris* (др.-тюрк.) - **состязание, скачки** [36, с. 241] ~ *jaruu* (алт., тел., чулым., осм.) - **конные скачки, бег** [63 (3), с. 127] ~ (тат.) - **соревнование, состязание** [257, с. 721].

190. **Sawl-* (неинд.-евр.: хурр., дарт.): *sawh* (хурр.) - **здоровье, процветание** [88, с. 181] *eyed / сыва* (чув.) - **здоровый, невредимый** [150, с. 172] ~ *cau / саулык* (тюрк.: тат.) - **здоровый, здоровье, здоровое состояние** ~ *саулык-сэламэтлек* - **здоровье и благополучие** [223, с. 221].

Silim (неинд.-евр.: шум.) - **здоровье** [251, с. 211] || / *salam* (сем.: евр., араб.) - **благополучие, здравость, приветствие** («здравствуй(те)!»), «здорово!») *сэлам* (тат.) - **приветствие, заключающее в себе пожелание здоровья, благополучия.**

191. *Tesha* (и.-е.: хетт.) - **сон** [204, с. 98] *ttis* (др.-тюрк.) - **сон, сновидение, грёзы** [МК, III, с. 125; 36, с. 559] ~ *тугу / tow* (уйгур, алт., тел., шор., чулым., каз.-тат.) - **сон, сновидение** [63 (2), с. 1295, 1587].

Как и в подавляющем большинстве случаев, этимологи для выяснения генезиса этого древнейшего слова исходят из праформы с

Переднеазиатского Востока не привлекают.

192. *šŠu* (сем.: акк.) - **тень** *šë!* (*иврит*) *zill-un* (араб.) - тень, отражение [15, с. 59] *wula* (осм.) - блеск, пламя [Радлов, 63 (3), с. 997, 1111] ~ *изулэ* (тат.) - **тень, силуэт, зарево**, отражение чего-либо на гладкой поверхности [223 (1), с. 618].

193. *Udi/ уды* (неинд.-евр.: шум.) - **сон** [116, с. 40] (др.-тюрк.) - спать ~ *udiq* (др.-тюрк.) - **сон** [36, с. 605].

Э. В. Севортьян корень *udi* рассматривает в составе общего лексического гнезда с адекватной по значению и схожей по фонетическому строю тюркской праформой *uju /уйу* (d j - udi) - спать ~ *ujqu* - сон [41 (1), с. 579].

194. *Ure/ уре* (ней.-е./драв.: канн.) - **ура!** < ? *uruly* (драв.: канн.) - **вращение, вертеть, петля** (~ окружать) [101, с. 202- 203] || *иги* (шум.) - **окружность, круг** [116, с. 104] *m±ура!* (общетюрк.) - **боевой клич воинов при атаке** ~ *ога-/ига-* (общетюрк.) - **окружать, обходить** [41, с. 469].

9. Числительные и их генетические истоки

195. *Os* (америнд.: майя) - *три* || (ней.-е.: шум.) - **три** [100, с. 304] *йс* (др.-тюрк.) - **три** [36, с. 621] ~ *ис/us/us* [223 (2), с. 121] (общетюрк.) - **три** [41, с. 642] ~ *дс/вч* (тюрк.: тат.) - «то же», **трое**.

196. *U*(ней.-е.: шум.) - **десять** ~ - **тридцать** (три + десять) [109, с. 239-240] || *он* (Зап. Средиземноморье: иберий.)- **десять** [353, с. 126] *hund* (др.-англ.) || *hunda* (гот.) - десять [12 (2), с. 845] *он* (др.-тюрк.) - **десять** [36, с. 367] ~ *ун/ун* (тюрк.: тат.) - «то же» [223 (2), с. 475].

197. *Pari/p(a)rija* (и.-е.: хет.-лув.) - **впереди** ~ *piran* (хетт.) - перед ~ *pari* (др.-инд.) - **первый** ~ *party* (др.-перс.) - **впереди** ~ *ragë* (алб.) - первый ~ *pri-mos* (лат.) - **первый** ~ *pri-m.es* (греч.) - **первые** || **регио* (и.-е.) - **первый, лучший** ~ *pdrvas* (др.-инд.) - «то же» [345, с. 125, 119; 17, с. 380; 182, с. 19] || *kir* (элам.) || *дг* (драв.: курух) - один || ~ (г//1) - **рА/Ц/А* (хамит.: чад.) - **один** ~ *pal* (аффаде) ~ *pdlle* (вандала) - **один** [122, с. 25] || *Бг* (др.-тюрк.) - **один** [36, с. 101] ~ *per* (тюрк.: чув.) - **один** ~ *permes* - **первый** ~ *pirinci* (алт.) - **первый** [17, с. 382].

198. *Sibu/sibi/siba* (сем.: акк.) - **семь** ~ *sib'a, seba* (др.-евр.) ~ *sib'a* (арам.) - «то же» [2, с. 142; 108, с. 7] || *sitta* (ней.-е.: урарт.)- **семь** [2, с. 142; 182, с. 131] || *satta* (и.-е.: др.-инд.) - «то же» [64, с. 430] || *zeta (dzeta)* - название седьмой буквы греческого алфавита || *ёжы* (драв.: тамиль.) - **семь** [17, с. 421] ~ (*s/s//j/y*) - *edu yedu* (ней.-е./драв.: телегу) - **семь** [336, с. 57] *swid* (картв.) - «то же» [227, с. 157] *jedi/jeti* (др.-тюрк.) - **семь** [36, с. 252, 259] ~ *jetti* (МК, III, 27] ~ *циде* (тюрк.: тат.) - **семь, семеро** [223 (1), с. 392].
199. **Так ^ toko, tokko/takka* (хамит./куш.: оромо) — **один** [18 (2), с. 10] ~ *tku* (чад.: логоне) - **один** ~ *takan* (чад.: мусгой) - «то же» [25, с. 77] *takin* (тюрк.: азерб.) - **один, единственный**.
200. *Pis* (тох. В.) - пять || *pese* (алб.) - «то же» || (?) - *panca penta* (греч.) ~ (др.-инд.) ~ *panca* (авест.) - пять [12 (2), с. 845].

Как видим из вышеприведённых цифр, или чисел, эти праформы все без исключения генетически связаны с Ближним Востоком. И ещё одна особенность: одни из них (три, пять, десять) представляли условный предел счёта, другие, (один и семь), носили сакральный характер. Сохранение с древнейших времён именно указанных цифр объясняется, конечно, этими факторами.

Этимологией числительных, в том числе и вышеуказанных, занимались многие учёные, начиная с иностранных специалистов Г. Рамстедта, Г. Дёрфера и заканчивая А. М. Щербаком, К. С. Кадыраджиевым, О. Сулейменовым и другими филологами. Поскольку ряд корней засвидетельствован в древних источниках Запада, ставка при этом делается, прежде всего, на древние языки из регионов той же географической среды. К числу «*pis / bis*», например, подобраны этимологические параллели, означающие ‘пять пальцев’ или ‘кулак’, ‘нога’ или означающие пределы чисел и др.: *nag* (греч.) - вес | *pes* (лат.) - нога | *fyst* (др.-анг.) - кулак | *pesti* (ст.-слав.) - пясть | () - *бэл* (общетюрк.) - локоть [12 (2), с. 845, 849; 17, с. 446; 150, с. 46].

А семантика числа «один» или «первый» в ряде языков возводится к значению ‘впереди, лучший, единственный, исключительный’. В порядке одной из версий можно предложить также значение «палец», служившее в древности основой для счёта различных предметов: *p 'z*

(сем.-хам.) - «палец» | *per* (чад.: байсо [23, с. 41]) ~ бер-алу (драв.: каннада) - «то же» | *бар-мак /раг- так* (общетюрк.) - палец.

Этимология праформы семёрки неизвестна. Полагают, что некоторые цифры образовались просто как порядковые числительные. В ракурсе такой идеи заслуживает внимания версия Олжаса Сулейменова, который связывает происхождение этого слова с корнем *zeta (dzeta)*, стоящим в греческом алфавите на седьмом месте и использовавшимся как цифра семёрка [17, с. 421]. Конечно, есть соблазн соединить корень этого сакрального числа - вечно использовавшегося в различных магических обрядах - с общей ирано-тюркской лексемой *jat/jad* - ‘колдовство, волшебство’ [36, с. 247], или же другой вариант: связать его с древнетюркским корнем *jet/jette* - ‘достаточно, хватить, достигать’, тем более число семь древними тюрками произносилось и обозначалось на письме, как и вариант «семёрки», с двумя «t» - *jette*. Но существовала ли праформа *jet* в древней Месопотамии - неизвестно, поэтому такое предположение пока лишь априорная гипотеза.

«Заимствование числительных Г в особенности выше «пяти» является весьма распространённым явлением во многих языках и может объясняться особенно тесными контактами и культурными воздействиями» [122, с. 255-256]. А у русских, насколько нам известно, даже первая десятка чисел почти целиком совпадает с числительными санскритского языка.

Русский	Санскрит	Русский	Санскрит
<i>первый</i>	<i>пурва</i>	<i>первый</i>	<i>prathama</i>
<i>два</i>	<i>два, две, двая</i>	<i>второй</i>	<i>dvitiya</i>
<i>три, третий</i>	<i>три, трий, троя</i>	<i>третий</i>	<i>tritiya</i>
<i>четыре, четверо</i>	<i>чатар, чатвар</i>	<i>четвёртый</i>	<i>caturtthi</i>
<i>десять</i>	<i>дам</i>	<i>десятый</i>	<i>daszami</i>
<i>сто, сотый</i>	<i>гуат, гуата</i>	<i>шестой</i>	<i>shasshihi</i>
	[773, с. 47]		[102, с. 70]

Цифра 234 на санскрите будет «*driashata tridasha chatvari*». А ведь эти языки относятся к разным семьям: русский - к семье славянской, а санскрит - к арийской (древнеиндийской). Но если указанные числительные носят явно заимствованный характер, то схождения в названиях чисел у переднеазиатских и тюркских народов обусловлены генетической преемственностью.

201. Числительное 40 (сорок) имело символические значения множества и 'бесчисленности'. Оно широко употреблялось в религиозно-мифологических верованиях, в семейно-бытовых и календарно-обрядовых традициях и в произведениях малых и больших жанров фольклора. Название его 'кырк/кырык' у тюркоязычных народов, как и 'сорок' у русских, отличается от других десятков (алт+мыш - шесть+десять, йед(е)+меш - семь + десять, сик(е)с +эн (<он) - восемь-десять, тук(ы)с+ан (<он), т. е. функционирует без прибавления названия «десять». Поэтому происхождение названия этого числительного у обоих народов остаётся невыясненным.

По нашему мнению, название числительного 'кырык' - сорок также восходит к региону Ближнего Востока. Как известно, до вторжения предков армян из Малой Азии на северо-востоке Армянского нагорья проживали неиндоевропейские хуррито-урартские аборигенные племена. В IX в. до н. э. здесь сложилось государство Урарту. Армяне позже как бы стали наследниками этого цивилизованного государства, а может быть, и преемниками ранних терминов некоторых числительных.

В данном случае нас интересуют употреблявшиеся в армянском языке названия числительных четыре и сорок, которые имеют форманты соответственно и [12, с. 845, 847]. Лексические корни этих чисел, казавшиеся разнокорневыми, фактически являются лишь фонетически видоизменёнными, но родственными вариантами: (с-с'огк - четыре ~ ord - четвёртый // k'ar-a-sun - сорок (-sun // (?-) ун / он - десять). Нам кажется, общетюркская лексема образо валась на основе этих переднеазиатских корней с сохранением конечного «к», который соответствует архаическому аффиксу множественного числа. А затем это слово от них заимствовали русские, адаптируя своей языковой стихией: кырык → (к/с) - ³

сорок. (Сравните параллельные тюркские и русские слова с фонетическим переходом к—>с: *кэфен* (араб.) / *саван* ~ *кыя* / *скала* ~ *карый* / *старый* ~ *тонну* / *хунну* / *сюнну*.

204. Можно было бы остановиться ещё на сравнительно древнем и менее распространённом слове, которое обозначает большое круглое число - **1000**. В тюркских языках оно представлено в форматах *тір* (*минг*) / *тітј* (*һип*). Есть попытки объяснить его этимологию, возводя к следующим архетипам: *tang-ia* (романск.) - большой, великий | *tangs* (гот.) - многий | **myng+a* (славянск.) ~ *мъногъ* (ст.-слав.) [17, с. 374-375]. Л. З. Заляй и Н. Б. Бурханова связывали корень «мен» с древнетюркскими *бунсуз* - беспредельный и *бэнгу* - 'вечный' [775, с. 45].

Однако, на наш взгляд, имеются весьма веские основания возвести и происхождение общетюркского названия цифры 1000 *миц/мец* к региону Ближнего Востока. «Традиционная буква М (мем) еврейского и арабского алфавитов, как и римская цифра, означает 1000, а с чертой над ней (М) - миллион. В том регионе корни единицы и числительных, кратных десяти, сотни и тысячи, начинались, как правило, с буквы «М»: *моно* / *товог* (др.-греч.) - один, *мна* (греч.) - сто | *mina* (лат.) - «то же» | *mille* (лат.) - тысяча | *ml/mt* (егип.) - десять, 'большое число'. Поэтому вполне допустимо, что лексема у тюрков когда-то, скорее всего, в сравнительно позднее время, образовалась под влиянием традиции именно Ближнего Востока.

Словарную статью о параллельных числах и об их этимологии хочется завершить древнейшим **числовым символом**, на мой взгляд, этноопределяющего характера, до этого ещё нигде не задействованным как системное явление. Мы имеем в виду число **17**. Происхождение и самые ранние истоки его связаны также с Ближним Востоком. Английский археолог *Дж. Ме-ларт* в шестидесятые годы минувшего столетия в Южной Турции (Конийская долина) раскопал неолитическое поселение и в культурном слое приблизительно 5900-5720 гг. до н. э. обнаружил святилище охотников, на стене которого изображены большой благородный олень красного цвета, окружённый фигурами 17 мужчин с чёрными бородами и волосами и в чёрных, а

также пятнистых леопардовых шкурах. Все они показаны в стремительном движении. В нижнем ярусе изображены тоже 17 человек: мужчины и женщины и один ребёнок, идущие друг за другом, которые ведут каких-то четвероногих животных [776].

Другой памятник - клинообразная надпись урартского периода, сохранившаяся на скале вблизи города Ван (находится на берегу одноимённого озера в Передней Азии), - представляет собой перечень богов и причитающихся им жертвоприношений. Число жертв главному богу пантеона Халди указано в этом перечне как 17 быков и 34 овцы (т. е. два раза по 17). Затем идёт Тейшеба - 6 быков 12 овец и т. д. [260, с. 159; 777, с. 322-323].

Плиний Старший, погибший при извержении Везувия в 79 г. н. э., оставил нам во второй книге своей «Естественной истории» краткое описание этрусских представлений о священной иерархии богов. Согласно информации этого автора, под началом главного бога *Тина* находилось шестнадцать божеств, в итоге тоже получается 17 (1+16). *Тин*, глава этой иерархии, восседает на троне, стоящем на вершине северной горы. Слева от бога, там, где восходят созвездия, лежит часть небесного свода, которую боги называют благоприятной, справа же расположена неблагоприятная сторона. Такие специфические представления этрусов, отличающиеся от религиозно-мифологической идеологии индоевропейцев, мы потом застаём у среднеазиатских саков⁴ и ещё позднее - у хуннов и древних тюрков [786, с. 73-74].

Вполне естественно, что символическое и сакральное число 17, сформировавшееся в регионе Средиземноморья, также получило продолжение у непосредственно причастных к древним тюркам среднеазиатских саков. Об этом свидетельствуют найденные у Большого Берельского кургана (Центральный Казахстан) и вместе с покойником лежащие в анатомическом порядке 17 коней: 16 лошадей на северной половине могильной ямы и одна рядом с покойником [779, с. 138].

Это ещё не всё. Изучая наскальные фотографии археологической энциклопедии из долины реки Селенги, впадающей в озеро Байкал, мы в так называемом «магическом круге» обнаружили ровно 17 жирных точек, написанных минеральной краской - охрой. Вокруг

круга изображены в стилизованной манере 7 человеческих фигур. Аналогичные круги с такой же композицией найдены в нескольких местах. А внутри другого рисунка квадратной формы два человечка и около них опять же 17 точек. 5 из них нанесены рядом с более крупным человечком, который находится в верхней части квадрата, а из оставшихся

4 жирные точки размещены рядом с меньшим по размеру человечком [780, с. 182-183].

Складывается впечатление, что эти фигурки могут олицетворять мужчину и женщину, которые, по мифологическим верованиям алтайских и уральских народов, имеют соответственно 5 (нечётных) и 4 (чётных) душ. А в целом эти наскальные изображения, датируемые руководителем экспедиции академиком А. П. Окладниковым скифским временем, представляли собой магические обереги от злых духов, которые должны были выполнять охранительную и возделительную функцию.

Далее, как свидетельствуют различного рода архаические реалии, традицию сакрализации числа 17, берущую начало ещё с Древнего Востока, унаследовали древние центральноазиатские тюрки.

В Большой надписи Кюль-Тегина количество воинов Иль-териш кагана, начавших борьбу за восстановление Восточного каганата, указано также как 17. Эта же символическая цифра совпадает с количеством веток или листьев на древе жизни у древних алтайцев и болгар. Вместе с тем эта цифра тождественна количеству языческих божеств, порождённых Тенгре, которым поклонялись алтайцы. По всей вероятности, и шейные украшения, и ожерелья казанских татарок с 17 серебряными монетами или камнями восходят к этим же древним верованиям. Кроме того, согласно одному из древних мифов, водно-земных духов у тюрков, божеств Иер-Су, живущих в различных местах, насчитывалось тоже 17 [89, с. 287].

Исходя из вышеизложенного нетрудно заключить, что у древних тюрков сакральная цифра 17 играла роль символического кода. в мифологии и быту она оставила своеобразный след в исторической поэтике при описании их этнической истории.

Как явствует из самых ранних верований этрусков и хурритов региона Средиземноморья, сакрализация цифры 17, скорее всего,

связана с четырьмя основными направлениями мирового пространства и центром мира. По религиозно-мифологической идеологии древних, четыре стороны света представляли из себя как бы местопребывание различных духов и богов, а центр олицетворял зону, где соприкасаются и скрещиваются все географические координаты и стороны и где находилась «мировая гора или главный бог».

Но что странно и показательно, такая традиция и сакрализация цифры 17, составляющие у тюрко-алтайских народов и их предполагаемых дальних пращуров систему, у индоевропейских народов почему-то не засвидетельствованы.

Думается, это странное и, казалось бы, необъяснимое явление восходит к **космогоническим воззрениям** древних, которые у народов различных языковых семей тоже кардинально различались. Если конкретно, «религиозно-мифологические системы древних индоевропейцев представляли структуру мира, т. е. земли и неба соответственно в виде круга и квадрата». Такой же тип представления, естественно, был характерен и для индоиранцев, который «очень древен и восходит по меньшей мере к периоду индоиранской общности (примерно к началу II тыс. до н. э.), «квадратная Вара», священная ограда против сил смерти, непременно должна была соотноситься с небом, квадратным в раннем арийском предании» [781, с. 7, 14-15; 12 (2), с. 742].

А для тюркско-монгольских народов характерна иная космомифологическая система, иная модель мира согласно которой земля представлялась в четырёхугольной форме, а небо - в форме круглого купола, который покрывал квадратную землю [782, с. 101]. Такое представление нашло отражение даже в письмах хуннских шаньюев, которыми они обменивались с китайскими императорами [89, с. 176-177]. А в древнетюркских орхонских памятниках неоднократно говорится о «четырёх углах света», где живут враги тюрков, так как, по верованиям тюрков, круглый купол неба не может охватить, вернее, не в состоянии покрыть угловые районы квадратной земли.

Весьма примечательно также то, что космогонические представления древних народов с их отличительными особенностями

служили подражательной моделью для планировки и сооружения различных строений и даже поселений, в которых видели микрообраз космоса, «малый мир». Этим объясняются круглые по форме юрты и хижины у наших предков. Интересно также, что ставки гуннского вождя Аттилы и болгарского хана Аспаруха в Плиске, а также укрепления Итиля были концентрическими (в центре стоял дворец правителя), причём планировка Итиля, по данным хазарского царя Иосифа, была также в «форме круга». Археологи выяснили, что в районе северного Донца у болгарских кочевников (VIII в.) посёлки, вернее зимовники (летом основное население уходило в кочёвку), имели планировку, как правило, «по кругу» [783, с. 51].

Специалисты даже в формах могильных сооружений хотят видеть проявление своеобразных взглядов и культур древних племён. К примеру, надмогильные сооружения афанасьевской и андроновской культур имеют круглую форму. Б. Н. Пяткин считает, что появление этих культур в Предсаянье и на Алтае связано с миграцией населения с Запада. Сходная ситуация наблюдается, утверждает автор, в Центральном Казахстане и Приаралье, что, по его мнению, связано с появлением там тоже какого-то нового этноса с Запада [784].

Таким образом, у тюркоязычных народов основные числительные, вернее, названия первого десятка чисел, восходят к названиям соответствующих цифр с Ближнего Востока. К таким числительным, обладающим высокой сохранностью, относят *бер/бир/тир* - один (начало всего, переход от ничего к конкретному), *уч-вч-три* (дословно ‘конец’, ‘вершина’, ‘острие’, представления о верхнем, среднем, нижнем мирах или же о прошлом, настоящем и будущем временах-универсальное трёхмерное измерение), *тши/беш* - пять и *и/он/ин* - десять (пятеричное исчисление, происхождение названий этих цифр связано с органами тела, которые при действиях с числами представляли закруглённые пределы). Абсолютная сохранность и распространённость цифры 7 и её названия, безусловно, обусловлены сакральным и магическим характером данного числительного, связанным с повсеместным проявлением и распространением числа, особенно в космосе: семь звёзд Большой Медведицы, семь планет, семидневный

цикл лунных фаз и отсюда его мощное влияние на мифологическую идеологию и разные обряды древних.

Второй вывод заключается в том, что в роли этнического определителя или кода может, оказывается, выступать и определённое символическое число, которое проявляет себя или употребляется в мифологическо-религиозной идеологии и культуре, в широком смысле этого слова, определённых этнических групп и, не обрываясь, передаётся по наследству от потомка к потомкам через века и даже несколько тысячелетий. Такие сверхустойчивые коды с помощью ретроспективного метода позволяют проникать в глубинные пласты этнической истории наших дальних предков и помогают выявить, из каких именно племён или народностей они складывались и консолидировались как суперэтнос.

10. Глаголы движения и восприятия

Как вы уже видели, в первом разделе генетико-контактных изоглосс словарные статьи о номинативной лексике, в том числе и о глагольно-именных корнях, отражающих первоначальную стадию словотворчества, составлены нами в максимально объёмном формате, с привлечением параллелей из ностратических и неностратических (шумеры, хатты, хурриты, урарты, этруски, северокавказские народности, америнды) языков Ближнего Востока и шире - Средиземноморья с востребованным выходом на африканские (хамитские) языки. При этом для выяснения генезиса и этимологии многих слов нами были дополнительно привлечены малоизвестные культурно-исторические материалы из разных областей и из древнего тюркского мира.

Ряды или же словарь схожих, адекватных глаголов движения и восприятия в целях максимальной краткости составлены, когда это возможно, с использованием реконструированных специалистами ностратических праформ, наращивая их внено-стратическими параллелями и общекорневыми тюркскими изоглоссами.

Всего нами обнаружено 136 схожих или параллельных глаголов, восходящих в конечном счёте к древней генетикоконтактной языковой макросемье или к ареальному межъязыковому суперсоюзу Ближнего Востока. Небольшая часть из них как общекорневой, но как побочный

материал использовалась в предыдущем разделе номинативной лексики. Но большинство тюркских лексических сходжений с афразийским, ностратическим и вненостратическим языковым миром, как и в первом разделе, вводится в научный оборот впервые.

205. **Бежать** *gas* - /*каш* (неи.-е.: шум.) - бежать, гонщик [116, с. 38] *qac*- (др.-тюрк.) - бежать, убежать, (др.-тюрк.) - беглый [36, с. 400] ~ *каш*- (шор., кирг., азерб.) - бежать [63 (2), с. 390].

206. ВНТbj *kuen* (и.-е.: хетт.) - бить, убивать [204, с. 101] *q'ina*- (др.-тюрк.) - пытаться, истязать, наказывать [36, с. 444] ~ *Kbiina* (уйг.) - наказывать [63 (1), с. 726] ~ *кыта*-у (тат.) - бить, пытаться.

207. **Бить**² **tk*- (сем.: евр.) - бить [18 (2), с. 14] ~ (сем., хам.: куш.) - бить ~ *tuk*- (омот.: кафичо) - ударить кулаком [18 (2), с. 12-14] ~ *tok* (америнд.: кечуа) - ударить, ломать [162, с. 43] *tokbi* (тюрк.) - ударить кого, нападать [63 (3), с. 1448— 1449] ~ *тук-ма-у* < *токы* (тат., башк.) - бить, колотить.

208. **Блистать** *zal* / зад (неи.-е.: шум.) - блистать || **hll* (сем.) - светиться *jal*- (др.-тюрк.) - воспламеняться ~ *jan-тыр* - блистать, сверкать ~ *jal / u* / (тюрк.) - светить, сверкать [116, с. 41; 55, с. 170].

209. **Брать** - *ailing* (неи.-е./драв.: брауи) - **брат** ~ *al* (брауи) - **бери** [340, с. 68] *al* (др.-тюрк.) - **брат, получать, приобретать** [36, с. 32] ~ *ал* — (тюрк.: тат.) - **бери** ~ *ал-у* (тат.) - **брат, взять, принимать, захватывать, перенимать, занимать** [223 (1), с. 72-73].

210. **Быть** } **w 7* (сем.-хам.) - быть || **Bё- / Ъб-* (куш.) - быть, существование || **ul/I* (ностр.: драв.) - быть, иметься || **bol- /ul-* (алт.) - быть, стать [5 (1, 2), с. 184, 332] || *ЪБи-* (и.-е.: санскр.) - быть [150, с. 53] *bol-* (др.-тюрк.) - быть, иметься, становиться ~ *bul-* (др.-тюрк.) - обретать, достигать [36, с. 111, 121].

211. **Быть**² (**иметься**) - *ul* - (неи.-е./драв.: малаялам) - **быть, иметься** [125, с. 137] ~ *ul* (драв.: тамиль.) - **быть, существовать** [136, с. 71] || *pul* (этрус.) - **быть** [350, с. 18] *bol* (др.-тюрк.) - **быть в наличии, иметься, существовать, становиться** ~ *ol-* (др.-тюрк.) - **становиться** [36, с. 111, 366] ~ *ill-* (тюрк.: огузск. форма) - **быть, стать** ~ (тюрк.: тат.) - «то же» ~

быть, иметься, существовать, являться, получаться [223 (1), с. 266].

212. **Варить** } *М- (сем.-хам.) - варить, готовить [5 (2), с. 338]
~ *basalu* (сем.: акк.) - варить [2, с. 58] || **phs-* (хамит.: чад.) || *ft-*
(афраз.: егип.) ~ **bsl*— варить, [254, с. 23] (др.-
тюрк.) - варить, вариться, свариться [36, с. 108].

213. **Варить₂** - *bas-alu/i* (сем.: акк.) - **варить, жарить** [2,
с. 58] || *bis-ing* (ней.-е./драв.: брауи) - **печь** ~ *bise* (брауи) - **испечь**
[340, с. 17] *bese* (кавк.: ахвахск.) ~ *бегиги* (кавк.: карат., багул.) -
жарить [70, с. 223] (др.-тюрк.) - **варить** ~
bis- (др.-тюрк.) - **вариться, свариться** [36, с. 105; 133] ~ *неш-*
вариться, жариться, печься (тюрк.: тат.) ~ (тат.) - **ва**
рить, печь [223 (2), с. 142].

Схожие слова различных, правда, когда-то близко общавшихся языков объединяет звукоподражательный корень *bas/bis/ bis*.

214. **Вбивать** *gag-/zaz-* (ней.-е.: шум.) - вонзить, втыкать, вбивать
колышек [116, с. 38] *qaq/как-* (тел., алт.-шор., ккир, кир., чул.,
кар., ктат., каз.-тат.) - прибывать, вбивать кол, вбивать гвоздь,
бить, ударить [63 (1), с. 57, 59].

215. **Веселиться** *hul/hyl* (ней.-е.: шум.) - веселиться, быть весёлым >
радость [116, с. 38] *ciiol* (майя) - веселиться [162, с. 41] || *celu*
(этрус.) - смех [251, с. 212] || *gel- ao* (греч.) - веселюсь, ликую
[113, с. 46] *kul-* (др.-тюрк.) - смеяться [36, с. 325].

216. **Владеть** *belli* (сем.-акк.) - овладеть ~ *belutu* - господствовать,
владычествовать [2, с. 50] *пИа/тила* (тюрк.: бара-ба) - царствовать
[63 (3), с. 1337] ~ *билду* (тат.) - владеть, овладеть [257, с. 240].

217. **Возгласить** - *sap-алу* (ней.-е./драв.: канн.) - **провозглашать,**
объявлять (*алу* - глагольн. суффикс) [101, с. 132] ~ ? > (р//л) - *сол*
(драв.) - **слово** ~ *сол-лы* (драв.: тамиль) - **говорить** [121, с. 210]
sarab (тюрк.: чув.) - **объявлять** [150, с. 178] ~ *сбран/сурэн/суран*
(тюрк.: тат., узб., чыгт., каз.) - **оповещать,**

кричать истошным голосом, боевой клич, весенний обрядовый
праздник ~ (с//л//ж) - *йар* (тюрк.) - **клич, объявлять во**
всеуслышание ~ *отсар салу* (тюрк.: тат.) - «то же», обращённая к
природным объектам песня [150, с. 66, 180].

218. **Волноваться** **dlh-* (сем.-хам.) - волновать, мутить ~ *dlh/dluh* (акк.) - волновать (воду), беспокоить || *talla-* (драв.)- волноваться, беспокоиться **t / d\le-* (др.-тюрк.) - *кынлан* - волноваться < *тулкын / дулкын* [63 (3), с. 1472] ~ *tal-* (др.-тюрк.) - лишиться чувств ~ *tal-pis-* (др.-тюрк.) || *тал-пын-у* (тюрк.: тат.) - трепыхаться, развеяться (на ветру) [36, с. 528-529].
219. **Вращать** - *eiX (X) со* (и.-е.: греч.) - вращать [182, с. 37] *ailan* (тюрк.: каз.-тат.) - **вертеться, вращаться** ~ *ajlamik*. (тюрк.: каз.-тат., ктат.) - **извилистый** [Радлов, I, 664-665] ~ *ай-лан* - (общетюрк.) - **вращать** [150, с. 27].
220. **Выжимать** - **su-/*seu* - (и.-е.) - **выжимать жидкость** ~ *suta* - (др.-инд.) - **выжатый** || > *suth* (др.-ирл.) - **молоко, сок** [12 (2), с. 653] *sit* (др.-тюрк.) - **выжимать, выдавливать** > *siit* (др.-тюрк.) - **молоко** [36, с. 506, 518] — *sem* (тюрк.: тат.) - **молоко** [223 (2), с. 255].
Скорее всего, лексема «молоко» образовалась от общего корня *st/sVt* - выжимать, выдавливать.
221. **Высасывать** *sig-* (ностр.: драв.) - втягивать в себя, хлебать ~ *jurru* (драв.: телегу) - «то же» ~ *surruku* (драв.: каннада) - втягивать в себя жидкость [55, с. 169] *sor-* (др.-тюрк.) - высасывать, сосать [36, с. 509] || *sum-* /*соро* (монг.) - всасывать, втягивать в себя жидкость.
Звукоподражательный корень.
222. **Выслеживать** *sag-* (и.-е.) - выслеживать, разведывать ~ *sek'- / sot1-* (и.-е.) - следовать [227, с. 34, 85] (тел., саг., алт.) - ожидать, караулить [63 (3), с. 247] ~ *сага-лау* (тат.) - подстергать, караулить, выслеживать ~ *sayir* (др.-тюрк.) - облава [36, с. 481].
223. **Входить** (сем.-хам.: суахили) - *ingia / ingiza* - **входить, вводить** [752] || *in* (и.-е.: англ.) - предлог со значением «внутри» ^ *ин- /ен-* (тюрк.) - спускаться, **входить** [36, с. 173; 150, с. 78].
224. **Выть** - **ul-/ 'yl-*(неи.-е./драв.: брауи) - **выть** [340, с. 23] ~ *улаи*(драв.: тамиль.) - **вой** [139, с. 221] || *ululu* (и.-е.: лат.) - **выть** [17, с. 366] *uli*(др.-тюрк.) - **выть, вопить** [36, с. 609] ~ *улы-/улу-/ула* (общетюрк.) - «то же» [41 (1), с. 595].
225. Гнать *kid* (неи.-е.: урарт.) - гнать (скот) [182, с. 115] ~ *kutu* (урарт.) - **выдворять** [54, с. 178] *kit /ket* (др.-тюрк.) - **ухо**

дить ~ *ketar* (др.-тюрк.) - удалять [36, с. 303] ~ *qui* (тюрк.: тат.) - выдворять скот.

226. Гнуть **bheuk / bheug-* (и.-е.) - гнуть || / *Бйка-* (алт.) - гнуть [5 (2), с. 336] *Бйк-* (др.-тюрк.) - пригибаться, сгибаться [МК, III, 230].

227. Говорит[^] **км>I* (сем.-хам.) - говорить [5 (2), с. 345] ~ **к/е/1а* (ностр.: драв.) - говорить || *xill* (неи.-е.: хурр.) - *qala* (сем.: араб.) - «то же» [88, с. 187] [^] *kala-* (чув.) - говорить, сказать ~ *каШсй/Kdlaci* (ст.-огуз., тур. диал.) - речь [5 (1), с. 346].

228. **Говорить₂** - *de* (неи.-е.: шум.) - **говорить** [116, с. 38] || *ti* - (неи.-е.: урарт.) - **говорить, сказать** [227, с. 163] ~ *tea* (урарт.) - **говорить** (ср. хуррит. - слово) [322, с. 56] ~ *ti/j /*(урарт.) - **сказать** [88, с. 188] || **d/eH-* (и.-е.) - **говорить, сказать** ~ *de* (итал.) - «то же» [17, с. 270] (др.-тюрк.) - «то же» [36, с. 545; 558] ~ *ди/диу (ди-ю)* (тюрк.: тат.) - **говорить, сказать** [36, с. 353].

229. Давать **br > Blz* (хамит.: чад.: джегу) - давать ~ *bar* (муби) - «то же» ~ *bar* (чад.: гера) - давать [18 (1), с. 86] (др.-тюрк.) - давать, вручать, даровать [36, с. 95].

230. Делать *essa-* (и.-е.: хетт.) - делать [204, с. 98] || (др.-евр.) - мука, тяжёлый труд [15, с. 273] || (куш.) - делать [23, с. 151] *is-la* (др.-тюрк.) - делать, работать [36, с. 215].

231. Есть *ed-* (и.-е.: хетт.) - есть ~ *edo* (лат.) - ем ~ *edo/edoMa* (греч.) - есть, ем || **'jt/ 'it> it-* (куш.: сидамо, хадиа, камбатта) - есть [222, с. 52; 10, с. 118] [^] *je-(jej < d(t) /j)* (др.-тюрк.) - есть, кушать ~ *jediir-* кормить [36, с. 252].

232. Жать *иг-/ур-* (ностр.: шум.) - жать, собирать урожай, пожинать [116, с. 33] ~ *or-* (др.-тюрк.) - жать, косить, скашивать [36, с. 370] ~ *ор /ур-* (тюрк.) - пожинать, собирать урожай [116, с. 33].

233. Жечь **dyk-* (сем.-хам.) - жечь [5 (2), с. 352] || *tk/tok* (егип.) - сжигать, гореть [18, с. 73] || *dak/jak* (др.-япон.) - жечь, разводите огонь [33, с. 36, 91] *jaq-* (др.-тюрк.) - жечь, освещать [33, с. 36, 90] ~ *с1ау-/дагъ* (ст.-тат., башк.) - сжигать, гореть (поэма-эпос «Дастан Бабахай») ~ (тат. диал.) - за жечь [339, с. 637].

234. **Жить** - *tur/dur/durun* (неи.-е.: шум.) - **жить, находиться** [109, с. 246; 116, с. 38] - *turms/tu* (этрус.) - **жизнь** [348, с. 142] *tur* (др.-тюрк.) - **жить, обитать, находиться, стоять** [36, с. 586].

От исходного глагольного корня произошли производные слова, означающие различные объекты: *tur/dur* (шум.) - жилище, место стоянки || *turn* (др.-тюрк.) - укрепление, жилище, крепость [36, там же] ~ *turn* (ностр.) - земля, страна [342, с. 57].

235. **Закончиться** **BM-* > *b/* (сем.: акк.) - прекратить, подходить к концу, быть исчерпанным, исчерпать(ся) ~ *batlu* (акк.) - прекращение [2, с. 52] *but-* (др.-тюрк.) - за кончиться, завершаться [36, с. 133] ~ *pēl*. (чув.) - кончатся ~ *bit/ bum-* (тур., турк., сарт, караим.) // (кирг., кар.) - быть оконченным [63 (3), с. 1773].

236. **Запрягать** *yoga* (и.-е.: хетт.) - упряжка [168, с. 156] || *yoga* (индоар. - «Ригведа») - запрягать [64, с. 738] || *yuga* (санскр.) - соединение [56, с. 814] *йек-/йег-/жук-* (общетюрк.) - запрягать [164, с. 172; 167, с. 69].

237. **Звать / позвать** *saqaru*, (акк.: вавилон., ассир.) - звать, призывать, окликать [2, с. 78] *saqir* (др.-тюрк.) - звать, созывать [36, с. 140].

238. **Знать** - **pal* - (неи.-е.: хурр.) - **знать** ~ *pal* - (урарт.) - «то же» [88, с. 171] *БII* (америнд.: майя)-**знать** [162, с. 41] || *bel/ БII* (Зап. Средиземноморье: иберийск.) ~ *belaxas* (ибер.) - **знайте** [353, с. 47, 122] *bil* - (др.-тюрк.) - **знать, ведать** ~ *bilig* (др.-тюрк.) - **знание** [36, с. 99] ~ *бел-у* (тюрк.: тат.) - **знать, быть компетентным** [223 (1), с. 227].

Производные от древнего корня > (др.-тюрк.) - **мудрый, bilig** - **знание** ~ *белем* (тюрк.: тат.) - «то же».

239. **Идти** **kIlz* (сем.-хам.) - бродить, шагать || *kal-* (ностр.: драв.) - идти, продвигаться ~ *kal* (драв.: малто) - идти, приходиться || *xel* (хамит.: бербер.) - шагать || *kal-ah* (куш.) - путешествие || *kel* (хамит.-чад.: ангас) - бродить || ((картв.: мегр.) - бродить [5 (1), с. 294] || (америнд.: кечуа) - приходиться ~ *кэл* (кечуа) - «иди сюда» ~ *kil* (майя) - прийти [162, с. 41, 48; 253, с. 199]

kel- (др.-тюрк.) - приходиться ~ **kal/ii* (алт., тюрк.) - приходиться [5 (1), с. 294] || *kel-bar-* (др.-тюрк.) - путешествовать [36, с. 295-296].

240. Искать **dap-* (хамит.-куш.) - искать, следовать, охотиться || *tap-* (чад.) - преследовать [18 (2), с. 52] (семантическая инверсия) - *tap-* (др.-тюрк.) - находить, приобретать [36, с. 533] ~ *табаиш / табыс* (тюрк.) - добыча [63 (3), с. 985].

241. Исчерпать(ся) - *bat-alu/i/* (сем.: акк.) - подходить к концу, быть исчерпанным, упразднить [2, с. 52] *but-* (др.-тюрк.) - завершаться, заканчиваться, иссякать ~ (др.-тюрк.) - окончание, завершение [36, с. 134] ~ *бет-у* (тюрк.: тат.) - завершаться, иссякнуть, сходить на нет [223 (1), с. 237].

242. Казаться (модальн. форма) - (ней.-е./хамит.: куш.) - казаться ~ *tak* (куш.: хамир, квар) - казаться, быть похожим [25, с. 76] *tek/teg* (др.-тюрк.) - как, словно, будто, подобно [36, с. 546] ~ *тик* (тюрк.: тат.) - подобно [223 (2), с. 374].

243. Капать - *tmb* (хамит./куш.: сахо) - капать ~ (b//m)- *tabtab* (куш.: агав.) - «то же» (звукоподр.) [25, с. 86] *tarn* — (др.-тюрк.) - капать ~ *tamcir* (др.-тюрк.) - «то же», накрапывать [36, с. 529-530] ~ *там-у* (тюрк.: тат.) - капать ~ *тын-тын* (тат.) - *кан-кан* (звукоподр.) - «то же» [223 (2), с. 309, 459].

Примечательно то, что корни звукоподражательных слов в дравидийских языках, в отличие от ряда индоевропейских, едва ли не точь-в-точь совпадают с аналогичными корнями в тюркском языке. Заодно вспомним предыдущее подражательное слово *выть*: *ul-* (драв.) // *uli-* (др.-тюрк.). Это лишний раз свидетельствует о былых довольно близких взаимоотношениях между этими языками.

244. Кипеть *кайна-/коди-* (ностр. / драв.: тамиль.) - кипеть [121, с. 273, 281] *qajna-* (др.-тюрк.) - кипеть, бурлить, вариться [36, с. 406; МК, III, 280].

245. Класть **ка-* (ней.-е.: шум.) - класть, складывать [116, с. 102] || *k'ew-* (ней.-е.: хурр.-урарт.) - (вост.-кавказ.: лак., чеч.) - класть [88, с. 120] *qoj-* (др.-тюрк.) - класть, помещать ~ *qid-* - «то же» [36, с. 453, 451].

246. **Класть₂** - *tikh* (ней.-е./драв.: брауи) - **класть** [340, с. 71] *tik* - (др.-тюрк.) - ставить, устанавливая [36, с. 558].

247. **Кончать** **Шт* (афраз.: егип.) - кончать [8 (1), с. 55]

~ *Imm* (сем.: араб., сир.) - быть законченным ~ *tamm-* (сем.: араб.) - конец, предел [18 (2), с. 19] ^ *bol-* (др.-тюрк.) - заканчиваться, завершаться [36, с. 544] ~ (тат.) - кончать, завершить.

248. **Кочевать** **gac-* (сем.-хам.) - сниматься с места, гнать скот [176, с. 48] ~ *каса* (америнд.: кечуа) - перенести в другое место [162, с. 44] || (г//к) - *кас* (лат.) - переходить, мигрировать ^ *кос-* (др.-тюрк.) - кочевать, передвигаться, переходить [36, с. 211].

249. ЛНТбј **tek'*- (и.-е.) - течь, бежать || **ика* (сем.-хам.) - проливать || *tx(e)~* (картв.) - проливать || **tdk(A)-* (алт.) - лить [5 (2), с. 347] *tok-* (др.-тюрк.) - лить, изливать [36, с. 579] ~ *tuk* (тюрк.: тат.) - «то же».

250. **Лить** **'k'* (сем.-хам.) - литься, вода [5 (2), с. 334] || **aqq* (куш.) - вода [23, с. 24] || *aqua* (лат.) - вода [153, с. 40] *ак (A)-* (алт.) - течь, лить [5 (2), с. 334] *aq-* (др.-тюрк.) - течь, лить, истекать [36, с. 48].

251. **Любить** *Amor/Амур* (лат. букв. «любовь») - в римской мифологии божество любви, изображаемое в виде крылатого мальчика с луком и стрелами [21 (1); 71] *amir* (др.-тюрк.) - **любить** ~ *атга* (др.-тюрк.) - «то же» [36, с. 41].

252. **Моросить** **seip-/seib-* (и.-е.) - моросить, просеивать || *sp-* (сем.-хам.) - лить, сыпать || *si* (урарт.) - течь, идти (о дожде) [88, с. 180] || *сэ-и* (кавк.: кааб.) - сеять [227, с. 162] ||

/ *sib A-* (алт.) - моросить, просеивать [5 (2), с. 349]

(алт.) - моросить, сыпать (о снеге) ~ *s* (тюрк.: каз., тат.) - лить, поливать, сыпать [63 (1), с. 726, 731].

253. **Нагреваться** (~**кипеть**) - **Каи-/qaj* > (неи.-е./ драв.: каннада) - **нагреваться** (> -алу - глагольн. суффикс) ~ *кай-пу* (канн.) - **жар, жара** [101, с. 138] *qajin* (др.-тюрк.) - **кипятить** [36, с. 407] ~ *кай-нарлау* (тюрк.: тат.) - **нагреть** ~ *кай-нарлану* (тюрк.: тат.) - **нагреваться** ~ *кайнар* (тат.) - **горячий** [223 (1), с. 513].

254. **Надрезать** **kertA: kert-* (сем.-хам.) - резать || *gr-apho* (греч.) - вырезаю, надсекаю, пишу || *ker-be* (др.-нем.) - зарубка, насечка [113, с. 45] || *k/erti-* (алт.) - надрезать, делать зарубку [5 (2), с. 361] *kert-* (др.-тюрк.) - надрезать, делать метку [36, с. 301].

255. Нагромождать **tul-* > (хамит./куш.: сомали) - «то

- же» ~ *tull-* (куш.) - собирать в кучу, нагромождать ~ *tul-ludu* - накоплять || *tuli* (чад.: хауса) - куча, в большом количестве [14 (2), с. 79] (?) - *tol-* (др.-тюрк.) - наполняться ~ *tolala* - на полнить, пополнить [36, с. 572].
256. Находить **top-* (и.-е.) - отгадывать (находить правильный, подходящий ответ) || **lapp-* (ностр.: драв.) - нечто подходящее || *tap(p)* А (урал.) - находить, подходящий || (алт.) - находить, отгадывать [5 (2), с. 356] *tab-* (др.-тюрк.) - найти [36, с. 525].
257. Нырять - *zama* (сем.-хам.: суахили) - погружаться чум-у (тюрк.: тат.) - нырять.
258. Обрабатывать, возделывать - *colo* (и.-е.: лат.) - «то же» ~ *cultio/cultura* (лат.) - возделывание, обрабатывание *qulu* (тюрк.) - делать [251, с. 238; 351, с. 208-212] *qil-* (др.- тюрк.) - делать, создавать, превращать во что-либо [36, с. 442] < *qul-*рука [Н. Я. Марр, 59, с. 73 (II), 153 (IV)].
259. Объявлять с *ар-алу*(ностр.: драв.: каннада) - объявлять, провозглашать [101, с. 372] *jar / ж; ар* (тат.) - громкое объявление ~ *эцар сад* - громко объявлять (термин языческого обряда) [237, с. 103].
260. Опуститься - *tus* - / *туш* - (неи.-е.: шум) - опуститься <*zt tus-ftus-* (общетюрк.) - опуститься [109, с. 240] ~ *tus-* (др.- тюрк.) - падать, выпадать [36, с. 600] ~ *тви-у* (тюрк.: тат.) - спускаться/ спуститься, падать, снижаться [223 (2), с. 418].
261. Оставлять *гада* (шум.) - остаться [116, с. 105] || **кГ*(сем.-хам.) - покидать, бросать, оставлять || **kel-* (картв.: занск.) - оставлять || **k'ala-* (алт.) - оставаться [5 (2), с. 352] ^ *qal-* (др.-тюрк.) ~ *qal* (др.-уйг.) - оставаться, оставлять [36, с. 410, 413; 241, с. 16].
262. Охранять^ *kadu* (сем.: акк.) - сторожить, охранять [2, с. 93] || *kuti* (ностр.: злам.) - охранять [119, с. 42] *kiid-* (др.- тюрк.) - стеречь, пасти [30, с. 324].
263. Охранять²Лу- (ностр.) - защищать, охранять (скот) [185, с. 72] ~ *ser-va*(и.-е.: лат.) - сторожить, следить [187, с. 254] || *саг* (Авеста) - пастись [37, с. 278] ~ *сагу* (ностр. / драв.: каннада) - выгон *stir-* (др.-тюрк.) - гнать (стадо) [36, с. 517] — *сур-* (тур., турк., кумык, тув., хак.) - гнать коров на пастбище [66, с. 329].

264. **Пасти** *kid-* (неи.-е.: урарт.) - гнать (скот) [182, с. 115] ~ *kutu* (урарт.) - водворять [54, с. 178] || *kadu* (акк.) - сторожить (скот) [2, с. 93-94] ~ *na-kid* (шум., акк.) - главный пастух [178, с. 212] || *kuli* (злам.) - охранять [119, с. 42] *ktita-* (др.-тюрк.) - пасти ~ *ktitci* - чабан, пастух [36, с. 330].

Взаимосвязь значений «гнать» (скот), «пасти» и «стеречь» уходит в глубь тысячелетий.

265. **Пахать₂ / копать** **h^or* > *har-* (и.-е., хетт.) - разрывать, пахать [202, с. 10] || *harti* / *him* (сем.: акк.) - копать, рыть [2, с. 87] ~ *hrs* (акк.) - пахать [156, с. 50] *stir-* (др.-тюрк.) - тянуть, волочить [36, с. 517] ~ *s tir-Zcup-* (тур., турк., азерб.) ~ *cup-* (кум., ккал.) ~ *cop/ cup-* (тат.) ~ *hup* (башк.) - пахать [41 (1), с. 367].

266. **Пахать₂** *skA* (афраз.: егип.) - пахать, обрабатывать землю || *sak-/suq-* (семит.: акк., сир.) - боронить || *кика* (чад.: хауса) - сеять ~ *srm* (хамит, /бербер.: мзаб.) - обрабатывать землю, пахать [200, с. 100-103] *сука-на* (тюрк.) - пахать сохойю [Рад-лов: 63 (3), с. 752] ~ *сукалау* (тат.) - пахать, вспахивать [256, с. 265]. См.

Разрыхлить.

267. **Пениться** - **KVf* (хамит.: бербер.) - **пениться, вздуваться** ~ **Kdff* (бербер.: гадамес) - **пена, пенистое** ~ *кЛ/ау* (бербер.) - **парное молоко** [196, с. 20] (др.-тюрк.) - **пена** [36, с. 317] ~ *stir ktipirdi* - **молоко пенилось** [МК, II, 72] ~ *konti-*, *кдб-ti-* (общетюрк.) - **вспучиваться, вздуваться.**

268. *neTbj sir/ sir* (неи.-е.: шум.) - **петь** || *sir* (хетт.) - **песня** || *sur* (хамит./куш.: омотск.) - **петь** ~ **sr* (чад.) - **петь** [31, с. 59-60; 79, с. 23] || *jar* (вед.) - **петь** [225, с. 74] ^ *jir-la-/ jur-la-* (др.- тюрк.) - **петь** ~ *jir* - **песня** [36, с. 268, 282].

269. **Петь, напевать₂** - **geiH-* (и.-е.) - **петь, кричать** ~ *ati* (др.-инд.) - **поёт** ~ *gie-doti* (литов.) - **петь** ~ **к. ТуЛ* (урал.) - **петь, токовать** [5 (1), с. 297] *kog* (др.-тюрк.) - **мелодия, размер стиха** ~ *kogla* - (др.-тюрк.) - **петь** [МК, III, 301, 131] || *khgyog/khouk* (ср.-кит.) - **мелодия** [36, с. 311-312; 142, с. 776].

270. **Писать** *πναχιον* (греч.) - **писать** || (тохар.) - он написал ~ *pidaka* (тох.) - документ, грамота [41 (2), с. 156] || *бетту* (драв.: каннада) - **штамп, печать, чекан** [101, с. 212] ^ *БIH-* (др.-

тюрк.) - вырезать, надпись, писать > *bitig* - книга, документ, амулет [36, с. 103].

Оспаривая происхождение данной праформы от китайского слова *pi* < **piet*- кисточка, мы этимологию корня «писать» впервые в тюркологии связывали с общим ностратическим архетипом *bit / pit / bic / bic* - срезать, вырезать, в том числе с тюркским корнем *bic / bic* - с тем же значением [255, с. 59]. При этом мы исходили из того, что в ранних культурах письменные знаки или надписи вырезались на камне, на деревянных и обожжённых из глины дощечках или же на бронзе. Поэтому утверждение О. Сулейменова, что якобы до него «этимологи, занимавшиеся этим словом (т. е. словом *bic* — вырезать. -М. Б.), не увидели близости формальной и семантической с омонимично звучащим глаголом *bic-bic- / bit-/biti* - «пиши», не соответствует действительности [100, с. 95-97].

271. **Плакату** *Бакй* (сем.: акк.) - реветь, плакать, рыдать [2, с. 53] ~ *bki*- (угар., евр., арам.) ~ *беки*- (мекри) - плакать [18 (1), с. 60] *baqir*- (др.-тюрк.) - реветь, кричать [36, с. 82].

272. **Плакать**² - *'bging/~ocHoea 'dg-* (ней.-е./драв.: брауи)- **плакать** [340, с. 72] *ayila* (др.-тюрк.) - **плакать** ~ (a//!) - *iyila* (др.-тюрк.) - «то же» ~ *jiyla* (др.-тюрк.) - **плакать** [36, с. 18, 218, 266] ~ *аг-лау* (ст.-тат.) - «то же».

273. **Погибать** *u/oll-* (ней.-е.: хуррит.) - погибать ~ (ней.-е.: урарт.) - «то же» [88, с. 135] || *vel* (ностр.: драв.) - убивать, побеждать || **uel-* (и.-е.) - кровопролитие, убивать ||

(алт.) - умирать [5 (2), с. 367], *ollimi* (греч.) - губить [251, с. 237] ^ *6l-* (др.-тюрк.) - умирать [36, с. 383].

274. **Подниматься**[^] - *asy-* (ней.-е.: хурр.) - **поднимать(ся)** [88, с. 185] ~ *ashu* (хурр.) - **верх** [335, с. 32, 36] *as-* (др.- тюрк.) - **подниматься, переваливать (гору)** [36, с. 62] ~ *кокка asu* (тюрк.: тат.) - **вознести к небу** [223 (1), с. 157].

275. **Подниматься**² - *bin* (америнд.: майя) - **подниматься** [162, с. 41] || (b//m) *tëni/tëni/мену* (ностр./драв.: канн.) - **высоко, вверх** [101, с. 122] *min/miin-* (др.-тюрк.) - **подниматься, восходить** [36, с. 352] ~ *тон-* (др.-тюрк.) - **становиться на дыбы** (о лошадях) ~ *tün-/Bln-* (др.-тюрк.) - **сидеться верхом** [36, с. 100, 344, 353] ~

мену (тюрк.: тат.) - **подниматься, подняться вверх, восхождение** [223 (2), с. 37].

Ш

276. **Покрывать** **kp-/qp-* (сем.-хам.) - покрывать, укутывать ~ *qpl* (сем.) - закрывать < *qp-1* | (ностр.: драв.) - покрывать || **kap/λ* (алт.) - закрывать [5 (1, 2), с. 336, 356] (др.-тюрк.) - «то же». Производные от него: *qaraq* (др.-тюрк.) - крышка, *qarau / qarīu* - ворота [36, с. 420].
277. **Похищать** *kaq/кар-* (неи.-е.: шум.) - похищать [109, с. 234] *qar-aqla*. (др.-тюрк.) - грабить ~ *kaq-ta* (др.-тюрк.) - грабёж [36, с. 425, 428] ~ *карак/карак*(каз.-тат., уйг., тел.) - разбойник, вор [63 (2), с. 147-148].
278. **Приходить** *mil* (драв.: тамиль.) - приходиться [121] *kel- /kil-* (др.-тюрк.) - «то же» [36, с. 295, 307].
- 278а. Приходить** 2 **bw'-* (сем.) - пойти, прийти, идти [25, с. 54] *bar-* (ностр./драв.: каннада) - приходиться ~ *bar-* (драв.: ко-дагу) - «то же» ~ *bare* (малто) ~ *var-* (гадаба, колами) - приходиться ~ *varu-* (драв.: тамиль.) - «то же» [136, с. 40] *bar-* (др.-тюрк.) - идти, ходить [36, с. 83].
279. **Прицеплять** *taks* (и.-е.: хетт.) - связывать, прикреплять, прилаживать [251, с. 230], *tog* (неи.-е.: шум.) - прицеплять [109, с. 233] *tag-/tay-* (др.-тюрк.) - прикреплять ~ *tak-* (др.-тюрк.) - присоединять, прицеплять [1, с. 197].
280. **Пробовать** **t'm-* (сем.: евр., араб.) - пробовать на вкус ~ *lam-* (сем.: соддо) - пробовать, вкус [18 (2), с. 51] || **cIзм-* (хамит.: чад.) - кусать [18 (2), с. 73] || *lam* (ностр.: драв.: билин, ха-мир, дамот) - пробовать на вкус ~ *cIзм* (чад.: логоне) - «то же» [25, с. 86] *lam* (тюрк.-тат.) - вкус [63 (3), с. 1128] > *тзмлзу* (тат.) - пробовать на вкус, отведать.
281. **Просить (спрашивать)** - *sol/сол* (неи.-е./драв.: тамиль.) - просить [139, с. 207] ^ (л/р) - *sor-* (др.-тюрк.) - спрашивать, расспрашивать [36, с. 509].

Происхождение и этимология пракорня . считавшиеся до этого неизвестными, мы возводим к генетико-контактному архетипу *soj/coUchoj* /драв.: тамиль.. малаялам! с исходным значением «слово» [121, с. 210; 125, с. 83]. Отсюда и лексикосемантические параллели: *sol/col//ciir* (булг.) / *сдз/суз* (др.-тюрк., тат.) - слово, образовавшееся благодаря общему происхождению и первоначальному ареальному союзу.

282. Протыкать **qur*/\ \ h(w)r (сем.-хам.) - протыкать, дыра || **uɔ*/ -
(драв.) - протыкать || **qwr* (картв.) - продырявливать || *uɔ/or*

(алт.) - яма, отверстие *og-/op-* (общетюрк.) - рыть ров/яму, - ров [41 (1), с. 466-467] ~ *qaram/qar-am* (др.-тюрк.) - ров [36, с. 424].

283. **Работать** - *uz-/oz-* (неи.-е.: урарт.) - **работать** [88, с. 193] 4 (?) - *gz- bzp-'* вариант: (тюрк, диал.) - **упорно работать** ~ *ыра-ту* (тюрк.: тат.) - **стараться** [339, с. 798] ~ *ыра-у* (тюрк.) - **спориться (о работе)** [150, с. 253].

284. **Разбить** **tr tr-* (сем.: амхар.) - разбить на мелкие части || *tar tara* (хамит./чад.: хауса) - разбивать [18 (2)] 4 (?) - *тар-мар* (тюрк.) - разгромить, разбивать.

285. **Разбухать** *kaba.ru* (сем.: акк.) - стать объёмным, сделать толстым [2, с. 93-94] *qabar-* (др.-тюрк.) - вздуться, распухнуть [36, с. 399; МК, 11,71].

286. **Разрыхлить** **s^k''a/y* (афраз.) - (рядное (?)) рыхление земли под посев [176, с. 41] || *sk-* (афраз.: егип.) - пахать, обрабатывать землю || *sakaku* (акк.) - боронить [108, с. 4] || *skka* (хамит, /бербер.: мзаб) - обрабатывать землю, пахать [200, с. 100-103]

soq- (др.-тюрк.) - ударить, измельчать, крошить, раздроблять на мелкие части [36, с. 508] ~ *сука* (чув., тат.) - соха. См. **Па-хаты2**.

287. **Раскалывать** **tl-* (сем.-хам.) - расщеплять || (картв.) - «то же» || **tel-* (алт.) - раскалывать [86, с. 128] *til* (др.-тюрк.) - разрезать на узкие полоски [36, с. 560].

288. **Расщеплять** **cal^/:* **cl-* (сем.-хам.) - расщеплять, остриё || *cal-* (ностр.: драв.) - расщеплять || **cel-* (ностр.: картв.) - косить || **caly-* (алт.) - остриё [5 (2), с. 360] *чал-* (уйг., тур., кар., ктат., каз.-тат.) - косить ~ *чал-* (каз.-тат., тур.) - зарезать (скотину) ~ *чал^ыла-* (алт., тел.) - косить косою [63 (3), с. 1876-1877, 1887].

289. **Разрушать** *at-* (неи.-е.: хурр., урарт.) - разрушать || *ata* (неи.-е. / кавк.: чеч.) - «то же» ~ *ута-н* (кавк.: лак.) - разрушать, бросать [88, с. 174] *at-* (др.-тюрк.) - бросать ~ (?) - *ut-* (др.-тюрк.) - побеждать [41 (1), с. 159].

290. **Реветь** *baku* (сем., акк.) - реветь, плакать, голосить [2, с. 53] ~ *bki* (арам.) ~ *beku* (мехри) - плакать, оплакивать [18 (1), с. 60] *baki'r-* (др.-тюрк.) - реветь, кричать [36, с. 82].

291. **Резать2** **bt > bt-r* (сем.: евр.) - разрезать, рубить ~ *btr* (араб.) - «то же» ~ (b//m) - *mtr* (сем.: гэ эз) - отрезать (ножом и т. п.) [18 (1), с. 42-43] *butar-la* (др.-тюрк.) - разрывать ~

ИЗ

buta- (др.-тюрк.) - обрезать [36, с. 129] ~ **ЫI-к* > *ЫIк* (акк.) - отламывать ~ *btq* (евр.) - срубить (мечом) ~ *ЫIк* (гэ'эз) - резать || *bot-* (хамит.: чад.) - отрезать [18 (1), с. 44] || *buta-* (др.-тюрк.) - обрезать ветки [МК, III, 337].

292. Резать² *Аиг-* (неи.-е.: шум.) - резать, перерезать, стричь, рубить [116, с. 103] || **ks-/ks-* (сем.-хам.) ~ (иврит) - обстричь [15, с. 79] ~ *к\$\$* (сем.) - отрезать, отрубить ~ (куш.) - срезать [23, с. 66-67] || **kes-* (и.-е.) - резать ~ (лат.) - «то же» ~ кос-ить (рус.) || **k'/a/sa* (алт.) - резать [5 (2), с. 360] «=* *kes* (др.-тюрк.) - резать, отрезать, делить [36, с. 302] ~ *кас-* (тюрк.) - перерезать [116, с. 113].

293. Родить¹ *tu-/tud-* (неи.-е.: шум.) [109, с. 231; 251, с. 214] || *tuua-lid* (сем.: акк.) - родился [44, с. 258] ~ *tok/tok-os* (и.-е.: греч.) - роды, родить *toy-* (др.-тюрк.) - рождаться, возникать [36, с. 570] ~ *toy-* (др.-тюрк.) - родить, родиться [140, с. 431] ~ *tu-* <*toy /tok-* (алт., тел., шор., саг., ком., каз.-тат.) - родить, родиться [63 (3), с. 1422].

294. Родить *ugu/ugin* (неи.-е.: шум.) - рожать, создавать, производить на свет > потомство - порождать, создавать (рождать) > *у-* происхождение, потомство [116, с. 36] ~ *ог/бк* (др.-тюрк.) - мать ~ *ogiik-* дитя [36, с. 378].

295. Родить³ *кп-* (сем.-хам.) - рожать, создавать ~ *коп* (куш.: джанжеро) - рожать || **кан-/кан-г* (ностр.: драв.) - рожать(ся), молодое существо, детёныш [5 (2), с. 364] *кепс* (др.-тюрк.) - ребёнок, детёныш животных [36, с. 298].

296. Рубить **sp-* (сем.-хам.) - бить || *А-* (ностр.: драв.) - обрубить ~ *сарр* - бить в ладоши, хлопать || (урал.) - рубить, бить || **сарА-* (алт./тюрк.) - «то же» [5 (1), с. 201] *сар-* (др.-тюрк.) - рубить, отрубить ~ *сар*— хлестать, стегать [36, с. 111, 139] ~ *чан-* (тюрк.) - бить, ударить махом [63 (3), с. 1916].

297. Рыть¹ **gwaz-* (хамит.: куш.) - рыть, обрабатывать землю ~ *goz-/gwoz* (куш.: кемант, квара) - вырыть ~ *кад* (куш.: ямма) [23, с. 319] *qaz-* (др.-тюрк.) - рыть, копать [36, с. 439].

298. Рыть² *иг-/ур-* (неи.-е.: шум.) - рыть, копать, рыть канаву, боронить [116, с. 33] *иги* (др.-тюрк.) - яма для хранения овощей [36, с. 371] ~ **ог-/ор-* (общетюрк.) - ров, канава, яма / рыть, копать [116, с. 33].

299. **Сверкать** [^] **(j)ctl-* (ностр.: картв.) - сверкать (о молнии) | **jIA* (урал.) - блеск, свет [5 (2), с. 362] [^] (др.-тюрк.) - вспыхивать, гореть ~ *jal-dra* (др.-тюрк.) - сверкать [36, с. 226].
300. **Сверкать** *brq* (сем.) ~ *baraqu* (акк.) - сверкать, блестя [2, с. 57] || *bal(lf)g* (хамит./куш.: оромо) - «то же» [23, с. 254] || *berq* (сем.: акк.), *baraq* (евр.) - молния ~ *brq* (арам.) - сиять, вспыхивать [18 (1), с. 89-90] || *pal л*, (драв.) - сверкать [5 (2), с. 337] (*г/Д*) - *балкы* (кирг., ккир., караим., каз.-тат.) - разливать свет, блестя, сиять [63 (1), с. 1499].
301. **Сверлить** *b(w)r* (сем.: хам.) - сверлить, дыра ~ *w-br br, w* - сверлить, дыра ~ *bvr/vr* (афр.) - проделать отверстие [31, с. 122] || **pйг-/pнг/*- (драв.) - «то же» ~ *Бог* (куш.: сомали) - сверлить [25, с. 57] || *purA-* (алт.) - сверлить, вертеть [25, с. 57] *Биг-/бур-* (общетюрк.) - крутить, буравить, сверлить [41 (2), с. 264-265].
302. **Свёртывать** *sur* (неи.-е.: шум.) - свёртывать, скручивать || *ssr* (афраз.: егип.) - «некая работа с нитками» || **sarw* (чад.: мофу, идам) - плести, вязать [31, с. 121] (тюрк.) - обматывать, обёртывать, опутать ~ (др.-тюрк.) - спутанная трава [36, с. 154] < *com* - крутить, скрутить, смотать.
303. **Светать** *IUn-* (ностр.) — *ten-* (картв.: груз.) — светать ~ *tan-* (мегр.) - «то же» ~ *tan-* (чан.) - светать [160, с. 63] *taqla* (др.-тюрк.) - светать, заниматься (о заре) ~ *taq at-* (др.-тюрк.) - наступать (об утре) [36, с. 533].
304. **Светиться** **ja/q/l* (ностр.) - светить, сверкать > *y\ql-* (сем.-хам.) - дневной свет, светлый (<— светить) || *jakk* (куш.) - быть светлым, рассвет [23, с. 185] *jaq-tnr* (др.-тюрк.) - зажигать [36, с. 238] ~ *jak-* (тел., кар., каз.-тат.) - зажигать ~ *jaK-нгыр* (чыг., каз.-тат.) - светиться, светить [63 (3), с. 34-35].
305. **Свивать** *дгрсо* (греч.) - свиваю || *ser* (лат.) - сплестать, связать *чар-* (тюрк.: тел.) - обвивать [63 (3), с. 1860] ~ *чорнау/чолгау* - (тюрк.: тат.) - оплести, смотать [257, с. 582].
306. **Сгибаться** *багалу* (ностр. /драв.: каннада) - гнуться, сгибаться ~ *багу* - изгиб, поклон [101, с. 1277] *buk-Zbiig-* (др.-тюрк.) - сгибаться, пригибаться [36, с. 132].

307. **Сжигать** **dt\k/tt\k* (сем.-хам.) - жечь [5 (2), с. 352] ~ *tok'* (афраз.: егип.) - сжигать, освещать [18, с. 73] ~ *dah* («Ригведа») ~ *dag* («Авеста») - сжигать, гореть [34, с. 261] ~ *dah* (санскр.) - жечь **dak* (алт.) - жечь ~ *dau/ja* (др.-япон.) - «то же», разводите огонь [33, с. 36, 90] *jak* (др.-тюрк., междтюрк.) - жечь, освещать [там же] ~ *day/дагъ* (ст.-тат., башк.) - сжигать, гореть.
308. **Сжимать** **n/a/m/* (ностр.: драв.) - сжимать || (ностр.: урал.) - держать || *nom/*-*num/* (алт.) - сжимать, сдерживать ^ (п → j) - пратюркское чередование > **jum-* (тюрк.) - сжимать [5 (2), с. 339] ~ **jum-* (др.-тюрк.) - зажмуривать, закрывать [36, с. 279].
309. **Сказать₂** *ti-* (неи.-е.: урарт.) - сказать, говорить ~ (урарт.) - «то же» (ср. хурр. *tiu* - слово) [322, с. 56] || (и.-е.: хетт.) - сказать, говорить [227, с. 152] || *de-* (неи.-е.: шум.) - говорить, обращаться [116, с. 38] || *deh* (хамит./куш.: сомали) ~ *di* (куш.: беджа) - сказать, говорить [14 (2), с. 84] || (урал.) - «то же» [227, с. 163] *te-* (др.-тюрк.) - сказать, говорить [36, с. 545] ~ *de-* (тюрк.) - говорить, сказать, обращаться [116, с. 38].
310. **Сказать₂** *en-* (ностр./ хамит.: тамиль.) - говорить, сказать [121, с. 98] *in* (др.-тюрк.) - голос, звук ~ *im-da-* (др.- тюрк.) - говорить, подавать голос, звать [36, с. 625] ~ *эн-дзуу* (тюрк.: тат.) - обращаться, кликать [224].
311. **Слышать₁** *istam-* (и.-е.: хетт.) - слышать || **s-t-m/s-m-* (сем.) - «то же» || *sm-* (картв.) - слышать ~ **stum* - ухо [12 (2), с. 897] *esit-/esid-* (др.-тюрк.) - слышать [36, с. 185] ~ *иуем-у* (тюрк.: тат.) - «то же» [223 (1), с. 472].
312. **Слышать₂** **t'l* (сем.-хам.) - слышать || *k''al* (куш.) - слышать, ухо [5 (3), с. 92; 121, с. 98] ~ *kel-* (драв.: тамиль.) - слушать [121, с. 240] *qul-aq* (др.-тюрк.) - ухо ~ *qulaq tut* - слушать [36, с. 465].
313. **Смешивать₁** **bl-* (семит.) - смешивать > *bll-* (акк.) - смешивать ~ *bll-* (др.-евр., сирийск.) - смешивать, перемешивать [5 (1), с. 185] *bol-ya-/bul-ya-* (др.-тюрк.) - перемешивать, смешивать [36, с. 122].
314. **Смешивать₂** *gar/gap* (неи.-е.: шум.) - размешать, помешать *qar-* (др.-тюрк.) - смешивать, примешивать [МК, I, 432; 116, с. 103].
315. **Сморкаться** *cinti-* (ностр./драв.: тамиль, малаялам) - сморкаться [102, с. 40] *seqddgti/seqragii* - сопливый (о детях) [36, с. 495] ~ *сеңгеру* (тюрк.: тат.) - сморкаться [257, с. 231].

316. **Смотреть** **ba/k*∧ (сем.-хам.) - видеть || **bak*- (куш.)- видеть [23, с. 41] || *prak/раку* (америнд.: кечуа) - смотреть [162, с. 46] ~ *ba/q*∧ (алт.) - смотреть [5 (2), с. 366] *baq*- (др.-тюрк.) - внимательно смотреть, обозревать [36, с. 81].
317. **Совать** **Iukk*- (ностр.: драв.) - совать [5 (2), с. 366] || *tic* (майя) - сажать (> втыкание зерна в почву) **tiq-tiq-in* (др.- тюрк.) - засовывать, набивать ~ *tiq-il*— вталкиваться, набиваться [36, с. 569].
318. **Создавать** **br'* (сем.: евр.) - создавать ~ *Bz'* (арам.) - творить ~ *Bz'* (сабей., миней., мехри) - строить, делать [18 (1), с. 85] *bar qil*- (др.-тюрк.) - творить, создавать [36, с. 83].
319. **Создавать**² (?) - *yʒz* (сем./др.-евр.: Бытие 2.7) - создавать (у читается как), § - как s) ~ - творец [18 (3), с. 68]
|| *ya* (тох.) ~ *iya* (хетт.) - сделать *jasa*- (др.-тюрк.) - строить, делать, устраивать ~ *jarat*- (др.-тюрк.) - создавать, творить [36, с. 240, 245].
320. **Сосать** **am-am* > *amm*- (хамит.: куш.) - сосать (грудь), пить (материнское молоко) [23, с. 217], *im* (америнд.: майя) - сосать [162, с. 39] *em-/ем*- (др.-тюрк.) - сосать [36, с. 172].
Am-/em- - звукоподражательный корень.
321. **Сосать**² **xur*- (неи.-е.: урарт.) - пить ~ *sor-uru* (воет, кавк.: уд.) - «то же» [88, с. 191] || **ciq*- (ностр.: драв.) - втягивать в себя ~ *suniku* - шумно пить, втягивать в себя жидкость [55, с. 169] || **su*- (и.-е.) - сосать ~ *sugo* (лат.) - «то же» ~ *suv*- (иран., диал.: мунджан., йидга) - сосать [34, с. 328] *sor*- (др.- тюрк.) - сосать, высасывать [36, с. 509].
Su-/cu- - звукоподражательный корень.
322. **Спать** *iiy-/уды* (неи.-е.: шум.) - спать [116, с. 40]
udi-/ydbi (др.-тюрк.) - спать [36, с. 605] ~ (обще-тюрк.) - спать [36, с. 607; 41 (1), с. 579]. В результате чередования *d//j//z* древний корень дал параллельные варианты с сохранением изначальной семантики.
323. **Ставить** *tikh*- (ностр.: драв.: брауи) - ставить ~ *tikh'*- *Bo*— положить [136, с. 48] *tik*- (др.-тюрк.) - ставить, сажать [36, с. 558].
324. **Строить** **kad*- (сем.-хам.) - **kAd*-/**kd*- (афраз.: егип.) - строить, формировать горшки ~ *kadii* (ассир.-вавилон.) - горшок ||

**ked-/*kad-/*kod-* (картв.) - строить || **katt-* (ностр.: драв.) - строить, скреплять [10, с. 117; 5 (2), с. 368] *qod-* (др.-тюрк.) - установить, совершить ~ (?-*d/t //e*) > *диг-* (др.-тюрк.) - сооружать, устраивать [36, с. 451,467]. (Ср. *otra И орту* - середина; *odirak// ordak* - утка).

325. **Считать** *hsb-* (афраз.: егип.) ~ *Mb-* (сем.) - считать [8 (1), с. 92] ~ *хисаб* (араб.) - исчисление, считать *hisab / хисап* (др.-тюрк.) - исчисление, считать [36, с. 200].

Это слово, считавшееся у тюрков арабизмом, зародилось в древнем Средиземноморье, когда прототюрки находились ещё в том ареале.

326. **Сшивать** - *така* (ней.-е./драв.: канн.) - **сшивать, стежок, шов** [101, с. 87] *тагаI* (осм.) - **шов при стегании, шов или шитьё шёлком** ~ *тагаIIa* (осм.) - **пристегать** ~ *mika* (каз., тат.) - **шить** [63 (2), с. 1032, 1409-1410] ~ *тег-у* (тат.) - **шить** [150, с. 198].

Сведение этимологии указанной лексемы к формату *тик/ тикз* со значениями «круто», «прямой», «ровный» представляется неубедительным [см. 150, с. 198].

327. **Сыпать** *seu-b/p-* (и.-е.) - сыпать, насыпать ~ *se* (и.-е.) - сеять || *suhha-* (хетт.) - «то же» ~ *s(u)* (урарт.) - насыпать [182, с. 25; 227, с. 34] ~ *сэ-и* (вост.-кавказ.: каб.) - сеять [227, с. 162] *cin/cun* (каз., тат.) - сыпать, кропить, поливать [63 (4), с. 726].

328. **Тереть** **tre-/*terd-* > *Teipco* (греч.) — тереть ~ (и.-е.: лат.) - «то же» ~ *търж* (др.-слав.) - тереть [127, с. 388] *tiirt-* (др.-тюрк.) - натирать, втирать, намазывать [36, с. 566] ~ (алт.) - скрести, чесать [5 (2), с. 368].

329. **Тенбј** - (*oe-/aq-/ay-*) > *ог-алу* (ней.-е./драв.: каннада)- **течь** (> -алу - глагольн. суффикс; ср. кай-алу - нагреваться) ~ *хаву* (канн.) - **поток, течение** [101, с. 78] *аак* (америнд.: майя) - **течь, течение** [162, с. 40] *aq-* (др.-тюрк.) - **течь, истекать** [36, с. 48] ~ *ay-/ыу-/ьц-* (тюрк, языки) - **течь** [41 (1), с. 118-119] ~ *агу* (тюрк.: тат.) - **течь, стекать, струиться** [223 (1), с. 42].

Производные (?) с мягкой огласовкой: *dg-iiz* (др.-тюрк.) - река ~ *dg-an* (др.-тюрк.) - канал, **ручей** [36, с. 379, 382].

330. **Течь2** - *сигг* < **сог-* (ностр./драв.: брауи) - **течь, вытекать** [340, с. 91] ~ *сбр-алу* (драв.: каннада) - **течь** [101, с. 193] || *сЧ-* (ней.-е.:

урарт.) - течь, идти (о дожде) ~ *c'ur-az* (кавк.: лезг.) - таять, талая вода [88, с. 184] ^ (г//1) - *чул* (тюрк.: чулым., шор., хакал., сагай., бельтир.) - река, вода [277, с. 339].

Производные: *Чул-ман* - Кама, реки *Чул*, *Чулым* в Туве и Новосибирской области.

331. **Ткать** *Чек-* (неи.-е.: урарт.) - ткать, плести [182, с. 30] ||

**da-* (куш.) - ткать, плести || *tyjt* (афраз.: егип.) - богиня ткачества [14 (2), с. 85] || *Чек-* (и.-е.) - ткать, плести || *Чоку-* (алт.) - «то же» [5 (2), с. 354] *toqi-* (др.-тюрк.) - ткать [МК, III, 268] ~ ?- *tug-* (др.-тюрк.) - завязывать, затягивать [36, с. 595].

332. **Толкать** *Чз-* (сем.: сир.) - толкать, ударить ~ (акк.) - ударить [18 (2), с. 48] *торт* (тюрк.: каз., тат.) - толкнуть, ткнуть [63 (3), с. 290] ~ *тдрт-/тйрт-* (тат., башк.) - «то же».

333. **Толочь** - *t'n/tenu* (сем.: акк.) - **толочь, размолоть, раздроблять** [2, с. 88] (*n>j*) ~ *t* (тюрк.) ~ *твй-у/твю* (тюрк.: тат.) - **толочь, молоть, крошить** (ср. - овца).

TctKw-su (хамит./чад.: нгизим) - **толочь** < *takf'* (чад.) - **топтать, давить** ~ *tkk* (акк.) - «то же» [18 (2), с. 11-12] *tug-* (др.-тюрк.) - **толочь, молотить** [36, с. 579, 595].

334. **Толстеть** **kabaru* (сем.: акк.) - быть толстым, сделать толстым, объёмистым [2, с. 94] *qaba.ru* (др.-тюрк.) - вздуться, распухать [36, с. 399].

335. **Топтать** *Чр-* (сем.-хам.) - топтать, бить || *Чер-* (и.-е.) - «то же» || *tapp-* (ностр.: драв.) - бить [5 (2), с. 330] || **dap* (праафраз.) - утапывать землю ~ *dad* (хамит./куш.: билин, ке-мант) - топтать, пинать || *wl.7t.'* (сем.: ар.) - топтать, выровнять || *tj* (афраз.: егип.) - топтать, затоптать [25, с. 82] ^ *tap-* (алт.) - топтать, бить [5 (2), с. 330] ~ *танта-* (тюрк.: тат., алт., тел., кирг., саг.) - топтать, попирать ногами, ковать [63 (3), с. 955] ~ *теп-* (др.-тюрк.) - пинать, выколачивать зерно из колосьев [36, с. 556].

336. **Трогать** *те-* (неи.-е.: шум.) - прикасаться [116, с. 106] || *tog* (хамит., куш.: кафичо) - трогать, касаться [25, с. 81] || (ностр.: драв.) - трогать || **deg* (и.-е.) - «то же» [5 (2), с. 362] ^ *tag/A-* (др.-тюрк.) - касаться, трогать [25, с. 81] ~ *тег-* (др.-тюрк.) - доходить, достигать, касаться ~ *тег-ис* - касаться, доставать [36, с. 346-348] ~ *тиг-/туй-* (тюрк.) - касаться, дотрагиваться [41 (3), с.

173, 175].

337. **Хватать** **hp'*(сем.-хам.) - хватать || **карр/канн* (драв.) - «то же» [5 (2), с. 371] || *кар-* (и.-е.) - «то же» || *qab-qan-/kab-qas-* (урарт.) - овладевать [227, с. 26] ~ *кар-/кан-* (урарт.) - хватать, схватывать [182, с. 43] *qар-* (др.-тюрк.) - хватать, захватывать [36, с. 420].

338. **Ходить** **je* (На): **jA* (сем.-хам.) - приходиться || **je* / (урал.) - «то же» ~ *je-/ji-* (маис.) - идти, прийти [5 (2), с. 357] *jor-/jori*(др.-тюрк.) - идти, ходить [36, с. 274].

339. **Цедить** - *цъур-* (картв.: груз.) - **цедить, выжимать** ~ *цъур-/цъир-*(картв.: мегр.) - **цедить, фильтровать** ~ *цъцъу-* (кавказ.-дагест.: авар.) ~ *цъцъор-* (ахвах.) - «то же» (тюрк.: чу в.) - **цедить** ~ (*p//z*) ~ *stiz* (др.-тюрк.) - **процеживать, очищать** [36, с. 519].

340. **Чесать** * / *k / a s A* : **kes-* (и.-е.) - чесать ~ *kisa-* (хетт.) - «то же» || *каш-* (неи.-е.: шум.) - тереть [116, с. 103] || *qac(c)-* (куш.) - чесотка [23, с. 88] || **кас* (драв.) > *khas-* (драв.: курух) - чесаться || **kasy-* (алт.) - чесать [5 (1, 2), с. 343, 372] ^ *qasi* (др.-тюрк.) - чесать [МК, III, 267].

341. **Шить** *така* (ностр./драв.: каннада) - шить, сшивать, шов [101, с. 243] *tik-* (др.-тюрк.) - шить [36, с. 558].

11. Прилагательные - признаки объектов

342. **Белый** **саг* (хамит./куш.: агав.) - белый ~ *gar* (куш.: ха-мир) ~ *дааг* (хамта) - «то же» ~ || **сога* (ностр.: урал.) - светлый, белый [11, с. 15] *чар* (тюрк.: шор., сагай.) - светить ~ *чар* (ккирг.) - белоголовый ~ *чар* > *чал* (осм., тел., куман.) - седой, серый ~ *шал* (кирг., шор.) - «то же» [63 (3), с. 1859-1860, 1874] ~ *шарлау* (тюрк.: тат. диал.) - белить ~ *акчарлак* (тат.) - чайка.

343. **Большой**1 *gal /гал* (неи.-е.: шум.) - большой *кал-ын* (др.-тюрк.) - толстый, большой, значительный по высоте [36, с. 411].

344. **Большой**2 **и7-* (сем.-хам.) ~ *wel* (чад.: музгу) - большой, старый || **вал-* (ностр.: драв.) - большой, сильный || **wola* (урал.) - большой ~ *оале* (саам.) - очень || *A* (алт.) - большой [5 (2), с. 331] «=* *илуу* (др.-тюрк.) - большой, великий, старший [36, с. 610] ~ *улу /олы* (кыпч.) - старший, большой.

345. **Большойз / хороший** ^ **ml(h)* (сем.-хам.) - хороший || *та1л (и.-е.) - большой, хороший || **mal* (ностр.: драв.) - обильный, большой [5 (2), с. 331] *mil* (тюрк.) - обильный ~ (?) *ul-уу* (др.-тюрк.) - большой [36, с. 610].

346. **Большой4 алава** (ней.-е./драв.: канн.) - **большой** [101, с. 37] *алан* (тюрк.-тат. диал.) - **очень большой, великан** ~ *алагай/алагаем* (тюрк.-тат. диал.) - **чересчур, слишком** [339, с. 35-36] ~ (a//y,o) ~ *улу/улуу* (др.-тюрк.) - **большой** [36, с. 610] ~ *олы* (тюрк.: тат.) - «то же» [223 (2), с. 94].

347. **Быстрый** **turA*: **Шег*- (и.-е.) - быстрый || *t'iir* / (алт.) || **Шгке* (урал.) - быстрый [5 (2), с. 332] ^ *terk* (др.-тюрк.) - быстрый, быстро, скоро [36, с. 554].

348. **Верхний** *asx-u/o* (ней.-е.: хурр.) - *верхний* [88, с. 185] || *est* (этрус.) - **верх** [348, с. 141] (a//й//б)- *usk* (др.-тюрк.) - **верхний** || *oske* (тюрк.: тат.) - «то же» ~ (s//z) - (др.-тюрк.) - **вверху, находящийся наверху** [36, с. 627-629; 223 (2), с. 119].

349. **Влажный** **ues* (ней.-е.: урарт.) - **влажный, мокрый** [182, с. 37] || *ues* (и.-е.: греч.) - «то же» [227, с. 137] *jiles/юеш* (тюрк.: тат.) - **влажный, мокрый** ~ *йеуеш* (башк.) - «то же» [150, с. 258].

Выведение родственной с предазиатской праформой лексемы из слова «жебе» - **промокнуть** мы считаем довольно проблематичным.

350. **Внимательный** *sakta* (ней.-е./драв.: канн.) - **внимательный, сосредоточенный** [101, с. 312] *saq* (др.-тюрк.) - **внимательный, чуткий, осторожный** [36, с. 415] ~ *сака* (жёлт - уйг.) - **осторожный, бдительный** [1, с. 127] ~ (тюрк.: тат.) - «то же», **осмотрительный** [223 (2), с. 206].

351. **Горячий** *sxe* (картв.: мегр.-лаз.) - **горячий** ~ *cx-el* (груз.) - горячий ~ *cx/cx* - (груз.) - **гореть, греть** || (греч.) - **очаг, огонь в очаге, жертвенник** [12 (2), с. 905] ? *isig* (др.-тюрк.) - **горячий, жар** ~ *ту* (др.-тюрк.) - **горячий, жаркий** [36, с. 213, 220] ~ *эссе* (тюрк.: тат.) - горячий, жаркий, **знойный** [223 (2), с. 672].

352. **Грязный** *sakna/sakkar* (и.-е.: хетт.) - **грязь, грязный** ~ *sahhan* (лув.) - «то же» [345, с. 231] *шакшы* (каз.-тат.) - **грязный, скверный, невытый, дурной** ~ *таким* (кирг) - **табакерка, рожок для нюхательного табака** [Радлов, 63 (4), с. 935-936].

353. **Длинный** *uzuq/узук* (неи.-е.: шум.) - **длинный** [109, с. 240] ^ *uzun* (др.-тюрк.) - **длинный, долгий** ~ *uzaq* (др.-тюрк.) - **долгий** [36, с. 620-621] ~ *озын* [тюрк.: тат.] - **длинный, долгий** [223 (2), с. 91].
354. **Жаркий** *esa* (неи.-е.: шум.) - **жаркий** || (этрус.) - «то же» [350, с. 27] ? - **горячий** (др.-тюрк.) - **горячий, жар** [36, с. 213] ~ *ту* (др.-тюрк.) - **горячий, жаркий** [там же].
355. **Жёлтый** **sar-/sarr* (хамит.: куш.) - **красный, рыжий, жёлтый** [23, с. 207] || *srk* (сем.) - **красный, рыжий, заря** [23, с. 207] ~ *hari* (арии: «Ригведа») - **жёлтый** [64, с. 573] || (сем.- хам.) - **луна** ~ **siara* (алт.) - **жёлтый, белый** [5 (2), с. 339] || (санскр.) - **жёлтый, зелёный** [127, с. 408] *sariy* (др.-тюрк.) - **жёлтый, бледный** [36, с. 488], *sa* (тюрк.: тур., осм., кум., тат.) - «то же» [30, с. 681].
356. **Здоровый** *saxvld* (неи.-е.: хурр.) - **здоровье** [88, с. 181] ^ *say* (др.-тюрк.) - **здоровый, благополучный** [36, с. 480] ~ *say* (осм., ктат., шор., саг.) - **здоровый, трезвый, правый** [63 (4), с. 259] ~ *сау-лык* (тат.) - **здоровье, здоровое состояние** [256, с. 221].
357. **Истинный** **kenu/kinu* (сем.: акк.) - **истинный, справедливый, верный** [2, с. 95], *kina* (неи.-е.: шум.) - **правильный** [116, с. 107] *kuni* (др.-тюрк.) - **верный, правдивый, истинный** [36, с. 315] - ? - < **kin /kup* - **солнце**.
358. **Кислый** *аце* (и.-е: греч.) - **кислый** ~ *окси* (латин.) - «то же» [260, с. 47], *асхи* (аргиппеи - скифск. племя на склонах Урала. Геродот) - **кислый** *асгу* (др.-тюрк.) - **кислый, горький** [36, с. 4] ~ *ацы/agi* (тур., азерб., ктат.) ~ *ацы/асі* (кбал.) ~ *ачы/ачг* (каз.-тат.) ~ *асы/асі* (башк.) - «то же» [41 (1), с. 89].
- А. Вамбери возводил *аси* к корням *ак, ас* со значением «яд», не приводя обоснования.
359. **Красивы**^ *gazuli* (неностр.: урарт.) - **красивый** || *xaza* (вост.-кавк.: чеч.) - **красивый** [88, с. 191], *yaz* (вост.-кавк.: вей-нах.) - **красивый, хороший** [192, с. 35] (осм., ктат., каз.- тат.) - **красивый, хороший** [63 (2), с. 1649].
360. **Красивый**₂ *zebaVzebaa* (неи.-е./драв.: брауи) - **красивый** [340, с. 21] ~ *чару* (драв.: канн.) - **красивый** ~ *челу-ву* (канн.) - **красота** [101, с. 181,186] ^ *debar* (др.-тюрк.) - **красивый** [36, с. 142] || *севег* (монг.) - «то же» [там же].

На наш взгляд, тюркское слово *sebar* не может считаться словом монгольского происхождения (версия Л. Будагова - см. 150, с. 234), поскольку оно имеет довольно близкие, а также стяжённые параллели в дравидийских языках.

361. **Красный** *xisun* (ностр./драв.: брауи) - **красный** [340, с. 72] ~ *kёсу* (драв.: канн.) - **красный цвет** [101, с. 98] || *kusil* (Зап. Средиземноморье: иберийск.) - **красный, красивый** [253, с. 125] *qiz-* (др.-тюрк.) - краснеть ~ *qizyu/qiryii* (др.-тюрк.) - розовый, румяный [36, с. 446, 450] > *кызгыл/кызыл* (общетюрк.) - **красный**.

Как отмечает Э. В. Севортян, хотя данное слово в тюркоязычных письменных памятниках зафиксировано сравнительно поздно, это обстоятельство не может свидетельствовать о позднем формировании самого слова, но лишь о сравнительно позднем проникновении его из диалектной лексики в литературную. М. Рясянен возводит происхождение этой лексемы под вопросом к

362. **Крутой** **tdK* (сем.-хам.) - высокий ~ *i-taqq-m* (хамит.: бербер.) - нависающая, крутая скала ~ *tikeke* (чад.: хауса) - высокий [18 (2), с. 13] ^ *tek/dek* (тюрк, диал.) - крутой, отвесный [150, с. 198; 263, с. 625] ~ *текз/текзк/тикз/чикз* (общетюрк.) - «то же».

363. **Левый** *sal-matxi* (неи.-е.: урарту) - левый ~ () - *sap-xald* (хурр.) || *calp* ' (кавк.: агул.) - *capla* (лезг.) - **левый** [88, с. 189] || (p/v) - *savya* (др.-инд.) - «то же» ~ *sal-yas* (тох. А) ~ *swae-yai* (тох. В.) - *слева* [12 (2), с. 783] || ? *sul* (этрус.) - *левый* [350, с. 28] *sol* [др.-тюрк.] - **левый** [36, с. 508].

В тюркологии существует версия, согласно которой в тюркских языках корень *saj* со значением «левый» считается тоха-ризмом. Однако не в меньшей, если не в большей степени эта праформа по происхождению может относиться к Ближневосточному ареалу.

364. **Маленький1** **kut* (сем.-хам.) - маленький [5 (2), с. 243] ~ **kwat.ti* (куш.) - маленький, малочисленный [23, с. 83] || (драв.) - «то же» *kutuk/kotek* (общетюрк.) - куцый, маленький ~ *кошек* (тат.) - куцый, мизерный [255, с. 636].

365. **Маленький2** **ca(g)g"* - маленький, быть маленьким [23, с. 119] || *sik-ka* (драв.: каннада) - маленький [102, с. 81] || *yaq/zaq* (иран.: ваханск.) - немного, чуть-чуть [34, с. 443] *сек-*: парн. *сек сйк* (др.-

тюрк.) - всякая мелочь [36, с. 143] ~ *мака* (в Туркестане) - мелкая монета [63 (3), с. 1947] ~ *узки* (тат. диал.) - чет-вертушка ~ *чак/чэк* кенэ (тат.) - немного, небольшой ~ *чэк-чзк* (тат.) - национальное блюдо чак-чак, доел, чуть-чуть.

366. **Маленькийз** **nan/nan* (хамит.: куш.) - маленький, ребёнок, детёныш [23, с. 176] *nani/nani* (тюрк.): *нани/нене* (чув.) - ребёнок, малыш [150, с. 151] — *нэни* (тат.) - маленький, малютка, ребёнок [256, с. 75].

367. **Маленький4** *кучу* (ностр.: драв.: каннада) - маленький, небольшой [101, с. 201] *kicig/kic* (др.-тюрк.) - маленький, малый, небольшой [36, с. 306].

368. **Многочисленный / большой** *m'assu/madu* (сем.: акк.) - много [2, с. 114] || *massa* (лат.) - множество [246, с. 504] || *maha-m /mah-ah* (индоарии; Ригведа, XI-VIII в. до н. э.) - большой, великий || *mazs* (гат., Авеста) - «то же» || *maham* (санскр.) *большой таха* (санскр.) - великий || (арм.) - большой [127, с. 190, 409; 81, с. 280] || **ma* (драв.) - великий [5 (2), с. 331] || *maza-ly* (кар.-балк.) - большой, великий [320, с. 133] ~ ? — *мыж* (тюрк.: тат.) - много [223, с. 66].

Производные этнонимы от праформы *mas/mah*: массагеты, мазгуты.

369. **Мудрый** *abkallu / arkallu* (шум.) - мудрый [2, с. 14] > (?) - *'aql / 'aqil* (араб.) - ум, разум ^ *yaql* (др.-тюрк.) - «то же» [36, с. 49] ~ *хакал* (чув.) - ум ~ *акыллы* (тат.) - умный, благо разумный, мудрый [256, с. 72].

370. **Мощный** *kadru / kadirtu* (сем.: акк.) - мощный, могучий [2, с. 95] || *kudrat* (индоарий.: панджаб) - сила, могущество [34, с. 212] *ked / qodi* (др.-тюрк.) - сильный, крепкий ~ *kudrat* - могущество, сила [36, с. 292, 452, 463].

371. **Новый** *novos* (лат.) - новый || *vsog* (греч.) - «то же» || *naw* (англ.) ~ *navaḥ* (санскр.) - новый [127, с. 206] ^ (п —> j) - *janji* (др.-тюрк.) - новый [36, с. 234] ~ *jangi* (узб.) ~ *jaqa* (тат.) - «то же» [257, с. 714].

На наш взгляд, здесь нашёл отражение канон перехода анлаутного «н» в «й» (*н->й-*), который был характерен для пратюркского периода (см. словарную статью № 3). А появление в основе тюркской лексемы *n/ng* можно объяснить контаминацией с омонимичной лексемой с

близким значением из отдельных индоевропейских языков: *jung* (англ.) - *iung* (герм.) - юный.

372. **Светлы**[^] **blg* (сем.) - светлый, блестящий [23, с. 185] ||

**balg(g)* (куш.) - светлый, блестящий [14, с. 254] (алт., ст.-кыпч., ст.-огуз., каз., тат.) - яркий, сияющий [5 (1), с. 174] ~ *balqi* (ктат., кар., каз., тат., башк.) - сияющий, блестящий [41 (2), с. 56].

373. **Светлый**₂ **uAql-* (сем.-хам.) - светлый, прозрачный ~ *jakk-* (хамит.: куш.) - светлый [23, с. 185] *jaqtur* (др.-тюрк.) - зажигать > *jaKmi/jaKmi* (казан.-тат.) - светлый ~ (ч а г а т .) - «то же» [63 (3), с. 23, 25].

374. **Серый, коричневый** **rawr-* (хурр.) - коричневый |

ragua (др.-иран.) - серый [127, с. 408] || *bora* (вост.-кавказ., чеч., инг.) - коричневый ~ *bure-r* (аг.) - серый [88: 171] *bur* (др.-тюрк.) - почка (серого цвета) ~ (r/z) - *boz* (др.-тюрк.) - серый [36, с. 115, 132] - ? -> *bury / biiri* (др.-тюрк.) - волк.

375. **Сильный**₁ *sura* (урарт.) - сильный, герой [54, с. 143] || *si* А (сем.-хам.) - быть сильным || *jA/A* (картв.) - сильный || *sura* (др.-инд., Авеста) - сильный || (санскр.) - мужественный, отважный [182, с. 24] *diga/чупа* (др.-тюрк.) - сильный, член боевой дружины [93, с. 213].

376. **Сильный**₂ *tarhuili* (хетт.) - сильный, могучий, могущественный ~ *tarh-* (хетт.) - побеждать || *targini* (урарт.) - могущественный, сильный ~ *ter(a)* - побеждать, быть могущественным [227, с. 25] *ttirk-* (др.-тюрк.) - сильный, могучий; союз племён, создавших Тюркский каганат [36, с. 599].

Tarhunt - хеттское обозначение **бога грозы**. Полагают, что это название первоначально могло быть эпитетом индоевропейского бога грозы *Per(κ''')*-*un* (общеславянск.) [346, с. 125]. Кстати, в Малой Азии эпитетом Зевса также была родственная праформа *Tar(i)ururjvbc* в значении «**мощный**», «**победоносный**».

377. **Тёмны**[^] **tum/λ*: **tem* (и.-е.) - тёмный || **twm* (сем.-хам.) - «то же» || **Шm* (урал.) - тёмный [5(2), с. 368] *turn* (др.-тюрк.) - густой [36, с. 596] ~ *dom/doM карацгы* (тат.) - темным-темно ~ *двм сукуп* - совсем слепой [256, с. 357] ~ (?) - *tun* - ночь [36, с. 597].

378. **Тёмный**₂ **tam* (хамит.: куш.) - **тёмный, быть тёмным,**

темнота ~ *tim/tema* (куш.: хамир) - «то же» ~ *Iem* (куш.: ква-ра) - **тёмный** [23, с. 53] || * *tem H*(и.-е.) - «то же» [5 (2), с. 368]

(t//d) - *tom/ddm/dum* (общетюрк.) - **тёмный, темень (дом карацгы (тат.) - темным-темно) ~ tom-ana (тат.) - тёмный, тёмен, невежественный** [223 (2), с. 389].

379. **Толстый** *кабру* (акк.) - толстый ~ *кабару* (акк.) - объёмистый [2, с. 93, 94] *qaba/кара* (др.-тюрк.) - поднятый, высокий ~ *qabar- / qarar-* (др.-тюрк.) - вздуться, распухать, увеличиваться [36, с. 399, 420] ~ *кабарынкы* (тат.) - выпуклый, рельефный, приподнятый [257, с. 501].

380. **Хороший** *yedde*(драв.: тулу) - хороший [136, с. 41] -*edgu* (др.-тюрк.) - хороший, добрый ~ (?) -*jeg* (др.-тюрк.) - хороший [36, с. 163, 252].

381. **Хороший**² *assn* (и.-е.: хетт.) - **хороший** [345, с. 54] *jaqsi/jax-si* (др.-тюрк.) - **хороший, добрый** [36, с. 238, 250] ~ *jaqsi/jax-si*(общетюрк.) - «то же».

382. **Чёрный** **kr-* (сем.-хам.) - чёрный, тёмный ~ (куш.) - «то же» [23, с. 206] ~ *ktirrum* (чад.) - чёрный || *каг?* \ (ностр.: драв.) - «то же» ~ *кару* (драв.: тамиль.) - чёрный [139, с. 138] || *kala* (санскр.) - чёрный, тёмно-серый *кага*. (алт.)- чёрный ~ **кага* (тюрк.) - чёрный [5 (1), с. 338].

383. **Челле/чалле** (драв.: каннада) - длинный, удлинённый [101, с. 332] - *челлз* (узб., тат.) - летнее и зимнее солнцестояние, которое приходится на самые длинные знойные дни и самые длинные ночи.

Некоторые этимологи слово «челле» выводят из персидско-таджикской лексемы *чил/чэл* - «сорок» [150, с. 233].

384. **Чистый** *duru/dyru* (неи.-е.: шум.) - чистый, свободный от примеси [116, с. 103] *tuniq* (др.-тюрк.) - чистый [36, с. 589] ~ *тыру* (тюрк.) ~ *дуру* (азерб.) - «то же» [116, с. 113] ~ (?) - *арты* (др.-тюрк.) - чистый, незагрязнённый [36, с. 51].

385. **Чистый** *sikil/сикил* (неи.-е.: шум.) - чистый [109, с. 232] *sey-(a)ld* (хурр.) - **чистый** ~ *sexa* (урарт.) - «то же» [88, с. 179] ^ *silik* (др.-тюрк.) - чистый, изящный, благородный [36, с. 500]. Происходит явление метатезы - перестановки в слове звуков.

386. **Чистыйз** **sex-/seyd/siyd* (хурр.) - чистый (о воде) ~ *seh/ sexa* (урарт.) - «то же» || *c'ena* (вост.-кавказ.: чеч., инг.) - чистый [88, с. 179] *say* (др.-тюрк.) - чистый, питьевой (о воде) [МК, III, 154; 36, с. 480].
387. **Широкий**₁ *ken/кен* (неи.-е.: шум.) - широкий [109, с. 240] *id- key* (др.-тюрк.) - широкий, обширный [36, с. 298].
388. Широкий₂ *tal/tala* (шум.) - широкий, простор [116, с. 103] ~ (*l//d//g*)-*dada* (хамит.: куш.: хамир) - степь, пустыня ~ *dage* (сем.: амхарск.) - равнина, степь [25, с. 72, 75] ^ *tala* (др.-тюрк.) - степь, поляна [36, с. 528] ~ *tala/dala* (общетюрк.) - луг, степь ~ *talaj* (ккалп.) - луг || *tala/talaa/talaj* (калм., бурят., монг.) - степь [189, с. 299].
389. **Южный** *es-un* (хетт.) - юный, молодой [345, с. 84] - (е//й) — *jas* (америнд.: майя) - молодой, зелёный [162, с. 35] *jas* (др.-тюрк.) - молодой ~ *jasi'l* (др.-тюрк.) - зелёный [36, с. 245-246] ~ *йаш* (др.-уйг.) - зелёный, свежий [199, с. 13].

12. Местоимения и их разряды

Личные местоимения

390. **Я** — *ma* (неи.-е.: шум.) || *me* (сем.: халды) || *me* (ностр.: дравид) || *мен/ме* (картв.) || *мен* (и.-е.) || *те* (кельт.: бретон) || *мон/ме* (урал.: у дм., коми-перм.) || *ме* (палеоазиат.: нивх.) *мен* (м—>в) / *вен* (др.-тюрк.) - «то же». В ряде языков инокорневые местоимения 1-го лица при спряжении в косвенных падежах также облакаются в первоначальную исконную праформу с корневыми элементами **em/am* \ *me-ma*: (неностр.: урарт.) - я ~ *me* - мне, меня [182, с. 107] || *hu* (неи.-е.: элам.) - я, *mi* - меня || *ёусо* (и.-е.: греч.) - я —> *ёгет* - меня - - мне || *ego* (лат.) - я ~ *тег* - меня ~ *mihi* - мне ~ *те* - мною || *ик* (хетт.) - я ~ *атик* - меня || *ek/ik* И *ich* (герм.) - я ~ *mind* - меня ~ *mes / miz* - мне || я (рус.) - я - мне, мной, меня [127, с. 339-341; 264, с. 36].

Это, по всей вероятности, свидетельствует о том, что инокорневые «я» (*ёусо, ego, ek/ik, я*) являются вторичными, а первичными и исконными были образования косвенных падежей с фонемой *т-/м-*. Исконность этого архетипа подтверждается ещё и тем, что он

участвует в склонении глагола по лицам, т. е. выступает как личное окончание первого лица: *ειμι* (греч.) - я есмь, *nš-šūy-* я кладу, *vV/jorcd-* я моюсь, *xšWai* ~ я лежу || *Бегет* (арм.) - я несусь, *beriget* - я понесу, *harganet* - я спрашиваю || *барам/барамын* (тат.) - я иду, я знаю. Эту форму общего происхождения мы находим и в санскритском - *mī*.

Происхождение личного местоимения 1-го лица *m/ma/men/ man* отдельные исследователи связывают с названием человека, которое сохранилось в индоевропейских языках: (гот.) ~ *mann* (нем.) ~ *mann* (англосакс.) ~ *manu* (др.-инд.) ~ *man* ~ (англ.) - человек. Однако этот же корень засвидетельствован и в языках неиндоевропейского типа: *mn-* (сем.-хам.) - человек ~ *man / manna* (куш.: сомали, оромо, сидамо, камбатта и др.) - человек || *мани* (драв.: тамиль.) - «то же» [23, с. 180; 139, с. 87]. Поэтому нам весьма импонирует предположение трезвомыслящих специалистов, видевших в *me / ma* исконное доиндоевропейское происхождение [265, с. 80].

Разумеется, в языках Ближнего Востока личное местоимение «я» выражалось и в другом, синонимичном формате: *ne* > *an-aku* (сем.: акк.) ~ 1 *ana* (араб.) || *an* (хамит./куш.: билин, авия, оромо) ~ *ang* (куш.: сидамо, бедауйе) ~ *na Inī* (хамит.: чад.: хауса) - «то же» || *nan* (драв.: малаялам, тамиль.) ~ *nanī Inēnn* (каннада, телегу) - я [265, с. 80-81; 125, с. 7; 8 (1), с. 69].

Отдельные учёные и эту общекорневую праформу с различными огласовками (*ne/naHen/an*) возводят к доевропейскому формату *me/ma/man* с одинаковым значением «я» (m-*n) и тем самым считают её вторичным, но генетически родственным ему нововведением [265, с. 81]. В процессе этого перехода или разветвления, должно быть, участвовала также и параллельная с *me/men* прототюркская (вариационная) праформа *ve/ven/вал* - я (в//п) - *nī /na* (чад.) ~ *n* (драв.: малаялам, тамиль., каннада, телегу) - «то же» (т. е. я). Как мы заметили, формант *ve* в значении «я», точнее как показатель 1-го лица глаголов, существовал в Передней Азии ещё в древнем семитском языке халдов: *agu-bi* - я отвёл, *umti-bi* - я направил, *kauki-bi* - я сжёг [40, с. 122-123].

391. Ты - **tv/dv* (и.-е): *И* (палайск.) ~ *m(ht)* (греч.) ~ *Iū* (латин.) ~ *Ш* (др.-ирл.) ~ *dii* (др.-нем.) ~ *in* (лит.) ~ *ton* (др.-прус.) ~ *ты* (др.-

слав.) ~ *turn* (ведийск.) / *du* (арм.) ~ *Ie* (кельт.: бретон) || *Ie* (урал.: мар.) ~ *Ie* (коми) ~ *torn* (эрзя-морд.) || (*t //s //z — ze*) (шум.) *zo-lzu* (хурр.) ~ *su* (урарт.) || *zu(n)* - (общевост.-кавк.) || *sen* (груз.) ~ *si / sin* (картв.: чанск.) ~ *si* (мегр.) || *si* (сванск.) || *sin* (эст.) ~ *sina* (фин.) || *sen //sin* (общетюрк.) || *ci* (монг.) ~ *si* (маньч.) - «то же».

Исходя лишь из индоевропейских языков нельзя объяснить происхождение личных местоимений, тем более исконные их формы. А вот при склонении глаголов по лицам выясняется, что индоевропейские личные окончания глаголов в единственном числе **-si*, **-mi*, **-ti* (**ed-mi* > я ем, **ed-si* > ты ешь, > он ест), оказывается, происходят из ностратических местоимений **mi* - я, **ti* - ты (откуда позже **si/sin/sen*) [10, с. 119]. Приведём аналогичные примеры для 2-го лица из разных языков: **si*: *si* (и.-е.: хетт.) - бьёшь || *ham-si* (санскр.) - «то же» ~ *bhdra-si* (санскр.) - несёшь, *eo-oi* (греч.) - неси || (тюрк.) - ты идёшь ~ *taea-sing/sir*] - ты находишь.

Как и исконный корень местоимения 1-го лица праформа этого лица в формате *-s* (*-si*) присоединяется к концу глагола, определяя тем самым категорию 2-го лица: е->7| *es* ~ (*pepei-g* (греч.) - ты несёшь ~ *legi-s* (лат.) - ты читаешь ~ *oma-s* (лат.) - ты украшаешь ~ *voka-s* - ты зовёшь ~ *dhat-si* (сан.) - ты кладёшь ~ *barae-sa* (авест.) - ты несёшь [266, с. 217-218] ~ *seng / serj* (тюрк.) - ты идёшь ~ *qalur-sing / sir/* - ты останешься.

392. Он - *ene/ane* (ней.-е.: шум.) || *on/on* (ностр.: драв.: най-ки, парджи) ~ *aban/avan* (драв.: тамиль.) > *ol/o!* (драв.: гонди) [242, с. 51], *avatu* (драв.) - «то же» [136, с. 60] || *eh* (и.-с.: кельт.- бретон) - он [267, с. 72] || *na* (др.-арм., метатеза) - «то же» [268, с. 309] || *он* (рус.) || *el/ele* (испан., португ.) *o!* (др.-тюрк.) - «то же».

Большинство тюркологов возводят *ol (u!)* к межъязыковой праформе *an/on* и рассматривают это образование как результат фонетического перехода сонорных: *an/on* > *ol* [264, с. 125; 242, с. 51]. Такая версия подтверждается ещё и тем, что в косвенных падежах корень этого местоимения обретает исконную форму: *o/an-ы* - его ~ *o/an-и* - у него ~ *o/aц-га* - ему ~ *o/annan* - от него «?» / *o I an! nan, o / an-ola* и др.

Весьма существенно и показательно, что в вышеназванном семитском языке халдов глагольное окончание в 3-м лице единственного числа иллюстрирует первоначальный переднеазиатский формат, выступающий, на наш взгляд, как инверсионный вариант общего корня (*ene\|eh\|ni*) со значением «он»: *agn-ni* ~ он отвёл, *amgn-ni* - он привёл сюда, *manu-ni* - он сделал (ср. *manu-Ы* - я сделал) [40, с. 125, 129].

Второй инокорневой вариант местоимения «он/она» - *si* (и.-е.: хетт.) || *sit /si* (сем.: акк.) ~ *Ш/hi* (сирийск.) ~ *hu/ht* (арам.) || *si/ta* (хамит./чад.: хауса) - «то же» || *si* (и.-е.: греч.) || *si* (гот.) ~ *si* (др.-нем.) [15, с. 193, 203; 182, с. 108] ~ (англ.) || *han* (фин.) || *sa/si* (енис.) [272, с. 132].

Мы солидарны с утверждениями, что личные местоимения 3-го лица по своей природе наименее «личные» и субъективные, по своим функциям значительно меньше отличаются от указательных местоимений, чем местоимения 1-го и 2-го лиц. Но мы не согласны с распространённой версией о том, что якобы эти последние два вида части речи (т. е. «я» и «ты»), древнее, чем личные местоимения 3-го лица. Ибо такое априорное мнение не согласуется с обоснованной концепцией социальной психологии, в которой утверждается, что в древние времена понятие «я» растворилось в понятии «мы», т. е. не представлялось без «нас», и само слово «я» с историко-хронологической точки зрения появилось позже слова «мы». А «мы» появилось лишь по отношению к «ним» - «чужим», к казавшимся таинственными и враждебными стихийным силам природы, к недружественным или чужеземным племенам, к божественным и мифологическим духам [270, с. 134; 271, с. 78, 175]. «Чужие» в данном случае и есть «он»/«они».

Следы второго, *si/si* - корневого варианта местоимения 3-го лица в тюркских языках - сохранились в значении аффикса (-*CU/-3U*, -*сы/-зы*) именной притяжательности того же лица: *ана-си/сы* - его (её) мать, *квзгу-си/се* - его (её) зеркало, *Пел тэуре-си* - бог ветра.

Указательные местоимения

Указательные местоимения тесно связаны с личными местоимениями и во многих языках совпадают по форме с последними.

393. **Этот** *main* (сем.: акк.) - «то же» (*Hsu* - он) ~ *siati* - эта (*// si* - она) - указывает на ближайший предмет || *vana* (хамит./чад.: хауса) - этот (*// na/ni* — я) || *ma-na* (палеоазиат.: эскимос) - этот (*//мы-н 'а-я*) || муносы (тюрк.) - этот (*//retr. мон/мен* - я).

394. **Тот, там** - *ullti* (сем.: акк.) - указывает на отдалённый предмет и совпадает (!) с дравидийским (гонди) и общетюркским личным местоимением 3-го лица: *ol/ul*. Разумеется, в тюркских языках этот же архаический корень употребляется и в качестве указательного местоимения: *ol jol* - та дорога, *ol ouu/* - тот мальчик. Вместе с тем издревле используется в той же функции общий исконный корень *on/он*, тождественный с другим вариантом личного местоимения 3-го лица «он»: *anda/ onda/undu* - там. Весьма примечательно, что такое сочетание и та же корневая основа характерны и для шумерских местоимений: *ane* - то, тот (*// ane / ene* - он).

395. Тут (здесь) - в тюркских языках корни этого местоимения едины или родственны с личными местоимениями 1-го лица ряда языков, в том числе шумерского и некоторых языков семитской и дравидийской групп с Ближнего Востока: (откуда позднее развивалось *// men / топ* - я) и альтернативный его двойник «*BI/Be*» (*ben id- men*). Вот общие с ним вышеназванные указательные местоимения:
варианты -
minda, munta.

Вопросительные местоимения

Эти местоимения также имеют точки соприкосновения с личными местоимениями и, по нашему мнению, равно как и лексема «я», по большому счёту, восходят к древнейшим названиям «человек» («люди») либо к личному местоимению 1-го или 3-го лица (retr. < человек) вообще.

396. Кто *-mann* (сем.: акк.) ~ *ta/mi* (др.-евр.), *ta/man* (библ.-арамейск.) || *ta (-t)* (хамит./бербер.: шельха) - «то же» < *man/n* (и.-е.) - человек || *man/manna*. (сем.-хам.: куш.) || *manu* (неи.-е.: драв.) - «то же» || *tvan* (хамит.: драв.) - кто < *ivan* он || *хэн/хен* (монг.) ~ *кен* (фин.) ~ *кин* (удм.) ~ *кем* (тюрк.) - *кто* < люди ~ *кун* (др.-уйг.) ~ *кин* (др.-тюрк.) - «то же».

397. **Что** - *man/mana* (сем.: арамейск., сир.) ~ *manu* - что [есть] || *min* (акк.) ~ *ta (-t)* (хамит.: бербер.-лувийск., шельха) || *ta* (куш.: сахо) ~ *та-* (куш.: сомали) - частица вопроса со связкой «что»: *ta-hei* || *te* (общетюрк.) - частица вопроса *ne/ni* - «что» (retr. нечто): *не-ме* (уйг.) ~ *не-та* (хак.) ~ *нэ-мэ* (тат.). Инновационный синонимический вариант - нэрсэ. На наш взгляд, вопросительные местоимения *что* и *кто* генетиче-

ски тесно взаимосвязаны между собой, и этим они обязаны мифологическому мышлению древних, которые уподобляли весь окружающий мир, в том числе и неодушевлённые объекты, живым существам. В силу этого указанные местоимения, будучи первоначально взаимозаменяемыми, дифференцировались шаг за шагом, лишь изживая мифологическое мирозерцание.

398. **Где? когда?** - *'K'ëka* (сем.: акк.) [2, с. 24] || **'A[j]- juda/ajdee* (хамит.: куш.) - **где? когда?** [23, с. 237] || *ceio/keja* (этрус.) - **где?** [348, с. 55] *qajda* (др.-тюрк.) - **когда?** [36, с. 406] ~ *kctjct/кая* (тюрк.: тат.) - **где? куда?** [223 (1), с. 551].

13. Частица отрицания и запрещения

399. Этот широкораспространённый общекорневой формант, связывающий Ближний Восток - древнейшую колыбель человечества - с крайне отдалёнными в настоящее время от него иными территориями и даже континентами, как нельзя лучше и

аргументированнее доказывает доисторические контакты, а также (разумеется, вкуче с другими изоглоссами) первобытное культурно-генетическое родство между народами различных семей.

Мы имеем в виду древнейшую частицу отрицания **ма/ва**. По справедливому утверждению специалистов, едва ли не все грамматические форманты - аффиксы, артикли, частицы - в своё время имели лексические значения. На наш взгляд, именно древнейшие, если не исконные лексические значения частицы *ma/ʔd* (*be/ʔl*) сохранились в регионе Ближнего Востока, включая ареал северной и северо-восточной Африки. Это прежде всего уцелевшие понятия-значения в кушитских и чадских (хамитских) языках: *ʔl* (билин, кемант) - **не иметь** ~ *ʔl* (хамир) - быть лишённым, не хватать, отсутствовать ~ *ʔa* (сомали) - **исчезать** ~ *ʔl* (квара) - **не доставать** ~ *be* (чад.: баде) - **не доставать, отсутствовать** [25, с. 49, 56; 18, 18 (1), с. 100-101]. Разумеется, в семито-хамитских языках данная праформа употреблялась в равной степени и как отрицательная или запретительная частица: *m* (др.-егип.) ~ *me* (конт.) ~ *ma* (араб.) - не || *ta* (куш.: сахо, афар) ~ *ta* (сомали) || *ʔa* (чад.: хауса) ~ *ʔa* (суре, беджа) - не [274, с. 56].

В индоевропейских же языках данная праформа с вариативными огласовками дошла до нас не как слово, а как частица отрицания и запрещения: *ma* (др.-инд.) - не, *ma dhak* - не сжигай [64, с. 509] ~ *ma* (авест.) *ne ma* (и.-е.: санскр.) - «то же», *ma bhfit* - пусть не будет ~ *mi* (арм.) ~ *mrj* (греч.) ~ *ma* (тох. А, В) ~ *ma* (ит.) — *ne~pa* (франц.) - нет [273, с. 149; 17, с. 211].

Надо особо подчеркнуть, что отрицательный формант, о котором идёт речь, был характерен и для древнейших неиндоевропейских языков Передней Азии и Кавказа: *ma* ~ *ta* и *mi* - соответственно у хурритов и урартов ~ *mo/ma* (картв.: чан., сван.) ~ *ma* (общесеверокавказ. языки) - не [152, с. 61]. Сюда же примыкают и дравидийские, а также алтайские языки, имеющие весьма внушительные общие лексемы по различным сферам: *mal/ > ma* (др.-авест.: курух, малто) - не || *-ma- /ma* (др.-тюрк.) - отрицательная частица в глагольных формах ~ *qilma* - не делай || *ʔy* (монг.) - запретительная частица [274, с. 57].

Есть ещё одна поразительная параллель, обнаруженная нами, которая восходит к глубокой древности. Мы имеем в виду ту самую платформу отрицания и запрещения в формате . занесённую 10-12 тысяч лет назад, если не в ещё более ранний период, на Американский континент переселенцами из Старого Света. Это *та* - «не», «нет» в языках майя [275, с. 149] и *та* - «то же» у ацтеков Мексики [276, с. 99]. Данная чрезвычайно архаическая параллель грамматического толка - ещё одно веское свидетельство первобытных связей Ближнего Востока даже с отдалёнными регионами земного шара.

14. Топонимические и антропонимические параллели

К области лексикологии относится также ономастика, занимающаяся исследованием собственных имён или названий и включающая в себя топонимику и антропонимику. Нас в данном случае интересует историческая и этническая ономастика, т. е. система личных, этнических имён и географических названий в историческом развитии и в контексте этнолингвистики.

400 *All-lal*-(хамит.: куш.) - высота, гора. Отсюда аналогичное название горного района на юге Сомали [23, с. 140] || *Ala-teie* (неи.-е.: урарт.) - горная страна в Месопотамии [24, с. 21]. Из этого же преемственного корня позднее в различных регионах Евразии образовались европейские и тюркские оронимы: *Альпы*, *Алатоа* / *Алатау* (ТяньШань), *Алтай*, *Алашань* в Китае в восточной провинции Ганьсу, где первоначально жили хунну, *Алагеоз* / *Арагац* - название древней горной страны на Кавказе - *Албания*.

А^А.Албака (у Плиния: *АХьака*) - горный район, расположенный между озёрами Ван и Урмия в Передней Азии [193, с. 102]. Название этого района в фиксации античного автора в формате Аловака довольно связно идентифицируется с так называемым «чёртовым городищем», расположенным на крутой горке, которая вплотную примыкает к раннесредневековому городу-крепости Алабуга на северо-восточной границе Волжской Булгарии. Данное название мы интерпретировали как двусложное слово: *ала* - гора + *буга/бука* (У<—к) - большой змей [МК, III, 230], дракон = змеиная гора, которое соответствует древней легенде, гласящей, что раньше якобы на этой

горке жил крылатый змей-дракон, охранявший границу государства [278, с. 148]. А месопотамский ороним *албака / аловака* с учётом незначительных изменений (ср.-монг. *ола* - гора), скорее всего, расшифровывается следующим образом: *ал* (сем.-хам.: куш., тюрк.) - гора, возвышенность + *а*) *бака / бақи* (др.-тюрк.) - гряда холмов [36, с. 83] = грядовые горки, гористая местность; или же: в) гора + *бака / вака* (мидийск.) - языческое божество [306, с. 108, 116].

Впрочем, в античное время в Албаке жили мидяне - «змеерожденные потомки Аждахака» (у Моисея Хоренского Аждахак = царь Мидии Астиаг, годы правления: 585-550 гг. до н. э.) [193, с. 102; 37, с. 74]. По местной мифологии змей-дракон был их тотемом [21 (1), с. 105]. Не исключено, что название данной горной местности, как и у болгар, может быть как-то связано с полузабытым архаическим названием большого змея. Ср. *ва-см* (сем.: акк.) - мифологическое чудовище, дракон [18 (1), с. 55] || *ба-разк*; (тюрк. - ст.-тат.) - дракон, большой змей; вместе с тем это слово - этноним, ороним [288, с. 113, 142, 149; 278, с. 151] || *бу-ка* (др.-тюрк.) - большой змей [МК, III, 227]. Но это лишь пока рабочая гипотеза.

402. *Аг/иг* (ней.-е.: шум.; сем.: акк.) - гора [24, с. 21] || *art* (др.-тюрк.) - нагорье [36, с. 55] ~ *or* (тур., тув.) - высота, возвышенность || *урэ/урэл* (тунгус) - гора, горы [277, с. 111] (*там.*, *баишк.*) *or* (кум.) - верх, высота.

Переднеазиатские и закавказские оронимы: *Araratta / Aratu*, *Арарат*, *Урарту* - страна «Загорье», страна гор - Армения, горы Урал, *Уреньга*-горный хребет в Челябинской области.

403. *At/a:t* (общетюрк.) - имя, наименование, название, прозвище, титул ~ и производное от этого корня с суффиксом -а: *ata* со значениями «именовать, называть, давать имя» [41 (1), с. 198, 199] ~ *atama* (тат.) - наименование, название.

Исследуя древнейшие источники и памятники Ближнего Востока, мы пришли к неординарному, но, должно быть, правомерному выводу о том, что эта общетюркская праформа так же, как и другие проанализированные нами лексемы, восходит к древнему Ближнему Востоку.

At-mī (сем.: акк.) - слово, название [2, с. 20], ср. *ata-ma* (тюрк.) - наименование, слово || / *Antaratli* - имя царя

страны Alse (Алше, иногда пишется Alzi ja) в Верхней Месопотамии ~ *Antar-ati* / *Antarati* - личное имя из местности Нузи в южной части Армянского нагорья, куда доходила во II тыс. до н. э. юго-восточная граница Митаннийского государства хурритов [95, с. 90, 95].

По нашему твёрдому убеждению, вышеназванный антропоним образован из двух компонентов. Первый компонент, или основа, слова - это само имя Антар, а вторая часть - **являет собой архаический код (поясняющая идеограмма) со значением «имя», «имя его»**. Причём явно чувствуется, что эти лексемы представлены с аффиксами принадлежности: *-ли (-лы) / -и(ы) /: и(-ы)*. Заметим, что такие же аффиксы и ныне употребляются в той же функции: ул *Айдар ат-лы* / его зовут Айдар; *аныц ат-ы Айдар* (имя его Айдар).

Ономастические наименования с компонентами *ат (att)*, *аты* представлены и в древней Мидии, а также позднее в тюркоязычных источниках из различных регионов. В них названные компоненты с различными диалектными огласовками стоят и до, и после основного имени. Так, личные имена из Мидии - *Алиатт*, *Садиатт* [279, с. 317, 459], топонимы из Урарты - *Би-руатти* (гора), *Аратта* (река), *Пуратту* (река Евфр-ат) из Месопотамии [280, с. 26, 144], *Кубрат* (имя бол г. хана), / *Алма+аты* (топоним), *Коцгырат* (юрт, община, владение рода или племени), *Ойрат* (юрт, племя), *Турбатлы* (топоним) [281, с. 26, 47, 247], *коман-аты* (уйгурские племена в Десятиречье) [282, с. 127] || название Волги - *Аттйа* (VI в., Менандр) ~ (VIII-IX вв., Феофан) — *АпХ* (X в., Конст. Порфирородный) [283, с. 163] || *Etil* (др.-тюрк.) - «то же» [36, с. 187] ~ *Ателла* (приток реки Томь) [277, с. 240] || *Аттила* / *Attila* (латин., гот.) / *Arrilag* (греч.) [284, с. 103] || *Атийас*, *Атийаши* - языческие чувашские имена.

Некоторые специалисты по ономастике (Л. Ш. Арсланов, Е. П. Казаков и др.) первую половину последних имён (*.Ати-*) связывают с древнемарийским словом *ото/ота* - роща, что в данном случае крайне маловероятно. По существу, эти антропонимы, в основу которых заложено магическое пожелание обладателю этого имени долгих лет молодости, полнокровной жизни (йаш / йэш - молодой, юный),

говорят сами за себя: *Аттияс /Аттиаш* - «имя его - молодой / молодость» (в смысле «пусть долго не состарится»).

Что же касается имени Аттилы, крупный английский тюрколог Дж. Клосон (1891-1974) утверждает, что в высшей степени невероятно, чтобы можно было бы попросту отождествить имя Аттилы с названием Волги. И он сам, заявляя, что это имя нельзя интерпретировать иначе, как германское, возводит его к готско-германскому ласкательному слову «батюшка» [284, с. 98-99].

Мы со своей стороны считаем, что этот антропоним образован от древнетюркского *at-liy/atly* - именитый, знатный, славный [36, с. 67], первая часть которого возводится к анализируемому выше общему слову переднеазиатского происхождения *at/am* - имя, название. Ибо, на наш взгляд, до крайности невероятно, чтобы предводитель гуннов принял или носил имя покорённого им народа, так как германцы в конце IV в. впервые были покорены именно гуннами Аттилы. Скорее всего, это имя является германской передачей гунно-тюркского антропонима, берущего начало в первобытном семито-хамито-прототюркском языковом союзе на Ближнем Востоке. Правда, можно также допустить, что удвоенное «т» в слове вызвано тем, что, как утверждает ряд лингвистов (Щербак и др.), первоначально в древнетюркском языке силовое ударение падало на первый слог, что и приводило к протяжному произношению и удвоению в правописании конечного согласного. Сравните с именем *Atta*^{<?} приазовских гуннов-булгар, содержащимся в гуннском именнике из Тамани (V в. н. э.) [289, с. 19]. Есть и вторая версия об этимологии Аттилы - см. с. 194.

Архидревность лексемы *at* - имя, наименование и её чрезвычайная живучесть, особенно в древних культурах, на наш взгляд, подтверждается также бытованием её на протяжении тысячелетий в языках американских индейцев. Вескими примерами тому являются теонимы и антропонимы, а также культурно-бытовые слова, оканчивающиеся на формант «*атль*» (диалектный вариант «*отль*»), В частности, это: *нагу-атл* - название языка ацтеков (правильное название «*aztec*»), *томатль* - томат, *чоколатль* - шоколад, напиток из бобов какао, *йаойотль* - война, *чалькоайотль* - особый тип стиха, получивший своё название по имени города Чалько, *Айаукиуатль* -

имя девушки, *Ашайакатль*- имя властителя ацтекской области, *Чикомекоатль* - богиня урожая, - ключевое божество в пантеоне богов ацтеков [276, с. 98, 106, 115-116].

Последнее слово *Кецалькоатль*, по нашему твёрдому убеждению, являет собой трёхсложную структуру. Первая часть его - *кецаль* означает покрытую зелёными перьями птицу, у неё самое красивое оперение из всех пернатых Нового Света [285, с. 242], у большинства авторов это слово обозначает просто «перо».

Вторую часть теонима - *коатль* эти же авторы рассматривают в качестве одного слова со значением «змей» и полное имя божества переводят как «Пернатый змей» [286, с. 32-33]. Но в изданной в последнее время книге «100 великих богов» *кошпль* осмысливается уже как двухсложное ацтекское слово: «ко» с семантикой «змей». - вода. Нам импонирует усматривание в этом слове двучастной структуры, первая из которой имеет смысл «змей». Лексема «ко» как обозначение змеи действительно представлена в языке ацтеко-наутланских племён из Мексики⁵, где сформировалась одна из самых высших цивилизаций доколумбовой Америки [275, с. 143].

А вторая часть «*дтль*» в данном случае имеет семантику не «вода», а «имя», «наименование», которая не искажает общепринятое название главного божества ацтеков - «Пернатый змей».

Здесь напрашивается вполне резонный вопрос: не имеет ли индейский «ко» культурно-генетическое родство с весьма адекватной праформой семито-хамитов змея из интересующего нас региона Ближний Восток [288, с. 121], которая отличается от последнего лишь утратой конечного согласного?!

404. *Andar* - изначальные фиксации этого ономастического названия известны по древним письменным источникам с Ближнего Востока. К нему относятся: крепость местность *Andarz* в регионе Мидии (на юге нынешнего Азербайджана) [279, с. 282] ~ *Antarati, Antaratli* (хурритские антропонимы) [95, с. 90] ~ *Антарпатена* - название государства, непосредственно примыкающего к Мидии (VIII в. до н. э.) [290, с. 30-31].

Для нас особый интерес вызывает то, что этот ономастикой в различных вариантах продолжал своё бытование в тех регионах, где позднее проживали гунно-булгаро-тюркские племена. Это, в частности, *хайландур* - царская орда гуннов на Кавказе (первая половина V в.) [291, с. 185] ~ *Самандар/Семендер* - племенной центр и первая столица хазарского государства в Прикаспийском Дагестане, известного у византийских авторов под названием местности Берзилия/Берсилия [292, с. 46, 49]. В VI в. на этой же территории зарегистрировано «гуннское» племя *За-бандер/Забендер* [Симокатта, VII, с. 7, 17]. Далее: (д—>дж) - *Ба-ланджар/Беленджер* - этнополитический центр хазар и булгар в предгорьях Дагестана [293, с. 118-119].

Интересно отметить, что Ахмет ибн Фадлан, побывавший в 921-922 гг. в составе посольства Арабского халифата в Волжской Булгарии, сообщает, что он видел «дом», т. е. общину из 5000 человек, которые именовали себя *Баранджар/Беренджер* [294, с. 138]. Это красноречиво свидетельствует о преемственности эпонимов и этнонимов, о том, что и более чем через два столетия после ухода из Северного Дагестана беренгеры сохранили своё этническое самосознание.

Кроме вышеизложенного, название *андар/ендер* в Северном Дагестане и долинах Северного Кавказа в качестве этнонима засвидетельствовано также в составе других гунно-савирских и булгарских ономастических наименований. Имеются в виду этнонимы *ван-андар/вен-ендер* ~ *огх-ондор* ~ , где первая часть означает «десять» (ср. (чув.) - «то же»), а вторая часть - «племя». Исследователи пришли к выводу, что эти названия в передаче на греческом, латинском, сирийском и армянском языках представляют собой этническое имя одного и того же булгарского племени - оногур, которое, кстати, составляло основной костяк древней Великой Болгарии, а также переселившихся на Дунай булгар Аспаруха.

Показательно также то, что ономастический архетип, о котором идёт речь, проник даже в Сибирь, где в конце X в. в пределах кимацкого государства выделялось несколько самостоятельных областей, в том числе западная - *Андар аз-кыфчак* [302, с. 17].

По нашему мнению, под архетипом , игравшим исключительную роль в древней ономастике, скрывается исходная праформа из Передневоосточного ареала. Эта праформа *anta* (неи.-е.: хатт.) - мужчина ~ *antuh* (хатт.) - человек, *antuhsas* (и.-е.: хетт.) - человек, являющаяся заимствованием из хаттского языка [296, с. 76]. По всей вероятности, к этим же архетипам примыкает и древнегреческий *ανθρωπος/ антропос* - человек. А в пратюркском языке реконструирована созвучная с передневоосточной праформой архаическая лексема *антур/антуз* - человек [297, с. 96]. Ср. *эндури* (маньчжурск., язык алтайской семьи) - высшее существо.

Развитие исходной праформы , как мы представляем, шло в следующей последовательности: *anta/antuh* - **мужчина, человек** —> *antar* - **племя, социум** —» *antar/andar* (*ендер*) - **топоним**, связанный с местожительством племени, народности.

405. *Ata* - сакральный или возвышающий титул, стоящий в конце хуррито-субарских и эланских личных имён из Месопотамии.

Таковы имена мидийских магов: *Гаумата / Гаумата* (эламский вариант *Kamtiadda / Kamti-adda*), *Спэнтодата / Спэнтодата*, хурритское имя царя Митании *Туириата / Туириата* [37, с. 59-60, 268, 309]. Как нельзя более вероятно, что такое титульное название в конце имени заимствовано от регионального слова *ada/adda* (неностр., шум.) - отец ~ *atta* (элам.) ~ *ata/ada/ataj/atta* (неи.-е.: хурр., урарт.) - *ada* || (хамит.: чад.) - отец, обозначающего лиц глубокого почтения. Есть мнение, что превращение слова в возвышающий титул восходит к общинным традициям в Эламе (Передняя Азия) [34, с. 64-65].

Эта же праформа с тем же социально-семантическим оттенком получила продолжение у древних тюрков: *Яглакар-ата* (др.-уйг.), *Буркут-ата*, *Куркут-Ата* (огузск. имя), (азерб.), *Сувар-ата* (тат.).

406. *Atl/at* + *ata* = вода + «имя», «название» (америнд.: науа) ~ *atl* - вода ~ *atoyatl* - река [275, с. 144-145] || *катал/кадал* (ностр./драв.: тамиль.) - море [324, с. 51; 121, с. 87] || (VI в., Менандр) ~ *AreX* (VIII-IX вв., Феофан) ~ *АуцI* (X в. Конст. Порфирородный) - название Волги в передаче у греческих и латиноязычных авторов [283, с. 163] || *ЕШ* (др.-тюрк. - X в., М. Кашгари) - «то же». Как видим,

средневековое название этого гидронима сходится с обозначением воды и довольно близко по фонетическому составу к нарицательным именам «вода», «река» и «море» у американских индейцев из Нового и дравидов из Старого Света.

Особый интерес вызывает то, что относящийся к этому же разряду однородный лексико-семантический **корень** (*at / et || ed/id*) **существовал также (что вполне естественно) в гидронимах древней Передней Азии.** Так, по ассирийским источникам, название притока реки Диялы (приток Тигра) - *Эдир* [44, с. 157], если учесть традиционное чередование *er/l*, - гидроним, едва ли не дословно совпадающий с тюркским названием Волги - *Этил - Идел*. А сама река Тигр по-шумерски называлась *Идгыла* (вар. *Идигла*) [137, с. 20], что лишний раз указывает на общий корень *at/эд/ит/l/id* со значением «вода, река». Такое наше предположение подтверждается ещё одним чрезвычайно интересным фактом из шумерской поэмы «Энки и мироздание», где упоминается река под названием *Идаль*.

407. *Ашина, Ашидэ* - титулы или названия знатных тюркских родов, первый из которых берёт начало от племени ашина позднехуннского государства Северная Лян в Северном Китае, переселившегося после разгрома этого государства за Великую стену - на север [307, с. 123-124]. На наш взгляд, родовые титулы Ашина и Ашидэ образовались с использованием названия сакрализованного древними небесного и земного огня, одно из самых ранних названий которого восходит к Древней Передней Азии (*as / os* (хатт., сем.-хам.) - **огонь** (см. статью № 31) > *кой+аиг* (др.-тюрк.) - солнце. Семантика второго компонента термина *Аш+ина*- это «**мать**», «самка» - (общетюрк.) - «то же», *та/та/эна*, указывающего на то, что род и прозвание сыновей в нём велись по материнской линии, как это было принято у древних алтайских тюрков. Попутно добавим: у африканских кушитов и берберов мать тоже называлась *ina/inna* [31, с. 125].

Название другого по значимости знатного рода *Ашидэ* начинается с того же корня «аш», связанного с культом огня. Но вторая часть термина *иде (исб)* возводится уже к мужскому роду со значением «**хозяин**», «**владелец**», «**господин**», сохранившемся в древнетюркском языке (*idi / iSi* - 36, с. 203). Эти два родовых

объединения вкупе составляли дуальную эндогамную систему или пару, столь хорошо известную у древних тюрков и монголов.

Возможен и другой вариант для первой части родового названия Аш+ина, а именно: asi / isi (тюрк.: як., др.-уйг.) - женщина + ина/ина - мать, отсюда полное название родового имени «женщина-мать» (asi+ina = ашина), что также отражает суть наследования имени в роду по материнской линии.

Как видим, родовое обозначение Ашина, унаследованное от хуннов, без всякой натяжки этимологизируется на тюркском языке. Поэтому нам не понятно утверждение *С. Г. Кляшторного* о том, что якобы имя «Ашина» на материале тюркских языков не находит надёжного объяснения [772, с. 281]. В первый раз он в своей монографии «Древнетюркские рунические памятники» (М., 1964, с. 111-112) это родовое имя вслед за С. В. Киселёвым рассматривал как тохарское (от аҗапа) или же иранское (от аҗат) слово со значением «достойный, благородный» [с. 112], а позднее - в монографии в соавторстве с Т. И. Султановым «Государство и народы Евразийских степей» (СПб., 2000, с. 74-75) - расшифровывал его как иранское слово, означающее «синий - тёмно-синий». При этом данное слово он приравнивал к первой части самоназвания населения Тюркского каганата «кёк тюрк» в традиционном, скорее всего, явно неверном переводе

«голубые (синие) тюрки»⁶, появившемся якобы как калька, т. е. перевод иноязычного слова «ашина».

Не является ли всё это следствием монопольного влияния всё того же пресловутого ираноцентризма?! Более того, по концепции этих авторов получается, что не только название, но и состав собственно хунно-тюркского рода Ашина был смешанным с иранцами. На наш взгляд, выражение из «Суй-шу»: «Предками туцзюе были смешанные ху Пинляна. Их родовое прозвание было ашина» отнюдь не может служить для этого основанием. Ибо, как следует из китайских источников, расположенный в Восточном Туркестане Пинлян был в основном территорией поздних хуннских племён, где после вторжения племени хуннов хэлянъ из Ордоса и смешения их с местными хуннами возникло царство Ся (407^{^-}31). Затем это племя, с

примыкавшими к нему племенами ашина и другими хуннами, оказалось в составе нового государства Северная Лян (401-439 гг. - территория Хэси и Гаочан).

Выражение из «Суй-шу» о том, что предками туцзюе (тюрки), в том числе рода ашина, были «смешанные ху», надо понимать именно в таком вышеизложенном контексте, где нет места иранскому населению. Да и генеалогическая легенда, в которой речь идёт о десяти братьях, рождённых волчицей, которые, достигнув зрелого возраста, женились на местных женщинах, не должна восприниматься буквально, тем более, как утверждают вышеназванные авторы, в духе заключения брака именно иноплеменными женщинами-иранками. Таким путём, тем более в ираноязычном окружении, эти братья, вернее олицетворяемые ими осколки истреблённых тюрков, отнюдь не смогли бы возродить погибший тюркский народ. К тому же неверное «прочтение» легенды и однобокое, возможно, сугубо предвзятое понимание сообщения из «Суй-шу» натолкнули специалистов видеть даже в словах переднеазиатского происхождения (например, *biiri*, *tiimen*) или чисто в хуннско-тюркских лексемах иранизмы.

408. *Bet/бем* (сем.: др.-евр., Библия) - **дом, династия, община** ~ *bit/bat/bate/bute* (мидийск.) - **царство, страна, племя** [299, с. 60-61] || *bate/pate* (неи.-е.: элам.) - область, страна [37, с. 96] || *puđu /nyđu* (ностр./драв.: каннада) - союз, объединение [101, с. 224, 237] *bod* (др.-тюрк.) - **племя, род, народ одного племени** ~ *budun* - **народ, подданные** [36, с. 107].

Производные от этой праформы с диалектными вариациями, в которых она выступает и как логограмма - в начале основного названия, и как семантический знак или суффикс в конце него: *Bet Togarma* (**Дом Тогармы**), *Bit-Sakki*, *Bit-Sagbat*, *Sagbiti*, *Kilambat*, *Kirsibuta*, *Kitpat*, отмеченные в источниках Передней Азии, и гуннские племена по Иордану: *Биттитур*, *Биттуруг*, *Биттуруг* [300, с. 421-424].

409. *'HI* (сем.-хам.) - **племя, жильё** || *И* (драв.) - жильё, дом || -(1//г) — > *eg* (картв.: груз.) - **народ** || *el* (алт.) - **население, народ, страна** [5 (2), с. 341] - (?) - *Биан-ши* (// вар. Урарту) ~ *Гуркум-или* (древняя страна около озера Севан) ~ *Армар-или* (область около озера Ван) [280, с. 112; 355, с. 32] *el* (др.-тюрк.) - племенной союз,

племенная организация, народ, страна [36, с. 168]. Семантическое развитие общей праформы происходило по линии: **жилъё, дом — > племя —> племенной союз —> народ —> страна.**

Производные древнетюркские антропонимы: *Ильхан, Иль-идмши, Иль-дотмыш, Иль дгеси/агаси* (титул).

410. *Var /Var* (хунн.) - **Днепр** [295, с. 89]. *Hunnivar* - **гуннская река** [318, с. 73]. *Варданус /Var-дан-ус* (по Птоlemeю) ~ *Var-зан* (в хазарском периоде) - Кубань [303, с. 69] ~ - речушка в бассейне Суды, левого притока Днепра ~ реки *Вяр* и *Var-ва / Выр-ва* в бассейне Вислы на Западе [147, с. 68-70] ~ *Вор-с-кол* - левый приток Днепра, удвоенные, наложенные друг на друга два названия «реки», т. к. *кол / куня* как наименование реки и речной долины широко представлено во всех ветвях алтайской семьи языков [304, с. 114].

Есть основание полагать, что архетип *var*, связанный с водой, первоначально возник в Западной Азии, когда индоарии находились ещё там. Об этом свидетельствуют зафиксированные архаичные параллели: *var* (др.-инд.) - **вода** ~ *var* (др.-ир.; авест.) - **дождь** [147, с. 149] —> *bar-a* (хот.) ~ *w'r* (хорезм.) - **дождь** [34, с. 402]. Вспомним также версию о возникновении

«Авесты» в 1-й половине I тыс. до н. э. на восточной территории Передней Азии - в Иране. Мало того, более древний субстратный вариант этого же термина представлен на территории бывшего государства Урарту - в древнеармянском языке: *vard-* вода [45, с. 449].

411. *Dan* - этот корень со значениями «поток», «река», «вода», «влага» принято считать исконно иранским. Это, в частности, *danu* (Авеста) - вода, поток [153, с. 40] ~ названия рек Восточной Европы: **Дон, Днепр, Дунай** [147, с. 179, 216-217]. О. Сулейменов интерпретирует начальную часть вышеназванных рек как иранский «детерминатив», прибавляемый к настоящим неиранским именам рек: *-Enp, -Istr, -Aй* [100, с. 214]. Однако термин *dAn* засвидетельствован ещё в памятнике у индоариев: *danu* (Ригведа) - влага [64, с. 760], которые, по версии Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, до разделения арийских диалектов на иранскую и индоарийскую ветви и до миграции последних в Индию жили на Ближнем Востоке (IV—III тыс. до н. э.) [12(2), с. 917].

Более того, этот же термин существовал как гидроним в Передней Азии с пубокой древности и на других языках: Radanu (ассир.) - восточный приток Тигра || *Jarden* (др.-евр.) ~ *jrdn* (егип.) - река *Иордан* [там же, с. 917].

Кроме всего прочего, праформа *d* с диалектными модификациями издавна засвидетельствована у разных древних народов Ближнего Востока и Западной Евразии. Примерами тому являются: *tanni* (драв.: тамиль.) - **вода** [121, с. 110, 215] | *Посейдон* (самый древний бог в греческой мифологии, оставшийся в оппозиции к Зевсу и Олимпу - владыка моря, водных источников ~ *Нен-тун* - морской бог Рима [21 (2), с. 223-224] ~ *Апи-дан-ос*- одноимённые реки в Греции и Малой Азии [308, с. 8] || **tvn* (прасеверокавк. языки): *tun* (удин.) - **водопровод** ~ *xan* (арч., ках.) - **вода** [88, с. 175, 186] ~ далее - по Птолемею: *Дунай-Туна* ~ название реки Кубани - *Вар-дан-ус*, по Аммиану Марцеллину: *Тотор-дан-ес* - река за рекой Танаисом (Дон) в земле савроматов [147, с. 179; 303, с. 69] ~ *Тдн* (тюрк.) - река Дон [Радлов, 189, с. 318].

Обращает на себя внимание аналогичный тождественный корень у ряда алтайских и енисейских народов: *terj* (др.-тюрк.) - **озеро** [МК, I, 528] ~ *deq-iz / teqiz / iirjiz* (др.-тюрк.) - **море** [36, с. 160, 552, 561] ~ *тинёс* (чув.) ~ *тенгер* (венгр. < др. булг.)- **море** ~ *toteep / тунгеер* (эвен.) - **озеро** ~ *тбнгеер* (эвен.) - **море** [149, с. 33] ~ *дыын* (маньч.) - **река** ~ ~ (чув.) - **вода**, вы ступающая из-под льда ~ *таан* (як.) - **наплыв воды** на льду, **наледь** || *дъан* (кит.) - **река** [149, с. 46] || *dannirj* (енис.: кот.) - озеро ~ *deqn'iq* (енис.: сым.) - **болото** [252, с. 135] .

412. *Кансуя* (Авеста) [312, с. 279] ~ *Qstsoiya* (в чтении И. М.

Дьяконова) - первоначальное название озера Хамун, расположенного по обеим сторонам границы между Ираном и Афганистаном (восточные земли Передней Азии) [74, с. 154]. Это большое озеро, издавна служившее местом водопоя для домашнего скота и диких животных. Отсюда, на наш взгляд, и адекватное этому название - трёхчленный термин *qansouya* - овечий водоём, сохранившийся у ряда тюркских народов (< *qon*) - овца + *sou* - вода + *ya* аффикс принадлежности).

Вышеназванные сведения значимы ещё и тем, что они дают нам возможность реконструировать миграционные маршруты из Передней Азии и регионы местопребывания древних пратюркских племён.

413. *Кар* (неи.-е.: кассит.) - **царство, область, селение, го-род (крепость)** [37, с. 165] ~ *Кардуниаи* - касситское название государства Вавилонии [там же, с. 165] ~ *кар-кагигии/кагиу* са-моименование племён касситов ~ *Кархемыи* - название страны и города на земле хурритов [315, с. 201] || (?) - *кархи, кардухи* - племена Мидии неиранского происхождения [37, с. 102-103] ^ *караты* (сакское племя по Птолемию) || гуннские племена по Иордану: *имнискар* (к—>г) > *булгар, имилгар, тимгар* [45, с. 195] ~ племена в составе объединения тугуз-гузов / тугуз-уйгуров: *карсар, яглакар, утуркар, йабуткар* [263, с. 12-13] || тюркское племя *карлуков* в Семиречье || *Искар / Искер* бывшая столица Сибирского ханства ~ - селение и го-род шупашей/чувашей || в восточнофинских языках: *Сыктывкар, Кудышкар, Изкар*. В казахском языке *кар* означает «род» [770, с. 151].

На материале приведённых ономастических примеров семантическое развитие архетипа переднеазиатского происхождения *кар* представляется следующим образом: царство, страна —> название основного населения страны —> племя или племенное объединение —> город-крепость.

Чувашский языковед В. Г. Егоров в указанном архетипе, который получил отражение и в финно-угорских языках, усматривает иранизм, что явно противоречит древним иноязычным реалиям.

414. **K-n /kVn* - этот древнейший архетип, засвидетельствованный как в Новом, так и Старом Свете со значением «солнце», оказался удивительно долговечным и стал излюбленной основой для создания обожествлённой титулатуры у ряда народов. Если конкретно, то у вавилонских правителей титульный термин *sarkin (sar-kin)* - царь-солнце (// сын Солнца) [115, с. 267], у американских майя это - , их же жрецов - *ach*

kin/ax kin - «то, что принадлежит солнцу» [20 (1), с. 104; 20 (2), с. 205]. В Евразии натуранских монетах титул европейских гуннов - *king*, на золотом перстне у вождя булгар Кубрата - *king* [317, с. 63]. Далее сюда же примыкают титулы: *koning* (гот., нем.), *king* (англ.) -

король, *konik* (слав.), *коэн* (евр.), *куп* (эф-тал.), *коп* (др.-скан.), *кип* (тюрк.) - князь, правитель.

415. *Man/man* \ *men/men* - одно из древних названий гидронимов, означающих водные источники, и связанных с ними мест. Самые ранние фиксации этой праформы относятся к Ближнему Востоку и граничащей с ним Центральной Европе. Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов в своём совместном исследовании отмечают, что гидронимика на этих территориях, включая гидронимы древней Анатолии, образовалась по общим моделям *-ma/-mana/-mena* и др.,: *Alma, Aша, Altana, AшанИа* [12, с. 953-954]. К этим названиям можно ещё добавить топонимы *Альман, Дельмани Кильмануиз* региона Передней Азии [37, с. 113, 165, 226].

Унаследованная ещё из Западной Азии древнейшая модель образования названий гидронимов и географических мест продолжала своё бытование уже на различных территориях, где проживали, главным образом, тюркские народы. Это реки *Чул-ман* (Вятка), *Чулыман* (Кама), *Ч* (басе. р. Лена), *Туман, Караман* (приток Волги), *Туман* (Тюменька), *Салман*, (озеро), *Кубань* (м/б: из **Куман*), *Шуман, Шубин* (), *Кубян* [310, с. 22-25].

А насчёт названия озера *Кабан* в Татарстане можно было бы выдвинуть и другую версию (первую см. в статье № 157), возводя вторую половину имени к архаическому изоглоссу *бан* (—**ман*), означающему «водный источник». Но мне лично больше импонирует предыдущая версия.

По сведениям, дошедшим до нас из карты арабского автора аль-Идриси, на земле киргизов (хирхиры) протекала большая река, которую местные жители называли (по парижскому изданию - *Манхаз*). Эта река, носившая традиционный лексический корень, отождествляется с верхним руслом среднеазиатской реки Или [311, с. 32-33].

416. *Mat/matu* (неи.-е.: шум.) - **страна, земля** / детерминатив перед названиями стран, областей [2, с. 115] || *mat* (сем.: ассир.) - страна [299, с. 48] ~ *maat* (древ.-акк.) || *mat* (неи.-е. / сев.-кавк.: чеч.) - **язык** ~ *mat* (нахм.) ~ *mot* (инг.) - **земля, страна, народ** [301, с. 21].

Производные этнонимы, получившие продолжение от этого древнего корня: *сармат, савромат, яксамат*, болгарская земля «*Челмат*», сохранившая следы прежней автономии, племя болгарского происхождения *юрмат*.

417. *Plg / БН (сем.-хам.) - **поселение, жилище** ~ БуШ / *bulal / bulit* (хамит.: куш.: афар) - **город, деревня** ~ *bul / bulal* (сомали) - **хижина, дом, бфила - деревня** || *bfilat*] (хамит./чад.: двод.) - **хижина** || *б'стам* (ностр. / драв.: тамиль.) - **крепость** [121, с. 231] ~ *palli* (драв.: малаялам) - **хижина, маленькая деревня лесных племён** || *pIH (и.-е.) - **укрепление, поселение, крепость, город** || *noXis* (и.-е.: греч.) - **город** ~ *pilis* (балт.: литов.) - **замок, крепость** || *pallih* (др.-инд.) - **маленькая деревня, поселение диких племён** || (урал.) - **поселение, жилище** [141, с. 89-90] *baliq* (др.-тюрк.) - **город** [36, с. 80; МК, I, 317] ~ *palaq* (алт.) - **город, крепость, здание** ~ *balik / balyk* (др.-уйг., ср.-уйг.) - «то же» || (монг.) - **город, крепость, каменный дом, поселение** [141, с. 91].

Бала - древний город Маннийского государства на Переднеазиатском Востоке. Это, а также другие топонимические наименования Передней Азии и Кавказа (напр., город *Кара-бал-(а)*; река *Roti-balai* др.) исследователи связывают с именем широко раскинувшегося племени *палащев (балащев)* [37, с. 61, 185].

Традицию называть свои географические объекты адекватной и долговечной праформой «бала» мы далее застаём у древних тюрков. Это, в частности, города

и *Баласакан* на Кавказе, старинный город в Турке стане, город *Балу* у тюркского племени аргу. Такую же укоренившуюся основу содержат имена вождей гуннов, вторгшихся в Европу: *Баламир, Баламур*.

418. *Subir ~ Sugir* (неи.-е.: шум.) || ~ (сем.: акк.) - название страны хурритов (субартов), а впоследствии - урартских племён, которая была расположена в Северной Месопотамии, начиная от реки Большого Зоба и подножья гор Загроса до верхнего течения реки Тигр [326, с. 51; 24, с. 24-25]. Предложенная И. М. Дьяконовым для топонима Субарту этимология «Тело степи» представляется нам малоуправдоподобной [37, с. 58]. По нашему мнению, трёхсложную лексему *artu(m)* без нятяжки можно

разъяснить словами афразийско-палеотюркского происхождения: вода, река + *bar* (др.-евр.) - между, промежуток, расстояние между чем-либо [31, с. 123] ~ *bor/bir* (хамит.: куш.) - наружное пространство ~ *ap/apa/apt* (др.-тюрк.) - между, промежуток, расстояние между двумя объектами, пространственное разъединение, задняя сторона чего-либо, нагорье, *gora* + *u(um)* - аффикс принадлежности [36, с. 50, 55].

Отсюда вытекает: *Subartu / Subartu*, по нашему мнению, - «**Междуречье**» (имеется в виду земное пространство между двумя водными источниками). Либо это, если считать восточные границы страны от гор Загроса, - страна « » (сравните с древнетюркским термином *jir-sub*/ Земля-Вода - в значении «родная земля», «Родина», сохранившемся в орхонских рунических памятниках как генетическая память или как древняя традиция в названии родной земли). Попутно заметим, что другая территория между реками Тигр и Евфрат в ином, греческом варианте по древней традиции также называлась **Междуречьем**: *Mesopotamia* (*m'esos* - между, *potam'os* - река).

419. *Urartu* - вавилонское название государства в Передней Азии, расположенного на Армянском нагорье. По древнееврейски это государство называлось **Ararat**, а на местном языке - *Biainili* [316, с. 51]. Урартский (хадский, биайнский) язык вместе с хурритским языком принадлежит к хуррито-урартской семье языков. Как полагает ориенталист Г. А. Меликишвили, «Урарту, по всей вероятности, является термином местного происхождения. В семито-ассирийском мире трудно подыскать ему этимологию» [95, с. 20-21]. На наш взгляд, под названиями страны *Urartu/Ararat* скрываются географические термины «**Загорье**» или же «**Межгорье**», обусловленные расположением страны за основной горой Передней Азии Загросом [24, с. 21], либо между ним с юго-востока и Армянским Тавром с запада, а также Араратом с севера, поскольку лексические корни *ap/ur* в шумеро-аккадских силлабариях засвидетельствованы в значении «**гора**» [там же, с. 21].

Эта же праформа, кстати, сохранилась и в современных тюркских и урало-алтайских языках: *or* (турец.) - **холм, возвышенность** ~ *eg* (кирг.) - **подъём** ~ *or* (кум.) (*тат., башик.*) **бог** (горноалт.) - **вверх**,

высота, возвышенность || (ман-сийск.) - гора, горная вершина ~ *ига* (эвенк.) - гора, гористый [113, с. 25; 277, с. 111]. Что же касается второй части сложного топонима *ur+artu*, то он (*art/u*) означает заднюю сторону чего-либо [МК, I, 42], в данном случае - горы Загрос, а конечный *и* (*y*) - это суффикс принадлежности.

420. *Ug/yg* (неи.-е.: шум.) - **племя** [69, с. 16] ~ *yg/yku* (шум.) - **народ, население, люди** [116, с. 36-37] *iy+uz/oy+uz* (др.-тюрк.) - **племя, объединение племён** [36, с. 365, 607] ~ **стрела ~оq-часть, доля** (др.-тюрк.) ~ сравн.: этн. *on oq* [народ] десяти родов, [народ] десяти подразделений [36, с. 367-369].

421. *Хун-ну, сюн-ну, гунны* - древние этнонимы, названия восточных и западных пратюрков [313; 314]. В своих исследованиях Н. Марр справедливо подчёркивал, что «У древних народов «небо» (~соище¹ было основным тотемом, т. е. фактически племенное название и слово «небо» солнце) обозначались одним и тем же термином (подчёркнуто нами. -М. Б.), причём «человек», как и «люди», и «племя», первоначально воспринимался исключительно собирательно, как символ множества» [35, с. 37].

У древних тюрков архетип « » также имел значения не только «**солнце**» (retr. **бог**), но также и «**люди**», «**народ**», являющиеся производными от него [36, с. 328]. Такие же общекорневые лексические пары существовали и у древних семитохамитов и хурритов: бог *Assuri assurai* (ассирийцы), бог и *hurrohe* (хурриты), бог *Amiggi* и *amigt* (амореи) [37, с. 208]. А вавилоно-семитский обожествлённый титул царя, как мы уже видели, восходит к значению **Царь-Солнце**, что подтверждает общность переднеазиатского и общетюркского архи-древнего термина **k-n* - Солнце.

По нашему убеждению, зафиксированные в древнекитайских источниках названия пратюрков «хун-ну» / «сюн-ну» и их латинизированное европейское название «гун» своими корнями также восходят к обозначению солнца *kup* ^**k-n* > **g-n. *s-n*). первоначально, на наш взгляд, имевшему производные значения «**дети солнца**», «**солнечные (божьи) рабы**». Сами хунны своему имени придавали смысл «**благородный раб**», тогда как китайцы хуннское самоназвание в правописании с иероглифами изменили на негативный смысл -

«злой раб». (В порядке сравнения вспомним: в «Велесовой книге» руссы также называют себя «дажьбожьи внуки». Изначальный смысл этого славянского Дажьбога- «сияющий бог», «солнце».) **Весьма примечательно то, что тюркские и отдельные народы алтайской семьи, продолжая традицию своих далёких предков, для обозначения понятий «народ», «люди», «человек» использовали тот же архаический корень *k-n, берущий начало от источника всех благ, т. е. от названия обожествлённого Солнца.** Но каждый из них незначительно видоизменил его на лад своей диалектно-языковой стихии. В частности, это **кун** (др.-уйг.), **сын, шын** (чув.), **чон** (тув., хак.), **жин** (жёлт, уйг.), **зон** (як.), **зон** (монг., бур.), **зон** (тунг.- маньч.), **дьон** (ойр.), **бу-дун** (др.-тюрк.), имевшие аналогичные значения. В китайских бамбуковых аналогах под 1169 г. до н. э. сохранился этноним **кун-и** [38, с. 37], противостоящий праки-тайцам - цянам, который позволяет видеть в этом имени нечто общее с более поздним **хун-ну**.

Кстати, засвидетельствованный в греческих источниках термин «**амазонки**», являющийся самоназванием женщин-воительниц в Малой Азии и на побережье Меотиды (Азовского моря), как мы полагаем, расшифровывается довольно уверенно при помощи тюркско-алтайских слов. «*ам* в отдельных хамито-чадских племенах [112, с. 257-258] и ряде языков алтайской семьи означает **женский пол, самку и мать**, а «зон», как мы уже видели, соответствует значениям «**племя**», «**родовое общество**», «**народ**». Отсюда нетрудно заключить, что «**амазонки**» - это «**женское племя**», «**женское общество**», «**женский народ**».

Что же касается определённой созвучности тюркских и китайских терминов, означающих «**солнце**» (кит. *гянь* / и названий «**народ**», «**люди**», «**человек**» (кит. *жень, йин, чин*), то последние, скорее всего, образовались под воздействием эквивалентных терминов пратюрков. В данном контексте весьма уместно вспомнить довольно аргументированную научную гипотезу крупного американского сиолога, этнографа и фольклориста В. Эберхарда, где автор утверждает, что «культурные контакты между восточной и западной частями Евразии были гораздо интенсивнее, чем прежде предполагалось» и что «**федерация Чжоу состояла из**

племен частично тюркского происхождения и частично тибетских племенных объединений. **Сами чжоуцы, по-видимому, были тюркского рода;** длительный симбиоз с царством Шан оказал на них сильное влияние. Они переняли много шанских обычаев и даже язык», но вместе с тем **«сохранили всё же часть своего древнего тюркского наследия** (выделено нами. -М. Б.)» [39, с. 109]. Очевидно, этим объясняются наиболее архаические параллели в традиционной культуре и основном словарном фонде китайцев и тюрков.

422. Чайчапта - озеро на территории древнего государства Кангюй, существовавшего приблизительно с IV в. до н. э. по IV в. н. э. в Средней Азии. По всей вероятности, это древнетюркский ороним, поскольку *сай/чай* (варианты *тай, зай зей, йай жай*) в тюркских языках означает **реку, водоём** [277, с. 104]. А вторая часть топонима «чапта» обнаруживает фонетическое и семантическое сходство с архаической лексемой «чиште» - **истинный, подлинный**, т. е. чистый, засвидетельствованной в армянском языке. Если исходить, как мы уже убедились по определённой части лексики, из существовавших когда-то между нашими предками культурных контактов в регионе Передней Азии, то можно усматривать здесь этимологическую связь тюркского слова «*чиста*» (а вслед за ним, возможно, и русского «чистый») с лексическим архетипом «*чиште*».

Насколько известно, попытки расшифровать этимологию озера Чайчапта на материале индоарийского и иранского или же других языков, бытовавших раньше в этом регионе, в силу лексикосемантических трудностей топонимистами не предпринимались.

423. Urr (неи.-е.: хатт.) - **страна** [137, с. 5] || *иги* (неи.-е.: шум.) - **город, окружность, круг** [116, с. 34] || *иг /ур* (ностр./ драв.: тамиль.) - **деревня, город** [121, с. 87] *ог/ор* (др.- тюрк.) - **укрепление, крепостной вал, круговая оборона** [116, с. 34; 41 (1), с. 467].

Urda /orda - В. В. Раддов возводил эту лексему к корню иг.

1. «Под этим словом у древних татар разумелось сборище всех семейств или подразделений одного и того же рода... Вследствие этого оно приняло значение стан, лагерь» (Л. Будагов)
становище, место стоянки укрепление, крепость (уйг).

2. Страна и местопребывание правителя [41 (1), с. 470-471].

Производные названия государств от проанализированного форманта: *Алтын Урда* - Золотая Орда, *Ак Урда* - Белая Орда, *Кок Орда* - Синяя Орда.

Общие выводы по сравнительному словарю

В отечественной лингвистике в исследованиях общемирового плотогонического процесса, включая проблему происхождения языка того или иного этноса и межъязыкового родства, используются, главным образом, два основополагающих метода или принципа: 1) реконструкция лексико-семантического словаря на уровне родства языковой семьи и создание «родословного древа» с его последовательным членением на диалекты или языки и языковые группы (например, индоевропейская семья —» славянская группа —» русский, украинский, белорусский, польский и др.); 2) выявление и анализ на материале языковых схождений и совпадений глубинных родственных связей между различными языковыми семьями, образующими вкуче именно благодаря этим связям глобальное ностратическое единство или надгрупповую макросемью.

Однако оба этих исследовательских метода, как принцип *разъединения* диалектов или языков, так и принцип *объединения* их, строятся, как правило, на цеповидной связи, которая в конечном счёте восходит к единому праязыку. И именно в силу сведения языкового родства к такого типа связям происхождение и развитие языков принято рассматривать во многом как результат дифференциации или расщепления первоначального праязыка («*родословного древа*»).

Но, как правомерно утверждал крупный лингвист // С. Трубецкой, отношения между родственными языками не укладываются лишь в вышеизложенные жёсткие схемы, поскольку в истории языковых семей имели место быть как процессы *дифференциации (разделение)*, так и интеграции или *конвергенции (сближение, смешение)*. Праязык не только расщеплялся, но и одновременно консолидировался, формируясь в ходе контактного развития в различные диалекты [4, с. 67; 325, с. 71]. «Предположение, что индоевропейское семейство получилось благодаря конвергентному развитию первоначально

неродственных друг другу языков (предков позднейших «ветвей» индоевропейского семейства), отнюдь не менее правдоподобно, чем обратное предположение, будто все индоевропейские языки развились из единого индоевропейского праязыка путём чисто дивергентной эволюции...» Соседние языки, даже не будучи родственны друг с другом, как бы «заражают друг друга» и в результате получают ряд общих особенностей в звуковой и грамматической структуре. Количество таких общих черт зависит от продолжительности географического соприкосновения данных языков. Всё это применимо и к языковым семействам [4, с. 68, 72-73].

При сопоставлении и интерпретации историкосравнительного лексико-семантического словаря, охватывающего схожие архаические корни и параллельные праформы из палеоязыков Ближнего Востока, с лексемами древних тюрков и их дальних предков мы исходили и из вышеизложенных постулатов. Вместе с тем мы руководствовались научно обоснованной теорией о «языковых союзах» (автор теории - тот же *Н. С. Трубецкой* [326, с. 333]), под которой понимается ареально-историческая общность не родственных по происхождению языков, приобретавших целый ряд сходных, даже родственных признаков (структурных и материальных) в процессе длительного и интенсивного взаимодействия между собой в пределах единого географического пространства. Такие «языковые союзы» существовали и существуют не только между отдельными языками, но и между языковыми семьями.

Вместе с тем Трубецкой допускает, что «*о едином индоевропейском праязыке нельзя признать совсем возможным*» и что «языковые семейства могут быть продуктом чисто дивергентного (< лат. *divergere* - расходиться, отклоняться) и чисто конвергентного (< *convergere* - приближаться, сходиться) в разных пропорциях [4, с. 66, 68]. В свете размышлений или синкретического характера концепции учёного можно допустить, что *тюркское языковое семейство сложилось на стыке пересечения процессов дифференциации и интеграции, т. е. за счёт смешения и слияния унаследованных из праязыка лексики и структурных признаков и*

таковых у неродственных языков благодаря их длительному и интенсивному взаимодействию в составе единого ареального союза.

Предложенный нами современному читателю историкосравнительный словарь и словарные статьи представляют собой отнюдь не простой набор схожих слов или же узколингвистическую статистику, они зиждятся на востребованной темой актуальных научно-теоретических завоеваниях и преследуют цель проникнуть в глубинные и малоизведанные пласты языка и истории пращуров ранних тюрков и на материале комплексных реалий выявить их первоначальную прародину.

Из составленного нами лексико-семантического исторического словаря и касающегося его теоретико-аналитического материала вытекают следующие концептуальные выводы: 1. Прототюркский язык с основными древними языками Ближнего Востока находился в состоянии культурноконтактного родства и, судя по неопровержимым лингвистическим реалиям и историческим сведениям, под различными именами или этнонимами загро-прикаспийского этнического массива и западных областей Иранского плато функционировал в составе шумеро-афразийско-индоевропейско-дравидо-загросского языкового союза. (О носителях этих языков - племенах и народах - речь пойдёт в специальных разделах монографии.)

2. Прототюркский язык по отношению к другим языкам Ближнего Востока выступал и в качестве изначального субстрата (лат. *substratum* - подстрой или подкладка, основа общности или сходства однородных явлений), проявляя себя как самый ранний общий слой в их базисной лексике и исторической грамматике. Есть веские основания полагать, что так называемый «средиземноморский субстрат», предшествовавший, как считают, другим местным языкам и отложившийся позднее в шумерском и других ближневосточных языках благодаря их смешению и длительному взаимодействию, представлял из себя именно общий доисторический ареальный язык или обширный диалект тюркско-алтайского типа. (Вспомним утверждение В. М. Иллича-Свитыча о том, что «алтайская (по сути, прототюркская) Уобщность значительно древнее уральской, дравидийской,

индоевропейской, картвельской и семито-хамитской и наиболее близка к ностратической» [5(1), с. 69]). Как раз этим и объясняется возведение данным исследователем всех алтайских праформ к уровню ностратики, в том числе и удивительный парадокс сохранения ностратических гласных (а, о, и) в подавляющих случаях без изменения в общетюркском языке [327, с. 58)]^{7 8}.

Вместе с тем и фонетические схождения и чередования определённого типа согласных в сближаемых корнях и основах составляют вполне мотивированную систему и вписываются в установившиеся модели словообразования.

3. Однако процесс интеграции или сближения языков носил обоюдный характер, и прототюркский язык заимствовал ареальные изоглоссы собственно и из контактирующих ностратических и неностратических языков Ближнего Востока. Более того, в составленном нами сравнительно-историческом словаре или в общем словарном фонде определённый процент (мы добавили - субстратный слой) составляют изначальные лексические схождения, исходящие из уже вымерших неностратических и ностратических языков - шумеров, аккадцев, хаттов, хеттов, хурритов, урартов, латынян и некоторых других. А в греческом языке, принадлежащем к индоевропейской макросемье, около 50 процентов слов не имеют надёжной индоевропейской этимологии [328, с. 125], и часть из них этимологизируется на тюркской почве.

Всё это свидетельствует о том, что в Средиземноморском бассейне и прилегающих к нему регионах древнейшая лексикосемантическая общность образовалась в результате субстратных и адстратных взаимоотношений ностратических и неностратических языков (адстрат - языковые явления, вызываемые влиянием одного языка на другой при длительных контактах народов, говоривших на этих языках, когда не происходит этнической ассимиляции и растворения одного языка в другом).

4. В ностратической теории и тюркологии прародину тюрков обычно принято размещать на востоке - в степях Центральной

Азии (Северный Китай, Монголия, Восточный Туркестан (Турфан), в Монгольском Алтае и на южных склонах Большого Алтая (*Н.Я. Бичурин, Н. А. Аристов, С. П. Нестеров, В. А. Могильников, М. Аджи*), на территории Средней Азии (Восточный Казахстан, Семиречье, Туран) (*А. К. Нарымбаева - 331*) [329, с. 43-44], в степях и полустепях Поволжья, Урала и прилегающих к ним степных районах (*Ю. Немет, А. М. Ширалиев, М. Закиев, К. Латанов, И. Мизиев*) [330, с. 114; 331, с. 625].

Вместе с тем, наряду с автохтонными теориями о происхождении прародины тюрков, время от времени появлялись и появляются теории, связывающие их первоначальную прародину с Передней Азией (*Алиев Играр* [37, с. 85, 112], *Адиле Айда (Арзал)* [792], *Джалилов Фиридун⁹*), а также включающие в этот ареал и Северную Африку (*К. С. Кадыраджиев* [137, с. 48-51], *Нурихан Фаттахов* [332, с. 192, 320], *Олжас Сулейменов* [100, с. 311-313], *Фарит Латыпов* [689; 690], *Марсель Бакиров* [82, с. 5-16]).

Последние альтернативные теории представляются нам более обоснованными, поскольку они как нельзя лучше **вписываются в загадочный феномен древнетюркской базовой лексики и специфические культурно-исторические реалии, которые связывают прототюрков с седой древностью Ближнего Востока.**

5. Локализация первоначальной прародины тюрков, точнее прототюрков, на Ближнем Востоке подтверждается общностью ранних и архаических изоглосс не только с местными вымершими языками, но и с семито-хамитами, а также с проживавшими в то время на западе Иранского плато дравидийцами (позже дравиды переселились, главным образом, в южную часть Индии). Существенно то, что составленный нами историкосравнительный словарь общих архетипов генетико-контактного происхождения охватывает широкий спектр названий идеологических или мифологически-религиозных представлений древних, природных стихий и объектов ландшафта, видов растительного мира, домашних и диких животных, человека и его социальных, родственных отношений, наименований частей тела, признаков объекта (прилагательные),

глаголов движения и восприятия, разрядов местоимения и частиц, а также древнейших топонимических и антропонимических названий. Это не только общие культурные термины, но и весьма обширный корпус основного или базисного словарного фонда ближневосточных языков, указывающий на былые особо тесные контакты и субстратные и адстратные отношения между ними в пределах отстаиваемого нами единого языкового союза.

В составленном нами сравнительном словаре общие или параллельные лексические праформы между тюркскими и другими языками, особенно индоевропейскими, отнюдь не означают пасовку с нашей стороны или попадание под давление пресловутого индоевропеизма, рецидивы которого ощущаются ещё и сегодня. Мы полностью солидарны с весьма разумным высказыванием крупного специалиста по индоевропеистике *А. Мейе*, которое гласит: «Одна из самых грубых и чаще всего встречающихся ошибок состоит в убеждении, что всякое слово санскритского, греческого, германского и других языков, не заимствованное из известных нам языков, должно быть индоевропейским: никто прямо не выставляет такого нелепого принципа, но искать, как это часто делается, индоевропейского объяснения всех слов, каждого слова - это значит рассуждать так, как будто этот принцип принимается» [127, с. 437-438].

6. Архидревность и загадочность определённой части общетюркской базовой лексики¹⁰ объясняется различными факторами: 1) наличием общих исходных лексических корней с давно вымершими неностратическими языками (- божество неба; *aja/aj* - божество, связанное с Луной; - небо; *kud/kot* - душа, дух; *sij/sue/seu/sub* - вода; *all/al* - высота, гора; 2) древним лексико-семантическим параллелизмом с индоевропейскими и ностратическими языками (*ud/ut* - бык; *qutH godi* - лошадь; *atA/am* - ослица > лошадь; *taur/tuvar* - скот; *zrq/ capык* - овца; *gas/qus* - птица; *kln/kelin* - невеста; *kuda/goda* - сват); 3) уцелением извечных архетипов, обозначавших перво-предметы и изначальную примитивную форму какой-либо деятельности, которые в дальнейшем стали основой для выражения названий уже более совершенных эволюционно-стадиальных изменений в тех же сферах (*ka/kap(кан)* -

сосуд из листьев > деревянная чаша > горшок, блюда из керамики > сосуд из любого материала, кувшин, бурдюк, куль; *ka* (сосуд) + *Бак/бак* (тыква, бутылка) = сосуд-тыква > посуда; *hb/haba* - мотыжить, мотыга > *hb*- плуг; *abil* - мотыга > *saban* - плуг; *sak* - заострённый колышек > *sak* - мотыга, пахать > *sk/sakak* - обрабатывать землю, пахать, боронить > *suka* - сеять > *hoha* - соха > *suqa/huka* - деревянный плуг, плуг). Все эти удивительные факты, генетические истоки которых нам не были известны и уже давно забыты, восстанавливают перед нами портрет ранней, даже первоначальной культуры наших пращуров и демонстрируют звенья и цепочку дальнейшего их развития.

В тюркском и алтайских языках сохранились также связанные непосредственно с ареалом Ближнего Востока параллельные первичные основы синкретических пракорней, когда ещё имя и глагол в грамматическом плане строго не дифференцировались. Иначе говоря, эти односложные и двусложные корни являются древнейшими реликтами, в которых заключено название предмета или явления и название связанного с ним процесса и действия. Таковы, например, слова-праформы *gac/gdc/ koc* - кочующий род, кочёвка, кочевье, кочевать; *aq/ag/iq* - поток, река, течь; *juk/joh/jik/zik* - ярмо, сбруя, запрягать, а также вышеприведённая связка *sak*-заострённый колышек —> мотыга —» соха —» обрабатывать землю —> пахать.

В ближневосточных языках, побывавших с прототюрками в общем языковом союзе, сохранились также и архаические общие корни с утерянными или не фиксированными у тюрков ранними значениями: *zow* (куш.) - дождь, *qut* - божество, охраняющее душу, течь ~ *su/seu* (и.-е.) - лить, течь и т. д. Показательно и весьма интересно также то, что семитский общеареальный корень *eṣ*, означающий в общетюркском «работу», довёл до наших дней исконное, первоначальное его значение: страдание > мука > тяжёлый труд.

7. Теории как ностратической, так и индоевропейской макросемей не в силах разъяснить поразительную общность собранной и систематизированной нами базовой и культурной лексики ранних тюрков (охватывающей культовую и сакральную терминологию, названия ландшафта и стихийных сил природы, наименования частей человеческого тела и родственных

отношений и др.), которая связана с древним Ближневосточным ареалом. Ибо обе эти теории, на наш взгляд, необоснованно отрывают прототюрков от их первоначального местопребывания и переносят его на крайне восточную территорию - либо в Центральную Азию, либо, в лучшем случае, в Среднюю Азию. При этом делается упрощённый и односторонний вывод о том, что предки тюрков сходные слова якобы заимствовали напрямую или через промежуточные диалекты из западно-ностратических языков или же, главным образом, из индоевропейских народов, эмигрировавших после распада праязыка на восток.

Таким образом, получается поразительная ситуация: такие термины, как *kun* - солнце, день, *kok* - небо, *aj* - луна, *~ ulug* - много (Рона-Таш) *~ aui* - пища *~* - птица *~* соловей *~ hari* - жёлтый *~ aq/ok/okuz* - поток, река *~* - человек *~ qari* - старый, старик *~ qiz* - девушка *~ but* - бедро *~ bori* - волк *~ sol* - левый *~ bis* - пять *~ tdr(e)* - почётное место, трактуются в основном как заимствованные слова, притом некоторые из них возводятся к сравнительно поздним периодам. Выходит, в создании общих слов и основных терминов своего базового лексического фонда предки тюрков сами не участвовали?! Но такая концепция, трактующая схожие лексемы как результат миграционной или, точнее, «ползуявно не согласуется с архидревним лексико-семантическим словарём Ближнего Востока, включающим в себя, помимо общего лексического корпуса, также и многочисленные архетипы из неиндоевропейских и неностратических языков. На деле в центре этого словообразовательного и плоттогонического процесса, безусловно, находились и племена прототюркского массива.

Неучёт или игнорирование тюркского фактора оставляет в тени весьма важные данные, позволяющие раскрывать ранние переселения и межэтнические контакты, включая взаимообщение протюрков на юге Средней Азии с арийцами. Так, в одном из гимнов «Ригведы», посвящённом главе арийского пантеона богу Индре, содержится такое выражение: «Ты, Великий, пробил насквозь челюсти (?) Вритры» (Вритра - мифическая змея, запрудившая водные источники). На месте лексемы, оговорённой переводчиком и исследователем как неясное слово и переведённой под вопросом как «челюсти», в

оригинале текста стоит слово *рсиу-уа* [64, с. 73, 578]. Это, конечно, зафиксированное впервые 4 - 3,5 тысячи лет назад тюркское слово «баш» (с индоиранским суффиксом винительного падежа *уа/ја*) - голова! В том же гимне присутствует также неизвестное составителям книги другое тюркское слово *kξo-ni/kξo-nir* (с аффиксами принадлежности и множественного числа) со значениями «человек», «люди», которому соответствуют ностратические параллели из Передней Азии *kaci* (картв.: груз.) ~ *koci* (мегр.) - человек (сравните с тюркским *kisi* с таким же значением).

8. Опыт составления сравнительно-исторического словаря

показывает довольно высокую сохранность исконного корневого фонда даже при очень глубокой древности распада Ближневосточного межъязыкового союза. Это касается не только давно вымерших языков этого ареала, но также и обширного круга диалектов и народов семито-хамитской (афразийской) макросемьи, которые в настоящее время населяют территории Юго-Западной Азии и Северной Африки. Наряду с воззрениями, размещающими прародину афразийских языков в Северной Африке (И. М. Дьяконов) или на Аравийском полуострове, есть также концептуальный взгляд, связывающий первоначальное местопребывание семито-хамитов с Передней Азией. В частности, А. Ю. Милитарёв, опираясь на выявленные им шумерокушитские, шумеро-чадские, а также египто-аккадские и северокавказские лексические схождения, полагает, что афразийцы, в том числе носители будущих хамитских диалектов, прежде чем попасть на Африканский континент, заселяли какие-то области Передней Азии [31, с. 114; 333, с. 19-20]. На наш взгляд, эта концепция представляется нам более приемлемой. Но такой взгляд, конечно, отнюдь не отрицает общепринятого постулата современной науки о том, что человеческий род первоначально появился в Африканском континенте.

В ареальном сравнительно-историческом словаре на долю хамитских языков приходится довольно большой процент лексикосемантических схождений. И это ещё при той стадии изучения общих праформ, когда из задуманных Институтом Востоковедения РАН десяти-двенадцати книжек (каждая по шесть-

восемь авторских листов) общеафразийского сравнительно-исторического словаря пока что вышли, насколько нам известно, всего три выпуска. Значит, впереди нас ждут новые лексико-этимологические сюрпризы, которые станут ценными источниками для дальнейших поисков и неожиданных свершений в заложенном нами направлении.

9. Названный нами прототюрками языковой массив на деле состоял из близких по структуре языков, в основном агглютинативных, которые носили различные названия. Они представляли собой этнические компоненты или, если исходить из их близости друг к другу, диалекты формирующегося «праязыка» единого массива. Как отметил в своё время крупнейший специалист по Востоку, языковед и историк *И. М. Дьяконов*: «*мин «праязык» - это условность, его следует понимать лишь как более или менее очерченный континуум (т. е. неразрывный и непрерывный процесс. -М. Б.) близких диалектов и говоров, а не как язык в собственном смысле слова*» [771]. Этот языковой массив алтайско-тюркского типа складывался, естественно, в пределах сравнительно единого географического пространства на Ближнем Востоке и в условиях длительного сосуществования и взаимного общения, а также соперничества различных диалектов и говоров, вследствие чего победителем вышли языки агглютинативного строя. Именно они, доминируя и одолевая флективные тенденции в своих рядах, а также заражая и обогащая друг друга схожими напластованиями, **стали генетически родственными языками.** Такие языки на Ближнем Востоке оказались самыми старшими и сохранили приобретённую и родственную архаическую лексику и структурные особенности, как это будет видно из материала в специальных разделах, в своеобразном словарном фонде и структурном строе этих языков. Смежная и общая с древнетюркскими и общетюркскими языками лексика засвидетельствована как в древнейших письменных источниках Передней Азии, так и в живых, но архидревних языках Северной, Восточной и Центральной части Африки. Считается, что они общие с прототюркским языком изоглоссы унесли в эти регионы из Передней Азии ещё в глубокой древности.

10. Отстаиваемая нами теория о Ближневосточном языковом ареальном союзе с участием прототюрков влечёт за собой уяснение вопроса об отношении к носителям так называемых алтайских языков - особенно к монголам, тунгу со-маньжурам, японцам, корейцам, параллельные лексические схождения которых нашли отражение в сравнительно-историческом словаре. Мы придерживаемся концептуального мнения, согласно которому монголы находились на крайне восточной периферии (в Среднем Туркестане) общеностратического единства, а тунгусо-маньжур - ещё восточнее, и алтайское языковое единство как культурно-контактный ареальный союз образовалось после миграции прототюрков с Ближнего Востока. Таким образом, часть общих с этим ареалом исконных лексем они (монголы, тунгусо-маньжур) заимствовали именно через древние тюркские диалекты, игравшие роль передатчика - промежуточного звена в ареале нового языкового союза и вторичной их прародины.

Что же касается феноменальной общности сверххраняемых лексем Ближнего Востока и американских индейцев, то это, безусловно, объясняется самой ранней миграционной волной с Запада на Восток, которая произошла, по всем расчётам, на базе изначального доисторического субстрата и адстрата прототюрков в бассейне Средиземноморья и которая по пути своего затяжного многовекового движения и контактирования подвергалась частичному смешению и монголизации переселенцев, а также пополнилась изоглосными включениями из ранних диалектов урало-алтайского типа. Согласно ностратической теории, первоначальный регион стыковки западно-ностратических языков с угро-финнами (уральцами) приходился на Среднюю Азию, да и по результатам исследований *Т. В. Гамкрелидзе* и *Вяч. Вс. Иванова* перекрёстная связь первых индоевропейцев с диалектами прауральцев происходила не в Передней Азии, а в том же регионе [12 (2), с. 921-928, 936-938]. Это обстоятельство лишний раз усиливает и подтверждает нашу концепцию, проливая свет на субстратную и адстратную роль прототюрков в вышеназванном языковом союзе на древнем Ближнем Востоке.

Часть вторая. Этническая идентификация прото-и пратюркского мира на основе комплексных признаков

1. Предварительные аргументы в пользу Ближневосточного ареала как первоначальной прародины прототюрков

Составленный нами корпус древнейших лексикосемантических схождений и соответствий, охватывающий основные обозначения фауны и флоры, культурной и хозяйственной деятельности человека, наглядно и твёрдо указывает на Древний Восток как на ареал первоначального обитания прототюрков. Всем языковым комплексом подтверждается высказанное в своё время в форме гипотезы крупными компаративистами (*Н. С. Трубецкой, С. 77. Толстов, Э. Форрер, К. Х. Улуцбек*) предположение, что в образовании индоевропейской макросемьи участвовали две группы языков, условно названных: 1) «средиземноморской группой», представленной кавказскими, семито-хамитскими семьями, и некоторыми вымершими языками Малой Азии, и 2) «группой урало-алтайского строя» [359, с. 3-5].

Если в географическом плане объединить эту теорию с современной концепцией *Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова* о локализации прародины индоевропейцев в Передней Азии, то весьма логично размещать также и прародину «урало-алтайцев» там же. В данном случае под алтайцами мы подразумеваем прототюрков, поскольку, на наш взгляд, алтайская семья языков, по существу, сложилась только после миграции прототюрков и взаимодействия их в составе нового ареального союза с монголо-тунгусо-маньчжурскими племенами на территории Центральной Азии и Восточной Сибири. Этим объясняется отсутствие у данных народов общих названий чисел, малочисленность схожих с тунгусо-маньчурами слов, означающих родственные отношения и базовой лексики вообще, и обилие инновационных тюркских включений и изоглосс культурного порядка в их словарном фонде.

Что же касается так называемых «уральцев», т. е. угро-финского единства, то определённая его часть (угры), как считают иные исследователи, обитала в Средней Азии и на смежной северо-восточной территории Ирана, отождествляя эту общность с кельтеминарской культурой [360, с. 11]. Для нашей темы показательным то, что какая-то часть уральцев совместно с прототюрками находились в одном генетико-контактном ареале на Ближнем Востоке. Однако в силу того, что угры оказались на восточной периферии ареала, их параллельные изоглоссы с языками древнего Ближнего Востока, судя по лингвистическим исследованиям, многократно меньше, чем у предков тюрков. Двустороннее взаимодействие их на юге с племенами Передней Азии и Северной Африки фактически происходило, если оно и было, через посредство прототюрков, скрывающихся под различными этнонимами (об этом предметно конкретнее - в специальных разделах дальше), поскольку последние непосредственно соседствовали и близко общались с различными языками своего ареального союза.

Мы полагаем, что основная лексическая доля, внесённая угро-финнами в общую языковую копилку индоевропейцев, связана, главным образом, не столько с регионом Средней Азии (там, например, угорских топонимов почему-то не обнаружено [364, с. 189]), а с северо-востоком Европы, где «индоевропейские языки накладывались на угро-финский субстрат». Элементы такого субстратного воздействия исследователи обнаруживают в германских, балтийских и славянских языках [363, с. 15-17, 173]. Так что «урало-алтайская группа», трактованная *Н. С. Трубецким* априорно (точнее, исходя из структурнотипологического сходства двух семей-языков в парной связке) в качестве одного из источников формирования индоевропейской макросемьи, на деле распадается на две группы, и при этом ведущая и основная роль в данном плоттогоническом процессе на Ближнем Востоке, надо думать, выпадает на долю прототюрков.

Оригинальная концепция о распространении индоевропейских диалектов и так называемых алтайцев с Ближнего Востока была сформулирована американским ориенталистом *К. Ренфрю*. В частности, он миграцию этих народностей и племён обуславливает

появлением в Передней Азии навыков производящего хозяйства, а также domesticiрованных растений и животных из Анатолии - центра их одомашнивания [365 (1); 366, с. 4-5]. Попутно нужно указать на труды В. А. которые археологическими данными подтверждают распространение производящего хозяйства (сначала овец и коз, а потом крупного рогатого скота и зерновых) с Ближнего Востока, включая Анатолию, районы Загроса и Аравии, а также Западные области Ирана [367 (1, 2)]. Согласно своим взглядам с теорией ностратической макросемьи, К. Ренфрю пишет: «В высшей степени любопытно, что приводимые нами аргументы должны были бы поместить соответственно индоевропейскую, афразийскую, эламско-дравидскую и алтайскую прародину в пределах довольно ограниченной срединной части Ближнего Востока. Если эти языковые семьи и в самом деле родственные, то данные археологии заставляют считать ностратическим праязыком, на котором говорило население этого ареала, вероятно, за несколько тысячелетий до дисперсионной фазы, т. е. примерно между VIII и VI тысячелетиями до н. э.» [365, с. 118].

Но наша концепция о генетико-контактном ареальном союзе, куда входили и прототюрки, включает также и неностратические языки Ближнего Востока (в историкосравнительном словаре мы их почти всюду намеренно отмечали), следовательно, это языковое объединение, судя по значимым и базовым лексическим соответствиям, **было шире ностратического праязыкового единства.** Хотя нельзя, конечно, исключать того обстоятельства, что, по соображению некоторых лингвистов (М. Л. Палмайрис, М. З. За), хурритский и урартский языки Передней Азии и индийские языки Америки соответственно также обладали общеностратическими признаками, которые не были учтены В. М. Илличем-Свитычем [6, с. 55; 251, с. 23].

Археологами выделена **убейдская культура** эпохи энеолита (конец VI и первой половины IV тысячелетия до н. э.) в Месопотамии, на основе которой сложилась цивилизация Шумера [БСЭ, т. 30, с. 154]. Особый интерес представляет то, что традиции этой культуры (крашеная керамика, поселения из сырцовых домов, своеобразные статуэтки и посуда с монохромной росписью) обнаружены и в

археологических слоях конца IV и III тысячелетия до н. э. на юго-западе Средней Азии. Известные отечественные историки и археологи *Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский и В. М. Массон* объясняют эту общность не только воздействием (через эламскую культуру), но и проникновением в западные поселения племён с Иранского плато [368, с. 413-422; 369, с. 433-434]. Вместе с тем эти же авторы указывают на пестроту населения производящих общин Ирана и Средней Азии, сложившихся в результате многочисленных скрещений и ассимиляций. Кстати, древнее население Шумера также не было однородным в этническом отношении.

Ряд исследователей древности (*Н. Л. Членова, Л. С. Васильев, Э. А. Новгородова* и др.) истоки **карасукской археологической культуры** (определённые типы стрел, ножей, конского убора, керамики), распространённой в Центральной Азии, и её носителей связывают также с Передним Востоком. В частности, *Н. Л. Членова* пишет: «Признание этнической и антропологической близости людей Сиалка А-В (Сиалк - остатки многочисленного поселения V-I тыс. до н. э. в Иране) позволяет поставить вопрос и об их языковом родстве». Далее автор в форме постановки вопроса сближает предполагаемый язык карасукцев с языками кавказцев, хаттов, урартов, хурритов и др. [370, с. 332]. *М. И. Артамонов* также генетические корни карасукской культуры видит на Ближнем Востоке, связывая их с пришельцами брахикранного типа европеоидной расы [371, с. 86, 88-90]. *Г. В. Рыкушина* же вслед за антропологом *В. 77. вым* называет этот расовый тип средиземноморским и выражает сожаление о том, что сторонники версии юго-восточного происхождения карасукской культуры часто игнорируют результаты исследования антрополога Алексева [372, с. 47].

Карасукская культура, связанная с Западом, позднее была освоена населением Монголии, Северного Китая, Забайкалья, Западной Сибири и Средней Азии, поэтому среди её населения были представители различных антропологических типов. Хун-ны были последним этносом, который доживал свой век, будучи носителем этой своеобразной культуры.

Необходимо указать на ещё одну **архаическую культуру** - так называемую **катакомбную**, которая характеризуется захоронением

умерших в подкурганых склепах, специальных погребальных камерах, снабжённых общим и локальным инвентарём. Древнейшие корни этой культуры (конец III и 3-я четверть II тыс. до н. э.), по мнению известных учёных, восходят всё к тому же ареалу - территории Передней Азии. Говоря точнее, её появление в Среднем Причерноморье и Поволжье связывается с приходом из Средиземноморья новой группы племён (В. А.), а также влиянием погребальных традиций Египта (В. В. *Щенко*, С. Ж. *Пустовалов*) и Северного Кавказа (М. И. *Артамонов*) [см. 373, с. 273-274; 374, с. 77-81]. Эти версии подтверждает и антрополог Г. Ф. *Дебец*: «Катакомбная культура, по крайней мере, в известной её части, является не просто этапом развития общества, но связана с расселением какой-то этнической группы, включающей в себя брахикранный элемент» [376, с. 104]. Согласно его утверждению, а также по мнению другого антрополога В. В. *Гинзбурга*, европеоидный брахикранный ствол (короткоголовый тип! сформировался в результате брахикефализации южной ветви средиземноморской расы и с участием представителей местного северо-восточного населения Евразии [см. 370, с. 385].

Традиции классической катакомбной культуры как бы возобновились, получив своеобразное продолжение и развитие в среде новых, хронологически поздних этносов Причерноморского Дагестана, Барсиллии (Беленджер) на Кавказе, а также в Поддолье и Приазовье. Как утверждают историки, это были хазары, гунно-савирские племена, барсилы-болгары и отюрченные аланы [375, с. 87, 90-91].

Обзор ранних миграций и распространения производящего хозяйства из Ближнего Востока во взаимосвязи с археологическими культурами хочется завершить, остановившись на так называемом «зверином стиле» в древнем искусстве. По мнению М. И. *Артамонова*, Н. Л. *Членовой* и Э. А. *Новгородовой*, зарождение этого стиля материальной культуры, отличительной чертой которого было изображение животных в движении, в сценах «терзания» и борьбы зверей, следует искать в карасукской эпохе - эпохе колесниц. Это было время становления скотоводческих хозяйств. И, очевидно, не случайно зачатки «звериного стиля» появляются в период формирования кочевого скотоводства. Ибо это была эпоха ранних и

больших передвижений народов, время тесных контактов. Весьма симптоматичен и тот факт, что именно в это время возросшей мобильности в Монголии появились и колесницы с Запада [378 (1), с. 225]. Гипотеза же автохтонного происхождения многих элементов (именно элементов! — М. скифской культуры), включающей и «звериный стиль», отстаивается в работах *Б. Н. Гракова, А. И. Мелюковой* и других [500, с. 307].

В отношении «звериного стиля» особый интерес представляет необычайное сходство бронзовых предметов (оружие, конский убор) из Древнего Нуристана, являвшегося металлургической областью на Западе Ирана, с аналогичными предметами Ордосского плато, расположенного на большой излучине реки Хуанхэ в Китае, где ранние хунну-сюнны занимались кочевым скотоводством (особенно овцеводством и коневодством). Археологами был сделан вывод о том, что прототипы большинства этих вещей находятся именно в Иране и Месопотамском Двуречье и восходят к концу IV и периоду III тыс. до н. э. Сходства древних культур Передней Азии, Сибири, Кавказа и Северного Китая, включая карасукскую и катакомбную культуры, *Н. Л. Членова* и *Е. Е. Кузьмина* объясняют не только общностью хозяйства этих регионов, но и растеканием индоевропейских и неиндоевропейских племён из Западной Азии на север и восток [379, с. 325-326; 381, с. 4-8].

Перечень общих и схожих культурно-археологических предметов в Восточной Азии, интерпретируемых ранними перемещениями их из Средиземноморья, *А. Н. Бернштам* со своей стороны дополняет включением в этот же комплекс погребальных масок из Енисея, идентичных с масками этрусков [382, с. 48].

В заключение предварительного обзора о взаимоотношениях Запада и Востока не могу не напомнить слова корифея российской археологии академика А. 77. , которые как нельзя лучше обобщают эту тему в русле достижений археологической науки и на примере исследовавшегося им в течение многих лет региона: «Черты культурной общности между древнейшим населением Приенисейского края и Зап. Сибири (с Приуральем) в конце неолита и в бронзовом веке объясняются не столько контактом культур и проникновением отдельных вещей или заимствованием

видов орнамента, приёмов изготовления посуды, т. е. не столько «диффузией» культурных элементов, сколько **проникновением на восток определённой группы западных племён. Проникновение это отмечается в неолите и продолжалось в эпоху бронзы, а также, видимо, и позже**» [383, с. 52].

Лично мы не сомневаемся в том, что среди пришельцев в разные периоды с Запада были и *прототюрки*, дальние предки современных тюркских народов. Разрабатывая свою гипотетическую «яфетическую теорию», ещё гениальный языковед *Н. Я. Марр* проницательно предугадал, что первоначальным регионом формирования тюркских языков был именно Древний Ближний Восток, в промежуточный «колыбель человечества». **«Турки (тюрки) двинулись впервые из прародины Средиземноморья в Азию, и если говорить о прародине турок всерьёз, то она не в Средней Азии или Северной Якутии, а в Средиземноморье.** <...> На яфетических кораблях всем найдётся место. Индоевропейские языки [также] произошли из яфетических (средиземноморских) языков» - таково дерзкое заключение// *Я. Марра* [501, с. 55-56; 502, с. 187].

Кстати, и на крупной научной конференции «Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока», проведённой Институтом Востоковедения АН СССР в 1985 г., в докладах и прениях в один голос подчёркивалось, что все засвидетельствованные культурные и лингвистические влияния в огромном регионе от Балкан до Поволжья распространялись в IV—III тыс. до н. э. в основном с запада на восток, а не с востока на запад, как утверждала американский археолог М. Гимбутас. По поводу её гипотетических построений на конференции был высказан целый ряд критических замечаний [384 (2), с. 14].

Но всё это вовсе не означает, что этнические передвижения на территории Евразии с Востока на Запад раньше не происходили. Как утверждают антропологи, население с монголоидной примесью проникло в регионы Средней Азии и Казахстана ещё на рубеже нашей эры, даже раньше [397, с. 203], и некоторые группы из них справедливо связываются с ранними тюрками. Но дальше рубежа Средней Азии, т. е. в направлении Передней Азии и Средиземноморья, восточные племена монголоидной расы не

мигрировали, иначе бы, в силу того что последний антропологический тип буквально за несколько поколений способен полностью подавлять европеоидный тип, в обширных владениях Передней Азии и Ближнего Востока уже издавна проживали бы народы, относящиеся к монголоидному стволу.

Этот чрезвычайно весомый антропологический показатель не допускает даже мысли о возможном проникновении многогранной прототюркской лексики (часть которой общая с лексикой афразийцев!) на запад и потом обратно на восток с монголоидными пришельцами и прочно и неопровержимо аргументирует и доказывает ближневосточное происхождение тюркского языка и самых ранних его носителей.

Состоялись и очень крупные миграции, но они происходили позже, в исторически обозреваемые и письменно фиксированные периоды. Самая крупная из них, происходившая в IV-VII вв., называется Великим переселением народов, которое началось с передвижения гуннов с Приуралья на Запад. Перейдя Волгу (согласно другой версии, по Карчинскому проливу Азовское море), они обрушились на готтов, а затем совершили набеги на Сирию и Каппадокию. Походы гуннов привели в движение германские, англо-сакские племена, а сами гунны при Аттиле (годы правления 434-453) пытались овладеть Галлией и Италией, устроили знаменитую Каталаунскую битву. Согласно историческим источникам, гунно-тюркские племена, в том числе племена болгар и хазар, засвидетельствованы также в Средней Азии и обосновались на территории Переднеазиатского Кавказа [385, с. 196, 203-204; 293, с. 58, 100-113].

На завершающем этапе переселений славяне, поддерживаемые тюркоязычными аварами и протоболгарами, начали закрепляться на Балканском полуострове и создали там свои княжества [БСЭ, IV, с. 454].

Последствия Великого переселения народов были чрезвычайно велики. Оно способствовало падению рабовладельческого строя в Римской империи и формированию прогрессивных отношений на огромных территориях Запада. Собственно гунны и народы, входившие в состав гуннской конфедерации, сыграли определённую роль в этногенезе и лексическими включениями в общеязыковом фонде

некоторых современных народов Дагестана, а также Восточной и Средней Европы. Подчёркивая катализаторскую роль гуннов в том историческом периоде, Ф. Энгельс писал, что они были теми «варварами», которые «вдохнули новую жизненную силу в умирающую Европу» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.; т. 16, ч. 1, с. 132].

2. Реальный и предвзятый антропологический облик хунну-гуннов и древних тюрков

Как мы убедились на материале анализа археологических культур в их связи и соотношении с определёнными антропологическими данными, эти две дисциплины, дополняющие друг друга, играют огромную роль в этногенетических материалах, добытых археологическими раскопками, помогают установить их местное (автохтонное) или пришлое происхождение, они же способствуют решению вопросов этногенеза и культурных, родственных связей между народами, хронологически и территориально чрезмерно отдалённых друг от друга.

Сравнительное изучение палеоантропологических материалов эпохи неолита, бронзы и раннего железа с территории Южной Сибири и Монголии выявило широкие контакты между населением, входящим в эту огромную область, а также постоянный приток европеоидов с запада и их постоянное смешение с монголоидами. Результатом этого смешения было формирование монголоидных групп, отличающихся промежуточным комплексом антропологических признаков [393, с. 237].

Исходя из отстаиваемой нами концепции о ближневосточном происхождении прототюрков мы полагаем, что они по физическому типу, безусловно, принадлежали к большой европеоидной расе, поскольку для древних народов, вышедших из Передней Азии и с Ближнего Востока, был характерен с определёнными изменениями именно этот расовый ствол. Европеоидная раса на этих территориях имела, по большому счёту, два типа: брахикранный (круглоголовость) и долихокранный (длинноголовость), не считая смешанные и промежуточные варианты [386, с. 78].

Носители ранних тюркских диалектов в течение своей долгой истории взаимодействовали или смешивались с различными популяциями этого ствола, в результате чего они стали относиться к различным антропологическим типам: азербайджанцы и туркмены - к каспийской или, по другой терминологии, восточносредиземноморской группе (туркменам позже прибавился в значительной доли монгольский компонент), карачай-балкарцы - к кавкасионному типу, кумыки - к смешанному типу каспийской и кавкасионской групп, болгары - к понтийскому типу, татары-мишаре - к более светлому варианту этого же типа [385, с. 127— 129, 195,203-204].

Понтийский тип большого европеоидного ствола сложился на базе многочисленных локальных типов верхнего палеолита, вероятно, в эпоху неолита в Восточном Средиземноморье. Принадлежность к этому типу свидетельствует об общности происхождения с народами Восточного Средиземноморья, но никак не может рассматриваться как аргумент в пользу общего происхождения с народами всего Средиземноморского бассейна в целом [там же, с. 131].

Европеоидные расы, в том числе их средиземноморская ветвь, включающая и переднеазиатскую расу, в зависимости от уровня пигментации подразделяется на группы: южную - со смуглой кожей, тёмными глазами и волосами; северную - со светлой кожей, значительной долей светлых глаз и волос; промежуточную - для которой характерна среднеинтенсивная пигментация. Эти же группы в разных пропорциях сочетаются с популяциями разной формы головы: относительно длинноголовые (долихоцефалия) и короткоголовые (брахикефалия), имеющими различные варианты и названия [БСЭ, т. 21, с. 502].

Как утверждает антрополог *В. В. Бунак*, брахикранный расовый тип имел довольно широкое распространение, особенно в северо-восточных регионах, включая Иран и смежные с ним районы [386, с. 78-79]. В Средней Азии, например, узбеки относятся к памиро-ферганскому типу, отличающемуся относительно тёмной пигментацией, узким, выступающим носом и брахикефалией.

Заселение региона нынешнего Казахстана в нижнем и среднем палеолите первоначально проходило также со стороны Западной

Азии. На материале комплекса общих и идентичных археологических предметов сделан соответствующий вывод, что «на территории Центрального Казахстана в конце среднего палеолита обитало население, поддерживающее средиземноморские традиции и, следовательно, ближневосточного происхождения» [388, с. 134]. Как подчёркивается в антропологических исследованиях, в регионах Средней Азии (Ферганская долина, Бухарский оазис, частично Хорезм) «большинство изучаемых черепов эпохи энеолита и бронзы принадлежат средиземноморскому типу. Имеются также черепа промежуточного типа, в которых смешаны черты средиземноморского долихокранного и брахикранного типов» [410, с. 205].

Встаёт закономерный вопрос: а как объяснить монголоидные черты у узбеков, казахов и особенно хунну-гуннов, последние из которых большинством исследователей считаются пратюрками, т. е. предками современных тюркоязычных народов? Вот тут-то мы сталкиваемся с твёрдо укоренившимся в авторитетных кругах стереотипом, точнее, неисторическим, мы бы сказали, предвзятым отношением к этногенезу и антропогенезу тюрков. Оно заключается в том, что предки тюрков хунну-гунны, которые бывали в ареале Северного Китая, Монголии и Забайкалья, по расовым признакам якобы исконно были монголоидами. А их потомки тюрки как отдельный народ будто бы сформировались позже, уже на Алтае и монголоидный облик якобы унаследовали от них.

Однако учёные, привыкшие стереотипно мыслить, серьёзно не задумываются над тем, как это азербайджанцы, карачай-балкарцы или кумыки без всякой монголоидной примеси умудрились стать тюркоязычными. Ведь характерные для этих народов антропологические типы абсолютно не содержат следов слияния с монголоидными популяциями. И самое главное: как объяснить феномен столь масштабной и удалённой от нас огромным расстоянием и бездной времени языковой общности между тюрками и мёртвыми и живыми народами Ближнего Востока и Передней Азии, не говоря уже о расовой преемственности между ними?

Однобокая и необъективная, на наш взгляд, версия о ранних тюрках как аксиома вкралась даже в новейший труд «История татар с

древнейших времён» (Казань, 2002. Т. 1.), выпущенный Институтом истории имени Ш. Марджани. В нём автор раздела «Гунны на Востоке и на Западе» *С. Г. Клягиторный* такие художественные материалы, как изображения голов воинов в монголоидном облике на мраморе гробницы китайского военачальника Хо Цюй-бина (II в. до н. э.), выдаёт за реальное изображение гуннов, т. е., придавая этим изображениям эталонное значение (?!), считает хунну-гуннов истинными монголоидами [389, с. 130-131].

Между тем из культурно-исторических традиций древнего Востока хорошо известно, что на изображения и иконографию накладывали свой отпечаток религиозные каноны и условные стилистические приёмы того времени. Так, «религиозный канон (например, буддийский. - *М. Б.*), который, будучи исключительно близок созерцателям древнего искусства, в то же время остраивает для нас все человеческие лица на древних фресках». «Скажем, для древнего художника узкая глазная щель могла быть простым стилистическим приёмом, не больше, а мы, обогащённые нашим знанием антропологических вариаций в составе современного населения, будем трактовать её как монголоидный признак. Историческая правда в этом случае будет не на нашей стороне» [307, с. 400].

Именно в силу условных канонов в настенной росписи храмов Восточного Туркестана знатные люди, а также буддийские донаторы-уйгуры изображены в монголоидном облике - с круглыми широкими лицами и узкими глазами, что явно противоречит антропологическому облику уйгуров, поскольку извлечённые из уйгурских погребальных сооружений и катакомб «черепки демонстрируют промежуточный европеоидно-монгольский комплекс признаков с преобладанием европеоидности и в сочетании с брахикранией». *В. 77. Алексеев* считает, что антропологический облик уйгуров формировался на основе европеоидного компонента, широко распространённого в древности в Центральной Азии, а монголоидную примесь они получили за счёт генетических контактов с монголоидным населением Монголии, Тувы и Забайкалья [там же, с. 397-398].

Здесь нужно сделать оговорку или, точнее, существенное дополнение к сказанному. В капитальных исследованиях всех ведущих антропологов (*Г. Ф. Де В. В.* , да и, собственно, *В. 77.*

Алексеев) отмечается, что **древние тюрки на территориях своего расселения (забайкальские и монгольские степи) имели значительную европеоидную примесь.** Вместе с тем и в других местах их обитания, в том числе на востоке Казахстана, на Алтае и в Туве, при преобладании в целом монголоидноеTM, на палеоантропологическом материале отчётливо фиксируется расовая неоднородность и **значительная европеоидная примесь** (*В. В. Гинзбург, В. 77.*) [390, с. 178].

Продолжая своё размышление, обратимся теперь к расовому типу собственно хунну-гуннов. Сначала выдержки из исследования *В. В. Гинзбурга*: **«Южные гунны обладали ясно выраженным европеоидным расовым типом,** свойственным и некоторым другим народам Средней Азии. Расовый тип северных гуннов в Средней Азии характеризуется примесью монголоидных черт. Какой монголоидный тип принял участие в формировании расового типа гуннов Средней Азии, мы сказать ещё не можем... Расовый тип гуннов, захороненных в курганах Тянь-ТТТаня и Алтая, европеоидный с незначительной примесью монголоидного» [391, с. 382, 388].

Как видим, уже в пятидесятые годы прошлого века формировался научно обоснованный взгляд на расовый тип хуннов. Правда, монгольский антрополог *Д.* намеренно пытался поддержать стереотипный взгляд на монголоидный характер расового типа хунну древней Монголии и распространить своё видение и на другие регионы [392, с. 93-94].

Однако выводы коллективного труда с участием этого же исследователя (!), появившегося чуть позже, сделаны весьма объективно, в русле восстановления истины: **«В Центральной Монголии наличие европеоидной примеси становится очевидным, но в силу традиции отнесения хунну к «палеосибирскому типу» эти находки рассматривались как артефакты.** Их охотно использовали для иллюстрации глубокого проникновения европеоидов в глубь Центральной Азии, но не включали в суммарные средние по хунну Монголии, для чего нет решительно никаких оснований. **В результате в антропологической литературе возобладала точка зрения о выраженной монголоидности и антропологической однородности хунну. Последнее, во-первых, неверно, во-вторых -**

противоречит всему, что известно о хунну по письменным источникам, в-третьих, не согласуется с историей формирования антропологического состава более древних эпох» [293, с. 236-237].

Авторы эту объективную, отвергающую прежние предвзятые точки зрения концепцию распространяют на все регионы, где когда-то обитали хунну, включая и Забайкалье. Такое непредубеждённое заключение, полученное на основе новой методики, почему-то выпало из поля зрения *С. Г. Кляшторного*.

Попутно необходимо высказать своё отношение к трудам некоторых авторов, из подтекста или же недвусмысленных утверждений которых всё же вытекает однозначное, точнее, традиционное стереотипное умозаключение, что племена хунну первоначально действительно якобы относились к восточной монголоидной расе, что лишь вследствие смешения с европеоидами они изменили свой физический облик.

Однако такой банальный взгляд явно не согласуется ни с языковыми реалиями, восходящими к ближневосточным праформам, ни с исторической реальностью распространения европеоидных расовых типов из Средиземноморья (включая популяции с выступающим носом и круглоголовостью, понтийский тип со светлой и тёмной пигментацией и т. п.), не говоря уже о том, что он не увязывается также с древними археологическими культурами, сложившимися, как утверждают археологи, при участии пришедших с Запада европеоидных племён, и самое главное, эти же культуры получили распространение собственно и среди пратюрков-хунну.

Мы в данном случае разделяем точку зрения *77. 77 Пучкова* о направлении первых миграций с Запада на Восток и о смешении изначального европеоидного расового типа «алтайцев» с монголоидной популяцией, но с оговоркой, что к широкозначному термину «алтайцы» в данном случае мы относим практически прототюрков, исключая из него монголов и тунгусо-маньчжуров. Ибо мы придерживаемся мнения, что так называемая алтайская общность образовалась в результате языкового союза уже в Восточной Азии благодаря длительным генетикоконтактным связям между этими живущими по соседству народами. Выдержку из статьи *77. 77. Пучкова* приведём без изменений: «Алтайские народы - ещё один

пример «смены» исходной расы. Как и другие ностратические общности, алтайская общность (если она действительно существовала когда-либо как единое целое) была, по-видимому, европейской. **В ходе своего продвижения на восток «алтайцы» (читайте «прототюрки»), или, точнее, их отдельные ветви, всё более поглощались в антропологическом отношении местным монголоидным населением (сохраняя в то же время свои языки)** (выделено нами. -М. Б.). Что же касается тюрков, то, как известно, среди

них встречаются и почти чистые европеоиды (например, турки, азербайджанцы), и практически чистые монголоиды (якуты, тувинцы и др.), и смешанные в расовом отношении народы (большинство -тюркские этносы)» [360, с. 90]. Антропологический тип у якутов, тувинцев, конечно, образовался в результате интенсивного участия коренного монголоидного населения, которое проявляется также в значительном субстратном слое монгольской лексики в словарном фонде этих языков.

О былом европеоидном облике хунну и западных корнях их предшественников свидетельствуют также недавно обнаруженные на севере Монголии в местечке Ноин-Ула в женской могиле останки жрицы-шаманки, рядом с которой найдены, помимо роскошной повозки, сирийские вышитые ткани. Но самое примечательное то, что исходный её антропологический тип - средиземноморский По ДНК зубов шаманки было установлено и происхождение её генеалогической наследственности из Передней Азии, в частности, из Закавказья [Латыпов, 348, с. 41].

Л. Л. Викторова в своей монографии приводит результаты антропологических исследований из Прибайкалья и Ордо-са (Северный Китай). В первом регионе «черепка оказались с сильной горизонтальной профилировкой и резко выступающим носом, а эти признаки сближают их с европеоидным средиземноморским типом (Гохман). Часть хуннов Ордоса отличалась, судя по известным из китайских источников сведениям, также «возвышенными носами», т. е. признаком, сходным с отмеченными Н. Н. Мамоновой для населения Западной Монголии [394, с. 123]. Вот подтверждение такого сообщения из китайской летописи, относящейся к 350 году:

«Ши Минь издал повеление предать смерти до единого хунна в государстве, и при сём убийстве погибло множество китайцев с возвышенными носами» [446, с. 343]. Если вспомнить факт смешения китайцев ещё в период династии Чжоу с сяньюнями, предками хуннунгуннов, этому не нужно удивляться. Основатель династии Хань (206 г. до н. э.) был также преемником такого же антропологического типа: «Гао-ди имел орлиный нос, широкий лоб и был одарён обширным соображением» («Гань-шу») [там же, с. 344].

В связи с такими интересными данными читатели вправе ставить ребром весьма принципиальный вопрос: а если антропологические признаки определённой части прибайкальских и ордосских хунну совпадают с такими же признаками у погребённых на территории Монголии, то почему, как принято у нас по традиции, нужно считать последних непременно индоевропейцами, в частности, иранцами? [395, с. 213; 396, с. 71-72]. Тем более что культура европеоидного населения этой территории была связана со знаменитыми оленными камнями, сплошь покрытыми изображениями стилизованных фигур оленей, скачущих с подогнутыми ногами. Среди них встречаются также стелы, верхняя часть которых выполнена в «зверином стиле» или же в форме головы людей средиземноморского типа, с умеренной скулой и горбинкой на носу. Надо подчеркнуть, что все эти антропологические и культурные показатели отнюдь не были чужды и древнехуннским племенам. Венгерский исследователь *Т. Тот*, например, обследовавший в Монголии антропологический материал с горы Найма-Толгой, относит изучаемую им группу хунну в основном к европеоидной расе с монголоидной примесью [392, с. 88].

В обстановке таких неопровержимых реалий нам, конечно, вполне справедливо импонируют более объективные концепции или рассуждения, учитывающие и альтернативные варианты. Примером может служить версия, хотя и робкая, из коллективной статьи антропологов: «Возможно и иное предположение. Речь идёт о широком расселении европеоидов в восточном направлении в эпоху неолита и бронзы. **Восточные группы европеоидов совсем**

необязательно должны были говорить на одном из индоевропейских языков» (выделено нами. -М. Б.) [397, с. 203].

В ориенталистике с тактикой «игры только в одни ворота» мы сталкиваемся и в отношении специалистов к древним тюркам Средней Азии и Казахстана. Занавес над этой скрытой от глаз предвзятой и тенденциозной тактикой приоткрывает выступление трёх учёных из числа здравомыслящих антропологов: «Несколько раз предпринимались попытки показать существование тюркских народов на территории Средней Азии (и Казахстана! на рубеже н. э. и даже раньше. Все они встречали сокрушительную критику авторитетных специалистов и потому не остались в истории науки» [397, с. 203].

Данный раздел, посвящённый антропологической характеристике хунну-гуннов и древних тюрков, хочется завершить ссылкой на древнетюркские каменные изваяния, которые являются ценным источником для суждения об облике наших предков. Для этих изваяний, или балбалов, установленных на территории Тувы, Алтая и Монголии, характерна передача смешанного физического типа. Но среди них обнаруживается ряд изваяний скорее европеоидного, чем монголоидного облика (например, алтайское изваяние №10 - по Евтюховой, туванское изваяние № 13 - по *Грачу* и др.) [390, с. 178-179]. В комплексе изваяний из Алтая, изученном *В. Д. Кубарев*, также выделяются образцы смешанного и чисто европеоидного типов, отражающие антропологический облик древних тюрков [398].

Итак, по нашему твёрдому убеждению, прототюрки, как и вышедшие с Ближнего Востока индоевропейцы, относились к большому европеоидному стволу. Палеоантропологические материалы убедительно свидетельствуют о постоянной миграции населения в ранние эпохи из ареала Средиземноморья и Ирана в обширные области Средней и Центральной Азии, Сибири. Среди мигрантов с запада были и наши дальние предки - прототюрки. В ходе своего постепенного продвижения на восток на них наслаивались признаки монголоидной расы. Однако они в той или иной степени, местами даже без примеси сохранили характерные черты европеоидного ствола. Но самое важное, палеотюрки сохранили свои диалекты, являющиеся первостепенным этническим признаком, и,

извечно общаясь и смешиваясь с другими этносами, обогащали и развивали свой язык.

3. Происхождение, ранняя история и язык хунну-гуннов

Согласно китайским анналам и исследованиям ориенталистов, генезис и ранняя история хунну напрямую связаны с древней историей Китая. Древнекитайский историк Сыма Цянь (II—I вв. до н. э.) начинает изложение ранней истории Китая с эпохи правления «пяти государей» («императоров»), за которой следовали «три династии»: Ся, Шань (Инь) и Чжоу. Под именем «ханьюй» хунну были известны китайцам ещё во время существования удельных земель (княжеств) Яо и Юй (2357-2255 гг. до н. э.), управляемых государями («императорами»). По «Истории династии Цзинь», название хуньюй (сяньюй) относится к периоду династии Ся (III-II тыс. до н. э.), следовавшей за правлением удельных государей, гун, фун - к периоду Шань-Инь (1766-1122), хяньюнь (сяньюнь) - к периоду Чжоу (1122-225). Наименование же хунну появилось во второй половине династии Цинь (225-206) [399, с. 197; 400, с. 291].

Известный современный синолог 77. 77. *Думай* в своей обстоятельной рецензии на книгу *Л. Н. Гумилёва* «Хунну» (М. : Изд-во вост. лит-ры, 1960. - 291 с.) подвергает справедливой критике утверждение автора о том, что племена сяньюнь (хяньюнь) и хуньюй якобы не были хуннами (с. 13), а также его необоснованное отрицание этнической близости хунну и жун. На самом же деле приблизительно с VIII в. до н. э. и даже раньше китайские источники вместо названия сяньюнь употребляют термины жун, ди, цюаньжун. Как указывает *Ван* они не представляют собой самоназваний племени - это своеобразные прозвища, данные китайцами тому же племени сяньюнь, позднее вошедшему в историю под именем сюнну.

Приведём научно обоснованное заключение *Л. И.* «Анализ китайских источников позволяет с большим основанием сделать вывод, что **гуйфан, сюньюй, сяньюй и хунну - это самоназвания одного и того же племени, применявшиеся в различные эпохи. Что касается терминов жун, цюаньжун, ди и т.**

п., то они представляют своеобразные прозвища, данные китайцами этому же племени сяньюнь» (> сюнну/хунну) [399, с. 198].

Надо особо подчеркнуть, что это заключение аккумулирует и отражает концептуальные мысли ведущих китайских учёных Сыма Цяня и Ван Го-вэя. Комментатор «Исторических записок» Сыма Цяня, поясняя содержание первой главы этого труда, писал, что «сюнну до легендарных императоров Тана и Юй'я назывались *шаньжунами* или *сяньюнь*, при династии Ся назывались *чуньвэй*, при династии Инь - *гуйфан*, при династии Чжоу - *сяньюнь* и при династии Хань - *сюнну*» [411, с. 18].

Как справедливо считают исследователи *М. В. Крюков, М. В. Софронов, Н. 77. Чебоксаров*, уместно поставить вопрос о вероятном этническом родстве жунов и чжоуцев. «Есть основания полагать, - пишут они, - что по своему происхождению чжоуцы были связаны с группами племён, сформировавшихся на территории современных провинций Шэнсу и Ганьсу... Обособление 2-х подразделений этой группы, одно из которых привело к формированию цянов (жунов), другое - чжоуцев, началось, по-видимому, ещё в конце III тысячелетия до н. э., т. е. в период династии Шань-Инь... Матерью первопредка чжоуцев была Цзянь Юань, т. е. женщина из рода Цзянь (входившая в группу цзяньжунов)» [403, с. 178].

А. Н. Бернштам в своём исследовании также подчёркивает, что династия Чжоу не была чисто китайского происхождения и что китайский историк Мэн-цзы склонен называть основателя династии чжоуцев Вэнь Вана западным варваром, происходившим от сянь-юй (т. е. предков хуннов периода «пяти императоров». -Мф.) [405, с. 54].

По версии вышеназванных авторов, чжоусцы, находящиеся по крови и языку в родственных отношениях с жунами, «говорили на тибето-бирманских языках», т. е. обе эти группы принадлежали к китайцами к одной общей языковой группе («тибето-китайские языки»). Это, на наш взгляд, явно противоречит историческим фактам того времени. Вот слова предводителя жунов Цзюйчжи, высказанные им в 559 г. до н. э., опровергающие такое утверждение: **«Мы, жунны,**

отличаемся от хуа (хуа - китайцы. -М. Б.) в пище и одежде - и говорим на другом языке» [403, с. 272].

На наш взгляд, более правы, как мы уже видели, китайские учёные, отождествляющие жунов с сюнну, а также американский востоковед-синолог *В. Эберх*, который считает чжоуцев Iretр, сюнну) по языку и происхождению тюрками. Приведём весьма оригинальную версию, вернее, обдуманную концепцию этого исследователя - на этот раз без значительных сокращений: «В западных районах этого царства (царства династии Шань. - М. Б.) обитали племена, управляемые племенными вождями, которые признавали приоритет шанских царей. Но к середине XI в. до н. э. эти племена создали федерацию племён (Чжоу) во главе с семьёй Цзи и её рабами. **Новая федерация состояла из племён частично тюркского происхождения и частично тибетских племенных объединений. Сами чжоу-цы, по-видимому, были тюркского рода;** длительный симбиоз с царством Шан оказал на них сильное влияние. Они переняли много шанских обычаев и даже язык... Хотя они уже не были больше кочевниками, сохранили всё же часть своего тюркского наследия» [39, с. 110].

Примерно такого же мнения о чжоуцах и английский китаевед *С. 77. Фицджеральд*. По его словам, «чжоусцы, как об этом говорят сами древние тексты, были если не подданными шанского государства, то, по крайней мере, очень тесно связаны с ним. Они лишь недавно «отбросили обычаи жунов и ди» [404, с. 31].

Далее *В. Эберхард* описывает роль чжоуцев в создании первых китайских городов и их кочевнические обычаи, которые получили своеобразное продолжение в новых условиях: «Хотя они, может быть, даже объяснялись по-китайски, но говорили на западном диалекте и не понимали говора восточных китайцев. У них были другие обычаи и манеры, и их презирали покорённые туземцы. Поэтому завоеватели первым делом построили надёжные, прочные лагеря для защиты от нападения. Так возникли китайские города - как правило... четырёхугольны, с прямыми улицами, высокими стенами и по крайней мере четырьмя воротами» [39, с. 110].

В описании подчёркивается, что чжоуцы, дабы обеспечить себя на весь год продовольствием, стали следовать традициям своих предков. Весной они большим караваном поднимались в горы и проводили

лето на летних пастбищах, а осенью снова возвращались на равнины, в зимний лагерь или укрепленный город [там же, с. 110-111].

Проживающих ныне на юге Китая инородцев мяо-яо китайцы считают потомками древних чжоуцев. и в КНР большинство языковедов склонны думать, что они представляют особую группу в составе китайско-тибетской семьи, большая часть которой переселилась на юг во времена сражающихся царств (481-221 гг. до н. э.). Но в данном случае нас интересуют сохранившиеся хуннотюркские и мяо-яоские общие и схожие слова, восходящие, по всей вероятности, к периоду династии чжоуцев. Перечислим часть их них: *Oaxv/daw* (яо; мяо) // *tay/taw* (общетюрк.) - гора | *tarikuri/taguti* (мяо, яо) // *taiiri/tengri* (общетюрк.) - небо | *k'o:j* (яо) - солнце // *qujas* (др.-тюрк.) - зной, жара ~ (тюрк.) - солнце | *11a* (мяо) // *aj* (общетюрк.) - луна | (яо) // *Ъугун* (др.-тюрк.) - нос | *hoq* (яо) // *ou/uy* (общетюрк.) - правый | *sje/sata* (яо) // *jeti* (др.-тюрк.) - семь | *c'e* (яо) // (тюрк.) - мести | *ye/je* (мяо) // *jaqin* (др.-тюрк.) - близкий | *ma* (яо) // *ma/ ma* (др.-тюрк.) - частица отрицания и вопросительная частица | *yaq ma* (яо) // *jaxsimi* (тюрк.) - хорошо ли? | (яо) - рука // *belak* (тюрк.) - локоть | *pe/bs* (мяо, яо) // *be-z/p-z* (тюрк.) - мы | *du* (яо) - река // *doq* (др.-тюрк.) - озеро ~ *tan* (чув.) - вода ~ *Tan* (др.-тюрк.) - река Дон | *tu* (яо) - огонь // *toq/toy* (тюрк.) - зажигать | *toq/paj-toii* (*paj* - сторона) (яо, мяо) // *ioyar* (др.-тюрк.) - восток | *kwa* (яо) // *qabaq* (тюрк.) - тыква | *мъен/мин/мун* (яо, мяо) - человек // *мин/мэн* (тюрк.) - я > *man (ностр.) - человек | *pju/ps* (мяо) // *bis/bes* (др.-тюрк.) - пять; *tyio/dza/do/du* (мяо, яо) - девять [406, с. 36]; из других малых языков Южного Китая: *он* (тай) - спать // *uju* (др.-тюрк.) - спать; *zi/zti* (тибет.: дзоргайск.) // *jul/yal* (др.-тюрк.) - дорога | *kesu* (тибет.: узорг.) // *kesg* (др.-тюрк.) - коза; *zuo/zip/jeru* (тай) // *jer* (др.-тюрк.) - земля [407; 36]¹¹.

Большинство этих слов, за малым исключением, скорее всего, являются ранними тюркизмами, если, конечно, в более позднее время некоторые из них обходными путями не заимствованы у уйгуров Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Среди них обращают на себя внимание реликтивные названия чисел, а также лексема, которая, как и в «высшей степени архаическом тюркском халладжском языке в Иране» (Г. Дёр-фер), начинается с «Ъ»: *hoq* -

правая, правая сторона (сравните со словами в халладжском: *hat* - лошадь, *hut* ~ *huttuz* - огонь, тридцать [409, с. 49, 95]. Мы считаем, что эти сохранившиеся до наших дней языковые параллели проливают свет на тюркскую природу раннего жуно-чжоуско-сюннского языка, включая его диалектные формы.

Что же касается предков хунну вне Китая, а именно северных, Сыма Цянь в «Исторических записках» отмечает, что родоначальником сюнну, изгнанных на окраину пустыни Гоби, был отпрыск правителей Ся, сын последнего правителя Цзе-Куя, умершего в изгнании, - Шун Вэй в 1764 г. со всем своим семейством и подданными ушёл в северные степи и принял образ кочевой жизни [401 (1), с. 40; 402, с. 13]. Согласно этой традиции, в состав северных хунну влились частично и китайские эмигранты, свидетельствующие якобы о том, что хунну возникли из смешения китайских эмигрантов и степных кочевых племён.

Выдача отколовшегося от своих родичей китайского сановника за родоначальника северных хунну - это, скорее всего, стремление физиологически сблизить и как-то «сроднить» бывших варваров, принявших участие в этногенезе китайцев, а также попытка придать легитимность правлению пришельцев-кочевников над коренным населением.

В начале VII в. до н. э. в исторических источниках появляются упоминания о двух группах - «белых», или западных, и «красных», восточных *ди*, обосновавшихся в среднем течении Хуанхэ. **Ф. Хирт и В. Эберхард считают ди тюркоязычным народом.** На этой территории возникло государство Сяньюй, основанное белыми ди. Позже это государство начало именоваться Чжуншань, и когда в 318 г. пять правителей наиболее крупных царств впервые официально приняли титул вана, который до этого мог носить лишь чжоуский сын Неба, в их числе был и правитель Чжуншаня. А китайский учёный *ГоМо-Жо* полагал, что население Чжуншаня представляло собой смешанную группу, в формировании которой, помимо ди, приняли участие скифы, и эта группа, как одна из ветвей создателей «скифской триады», оказывала воздействие и на изменение художественного стиля древнекитайских бронзовых изделий [403, с. 183— 184].

В китайских анналах ди и жуны часто фигурируют совместно и трактуются как родственные племена. Известный американский исследователь Мак-Говерн категорически утверждает, что хунны - не кто иные, как потомки жунов и ди [503, с. 324; 484, с. 331].

Среди жунов, именуемых с различными приставками и прозвищами, есть племя шаньжун - горные жуны. *Л. Н. Гумилёв*, выступающий, в отличие от европейских и американских ученых, против отождествления жунов и ди с хуннами, в отношении шаньжун придерживается той же позиции. Он, в частности, утверждает, что «жуны и ди обитали внутри Китая и были оседлые горцы, а не степные кочевники, то есть отнюдь не хунны» [402, с. 15-16].

Мы до этого уже видели, что чжоуцы (хяньюнь//сяньюнь//шаньжун), следуя своим многовековым традициям, и после создания своего царства продолжали жить так же, как жили раньше их предки: лето они проводили в горах, по вертикали вверх и обратно кочуя на летних пастбищах, а зимой жили в укрепленных городах, выполняющих роль зимовок. С наступлением осени караван со стадами снова возвращался на равнины.

Как известно из истории древних народов, издавна практиковались различные формы кочевого хозяйства: 1) кочевая, или «таборная», с отсутствием земледелия и оседлости; 2) полукочевая с постоянными зимовками и частичным заготовлением кормов для молодняка и высокопородных коней; 3) полукочевая с параллельным развитием земледелия и оседлости [413, с. 10]. Кроме этого, формы кочевания принято делить по пространственному принципу: 1) кочёвка по горизонтали - это передвижение со стадами по степным просторам; 2) кочёвка по вертикали, т. е. от подножия гор к их вершинам и обратно в предгорные долины. Для скифов и саков, а также хунну и древних тюрков в зависимости от места обитания характерны были все виды кочёвок. Исходя из того, что горы Яньчжи и Цилян-шань (китайский округ Ганьсу), покрытые густотравными пастбищами, располагались некогда во владениях хунну, нетрудно заключить, что кочёвка по вертикали не была чужда хуннам и позднее. Такой вывод вытекает даже из песни сюнну, которую они сочинили после того, как китайцы вытеснили их из Ганьсу: *Отнят у нас годы Цилянъ.*

Отняли средства к размножению скота.

Рар • Шесть видов скота перестали размножаться [89, с. 172].

Здесь же можно сослаться на киргизов Алая (горный хребет), где горные условия издревле благоприятствовали вертикальному виду пастьбы скота.

Думается, что перечисленных фактов более чем достаточно, чтобы оспорить одностороннее и априорное заключение Л. Н. Гумилёва о том, что хунну и их предки были только степняками и что в силу этого горные жители жуны и ди якобы не должны относиться к хуннскому кругу и считаться с ними этнически родственными.

Не могу не добавить ещё один весомый аргумент в пользу того, что названные жунами и ди племена действительно представляли с хуннами единую народность. Мы имеем в виду пророческие слова великого китайского философа (551— 479 гг. до н. э.), основоположника конфуцианства, высказанные им по поводу изгнания в 662 г. до н. э. шаньжунов за пределы Китая: Если бы не эта победа, «нам, пожалуй, пришлось бы ходить непричёсанными, застёгивать одежду налево и испытать иноплемённое господство» [414, с. 120]. А ведь кому-кому, а Л. Н. Гумилёву должно было быть хорошо известно, что, в отличие от обычая китайцев, верхняя пола одежды именно у хунну и древних тюрков запахивалась налево. Кроме того, в «Чжоу шу» говорится о том, что тюрки «распускают волосы», в отличие от китайцев, укладывающих волосы на макушке. Автор «Истории агван» Моисей Каганкатваци называет тюрков «звероподобным, златолюбивым народом косоносцев» [390, с. 180-181; 184; 415, с. 110]. Эти особенности: распускание волос, ношение кос - отличительные этнические признаки тюркских народов.

Попутно ещё одна немаловажная деталь, связанная с названиями упомянутых гор Цилян-шань и Инь-шань. Китайский учёный Янь Ши-гу (581-645) считал, что слово «цилян» со значением «небо» заимствовано у хуннов и, наряду с китайским словом «шань», означает «небесная гора». Другой китайский учёный Фэн Чэн-Цзюнь рассматривает название горы Инь-шань, бывшей некогда во владениях хунну, как перевод-кальку с языка сюннов-хунну, а точнее, их прямых потомков - древних тюрков. Дело в том, что близ этой горы, западнее Турфана, стоял хунно-тюркский город Кумуш (доел, серебро). Слово

«инь», обозначающее на китайском «серебро», как утверждает Фэн Чэн-Цзюнь, перешло от города на название горы [89, с. 172].

Очень кстати в данный момент интересные языковые факты, извлечённые известным синологом *В. С. Таскиным* из «И Чжоу ши», памятника периода Чунь-цю (770-403 гг. до н. э.). Они представляют названия лошадей, преподнесённых соседними не китайскими владениями в качестве даров чжоускому У-вану после постройки столицы Чэнчжоу. Приведём эти названия, которые проникли к китайцам вместе с дарами от их северных соседей **жунов** и **ди**: *katip* (|| др.-тюрк. *qatir* ~ гаг, тур., азерб. *katır/gatır* ~ казах., к-калп. *кашп* ~ кирг., тат., *качг* - мул); *maomu/maomiv* (|| тюрк, тау + o^{ati}' - низкорослая горная лошадь ~ *ma* + *oa1l* - даваньская или туранская лошадь¹² ~ узб. диалект/ *tom/matmi* - конь ~ *tuvaq* (др.-тюрк.) - ночной конный дозор; *tam*(|| др.-тюрк. *tani* - дикая лошадь) [411, с. 18-19; 36].

Исходя из указанных и дополненных, точнее, уточнённых нами лексических соответствий, *В. С. Таскин* приходит к выводу, что **«китайцы заимствовали эти слова непосредственно не от сюнну, а от их предшественников, живущих на севере и северо-западе»**. Сами китайцы лошадей не разводили и пользовались для обозначения животных теми же названиями, что и сюнну. А это указывает на существование между ними родственных связей, поскольку язык служит наиболее показательным этническим признаком [там же, с. 18].

В заключение *В. С. Таскин* приводит обнаруженные до него в «Шан су» слова, встречающиеся как в языке сюнну, так и в языке их предшественников. Это слово *king-lee* в значении «драгоценный меч», которым после победы над Инь чжоуский У-ван отрубил последнему иньскому правителю Чжоу-синю голову. *Ф. Хирт* отождествил это слово с тюркским *kingrak* - обоюдный острый нож, кинжал, зафиксированным в «Цянь Хань-шу» под 47 г. до н. э. в том же значении у сюнну, которое он считает за самое древнее, относящееся к XII в. до н. э. тюркское слово, зарегистрированное в китайских письменных памятниках [411, с. 19]. Как видим, корень у вышеуказанных слов один и тот же, только суффиксы разные, но оба (-/лу/лю и -рак) тюркского характера.

Здесь заодно весьма уместно приводить хуннско(-тюркско)-китайские лексические параллели, большинство из которых по традиции считаются китаизмами, вот часть из них: *Pi/piet* (кит.) || *bicik/bitik* (др.-тюрк.) - книга ~ (др.-тюрк.) - писать | *kü < k'io* (кит.) - песня || *kug/kuj* (др.-тюрк.) - песня, мелодия | *tan/dan* (кит.) - утро, восход солнца || (др.-тюрк.) - утро, восход солнца, заря | *sfmj/shuei*¹³ || *suy/suw* (др.-тюрк.) - вода | *qam.* (кит.) || *qam* (др.-тюрк.) - шаман | (кит.) - железные куски || *temir* (др.-тюрк.) - железо | *cen-И* (? кит., хунн.) || *terpri* (др.-тюрк.) - небо, бог | *chen* (кит.) - верный || (др.-тюрк.) - истина, истинный; + (кит.) - металлический сосуд > чугун || *sojun* (др.-тюрк.) - чугун; *paik* (кит.) - белый, благородный || *beg/vek* (др.-тюрк.) - бек, господин | *bak-si/ baq-dzi* (кит.) - мастер, учитель || (др.-тюрк.) - сказатель [Баскаков, 416, с. 72-73] | (кит.) - дело, занятие || *is/is* (др.-тюрк.) - дело, работа | *zud/цзо/суа* (кит.) - левый || *sol* (др.-тюрк.); *char* (кит.) - песня, песенный напев || *j'ir/ir* (др.-тюрк.) - песня | *dong* (др.-кит.) - восток || *toy/toyar* (др.-тюрк.) - восходить, восток; *tie* (кит.) || *temir* (др.-тюрк.) - железо; *Пан/тянь* (кит.) || *tapri* (др.-тюрк.) - небо | *shi* (кит.) - сыро, сырой || *ci* (др.-тюрк.) - сырой, влажный | *cup* (кит.) || *cap* (др.-тюрк.) - колокол | *qizi* (кит. патриархальн. субституция) - жена || <— *kis* (др.-тюрк.) - жена ~ *kiz*(тюрк.) - девушка, дочь [417] | *Blэм + lieu* (кит.) = золото (металл) + «чистое серебро» || *kumtil* (Рамстедт) ~ *ktimus* (др.-тюрк.) - серебро | *Шр/Шнь* (кит.) - медь (металл) + *al* (др.-тюрк.) - ярко-красный || *altun/al + tun* (др.-тюрк.) - красный металл > золото [418, с. 80] | в иньских надписях (на жертвенных сосудах, яшмовых украшениях, гадательных черепашевых щитках, костях животных): *жэнь* - человек || *дын* (тюрк.: чу в.) - человек ~ *sm/jin* (др.-тюрк.) - тело, стан ~ *zon/сон* (як., хак.) - народ | *ци* (кит.) || *jeti* (др.-тюрк.) ~ *yeti* (тюрк.) - семь | *цзо* (кит.) || *sol* (др.-тюрк.) - левый | *цзи* (кит.) - пахота, вспахивать || *siir* (др.-тюрк.) - пахать, тянуть, влачить [419].

Как мы уже убедились на материале статей историкосравнительного словаря, **часть этих праформ (ter|H, suu/suw, temir, isAs, ji'r, stir, kiig/kiiji др.) восходит к ареалу Ближнего Востока и Передней Азии, откуда вышли прототюрки, а также, согласно последним открытиям, - к сино-тибетским языкам.** Бесстрастная логика позволила лингвистам установить, что эти языки в IX-VIII тыс. до н. э. составляли с северокавказскими и енисейскими языками сино-кавказскую суперсемью. Они, как и другая, т. е. так называемая ностратическая суперсемья, бытовали где-то в Передней Азии и после распада, произошедшего приблизительно в V тыс. до н. э., двигались с этой первоначальной территории на восток [420 (1), с. 12-13].

Архаическая часть вышеприведённого перечня, содержащая древнейшие китайско-тюркские лексические сходства, а также названия лошадей, перечисленные до этого списка, - всё вкупе, вероятнее всего, составляет средиземноморский и палеотюрко-хуннский субстрат, сохранившийся с незапамятных времён в составе китайского словарного фонда. Кроме прочего, изложенные факты и лексические материалы ещё раз подтверждают, что участвовавшие в этногенезе китайцев под различными названиями жуны и ди, равным образом и их преемники хунну-сюнны, действительно относились к тюркской языковой семье и оставили неизгладимый след в истории и языках смешавшихся или контактировавших с ними народов.

Для окончательного, вернее, более убедительного подтверждения тюркоязычности основного массива хунну-гуннов необходимо остановиться на версии о якобы их кетоязычности. т. е. о принадлежности этой народности к енисейской семье. Английский востоковед Э. Дж. посвятивший этой гипотезе целую монографию, из различных китайских источников Ханьского периода (206 г. до н. э. - 221 г. н. э.) выбрал 190 слов, большую часть которых составляют собственные имена и титулы. Из них он отобрал 12 слов и, сопоставив их с кетскими словами, квалифицировал хуннский язык как кетский [421].

Немецкий же ориенталист, крупный специалист по алтайским языкам Г. Дёрфер подверг названную попытку этого учёного

справедливой критике на основании того, что произвольный отбор небольшого количества слов не даёт надёжный и достаточный материал для доказательства, кроме того, кетский язык известен (в виде отдельных глосс) лишь с XVII в. и отделён от лексических праформ на языке сюнну промежутком времени, равным почти двум тысячелетиям. Если же предположить, что некоторые из сопоставлений Э. Дж. Пуллиблэнка верны, то речь могла бы идти, главным образом, о гуннских лексических заимствованиях в кетском языке. Тем более что эти слова - всего лишь спорадические глоссы, в большинстве своём культурные слова, которые легко кочуют из языка в язык [422, с. 75-76].

Языковед же А. 77. Дульзон, хотя и поддержал версию Э. Дж. Пуллиблэнка о кетском происхождении хунну-гуннов, тем не менее счёл необходимым указать на натянутый, неубедительный характер ряда сопоставлений автора гипотезы, а также на то, что из выбранных им слов *айран* - это гуннское слово и что *каган/хаган* фактически возводится не к китайскому *сен* - большой правитель, а к гуннскому словосочетанию с тем же значением, где вторая часть расчленяется как *ку-а-н* [423, с. 140-141].

Об остальных гунно-кетских соответствиях Ханьского периода - (гунн, *chieh/ryuh* // кет. *khes/кес* ~ *чыс/ты?с* - камень | гунн, *sak-dak* И кет. диал. *sagdi* - сапог; *thy-ghu* - титул гуннского принца (в китайской транскрипции | тюрк, *тегин*) И кет.? *ty-* превысить (при глагольном осмыслении) | сюнн. *Guilt* // кет.? *hyen/falle* - сын | гунн. *k*uti/kwet-dei* (кит. транскр.) *KOtt.kus* - лошадь, мн. число *kul* [421]), - предложенных Э. Дж. Пулли-блэнком, можно сказать следующее. Эти слова в более близких фонетических вариациях имелись и у древних тюрков: *ciu/чиу* - поделочный камень - агат, рубин, нефрит ~ *cul/tas* - камень; *saadak* - колчан со стрелами (< сапог, как пишет Л. Н. Гумилёв, хунны затыкали стрелы в голенище сапога); *gutu/gomo* - по мнению Ф. Мюллера, это слово связано с тюркской праформой *qut/quti* со значением «величество», часто встречавшейся в титулах; *tegin* - титул, присоединявшийся к именам младших членов ханской семьи, принц; *qatun/xatun* - госпожа, женщина знатного происхождения; *godi/godux* - лошадь, осёл.

Кроме того, из сохранившихся в китайской транскрипции подлинных слов сунну-гуннов восстановлены в тюркской основе ещё ряд слов, которые в кетском языке отсутствуют. В частности, это: *kis/kic* - жена; *qis/qiz* - девочка, девушка; *abci/apci, as* - жена, супруга; *ot* - огонь, *otat* - вестовой огонь огневой вышки; *tuy/tuq* - знамя; *qam* - шаман; *kamla* - гадать ~ *qamla* (др.-тюрк.) - камлать, совершать шаманские обряды; *tamyan* - глава, владетель (от тамга); *tangriqot* - небом поставленный (ср. др.-тюрк.: *good/qot//qoj* - ставить, помещать [36, с. 451, 453] ~ варианты: *tanriqotn/tangrikutu* - ханский титул, доел, калька

«Небом поставленный» [426]; *ordo* - военный лагерь; *ordu* - ставка, резиденция хана [36, с. 370]; *kamos* (в передаче Ириска *kamon*) - кумыс или кумышка [422, с. 8]; (др.-тюрк.) ~ *alsu* (тюрк.) - алый, ярко-красный [428, с. 153].

Всё это свидетельствует скорее о том, что перечисленные, а также ряд других слов кеты имели в своём словарном фонде не потому, что якобы являлись гуннами, а как раз наоборот, заимствовали их благодаря контактам у соседних тюрков, а возможно, хотя бы частично, и у гуннов. Безусловно, прав *В. Н. Топоров*, который утверждает, что кетские слова *ty'es/to'os/kes*, означающие «камень», относятся «к числу заимствований из тюркских языков», или в качестве альтернативы автор допускает также возможность весьма древнего заимствования из алтайских языков [424, с. 316]. Здесь можно было бы добавить и другие слова из лексики енисейских народов, собранной немецкими учёными, работавшими в XVIII в. в России. Например, в аринском языке засвидетельствованы в адекватном или немного изменённом виде следующие слова, которые были известны в тюркском языке гораздо раньше: - золото, *bagur* - медь, *dalaj* - море, *itp 'ak* - хлеб, *jus* - сто, *ott* - сено, *sulu* - овёс, *tus* - соль и др. [441].

Парадоксально то, что гипотеза, начавшаяся с 12 предполагаемых гуннских слов, показавшихся её создателю схожими с кетскими, оказалась удивительно «плодотворной». Ряд учёных подхватили её, и некоторые из них даже брались доказывать, что «система склонений тюркских языков восходит к системе склонений енисейского типа» и что «выявление исконно общего словарного материала позволит

выдвинуть гипотезу о возникновении тюркских языков (?! -*М. Б.*) на основе енисейского типа» [425, с. 26].

Между тем ряд известных хуннско-тюркских лексикосемантических схождений, проанализированный и подтверждённый нами в составе историкосравнительного словаря, берёт начало из первоначальной прародины тюрков - Ближнего Востока, иначе говоря, эти параллельные праформы выступают, по существу, как исконная или инновационная лексика тюркского языка. Поэтому вполне естественно, и это нельзя забывать, **что, по всеобщему признанию китайской историографии, тюркский язык является прямым наследником хунну-гуннского и, мы бы добавили, через него, по большому счёту, - прототюркского, который нам удалось нащупать.** Отсюда следует, что отнюдь неправомерно рассматривать схожие с кетскими тюркские слова, как это делает Э. Дж. и вслед за ним Г. Дёрфер, А. 77. Дульзон, в виде вторичных образований. Родственные по происхождению лексические корни не заимствуются, а наследуются, поэтому унаследованные не от ке-тов. а от прямых предков хунну-гуннов общетюркские лексемы никак не могут считаться образованиями вторичного порядка.

У нас сложилось впечатление, что уважаемый Г. Дёрфер, чтобы вывести своё одностороннее и беспочвенное, на наш взгляд, заключение о том, что якобы «гунны не были алтайцами и следовательно тюрками», намеренно избегал использования общих с гуннами тюркских слов, часть которых зафиксирована ещё в прототюркском периоде. Я уже не говорю о явно достаточно многочисленных хунну-тюркских лексемах в составе китайского языка, а также об отложившихся в мяо-яо языках родственных изоглоссах, которые были выявлены нами как тюркские субстратные рудименты. Спрашивается: разве мы вправе огульно и априорно игнорировать выделенные в хунну-гуннском языке учёными ряда поколений такие тюркизмы, как *thayridj* (реконструкция С. А. Старостина) ~ *takwj* (//) - небо, бог; *katir* (// *qalir*) - мул; *oat* (С // *am*) - лошадь; названия гуннских родов: *kujan* (// *kojan*) - заяц и *tugo* 'око (// *teka*) - козёл; *ajran* (// *ajrari*) - напиток из кислого снятого коровьего молока; *sayaidak* (И *saydaq*) - колчан, сапог; *kam* (// *qam*) - шаман; (// - принц; *Модун*(// *bayatur*) - имя правителя хуннов; *Хэлян-бобо* (// *баба*) - уважительное обращение к старшему?!

Вот ещё один пример, свидетельствующий о произвольном и. не побоюсь такого утверждения, предвзятом отношении исследователя к тюркским лексемам, чтобы свести на нет их этническую суть и этнопсихологический эффект. Речь идёт об антропониме гунна из правящего рода *Ataqam/Ama-кам* со значением «отец-шаман», точнее, «главный шаман» (сравните со словом «атаман» - плаварь). Отрицание тюркского характера этого имени *Г. Дёрфер* начинает с игнорирования института шаманства у гуннов: «По существу вопроса: ни в одном историческом источнике нет свидетельства, что у гуннов было шаманство» [422, с. 89]. Но это же нонсенс! Приведём выдержку из китайского исторического источника, опровергающую такое огульное утверждение: «Шаманы по настоянию шаньюя (глава хуннов) постоянно проводили колдовство со связанными лошадьми» (II в. до н. э.), иначе говоря, совершали магический обряд-заклинание, означающий пожелание смерти врагу [427, с. 138]. А в день праздника жертвоприношений при участии шамана читались языческие молитвы, исполнялись келяу-заговоры [там же, с. 15]. У западных гуннов главного шамана называли *ata-кам*. Главный помощник кагана (к примеру, отец Атиллы) назывался *эи-кам* [429, с. 9-10].

Сюда можно добавить сведения о наличии шаманов также и у кавказских сабиров, входивших в объединение гуннских племён, которые отчаянно сопротивлялись внедрению албанскими миссионерами в их царство (Су вар-Джи дан) христианской религии [291].

Далее *Г. Дёрфер* указывает на то, что якобы форму *Atakam* следует считать родительным падежом и что из-за такого склонения якобы даже пол носителя этого имени трудно установить. Между тем хорошо известно, что аналогичные гуннские имена не склоняются.

Воспользовавшись случаем, считаю необходимым привести примеры из числа хунну-гуннских собственных имён, расшифрованных на тюркском языке (при этом надо учесть, что эти имена переданы на готском, греческом и латинских языках в какой-то степени в искажённом виде): Атила < а) аты + илле («Имя его имеющий государство»), б) Атлы/Атлуг (именитый, знатный, славный)¹⁴; *Крека/Наагка/Эрка* - имя жены Атиллы

<а) *кдгдка* (красотка, красавица); б) *arka* (любимица), в) *irka/ хэгке* (ласка, неженка ~ милая); *Эллак* - имя сына Атиллы < *ilk* (начальник, глава); *Денгизих* - имя младшего сына Аттилы

<а) *teqiz-ik* (море + ик - суффикс уменьшительной формы), б) чу в.: *tanac* (спокойный, мирный), в) *tip qizuyq* (буйный, горячий); *Ирник/ Ирнек/Эрнек* - имя сына Аттилы < а) *etek/enjak* (палец), б) *Эр + нек* (мужчина + дракон/больной змей, имя связано с культом одноголового крылатого дракона); *Илирик* - мужское имя < а) *el + erik* (быть признанным, популярным среди народа + *erek* - быстрый, ловкий; б) + *erk* - сила, воля, власть); *Акум* - мужское имя < *axi/aqi* (щедрый) + *m/m* (аффикс принадлежности первого лица); *Басих* - мужское имя < *bas* - давить, господствовать + *six/siy* (аффикс имени действующего лица); *Болах/Балах* - имя гуннского князя < *bolak* (дар, подарок); *Бери-хос* - имя вдовы князя *Болаха* < *berik* (давание, подарок; единственная) + *ос* (греческое окончание); *Курсих* - мужское имя < *qdr/kiir* (видеть) + *sik/six* (аффикс причастия долженствователь-ной формы); *Эрекан* - мужское имя < *erk* (сила, воля, власть) + *aq/an* (разум, суффикс имени действующего лица) и др. [445].

Мы, конечно, не собираемся отрицать того бесспорного факта, что среди собственных имён населения гуннской конфедерации, особенно в Европе, было много имён нетюрского характера. Например, имена, начинающиеся на «л», «р», которые более характерны для германизированных имён, а возможно, среди них представлены и кетские имена. Как утверждают исследователи, задействованы также иранские и славянские имена - антропонимы. Однако, по словам византийского посла Ириска, побывавшего в ставке Аттилы, основной костяк гуннского войска. особенно в окружении своего вождя, разговаривал на своём «варварском» языке.

В преимуществах языка и этнических традиций между хуннами и гуннами убеждаешься, когда вникаешь в суть отдельных слов из речи Аттилы, обращённой к собственному войску перед сражением с объединёнными силами Римско-Византийской империи. Имеется в виду выражение «*И же, наконец, открыл предкам нашим путь к меотидам*, [показавший гуннам дорогу через Меотское

озеро]», столько веков пребывавший замкнутым и сокровенным?!» [220, с. 106-107].

Приск, по-видимому, составил данную речь на основе расспросов непосредственных участников Каталаунской битвы, опираясь на сохранившиеся в их памяти сведения. Самое интересное для нас то, что в речи в форме риторического вопроса упоминается священный олень, показавший гуннам дорогу при переходе Меотского озера [Азовского моря] к просторам на побережье Чёрного моря. И это легендарное предание должно было быть знакомо и по языку доступно (!) именно основной массе войска - гуннам, которым, по большому счёту, и была адресована речь вождя.

Наконец, завершающее и более весомое умозаключение о тюркоязычной природе хунну-гуннского языка. В китайских источниках имеется прямое указание на то, **что язык хунну сходен с языком племён хойху (ойхур, уйгыр), генетически возводящихся к древним чи-ди (дили),** впоследствии прозванным чилэ, или тиелэ (теле) [432, с. 48; 402, с. 218]. Как мы знаем, телеские племена в китайской историографии и тюркологии считаются тюркоязычными.

И последнее. Известный археолог Н.В. Поотноси тельно недавно выдвинула своеобразную концепцию о ранней стадии сюннского этноса. Обнаружив в погребальном комплексе ордосских¹⁵ хуннов ряд черт и вещей сакского типа (формы керамических сосудов, бронзовые поясные наборы и пряжки, черепа лошадей, положение и ориентировка погребённых), она пришла к выводу, что **протосюннская культура сложилась в результате миграции из стенных районов Юго-Западного и Центрального Казахстана сакского населения тасмолинской культуры (IX-VII вв. до н. э.) и вхождения их в состав ранних групп сюнну культуры «плиточных могил».** Могильник Сибирка на Алтае с аналогичным погребальным инвентарём и признаками рассматривается ею как промежуточное звено на пути миграции населения тасмолинской культуры. Центральный Казахстан, Северо-Западный Алтай, Западная Монголия (где также отмечалось сакское влияние), Северный Китай - таков, по мнению Н. В. Полосьмак, вероятный путь и место сложения одного из компонентов культуры сюнну [433, с. 104-107; 435, с. 60].

Другой археолог *К. А. Акишев* высказал противоположную мысль: усматривая в тасмолинской культуре «необычные» для сакского мира черты, предположил возможное проникновение в Казахстан с востока «протосюннуского или же с запада сарматского населения» [435, с. 60]. Китайские же исследователи керамику из ордосских погребений «сакского» типа относят к жупам и ди.

Всё это не только свидетельствует о том, какие обряды и традиции аккумулировал погребальный комплекс ранних хунну, но также указывает на этнические компоненты, участвовавшие в сложении протосюннуского этноса и его культуры. Мы уже по предыдущему анализу знаем, что жупы и ди находились у генетических истоков чжоуцев и сюнну. А вот саки, включившиеся в сюннуский этнический массив, как полагает, согласно принятой в иранистике традиции, Н. В. Полосьмак, были иранцами.

Однако, насколько нам известно, в хунну-сюннском языке следы более-менее ощутимого субстрата или раннего влияния иранского языка никем не обнаружены, (См. стр. 141-142.) Мы считаем, что так называемые «саки» тасмолинской культуры древнего Казахстана в действительности были, скорее всего, связаны каким-то образом с тюркским миром. Такое наше мнение находит точку соприкосновения со взглядами отдельных исследователей (включая академика А. П. Окладникова), которые в древних этнических группах, оставивших в Западной Монголии и Башкирии каменные курганы «с усами»¹⁶ (атрибутика тасмолинской культуры), усматривают ранних тюрков [437, с. 141; 438].

Более того, мы полагаем, что обосновавшиеся в Юго-Западном и Центральном Казахстане и создавшие тасмолинскую культуру племенные образования (во всяком случае, но этническим определителям наиболее близкие из них) являлись прямыми или косвенными потомками пришельцев-прототюрков из Передней Азии, о которых мы говорили в предыдущих разделах. На такую мысль нас наталкивают, прежде всего, антропологические данные из серии черепов из Семиречья, в регионе которого раньше жили создатели и носители тасмолинской культуры. «Как суммарная, так и индивидуальная характеристика показывает, что население Семиречья относилось к

европеоидной большой расе с незначительной монголоидной примесью. Среди них отмечается и более грацилизи́ро-ванный европеоидный тип средиземноморского типа (31%)» [448, с. 186].

О связях населения вышеназванной культуры на территории древнего Казахстана с Ближним Востоком свидетельствуют не только антропологические показатели, но и отдельные вещи, обнаруженные в могилах: например, мелкие бусы (бисер), сделанные из стекловидной массы, секрет изготовления которых был известен к тому времени только в Египте и Месопотамии [439, с. 285-286]. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что в парных погребениях со сдвоенными деревянными ящиками мужчин обязательно хоронили на левой, а женщин - на правой стороне. Такое канонизированное распределение сторон в пространстве по половому признаку впоследствии стало одним из этнических определителей или устойчивых культурноэтнографических символов хунну-сюннов и древних тюрков.

Из изложенных фактов вывод напрашивается сам собой: таким образом, **территория древнего Казахстана выполняла роль промежуточного эпицентра на пути миграции прототюрков из Передней Азии на Восток.**

*

По поводу участия, как утверждает *Н. В. Полосьмак*, «сакского населения тасмолинской культуры» Казахстана в составе протосюннов можно и нужно также сказать следующее. Древними представителями этой культуры ряд исследователей называют исседонов [447, с. 406-407], которых впервые описал в своей поэме «Аримаспейский эпос» греческий писатель VI в. до н. э. Аристей Проконнес [446, с. 59], а затем эта народность нашла отражение в «Географии» Клавдия Птолемея. Русские учёные *А. Н. Бернштам*, *С. И. Руденко* и *К. А. Акишев* помещают исседонов в районе Семиречья (юго-восточная часть Казахстана).

Исходя из взаимозаменяемости в античное время корней *ас*, *ис*, *ус*, *А. П. Бернштам* отождествляет *исседонов* с птолемеевыми *ассиями*, *ассианами* и *усунями* (поздний вариант) того времени, и вслед за ним эту точку зрения разделяли и иные авторы (*К. А. Акишев*, *К. Ф. Смирнов* и др.). Исседоны, точно так же, как и хунну-сюнну, носили

«длинные волосы (собственно гривы)» и имели обычай изготавливать из черепа чашу для питья, который, наиболее вероятно, был заимствован, вернее продолжен восточными хуннами. Усуни же, как и древние тюрки, своё происхождение связывали с волком, титул их правителя китайскими иероглифами зафиксирован как *кунъмо*, расшифровывавшийся по-тюркски *Кдн-бег/баг* - «Солнечный король (князь)» или «Поклоняющийся солнцу» (доел. «В солнцесмотрящий»).

Китайский историк *Ши-Гу* сообщает об этом народе следующее: «Усуни - кочевники. В обыкновениях сходны с хуннами». **«Усуни обликом весьма отличны от других народов Западного края. Ныне тюрки с голубыми глазами, похожие на обезьян, суть потомки их»** (выделено нами. -М. Б.) [401 (2), с. 190-192]. Разумеется, это сравнение человека, привыкшего считать монголоидный внешний вид эталоном нормы.

Если считать правомочным отождествление исседоны = усуни для эпохи эллинизма, то для более раннего времени имя исседонов, по мнению *А. Н. Бернштама* и *Л. А. Епъницкого*, должно быть связано с именем сакаравков / «парских саков» 1 по-кит. сай - уань) из Южного Казахстана, засвидетельствованных Страбоном. Центр сако-усуньской культуры (в неё, конечно, входили и курганы «с усами») находился в междуречье Или-Чу и бассейне этих рек, а также на Тянь-Шане [449, с. 87, 98]. К нему примыкали с юго-запада заяксартские саки Средней Азии (Яксарт - древнее имя Сырдарьи), после распада конфедерации которых (а также за счёт этнических включений с востока) усилились усуньское и кангюйское племенные объединения. Сакские и усуньские этнокультурные комплексы фактически суть два этапа одного и того же культурного цикла тасмолинского типа [450, с. 210-213].

Но, в отличие от распространённых взглядов, включая и мнение археолога нашего времени - *Н. В. Полосьмак*, *А. Н. Бернштам* не сводит этнокультурные корни носителей тасмолинской культуры на территории Средней Азии лишь к иранцам. Да и вообще, следы тюркского влияния на Среднюю Азию и тюркизацию её населения он не объясняет, как это делают многие учёные, проиранской (// проиндоевропейской) направленностью, более поздней миграцией

монголоидов с Востока. Вот что пишет Бернштам по этому поводу: «К середине первого тысячелетия до н. э. на территории Ср. Азии всё больше и больше проникают племена центрально-азиатского происхождения. Они, вероятно, были тюркскими по языку. Об этих связях с востоком свидетельствуют археологические факты, особенно ясно наблюдаемые с первого тысячелетия до н. э., то есть с конца эпохи бронзы».

Таким образом, «ещё до массового вторжения тюркоязычных племён в связи с движением гуннов, на территории Средней Азии - в Семиречье. Тяньиане и по Сырдарье были значительные группы тюркоязычного населения». Эти тюркоязычные племена были расселены среди усуней, кангюйцев или, во всяком случае, жили по соседству с ними. С этого времени началась, а с III-II вв. до н. э. усилилась языковая ассимиляция пришельцами местного населения, что было тесно связано и с физическим смешением пришельцев с аборигенами. В связи с этим постепенно изменялся этнический облик населения Семиречья, Тяньинаня и средней Сырдарьи. <...> Уже в первых веках н. э. происходила интенсивная ассимиляция заякскартских саков и в конечном счёте восторжествовала тюркская линия этногенеза» [450, с. 214-215].

Соглашаясь в основном с положением А. Н. мы **отнюдь не связываем причину тюркизации местного, главным образом, якобы ираноязычного но языку сакского населения Средней Азии с одной лишь миграцией центральноазиатских племён.** Ещё//. А. Аристов выдвинул положение об исконной тюркоязычности усуней, возводя их происхождение к западной ветви кыргызов, проникавших на юг с Енисея. В настоящее время достоверно известно об участии родов сары-усунь, уйсун, уйшун в этногенезе киргизов, казахов, узбеков, каракалпаков и башкир [451, с. 259-260].

Но это ещё далеко не всё. Согласно отстаиваемой нами концепции, в Средней Азии не только отдельные регионы Казахстана и Киргизии, но также и Узбекистан были промежуточной территорией по маршруту следования переднеазиатских прототюрков на восточные просторы Евразии, а для части из них, обосновавшейся там навсегда, они стали вторичной родиной. Есть серьёзные основания полагать,

что таковые, входившие в число ранних тюркоязычных групп, были и среди названных общим термином *саков* (/скифов) и *сарматов*. Но об этом - далее, в специальном разделе.

4. Древние уйгуры и огузы - смежные с хуннами и тюркские объединения

В коллективной монографии «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье» (М. : Наука, 1992), изданной Институтом Востоковедения, справедливо отмечается, что «ранняя история уйгурских племён разработана совершенно недостаточно» [307, с. 564]. Поскольку об уйгурах имеется довольно много исследований, это нужно объяснить нерешённостью кардинальных вопросов, относящихся, прежде всего, к этногенезу и этно-генетическим связям с другими древними племенами Востока. Они изрядно запутаны и противоречиво изложены в хрониках древнего Китая в периоды различных династий и на архивном материале различного характера. К тому же в китайской истории название уйгуров менялось неоднократно.

В «Вэйшу» (История Дома Вэй, 386-581) говорится, что «*Гаогюйцы* суть потомки древнего поколения *чиди*. Вначале они прозывались *дили*, уже на севере прозваны *гаогюйскими нами*. Язык их сходен с хуннским, но есть небольшая разница» [401 (1), с. 213-214].

Первые сведения китайцев о предках уйгуров чиди относятся к началу VI в. до н. э. Именно в этот период в династических хрониках появляются упоминания о двух группах ди - «*белых*» (*'байди*), или западных, и «*красных*» (*чиди*), восточных, обосновавшихся в среднем течении Хуанхэ, в землях Ганьсу и Ордо-са. На протяжении четверти века жупы и «красные ди» были фактически хозяевами положения на территории, находящейся в самом центре древнекитайских царств и в непосредственной близости от столицы чжоуского вана. В III в. до н. э., по некоторым сведениям, значительно раньше, красные ди из своих кочевий были вытеснены китайцами на север - в район Орхона (Монголия) [403, с. 179; 454, с. 138-139].

В комментарии *Н. Я. Бичурина*, основанного на сведениях династии «Таншу (618-907)», дополнительно сообщается, что в самом конце IV века *дили* (телесцы) ушли на северную сторону песчаной степи, и там

вместо прежнего названия дили приняли название *гаогюй*. Эти слова суть китайские в переводе «высокая телега». Дилисцы (телесцы) обыкновенно употребляли арбы, или одноколки на высоких колёсах, от чего при династии Юан-вэй были названы китайцам гао-гюй» [401 (1), с. 213-214].

Как и древние тюрки и усунь, в генеалогических легендах своё происхождение телеские племена - уйгуры связывали с волком. Если у тюрков считалось, что они происходят от волчицы, оплодотворённой мальчиком, то у телесцев - от девушки, рожавшей будущего их родоначальника от волка, которая приняла это чудесное животное за посланника Неба. Потомство от них размножилось и первоначально составило двенадцать родов. В источниках подчёркивается, что все они ведут кочевой образ жизни, питаются мясом, пьют кобылий кумыс. Любят протяжные песни, или «поют подобно волкам». По антропологическому типу гаогюйцы были народом европеоидным, подобно своим предкам чиди. со светлыми волосами и выдающимся вперёд прямым, часто орлиным носом.

Есть ещё генеалогическая легенда, согласно которой чиди считались с *цюань-жунами*, одними из составных компонентов у предков хунну-сюннов - народом одного происхождения [452, с. 15; 402, с. 16]. Отсюда можно заключить, что родство этих языков восходит ещё к эпохе династии древних чжоуцев. Однако они, хотя и были оба связаны с общим истоком восточных пратюрков, выступали под различными именами, значит, представляли собой параллельные, но обособленные ветви пратюркского мира.

Мы специально подчёркиваем это в противовес тому, что в ориенталистике, даже в более объективных исследованиях, вопросы этногенеза и самой ранней истории пратюрков принято начинать от хуппов, т. е. возводить начало начал только к хунну-гуннам. Мы считаем, что такой избитый метод, связанный, как нам кажется, напрямую с китайской традицией объединения многих варварских племён под хунно-сюннуской «крышей», не совсем верный, поскольку *термин «хунну», тем более раннесредневековые гунны, несмотря на то, что как этноним имел в какой-то степени расширенный смысл, практически не в силах охватить все ранние этносы и народности тюркского мира. Например, такие древнейшие*

племена или племенные объединения, как исседоны или усунни в Семиречье и на Тянь-Шане, эфтилиты и хиониты на северных берегах Аральского и Каспийского морей, кангюйцы и огузы в Средней Азии, уйгуры и татары (тоба) в Северном Китае, древние кыргызы на Енисее и т. о., происхождение которых невозможно объяснить лишь какими-то ранними или гипотетическими перемещениями из единого центра, скажем, из Северного Китая, Восточного Туркестана и Центральной Азии или же расщеплением «автохтонного» хуннского праязыка.

На самом деле они, вернее, предки этих народностей, но большому счёту, относились не к группе хунну-сюннов, а, как мы считаем, к различным ветвям прототюрков, мигрировавших из-за демографической климатической ситуации, а также из-за непрерывных войн через промежуточные территории Балкана и Средней Азии с древнего Ближнего Востока и поселившихся по маршруту передвижения в различных регионах Евразии.

Нет «чистых» языков и этносов. Как мы уже говорили, и среди скифо-саков и сарматов, на наш взгляд, были тюркизиrowанные племена и группы смешанного, двуязычного характера. Не исключено также, что некоторые из них являлись прямыми потомками прототюрков, вышедших из среды Ближневосточного ареального союза. Разумеется, такая наша трактовка, подкреплённая весомыми языковыми и историко-культурными реалиями, не может совмещаться с устоявшимися и широко распространёнными взглядами об алтайском или центрально-азиатском происхождении тюрков и сплошной ираноязычности сако-скифов и сарматов. Но к изложению своей концепции насчёт скифо-сарматских этносов мы вернёмся позже.

Предки уйгуров гаогюйцы на территории Монголии успешно противостояли табачам династии ТобаВэй и соседним жужанам, стремившимся подчинить их своей власти. В конце V в. правители гаогюйцев присвоили себе каганские титулы, утвердили господство своих племён над Северной Монголией и соперничали с жужанам за власть над оазисами Таримского бассейна (Восточный Туркестан). В VI в. их племенной союз стал именоваться в китайских источниках (< тюрк, *тегрэг* -

«телега», «повозка»). После возникновения Тюркского каганата племена теле вошли в его состав, но они до падения Первого Тюркского каганата (630 г.) находились в состоянии почти непрерывного мятежа против тюркских каганов [С. Г. Кляшторный - 458, с. 29].

В «Таншу» (Истории династии Тан) о теле-уйгурах говорится: «Ойхорцы [хойху] храбры и сильны. Первоначально они не имели старейшин... Они считались подданными тукюеского дома (Первого Тюркского каганата). **Тукюесцы их силами геройствовали в пустынях севера**» [40 (1), с. 301]. Именно усилившись за счёт телесных родов, тюрки-тугю в 552 г. сокрушили государство жужанов, которому они до того были подчинены, и создали **Первый Тюркский кагаиат**, а потом использовали великолепную конницу уйгуров против врагов для расширения своих земель.

С 630 г. после падения Первого Тюркского каганата уйгурские племена *токуз-огузской* группы выступают как значительная политическая сила, лидерство внутри которой утвердилось за десятью племенами уйгуров во главе с родом Яглакар. В 647 г. уйгурский вождь Тумиду декларировал создание независимого уйгурского государства - Первого Уйгурского кагаиата. Танское правительство не хотело признавать новое государство, но в 660 г. уйгуры обрели полную независимость, и китайцы лишились поддержки великолепной уйгурской конницы. Первый Уйгурский каганат просуществовал недолго, всего 40 лет - с 647 по 687 г. В 687 г. восточные тюрки-туцзюе одержали победу в борьбе за восстановление своего государства, и в степях к северу от пустыни Гоби, практически на тех же территориях, возник **Второй Восточнотюркский кагаиат**. Расцвет военного могущества его был непродолжительным, и в 745 г. Второй Восточнотюркский каганат погиб опять же под ударами усилившихся уйгуров [389, с. 243; 455, с. 332].

После этого власть в Центральной Азии перешла к наиболее сильному из телеских племён - уйгурам и на территории Монголии образовался **Второй Уйгурский кагаиат** ("745-8404 Столица эля на реке Орхоне называлась Орду-Булык.

В одном из своих исследований востоковед С. Г. Кляшторный приводит общую концепцию о государственности самих уйгуров, зафиксированных в Теснинской надписи, а также ещё в двух памятниках из Монголии. Из них следует, что до образования последнего по времени уйгурского эля (743-744) у этой народности имелось два царства, первое из которых, возникнув «после сотворения мира», просуществовало 200 (300?) лет, после чего погибло. Его сменило уйгурское царство, просуществовавшее 80 лет. Оно также погибло, и уйгуры (токуз-огузы) стали вассалами Тюркского каганата. Наконец, через пятьдесят лет на тех же землях - в Отюкенских горах (Хангюй) и долинах Селинги (Монголия) уйгурское царство вновь было возрождено [458, с. 27-28].

Второй (по Теснинской надписи - третий) Уйгурский каганат был сложным этнополитическим объединением, в состав которого, помимо собственно уйгуров с правящей династией яглар, входило большинство телесных племён (*тугу, хунь, байырку, тонгра, сыче, кибис*), а также другие покорённые уйгурами народы - *татары, кидани, басмалы, карлуки и чики*. Начиная со второй половины VIII в. Танское государство, поглощённое решением внутренних проблем, уже не предпринимало попыток распространить своё влияние за пределы территорий, населённых ханьцами. Главным противником на севере Восточной Сибири стали енисейские кыргызы. В 840 году именно они сокрушили Уйгурский каганат, и в Центральной Азии начался период «кыргызского великодержавия» [456, с. 84].

После поражения от кыргызов основная масса уйгуров мигрировала на юг и юго-запад, что сопровождалось завоеванием Таримского бассейна и перемещением в Среднюю Азию, особенно в регион Семиречья. Вследствие этого в Восточном Туркестане были созданы знаменитые уйгурские княжества **Гань-чжоу** и **Турфан** (другое название последнего княжества - **Кочо**) [457, с. 13; 307, с. 153]. Часть уйгуров при этом осталась на Алтае и впоследствии вошла в состав алтайских тюрок. Наименование этой части сохраняется вплоть до настоящего времени в этнонимах племенных группировок Алтая: *телеусов, тов* и *телеутов*.

Переселившиеся в Семиречье уйгурские племена через определённое время оказались в составе государства **Караханидов** (927-1212). Будущая столица этого царства Баласагун на реке Чу была основана Буку-ханом, правителем государства уйгуров (*А. Джувейни. «Тарих-и Джахан-Гошай»*), Английский востоковед Э. *Бретинейдер*, сопоставивший известия арабских географов и историков X-XIII столетий, пришёл к заключению, что так называемые илек-ханы, или караханиды, подчинившие своей власти в 1008 г. Мавераннахр саманидов, были уйгурской династией, что они продолжали править Мавераннахром и после утверждения власти Кара-хитаев в Туркестане (Баласагун, Кашгар) в качестве вассалов гурхана кара-хитаев [459, с. 27; 461, с. 66].

К сожалению, эти важнейшие сведения, в частности о непосредственном участии уйгуров в создании государства и политической истории Караханидов, не нашли отражения в основной справочной литературе, включая даже Большую энциклопедию. и в современных трудах по истории, где в качестве таких участников называются всего три племени: карлуки, чигили и ягма. Этим же грешит и языковед-тюрколог *А. М. Щербак* в своём исследовании «Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана» (М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1961. - 204 с.), хотя ещё немецкий тюрколог *Л. Габен* в пятидесятые годы прошлого века в письменных памятниках караханидского периода из Восточного Туркестана выделяла два диалекта, правомерно отождествляемые ею с уйгурским языком. Один из них - йокающий j-диалект - учёный напрямую связывает с наречием местного населения. *А. Щербак*, естественно, принимает научно обоснованную классификацию и терминологию *А. Габена*, но, увы, фактически без самих носителей уйгурского диалекта и необоснованно заявляет о «фактической принадлежности [его] карлукам» [457, с. 21].

Произвольное приписывание данного диалекта таким вот образом карлукам и непризнание, вернее, явное игнорирование при этом роли уйгурского языка и его носителей в создании уйгуроязычных памятников - это не что иное, как отказ от осмысления двуязычного или, по крайней мере, смешанного характера их языка. Для уяснения языковой обстановки в государстве Караханидов весьма полезно

следующее обоснованное наблюдение, или, вернее, умозаключение С. Г. «После

840 года... в кимакский и огузский племенные союзы влились остатки бежавших из Монголии уйгурских племён (эймюров. баян дуров!» [470, с. 22].

Такой же вывод содержится и в исследованиях востоковедов В. В. Бартольда и К. И. Петрова: «После распада объединения токуз-огузов на Тянь-ТТане уйгурские племена создали вместе с карлуками новое государство так называемых караханидов. Термин «караханиды» искусственный. В источниках династия караханидов именовалась «ильханами». Династия ильханов, как предполагал В. Бартольд, вышла из рода ягма «передовой ветви токуз-огузов, т. е. вышла из объединения «восьми огузов» уйгур. Основное население государства ильханов представляли уйгуры Воет. Тянь-Шаня и находящиеся под их властью карлуки» [471, с. 112].

Есть и другие труды, подтверждающие расселение уйгуров в раннем средневековье на территории Средней Азии, включая владения Караханидского государства. Укажем некоторые из них в скобках порядковыми цифрами, которыми они обозначены в списке использованной нами литературы в данной монографии [460; 461; 462; 463].

В Семиречье взаимодействие завоевателей-скотоводов и оседлого населения сопровождалось синтезом скотоводства и оседлого населения, переходом части населения к оседлости и городской жизни. В начале X в. родоначальник династии Караханидов Сатук принял ислам, а его сын Богра-хан Карун б. Муса объявил ислам государственной религией. В поэме Юсуфа Баласагунекого, написанной в 1069 г. арабским шрифтом (имеется текст поэмы и на уйгурском шрифте), пропагандируется новая идеология, восхваляются земледельцы, ремесленники и торговцы. Эта поэма, как явствует из её названия «Кутадгу би-лик» («Знание, приносящее счастье»), является назидательным, этико-дидактическим сочинением, написанным с целью указать человеку путь, ведущий в обоих мирах к счастью.

На этом же литературном языке, сформировавшемся на диалекте «хаканских тюрок» (т. е. уйгуров-карлуков). был создан также

знаменитый словарь *Махмуда Кашигарского* «Дивани лугат-ит тюрк» (1072-1074), принёсший его автору славу первого тюрколога. О методике составления словаря и о его содержании *Махмуд Кашигарский* сообщает следующее: «Эту книгу я составил, расположив слова по порядку букв в словах, украсив её мудрыми изречениями, рифмованной прозой, пословицами, стихами и прозой. Каждое слово я поставил на надлежащее место, чтобы стремящийся к знаниям нашёл его на своём месте, чтобы ищущий обрёл его в своём ряду» [472, с. 10].

А до этого в государственных центрах в Монголии и Турфане появлялись на различных алфавитах: руническом, индийском-брахми, сирийском, согдийском и, наконец, собственно на уйгурском - десятки религиозных памятников манихейского, буддийского, христианско-несторианского содержания и переводного характера, которые относились к тогдашним мировым религиям, исповедовавшимся уйгурами до принятия ислама.

Начало тюркизации населения Восточного Туркестана (особенно регион Синьцзяна! отдельные учёные связывают лишь с миграциями уйгуров после крушения их каганата в Монголии в IX в., и не переносят этот процесс на эпоху движения ранних тюрков.

Археологические находки *А. Стейна* и *А. Н. ма* по культуре тюрков и гаогюй-уйгуров VI—VIII вв. свидетельствуют, что с глубоких времён севернотаримские оазисы находились под воздействием кочевников, главным образом, ранних тюрков [461, с. 60-61, 64]. Исследователи старшего поколения (*В. В. Григорьев, В. В. Радлов, Н. А. Аристов*) зафиксированный в географическом трактате Птолемея (II в. н. э.) этноним $\alpha\tau\tau\alpha\rho\gamma\epsilon\gamma$ и реку с таким же названием отождествляли с уйгурами и рекой Тарим в Восточном Туркестане, по-своему объясняя расхождение древних и современных координат с месторасположением носителей этих названий. Их современник *Д. неев* родину древних уйгуров в лице *чэ-ши* также размещает в Восточном Туркестане, в частности, в Притяньшанье [464, с. 65, 70; 465, с. 101; 466, с. 436; 468]. Из учёных советского периода со взглядами этих учёных солидарным *Н. Кабиров, Э. М. Мурзаев и Л. Д. Боженов* [453; 469].

*

Таким образом, мигрировавшие в Китайский Туркестан в IX в. уйгуры, без сомнения, соединились со своими соплеменниками, отчасти поселившимися там издавна. Вследствие этого и в данном регионе образовалась цивилизованная уйгурская колония. Период уйгурского правления Восточным Туркестаном, областью Турфана продолжался вплоть до монгольского завоевания в самом начале XIII в. Интересную запись об этнокультурной самобытности уйгуров и их склонности к радикальным переменам оставил китайский посол *Ван Юнь-Ге*, побывавший в 981 г. в Турфане и воочию убедившийся в цветущем состоянии этого края и его жителей: «Эта страна производит все пять сортов хлебов, но гречиха им неизвестна. Хорошая лошадь у них - кусок шёлка, посредственные лошади, назначаемые на убой, стоят только 3 метра шёлковой ткани. Знатные из них едят конину, простой народ мясо баранов, уток и гусей. Из музыкальных инструментов у них чаще всего употребляется *тип* (род мандолины) и *кун-хоу* (гитары с 25-ю струнами). Мужчины любят верховую езду и стрельбу из лука. Те, кто из них любит далеко ходить пешком, то всегда берут с собой музыкальные инструменты. <...> Они даровиты и особенно искусны в изготовлении разной утвари из золота, серебра, меди и железа. Они умеют также обрабатывать «яда» [460].

Вместе с тем *Ван Юнь-Ге* не забыл отметить, что древние кочевнические традиции всё ещё любимы правителями уйгуров, которые ежегодно на летовку переселялись на склоны Тянь-Шаня. Это, по существу, почти точь-в-точь совпадает с такими же традициями бывших чжомских правителей из пратюрков, которых описывал американский синолог *В.*

Таким образом, уйгурские племена в силу исторических обстоятельств распались на три группы племён: 1) северную, или селенгинскую (Монголия). 2) северо-западную, или семи-реченскую. 3) юго-восточную, или синьцзянскую. Все эти группы оставили яркий след в истории и этнокультурном наследии Центральной и Средней Азии.

Надо добавить, что во II-V вв. в Восточном Казахстане существовало ещё одно небольшое древнетюркское государство. Иноземные наблюдатели называли его **Юэбань**, а язык его сближали с

языком племён гаогюй [307, с. 130], что свидетельствует об экспансии древних уйгуроязычных племён на довольно отдалённые территории.

А теперь необходимо остановиться на параллельных этнонимах «уйгур» и «угуз»)/«огуз», считавшихся рядом исследователей взаимозаменяемыми, но разновременными по происхождению названиями древнетюркских племён. При этом надо признать, что наиболее сложной и запутанной является этническая история огузов, в частности, дискуссионным остаётся время появления огузов в Средней Азии и Казахстане.

Начальную часть этнонима «*А. Н. Кононов* возводит к корню *og/ok*, имевшему первоначально нарицательное обозначение «род», «племя» (< *og* - мать), который с числительным детерминативом применялся для наименования союзов племён токуз-огуз и уч-огуз [295, с. 568]. Его современник *С. 77. Толстов* же в основе имени огузвидит массагетскую и тюркскую лексему со значением *oguz/o/aiz* - «река» и отождествляет её с аугасиями, проживавшими в I—II вв. в низовьях Сырдарьи и «болотных городищах», «видимо, к имени аугасиев. одного из племён массагетского союза, восходит первоначально более позднее этническое название огуз. *Auyaz* → *ouyz* мне представляется безупречным». - пишет С. П. Толстов [473, с. 198; 474, с. 49].

Согласно исследованиям этого учёного, именно в низовьях Сырдарьи, на территории, занятой, но , древним народом аугасиев, а не в Монголии сформировались огузы. На восток имя «огузы» было, очевидно, занесено в период экспансии эфталитов (VI в. н. э.), в состав которых в качестве существенного компонента входили и сырдарьин-ские проогузские племена аугасии. Но всем данным, заключает автор, огузы - потомки тюркизированных эфталитов. Здесь, конечно, определение «тюркизированный» явно неуместно, поскольку, как утверждает известный английский востоковед *Э. Дж. Пуллиблэнк*, «не убеждают доводы, приводившиеся для того, чтобы показать, что они (эфталиты!) были иранцами... Гораздо более существенными являются свидетельства о наличии алтайских связей у самих правящих эфталитов. Помимо титула *tegin* в первую очередь можно указать на

действительное название их народа *кун* (у китайцев *хоа/хуа*, эфталиты - это название династии от имени царя Е-та-и-ли-то)» [421, с. 54].

Справедливость такого утверждения подтверждается историческими сведениями, изложенными в «Бахшан Яште» после поражения сасанидского Ирана от «белых хионитов-хуннов»: **«Царство и верховная власть перешли к рабам, которые были не иранцами, а такими, как хион, турк, хафтал, тибетцы, горцы, китайцы, византийцы, красные хионы и белые хионы. Они были царями в Иране, моей отчизне»** [480, с. 207]. (В скобках добавим, что, согласно исследованиям Р. , эфталиты являлись одной из ветвей хионитов и самоназвание эфталитов было *huon / хион*) [цит. по: 481, с. 68].

Заметим, что тюркского происхождения эфталитов придерживались и немецкие ориенталисты Ф. Альтхайм [608] и И. Маркварт, а также русский историк-востоковед С. И. Толстов. И. Маркварт, в частности, видел в тюркоязычных халач, или ха-ладж, сохранившихся в Афганистане, потомков эфталитов [632, с. 89]. А вот мнение С. И. Толстого: «Язык их был весьма близок к тюркским и, вернее всего, может быть отнесён к той группе палеотюркских языков, средневековыми представителями которой были болгарский и хазарский» [477, с. 276]. Несмотря на то, что из-за внешнего вида эфталиты и назывались «*белыми гуннами*», они меньше всего были связаны с гуннами. **Многие исследователи видят в них ответвление сако-массагетов, или, но другой терминологии, грунну из конфедерации юеч-жи, но с преобладанием в их языке тюркских элементов.**

Это ещё один проблемный случай, наталкивающий на размышления о происхождении, а также о древних регионах распространения и проживания ранних тюрков. Что же касается взаимозаменяемости порою или параллельного употребления терминов «*уйгур*» и «*огуз*» (например, «*»// «уйгур*»), то это связано, прежде всего, с близостью их корней. Вот почему некоторые исследователи эти этнонимические термины даже выводят один из другого: *о > уйгур* (К. И. Петров) или *же уйгур > огуз* (А. Н. Бернштам). Во-вторых, по утверждению К. И. Петрова, название *токуз огуз* возникло в связи с присоединением уйгур к

собственно огузским племенам *сакиз огуз* (т. е. когда уйгуры стали рассматриваться в качестве девятого племенного объединения *токуз огуз*). Именно в силу этого в китайских источниках, а также в мусульманских сочинениях это объединение стало именоваться «*девять племён*» [471, с. 72-73]. Двойное название одного и того же народа, таким образом, связано с вливанием части уйгур в состав племён, называвшихся огузами. И такое название, по С. П. Толстову, было занесено в Монголию экспансией мигрировавших туда из Средней Азии племён.

В первой половине X в. в Туркестане сложилось военнополитическое объединение огузских и других тюркских племён под руководством сельджукидов. Сельджуки были, как известно, одним из тюркских родов племени *кынак* из группы огузов. Возглавляемые сначала предводителем Сельджуком, а затем его преемниками, в X-XII вв. они участвовали в завоевательском и миграционном движении из Средней Азии в Переднюю Азию и способствовали созданию государств на обширной территории от Туркестана до Средиземного моря и от Закавказья до Персидского залива [478, с. 479].

В этой связи особенно важно отметить, что сельджукская экспансия не только столкнулась на местах с ираноязычным населением, но и застала там аборигенные тюркоязычные племена, происхождение которых этнографам и историкам неизвестно. Это, в частности, доогузские группы племён на территории Южного и Юго-Восточного Туркменистана (*аннаули, мехинли, нохурли* и др. с суффиксом тюркоязычного характера *ли/лы*). Потомки старого оседлого населения тюрков зафиксированы также на территории Ирана в северо-восточном Хорасане, в районах, примыкающих с юга к Туркменистану, где тюркоязычное население зафиксировано очень рано [482, с. 103-104]. Для обнаружения генетических корней и следов этногенеза этих народностей, безусловно, потребуются дополнительные исследования по более обдуманной и целенаправленной методике комплексного характера.

5. Кыргызы и кыпчаки - слившиеся с дикинами народности

Под именами ди, дили, чиди, байди, динлин древним китайцам были известны различные белокуроые и светлоглазые племена. Некоторые из них (в частности, чиди, байди) ещё в III тыс. до н. э. обитали в южной части Гобийской пустыни и в долине Хуанхэ (Жёлтая река на Северном Китае). В «Вэй-шу» содержится указание, что народное название красных ди (чиди) было дили, изменившееся в динлин в конце III в. н. э. после перехода их в северную сторону Гобийской пустыни [401 (1), с. 17]. Опираясь на эти сведения, а также исходя из более ранних данных о племени чиди и связанных с названием динлин, *Г. Е. Грум-Гржимайло* старается восстановить многовековую историю белокурого народа, а также даёт своё суждение о его потомках [483].

Вытеснение динлинов и отдельных групп ди из долины Жёлтой реки, по мнению этого исследователя, началось с того момента, когда в ней осели китайцы, т. е. ещё в чжоускую эпоху, и завершилось оно к концу V в. до н. э. К этому времени должно быть отнесено, по китайским сведениям, первое переселение их на север - в Маньчжурию к озеру Байкал и в Алтайско-Саянский горный район. Действительно, уже за 200 лет до н. э. хунну застали там несколько динлинских владений, которые и покорили их. Последнее отмеченное историей переселение динлинов на север относится к концу IV в. н. э. Алтайско-Саянское нагорье в это время уже было наводнено тюрками [483, с. 344-345].

Как считает *Г. Е. Грум-Гржимайло*, на новых территориях происходило смешение динлинов с тюркоязычными племенами, и именно благодаря этому расовому скрещению сложились европеоидные по физическому типу *уйгуры* и *кыргызы* (вспомним выражение из «Вэй-шу»: «Гаогюйпы (уйгуры! суть потомки древнего поколения чи-ди. Вначале они прозывались дили. уже на севере прозваны гаогюйскими динлинами»! Под конец автор приходит к заключению, что «слова «динлин», «дили» и «ди» представляют лишь варианты одного и того же племенного прозвания» [там же, с. 343]. Как видим, по «динлинской теории» все перечисленные племена или народности, являющиеся носителями европеоидной расы, объединены в один народ, который выступает в роли передатчика европеоидных антропологических черт

другим этносам или народностям. Именно смешением крови с динлинской расой объясняет Г. Е. Гржимайло «возвышенные носы» у хуннов и отдельных представителей китайцев, а также у енисейских остяков и тангутов.

Это очень интересная и для своего времени новая теория, которая в силах объяснить расогенетические особенности отдельных этносов, близко сталкивавшихся и смешивавшихся когда-либо с динлинами. Но мы считаем, что её нельзя максимализировать и распространять на все европеоидные народы Нейтральной и Восточной Азии, включая и предков хунну (жун. ди4 На наш взгляд, Л. Н. Гумилёв совершенно справедливо возражает против объединения в один народ или общий расовый тип этнонимов *ди* (*дили, чуди, байди*) и *динлин*, поскольку они не только по языку, но и по внешнему виду отличались друг от друга. Л. Н. Гумилёв верно и обоснованно подмечает, что китайцы чиди (красные ди) только фигурально наименовали динлинами, иначе говоря, их нельзя отождествлять. Мы бы ещё для ясности добавили, что превращение чиди в динлин («гаогюйские динлины») - это результат двух одновременных этапов и что второй этноним возник, как выше было сказано, только после переселения предков уйгур на северную сторону Гобийской пустыни и смешения их там с динлинами.

Однако мы категорически не согласны с воззрением многоуважаемого учёного Гумилёва, игнорирующим принадлежность древних ди и жунов к прахуннскому кругу, которые, про-никая с северо-запада, в чжоускую эпоху, а может быть, ещё раньше, смешались с китайскими аборигенами и образовали в китайских государственных структурах аристократический слой с европейскими, «средиземноморскими» чертами. На этот неоспоримый факт проливают свет следующие строки из китайской летописи: «Ши Минь издал повеление предать смерти до единого хунна в государстве, и при сём убийстве погибло множество китайцев с возвышенными носами» [401 (2), с. 74-75]. Основатель династии хань (206 г. до н. э.) был также человеком хуннского происхождения: «Гао-ди имел орлиный нос, широкий лоб и был одарён обширным соображением», - читаем мы о нём в «Гань-му» [483, с. 344].

Изучая древние источники, *В. В. Бартольд* высказал предположение, что предки кыргызов гяньгуны до н. э. «жили не только на Енисее (по-тюркски Енесай - «мать-река» - *ена/ина* - мать + *saj* - река. - *М. Б.*), но и южнее, в той местности, где теперь размещается озеро Кыргыз-нур» [485, с. 9-10], т. е. в Северо-Западной Монголии. В дальнейшем мысль о первоначальном проживании тюркоязычных гяньгунов именно в этом регионе укреплялась в ряде исследований. На ней в значительной степени основана развёрнутая *Л. Р. Кызласовым* версия о двухэтапном проникновении гяньгунов на север, в Минусинскую котловину, которое происходило в связи с переселением центра хуннского государства в Монголию. В результате этой экспансии гуннов гяньгуны вынуждены были передвинуться на север на территорию динлинов и принесли сюда скотоводческий образ жизни, обряд трупосожжения и ряд черт центральноазиатской культуры. Считается, что именно тогда и произошло смешение их - тюркоязычных гяньгунов с местными татарскими (динлинскими! племенами, что и положило начало сложению кыргызского этноса [485, с. 9-10].

Как считает исследователь истории кыргызов *К. И.*, название *кыргут* (*кыркыр/кыргыз*) - «красные» закрепилось за их племенами потому, что они поселились на земле, имевшей красно-бурую почву [471, с. 37]. Скорее всего, это название, ставшее этнонимом, закрепилось за ними из-за их внешности. Уйгуры и некоторые другие соседи в соответствии с их диалектами употребляли для их обозначения формы *хырхыс*, *кыркыс*, и в китайских хрониках это название получило форму *хагяс/хякяс* [471, с. 37]. Другой вариант - (- кыргу, кыргун). Из сообщений китайских известий явствует, что все жители этой страны высокие, со светлыми (рыжими) волосами, с красным лицом, голубоглазые. Чёрные волосы считались нехорошим признаком. Их письмо и язык совершенно сходны с уйгурскими [486, с. 55-58].

Попутно хочется напомнить о том, насколько глубоко пустил корни в мозгах некоторых исследователей шаблонный, тенденциозный подход к физическому облику древних тюрков, что даже древних кыргызов, которые оставили ряд рунических эпитафических памятников на своём древнетюркском диалекте, эти исследователи

ухищряются вычеркнуть из состава тюркоязычной семьи лишь из-за их европеоидной внешности. Вот что пишет *К. Г. Менгес* в своей монографии, посвящённой изучению восточных элементов в «Слове о полку Игореве»: «Кыргызы - гянгунь китайских источников - племенная группа не тюркского, возможно, даже не алтайского происхождения со светлыми волосами и кожей» [цит. по: 428, с. 182]. А ведь это тот учёный, который пытался проникать в тюркский мир!

Кыргызы (хагясы) упоминаются далее в середине VI в., когда они присутствовали во время приёма тюркским Истеми каганом византийского посла Земарха. В тот период кыргызы, судя по письменным хроникам, в основном обитали в Минусинской котловине и были данниками Первого, затем Второго Тюркского каганатов (552-745 гг.), но сохранили известную политическую самостоятельность.

После распада Тюркского государства и образования Второго Уйгурского каганата (745 г.), через восемь лет, земли кыргызов были включены в состав этого нового каганата. Однако и уйгуры вынуждены были оставить за кыргызами некоторую самостоятельность. По в ходе многолетней и упорной борьбы за полную независимость кыргызы окрепли и в 840 г. сокрушили Уйгурский каганат. Кыргызское государство включило в свои границы всю область верхнего течения Енисея (Тува), прилегающие к долине верхнего Енисея территории Южной Сибири, а также часть территории Монголии. Это государство погибло лишь в 1207 г. во время монгольского нашествия. Древние кыргызы по праву являются предками этнических групп, входивших в своё время в это государство, в частности, современных хакасов, тувинцев, алтайцев и шорцев.

Чрезвычайно важным вопросом в истории кыргызов является вопрос о том, когда они проникли на ТяньШань, т. е. на территорию современных киргизов. По этому вопросу в литературе о кыргызах более всего колебаний и расхождение мнений в датировке переселения кыргызов в этот регион. *В. Бартольд* отрицал появление кыргызов на Тянь-Шане ранее XVI в. Он писал: «Только в XVI веке впервые упоминаются в этой местно-

сти, где они живут теперь, причём, как мы увидим, нет никаких сведений о том, как и когда они туда пришли». Другие исследователи колебались в этом вопросе и допускали, что кыргызы могли появиться на Тянь-Шане в период X в. (В. Раддов) или даже около середины II в. до н. э. (*Н. Аристов*! «„,„ каракиргызы суть отделившихся ранее II века ветвь кыргызского племени», кочевавшая в регионе Восточного Тянь-ТТТаня! [487, с. 46-47].

В то же время в научной литературе о кыргызах есть и диаметрально противоположные суждения, созвучные с мнением В. Бартольда. Вот как отзывается о вышеназванных версиях автор монографии о происхождении киргизского народа *К. И. Петров*! «Хотя современный уровень развития антропологии, лингвистики и общей тюркологии, археологии и других смежных наук показывает их несостоятельность, тем не менее некоторые исследователи до сих пор делают безуспешные попытки найти какие-либо «подтверждения» этим устаревшим гипотезам» [471, с. 47].

Такой отзыв в значительной степени вызван тем, что языки двух регионов, по мнению данного автора, не носят преемственный характер, так как язык енисейских кыргызов второй половины I тысячелетия относится к одной группе (уйгуро-огузской), а язык населения Тянь-Шаня домонгольского времени - к другой (карлуко-уйгурской). Язык же современных кыргызов относится к третьей группе (кыпчакской), который, как считает К. И. Петров, не мог развиваться в результате смешения двух предыдущих групп [там же, с. 47, 121].

Нам кажется, такая трактовка не в силах закрыть дискуссионный вопрос о возможных этногенетических взаимосвязях двух регионов в прошлом. Во-первых, нельзя воздвигать «китайскую стену» между указанными языковыми группами и вот почему. Хотя формирование киргизского языка в современной его структуре относится к сравнительно позднему времени, языковеды обнаруживают в нём субстратный слой древних кыргызских племён, живших в своё время на Енисее и в Минусинском крае. Это и естественно, поскольку и кыргызский, и кыпчакский языки сложились на общей основе динлинских и смешавшихся с ним племён. Возможно, именно этим объясняется неоднократное подчёркивание *Махмудом Кашг*

близости кыпчакской и киргизо-кыпчакской групп языков. Более того, нельзя забывать той истины, что в силу разных причин (фактор времени, миграции, дивергенция, билингвизм) языки претерпевают весьма серьёзные изменения, вплоть до замены своей группы или подгруппы внутри того же языка или даже до полной ассимиляции доминирующим языком. Поэтому принадлежность древних енисейских кыргызов и современных Тянь-Шаньских киргизов к различным тюркоязычным группам не может, на мой взгляд, отрицать возможности ранних языковых, может быть, и генетических связей между ними, установленных исследователями, а значит, и связей их преемников с общими предками.

*

Теперь подробнее о кыпчаках. Древнейшее упоминание о кыпчаках в китайских источниках относится к 201 г. до н. э. - почти одновременно с этнонимом «кыргыз». Одно из названий покорённых владений хуннского шаньюя Модэ (БоБадур/ Богатур) в старокитайском правописании, которое синологами транскрибируется как *кыпчак*. Этому мнению придерживаются А. Н. Бернит, Г. Е. Л. Н. Гумилёв, Л. 77. Потанов, Б. Е. Кумекоев, Д. Г. Савинов и др. Носителей этнонима цюйше / кюеше обычно помещают в северо-западной Монголии. Они, как и гяньгуны (предки кыргызов), переселились в регион проживания динлинов (и с которыми они смешались), из-за нападений и миграций хуннских племён с юга [485, с. 17-18].

Этимологию этнонима «кыпчак» (кюеше) связывают с древнетюркским корнем «куб» - бледный, жёлтый, а также его вариантом *qiba* (др.-тюрк.) - цвет между красным и жёлтым, который ассоциировался с цветом кожи и волос его носителей. По версии Ю. Пемета, русское, немецкое и армянское название половцев (потомков древних кыпчаков) *куман* тоже восходит к этому же корню: (б//м) - *куба+н* —> *куман* [488, с. 177].

Развивая свою теорию о существовании белокурой расы в Азии, Г. Е. Грум-Гржимайло пришёл к заключению, что кыпчаки - это западная ветвь алтайских динлинов. народа, который смешался с кочевым населением Казахстана и стал известен

под именем кыпчаков. Почти то же самое ещё раньше высказал *Н. А. Аристов*, в частности, он утверждал, что «светлую окраску части кыпчаков следует отнести смешению их с западными динлинами». Далее эту идею поддержали *М. И. Артамонов* и *Л. Н. Гумилёв* [489, с. 78-79].

В ранний период своей истории кыпчаки входили в состав крупного объединения кимацких племён (государство кимаков) с центром на Иртыше, которые на рубеже VII-IX вв. проникли из северо-восточной Монголии. В него первоначально входило семь племён: *имак (йемек), ими (эймюр), татар, ланиказ, оджлад* и *кыпчак* (*В. В. Бартольд*). Основным в кимацкой федерации было тюркоязычное племя *янмо/имак (йемек)*, одно из телеских племён, давшее название всему этнополитическому объединению [456, с. 103-104]. Кимаки в своей первоначальной основе были народом монголоязычного круга, в дальнейшем сильно отюрченного, почти полностью ассимилированного в процессе более чем 300-летнего проживания на территории Казахстана в кыпчакско-йемекской тюркоязычной среде. В «Худуд ал-Алам» есть сообщение о том, на каких правах входили кыпчаки в кимацкий союз племён. Часть кыпчакских племён пребывала ещё в полной зависимости, а часть находилась уже на стадии отделения от кимаков. О другой локальной группе под названием «Андар аз-хифчак» мы узнаём как об отдельной у кимаков области, расположенной в Западном Казахстане [489, с. 20-21, 143].

На протяжении XI-XIII вв. кыпчаки становятся настолько могущественными, что они в течение этого периода шаг за шагом захватывают пастбища в среднем течении низовья Сырдарьи, а также в окрестностях Приаралья, прокладывая путь к рынкам среднеазиатских и восточноевропейских городов. После падения города Янгкента кыпчакское движение нанесло окончательный удар и положило конец существованию державы сырдарьинских огузов. Во главе донских половцев свыше 150 лет стояла династия шаракунидов, вышедших из кимако-кыпчакского объединения.

В связи с широкой экспансией новых территорий кыпчака-ми бывшее название «*Степь огузов*» сошло на нет, и земли от Алтая до Ителя стали именоваться «*Деит-и Кыпчак*» (Степью

кыпчаков). А спустя некоторое время и черноморские степи стали *Подем половецким* в русских летописях.

Половцам приходилось сталкиваться и с русскими князьями, но вместе с тем они по их же приглашению служили в войсках Владимира Мономаха, Всеволода Владимировича, братьев Романа и Давида Святославовичей, князей Святополка Изясла-вича, Мстислава и Георгия Владимировичей, и, по генеалогии русских князей домонгольского периода, все эти князья женились на дочерях или внучках половецких ханов, а у части из них матери были половчанками. Такие династические браки, безусловно, способствовали как политическому, так и культурному сближению двух длительно соседствующих народов.

В исторической и этнологической науке в последние годы появилась ещё одна версия о раннем названии кыпчакского этноса, альтернативная по отношению к *кипчак*). Автор этой версии С. Г. Кл подметил: «Отсутствие каких-либо упоминаний о кыпчаках ранее VIII-IX вв. кажется загадочным и заставляет предположить, что такого рода информацию содержат в зашифрованной для нас форме уже известные источники». И такую информацию он обнаружил в Селенгинской надписи погребального сооружения Элетмиш Бильге кагана (744-759 гг.), одного из создателей Уйгурского каганата. По заключению исследователя, в ней этноним «кыб-чаки», содержащийся в составе выражения «тюрки [и] кыбча-ки» властвовавшие над нами Гуйгурами! пятьдесят лет», совпадает с этническим названием «*сир*» в других памятниках аналогичного содержания. Иначе говоря, господствующую группу племён Второго Тюркского каганата (681-744 гг.), которая верховодила над уйгурами, собственно тюркские памятники каганата именуют «*тюрками и сирами*», а Селенгинский памятник называет «*тюрками и кыбчаками*» [Кляшторный, 494, с. 100-101].

Эта версия связывает происхождение кыпчаков и их культуру с Центральной Азией. Д. Г. Савинов попытался адаптировать её к своей точке зрения о происхождении кыпчаков от *кюеше/цюйше*, которые в хуннское время жили в Верхнем Приобье (а по версии Грум-Гржимайло и Гумилёва немного левее - в Минусинском крае. - Б.) и в 201 г. до н. э. со-

вместно с динлинами и гяньгунами были покорены хуннским шаньюем Модэ [495, с. 41-42].

Кыпчакские языки в настоящее время составляют наиболее обширную ветвь тюркских языков. От общекыпчакского языка развились четыре подгруппы: 1) западная: караимский, карачаево-балкарский, крымско-татарский, кумыкский; 2) северная: татарский, башкирский, барабинские татары; 3) центральная: астраханские татары, ногайцы-карагаши, казахский, каракалпакский, узбекский, ногайский; 4) восточная: алтайский, кыргызский [496, с. 19]. Языки барабинских и астраханских татар, по существу, являются диалектами татарского языка.

*

В заключение снова вернёмся к вопросу о «белокурой расе», связанной с динлинами. Для нас особый интерес представляет расовое (а заодно и языковое! происхождение динлинов, которое стабильно связывается учёными с андроновцами, «Очагом формирования андроновского подтипа большого европеоидного ствола были Казахстанские степи, в Минусинском крае андроновцы являются западными пришельцами» (Г Ф. Дебец. - 497, с. 70). Иначе говоря, на Западе элементы андроновской культуры переживают её минусинский вариант, и Грум-Гржимайло и вслед за ним Л. Н. Гумилёв видят в минусинских «андроновцах» именно древних кыпчаков-кюеше, народ, несомненно, динлинского происхождения, утверждают они [484, с. 323]. Таким образом, речь идёт, по существу, о расовой, антропологической преемственности, т. е. о рассмотрении «кыпчаков как западного варианта динлинской расы».

Этот позитивный, но половинчатый взгляд, по нашему мнению, несомненно вызван установившимся стереотипом в исторической литературе, что древние тюрки и их предки якобы изначально были монголоидами, который на деле, как явствует из беспристрастного нашего анализа, нуждается в пересмотре. Так что не только динлины («андроновцы») но и смешавшиеся с ними на разных территориях предки кыпчаков кюеше/цуй-ше (а также, добавим, предки кыргызов гяньгуны] практически должны были иметь европеоидные черты, пусть даже с монголоидной примесью. Однако, не отрицая предполагаемое Грум-

Гржимайло и Гумилёвым, а также Л. Р. Кызласовым [794] межгрупповое смешение указанных этносов, мы хотели бы затронуть вопрос и о языке динлин.

Китайцы называют их язык птичьим языком, где «много птичьих звуков» и больше никаких сведений. Нам представляется, что к этой скудной характеристике могут иметь отношение сохранившиеся до сих пор в современных языках кыпчакской группы (кыргызы, карачай-балкарцы, кумыки, татары-мишары) диалектные реликты, характеризующиеся цоканьем и чоканьем. Как раз обилие в речи именно таких звуков (ц, ч) могло и ассоциироваться с «птичьим языком».

И, независимо от информации о птичьей природе динлинского языка, отдельные китайские исследователи допускают, что динлины были потомками тюркоязычных <<тем>> [490, с. 214—215]¹⁷.

Имеются также попытки отождествлять динлин с енисейскими племенами, вернее, обосновать гипотезу о дин-линском происхождении кетов [492; 493, с. 57]. А вот как относится к этому вопросу Л. Н. Гумилёв: «Что касается кетов, то европеоидность их сильно преувеличена. Дебец их относит к енисейскому типу азиатского ствола. <...> По культуре кеты примыкают к западносибирской (угорской) группе, и если и была у них европеоидная примесь, то рассматривать их как осколок динлинов нет достаточных оснований» [484, с. 325-326]. Э. А. Новгородова же, в свою очередь, считает, что «ещё рано решать окончательно проблему идентификации динлинов с какой-либо определённой группой племён Центральной Азии. Но можно уверенно сказать, что наиболее перспективные районы для решения динлинской проблемы находятся в Западной Монголии и Китайском Туркестане» [491, с. 348].

Л. Н. Гумилёв решительно заявляет, что «нет никаких оснований не рассматривать «андронопцев» - кыпчаков как западный вариант динлинской расы». И добавляет, что **«носители андронопцевской культуры близки к «афанасьевцам» - диилиам»** [484, с. 322-323].

Наследниками «афанасьевцев» были племена тагарской культуры, дожившей до III века до н. э., после чего они приняли

на себя несколько монгольской примеси и создали таштыкскую культуру. Племена таштыкской культуры по существу являются потомками населения эпохи тагарской культуры 1 динлины1, но смешавшиеся до н. э. с пришлым тюркоязычным населением - гянгунями, которые вышли из Центральной Азии [484, с. 322; БСЭ, т. 25, с. 313]. Л. Р. видит в таштыковцах

Хакасии угров, рассматривая татарских динлинов как предков всех угров Западной Сибири [794]. Но Л. Н. Гумилёв на основе веских аргументов опровергает эту гипотезу и заявляет, что угорские топонимы в Хакасии легче объяснить приходом туда угров, нежели наоборот [484, с. 322].

Ко всему этому следует добавить, что на территории Хакасии, в Минусинской котловине ещё в бронзовом веке (первая половина II тыс. до н. э.) функционировала своеобразная окунёвская культура, которая сменила афанасьевскую культуру и предшествовала андроновской. Согласно исследованиям А. 77. Кондратенко, для этой культуры характерен целый ряд

мотивов, весьма схожих и общих как для культур американских индейцев, так и для более поздних культур сако-скифов.

Исследователь из образцов окунёвского искусства к таким мотивам причисляет, в частности, культ змеи-дракона, образов оленя и птиц, а также спираледиски и высокие шапки со специфическими звериными деталями, которые высечены на каменных изваяниях и вертикальных столбах [795; см. также 796].

Первопричину сходства и общности названных мотивов Кондратенко разъясняет так: «Вряд ли перед нами только типологическая общность. Возможно, это - следы палеолитической культуры Восточной Азии, своеобразного протошаманизма, для которого был характерен чётко выраженный культ змеи, связанный с почитанием птицы и оленя... *В отличие от индоевропейских и семитских мифологии Змий (или Дракон) в доколумбовой Америке и на Востоке Азии - существо, безусловно, благое*» [795, с. 72-73]. И именно в силу этого исследователь в данной общности древних культур усматривает один из веских аргументов в пользу генетического родства их носителей, восходящего к доисторической эпохе.

В данном случае со своей стороны мы бы указывали ещё на один немаловажный и древнейший регион, вернее, даже своего рода эпицентр, где засвидетельствованы самый ранний культ змеи-дракона, а также, согласно нашим исследованиям, самые ранние языковые параллели с тюркским миром и лексикой американских индейцев. Это, конечно, Передняя Азия, в частности, территория обитания автохтонных загро-каспийских, или, по другому, эламо-кассито-кутийских и субаро-хурритских племён неиндоевропейского характера [37, с. 84, 97], откуда, на наш взгляд, в далёком прошлом отпочковался прототюркский языковой массив (подробнее об этом - в следующих разделах).

Афанасьевское население, предшествовавшее андроновцам, также имеет *западное происхождение*, но генетически связано с брахикефальным (короткоголовый тип) населением эпохи ранней бронзы, которое проживало в степных районах Южной Европы и Передней Азии [498, с. 70; БСЭ, т. 21, с. 502]. В составе населения андроновской культуры Казахстана прослеживается также средиземноморский тип (с выпуклым носом), этот же тип отмечен и в погребениях Минусинской котловины [499, с. 33, 88].

Взаимосвязь ранних тюрков через динлинов с афанасьевцами и андроновцами - это, согласно нашей концепции, лишь один из эпизодов или этапов сложной, сопровождавшейся волнообразными миграциями истории палеотюрков, которые восходят к их первоначальной родипе - Передней Азии, если шпур - к Ближнему Востоку, где формировался на базе длительного симбиоза родственных диалектов и иноязычных племён и народностей прототюркский праязык.

В. С. Стоколос, М. Г. Мошкова, М. Ф. Косарев, Н. Я. Мерперт, А. Д. Пряхин рассматривают андроновцев не как этнос, а как полиэтническую культурно-хозяйственную общность. Это подтверждается разнородным и смешанным характером населения андроновской культуры Средней Азии и Западного Казахстана, где отмечаются представители двух расовых типов - европеоидного средиземноморского и другого европеоидного типа, характерного для степных племён эпохи бронзы [787, с. 231; 499, с. 97].

6. Скифы и саки: разнородность общей культуры и этническая неоднородность

Несмотря на то, что трудами исследователей разных профилей и поколений сделано очень многое, этническая и этнокультурная история скифов и саков до сих пор остаётся довольно противоречивым и далёким от окончательного решения вопросом. Нежелание прислушиваться к мнению друг друга, стремление во что бы то ни стало отстаивать свою точку зрения, даже вопреки здравым идеям и обоснованным исследованиям, превратили эту историю в клубок загадок, распутывание которых требует значительных усилий.

В качестве типичного примера можно указать на концепцию *Б. Н. Гракова* и *А. И. Мелюковой*, которые в своём исследовании утверждают: «Единство языка всех скифских племён может быть усмотрено ещё из преданий о происхождении скифов, которые переданы Геродотом. Лингвистическое изучение *В. Ф. Миллера* и его работ о принадлежности скифов и позднее сарматов к иранской ветви языков вполне принято лингвистами» [504, с. 40].

Но такое утверждение явно не согласуется с реальными фактами. *В. Ф. Миллер*, на которого ссылаются эти авторы, никогда и нигде не делал однозначного заключения, что скифы в этноязыковом отношении состояли якобы из одних только иранцев. Вот его ключевые умозаключения: «Есть основание думать, что вследствие соседства с Ираном в некоторой зависимости от персидского царя к скифам переходили и некоторые черты иранской культуры, в том числе и иранские имена, сложные, с освящёнными для иранцев словами *Ariya* и *Mazda*... Ношение благородного имени не позволяет видеть иранца в каком-нибудь скифском кочевнике-царе. <...> На существование различных по языку народов в Скифии указывает известное свидетельство Геродота о том, что скифы нуждались в семи переводчиках, чтобы проехать по народу агрипеев... Значительный процент варварских имён неиранского происхождения следует поставить на счёт различных неиранских и неопределённых доселе народностей» [505, с. 266, 279].

В другой работе, опубликованной годом позднее, учёный уточнил и конкретизировал свои мысли: «Мы несколько не от-

рицаем возможности того, что царские и кочевые скифы принадлежали к не арийскому племени, как полагает Ф. Г. МиујеНз /<~о. скажем более: это предположение кажется нам вероятным» [506, с. 121].

Представители теории ираноязычности скифов вовсе обходят молчанием вопрос о происхождении личных имён явно неиранского происхождения. Уже одно то обстоятельство, что из всего количества 425 «варварских» имён, зафиксированных в античных письменных источниках, В. Ф. Миллер 258 считал неиранскими, иранскими же признаны всего 167, что ясно указывает, несколько преждевременными были выводы об иранизме скифско-сакского и сарматского языков. Поэтому учёный практически речь ведёт, по его собственным словам, о «присутствии среди скифов в числе других этнических элементов - элементов иранского», при этом В. Ф. Миллер допускает, что в Турине под названием саков «могли скрываться, наравне с кочевниками иранскими, и кочевники уралоалтайской ветви» [506, с. 101].

Греки всех кочевников называли скифами, в то время как персы называли среднеазиатских кочевников саками, а вави-лонцы и ассирийцы - гимирриями. В литературе неоднократно отмечалось, что «отец истории» Геродот не всегда последователен в употреблении термина скифы: он вкладывал в него то политический смысл, когда речь шла обо всех племенах, объединённых под владычеством царских скифов, то этнографический, когда имел в виду собственно скифов или скифов как таковых, т. е. господствующую кочевую орду. Характеристика, которую Геродот даёт кочевым скифам, не может быть приложена к скифам-пахарям, скифам-земледельцам, каллидам и ализнам - народам-земледельцам, сеющим хлеб. Большинство исследователей считают, что это подчинённое земледельческое население этнически должно было отличаться от завоевателей, и видят в них автохтонов, вынужденных платить дань победителям. При этом они назывались скифами (или двойными терминами - скифы-пахари, скифы-земледельцы), скорее всего, это было даннической зависимостью одних племён от других, скифских [507, с. 222].

Большинство комментаторов полагает, что именно царские скифы (иногда вместе с номадами-кочевниками) являются

скифами в подлинном смысле слова. При этом дискуссионной остаётся этническая и языковая идентичность скифов. Об этом красноречиво свидетельствуют не только итоги научных конференций, проводившихся в разные годы Институтом истории и материальной культуры АН СССР, а также организованной журналом «Народы Азии и Африки» в 1980 г. дискуссии по проблемам скифологии, но и время от времени появлявшиеся в печати труды с противоположными взглядами и нестандартными аргументациями.

Приведу хотя бы часть нестандартных высказываний об этнической и этноязыковой природе скифов, наталкивающих на объективные размышления: «Скифский язык», как нечто единое, целое и монолитное для всех племён, известных у греков и римлян под именем «скифских», есть фикция» (К. М. Колобова) [508, с. 433]; «Были ли скифы иранцами, как это полагают, за недостатком данных решить в настоящее время нельзя... Языки, на которых говорили скифы, мы не знаем, а если верить Геродоту (а не верить ему мы не имеем никаких оснований), скифские племена говорили на разных языках и объяснялись между собой через переводчиков» (С. И. и Н. М. Руденко) [509, с. 85]; «Положение о «скифах как этнически едином населении степного Причерноморья» далеко не бесспорно... монокультурность региона может прекрасно уживаться с полилингвизмом и полиэтничностью» (О. Н. Трубочёв); «Надёжно установленная принадлежность скифов к ираноязычным народам пока ещё не столько аксиома, сколько гипотеза» (Л. А. [510].

Необходимо подчеркнуть, что такая общность полярных взглядов поддерживается антропологами. Так, крупный антрополог современности В. 77. Алексеев недвусмысленно утверждает следующее: «Вопреки мнению тех исследователей, которые видят генетические истоки скифов сибирских или так называемых скифо-сакских культур в единой этнической среде и сравнительно ограниченной территории, палеоантропологические данные дают возможность поддержать другую гипотезу: **скифо-сакская, или скифо-сибирская, культурная общность не образует генетического единства и сложилась на базе нескольких разных но иронсхождению антропологически**

своеобразных компонентов, которые и этнически могли существенно отличаться друг от друга» [511, с. 233-234]¹⁸.

Однако полемизировавших между собой учёных, особенно неконсервативного склада, интересуют не только физическая разность скифов, но и системные различия, скрывающиеся за кажущейся монокультурой. Эту удерживающуюся много лет схему решительно ломает известный казахский археолог *К. А. Акишев*. Он уверенно и дерзко утверждает: «Теория о единстве культур скифского времени евразийских степей основывалась исключительно на блеске золота и бронзы, на таких элементах культуры, как «скифская триада»¹⁹, при этом недостаточно учитывались менее яркие, но не менее важные её компоненты, как погребальный обряд, керамические сосуды, предметы быта. Между тем эти составные части культуры имеют принципиальное значение для определения генезиса выяснения этнической истории племён» [512, с. 44].

Итоги исследований К. А. Акишева, а также археологические и палеоантропологические реалии из районов европейской Скифии и саков Азии убеждают в том, что утвердившееся мнение о монокультурности этих регионов во многих аспектах неверно. Эти данные подтверждают, что культура этнически разных племён степной полосы Евразии была скифской лишь по формально-типологическим признакам и местной по этносоциальному содержанию. В том числе и всегда подчёркиваемая общность вооружения и конского снаряжения в значительной степени также кажущаяся.

Скифская культура, конечно, не ограничивалась лишь материальной сферой, но охватывала также и духовную сферу. Исходя из того, что индоиранская языковая семья входит в состав индоевропейской языковой общности, приверженцы теории ираноязычности скифов упорно пытаются разыскать параллели в эпических сюжетах и мотивах, пантеоне богов и мифологических верованиях и в искусстве «звериного стиля» с идеологическими представлениями индоиранцев («Авеста») и индоариев («Ригведа»), Особую настойчивость и находчивость во всём этом проявляет археолог и историк *Е. Е.*, которая уже

много лет цепко и упорно держится за теорию тотальной, всеобщей ираноязычности скифов [513; 514].

Однако французский учёный Ж. изучавший скифское общество в аспекте преемственности и в сравнительном плане с индоариями и древними иранцами («народ Авесты»), пришёл к поразительному выводу о том, что скифское общество далеко уклонилось от индоевропейской, в том числе от иранской модели. По его мнению, ничто не указывает на существование у скифов, выделенных им, трёх слоёв (жрецов, воинов и земледельцев или кочевников-скотоводов), в частности, у них отсутствовало жричество, так как в Скифии, не считая ворожбы, религиозные акты отправлялись главными лицами - начиная с царей и заканчивая главами семейств [515, с. 155, 157].

Такого же мнения, кстати, придерживался и *Артамонов*. Концепция Ж. Дюмезиля перекликается также со взглядами И. М. Дьяконова, допускавшего при этом трёхчленное деление общества только для индоариев и одной определённой группы иранских племён («народ Авесты») и отрицавшего его для скифов.

Для нашей темы чрезвычайно интересно, что, как установили Дюмезиль и его последователи, **модель скифского общества, оказывается, больше соответствует социальной структуре сарматов, хунну и даже средневековых казахов и монголов XV-XVIII вв., чем индоевропейскому и индонранскому обществу III-II тыс. до н. э.** [515, с. 155, 157]. *Е. В. Черненко* не только ставит под сомнение «иранское единство» скифов, но и полагает вполне правомерной реконструкцию многих сторон скифского общества на базе аналогии с евразийскими кочевниками [Вопросы истории. - 1978. - № 8. - С. 69].

Попутно заострим внимание на том, что сторонники теории иранского всеобщего единства скифов безапелляционно заявляют и беспрекословно считают, что алтайские и тюркоязычные племена продолжали у себя многие социальные институты и соответствующие им ритуалы и символы не в порядке этнической преемственности или наследования, а якобы заимствовали их от общей модели у ираноязычных скифов, будучи культурно отсталыми и более поздними пришельцами. Как тут не вспомнить пресловутую

«теорию влияний», сопровождающую индоевропейскую науку, которая чаще всего решает культурные и языковые параллели в духе влияния «большого» народа на «малый».

Одной из базовых идеологических мотивировок этнического единства скифских племён считается генеалогическая легенда о происхождении их «царей» / ксай, т. е. в данном случае трёх сыновей от одного отца - Таргитая, которая якобы подтверждает генетическое родство всех скифов. Однако давно замечено, что подобные легенды (вспомним, например, библейские легенды о сыновьях Ноя и Яфета) чаще всего не отражают кровное родство между условно объединёнными и легендарными родоначальниками различных племён и народов. Да и отождествление окончания «*ксай*» имён упомянутых сыновей: Арпоксая, Колоксая и Липок-сая с явной натяжкой с древнеиранским словом означавшим «царь», «владыка», не может считаться безупречным. Насколько нам известно, присутствующее в легенде имя Таргитая в раннем средневековье всплыло у тюркоязычных аваров: руководителя делегации, посланной от них в Византию, называли именно так. Кроме того, более убедительные, на наш взгляд, такие окончания имён, как *-тай*, *-сай*, а не *-ксай*, отнюдь не являются чуждыми и для древних тюркоязычных имён: *Артай*, *Алатай*, *Матай*, *Отей/Атей*, *Арсай*, *Уксай*, *Урсай*, *Турксай*, *Хорасай*, *Ток-сай* [517]. Отметим, что у приволжских болгар и чувашей были идентичные имена и без окончания «сай»: *Колак*, *Арбак/Арпак*. Компонент же *сай* в тюркских языках означает «знатный», «благородный»: *сай-ыг* (шор.), *сай-ын* (осм.), *сай-дун* (алт.).

*

Хотя *Ж. Дюмезиль* и предполагал, вернее, допускал то, что свойственная древним индоариям и иранцам модель, вероятно, продолжала существовать у скифов в сфере их идеологии, на деле же в общескифской духовной культуре, включая мифологию и религиозные представления, отсутствует ряд наиболее характерных для «Ригведы» и «Авесты» идеологических особенностей и этноопределяющих признаков. **Приведу весьма примечательный и в высшей степени поразительный пример, который никак не хотят замечать нлп, скорее всего, сознательно обходят**

сторонники всеобщего иранизма скифов и саков. Как установлено исследователями, учёными многих поколений, индоевропейские народы, включая индоариев и иранцев, были змеборнами - яростными противниками культа змей [12 (2), с. 527; 21 (1), с. 530]. И не случайно даже несколько веков позже на основе этих верований в христианской религии прочно утвердилось отождествление змеи с дьяволом, сатаной, принявшим обличие змеи. В мифологических текстах названных народов находящийся наверху (на небе, на горе) бог Громовержец преследует змея или змееобразное существо, находящееся внизу (под горой у воды) и выступающее как представитель нижнего враждебного мира, и в конце концов убивает его, освободив тем самым удерживаемые змеем скот и водный источник. Вспомним из «Ригведы» возглавляющего пантеон богов индоарийцев бога Грозы и войны Индру (indra), убивающего змея Вритру, перегородившего течение рек [64, с. 759-760]. Или же вспомним из «Авесты» верховное божество иранцев Ахуру-Мазду, противостоящего, согласно дуальной идеологии священного писания зороастризма, главе сил зла и тьмы Ангро-Майнью, который породил змею и создал страну «рыжеватых змей» (на наш взгляд, здесь имеется в виду Туран с его жителями светлой расы, который находился во враждебных отношениях с Ираном). Туранский правитель Арджаспы (по-ирански дословно «Конокрад» - имя-прозвище, данное явно иранцами) был ярким противником зороастризма и вёл непрерывную борьбу с покровителем пророка Заратуштры Кави-Виштаспой [518, с. 24].

В авестийской или иранской мифологии к этому же полярному ряду относится трёхглавый дракон *Ажи-Дахака*. Вторая часть этого имени, по всей вероятности, взаимосвязана с названием враждебного иранцам туранского племени дахов, которые, по выражению персидского царя Дария (522-486 гг. до н. э.), «не чтили Ахуру-Мазду». В легендарной истории Ажи-Дахака - царь-узурпатор, захвативший власть над частью территории Ирана. А в «Авесте» - это трёхглавый дракон, его противником является змееборец Траэтаон (на персидском - Фретон/Фари-дон).

Зороастрийской религии иранцев («Авеста») присущ дух нетерпимости: «Только правоверного маздаяниста, зороастрийца это

учение считает подлинным человеком: **к чужим народам зороастризм внушает ненависть, они для него неарийцы, «люди-насекомые», «змееобразные существа»** (Ясна, XXXIV, 5) и их истребление угодно Ахуро-Мазде. Эта тенденция намечена в «Гатах», в «Младшей Авесте» же эта человеконенавистническая сторона учения расцветает «пышным цветом» [519, с. 241]. Пророк Заратустра (др.-греч. Зороастр) идеализировал «праведную» хозяйственную жизнь оседлых земледельцев-иранцев, которую он резко противопоставлял несправедному кочевническому образу жизни туранцев.

Казалось бы, если скифские племена повально представляли из себя по этносу и языку собственно иранцев, то должны были сохранить, хотя бы в пережиточной форме, следы змеборческой идеологии, весьма характерной для их предков. Но источники, непосредственно повествующие о скифах, все без исключения об этом молчат. **В скифской мифологии и эносе нет ни божества, ни героя, носящего змеборческий характер.**

Зато у этого полиэтнического народа не только в мифологии, но и в изобразительном искусстве наличествует культ змеи. В частности, в греческих источниках сохранилась своеобразная генеалогическая легенда о происхождении скифов от полудевы-полузмеи, нижняя часть туловища которой завершалась ногами в виде змеи. Исследователи этот образ называют то просто мифической змееногой праматерью, то богиней-прародительницей, а некоторые даже отождествляют её со скифской богиней земли и воды, которая называлась Ани. Эллинизированная легенда, сохранённая Геродотом, гласит, что Геракл, чтобы вернуть себе упряжные кони, которые пропали, когда он спал, в качестве выкупа вынужден был вступить со змеевидной девой в любовную связь. После этого она родила трёх сыновей. И когда они мужали, от младшего из них, Скифа, единственного сумевшего натянуть оставленный отцом лук, произошли потом все скифские цари.

Из Причерноморья происходит и другая генеалогическая легенда в изложении греческого писателя Диодора, где с родоначальницей скифов вступает в любовную связь уже Зевс: «Скифы

рассказывают, - говорит Диодор, - что некогда появилась у них рождённая землёй дева, у которой верхняя половина тела, начиная с пояса, была женской, нижняя же змеиной, и что соединился с ней Зевс, от которого у неё родился сын по имени Скиф. Славой превзойдя всех своих предшественников, назвал этот Скиф по имени своему и народ свой скифами» [520, с. 234].

Не задумываясь о содержании этих легенд, одни исследователи (*Е. Е. Кузнецова*) упорно пытаются разыскать зооморфные параллели, т. е. схожие со змееобразными божествами причерноморских скифов звериные образы и символы из мифологии индоарийцев и иранцев, оставаясь, разумеется, на позиции «единого иранизма» скифов. Другие авторы им возражают: «Никаких свидетельств о зооморфных воплощениях скифских богов источники не содержат» (*Д. С. Раевский*). К. А. Акишев же, исходя из посылки того, что в сакской мифологии происходила перетасовка сюжетов, полагает, что это «делает бесперспективным поиск однозначного определения семантики звериных образов» [521, с. 96]. Однако при этом ряд исследователей (*Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова, И. В. Куклина, Н. М. Виноградова*) отождествляет скифов пастушеской культуры с андроновцами и ямниками, которых они считают индоиранцами.

Не вдаваясь в рассуждения, кто прав, кто нет в споре о наличии или отсутствии зооморфных образов у иранцев, обратим внимание читателя на чрезвычайно существенный момент в составе и семантике обнаруженных параллелей. Ведь почитание скифами своего солнечного бога (*Митра, Гойтосир*) в образе колесницы и коня, мчавшегося по небу, или же представление ими божества-покровителя коневодства *Тагимасада* в образе крылатого коня, отождествляемого некоторыми исследователями с греческим богом Посейдоном, и, наконец, скифские изделия «звериного стиля» никак не в силах объяснить, почему именно змей или змееобразное существо, а не другой зооморфный образ выбран скифами в качестве своего тотема-прародителя. Ибо змей-дракон, как мы видели, это крайне отрицательный, враждебный образ в мифологии и религии индоариев и иранцев, который подлежит уничтожению.

Если бы создатели указанных генеалогических легенд действительно были иранцами, даже эллинизированными, исполь-

зованные в качестве параллелей мифологические герои Геракл и Зевс, являющиеся, по сути, ярыми змееборцами, должны были непременно убить змеевидную деву. Но вместо этого перед нами встаёт целый и невредимый, главное, почитаемый скифами мифологический полужвериный образ их тотема-родоначальника. Именно в силу того, что эти легенды принадлежали собственно скифам северного Черноморья, греки записали и сохранили их первоначальную семантику в неизменном виде.

Вот тут мы кардинально расходимся во взглядах с ирнверженцами «единого или тотального иранизма» скифских племён и твёрдо и решительно склоняемся к тюркоязычности части из них. Ибо, как установлено наукой, в противовес индоевропейцам и иранцам, именно для древнетюркских племён с незапамятных времён в различных формах было характерно почитание змей. Мы имеем в виду в данном случае не только «белую змею», представленную в мифологии и фольклоре тюркских народов, но и одноголовую крылатую змею-сазагана (вар.: *саракан, сарукан, шарукан*) [97, с. 146; 526, с. 98]. А пришедший из индоевропейской и иранской мифологии многоголовый змей-чудовище был враждебным существом и для наших предков. Именно в таком амплуа он изображается в фольклоре и письменной литературе у тюркоязычных народов.

Языковеды-этимологи семантику слова «сазаган» связывают с тюркским корнем **cci3~sar* - болото, топь и присоединённым к нему аффиксом *-ган/-уан*, что вкупе означало летающую рептилию или крокодилообразное водное существо, обретавшее мифологическую природу [526, с. 103]. По нашим исследованиям, праформа шз. правда с другим аффиксом *z££3da/sazda* с родственным ему значением «змей», содержится в сакском («тумшукско-сакском»! письменном памятнике, обнаруженном в районе Тумшук на южных склонах Тянь-Шаня [307, с. 76]. Это, на наш взгляд, одно из свидетельств былых близких связей между названными саками и древними тюрками, а также общности и отличия их верований от иранцев. Именно в силу бытования в идеологии культа змеи-дракона в войсках среднеазиатских скифов, вернее саков и сарматов, были распространены штандарты-знамёна, сшитые из цветных лоскутов,

имеющие вид устрашающих змееподобных драконов. При движении ка-

Валерии они от встречного ветра надувались и, издавая свист, наводили ужас на неприятеля [527, с. 107].

Культ змеи-дракона от скифов и саков был далее унаследован хуннскими и древнетюркскими племенами. В нашей монографии «Древнетюркская поэзия» (Казань, 2014. - 390 с.) приводятся многообразные примеры, подтверждающие этот неоспоримый факт. Некоторые племена, например, кыпчакская династия шаракунов, кимаки, а также отдельные уйгурские роды и ханы, как и их предки скифы, своё родословие связывали со змеёй-сазаганом. Этот же образ, выступающий в роли мифологического оберега и защитника, занял почётное место на государственных эмблемах или своего рода гербах Булгарского царства и Казанского ханства, а на государственном «цесарском» флаге этого ханства жёлтого цвета, напечатанном в 1705 г. в сочинении *Корпуса Алярда* в Амстердаме, также красуется изображение крылатого змея-сазагана [12, с. 282].

Всё вышеизложенное, но нашему твёрдому убеждению, даёт веское и прочное основание для заключения о том, что мифологический образ змея-дракона с древнейших времён выступал и проявлял себя как этнический символ или, другими словами, этноопределяющий показатель, позволяющий отличить тюркский кочевой мир от ирапцев и шире-от индоевропейцев.

В ориенталистике имеет место гипотетическая версия, якобы пратюрки хунну и древние тюрки культ змея-дракона заимствовали у китайских соседей. Но это не так. Отдельные исследования и фактологические материалы по Передней Азии позволяют утверждать, что почти все западные (и частично центральные) области будущей Мидии с древнейших времён до нашествия иранских племён были заселены, по существу, этнически относительно однородным или близкородственным массивом, племенными группами, поклонявшимися по преимуществу змеиным божествам. В частности, в древней исторической традиции мидяне представлены в качестве племени «змеерожденных», в то время как зафиксированные позже на этой же территории ираноязычные племена, как это явствует

из отдельных мест «Авесты», выступают в роли яростных змееборцев [37, с. 84]. Территорию этнического массива, где проживали и другие племена змеепочитателей, условно называют каспийским или эламо-каспийским Гили же загорским). Этот регион как раз и находится на орбите Ближневосточного генетико-контактного ареального языкового союза, из состава которой, по нашей концепции, вышли прототюрки.

Не догадываясь, точнее, не сумев уловить принципиальной разницы между змеепочитателями и змееборцами и исходя лишь из созвучия имён, некоторые исследователи-иранисты умудряются сопоставить и сблизить скифского родоначальника Таргитая с иранским змееборцем Траэтаоном (перс. Фери дон), индийским Трантаным, которые, согласно мифам, боролись с трёхглавым драконом и освобождали женщин и стада быков из плена. К ним присоединился со своими исследователями и почтенный русский археолог и историк *Б.А.*, со своей стороны добавивший к этим образам ещё индийского Трита (др.-инд. Trita) и греческого Геракла, победивших также трёхглавых змеевидных чудовищ. Согласно точке зрения автора, получается, что якобы именно тот эпизод, где излагается борьба и убийство Гераклом чудовища Гериона, сближает греческий змееборческий миф со скифской миролюбивой тотемистической легендой. Мы считаем такие суждения беспочвенными потугами, лишь запутывающими и сбивающими с толку научный мир и читателя.

Другой зооморфный сакрализованный у скифов образ, позволяющий размышлять об этнической идеологии и принадлежности части скифов к тюркскому миру. - это **ВОЛК**. Если у подавляющего большинства индоевропейцев волк считался вредоносным, враждебным зверем²⁰, а мифологический **«фольклорный мотив борьбы с волком (у них же) нитериретировался как семантический эквивалент мотиву змееборчества»** (*А. А. Потебня, Е. Л. Мороз*), то у хуннов и тюркоязычных народов, судя по историческим данным, это животное почиталось и даже у некоторых племён воспринималось как тотем-прародитель. Эта традиция, безусловно, также восходит к скифо-сакской среде, поскольку тюркское название волка *bori* по своему

корневому составу стоит весьма ближе к сакскому *birgg/birgga*, чем к индоевропейской и иранской праформам *1 > *Ikooi* **vrka* соответственно. К тому же в древнеиранской религии зороастризме волк, считавшийся созданием Ангро Май-нью, относился к вредным животным, которых проклинал пророк Заратуштра. Зато образ волка получил достойное отражение в искусстве «звериного стиля» сако-скифских племён. Об этом, в частности, свидетельствуют изображения волка на бляхах и рукоятках мечей в позе свернувшегося змея, т. е. в позе сакрали-зированного и почитаемого отдельными племенами причерноморских скифов и среднеазиатских саков зооморфного образа и животного. И толкование А. А. Потебни о взаимозаменяемости и формальной тождественности волка и змеи, а следовательно, о причислении и волка к разряду вредоносных животных [523, с. 119], в данном случае работает именно в пользу религиозных воззрений скифов (и, **разумеется, древних тюрков), почитавших и обожествлявших обоих названных животных.**

*

В отечественной и зарубежной скифологии весьма дискуссионной и противоречивой продолжает оставаться проблема происхождения и местонахождения прародины скифов. По этой проблеме существует несколько гипотез: 1) автохтонная гипотеза, связывающая причерноморских скифов со срубной и андроновской культурами Восточной Европы и Средней Азии (Б. Н. Граков, О. Н. Трубачёв); 2) центральноазиатская гипотеза, трактующая скифов как пришельцев из глубин Азии (И. Артамонов, В. И. Абаев); 3) переднеазиатская гипотеза, ставящая во главу угла формирование в том регионе так называемой «триады», придавшей скифской культуре характерный облик (А. И. Тереножкин); 4) новая переднеазиатская гипотеза, объясняющая происхождение скифов волнообразными миграциями коренного (а не пришлого!) населения из этого ареала на восток (Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов). Но надо особо подчеркнуть, что все эти гипотезы вплотную смыкаются с проблемой происхождения индоарийцев и иранцев вообще. И при этом большинству современных мужей науки, особенно представителям индоевропеистики, мешает признать наличие среди скифов

тюркоязычных племён довольно твёрдо укоренившийся и господствующий в ориенталистике ираноцентризм.

Но факт остаётся фактом, как совершенно справедливо заметил *А. Н. Бернштам*: «спор о тюркизме или иранизме скифов столь же древен, как и сама ориенталистика» [532, с. 148]. *Н. Я. Марр* происхождение скифов связывал с так называемыми «яфетическими переднеазиатскими языками», к которым он, кстати, относил и древнетюркские языки [533, с. 191—192]. Исследователи-ориенталисты **А. Вамбери, А. Д. Мордман, Ф. Ленорман, Р. Г. Латам, О. Франке, К. Нойман, Ф. Г. Мищенко, А. Куннк, В. В. Латышев** ещё до Марра усмотрели в царских скифах и так называемых «скифах» саки тиграхауда («с остроконечными шапками») тюркоязычные племена.

Из этих учёных особого внимания заслуживают взгляды крупного венгерского лингвиста *А. Вамбери*. Он предостерегает исследователей от доверчивого отношения к лингвистическим свидетельствам, слишком недостаточным и ненадёжным, весьма искажённым в передаче греческих авторов. Гораздо большее значение Вамбери придаёт известиям древних о нравах и обычаях народов, вообще об их образе жизни. При этом он выделяет характерные для скифских кочевников жизнь в крытых повозках, использование паровой бани в войлочной же повозке-арбе, употребление кумыса, гадание по палочкам, упоминаемое Аммианом Марпеллином в известиях о гуннах, тюркский способ погребения покойников и т. п. А вот его резюме, основное заключение: «таким образом, та часть Геродотовой Скифии, которая простиралась к северо-востоку от Меотийского [Азовского] озера и к Волге, заселена была народами уралоалтайской расы - весьма вероятно - турками [тюрками], чем не исключается возможность того, что отдельные группы этой же расы и турецкого народа находились и среди так называемых Понтийских [причерноморских] скифов» [см. 534, с. 156].

Позже к указанным ориенталистам присоединились и другие авторы, отстаивающие принадлежность отдельных скифских племён к тюркской языковой группе. Это, в частности, отечественные археологи и историки *А. Н. Бернштам, Б. А. Серебряников, К. А.*

Акишев, из тюркологов - А. Г. Габаши, Х. си, С. М. Ареал, С. А. Аманжолов, О. Сулейменов, М. З. Закаев, И. Дурмуш, кавказоведы И. М. Мизиев, К. Т. Лайпанов, которые внесли значительный вклад в изучение языка, культуры и этнического состава скифов.

Однако сторонники индоевропейского, вернее, «ираноязычного единства» скифских племён, словно засунувшие головы в несок страусы, упорно не замечают этих исследователей и единодушно молчат или обходят их труды, как будто их вообще не существует. Причём везде: и в справочной литературе, и в ряде последних исследований скифологов - ираноязычность скифов преподносится как уже решённый вопрос, неоспоримая аксиома. Это, на наш взгляд, не что иное, **как аномальное проявление монопольного превосходства праоцентризма в ориенталистике и необоснованное стремление вытеснить тюрков из мира древних культур и цивилизаций, априорно представляемых якобы созданными исключительно индоевропейцами.** Кстати, о пренебрежительном отношении к тюркам и незамечании и непризнании скифологами их этнообразующей и цивилизаторской роли в ранней евразийской истории немало писал **Л. Н. Гумплёв.**

На примере одного характерного факта такое вот тенденциозное отношение к тюркам развенчал в своё время немецкий востоковед **Э. Эйхвальд.** Дело в том, что в тексте Геродота этноним *turcai*, абсолютно идентичный с зафиксированным Плинием и Мелой Помпонием названием того же племени, учёные и издатели книги отца истории исправляли на *jursae* и *шюрки*, усматривая в первом этнониме племенное название тюркских народов. По этому поводу Эйхвальд пишет: «Старинных издателей побудила к этому [исправлению Геродота] ревность к вере: они боялись допускать поганых турков в число древнейших обитателей Восточной Европы» [535, с. 77].

Справедливое критическое замечание Эйхвальда из современных учёных поддержал (правда, без ссылки на него) **З. Ямпольский** и в своей статье, озаглавленной «О тюрках V века до нашей эры», подчёркивал: «Основанием для того, чтобы считать, что в данном случае изменения произошли в рукописи (и в изданиях) Геродота, а не

в рукописях Мелы и Плиния, является то, что этноним «июрки» в аналогичных текстах Мелы и Плиния отмечен «тюрки» [585, с. 11].

Очень кстати здесь и высказывание крупнейшего языковеда, автора известной концепции так называемого языкового союза *Н. С.*

Трубецкого, решительно и начистоту разоблачающего тенденциозное и пренебрежительное отношение учёных индоевропейского мира к языку алтайцев-тюрков, носящему агглютинативный характер. Его высказывание в сокращённом извлечении заключается в следующем: «Если лингвисты до сих пор считали языки агглютинирующие более примитивными, чем флектирующие, то поступали они так, очевидно, только в силу эгоцентрических предрассудков, являясь сами представителями разных индоевропейских, а следовательно, флектирующих языков... [На деле] чисто агглютинирующие языки алтайского типа с неизменными корнями и всегда вполне однозначными суффиксами и окончаниями представляют из себя технически гораздо более совершенное орудие, чем флектирующие языки...» [4, с. 77].

Чтобы лишний раз аргументированно и более экспансивно подтвердить, насколько серьёзно и всесильно оказывали влияние на окружающих глубоко укоренившиеся в ориенталистике индоевропеизм и иранизм, хочется указать на крайне неожиданные и крутые повороты, а также трудно объяснимые противоречия в общих по теме исследованиях видного специалиста по Востоку *И. А. Алиева*. В своей первой капитальной монографии «История Мидии» (Баку : Изд-во АН ССР, 1960. - 360 с.) вот как он писал о сарматах и скифах: «Среди исследователей, изучавших скифскую проблему, были представители иранизма, видевшие в скифах только иранские племена. Однако сарматы едва ли представляли собой единую в этническом и языковом отношениях народность. Скорее всего, и это название, так же как и название «скифы», имело собирательное значение. Тот факт, что известные нам скифо-сарматские имена, по крайней мере, на одну треть состоят из имён несомненно неиранских (а это говорят сами иранисты), показывает, насколько преждевременны заключения о безоговорочном иранизме скифо-сарматов» [37, с. 100-101].

Вместе с тем *И. А. Алиев* резко отрицал ираноязычность автохтонной части мидийцев, при этом **допуская бытование в Передней Азии в глубокой древности субстратного языка, давшего начало как уралоалтайским, так и кавказским языкам** [там же, с. 77]. Но, увы, позже, скорее всего, под влиянием своего авторитетнейшего оппонента, яркого сторонника иранизма всех мидийцев²¹ и скифов *И. М. Дьяконова*, а также царившей в научных кругах ираноцентричной атмосферы он изменил самому себе и отказался от своих вымученных убеждений, повернувшись на 180 градусов, перешёл в стан иранистов. Вот его крайне тенденциозное утверждение, диаметрально противоположное прежним его весьма осмысленным и рациональным взглядам: «Твёрдо известно, что ни одно скифское имя или же имя из области Скифии античного времени не может быть признано тюркским» [536, с. 133].

*

Возвращаясь к версиям о происхождении скифов, остановимся теперь на более ранних, самое главное, реальных сведениях об их древнейшей истории, связанных с фактическим пребыванием названных своими именами скифов и саков на древнем Переднеазиатском Востоке. Исходя из версии о происхождении скифов из Азии, которой больше всего доверял сам Геродот, современные исследователи в подавляющем большинстве принимают именно эту и миграционную версию как наиболее достоверную и рассматривают скифов не как аборигенов Прикаспия и Северного Причерноморья, а как пришельцев с востока. А вторжение скифов в погоне за киммерийцами в земли Мидии - Переднюю Азию рассматривается как следующий этап в их начальной истории. В отдельных исследованиях подчёркивается, что переднеазиатские походы ранних скифов предпринимались и раньше, т. е. ещё до этого похода, притом совершались они из другого региона - Предкавказья, где уже обитали носители раннескифской культуры [541].

Выступление скифского царя Ишпака (Ишпака) в 70-х гг. VII в. до н. э. против Ассирии - тому бесспорный и весомый пример. Царь Ассирии того периода Асархаддон (680-669 гг. до н. э.) об этом столкновении оставил хвастливую надпись: «Я, рассеявший людей страны Маниев, неусмирённых кутиев, побил

оружием войска Ишпакая, скифа, союзника, не спасшего их» (И. М. Дьяконов) [100, с. 150]. Для нас в данной надписи самое интересное и важное то, что в ней зафиксирован самый ранний иноязычный этноним - самоназвание скифского племени в формате *skuz/asguz* И *икуз/ашгуза*, которое у ближневосточных народов передавалось с различными огласовками: *asguzdi/asguzdi* (ассир.) ~ *i* (вавил.) ~ (др.-евр.).

Это же название использовано и по отношению к другому скифскому царю *Партатуа* / **Бартатуа* (греч. вар. Протофи-ей): «Партатуа - царь (страны) Ишкуза» и его преемника - сына Мадея (Мадий) (греч. вар. Мадиес). Разгром царства Мидии и участие в войнах против киммерийцев на стороне Ассирии в качестве союзника, которые происходили также в VII в. до н. э., были связаны именно с этой скифской династией. И именно при их правлении впервые начинает упоминаться скифское царство в Передней Азии - Ашкуз или Ашкеназ (в Библии - Аскеназ). По мнению историков, центр скифского царства находился в Восточном Закавказье - на территории современного Азербайджана с прилегающими к нему районами. Скифы укрепились там сравнительно надолго и достаточно прочно. Ликвидация царства Ашкуз (Ашкеназ) произошла только в первом десятилетии VI в. до н. э. [516, с. 218-221].

О. Сулейменов обращает внимание на правописание, вернее, на вариант передачи термина-этнонима на разных языках: *джив* (др.-греч.) (латинская транскрипция *south*, которая прочиталась и как *scyth*) *skytha* (лат.), *skuth* (англД, *scut* (итал.), *скиф* (рус.) и на их основе выводит праформу **skit* со значениями «кочевник», «скиталец», «скитаться» [100, с. 151]. Наряду с этим исследователь предлагает и другую этимологию этнонима *(a)sguz(a)*: *ic-oguz* - «внутренние огузы», связывая его с наименованием предполагаемого им подразделения племенного союза огузов, которое, кстати, именно в формате «ич-огуз» - внутренние огузы нашло отражение в раннесредневековом огузском эпосе «Книга моего деда Коркута» [там же, с. 153-158].

Поспаривая версию О. Сулейменова, мы со своей стороны полагаем, что в этнониме *as-guz/as-ku* (куз) в ассирийских и древнеевропейских документах впервые запечатлена, возможно, в

зетированном иноязычном варианте в конце, прототюркская праформа *giir/kuz* (z//r) - *giir* (*гур*) в значении «племя», «страна», которая позже в древнетюркских диалектах превратилась в аффикс, сохраняя при этом первоначальную семантику *.ути-гур,кути-гур, кутри-гур, сара-гур, он-о-гур.*

Сравните: *giir/kur* (шум.) - страна ~ *уур* (хатт.) ~ *ур-да* (общетюрк.) - государство (др.-тюрк.) [537, с. 59; 116, с. 34; 16, с. 35].

У Геродота приводится ещё один этноним, относящийся к скифам. Он пишет: «Все племена [происходившие от сыновей легендарного Таргитая] вместе называются [321, с. 237]. Из-за невозможности вывести семантику этнонима «*сколот*» из иранских языков, иранист В. И. Абаев вынужден сослаться на Н. Я. Марра, который искал объяснение этому термину в «доиранской яфетической речи», у древних носителей этого слова [543, с. 363-364]. Однако эта лексема, оказывается, уверенно этимологизируется на базе тюркских языков. В словаре Э. В. Севортяна указаны формы *ulut* (кирг., каз., ккалп.) - народ, народность, нация. В остальных тюркских языках - (t//s) - *ulus/olus* - народ, страна, племя, люд, сборище. В древнетюркском указано ещё одно значение - «селение». Ряд исследователей, занимавшихся этой праформой, в том числе и Э. Севортян, считают её по происхождению тюркским словом [100, с. 158—159; 41, с. 592].

О. Сулейменов же начальную часть этнонима *сколот* без огласовки (ск.)²² связывает с тюркским словом *iski*, употребляющимся обычно в сочетании с названиями племён или народностей. Отсюда и возникает сложное слово *iski+olot* (в произношении *isk-olot*) - «внутренний народ», которое, как утверждает автор, греческим письмом могло передаваться в виде *gkolot/skolot* [100, с. 162-163]. С таким же успехом слово *ulut/olut* могло сочетаться и с древнетюркской лексемой *eski*- - старый, древний, вкупе обозначая «древняя народность, страна».

Кстати, и среди иностранных востоковедов есть скифологи, которые усматривают не только в названии . но и в их племенном составе неиранский характер. Так, немецкий учёный Г. Коте в авхатах, катиарах, траспиях и паралатах видит племенные группировки неиранского доскифского населения эпохи бронзы,

назвавшего себя сколотами по имени царя Колоксая, название же скифы было дано им греками позднее [507, с. 209, 431].

Но в силу того, что определённая часть, или отдельные племена скифов, должно быть, являли собой иранцев, мы, конечно, не должны упускать из виду также и их раннюю этническую и этнокультурную историю, поскольку названная ветвь скифов, должно быть, унаследовала от них свой язык и этно-определяющие свойства и признаки. Безусловно, общественноидеологическая модель иранцев, как мы уже видели, разделяющая мир на иранцев-арийцев и «чужих» неарийцев и призывающая истреблять последних, змееобразных существ [Ясна, XXXIV, 5], представляет собой весьма существенный этноопределяющий показатель. А спекулятивные утверждения иных скифологов о том, что у иранцев и скифов в лице божеств Митры и Анахида /Анахиты были и общие, якобы иранские боги, никак не может служить доказательством ираноязычности всех скифов. Ибо, согласно исследованиям **К. В. Тревера** и **А. В. Шмидта**, бог Митра пользовался почитанием у народов Переднего Востока уже в середине II тыс. до н. э. А культ Анахита первоначально сложился у кочевых туранцев, обитавших у берегов Сырдарьи, и в Бактрию был привнесён вторгшимися из-за Яксарта саками; покорившие их впоследствии иранцы и водворившие туда религию зороастризма в силу некоего синкретизма и отсутствия у них божества плодородия переняли культ этой богини [578, с. 85-86; 579, с. 498].

По концепции Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, выделение индоиранской языковой группы из греко-армяно-арийского диалектного ареала произошло именно на Переднеазиатском Востоке [12 (2), с. 898-899]. Отсюда в первой половине II тысячелетия до н. э. индоиранские племена сместились на восток. Далее с севера Иранского нагорья арии (индоарии) проследовали в Индию, а саки и скифы позднее, в железном веке, прошли в Среднюю Азию, а через неё - в Евро-пейские степи. Некоторые исследователи отделение иранских племён от индоариев переносят на территорию Средней Азии и северо-западной Индии [64, с. 429; 366, с. 3]. Анатолийскую гипотезу *Т. В. Гамкрелидзе* и *В. В. Иванова* о происхождении индоариев принял и поддержал *В. И. Сарияниди*, автор выдающихся открытий по

Ближнему Востоку, предположив, что древние иранцы пришли по Оке (Сырдарье) именно с запада, где они действительно контактировали с греками [541, с. 5].

Движение иранцев на восток, сопровождавшееся оседанием и освоением новых земель, и обратное движение части населения в силу различных причин на запад, в том числе на территорию бывшей прародины своих предков, в основном приходится уже на исторически обозреваемые времена.

Так, новейшими археологическими изысканиями выявлено местонахождение других скифов, отложившихся от царских скифов приазовских, которые, по Геродоту, обитали выше иирков. Эта местность оказалась на территории современной Марийской АССР, исконно считавшейся местом обитания угро-финских племён. Здесь в раскопанном археологами Ахмыловском могильнике вместе с инвентарём местной ананьинской культуры найдены не только скифские вещи, но и предметы северокавказской кобанской и урартской культур. Таким образом, упомянутые Геродотом «отложившиеся скифы», уйдя с Переднего Востока и далее из Приазовского региона, совершили колоссальный бросок на северо-восток и достигли Средней Волги [538, с. 35]. Отметим, что некоторые слова, общие со скифами, сохранились и в лексике марийцев, которые, кстати, представлены и в древнетюркских языках. Это: **kaH/kar 'Ia* (скиф.) - нож, меч -*kardta* (авеста) - (коми) - *kort*// (удм.) [539] *kert* (др.-тюрк.) - топорик, кирка (кирг.) - не рочинный нож [34, с. 220] || **kana/kono* (скиф.) - конопля -*kone/ кыне* (мари) - *канешь* (морд.) - «то же» || *ken-dir* (др.-тюрк.) - конопля [539, с. 36; 298] || *aIuga/ахура/ахуры* («Авеста») - божество - *азоро/азыры* (мордва) - низшие божества [540, с. 262-263].

А в качестве примера этнических и этнокультурных перемещений с востока на запад можно указать на создателей ранней культуры скифоидного типа, которая нашла отражение в предметах из кургана *Арджанв* Туве, оставленного ими. По мнению ряда исследователей (М 77. *Грязнов, А. И. Тереножкин, И. В. Ку-клина*), убеждённых сторонников ираноязычности скифов, этот курган позволил едва ли не окончательно установить местонахождение прародины скифов якобы в юго-восточной Сибири, а также сложение

специальной скифской культуры именно там, которая затем в VII в. до н. э. будто бы была принесена скифами в Причерноморье. Но такое утверждение совершенно противоречит установленной отдельными исследователями и отстаиваемой нами объективной истине о поликультурности обще-скифского наследия и полиэтничности его носителей. Тем более аналогии предметам из Кургана Арджан имеются как в пред-скифских древностях Восточной Европы [541. с. 41-42], и я бы ещё добавил: и в Передней Азии. И, в конце концов, весьма уязвимым в этой концепции является, на наш взгляд, априорное и предвзятое утверждение безусловной ираноязычности создателей Арджана. А где же аргументы? По мнению иных учёных, они вполне могли быть и обосновавшимися там предками тюрков.

Таким образом, согласно исследованиям ряда поколений здравомыслящих учёных, доказаны разнотинность общественной модели и системные различия идеологических представлений и культуры, а также антропологические отличия скифских племён. Если мы действительно убеждены в том, что среди них были и ранние тюрки (шире - существование ещё раньше генетико-контактного родства их предков прототюрков с Переднеазиатским Востоком), то мы в своих изысканиях должны опираться исключительно на реальные языковые параллели, а также мировоззренческие, религиозно-мифологические и культурно-этнографические общности скифов с тюрками и ближневосточным миром. Помимо вышеизложенных аргументов, немало новых фактов и оценок, опирающихся на объективные реалии, ещё предстоит узнать читателю в следующих разделах книги.

7. Этническая обособленность туранских саков и причастность их к образованию раппетюркских племён

В седьмой главе «Истории» *Геродота* говорится о том, что «Персы всех скифов зовут саками». Это сообщение приводится в том месте, где дана информация о так называемых амиргий-ских саках, а после неё в скобках Геродот добавляет близкий ему греческий эквивалент: «оно (это племя) было, собственно, скифским» [312, с. 426]. А было ли название «сак/сака» действительно персидским? Исходя из постулата, что саки были иранцами, исследователи-иранисты этимологизируют

сие слово на иранской почве: *saka*- из осетинского *sao* ← **saka* - олень (В. И. Абаев) и **spaka/ svari* - собака (М Мордман, А. Вундекенс, Ричард Фрай). Названные животные, по мнению этих авторов, были тотемами сакских племён [544, с. 158; 507, с. 394]. Г. Бейли же предлагает связывать праформу «сак» с другой семантикой, которая засвидетельствована в индоиранском памятнике «Ригведа»: «могущественный, сильный, умелый» - (?), она, с точки зрения учёного, употреблялась как эпитет к слову «мужи» («могучие мужи»). Перечислив все эти этимологические гипотезы, В. Брандеништейн и М. Майрхофер, авторы вышедшего в 1964 г. немецкого издания руководства по древнеперсидскому языку, пришли к выводу, что «происхождение этнонима не является твёрдо установленным» [там же].

Мы в отношении значения этнонима «сак» полагаем более убедительной и правомерной этимологию, содержащуюся в сочинении «Этника» (вар. «Описание племён») греческого автора *Стефана Византийского*. Этот труд включает в себя много малоизвестных и весьма ценных сведений, извлечённых из безвозвратно утраченных трудов Гекатея, Теопомпа, Александра Полигистора и других. Вот нужный нам отрывок из «Этника»: **«Саки - народ; так называют скифов от доснеха (сакод - щит), потому что они изобрели его»**, то есть, получается, это слово имело переносное, фигуральное значение «щитоносец», *saka* - «щитоносцы». Вспомним из Бехистунской надписи²³ Дария, высеченной в 20-х гг. VI в. до н. э. на скале на территории древней Мидии, имена *Сакесфора* и *Тамира*, которые, очевидно, во время войны носили щиты как необходимую часть вооружения, о чём также говорит и Геродот, описывая вооружение саков в составе войска Ксеркса.

В «Истории» Геродота, в частности, впервые упоминаются щиты-панцири «из железных чешуек, наподобие рыбной чешуи», в которые были одеты воины, у них «на правом бедре с пояса свешал кинжал-акинак», «оружие скифов» («вооружение это, собственно, мидийское, а не персидское», комментирует это место переводчик) [321, с. 425, 667]. А Мидия в тот период, как гласят ассирийские источники, находилась под сильным влиянием (естественно, и в отношении типа

вооружений) проникших из причерноморских и среднеазиатских степей и смешавшихся с аборигенными мидийцами саков. Имеются также сведения о саках-тиграхауда (саки с «остроконечными шапками»), которые носили щиты-доспехи.

Комплекс скифского оружия, по археологическим данным и специальным исследованиям, состоял из шлемов, панцирей, боевых поясов, ножных доспехов, щитов. Для изготовления защитного вооружения, в частности доспехов, характерно использование сравнительно небольших металлических (железных и бронзовых) пластин, нашиваемых на кожаную основу наподобие именно рыбьей чешуи. И надо особенно отметить то, что защитное вооружение скифов-саков было одним из наиболее развитых и совершенных в Евразии того времени. В скифское время сформировался, в общем, весь набор оружия, не претерпевший существенных изменений вплоть до эпохи Средневековья. Широкое распространение сако-скифского вооружения на территории Евразии объясняется, безусловно, его высоким качеством [548, с. 142-145]. Так что утверждение *Стефана Византийского* о том, что название «**сака от доспеха**», на самом деле имеет реальное основание, подкреплённое существенными историческими фактами.

Парадоксально и очень показательным также то, что **лексическая праформа «сак»**, засвидетельствованная у греков как название воинского снаряжения для предохранения от стрел и ударов режущего и колющего оружия, **сохранилась и у древних тюрков- *saq/cak*, даже, возможно, изначально эта лексема-архетип имела прямое значение «защита, охрана», *saqi'n* — остерегаться, беречься, защищаться** [36, с. 486].

По всей вероятности, употреблявшееся персами как этноним слово «*сак/сака*» - это племенное самоназвание среднеазиатских кочевников, которое возникло и использовалось, по сути, в противовес самоназваниям «*скиф*» и «*сколот*» европейских кочевников. Имя саков впервые упоминается в VII в. до н. э. в ассирийской надписи царя Ашшурбанапала. В этой надписи известный по другим источникам киммерийский вождь Тугламме именуется «парём саков» или «парём страны саков и Гутиума» [545, с. 142-143; 546, с. 143; 547, с. 84].

Отсюда вытекают три основных весьма важных вывода: 1) у проникавших из Причерноморских степей и бытовавших в VII в. до н. э. на Переднеазиатском Востоке кочевых племён уже существовал этноним «сака»; 2) этот же этноним служил самоназванием как для собственно саков, так и для киммерийцев (вар. гиммерийцев). Вместе с тем в вавилонской версии ахеме-нидских надписей среднеазиатские саки именовались как «гиммирри»; 3) употребление термина «сака» как эквивалента для обозначения не скифов, а проникших из Юго-Восточной Европы киммерийцев позволяет поставить вопрос об общих, но пока ещё специально не изученных генетических корнях причерноморских киммерийцев и среднеазиатских саков. По наш взгляд, именно этим, должно быть, объясняется зафиксированный в Причерноморье и бытовавший также среди среднеазиатских саков культ змеи-дракона. Это тем более возможно, поскольку исследователи допускают, что какая-то часть киммерийцев вместе со скифами в начале VI в. до н. э. вернулась через Кавказ в северное Причерноморье [582, с. 130].

Вместе с тем иные специалисты усматривают в отдельных народностях Причерноморья и прилегающего к нему Кавказа бывших соседей или даже остатков самих киммерийцев, если, конечно, почитание змеи-дракона как тотема царей не зародилось в среде царских скифов, являвшихся по этносу, как считает ряд исследователей, не иранцами. Таковыми, в частности, считаются крымские *тавры, алазоны, меоты и амазонки*²⁴. Само название Крым некоторые исследователи производили от имени киммерийцев, но французский ориенталист Ф. Ленорман выводил название Крым от татарского *grim* - крепость, откуда и русское «кремль» [507, с. 172-173; 581, с. 187].

И ещё одна характерная деталь, соответствующая образу жизни, т. е. совпадающая, в отличие от иранцев, с общественной моделью алтайско-тюркских кочевников. *Гомер* в своей поэме «Илиада» впервые попавших в поле зрения в Малой Азии киммерийцев называет «доителями кобылиц и млекоедами» (XIII, 1), а греческий учёный и поэт *Каллимак* в отношении войска киммерско-сакского вождя Тугдамме () употребляет метафору «войска доителей кобылиц» [583, с. 6]. Определение «доители кобылиц», кстати, прилагалось и к

скифам, которые из кобыльего молока делали кумыс. Как тут не вспомнить иной, можно сказать, этноразделительный факт, касающийся образа жизни ираноязычных осетин, которых иранисты считают прямыми потомками скифов. Мы имеем в виду утверждение *Л. Н. Гумилёва* о том, что «осетины считали грехом пить кумыс», получаемый именно от брожения кобыльего молока [584].

По книге «Бытия» *Гомер*, представленный как отец Ашкеназа (скифы) и Тагармы (нескифские народы Кавказа), является сыном Яфета по линии легендарного Ноя, давшего после потопа начало народам Старого Света. Согласно «яфетической теории» *Н. Я. Марра*, эта языковая общность, состоящая из языков средиземноморских народов, включая даже древние народы Кавказа и Ирана, была допрометеидской («доиндоевропейской») и «доиранской». Иранские, скифские и тюркские языки, сохранившие субстратные элементы этого общеязыкового состояния, по данной теории, генетически восходят именно к древним яфетидам Переднеазиатского Востока [533, с. 191-192]. А индоиранские языки в целом Марр рассматривает как результат «автохтонного» и «стадиального развития» в этом же глобальном плоттогоническом процессе.

Что же касается этнической природы и взаимоотношений европейских скифов и среднеазиатских саков, то отождествление и объединение их в единый ираноязычный этнос, на наш взгляд, вызвано безоговорочным и некритическим принятием сообщения Геродота о том, что этнические названия «скиф» и «сак сака», бытовавшие раздельно у греков и персов, якобы соответствовали друг другу, т. е. были равнозначными эквивалентами. Именно этим объясняется исправление *В. И. Абаевым* при переводе с древнеперсидского языка на русский этнонима *сак/ сака*, относящегося к носившим островерхие шапки, на «скиф» в Бехистунской надписи персидского царя Дария (522-486 гг. до н. э.). Да и в другой надписи Дария этот же учёный-иранист, сторонник ираноязычности всех скифов, обитавших в Средней Азии, выражение «саки, чтущие хаому» переводит как «скифы хаумаварга», что, на наш взгляд, является искажением исторических реалий.

Между тем не только персы, но и ассирийцы (подчас даже греки!) в основном верно отражали в своих источниках этнические названия

племён, оказавшихся в Передней Азии. Ассирийский царь *Ашшурбанапал*, например, как отмечалось выше, Тугдамму/Токламиш. являвшийся по античной традиции главой киммеров. называет парём не скифов, а «саков» Гили «парём страны саков»). Эти же этнические названия существовали в те времена и в других вариантах и продолжали сохраняться в топонимике Ближнего Востока. Таковы сведения *Страбона* об области Сакасена и о племенах сакасанов или сакесинов *Плиния* и *Арриана*. В армянских и греческих источниках Сакасен назван Шакашеном. Кроме того, на территории Азербайджана, Грузии, Армении и Турции сохранились топонимы *Шака*, *Баласакан*, *Сакатала* (*сака* + *тала* - долина саков), *Гымыр* (производное от ассирийского названия «гимир») и *Кимир*, отражающие названия ранних этносов, обитавших когда-то в этих регионах [549].

Эти данные согласуются с историческими сведениями, по которым в 70-х гг. VII в. до н. э. на севере Ассирии возникли два крупных центра сосредоточения киммеро-сакско-скифских объединений: одно - на юге Урарту во главе с *тутуа*, другое - на севере и западе Урмийского озера, на территории Манны во главе с *Ишпакаем*. Последний из них со своим народом выступил в качестве союзника манниев и мидян, восставших против колонизировавшей их Ассирийской державы, и фактически оказался у колыбели образовавшегося благодаря этому освободительному движению Мидийского государства. Партутуа/Бартутуа же, первоначально находившийся во враждебных отношениях с Ассирией, женился на дочери царя этого государства и вышел из политической игры, направленной против Ассирийской державы. Это и спасло Ассирию от поражения и распада как государства. Впоследствии сын Бартутуа развернул военные действия в Мидии уже на стороне ассирийцев [37, с. 226; 549, с. 189].

Далее мидяны, попавшие в зависимость от скифов, одержали победу над ними, и последние вынуждены были уйти на восток - в степи Северного Причерноморья. Часть скифов, однако, осела в Мидии и в последующем выступала совместно с мидянами в их борьбе с ассирийцами. В то же время на территории Южного Азербайджана продолжало существовать киммеро-сакское этническое

объединение Сакасен, что видно из древней топонимики и сообщений *Арриана*: он упоминает сакасанов в составе войск ахеменидского царя Дария III, выступавшего против военных сил Александра Македонского (336-323 гг. до н. э.).

Как полагает историк *Ю. Б. Юсифов*, по своему этнолингвистическому составу киммеры, саки и скифы не были однородными. Они состояли как из иранских, так и из кавказоязычных и тюркоязычных этносов, которые соответственно были двуязычными. Этимологию этнического названия «сак» этот автор связывает с тюркским словом *say* - доить, отсюда, как считает исследователь, и «доители» (кобылиц) [604, с. 34]. Давно существующее мнение, что под эгидой скифов и саков находились и тюркоязычные племена, подтверждается также сведениями византийских и античных историков, которые тюрков отождествляли с древними саками и массагетами (согласно , «тюрки в древности назывались саками», а по *Феофану Византийскому* - массагетами. А *Прокотий Кесарийский* гуннов отождествляет с древними киммерийцами) [549, с. 192].

Имя главы киммеров и «царя саков» в Передней Азии - *Тугдаммы/Tugdammī*, у немецкого исследователя - *Tukdammi*, а в прочтении английского ориенталиста *А. Н. Сайса* - , восходящее к сакско-киммерийскому антропониму *Тукдамис* [37, с. 235]. Мы же в свою очередь, этимологию этого слова не имеющего, по признанию самих иранистов, удовлетворительного объяснения в древнеперсидском языке, связываем с общетюркским собственным именем в древне тюркском - *Togtamv*^ произошедшим от праформы «тукта» - остановись, тукта-ν - остановиться, тукта-мыш 1-мыш здесь аффикс"). - остановка, прекращение. Это табуированное имя давалось в целях противостояния возможному летальному исходу новорождённого в семье и вообще предупреждения и избежания преждевременной смерти носителя этого имени.

Рецензируя книгу о саках известного западноевропейского ориенталиста *Юлиуса Юнге* (Julius Junge), где автор анализирует расовые и этнографические особенности, а также сведения о языках сакских племён, *С. Волыни* ещё до возобладания ираноцентризма как

модного явления в востоковедении подчёркивал, что в своей работе Юнге, пожалуй, лучше всего показал, что саки единым народом не были никогда [550, с. 134]. В современной научной литературе саками называются древние племена северного и восточного районов Средней Азии, Казахстана, восточного Туркестана, в отличие от скифов Северного Причерноморья. В конце VI - начале V в. до н. э. часть саков была покорена персидскими царями из династии Ахеменидов, после чего саки стали регулярно поставлять воинов для их войска [БСЭ, т. 22, с. 502].

Древнеперсидские надписи Дария и Ксеркса различали несколько групп сакских племён: в двух самых ранних списках покорённых народов (надписи Бехистунская и Персепольская) встречается этническое название *саки (saka)*, в более поздних - *саки-хаумаварга*, *саки-тиграхауда*, которые за Согдом, *заморские саки*. Саков-хаумаварга отождествляют с амиргийски-ми саками Геродота и отводят им восточные районы Средней Азии. *Саков-амиргийцев* же приравнивают к заяксартским (сырдарьинским) сакам *Страбона* и *Птолемея*. Саки-тиграхауды («с остроконечными шапками»), как правило, помещаются в западных областях Средней Азии, и одни историки считают, что тиграхауда - это саки-киммерийцы из царства Сакасена в Закавказье. Другие локализируют их в районах Семиречья и При-тыньианья. Заморские же саки размещаются в Приаралье или Прикаспии [507, с. 392-393].

В «Авесте» сакские племена выступают под несколькими именами, из которых наиболее употребительно *тура*. Это убедительно доказали зарубежные и отечественные ориенталисты *В. Гейгер*, *М. Маркварт*, *Х. Нюберг*, *В. И. Абаев*, *Б. А. Латвийский*. Географический регион или страна, где обитали туранские кочевые племена, в древних источниках получил название *Турам*, а в древнеиранском языке по правилам словообразования он назывался *Турйаной*. Туранпы находились во враждебных отношениях со своими оседлыми соседями из Ирана исповедующими, в отличие от них, зороастрийскую религию, и постоянно совершали набеги на их земли. Извечная многовековая борьба между Ираном и Тураном в зороастрийской традиции, особенно в раннем эпическом наследии, нашла своеобразное воплощение в мифологических и символических

образах и фантастических сюжетах, иначе говоря, оседлые иранцы как бы заново переживали свою историю именно в мифологии.

Мифологическое и, я бы добавил, зороастрийское мирозерцание позволяло оседлым иранцам отображать противостоящие им кочевые племена в виде различного рода змееобразных существ. В «Авесте», например, неоднократно упоминается имя враждебного иранцам туранского героя *Azi-dahaka*, изображённого в обличье чудовищного дракона. Этот образ, ассоциировавшийся в ранней зороастрийской литературе со зловещим трёхглавым змеем, постоянно подвергался историзации и впоследствии стал иноземным царём, узурпатором иранского престола. А легендарный *Тур*, родоначальник восточных кочевых племён, которому при разделе его отцом царства между тремя сыновьями достались Чин и Туран (Туркестан), в среднеиранской традиции характеризуется как лицо «нечистой крови, происходящее по материнской линии от окаянного Зогака» (Дохака)²⁵.

В энциклопедии «Мифы народов мира» в качестве первопричины враждебных отношений между Тураном и Ираном указывается легенда, где Тур со своим старшим братом убивает младшего брата *Эраджа*, которому их отец завещал Иран и Арабистан. Это убийство стало причиной вражды Ирана и Турана, говорится в статье о Туре [21 (2), с. 534]. Но это лишь видимая часть айсберга. Основная причина заключается в разнотипном характере их образа жизни и идеологии. Туранцы и вообще сакские племена не смогли, конечно, смириться с религией, которая призывает убивать кочевников. Персидский царь Дарий в Бехистунской надписи прямо говорит, что «саки были неверными и не почитали Ахура-Мазду». Саки поклонялись явлениям природы, в том числе плавному небесному светилу - Солнцу, и в честь природных стихий они совершали ритуальные жертвоприношения.

В отличие от оседлых иранцев, саки-кочевники были волко-и змеепочитателями, что как этнокультурные определители сближало их с тюркскими племенами. Об этом красноречиво свидетельствуют красочные изображения свернувшегося волка и извивающихся змей на железном клинке и ножнах кинжала, которые были обнаружены в сакском кургане Иссык и в других местах. К прикладному изобразительному искусству саков относятся такие археологические находки, как образы гиппокана-крылатого коня-змея, изображённые на серебряных печатях и блюдах, а также браслеты и ожерелья-обереги, концы которых завершаются змеиными головками. Одним словом, для саков-туранцев Средней Азии были характерны свои специфические образы, а индо-иранский состав старших и младших верховных богов остался, по существу, им чуждым.

Более того, термин «арья» маркировал, главным образом, оппозицию между оседлыми иранцами и саками-турами Средней Азии, которые обитали в восточных степях Прикаспия и Приарья, Ахеменидские придворные историографы, расходясь между собой по многим аспектам легендарного этнонима и священной его истории, в отношении общего индо-иранского этнонима единодушно отказывали «туранцам», сарматам и дахам, т. е. северо-восточным племенам, в принадлежности к числу «арья». Причём это нашло подтверждение и в оценке «Авесты» (с точки зрения

Фарвардин-Яшты, 143) их как не «арья» (в скобках надо добавить, что и греки не считали саков за «арья»), А в генеалогической легенде из Причерноморья у младшего сына, избранника из трёх братьев, эпонимом был, естественно, *Айрик-Ирадж*. Да и родина пророка Зороастры, находившаяся в регионе Восточного Приаралья, включая бассейн Амударьи (по *Б. И. Вайнбергу* - в районе дельты Сырдарьи), где он получил признание и где пролегла значительная часть маршрутов его странствий, называлась в своё время *Арья-нам Вайджа*, а по-пехлевийски - *Эран-Веж* [552, с. 15; 560, с. 205-206].

Поражает и наталкивает на нестереотипные размышления и другой не менее загадочный факт, связанный с мировоззрением, вернее, с историческим сознанием древних ариев-индусов. Оказывается, ещё в VIII—VII вв. до н. э. индоарии, как и иранцы, не считали саков своими родственниками по этносу и языку, т. е. ариями. Об этом красноречиво свидетельствует пророческая надпись индийских брахманов, отражающая ожидающие их в «конце мира» апокалиптические события: «Когда таким образом возникнет ужасное смешение каст, явана (ионийцы-греки), **шака (саки) и другие варвары** появятся на севере, юге и западе. С течением времени их сила возрастет. **Они нападут на ариев**, будут сражаться с ними и победят их. Города они осадят, деревни, дома и дворцы сожгут огнём» [559, с. 112].

Из вышеизложенного напрашивается закономерный и концептуальный вывод: **стало быть, сакские племена (по меньшей мере самая активная или воинственная их часть) по происхождению действительно не были ариями, а значит, иранцами.** К тому же заключению нас приводят неопровержимые факты и из других памятников индоарийцев, а также из «Авесты», созданной самими же иранцами.

По древнеиранским источникам, земля туров располагалась в верхнем и среднем течении Амударьи, рядом с областью пророка Зороастры, и называлась областью *Кангха* (авест. *Kanha*). Именно к

ней примыкали «авестийские туры» из области Сырдарьи, которые как составная часть входили в объединение ази-

атских саков [544, с. 156]. Как полагают некоторые историки, в дальнейшем царство Арьяна Вайджа было сметено нашествием туров в VII в. до н. э., и иранцы-зороастрийцы из этого региона бежали на юг и юго-запад, где присоединились к оседлому населению Ирана, в том числе и к автохтонным мидийцам. Именно здесь ищут «место обитания [авестийских] ариев», относящихся примерно к IX-VII вв. до н. э.

Вышеупомянутые набеги туранцев совершались, естественно, на эту самую территорию идеологически настроенных против них соседей. Иногда эти набеги выливались в крупные нашествия, и эти вторжения сопровождались постепенным продвижением восточного этнического элемента на юг, в том числе и в оазисы.

Но при всём этом мы, конечно, не должны забывать, что миграции происходили и в обратном направлении. Проникновение, или, по традиционной терминологии, «возвращение» скифов из Передней Азии через кавказские проходы в Причерноморские степи, - тому один из последних по времени примеров.

На материале отдельных архаических реалий мы уже показывали идеологическое и культурное расхождение в так называемой «единой культуре» скифских и сакских племён европейского и азиатского регионов. **При мечательно и весьма существенно также то, что сакн и скифы расходились и по физическим расогенетическим показателям.** Вот что пишет по этому поводу антрополог *Г. Ф. Дебец*: «В Средней Азии не найдено черепов, похожих на собственно скифские. Саки Приаралья и Тянь-Шаня явно смешаны с монголоидами, на Памире же в сакское время жили «чистые европеиды» [554, с. 43]. А это выдержка из монографии, посвящённой скифо-сарматским племенам: «Череп приморских (причерноморских. - *М. Б.*) скифов по всем показателям не отличаются от черепов срубной культуры и в то же время они не имеют никакого сходства с черепами среднеазиатских саков» [555, с. 37]. Эти данные, по мнению авторов монографии (сюда же нужно добавить аналогичные показатели и выводы антрополога *Г. Т. Яблонского* [556, с. 130; 557, с. 44]), свидетельствуют против предположения о появлении причерноморских скифов из Средней Азии или же из глубин Азиатского континента.

Более того, согласно результатам исследований того же Л. Т. Яблонского, даже между сакскими племенами Средней Азии, в частности среди турского населения Амударьи и Сырдарьи, нет антропологического сходства. Обе эти группы существенно различались по физическому типу и на деле представляли два разных района в единой историко-этнографической области [556, с. 130]. Поэтому не нужно удивляться тому, что некоторые исследователи в противовес учёным, пытающимся всеми силами защищать теорию этнического и культурного единства скифо-сакских племён, стремятся дифференцированно подходить и отдельно рассматривать их генетические корни, а также их язык и культурно-идеологическое наследие. Таких учёных интересуют, разумеется, и вопросы этнической и этнокультурной преемственности между сако-скифами и прямыми их потомками.

*

Одними из первых по времени из сакской конфедерации, по всей вероятности, отпочковались, точнее, произошли на основе тасмолинской культуры Центрального Казахстана, среднеазиатские предки сюнну-хуннов. Казахский археолог К. А. Акишев и археолог//. В. Полосьмак происхождения этой культуры связывают с протосюннами²⁶. Но, в отличие от своего коллеги по профессии, Полосьмак, по существу, возводит эту культуру к периоду формирования протосюннов и считает, что она возникла вследствие «вхождения сакского населения в состав сюнну на раннем этапе сложения культуры». При этом исследователь оспаривает влияние или проникновение протосюннов в столь ранний период (в IX-VII вв. до н. э.) с востока и утверждает, что влияние и миграция фактически происходили в обратном направлении. «Центральный Казахстан, Северо-Западный Алтай, Западная Монголия (где также отмечалось сакское влияние), Северный Китай - таков вероятный путь и места сложения одного из компонентов культуры сюнну», - заключает своё положение Полосьмак [433, с. 105; 512, с. 57-58].

Мы разделяем концепцию этого авторитетного исследователя, которая в изначальной части - о сакской основе тасмолинской культуры - смыкается с теорией Акишева. По разделяем её с немаловажными оговорками. Во-первых, туранцы-саки, принявшие прямое

участие в сложении определённой части хунну-сюннуского этноса и его культуры, на наш взгляд, были не аннями-ннаннами, а нраткюками. К вопросу о тюркоязычности отдельной прослойки или части саков Средней Азии мы ещё вернёмся далее.

Во-вторых, генетические корни нратюрков, в том числе определённой части сюнну-хуннов, в тот период не ограничивались лишь связью с племенами сакского круга. Согласно исследованиям А. В. Варенова, последовавшим после работ В. Польсмак, так называемая сакско-сюнская культура, выявленная в погребальном комплексе в Центральном Казахстане, неоднородна. Ранние погребения этого комплекса и керамику из него китайские археологи относят к *жунам* и Благодаря работам российских и китайских учёных проясняется, что эти разновременные захоронения аккумулировали в одно целое разные традиции, которые те или иные исследователи неслучайно относят то к сакам, то к жунам и ди, то к сюнну [435, с. 61-62].

Нам представляется, что изложенная динамика археологической ситуации проливает свет на древнейшую преемственную связь не только по линии или в аспекте этнографической культуры, но и на уровне генетической взаимосвязи или этногенеза между названными этносами. Ибо весьма резонно, что жуны и ди (этнонимы, данные китайцами!, мигрировавшие из Средней Азии и участвовавшие в создании на Дальнем Востоке ранних китайских царств ТТТань-Инь и Чжоу, вполне могут быть, хотя бы отчасти, предками также и саков или же восходить с ними же совместно к более древней общеязыковой среде.

Согласно концепции А. Н. Бернштама, распад заяксартской (Сырдарьинской) конфедерации саков, совпадающей, по существу, с сакскими племенами Турана, дал этнические объединения: 1) *усуней*, наиболее последовательно придерживавшихся традиций сакского кочевого союза, 2) *кангюй*, ядро которых составляли кочевники, обитавшие в Приаралье вблизи Сырдарьи, 3) *кушанов-тохаров*, состоявших из проникавших со стороны Турана кочевых и местных племён. Ряд исследователей и в настоящее время локализует усуней, отождествляя их, как было отмечено выше, с исседонами, именно в регионе Средней Азии и в Казахстане. Есть также исследователи, которые связывают

исседонов с носителями тасмолинской культуры или же с древними уйгурами [507, с. 254-255]. УСУНИ И АНТРОПОЛОГАМИ РАССМАТРИВАЮТСЯ КАК ПРЯМЫЕ ГЕНЕТИЧЕСКИЕ НАСЛЕДНИКИ САКОВ.

Тот факт, что в состав киргизского и казахского народов позднее вошли родовые объединения *уйсун* и *уйшун*, позволяет довольно уверенно предполагать этническую преемственную связь с древними усунями, представляющими дальнейшую трансформацию местного сакского населения. Китайский историк *Ши-гу* сообщает об усунях Семиречья следующее: «Усуньцы весьма отличны от других иностранцев Западного края. Ныне тюрки с голубыми глазами, похожие на обезьян, суть потомки их». Исследователи видят продолжение и остатки такого физического типа в уйгурах китайского Синьцзянского края, а также во встречающихся среди киргизов и казахов голубоглазых и русских родах-прослойках [499, с. 119, 141; 448, с. 190].

Согласно этнонимическим данным и исследованиям по этногенезу тюркоязычных народов, УСУНИ, ЯВЛЯВШИЕСЯ ПРЯМЫМИ ПОТОМКАМИ ТУРОСАКСКИХ ПЛЕМЁН, В VI-V ВВ. ДО Н. Э. «ВХОДИЛИ В КОНФЕДЕРАЦИЮ ПРОТОГУННСКИХ ПЛЕМЁН» (Ю. А. Зуев) и, трансформируясь дальше, вошли в состав многих тюркоязычных племён. Об этом свидетельствует дошедшее до наших дней родоплеменное название «уйсун» в родословном древе и узбеков, каракалпаков, нугайцев, башкир и татар.

Владение «Кангюй» (китайская передача) все исследователи считают наследием древней *Канхи*, бывшего центра Турана, области расселения туров и дахов. Аналогичная роль Канхи сохранилась в эпическом сказании «Шах-наме» Фирдоуси. По мнению А. Н. Бернштама, кангюйцы, обитавшие в бассейне Средней Сырдарьи, в горах Каратау и степях, примыкающих к ним с севера и северо-востока, являлись кочевыми племенами тюркского происхождения (а до него к такому заключению пришли В. В. Латышев, Н. А. Аристов, а из иностранных учёных - Ф. Ленорман, Х. Вамбери и Т.) [534, с. 146, 149-150]. В настоящее время большинством учёных признано, что Кангюй (по-китайски - Канцзюй) было создано тюркоязычными кочевниками, которые взяли под свой контроль население оседлых земледельческих районов [455, с. 201].

Нижнее течение реки Сырдарьи у арабских авторов также носило название *Кангар*. Этот ороним явно связан с топонимом-именем области *Канг* на Средней Сырдарье, а возможно, даже и с не

зафиксированным в «Авесте» общим или племенным названием обитавших там туров. М лексему Кангар разъясняет именно в этом ключе, в значении «люди с Канга», связывая её вторую часть с тюркским словом «аг» - человек, люди. Термин «кангар» как этноним появился в источниках, как замечает *С. Г. Кляшторный*, не ранее V в. н. э. Согласно же византийскому императору и историку *Константину Багрянородному* (905-959 гг.), содержащийся в его трактате «Об управлении империей» термин «кангар», безусловно, был древним, первоначальным именем **печенегов** («печенеги назывались кангар»), которое было связано с топонимом области или реки, когда они обитали ещё на Средней Сырдарье [563, с. 163-164]. Видимо, отталкиваясь от этого факта, *Г. В. Хауссиг* пришёл к заключению: «Название «кангар» даёт возможность предполагать, что ещё до прихода сюда гуннов здесь жили тюркоязычные племена» [564, с. 63].

Но большинство исследователей, связывающих происхождение и прародину тюрков с Алтаем или Центральной Азией, полагают, что тюркизация Средней Азии, в том числе и конфедерации кангюйских племён, началась лишь под влиянием всё усиливавшейся инфильтрации тюркоязычных этнических групп с востока не ранее середины I тыс. н. э. *А. Н. Бернштам* же относил начало этого процесса к более раннему периоду - середине I тыс. до н. э.

Исходя из восстанавливаемой нами прототюркской лексики, а также из расовой преемственности, восходящих к древнему Ближнему Востоку, мы решительно и твёрдо склонны связать генезис и архаический слой наречия предпологаемой нами пратюркской части саков, включая сюда же, безусловно, и туранцев, именно с Ближним и Переднеазиатским Востоком.

Чтобы лишний раз убедиться в этом, обратим самое пристальное внимание на объективные выводы ведущих антропологов *В. В. Гинзбурга*, *Т. А. Трофимовой*, а также *Т. К. Ходжаева*, связывающих древнюю Среднюю Азию с Ближним Востоком. Уже в эпоху неолита на территории Средней Азии и Казахстана бытовало население, характеризовавшееся древними европеоидными расовыми типами: северным (протоевропейским) и южным (протосредиземноморским). На территории Средней, как и Передней, Азии древний

средиземноморский тип представлен как высокоузколицыми, так и более широколицыми со средними пропорциями лицевого скелета вариантами. **Южноевропейский, протосредиземноморский тип в эпоху бронзы продолжает бытовать на юге Туркмении и в районах Среднеазиатского междуречья. Этот тип является основой в могильниках андроновской культуры Западного Казахстана.** Исследования *В. В. Гинзбурга, Т. А. Трофимой, В. Я. Т. 77. Кияткиной, Т. К. Ходжаева* показали, что среди древнего населения юга Средней Азии прослеживаются также «переходные формы» от средиземноморского типа к типу Среднеазиатского междуречья» [499, с. 294, 298, 301].

И ещё, как отмечает *Т. К. Ходж:* **«Широкий ареал расселения европейцев в древности объясняется демографическим давлением, исходящим из Переднеазиатских центров возникновения и развития производящего хозяйства.** Вероятно, часть демографических импульсов доходила до Средней Азии из Передней Азии не прямым путём, а круглым, через Балканский полуостров и евразийские степи согласно реконструкции *Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова*)» [565, с. 158]. Этим, должно быть, объясняются отдельные этнокультурные параллели и схождения между определённой частью европейских скифов и среднеазиатских саков (например, культ змеи-дракона и волка, левосторонний запах одежды!, генетические корни которых обнаруживаются на древнем Переднеазиатском Востоке. Это во-первых.

Во-вторых, древность тюркоязычного характера лексики определённой части среднеазиатских саков, т. е. её безусловленность «великим переселением центральноазиатских и восточных племён» и влиянием пришлых гуннов, доказывается весьма существенными примерами. Мы уже указывали на версию византийского автора о происхождении этнонима «сак» от переднеазиатского и греческого названия изобретённого саками доспеха (*sak-og-* щит), выражающего фигуральное значение «щитоносец». Самое главное, этот переднеазиатский корень с основным, первоначальным значением «защита», «охрана» сохранился как исконное слово у древних тюрков. Мы также указали на тюркский характер этнонима « », восходящего к

названию местожительства саков, и на имя царя саков в Передней Азии *Diydamig* (по существу, полностью совпадающее с общетюркским собственным именем *Туктамъи*).

К древнетюркским лексемам добавим также новые, этимологизированные нами же другие лексемы, связанные, безусловно, с сако-пратюркским миром в Средней Азии. Это гидронимы: озеро *Кансуа/Кансоуа*, расположенное на смежной с землями Восточного Ирана территории (*кан* 'конпо-древнетюркски «овца» + *со* - вода + *уа*- аффикс принадлежности = овечий водоём (река); озеро *Чайчаста* на территории древнего сакского государства Кангюй рядом исследователей (*И.* , *Г.*) отождествляется с Аральским морем, по легенде, это - место гибели царя туранцев Афрасиаба. *Чай, сай зай*, 1 в общетюркских диалектах - «водоём, река» + *часта/чиште* - в некоторых диалектах из Передней Азии - «чистый», а в самодийских языках *сада*, обско-угорских - **сис* вода, река [606, с. 133]^{27 28}. *Sairima / сайрима* - племя, обитавшее по соседству с районами расселения туров и дахов Приаралья и Средней Сырдарьи. *И. Маркварт*. и все исследователи вслед за ним без аргументации отождествляют этот народ с сарматами. По это отождествление не бесспорно, т. к. в том же регионе, судя по китайским известиям, жило племя *сэ (сай)*, которое современные исследователи называют саками.

Б. И. Вайнберг искусственно, с натяжкой сближает этноним «сайрима» с древнеперсидским **агуа/агат* со значением «обладающий мирными арийцами» [560, с. 208]. Мы же солидарны с другим дополнительным предположением того же автора о возможной взаимосвязи этнонима «сайрима» с позднее зафиксированными топонимами: это город *Сайрам* на Средней Сырдарье и озеро *Сайрам* у истоков реки или на окраине Семиречья. Оба топонима происходят с территории, где жили *сэ/ саки*. Следует особо отметить, что праформа «*сам* в различных фонетических вариантах {*сай, чай, зай*) в тюркских языках означает «река», «горная река», «неглубокая река», «водоём», что, конечно, более приемлемо по сравнению с предложенным иранским вариантом для указанной сакской праформы. К тому же есть веские основания предполагать,

что сайрама входила в коалицию враждебных к «арья» и собственно Ирану туранских, мы бы ещё добавили, неиранских племён [570, с. 156].

Вот ещё весьма убедительная и полностью соответствующая как по фонетическому составу, так и по значению древнетюркскому слову сакская нраформа, выявленная нами на туранских монетах. Как известно, саки во II в. до н. э. под давлением юечжи двинулись из Средней Азии на юг и нахлынули в Греко-Бактрийское царство, расположенное по среднему и верхнему течению Амударьи, а также на землях южнее её. Эти серебряные монеты чеканил один из правителей по имени Ге-рай, когда эти саки прочно утвердились в Бактрии между 128 г. и серединой I в. до н. э. По мнению исследователей, бросается в глаза резкое принципиальное отличие чеканки Герая от чеканки монет индо-скифских и индо-парфянских правителей. Издатель каталога монет *Е. В. Томас* подчёркивает дикий, воинственный облик изображённого, его «татарские», как он называет, черты.

Сопоставляя все экземпляры монет, специалистом написанный на них видоизменённым греческим алфавитом (бактрийским письмом?) текст-легенду прочитали так: TUPAN NOVNTOC²⁹ (/EΣ) HPAOY ΣANAB (варианты: ΣANABYy, ΣANABYI). По *А. Н. Зографу*, перевод текста гласит: «Правящего (царствующего) Герая, властителя». При этом допускается чтение последнего слова ΣANAB(Yy) как греческую передачу туземно-сюннуского титула шаньюй.

Паше же прочтение вносит существенную поправку в указанный текст и его содержание. Первое слово в нём, безусловно, означает название исторической местности Туран, где обитали саки. А **второе архаическое слово-корень этого текста «нау» со значением «равнина, низменность», оказывается, сохранилось (не чудо ли?!)** **в исконном, нервозданном виде в живых языках у сибирских татар** [63 (3), с. 693]. Отсюда, естественно, следует более точный перевод на древнетюркском языке «*Туранская равнина. Герай шаньюй (царь)*», где и порядок слов в тексте точь-в-точь соответствует тюркскому построению речи (правда, к тюркскому окончанию родительного падежа во втором слове по нумизматической традиции присоединён греческий аффикс -од). Кроме названия «Туранская

равнина», по данным авторов различного периода, эта же местность носила и другие схожие названия: у *Геродота* - «Равнина саков», у *Страбона* - «Равнина массагетов». В настоящее время снова задействовано древнее название местности: «Туранская низменность» (вар. «...равнина»).

Последнее слово EANAB(YI) на монете, как мы отметили, исследователи (*А. Н. Зограф, В. М. Массон*) считают искажённо переданным в китайской транскрипции гуннским титулом *ишньюй/иганъйы*. А если это действительно так, то как этот высокий титул *ишньюй*, вопрос о происхождении и семантике которого до сих пор ещё не нашёл удовлетворительного ответа (*В. С. Мирзаянов*, например, этимологизирует его как «*жан иясе*» - властелин душ) [94, с. 8], *В. С. Таскин* - как «почётный дом» [57, с. 306]), так и слово EANAB (YI), на наш взгляд, восходит к следующим неиранским праформам из Переднеазиатского Востока, а именно: *s* (мидийск.) - *сип-Ш* (элам.) ~ *jan-zi* (касситск.) - царь [37, с. 80, 96]. К ним, по всей вероятности, примыкает также и сакско-бактрийское и хотано-сакское слово-титул *son/saon* с тем же значением [580, с. 317-318]. (Сравните для интереса слово EANAB(YI) с яфетическим словом, как полагает *Н. Марр*, *челеби* - бог —> божественный —> родовитый —> знатный —> господин —> поэт [607, с. 120].) Исходя из того, что цари и правители данных государств Востока свой высокий статус связывали с обожествлёнными Солнцем и Луной, а также с сакрализированным Небом и подчеркивали это в различных вариантах в своей пышной титулатуре, вышеназванные титульные термины можно было бы выводить из имён тех же самых обожествлённых природных объектов. Корни этих праформ *san, cun, jan*, почти адекватны или очень близки к именам этих объектов на индоевропейских и других древних языках: **s-n* (и.-е.) - солнце ~ *sanctus* (лат.) - высокий, святой, творец ~ *сун* (хамит.: куш., чад.) - луна ~ *сун/син/син* (др.-сем., акк.) - лунное божество ~ *сен/* (кит.) - верх, ввысь ~ *сан-су* (кит.) - богиня луны (*япон.*) - небо *синлю* (хунн.) - небо ~ *гин/йин* (тюрк., монг.) - вершина ~ отсюда и имя *Qngiz хан* (Чингиз хан) (см. в словаре лексическое гнездо № 5).

Кстати, на Туранской равнине после вторжения с северо-востока кочевников юечжийского союза и распада Греко-Бактрийского царства на его месте возникло *Кушанское государство*. В этом государстве наравне с двумя официальными видами письма (бактрийским и индийским кхарошти) использовался особый вид сакского письма, до сих пор не расшифрованный. Есть основание полагать, что интересующая нас письменность скрывает язык пришельцев на территорию Бактрии, из среды которых вышли династии кушанских правителей. К ним же примыкает вышедшая из дахских (сакских) племён парфянская правящая династия аршакидов.

Мы уже приводили доводы современного археолога и историка *Н. В. Полосьмак* в пользу происхождения **сюнну-хуннов** из среды среднеазиатских саков. Нам также известно высказывание китайского посланника-дипломата в древнейшее царство Фунана в Камбоджи, касающееся хуннской письменности (**«их письменность напоминает письменность хуннов»**) [402, с. 79]. Если исходить из того, что фунанцы употребляли индийский шрифт брахми, то, нам кажется, можно протянуть нить между сюнну-хуннами Центральной Азии и саками Турана и Кушу на из Средней Азии. В унисон с нашим утверждением воспринимается следующее заключение *77. Н.*

Гумилёва: «Ещё важнее то, что он (факт наличия письма.

подчеркивает ин

дейское происхождение хуннской письменности: следовательно, держава хунну имела культурные (мы бы ещё добавили - и генетические) связи с Западом [там же, с. 80].

В эту же цепь размышлений напрашивается прозорливая догадка *А. 77. Бернштама* (правда, не подкреплённая ещё в тот период реальными доводами) в части предполагаемой генетической взаимосвязи скифов-саков и древних тюрков: «Непосредственным субстратом турецкого (тюркского) этногенеза является гуннское общество; непосредственным предшественником последнего - скифское. **Гунны, как азнатскне, так и евронейскне, выросли на скифской ночве»** [569, с. 49].

*

В связи с изложенными новыми фактами, раскрывающими Среднюю Азию как промежуточную (следующую после Ближнего

Востока) прародину пратюрков. нельзя не вернуться вновь к весьма интересной концепции С. 77. Толстова, связывающей происхождение *огузов* с приаральскими саками, которая была затронута нами ранее в разделе «Древние уйгуры и огузы - смежные с хуннами пратюркские объединения». Подчёркивая линейную преемственность в антропонимии древнего Турана, С. П. Толстов пишет: «Раннесредневековая этнонимика Приаралья в общих чертах повторяет этнонимiku этой области времён Птолемея и более древних. Основные имена Птолемея оказываются представленными в раннесредневековых источниках - несмотря на этнографические бури, которые пронесли за прошедшие столетия» [473]. В качестве примера автор приводит разновременные, но родственные между собой этнонимы конфедерации туранской народности, обитавшей в древней дельте Сырдарьи: *аугалы'* {Птолемеи), *аггасии* {Страбон), *аугассии* {Стефан Византийский), *огузы* (раннесредневековые источники).

Именно с этой этнонимической точкой зрения, а также с другими доводами связано основное заключение С. 77. Толстова'. «Здесь (в низовьях Сырдарьи). а не в далёкой Монголии нужно искать первоначальную локализацию имени огузу» (а соответственно, и народности), занесённого на восток с экспансией эфталитов в начале VI в. н. э., в состав которых в качестве существенного элемента³⁰ входили и Сырдарьинские протоогузские племена [474, с. 54].

Из предыдущего анализа нам также известно отождествление этим исследователем этнонима *аугас* / *огуз* с массагето-тюркским гидронимом *ogiiz* / *oki* - река, который совпадает с древним именем Амударьи - Оксос, осложнённым греческим аффиксом, однако сохранившимся и в акающей форме *Акес* у Геродота (rest. *Ад* - текущая вода). **«Я склонен видеть в этом слове, - пишет С. П. Толстов, - остаток массагетской речи, след массагетских племён (*mas-saka* - большая сакская орда или великие саки), активно участвующих в этногенезе среднеазиатских тюркских народов»** [там же, с. 50].

Если исходить из косвенных, вернее, из раннесредневековых источников, то регион формирования хазар также можно и нужно размещать на территории Турана. в районе Сырдарьи. Этот вопрос впервые подняла в своём исследовании *Б. И. берг* и на основе сведений из арабских источников, специально изученных *Т. М. Калининой* [586], выдвинула версию, что хазары могли формироваться как единое объединение восточнее территории их державы при Каспии и Нижнем Поволжье, а именно в районе среднего течения Сырдарьи. Однако Вайнберг при этом считает, что «хотя проведённое исследование письменных источников и позволяет впервые в науке достаточно достоверно выявить восточную (сырдарьинскую, или туркестанскую) группу хазар, но оно не даёт оснований считать район её расселения «родиной» хазар вообще (подчёркнуто нами. - *М. Б.*), так как нельзя исключить того, что обе группы (сыр-дарьинская и каспийская) могли прийти из какого-то третьего центра, где расселялись поблизости тюркюты и угры. <...> Возможно, что хазары были в числе тех племён, которых «гнали впереди себя» (VI в.) двигавшиеся на запад тюркюты» [560, с. 290-291].

Таким образом, автор, находящийся в плену устоявшихся стандартных представлений об алтайском и раннесредневековом происхождении тюрков, первоначальную родину хазар переносит на восток на более поздний период.

Мы же убеждены в том, что получившие название «хазары» кочевники (по версии отдельных исследований, хазар < хаз-/каз- - кочующий/шие. ар/ер - человек, люди) так же, как и огузские и печенежские объединения, формировались на базе конфедерации описанных нами приаральских и турано-сакских племён в Туране (Туркестан) и Сырдарья для них с самого начала была не промежуточной, а изначальной родиной.

Эти хазары не имели непосредственного отношения к Хазарскому каганату и были первоначально группой хазарских племён, расселившихся у Сырдарьи и вошедших в состав огуз-зов, которые господствовали на этой территории вплоть до IX-X вв.

Имя «хазар» засвидетельствовано как собственное имя в пехлевийском (древнеиранском) сочинении «Ядгар Зареран» среди противников (хионитов) Ирана, а также как этноним в «Истории

Армении» *Моисея Хоренского* очень рано. Эти сведения, как правило, исследователями считаются анахронизмом. *Л. Н. Гумилёв* же сведения отца армянской истории о прохождении «толпы хазар и баслов (барсиллов), соединившись, через Джора (Дербентский проход)» и обитание хазар во II в. в низовьях Терека и Сулака признаёт правдивыми. Более того, он считает хазар потомками древнего европеоидного населения Западной Европы [587, с. 256].

Мы солидарны с тем, что Гумилёв признаёт сведения Моисея Хоренского, но солидарны с одной весьма существенной оговоркой. Хоренский отнюдь не утверждает, что хазары прошли через Дербентский проход с южной стороны и после чего якобы обосновались в низовьях Терека и Сулака. Наоборот, он констатирует, что «толпа хазар... прошли через ворота Джора, перешли Куру и рассыпались» (вторая часть этого сведения Гумилёвым произвольно заменена территорией других рек, расположенных на северной стороне названного прохода). Значит, переселение ранних хазар происходило в обратном направлении - с севера на юг, ибо река Кура, как мы знаем, протекает южнее Дербентского прохода.

Всё это лишний раз укрепляет наше убеждение в том, что сложение хазар как единого этнического объединения, скорее всего, произошло именно на Туранской низменности, в районе среднего течения Сырдарьи. А разделение их и поэтапный или разновременный уход одной части в Закавказье, а основной части - в Прикаспий (Нижнее Поволжье) происходило, должно быть, позднее. Какая-то часть хазар во главе со своим осталась на первоначальной территории и продолжала там обитать по крайней мере до IX-X вв.

Пользуясь случаем, нельзя не обратить внимание на титул *ябгу* (*zaeyu*), получивший широкое распространение у древних тюркоязычных племён, особенно в Средней Азии. Этот титул был известен усуням ещё в I в. н. э. Затем мы встречаем его у хуннов, эфталитов, кангюйцев, согдийцев, огузов, кушан, болгар, хазар, у народов западной части Тюркского каганата и считаем, что *jabru* юечжийского и кушанского происхождения, поскольку все правители царства Кушан в Средней Азии ещё до н. э. носили этот титул тюркского происхождения.

В. В. Бартольд выводит этот термин из тюркского глагола «*яймаю*» со значением «покрывать» [588, с. 5], иначе говоря, верховный правитель, носивший этот титул, являлся покровителем или главным защитником своего народа. Кстати, мы тоже самостоятельно, независимо от Бартольда, пришли к такому же выводу.

На наш взгляд, архетип *ябгу* на тюркской основе первоначально формировался в среде сакско-туранских племён Средней Азии, поскольку он в раннем периоде наиболее активно культивировался как титул именно у тех народностей или царств, в образовании которых приняли непосредственное участие сакско-туранские кочевники.

*

Возвращаясь к теме известной вражды и борьбы между Ираном и Тураном в древности, нужно подчеркнуть, что **древние иранские и пехлевийские (мёртвый иранский язык) мифологические легенды и предания, на наш взгляд, также нуждаются в пересмотре с позиции тюркологии.** Ибо они использованы в «Авесте» иранским жречеством, которое подвергало их переработке и подгоняло к нормам и требованиям догматического учения зороастрийской религии. Например, как считает *И. М. Дьяконов*, в «Авесте» краткие сведения о Сиявуше-Сияваршане - это лишь отголоски каких-то легенд, не вошедших в этот зороастрийский памятник. В «Бундахишне» же есть рассказ о дочери Афрасиаба, царя враждебных иранцам туранцев, вышедшей замуж за Сиявуша и родившей ему Кей-Хосрава.

И самое интересное, в сасанидской и пехлевийской литературе деятельность Сиявуша связывается с востоком, а именно со Средней Азией, где он постоянно упоминается как строитель-основатель то легендарного города Канг-деза, то Самарканда, то Бухары. А это значит, что Сиявуш был известен как герой-основатель не иранских, а восточных среднеазиатских городов, т. е. в этой литературе отражён как бы древний этап трансформации образа, причём, возможно, сохранилась память о его восточном, среднеазиатском происхождении.

Вместе с тем Сиявуш считался родоначальником первой династии хорезмшахов (по *Бируни - тюрков*) и парфянских аршакидов [573, с.

39-40], и такая генеалогическая традиция, безусловно, восходит к покорившим эти соседние земли среднеазиатским сакским племенам. Видимо, именно в силу того, что тюрки воспринимали дошедшие до них эти полулегендарные сведения как свою собственную древнейшую историю, жители Бухары на прискорбную смерть основателя их города Сиявуша даже сложили печальные песни, называвшиеся «плачем магов».

Некоторые же историки утверждают, что крепость в Бухаре была построена Афрасиабом, могила которого, по поверью местных жителей, находится у ворот Маобид, на большом кургане. Афрасиаб по иранским преданиям, задолго до сасанидов был царём туранцев, злейших врагов веры Заратуштры и исповедавших её иранцев. Для раннесредневековых арабов и иранцев тюрки в Мавераннахре считались потомками Афрасиаба и туранцев. Табари и Бируни, например, связывали генеалогию Афрасиаба с легендарным родоначальником тюрков Туром (//Тюрком), которого они возводили до Яфеса, сына Нуха. Да и сами среднеазиатские тюркские династии караханидов и сельджуков считали себя и своих подданных потомками древних туранцев и именовались «Домом или родом Афрасиаба» [574, с. 93].

Более того, из сочинения *Махмуда Кашигарского* «Дивани лугат-ат тюрк» мы узнаём, что среди среднеазиатских тюрков существовали древние предания и песня-плач, где Афрасиаб называется безличным именем Алп эр Тонга («Сильный муж как барс») У Там же приводятся отрывки из этой элегии-плача: Неужели умер Алп эр Тонга,

*А скверный мир **остался?***

Не отомстила ли ему судьба?

Теперь (вот) разрывается сердце.

Мужжи воют, как волки,

Крича, они разрывают (на себе) ворота,

Их голоса звенят, как у поющих.

Они рыдают, глаза их застилаются (слезами).

Огузам Средней Азии и Казахстана, по исследованиям некоторых тюркологов, по-видимому, издавна был хорошо известен цикл древних сказаний об *Алп эр Тонге и Афрасиабе*, на что указывают отдельные параллели и извлечения из них в огузском эпосе «Книга моего Куркута» [575, с. 234; 576, с. 240].

Примечательно также то, что помимо вышеназванных текстов элегии-плача, посвящённых оплакиванию Сиявуша и Афрасиаба (Алп эр Тонга), в раннесредневековом раскопанном городище Пенджикента на стенной живописи сохранилась, оказывается, и сцена-изображение этого обряда. Как видно из ритуальной росписи, оплакивание одного из названных легендарных лиц, воспринимаемого собравшимися как основатель города или как генеалогический предок, сопровождается, должно быть, полунапевными причитаниями и царапаньями своего лица. Особое внимание обращают на себя некоторые участники сцены с тюркскими чертами лица, которые изображены в тот момент, когда они обрезают мочки собственных ушей.

Здесь необходимо рельефно констатировать, что оплакивание усопших, тем более в такой форме, было характерно для идеологической модели именно древних тюрков (вспомним похороны Аттилы и тюркских каганов или же обряд поминального плача в Приволжской Булгарин). А вот такой обряд в корне противоречил погребальному или поминальному обряду иранцев и зороастрийцев. Дело в том, что, как это неоднократно отмечалось исследователями, нравоверный зороастризм запрещал оплакивание покойников.

В Пенджикентском комплексе и в соседних регионах обнаружены и другие этнокультурные археологические параллели, обусловленные верованиями древних тюрков и их предков - саков. Некоторые из них, по-видимому, сохранили следы ранних связей с Передней Азией. К таковым относится женщина-богиня, сидящая на драконе с веерообразным хвостом, которая отождествляется с аккадской богиней плотской любви и богиней войны Папайя (по интерпретации ираниста *Б. Г. Гафурова*, Панайя (*нан/нэнэ*- мать + *ай-я* - луна) - это древнее месопотамское лунное божество, известное со времён Шумера [480, с. 123]).

Такие параллели наталкивают на мысль о том, что идеология среднеазиатских согдийцев была унаследована от туранских саков и что они определённой частью своей являлись тюркской ветвью, т. е. прямыми потомками туранцев. Кроме этого, в Пенджикентском городище на стеновых росписях выявлены крылатые верблюды и крылатый горный баран с хвостами змей-драконов. А на монетах эфталитского круга согдийские художники даже изображали

легендарного предка туранцев Заххака со змеями, выросшими из его плеч [577, с. 77, 81-82]. Одним словом, верования согдийцев, нашедшие выражение в их изобразительном искусстве, несомненно, резко отличались от догматических верований иранпезороастрийцев.

Накопленные по среднеазиатским сакам материалы, с учётом свидетельства письменных источников, показывают, что на территории Средней Азии (включая Семиречье) существовали три группировки сакских племён: семиреченская, приаральская и памиро-ферганская. К ним примыкали и частично входили в их состав племена Восточного Туркестана. Сакские племена прошли и далеко на юг, заняв территорию современного Иранского и Афганского Сеистана - древнего Сакастана, а часть из них расселилась в северном Индостане и Хорасане [510 (2), с. 83].

Если в среде первых двух группировок саков формировались (разумеется, при частичном включении спорадически инфильтрировавшихся из Центральной Азии и восточного Туркестана родственных или иных племён) и постепенно отпочковались такие пратюркские и древнетюркские племена, враждующие с Ираном, как среднеазиатская часть прасюнну-хуннов, кидариты, аугасии-огузы, исседоны-усуни, кангюйцы, хиониты (эфталиты)³¹, кангары-печенеги, хазары, то в указанных выше южных регионах Средней Азии при участии юечжийско-кушанских и тохарских племён сложились двуязычные и трёхязычные (иранские, тюркские и индийские языки), а также «смешанноязычные» царства: Бактрия, Греко-Бактрия, Парфия, Кушан, Кидара, государственные объединения и области Согд, Фергана, Хорезм, Тухало (Тохаристан), Памир, Гиндикуш, Гупта и др.

*

Памир - одно из высокогорьев мира, расположенное на стыке Переднеазиатского Востока и Центральной Азии. Именно благодаря своему географическому положению Памир с пригодными для жилья ущельями и долинами, бассейнами рек и плоскогорьями, а также прилегающими к нему районами с глубокой древности играл роль своеобразной арены и природного мостика для оседлого и кочевого обитания различных народов, пробравшихся извне. Ещё до нашей эры

этот регион стал исторической областью, куда в среду памироязычных народов проникали волнами иноязычные племена: саки, юечжи, кушаны, гунны.

Новые исследования показывают, что сакские племена проходили через Памир и Гиндикут на юг ещё в VII-VI вв. до н. э. (Б. А. Литвиненко). Археологические материалы и данные письменных источников дают основания утверждать, что сакские племена уже в VI-V вв. до н. э. обитали на границах северо-западной Индии, а очевидно, и в её пределах (Э. А. Грантовский) [624, с. 680].

Первую волну сакских пришельцев на Западный Памир связывают с теми группами саков, которые во времена Ахеменидов известны как *saka-tigraxauda* («саки с остроконечными шапками»). Вторая, менее значительная, и, видимо, более поздняя волна саков появилась с северо-востока в середине I тыс.

до н. э. Эта группа связана, как полагают, с *saka-haumavarga*. Она обитала на Восточном Памире вплоть до полной ассимиляции её здесь тюркоязычными племенами.

Остатками сакских языков, смешавшихся с языками автохтонного населения, считаются, прежде всего, языки, условно названные хотано-сакским и тумшуко-сакским, относящиеся к восточноиранским языкам. Пас в данном случае интересуют сохранившиеся в этих языках общие с тюркским языком лексические праформы, которые могли бы свидетельствовать о ранних генетико-контактных связях между предками их носителей. По нашим наблюдениям, такие изоглоссы в достаточном количестве обнаруживаются в древних памятниках, написанных на этих самых диалектах саков.

Приведём хотя бы часть из них: /*sazda* (тумш.-сакс.) ~ *saysda* (хот.-сакс.) - змея = *cazagan* (пратюрк.) - дракон | *jasta* (тумш.-сакс.) ~ *gyasta* (хот.-сакс.) - бог, богиня = *jazd* (др.-тюрк.) - бог. А эти лексические параллели засвидетельствованы соответственно в хотано-сакском и древнетюркском языках: *taj/ttaja* = *saj/caj* - река | *khava* = *корик* - пена | *oysa* = *acig* - гнев | *килю* = *кйЪй* - копна | *kantha* = *ken* - город | *birgg* = *bori* - волк; *samudrra* = *sunduri* море *ma* = *ma* - не (частица отрицания), *sarau/arsali* = арслан - лев | *jsan* = *jas* - убивать, смерть, гибель [626, с. 236].

Наряду с вымершими сакскими языками, где отпечатались следы генетических и контактных связей с пратюркским миром, желательно и даже необходимо, по нашему мнению, обратиться к так называемой памирской группе языков, входивших в иранскую ветвь индоевропейской семьи. Ибо эти родственные языки (ваханский, мунджанский, язгульский и др.) издревле были в той или иной степени в контакте с разноимёнными пратюркскими племенами китайского Туркестана и Средней Азии, последние из которых в определённые периоды просачивались и на их территории и были ассимилированы местными племенами в ходе долгого совместного проживания. Об этом красноречиво свидетельствуют не только письменные сообщения и археологические находки (например, погребение с конём), но и отслоившиеся в течение многих веков в словарном фонде памирских языков общие лексические архетипы.

Б. А. Литвинский отмечает, что в «этногенезе памирских народностей саки составляют один из компонентов субстратного слоя», указывая вместе с тем на близость памирских (особенно ваханского) языков к хотано-сакскому и тумшуко-сакскому языкам. В образовании народностей Западного Памира этот же учёный предполагает участие компонентов как сакских, так и *пратюркских племён* [625, с. 20]. Пратюрки, по всей вероятности, находились именно в составе конфедерации среднеазиатских сакских племён.

Вот конкретные примеры из отложившегося в **ваханском языке** общего сакско-ваханско-тюркского лексического слоя, или совместного словарного корпуса, имеющие схожие или идентичные значения:

<i>has</i> - человек	Јау - тетива, струна	<i>sop (cop)</i> - рубить
<i>nokar</i> - прислужник	<i>cader</i> - шатёр, палатка	<i>sak (сык)</i> - роса
<i>kata</i> - женщина	<i>qdinis</i> - камыш	<i>qil</i> - волосок
<i>qdda</i> - сват	<i>jelaw</i> - уздечка	<i>qurut</i> - высуш. творог
<i>siga</i> - рабыня	<i>qitoc</i> - род хлеба	<i>ay</i> - кричать

<i>vir</i> - мужчина	<i>тыгс</i> - перец	<i>wdrg</i> волк
<i>Бэс\ (eci)</i> - дядя	<i>dangal</i> (сумбул) - колосья	<i>сег</i> - пахать
<i>zord</i> - сердце	<i>сэлэк</i> - ведро	<i>sur/siir</i> - гнать
<i>pbid</i> - нога	<i>bayd</i> - песня	<i>kes</i> - чесать
<i>kur</i> - слепой	<i>qamcin</i> - кнут	<i>as/os</i> - пища
<i>pad/pic</i> - лицо	<i>kdlima</i> - речь, слово	<i>рэс</i> - сварить

А эти лексемы архаического и неологического типа из того же фонда, скорее всего, представляют собой явные тюркизмы субстратного и суперстратного характера: *туу* - знамя, бунчук | *yas-k* - *qbiz* - девственница | *put (тун)* - шар, мяч | *qajci* - ножицы | *csjan* - чугун | *kajik* - лодка | - ворона | сталь | *jal*- грива | *qul* - озеро, водоём | *taka* - козёл | *qacka* - белое пятно на лбу (о лошади) | *lзгэк* - дерево | *col* - чалый | *kus* - птица [34].

Тюркизмы содержатся и в языке **мунджанской народности** из памирской группы языков, проживающей издавна в изолированной высокогорной долине на северном склоне Восточного Гиндукуша, который примыкает к Памиру. Это, в частности: *tax* - гора | *warg* - волк | *x* - кровь | *seg * - кость | *ala* - пегий, пёстрый | *buz* - белый | *qamqcin* - кнут | *kajik* - лодка | *sur* - солёный.

Эти лексические параллели и прямые заимствования из пратюркского языка - живое свидетельство о ранних контактах между сакскими племенами и предками тюрков, а возможно, и о наличии среди первых подвергнувшегося длительной ассимиляции тюркоязычного населения. Иначе откуда взяться в языке памирских народностей стольким архаическим словам пратюркского мира?

Это ещё не всё. Общие и пратюркские слова через экспансии саков, юечжи-кушан, дравидов и иных малоизвестных предков тюрков в достаточном количестве проникли даже в Индию и Афганистан. Так называемые дардские языки, например, занимают промежуточное положение между иранской и индоарийской (индийской) языковыми

группами. Среди них можно было выделить следующие общие слова соответственно: а) в вершикском наречии канджутского языка: *guni* - день, - ножницы, *bar* - дед | *busa* - телёнок | *surqun* (др.-тюрк. *сарукан/иларукан*) - гром < дракон | *hir* - мужчина | *ierek* - тополь | *cunag* (др.-тюрк. *temtir*) - железо | *mol* - мелкий скот | *mure* - перец | *suva* - левый | *sija* - говорить | *stiwa* - красивый | *as* (др.-тюрк. *ic*) - живот, внутренность | *ajas* (др.-тюрк. ясное) - небо | *hare* - ячмень; б) в кашмирском языке: *yug* (др.-тюрк. *adyir*) - конь, жеребец | *kur* (др.-тюрк. *qiz*) - девушка, дочь | *but* (др.-тюрк. *bit*) - лицо | *so* (др.-тюрк. *sol*) - левый | *os/ds* (др.-тюрк. *jas*) - слеза | *pic* (др.-тюрк. *bes*) - пять | *said* (др.-тюрк. уей) - семь.

Показательно, что не иранисты и не тюркологи, а сами индийские исследователи отмечают, что ещё до нашей эры на территории северной Индии активную роль играли иноземцы, среди которых выделялись создатели солнечной и так называемой лунной династии Айла (др.-тюрк. ай - луна). Гунны, гурджары (пришедшее с гуннами племя) и родственные им племена, проникшие в Индию на протяжении I и IV вв. (и даже до н. э.), безусловно, не были истреблены индусами. Можно с уверенностью сказать, что они полностью слились с индийским обществом, точно так же, как это было в предшествующие века с греками, кушанами и саками. Первым хорошо известным вождём гуннских захватчиков второй волны был Торамана. Есть предположение, что он был не гунн, а кушанский вождь, связанный с гуннами. Как бы там ни было, Торамана занял значительную часть провинций империи Гупта. В древнеиндийской литературе и эпиграфике термин хуна ¹ гунны! употреблялся иногда как термин сака - для обозначения массы различных племён, которые хлынули в страну в период упадка империи Гупта [631, с. 94, 114].

*

В разделе «Кыргызы и кыпчаки - слившиеся с динлинами народности» мы происхождения этих народов попытались связать через промежуточное звено - **динлинов** также с западным регионом, а именно с андроновцами Средней Азии. Такое утверждение вытекает из исследования и основного вывода антрополога Г. Ф. Дебеца, в котором подчёркивается, что «очагом формирования андроновского подтипа были казахстанские степи и что в Минусинском крае (где до

н. э. проживали и динлины, создавшие там татарскую культуру [591, с. 371]), андроновцы являются западными пришельцами» (выделено нами. - М. Б.) [497, с. 70]. Это значит, что, согласно нашей концепции о западном генезисе прототюрков, ближайшие предки киргизов и кыпчаков и. естествеиио, они сами по происхождению также восходят к древним андроновцам.

По результатам новейших исследований Л. А. Боровковой, динлины и по языку принадлежали к пратюркскому миру. В истории китайской империи «Вэй-шу» (336-535 гг.) говорится, что «Гаоче - остатки народа древних чиди Гкрасных диУ В северной стороне их называли чилэ, а в Ся ГКитай! - гао-че или динлин. Язык их с небольшими отличиями одинаков с хуннским». Согласно этому сообщению, получается, что один и тот же народ в Китае был известен под названиями *гаоче* и *динлин* [590, с. 60, 65]. Если это так, то начало истории народа *динлин - гаоче - чиди* (вар. *чилэ*) уходит в глубь веков. Вместе тем чиди (красные ди), по утверждению китайских историков, были предками уйгуров [592, с. 48].

Современные исследователи восстановили историю *красных и белых ди*, достигших наибольшего могущества на Среднекитайской равнине в середине VII в. до н. э. Ориенталисты Ф. Хирш и В. Эберхард считали *ди* тюркоязычным народом европеоидного сложения. Белые ди в среднем течении Хуанхэ создали государство Чжуншань, где, как полагает китайский учёный-историк Го Можо, возникла культура скифского типа при участии пришедших с запада и смешавшихся с ди сако-скифов [403, с. 183-184]. Так что, на наш взгляд, невозможно отрицать причастность глубинных корней *динлинов* (а вслед за ними - *киргизов* и *кипчаков*) к западному пратюркскому миру и западной цивилизации. А это уже значит, что невозможно возводить эти народы без учёта изначальной подосновы к чистым автохтонам центральноазиатско-сибирского происхождения.

*

В принципе, то же самое нужно сказать, на наш взгляд, и относительно происхождения **древних болгар**. В историографии об этногенезе и прародине болгар существуют несколько версий. Большинство исследователей их происхождение связывают с ранним

проникновением или же приходом в западные регионы под различными именами из Центральной Азии разгромленных и теснимых китайцами, сяньбиями хуннских племён и локализуют первоначальное местопребывание и формирование болгар то в Казахстане и Западной Сибири (*Р. Джафаров, М. С. Акимова, Р. Г. Кузеев*), то на Северном Кавказе и в прикаспийских степях (*Н. Я. Марр, М. И. Артамонов, А. В. Гадло, Е. 77. Алексеева*), то на просторах Северного Причерноморья и Приазовья (*М. Я. Мерперт, В. Ф. Генине, А. Х. Халиков*) и т. п.

При этом *Ю. Р. Джафаров* полагает, что ещё в раннем железном веке в среде автохтонных кочевых племён Восточного Казахстана и Западной Сибири сложились две большие группы древнетюркского и древнеугорского этнических массивов. Именно в этой местной среде, по мнению исследователя, и образовалось тюрко-болгарское этническое единство, формирование которого было завершено только при участии пришедших из Центральной Азии хуннов [593, с. 29]. *А. 77. Смирнов* выдвинул гипотезу сарматского происхождения болгар. Для обоснования этой теории он ссылается на сообщения средневековых авторов (*Моисея Хоренского, Феофана Прокопия, Менандра*), которые указывали на бытование болгар к северу от Кавказа уже во II в. до н. э., т. е. в то время, когда на этой территории обитали сарматские племена. Эти племена, как считает исследователь, были отторчены в эпоху гуннского нашествия, что и привело к формированию болгар [769].

Того же мнения придерживается *В. Т. Сиротенко*, подчёркивая при этом, что тюркизация болгар происходила в степях между Доном и Волгой со II в. н. э. вследствие проникновения в Поволжье гуннских племён [293, с. 51]. *И.* также возводил генезис болгар к сарматам, но «окрещённым» с угорскими племенами финно-угорского сообщества, которое произошло, по его мнению, едва ли ранее гуннского проникновения в южные степи Восточной Европы, и считал, что остатком гунно-болгарского языка является уцелевший до наших дней чувацкий язык [594, с. 114, 121].

Из современных учёных *С. Г. Кляшторный* считает, что «племенной союз болгар возник где-то в Приазовье или на Западном

Кавказе из нескольких огузских группировок, при решающей роли оногурских племён», которые до этого под давлением жуань-жуаней покинули казахско-джунгарские просторы [389, с. 183].

Среди исследователей этнической истории древнейших тюрков есть также придерживающиеся иной точки зрения, которые связывают происхождение болгарского этнического массива с автохтонным населением Средней Азии или же с пришельцами с Запада. Так, Г. В. Хауссиг, предполагавший бытование ранних тюрков в Средней Сырдарье ещё до прихода гуннов, считает, что составлявшие основное ядро болгарских племён оно-гуры (их исследователь отождествляет с огузами) также жили в том же регионе - в верховьях рек Сырдарья, Или и Чу [595, с. 49, 56]. Немецкий востоковед Ф.Альтхайм же считает, что протоболгары, подобно предкам хазаров, пришли из северо-восточного Ирана Хауссиг и Алыпхайм видят в оногурах протоболгар, покинувших в середине века под натиском тюркоязычных аваров восточные районы Кавказа и осевших в низовье Кубани [596, с. 111].

Мы в определённой степени разделяем мнения этих учёных и на основе не задействованных до этого аргументов выдвигаем более конкретизированную версию о связи основных предков ранних тюрков с древним Ближним Востоком. Эта версия, дополняясь и развиваясь, излагается в следующих разделах монографии (см. с. 373-376).

*

Напоследок хотелось бы выразить своё отношение к весьма распространённому со второй половины прошлого века положению о том, что чувашский язык, будучи остатком болгарского, представляет из себя уцелевший до наших дней самый древний язык алтайской макросемьи, либо это язык урало-алтайского единства, имеющего в своём составе финно-угорские наречия. Мы уже специально отметили, что, по нашему мнению, так называемая алтайская языковая общность образовалась в результате языкового союза в Восточной Азии, включая Центральную Азию, Южную Сибирь и Алтай, после миграции туда с Запада самых ранних прототюрков и благодаря длительным генетикоконтактным связям их с проживавшими по соседству монголами и тунгу со-маньжурами.

Английский ориенталист *А. Рона-Тайи* полагает, что «алтайский протоязык распался очень рано, или же он не существовал вообще» [597, с. 35]. Из современных отечественных языковедов *А. М. Щербак*, исследовавший лексику тюркских и монгольских языков в сравнительно-историческом плане, пришёл к выводам, **не подтверждающим близкого генетического родства тюркских и монгольских языков**. Показательно, что числительные от 1 до 10, обладавшие, как правило, наибольшей устойчивостью в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, не совпадают и не могут быть выведены из единых платформ. Следует также подчеркнуть, что почти вся лексика у древних монголов, связанная с названиями домашних животных, является тюркской по происхождению [598].

Известный советский языковед *Б. А. язык камских чувашей* считает сравнительно поздним по происхождению языком, сформировавшимся в результате влияния местных угро-финских племён, главным образом марийцев. Как установил учёный, марийский и чувашский языки обладают целым рядом общих черт в области фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса. Эта общность возникла вследствие того, что на какой-то тюркский язык, предок современного чувашского языка, «наслаивался» финно-угорский языковой субстрат, представленный древнемарийским языком, и в результате внутрирегионального контактирования тюрко-чувашский язык *приобрёл специфические особенности, совершенно не свойственные древним тюркским языкам* [599, с. 42].

А выдающийся тюрколог *В. В. Радлов* выдвинул концепцию, согласно которой чувашаи суть финно-угры, подвергшиеся с древнейших времён сильному влиянию татарского языка, вследствие чего их язык изменялся в сторону сближения с татарским. Из иностранных учёных *Н. Понне, Г. Дёрфер, А.* также считали, что около половины, даже до 80 процентов тюркской части чувашской лексики заимствовано из татарского. О «сильнейшем влиянии татарского языка на чувашский» писал и известный алтаист Дж'. *Клоусон* [цит. по 145, с. 104, 106].

По результатам исследований *В. 77. Алексеева*, антропологические данные свидетельствуют даже «о решающей роли финно-угорского

компонента в формировании физического типа чувашей». Вот его заключение: «Даже при поверхностном морфологическом описании видно, что **краниологически чувашаи похожи на своих финно-угорских соседей и что, следовательно, их антропологический тип сформировался при интенсивном участии той комбинации признаков, которая характерна для финноязычных народов Поволжья и получила наименование субуральской**». «**Весьма вероятно, что основная масса предков чувашей говорила на одном из древних восточнофинских языков**» [600, с. 248; 788, с. 250].

Любопытно отметить почти абсолютную идентичность или тождественность фонетической природы и системы марийских и чувашских словесных ударений, которые почему-то до этого оставались вне поля зрения исследователей. В тюркологии принято считать, что для тюркских языков характерно слабое, глухое ударение, которое, за немногими исключениями, всегда падает на последний слог слова. А «в финно-угорских языках ударение либо падает на первый слог, как например, в западнофинских. мокша-мордовском, венгерском языках, либо является разноместным, как в луговом марийском, коми-пермякском и эрзя-мордовском» [600, с. 11]. Плюс ко всему марийское словесное ударение силовое, т. е. обусловлено повышением голоса, следствием этих различий является широкое использование в марийской письменной поэзии всех пяти стоп (ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест) и построенных на них стихотворных размеров силлабо-тонического стихосложения, тогда как в поэзии тюркоязычных народов как основной тип стихосложения используется силлабическая система, основанная на симметрии количества слогов в параллельных строках без учёта их ударности и безударности. В силу слабости и неподвижности ударения, т. е. закреплённости его на конечном слоге слов, **на тюркских языках вообще невозможно писать стихи, приспособивая их под силлабо-тонические (слогово-ударные) размеры.** Кстати, как нам известно, в отличие от нас, именно в силу тождественности характера и местоположения ударений с таковыми марийского языка чувашские поэты раньше тоже свободно и весьма часто свои стихи писали с использованием различных размеров

силлабо-тонического строя, пока некоторые горе-теоретики, стремящиеся равняться на тюркоязычный мир, не посоветовали им отказаться от «чуждого их языку» (!?) этого типа стихосложения.

На научной сессии в Чебоксарах в 1957 г., посвящённой происхождению чувашского народа, прозвучали версии коренных учёных *В. Г. Егорова, Н. Ф. Калинина* и других в принципе иного уклона, в которых утверждается преобладающая роль угро-финнов в формировании чувашского народа, что **чувашаи контактировали с тюрко-болгарским языком лишь в регионе Среднего Поволжья**. В отчёте о работе сессии приводятся слова из выступления историка, профессора *Н. В. Го*, в котором также выпячивается участие угро-финнов в генезисе чувашей. В частности, в отчёте говорится следующее: «*Н. В. Никольский*, раньше придерживавшийся теории болгарского происхождения чувашей, теперь, к недоумению всех присутствующих на сессии, заявил, что у него на основе сравнения чувашской и марийской музыки возникло глубокое убеждение, что чувашаи не кто иные, как разновидность марийского народа» [603, с. 127-129].

Разумеется, эти версии носят односторонний, дискуссионный характер, но отрицать в них наличие зерна истины было бы бессмысленно.

Но самое главное, вызывающее скептическое отношение у здравомыслящих исследователей, заключается в том, что в настоящее время чувашский язык зачастую преподносится как самый древний тюркский язык, а также как промежуточный архаический язык-звено, сохранивший и доведший до нас следы первоначального единства (*языкового союза или праязыка!*) алтайских и уральских (угро-финских и самодийских) народов. Не слишком ли легкомысленно и безрассудно переносятся из глубин тысячелетий на исторически обозреваемый и даже современный период якобы «исконные» следы бывшего посленостра-тического единства, искусственно удревяя при этом смешение двух соседствующих языков различного типа, которое, судя по объективным показателям, произошло явно в средние века или чуть раньше. Такая тенденциозная трактовка, на наш взгляд, не совмещающаяся с правомерными требованиями настоящей науки, не

может добавить в копилку научных открытий ничего нового, кроме внесения неразберихи и путаницы.

8. Дополнительные материалы к общему сравнительному словарю сако-скифских (отчасти сарматских) и тюркских сходжений

Для подтверждения своей концепции о генетикоконтактной взаимосвязи между среднеазиатскими саками и частью европейских (черноморских) скифов, с одной стороны, и пратюрками - с другой, в предыдущем разделе мы из различных источников приводили достаточно много лексических праформ, родственных с тюркскими корнями, часть из которых выявлена и впервые введена нами в научный оборот. Теперь к этим изоглоссам хотелось бы добавить дополнительные данные, которые могли бы усилить и упрочить аргументационную базу наших исследований.

подавляющая часть этих лексических данных по языку сако-скифов относится к ономастике, включающей в себя топонимику и антропонимику, т. е. все возможные собственные имена. Связных текстов как у европейских скифов, так и у среднеазиатских саков почти нет. В сопоставительном перечне со словарными статьями будут представлены лексические изоглоссы из трёх главных источников: 1) выявленные в греческих, латинских, армянских анналах и в других информационных памятниках, 2) засвидетельствованные в «Авесте», 3) извлечённые как древний и общий генетико-контактный (ареальный) слой из словарного состава осетинского языка.

1) Сходжения с лексемами из античных и других иноязычных источников

Теонимы: *Папай* - божество, олицетворяющее небо // *бабай* (общетюрк.) - отец, дед | *Апи*, по Геродоту, - супруга *Папая*, связанная с землёй и водой // *ап* (общетюрк.) - мать, бабушка | *Арес* - бог войны // *орыш* (тюрк.) - война, битва, сражение. В. Ф. Миллер, усиленно занимавшийся в своё время исследованием следов иранства на юге России, в том числе и в языке скифо-саков, теонимы богов Апи и Папай причисляет к скифским именам, которые «не поддаются объяснению из иранского» [505, с. 279]. Следует также заметить, что в

скифологии существуют мнения, отвергающие арийское происхождение богини-матери, богини плодородия и любви *Анахиты* и бога солнечной природы *Митры* и возводящие их происхождение соответственно к вторгшимся из-за *Яксарта* () кочевникам и древнейшим народам Переднего Востока. В «Гатах» - древнейшей части «Авесты» - Митра вообще не упоминается, но «мидийский бог Митра» был известен уже до прихода в этот регион иранцев.

Общая знаменательная лексика: *гин* - солнце // *кдн/гюн/кин* (общетюрк.) - солнце | *да§* - огонь // (д/й) - *йа§* - сжигать | *ек* - священный || *ыйык* (др.-тюрк.) ~ *ык* (горноалт.) - «то же» | *сагар* - топорик // *чакир* (чагат.) - «то же» ~ *чакирчы* - палач ~ *сака* (кирг.) - лезвие топора | *афи* - лебедь // (г/к) - *ац* (др.-тюрк.) - белый ~ *аккоги* (тат.) - лебедь | *аговои* - светлые, блестящие // *аксыл* (тюрк.) - беловатый, светлый ~ *Пакты* - светлый | *коно/кана* - лён, конопля // *кантар* (чув.) - «то же» | **ната-убеца* *И патан* (чув.) - «то же» (инф. К. С. Кадыраджиева) | *ишака* (кушанье из сгущённого кобыльего молока) // *кибек* (чаг.) - творог ~ *чыпты* (кбалк.) - кефир ~ (саг.) - хлеб | *асхи* - сок, выжатый из плода // *ачы/ачуг* (тюрк.) - горький ~ кушанье башкир «ахша» | *тарану* - крупное копытное животное // *тарпан* (кирг.) - дикая лошадь | *ахсен* - негостеприимный // *аксум* (др.-тюрк.) - свирепый, скандальный | *анур* - ум // *ац/аца* (др.-тюрк.) - разум, разуметь, понимать | *кафа* - пена // *копук/квбук* (общетюрк.) - «то же» | *акинак* - меч // *акынак* (хунн.) - «то же» ~ *кинqрак* (др.-тюрк.) - обоюдоострый нож, кинжал | *арина* - единица, один // *аерым* (тюрк.) - отдельный, единичный | *кути* - собака // *квчек* (тюрк.) - собачка | *ен/эн* - внутри // *иц* - входить ~ *ин/вн* - производное: нора, берлога | *йату/йаду* - колдовство // *йадчы* (др.-тюрк.) - заклинатель.

2) Схождения с лексемами «Авесты»

Сначала в порядке введения о причинах использования материала из ираноязычного в своей основе исторического памятника. Это обусловлено тем, что возникновение священной книги зороастризма, по мнению отдельных учёных, связывается с древней Мидией на территории Иранского плато [И. М. Дьяконов - 279, с. 180-181], где до прихода иранских племён проживало индоевропейское население.

Как пишет автор монографии «История Мидии» (Баку, 1960) *И. Алиев*: «Сводить вопрос об этногенезе мидян к простому процессу иммиграции и иранизации края нельзя. <...> Первоначально мидийский племенной союз... сложился, очевидно, как союз не ирано-, а каспиязыч-ных³² племён. И не приходится сомневаться в том, что «каспийский элемент» сыграл в этногенезе насельников Мидии (иранцев. -*М. Б.*) далеко не последнюю роль. Значительным был «каспийский» вклад и в культуру насельников Мидии, да и вообще Иранского плато» [37, с. 101, 107].

Отсюда не трудно заключить, что загро-каспийские языки Переднеазиатского Востока, принявшие, по нашей концепции, самое близкое участие в формировании и интеграции прототюркского языка, наложили свой отпечаток и на словарный состав языка древних иранцев. Скорее всего, этим объясняется утверждение *Э. А. Грантовского* о том, что «В авестийском, как и в собственно восточноиранском языках, имеются определённые явления и слова, не возводимые к общеиранскому или индоевропейскому наследию. Упоминаются в «Авесте» и географические названия явно неиранского и неарийского происхождения» [735, с. 317]. Большинство обнаруженных и использованных нами ниже авестийско-тюркских схождений мы относим к такому реликтовому или изначальному наследию.

Правомерно допустить, что часть из них могла быть заимствована - если, конечно, они не представляли собой общие межрегиональные слова - из языка, родственного с касситами и каспианами, у туранцев (саков) с целью распространения зороастрийской религии и среди них, поскольку не только стремился изменить верования окружающих регионов, но и призывал приаральских саков отказаться от кочевого образа жизни и заняться оседлым скотоводством и земледелием.

А теперь приведём установленные отдельными исследователями [505; 744] и нами авестийско-тюркские лексикосемантические схождения или параллельные соответствия.

Агуа - ариец, арийский // (?) *ару* (тюрк.) - благородный, добротный | *аһи* - мир, бытие // *азим, асип* (др.-тюрк.) - мир, свет | *каһркаса* - ястреб // *каракош* (тюрк.) - ястреб <— кара - «чёрный» + *кош* -

«птица», а означающее птицу иранское слово в «Авесте» - *тэгауа*. Что же касается аналогичной лексемы *karkas* - ястреб-стервятник, чёрный гриф в персидском языке, то это тоже явный тюркизм | *bora* - серый, рыжий // (?) - > *bori* (др.-тюрк.) - волк ~ *biir/buri* - почка | *dan (u)* - река, водоём // (d/t) - *ley* (др.-тюрк.) - озеро ~ *te* - море ~ *тинес* (чув.) - «то же» ~ *тан* (чув.) / *таан* (як.) - наплыв воды на льду (Ср. *дьюн* (кит.) - река) | *кана* - конопля // *kantar* (чув.) - «то же» ~ *ken-dir* (др.-тюрк.) - конопля | *karta* - меч // *kerki* (др.-тюрк.) - топорик, кирка ~ *keskert* (кирг.) - перочинный нож | *kas* - смотреть // *koz* (др.-тюрк.) - глаз ~ *kdzat/kiizat* (др.-тюрк.) - присматривать, наблюдать | *saili* - радость // *sat* (др.-тюрк.) - (?) -> произвол, смелость, решительность (инновация - радость) | *taka* - быстрый, стремительный // (?) - *terk* (др.-тюрк.) - быстро, скоро | - тело // *tan* (др.-тюрк.) - тело | *vir(a)* - мужчина // *ir/er-эг* (общетюрк.) - муж, мужчина | *zura/sura* - сила, сильный // (z/c) - *сига* (др.-тюрк.) - храбрый воин, сильный ~ *зора /шора* (кыпч.) - герой, богатырь. Ср. *sura* (неи.-е.: хурр.) - сильный, герой (подробнее см. словарную статью № 375) | *en* - внутри // *иң / иң-у* (общетюрк.) - входить, спускаться | *xsvид* - молоко // (7)³³ - > *sut* (др.-тюрк.) - «то же» | *хага* - рана // *яра* (общетюрк.) - рана | *patar* - защитник, хранитель // *батыр* (общетюрк.) - герой | *yogo* - ярмо (> связь) ~ *uogam* - соединять // *ууу-уати* запрягать // *ЖШк-/ШШк-йиг-* (общетюрк.) - запрягать ~ *jugin/йугэн* (общетюрк.) - уздечка, повод | *dev* - великан, сказочное чудовище // *дзу* (общетюрк.) - огромный, большой ~ *дню* - див | *Бага* - нести // *bar* (др.-тюрк.) - идти, ходить | *pad* - нога // *bot* (общетюрк.) - бедро, ляшка | *kafa* - пена // *kobik/kopik* - пена | *panyai/ paoryai* - впервые // *birinc* (др.-тюрк.) - первый | *tiirya/tiiryah* - четыре, четвёртый // *tort/tortinc* (др.-тюрк.) - четыре, четвёртый | *kuda/kudra* - где // *qajda* (др.-тюрк.) - где | *када* - когда // *qacan* (др.-тюрк.) - когда | *та(ма)* - частица отрицания // *-та* (общетюрк., др.-тюрк.) - «то же».

Ономастика из двух вышеназванных источников

Поскольку топонимический материал относится к двум различным территориям, сначала (в дополнение к уже выделенным нами в предыдущем разделе новым географическим схождениям) приведём несколько параллельных изоглосс из региона Средней Азии, где проживали саки.

Оке (у Геродота *Окес* - название Амударьи) // *ogiiz* (др.- тюрк.) - река, ороним Амударьи. Насчёт этого схождения здесь очень кстати мнение С. П. Толстого: «В тюркских языках слово *огуз* имеет нарицательный смысл - «река». Греки Огуз превратили в *Оке*, у Геродота *Акес*. Население Средней Азии до XVII века Амударью называли *Окузом*. Это массагетское (сакское) слово, а массагеты вошли в этногенез среднеазиатских тюрков».

Что касается «Авесты», то искать в ней реку Акес бесполезно, ибо это название в древнеиранском означает «злой» [736].

Qansouya /Кансуя - первоначальное название озера Хамун, по другой версии - Аральского моря || овечий водоём (др.-тюрк. *дон* - овца + *sow* - вода + *ya* (*yğ/ы* аффикс принадлежности). Это название (вар. «кой суь»), ставшее традиционным, встречается в ряде регионов проживания тюркского населения | *часта / Чайчаста* - озеро на территории древнего государства Кангюй (Ср. Азия) // *чай* (общетюрк. параллели: чай/сай/тай/ зай) - река, водоём + (?) - *чтите* (преднеазиатское слово) - истинный, чистый. В силу лексикосемантических трудностей попытки расшифровать этимологию озера *Чайчаста* иранистами не предпринимались, хотя этот водоём является ключевым объектом, где, по историко-мифологическим сведениям, *Кави Хаусровым* был убит вождь кочевников-туров (саков) *Франгра-сьян (Афрасиаб)*.

Варукаш /Варыкаш - в «Авесте» назван морем, принято отождествлять с Каспийским или Аральским морем. Этот до сих пор нерасшифрованный топоним мы предлагаем рассматривать как гидроним, образованный из двух лексем: *вар* (др.-инд., гунно-тюрк.) - вода, река, водоём + (через соединительный аффикс «*у/ы*») *каш* - этноним касситов, которые, по сведениям *Геродота*, *Страбона*, *Плиния*, обитали у берегов Каспия (Ср.: по-ассир.-вавилонск. *kassu*, по-греч. *косах*). Таким образом, *Варукаш /Варыкаш* = 'Вода касситов' представляет собой один из древних вариантов названия Каспийского моря, одновременно является и своеобразным синонимом Каспия, образованного, как считают, также от названия касситов.

Другие приазово-черноморские топонимы, по нашей интерпретации, запечатлели в себе также отражающие суть объекта образцы словотворчества ранних тюркоязычных племён: *Akar- de* -

приток Дона // (*ад-аг-идаг-* (др.-тюрк. - течение, течёт) | топонимы в Сарматии (*Птоломей*)'. *Ašar* - река // тюрк, *адаг-* течёт > река | *Алауан* - назв. горы // тюрк, «ала» - гора, ср. *Ала-тоо* - ТяньШань, *Агагоез* - гора в Турции, *Алтай* и др. | топонимы тавров-горцев (от названия горы Тавры в Крыму) // др.- тюрк. *taw / tay / тау* - гора | город *Па/акод* *И.Вали'г* (др.-тюрк. - «город») | город *Кадека* //др.-тюрк. *kesig-* проход, мост ~ *kicig/*

кечек - малый, маленький. Ср. древнеуйгурские города *Кечен / Кучан, Кочо*) | *Tegin-e / tegin-um* / совр. др.-тюрк.

tegin - возвышающий титул ~ *tek* - имя собственное ~ *tegin* - достигать ~ *эл/ел* - народ, племенной союз, административная единица) | *sataci* (*Плиний*) - название народа в восточной части Таврического полуострова // др.-тюрк. *sat* - продавать ~ *satiy* - торговля ~ *satiyci* - торговец. Скорее всего, название местных жителей, занимающихся торговлей [737, с. 17-18].

О. Н. Трубочёв, пытавшийся в своих трудах обосновать принадлежность основного населения Причерноморья к остаткам праиндийцев, иранские этимологии ономастического материала считает сомнительными и в то же время вынужден признать, что «тюрки Крыма лучше донесли до нас консонантизм (со-гласованное сочетание звуков. - М. очень приблизительно переданный греками)» [741, с. 59-60]. Вместе с тем он, вслед за рядом учёных (*В. Ф. Миллер, К. Траймер, А. А. Белицкий* и др.), полагает, что имена скифских богов, по крайней мере, часть из них, не этимологизируются как иранские.

Теперь черёд остановиться на географических названиях с территории Северного Причерноморья, включая Крым, которые относятся к европейским скифам и, что особенно важно, сохраняют следы языка ранних причерноморско-азовских тюрков.

Паутатицд / Пантикапей ~ Пантикапа - скифское название крымской колонии (города) при Керченском проливе, т. е. Киммерийском Боспоре, на месте нынешнего города Керчь. Иранист *В. И. Абаев* расшифровал этот топоним как «путь рыбы», отождествляя при этом вторую половину термина *катицд* с аланским словом *kafa* - «рыба»³⁴. В порядке защиты своей гипотезы он писал: «Поскольку речь идёт о Керченском проливе, трудно было бы

подобрать более удачное название: пролив этот был путём массового хода рыбы, а *Пантикапей* - едва ли крупнейшим в древнем мире центром рыбного промысла» [744, с. 293].

Но татарский языковед-тюрколог М. З. Закиев, много лет занимавшийся изучением происхождения и этнической истории тюрков, предложил альтернативную тюркскую этимологию куда удачнее и достовернее ираноязычного варианта Абаева. Приведём выдержку из обоснования самого учёного: «Топоним *Пантикапей* исторически восходит к тюркскому *понтыкапы 1ворота Понта* ' (по-греч. *Понт* Чёрное море + др.-тюрк. *капу/ капыг* - ворота). Этот город позже был переименован в Керчь, который является антонимом (мы бы сказали, своеобразным синонимом) слова *Понтикапы - Кереш* 'вход'» [42, с. 100]. Не трудно догадаться, что предложенный Закиевым термин имеет более широкую и точную семантику, заключающую в себе не только понятия 'путь для косяков рыб', но и 'выход человека через пролив на лодках и кораблях в открытое море' вообще. (Конечно, такое толкование приемлемо при допущении, что Нантикапа являлась искажённой передачей топонима Нонти-капа.) *Vices/Buges* (вариант *Вок*) - это название «гнилого озера с дурным запахом» в западной части Меотиды (Азовское море), о котором писали античные писатели, начиная с *Гераклида* и *Страбона*. А последующие авторы *Плиний* («Естественная история», IV, 84) и *Птолемей* («Географическое руководство», III, V, 2, 3) называют его конкретным именем - «*Букве*». Современные исследователи отождествляют его с заливом Азовского моря, который до сих пор отличается дурным запахом. На наш взгляд, *Vices* тоже определённо, т. е. точно тюркское название, образовавшееся из двух компонентов: *воq/бок* (др.- тюрк.) - экскременты, навоз + *es/is* (общетюрк. >) - запах

= вонючий экскрементами (испражнением), короче - «вонючее» (озеро). Попытка О. П. Трубочёва связать название *Букве* с древнеиндийским названием области *Bhoja* (< изгиб) в Индии, на наш взгляд, не имеет основания [737, с. 19, 29].

Кармпалук (КаррнаХоик) - византийское название Меотиды, Азовского моря. В поэме «Хилиады» у раннесредневекового византийского автора Полин Цеце об этом загадочном названии,

вызывающем среди специалистов много споров, говорится так: «У скифа это озеро носит название *КаррпаХоик*. *КарртХоик* по-гречески значит ‘город рыб \ ибо карм по-скифски - ‘а па/.оик - ‘рыбы’».

Немецкий востоковед *М. Фасмер* тоже это название моря связывает с тюркским - «скифским» обозначением рыбы, что в отношении рыбообильного Азовского моря так естественно.

Sin-um / Sil-is - древние названия рек Танаиса (Дона) и Яксарта (Амударьи). Так называли эти реки скифы (*Плиний, Страбон*). *О. Н. Трубачёв* в *sinu-* видит искажённое, «нескифское» название *sindu*, идентичное с древнеиндийским *Sind.hu* - река, а также самоназвание приазовского племени *IdnSoi* (синди), считая его остатком древнего индоарийского (праиндийского) населения. В специальной статье этот этимолог всячески пытается отождествлять топонимы и антропонимические данные Восточного Приазовья, Таманского полуострова и Крыма с арийским «псевдоскифским» населением [741, с. 54]. Однако такое толкование автора явно противоречит взглядам большинства учёных, связывающих древнее население этих регионов со скифами и сарматами [740]. К тому же лексические корни вышеназванных рек созвучны или перекликаются также и с тюркскими обозначениями гидронимов: *сил* (тюрк.) - поток ~ *сал/сала* (тюрк.) - поток реки (Ср. *Сан* - левый приток Дона [271, с. 105] ~ *sun-duri* (др.-тюрк.) - море) [36, с. 514].

В южной части Таманского полуострова засвидетельствовано древнее название лимана *Сокур (Цукур)*, т. е. залива реки, образованного морем в низовье реки. Трубачёв толкует этот гидроним, возводя его к индоарийскому названию известнякового берега - *sakkar*, тогда как в тюркской гидронимии этот апеллятив «сокур/сукур» - ‘слепой’ до сих пор применяется в значении мелководный, маловодный [217, с. 107-108].

Амазонки - по *Геродоту*, воинственное женское племя, обитавшее на восточных землях за Танаисом (Доном). Если первая половина этнонима поддаётся этимологизации в ряде языков, в том числе и в алтайских (*ам/ама* - женский пол, самка), то вторая половина «зон» более уверенно и удачнее выводится из тюркских языков: *зон* (як., монг.), *чон* (тув., хак.), *жин* (жёлт, уйг.) - племя, народ, люди, родовое

общество, значит, этимология амазонки явно тюркская - *женский народ, женское общество*.

Алан - гора в Европейской Сарматии, отождествляется с Донецким Кряжем. *Ала*, ведущее начало из Передней Азии, в тюркских языках имеет довольно широкое распространение со значением «гора»: *Ала-тоо* - ТяньШань, *Алтай*, *Алагеоз* - гора в Турции, *Албания* (кавказская) - горная страна.

Языги - сарматское племя, жившее по среднему течению Днепра и соответствующее царским скифам *Геродота*. Др.-хюрк. *jazi* - степь, равнина ~ *jazaq* - пастбище *языги* - степняки, поляны.

Будины - название кочевого племени, которых размещают, согласно наиболее вероятной гипотезе, в области Среднего Дона. По описанию *Геродота*, у них светло-голубые глаза и рыжие волосы (IV, 108). В союзе со скифами они приняли участие в отражении персов *Дария*. Этническая принадлежность неизвестна. Однако обращает на себя внимание этническое имя племени, очень схожее с древнетюркским словом *budun/ bu-dun* - народ, люди [36, с. 108] и стяжёнными тюркскими вариантами того же корня с аналогичным значением: *дъон, зон, дын*. Наречение племени именами народа, людей, коллектива - распространённое в прошлом явление.

Totordanes - река за Танаисом (Доном), в земле сарматов. Аммиан Марцеллин толковал это название как иранское, возведив первую часть топонима к греческому *тетарог* - фазаны и присоединив её к слову *дан* - река, получил значение «река тетерев». По *О. Н. Трубочёв* не разделяет это мнение, он солидарен сточкой зрения лингвиста *В.А. Никонова*, который считает, что «такие названия, как Тетерев, Бобр, скорее всего, представляют из себя переосмысления иностранных непонятых названий [743, с. 179].

Мы разделяем эти взгляды и со своей стороны весьма осторожно допускаем, что первая непонятная часть топонима «то-тор», возможно, представляет собой искажённую праформу «татар», которая впервые в 209 г. до н. э. в китайских династийных хрониках засвидетельствована как этноним определённого племени (*ta-ta, ta-tan, ta-tzu*³⁵) и существовала на Дальнем Востоке параллельно с этнонимом *хунну*. Более того, занимавшие, должно быть, по

численности среди верхушки хуннов ведущее положение татары своё название распространили и на другие племена, и оно получило, как и поздний термин «*тюрки*», как бы объединяющее всеохватывающее значение. Всё это стало нам известно благодаря сенсационной книге английского автора Э. Х. Паркера, которая в переводе на русский язык появилась сравнительно недавно [745].

Если принять во внимание налёт монголоидных признаков на физическом типе сарматов, то правомерно предположить, что этноним «*татар*» мог попасть в сарматскую среду Приазовья с миграционными группами с Востока, если, конечно, это действительно тот общий термин. Ибо нам хорошо известно, что этническое и объединяющее название «*татар*» получило продолжение и распространение в ранней и средневековой Центральной Азии.

Однако при этом нельзя забывать о более древних генетических корнях сарматов, возможно, даже изначальных, связанных непосредственно с Переднеазиатским Востоком.

Так, греческий историк *Диодор Сицилийский*, живший до н. э., в своём историческом труде «Библиотека» сообщает, что *сарматы пришли в Северное Причерноморье из Мидии. Их поселили туда, скифы* (II, 43). А другой историк *Плиний* () называет сарматов «мидийским отростком», т. е. потомством (VI, 19) [37, с. 101].

По убеждению *И. Алиева*, эти факты, указывающие на родство мидян и сарматов, сами по себе никак не могут свидетельствовать об иранизме этих народностей [37, с. 101]. В подтверждение этого автор ссылается на факт о посылке царя мидян *Киаксара* и юношей-мидийцев к скифам, чтобы те учили их стрельбе из лука и скифскому языку. Следовательно, скифский язык, который принадлежал пришлым иноязычным племенам, не был понятен этим «мидийским юношам», заключает автор [там же]. Этот интереснейший факт является ещё одним доказательством того, что переселившиеся на Восток мидяне-сарматы не были по языку иранцами.

Как мы уже заметили, ряд вышеупомянутых топонимов, особенно из восточной части Азовского моря и района Дона, представляют из себя сарматские изоплоссы, которые без натяжки этимологизируются

тюркским языком. В настоящее время родство между скифо-саками и сарматами в научной литературе толкуется в широком смысле, т. е., как и первые из них, не сводится только к этносам североиранской или восточноиранской группы. Чтобы не быть голословными, приведём лишь несколько коротких выдержек из трудов некоторых учёных: «Сарматы едва ли представляют собой единую в этническом и языковом отношении народность» (И. Алиев). «Скифы были иранцами по языку. Сейчас мы бы выразались осторожнее: часть скифов и сарматов говорили на иранском» (О. 77 Трубочёв). «Сарматы никогда не были единым не только в этническом, но и в политическом отношениях» (А. Скрипкин). «Сыграли свою отрицательную роль укоренившиеся представления о сарматах как о группе ираноязычных племён. Сарматы вовсе не суперэтнос, а конгломерат не так уж тесно связанных между собой племён иранских, угорских, тюркских и, может быть, ещё каких-то других» (А. В. Шевченко, Б. Ф. Фенргит [740]).

Историк-археолог А.77. Смирнов с сарматской средой связывал болгар - автохтонов степей Юго-Восточной Европы и при этом полагал, что последние были отюрчены в эпоху гуннских нашествий [76]. А современный историк Ахметзянов считает, что тюркоязычные потомки сарматов в лице юрматов, биляр, тазлар участвовали в этногенезе приволжско-камских булгар и через них - в этническом составе поволжских татар [746].

*

Необходимо дать, хотя бы вкратце, также и перечень собственных имён из среды сако-скифов и сарматов, схожих или созвучных с тюркскими именами. Некоторые из имён будут использованы повторно с наращением дополнительной информации.

Таргитай - отец-родоначальник первых племенных вождей или царей в Европейской Скифии *tari* (др.-тюрк.) - сеять, засеять ~ *tariy* - земледелие, земледельчество + *тай* - именной словообразующий аффикс, характерный для тюркских языков, отсюда значение *Таргитая* - земледelec. На мой взгляд, в имени родоначальника причерноморских скифов предпочтение отдаётся, в отличие от среднеазиатских (туранских) саков, оседлому образу жизни, что и

подтверждается образом жизни части населения Причерноморья и примыкающих к нему регионов: скифов-земледельцев и скифов-пахарей. На это же намекает и упавшее с неба ярмо. А само имя перекликается с именем аварского (тюркского) посла в Византии Таргитаем (VI в.) у Ф. Симокаты, а также с именем сармато-меотянки Тиргатао у Потисна (II в. н. э.).

Арпоксай, Колоксай, Липоксай - имена сыновей Таргитая. В скифологии неоднократно отмечалось, что Арпо(к), Коло(к), Липо(к) не могут быть иранскими словами и должны принадлежать ещё доскифскому населению юга России (В. И. Абаев, Г. Котхё). Да и древнеиранское слово со значениями «царь», «владыка» иранистами рассматривается как окончание этих имён явно искусственно, т. е. с явной натяжкой за счёт коверкания слова. В тюркских же языках окончание « » при соединяется к основной части имени совершенно естественно: *Арсай, Уксай, Урсай, Токсай, Ту* Вместе с тем окончание « *тай* » характерно более всего именно для общетюркского языка (*Амантай, Алтай, Братай, Белокатай*).

Аспург - имя царя одного из меото-сарматских племён в Боспоре [747, с. 152-153]. Такое же имя в формате *Есперих* принадлежало болгарскому хану, сыну Кубрата. Н. А. Баскаков этимологизирует его как *es (?) tori* - товарищ волк [748, с. 43]. Мы же предлагаем схожее сарматское имя расшифровать как 'ас-волк', сохраняя при этом обозначение тюркосарматского племени ас.

В. Ф. Миллер в своём исследовании «Эпиграфические следы иранства на юге России» часть иранских имён на скифском языке объясняет экспансивной политикой и культурным влиянием иранцев. Он пишет: «Есть основание думать, что вследствие соседства с Ираном и некоторой зависимости от персидского царя к скифам переходили и некоторые черты иранской культуры, а в том числе и иранские имена, сложные с освящёнными для иранцев словами *Ariya* или *Mazda*, которыми украшали себя скифские цари... Однако ношение благородного арийского имени ещё не позволяет видеть иранца в каком-нибудь скифском кочевнике-царе, у которого орда приносит человеческие жертвы фетишу-мечу... Персидские имена

шли от скифов; занёсших их в припонтийские скифы, быть может, ещё из Азии, где скифы (саки) соседили с Ираном и восприняли некоторые черты его высокой культуры» [505, с. 279-280].

Автор на основе своих ономастических исследований пришёл к выводу, что иранский элемент в именах на устьях Дона был сравнительно значителен, тогда как «совершенно другое отношение иранских племён к неиранским находим в надписях пантикапэйских (мы уже знаем, Пантикапей - это название колонии (города - ?) при Керченском проливе, на месте нынешнего города Керчь. — М. Б.). Из 110 варварских имён не более 15 находят объяснения в иранских языках, и притом большинство последних имён повторяется в танаидских (донских) надписях, что, по-видимому, указывает на принадлежность их сравнительно позднему времени (II и III вв. н. э.)» [505, с. 271].

Далее *Миллер* приводит список из 20 названий племён и этнонимов, заканчивающихся на *-atai/-etai* (*паралаты, массагеты, авхаты, сколоты* и др.) и, видя в нём скрывающийся суффикс множественного числа неиндоевропейского типа, заключает, что, «быть может, этому приёму научился Иран от соседнего Турана» [там же, с. 282-283]. Надо заметить, что следы суффикса множественного числа такого типа сохранились у тюрков как архаизм в форманте *-at*: *ир-ат* - мужи, мужчины, *тюрк-юм/ум* - тюрки, *тег-ит* - принцы (*тегин* - принц), *тац-ум/танг-ум* - тангуты, *арамуты* - арамуты (тюрк, племя), *алпалпай-ут* - военная свита (алпагу - герой).

Один из надёжных источников, где запечатлены «варварские» имена, - это эпитафические памятники и различного рода памятные стелы из Причерноморской Скифии, часть из которых хранится в различных музеях страны. Не вторгаясь в каждом случае для интерпретации в область негреческих и неиранских имён, приведём антропонимы из разных эпиграфических текстов региона Северного Причерноморья и, прежде всего, Бо-спорского царства.

Текст на белой мраморной стеле (в переводе на русский язык): «Великому царю *Астургу*, другу римлян, царствующему над всем Боспором, меотами, подчинившему скифов и тавров». Обратите внимание на отдельное перечисление имён скифов и других племён

Боспора, которое свидетельствует о том, что этническая среда на деле не позволяет объединять разноэтнические племена под «ираноязычный» конгломерат «скифы», как это делается в ряде исследований. Далее: жена известняковая стела, найденная в Керчи | Из других известковых плит: *Сария*, жена *Мана* (IV в. до н. э.) | *Асар*, сын *Атака* | *Герей*, сын *Атамаза* | Надписи на белых мраморных плитах из Танаиса (Придонье и город возле реки с тем же названием): *Ардар*, сын *Папай* \ *Госак*, сын *Атака* сын \ *Сирак*, сын *Дада* \ *Фазий*, сын *Паша* | Из надписи на белой мраморной стеле коллективного захоронения (первая половина III в. до н. э.): *Пласт*, сын *Аттал(а)*, там же имена других погребённых: *Баба*, *Данай*, *Тимер*, *Кодр*, *Герей*, *Матрий*, *Эвбул*, *Никобул*.

Обращают на себя внимание также из Причерноморского эпиграфического корпуса имена *Хансабогаз*, */ Алт* (др.-тюрк.) - герой, богатырь, витязь), */ Irbic* (др.-тюрк.) *irbic / irbiz* - леопард, барс, рысь) [749].

Как видим, подавляющее большинство из перечисленных имён, засвидетельствованных в эпиграфических текстах Причерноморья, носят неиндоевропейский и неиранский характер, что подтверждает заключения ираниста Миллера о том, что в Крыму иранских племён встречается весьма мало. Среди них, по нашему твёрдому убеждению, немало имён, которые как по структуре, так и по звучанию явно перекликаются и совпадают с именами ранних тюрков. В то же время в некоторых именах улавливаются греческие и даже семитские антропонимы, особенно в именах отцов, что, конечно, объясняется колонизацией Северного побережья Чёрного моря греками.

3) Во вступительной части этого раздела мы предупредили, что в сопоставительном словаре сако-скифских и тюркских сходжений будут представлены и изоглоссы осетинского, которые выделил *В. И. Абаев*, считая их скифскими, сохранившимися как архаизмы в дигорском диалекте осетинского языка. Их немного: *alan* - название скифского племени (осет.) | *Ardar* - князь, повелитель (осет. *celdar*) | *arta* - клятва (осет. *ard*) \ - собака (осет. *kuj*) | *od* - душа (осет. *od*) \ *os* - жена (осет. *osce*) \ *сакa* - олень (осет. *sag*) \ *vara* - ягнёнок, *kars* - суровый и др. [744].

Примечательно, что среди перечисленных лексем, которые Абаев относит к числу скифских слов, почти все имеют параллели в общетюркском языке или же легко трактуются и переводятся с помощью тюркского лексикона. Примеры: *alan* // (др.-тюрк.) ~ *alan/alarj* - плоская равнина, общетюрк. параллели: поле, долина > этноним аланы - поляны | тюрк, *qiris, кырыс* - резкий, суровый | *kuti* //тюрк, *kucik* - собачонка | *vara II* тюрк. *Bagan* - ягнёнок | *os II* др.-тюрк. ш ~ *kis* - жена | *od II* др.- тюрк. *kot* - душа.

Завершая перечень и трактовку дополнительных материалов к сопоставительному словарю, **считаем очень важным остановиться вкратце на древнейшем пласте тюркизмов в иранском языке**. Притом заблаговременно извещаем, что часть этих тюркизмов относится к исконному корневному фонду, который с трудом поддаётся заимствованию. Мы говорим об этом потому, что слившиеся до неузнаваемости с иранским языком и сохранившиеся в его лексическом фонде тюркизмы на деле могут оказаться следами ранних и достаточно тесных культурноконтактных связей между тюркоязычными и ираноязычными группами скифо-саков.

А вот конкретные примеры, *тюркизмы*, из лексикона иранцев, относящиеся практически именно к исконному фонду общетюркского языка: *sil* - вода. Г. Дёрфер считает это проникшее в иранские языки слово тюркским по происхождению | *tas* - камень, это тюркское слово заимствовано в персидском {*tas*} и курдском {*tas*} языках | *tay* - данный базовый хороним также оказался в составе иранского {*tag*}, курдского тад жикского {*tax/tay*) в основном его значении | тюркский *ada* - «остров» прослеживается в курдском {*ada*} и персидском {*aday*} языках. А. М. Рясянен и Э. В. Севортян дают перечни фонетических форм и значений этой праформы по всем тюркским языкам [750].

Из тюркских архетипов *aryq* и *aval* Севортян выделяет общий элемент «*ag*» со значениями «вода», «водный», «поток». Термин хорошо известен в персидском в формах *arq/ariq* - оросительный канал, арык. Г. Вамбери возводил рассматриваемую лексему к тюркскому глаголу *jar/ar* - протекать. Б. Мунками видел в ней тюрк, *jarlq/шырык* - трещина, щель. Г. Дёрфер же полагал, что в данном случае термин «арык», скорее наоборот, заимствован из персидского

тюрками | тюрк, *topa/toba* - вершина, холм засвидетельствован в персидском языке (*topa*) | Дёрфер слово *кол/кдл* в персидском языке определяет как заимствование (под вопросом) из тюркских языков и отмечает распространённость этой лексемы в иранских языках: курд, *qol* - озеро, пруд ~ осет. *kul/koloe* - глубокая лужа ~ афг. *кол* - озеро и др. *Иллич-Свитыч* же указывает ностратический ряд с праформой *tala* - озеро, небольшой водоём, куда входит и дравидийский *tala* - пруд, водоём, озеро | * *dolog/tulaj* - море, это термин, по Дёрферу, из пратюркского в персидский язык заимствован через посредство монгольского (?). *Иллич-Свитыч* и здесь восстанавливает ностратический ряд с охватом семито-хамитских (волноваться) и дравидийских (*tall*- «то же») языков [750].

Таким образом, мы должны констатировать, что проанализированная лексика, относящаяся к историческим регионам бытования древних сако-скифов и отчасти сарматов, почти насквозь иронизана тюркскими изоглоссами и праформами. Это обнаруживается и в написанном *В. Ф. Миллером* исследовании «Эпиграфические следы иранства на юге России» [505], и в составленном *В. И. Абаевым* списке «Скифо-сарматские наречья» (М., 1979), а также, наконец, в различных письменных источниках греческих и латинских авторов и эпиграфических памятниках на территории проживания сако-скифов и скифоидных племён. А бытование и гармоничное вписывание в словарный фонд иранской группы тюркских исконных праформ явно свидетельствует о былом тесном соприкосновении и смежном проживании этих народов в древности, возможно, даже о близком соседстве и общении иранцев именно с тюркоязычной частью скифов. В общем языковом фонде обеих групп языков, особенно у тюрков, есть, конечно, лексемы-архетипы, восходящие к ностратической общности, связанные с ещё более древними уровнями и этапом плоттогонических процессов на Ближнем Востоке.

9. По следам загадочных кутиев (гутиев) из Передней Азии, претендующих на генетическое родство с нратюрками

Концепция о Ближневосточной прародине тюрков влечёт за собой не только создание на материале общих лексических праформ

ареального словаря, но также и выявление и целенаправленное изучение конкретных этносов и народностей, которые могли бы сохранить следы генетического родства с доисторическими тюрками. Согласно нашим исследованиям, на наиболее близкое родство, если не на прямое отождествление с ними, может претендовать племенная группа так называемых **кутиев** (вар. **гутиев**), засвидетельствованная в древнейший период именно в ареале Передней Азии.

Кутии жили в центральной части в нагорных районах За-гра, севернее Элама, т. е. на территории современного Курдистана и Иранского Азербайджана. Письменные источники рисуют их как скотоводов, которым нет счёта, как на небе звёзд. Анализ текстов показывает, что уже в III и во II тысячелетиях до н. э. термин «кутии» имел конкретное значение определённой этнической группы. По наш взгляд, этимология этого термина связана с общим ареальным словом того времени, которое дошло и в тюркских языках до нашего времени. Если конкретно, пракорень его *kutA* с основным, изначальным значением «маленький», отсюда: *hut* (сем.-хам.) ~ *kalti* (куш.) - маленький ~ *kutA* (драв.) - «то же», *kuti* (картв.) - «то же» ~ *кетсе/кеце* (тат., воет, диал.) - «маленький» ~ (тат., чув.) - маленький, куций ~ ? — *коту/койту/койты* (общетюрк.) - плохой [5 (2), с. 348; 167, с. 11; 440, с. 331].

Мы полагаем, что *kuti* (*кути*) являлось самоназванием этого многочисленного народа, который был порождён религиозномифологическим мировоззрением их носителей, которым, по ассирио-вавилонским источникам, «нет счёта, как звёздам на небе». По сути, этот этноним со значением «маленький» представляет из себя форму мифологического запрета, табу, появившегося, чтобы избежать разного рода беды, которые могли обрушиться на народ из-за необдуманного или громкого самоназвания. а также чтобы своим уменьшительным, понижающим себя именем вызвать и создать на деле обратный эффект, а именно пассионарную жизнестойкость и долговечность населения.

Такого же типа собственные имена были и среди кутейских вождей, которые после вторжения в Месопотамию претендовали на аккадский престол. Об этом *И. М. Дьяконов* пишет: «Началась

ожесточённая борьба за власть между претендентами, носящими странные, но-видимому, уменьшительные и уж во всяком случае не династические имена [610, с. 239]. Следует особо подчеркнуть, что табуированные, уменьшительные имена племён и народов, адекватные по значению с этнонимом кутиев, зафиксированы и у приволжских болгар (кочо болгар), а также у позднесредневековых тюркоязычных племён: у башкир, *кесе* (или *кичи*) у туркмен-саларов, *кесек* () у киргизов и тувинцев. С этнонимом *кесе* *Д. Немет* отождествлял и одного из семи венгерских племён (X в.) [451, с. 272]. Можно допустить, что лексема «кесе» здесь, наряду со значением «маленький», приобрела и дополнительное значение «часть» какого-то крупного рода.

На исторической арене кутии появились в конце XXIII в. до н. э., в период правления аккадского царя Нарам-Суэна, державшего тогда в своих руках всю Месопотамию вплоть до предгорий Загроса; в зависимости от него находился также Элам. Воинственной племенной группе кутиев удалось опрокинуть войска Нарам-Суэна и проникнуть далеко вглубь Южного Двуречья Тигра и Евфрата. Это вторжение вызвало падение могучей аккадской династии в Вавилонии и царствование там кутиев в продолжение примерно 125 лет (2228-2104). Впоследствии кутии (гутии) многократно упоминаются в надписях ассирийских царей второй половины II тыс. до н. э., а также позднее. Но в эту позднюю эпоху данное название в основном употреблялось уже не столько как этнический термин, вернее, не всегда как обозначение определённой этнической группы, но и также в нарицательном значении - в качестве общего названия северо-восточных горцев [95, с. 118-119].

Историк-специалист по Древнему Востоку *И. М. Дьяконов* в своём исследовании приводит надпись Утухенгаля, которому удалось изгнать кутиев из Вавилонии и восстановить «царство шумера и Аккада» (до захвата этой территории кутиями в Шумере господствовала аккадская династия). В своей надписи, оставленной после освобождения Вавилонии, Утухенгаль называет кутиев «жалящей змеей гор», насильником (против) богов, унёсшим царственность Шумера в горы, наполнившим Шумер враждой, возбудившим вражду и насилие в стране. Но этому поводу *И. М.*

Дьяконов подчёркивает, что содержащиеся в тексте слова о том, что кутии возбудили «вражду и насилие» в Двуречье, нельзя понимать иначе, как то, что они восстановили одну часть населения против другой. Другими словами, отмечает автор, они, возможно, возглавляли классовую борьбу угнетённых масс - мелких свободных земледельцев, а в особенности рабов против рабовладельцев. Таким образом, роль кутиев на первом этапе была освободительной [611, с. 20-21].

Среди историков, пытающихся разгадать сложнейший ребус - историю Шумера, есть такие, по мнению которых тексты, рассказывающие о жестокости и разрушениях периода владычества кутиев, родились под влиянием шумерской национальной пропаганды, которая велась уже после обретения независимости. Ибо, как полагают эти исследователи, на деле отдельные города под властью кутиев сохранили определённую самостоятельность, имели своё правительство, вели торговлю с другими государствами, процветали [612, с. 143-144].

Кто же были кутии по своей этнической принадлежности? На основании ономастических данных в науке существует мнение о принадлежности кутийского языка к загро-эламской Гили каспийской) группе языков. Топонимический материал позволяет высказать предположение о том, что древнейшее население Южной Месопотамии до прихода сюда шумерийцев принадлежало к загро-эламской группе племён, родственных кутиям и эламитянам, В частности, эламитяне, да и вообще племена нагорного Загра в дошумерскую эпоху, по всей вероятности, обитали и в Двуречье. Из числа этих племён да и *касситы*, имевшие, бесспорно, определённое отношение к каспиям, населявшим позднее некоторые области Азербайджана (Каспиана), были распространены и в других областях Переднеазиатского Древнего Востока. Всё это свидетельствует о широком распространении племён каспио-эламской языковой семьи ещё в эпоху седой древности [613, с. 20, 39; 611, с. 19].

Одной из этих существенных особенностей языков загро-эламской группы, которая заставляет обращать на себя внимание, является отсутствие грамматических родов, т. е. в этих языках слова не подразделяются, а значит, не разделяются принадлежностью к так называемым мужским, женским и средним родам. Эта же особенность, как мы знаем, характерна и для языков тюркской группы.

Из ономастических материалов на кутийском языке до нас дошли около двух десятков имён, засвидетельствованных в шумерских царских списках, а также значительное число имён в двух списках лагеря военнопленных женщин и подростков в Шумере.

Список кутийских царей таков: *Имта, Ингешуш, Шуше, Элулумеш, Инимабакеш, Игешауш, Ярлагаб* (вар. *Ярла-гаш*), *Ибате, Ярлангаб (Ярлагаб), Курум, Хабткин, [Лаэрабум] Ирарум, Ибранум, Хаблум, Пузур-Сш, Сиум, Тирака(н)*.

В клинописном списке изначальные, реальные звучания ряда имён кутийских правителей, надо полагать, при письменном оформлении и прочтении претерпели различного рода изменения и искажения. Однако сложная, двух-или трёхчастная структура большинства имён, характерная для Древнего Востока, а также своеобразие фонетической системы и аффиксы или окончания неиндоевропейского типа сохранились. В силу того, что кутийские племенные вожди и правители в иной этнической среде постоянно усваивали традиции местной знати, среди указанных имён есть и шумероаккадские. Но часть из них можно и нужно отнести к общему достоянию ареального союза, включая генетически родственных доисторических тюрков.

Таковы, например, имена *Сиум (Сююм/Суюм)* - любимый, милый. Сравните: *Сююмбике* - любимая госпожа | *Элулумеш* (др.-тюрк. *эл*— господство, племенной союз, народ, *ул* (др.- тюрк.) - основание, опора, *-меш* - именной аффикс у тюрков-уйгур, идущий из глубины тысячелетий) - опора народа, вар. опора государства | *Курум* (др.-тюрк. *кур* сооружать, строить, собирать, *-ум* - эламский словообразовательный аффикс, дошедший у тюрков до наших дней. Ср. *улъум* - смерть, *пго-кум* - скот, *агым* - струя) - строитель, объединяющий | *Тирикан* (др.-тюрк. *тире/тере* - живой, здравствующий, *цан* - компонент имён собственных со значениями «правитель», «предводитель») - здравствующий повелитель (вар. *кан/кйн* - солнце, отсюда *Тирикан* - живое солнце) | *Ярлагаб* (др.-тюрк. *jareiy*) \ *ярлыг* - повеление, приказ, *ярлыг(г)а* - повелевать, *-аб/-ан/-лаг* - архаические словообразовательные аффиксы, зафиксированные далее у среднеазиатских саков, юечжи-кушанов и древних тюрков. Ср. *чалёб/челеб*³⁶ (тур.) - бог, божественный, знатный, (др.-уйг. собств. имя) - герой, богатство, *алт/алын* (др.-тюрк.) - «то же», меткий

стрелок, Алп Эр Тона (др.-тюрк.) - *Афрасиб, Колтаб/Кылтан, Кайыпхан* - герои тюркских эпосов-дастанов, *Саулаг* - имя собственное из нартского и древнетюркского эпоса | *Инимабакиш* (др.-тюрк. *и ни* - младший брат, *-ма* - аффикс винительного падежа, *бакиш* - видение, смотреть) - братолюбивый, уважающий младших (в переносном значении).

Что же касается списка военнопленных женщин из города Уммы ТТТумера то в нём, наряду с семито-аккадскими и шумерскими именами, имеется значительное количество кутийских имён, которые, как утверждает *И. М.*, прежде ошибочно считались «митанийскими» или хурритскими. Приведём из этого списка ряд имён, по фонетической структуре, на наш взгляд, весьма и весьма созвучных с тюркской речью сингар-моничного и агглютинативного строя. Кроме того, ряд из них заканчивается на компонент аду- (> ады/аты/адагъ со значением «звать», «имя (его)»), который в древности присоединялся к именам, различным объектам, т. е., как мы думаем, служил словообразовательным компонентом сложных, дву-или трёхчастных лексем, в том числе собственных антропонимов (см. в историко-семантическом словаре лексическое гнездо № 403).

Такие имена в клинописном списке пленных женщин суть следующие: *Бираду, Шебададу, Галаду, Еладу, Ниладу, таг*, далее: *Мамад, Шамат, Мамаку, Шамзи, Ума, Умми, Умиа, Будула, Бузина, Гиза, Аштура, Абиба, Абания, Илкуру, Иллазу, Аммиа, Виза, Гизуда, Шигила, Шигубалу, Шилабуби, хи, Батидаега, Газилили, Балания, Нанна, Лолла, Банана, Гим-нинурра, Турубима, Ланита*³⁷ и другие [616].

Как видим, многие имена, точно так же, как у хуннов и древних тюрков, заканчиваются на фонему «у». Сравните с именами хуннских шаньюев: *Ушиху, Гюйлиху, Хулугу, Пуну* [313] и древнетюркскими именами: *Билгу, Бисиду, Кидалу, Джетту, Душу* [614]. В двух частных именах типа *Шебададу* вторая часть означает именно «имя», «именуемый (ая)», игравшее в древности роль постпозиционной или поясняющей парадигмы. Первая часть имени *Шигу-атаг* совпадает с собственным именем хана западнотюркского каганата *Шегу(й)*, вторая же часть является

компонентом со значением «имя» Шигу (именующая). Далее следуют имена *Амма*, *Уммия* («женщина-мать») | *Визу*, вар. *Бизи*, *Бизур* (от *eezci* - украшать) | *Умма/Уммия* (*um/ити* - надеяться, надежда) | *Мамад* (сем. славный, хвалебный) ~ *Ага*, *Агуа* (агы/аун) - драгоценный, сокровище) | *Абания* (абан - перс, название 8-го месяца солнечного календаря) | *Амм*, *Амма*, *Амиа* (в ареале Переднеазиатского Востока и в ряде языков алтайской семьи пракорень **am* - в значении женского пола, самки, женщины, матери) | *Турубиниа*, *Латиниа* (значение второй части этих имён «иша», варианты: др.-евр. *шигуа*, майя «t/ш», др.-тюрк. *шиы* - женщина).

Многие иные имена из названного списка также можно было связывать в той или иной степени надёжности с другими ареальными и древнетюркскими лексическими праформами. Однако при всём этом нельзя забывать, что в ряде имён, несомненно, скрываются архетипы локального, диалектного характера, а также являющиеся, возможно, в далёком прошлом общими, но уже забытыми пракорнями уже давно вымершего языка.

Как мы уже видели, слово-этноним «кутии» возводится к общему словарно-языковому фонду генетико-контактного ареального союза на Переднеазиатском Востоке. Сохранились отдельные слова и из других областей, не связанные с ономастикой. т. е. с этнонимами и собственными именами. Одно из них, относящееся к области раннего животноводства 1 - лошадь!, историк-востоковед *И. Алиев* считает по происхождению кутийским, которое получило постепенное распространение в регионе древнего Средиземноморья и далее - на востоке [37, с. 66]. Если конкретно, это слово засвидетельствовано в вариативных формах: *chtr/xtr* - конь в Египте, *kudini/kudani* - мул соответственно у шумеров и ассирийцев, * - конь у дравидийцев, **ghuti/ghutra* - у древних индийцев (санскрит). В новоиндийских языках оно представлено в двух формах и > *ghori* - лошадь [615, с. 105].

Не удивительно, что переднеазиатское архаическое слово бытовало и у связанных через своих далёких предков с этим регионом пратюрков-хуннов: *qut* - лошадь [62, с. 139], а также пережиточно сохранилось в азербайджанском языке: *gudux/ xoiux* в значении «мул»

и в крымскотатарском: *godi* - дурная лошадь [37, с. 66; Раддов, т. II, с. 1603].

И. М. Дьяконов кутиев по языку относил к северо-восточнокавказской группе языков. *Ю. Б. Юсифов* же считает, что отождествление языка кутиев с кавказскими языками не имеет реальной научной аргументации, поскольку кутийский языковой материал, представленный лишь именами собственными, по сути, не имеет аналогий в ономастике кавказских языков, и язык их фактически имеет отличную от последних природу [24, с. 35,39].

Специалисты древних кутиев увязывают с более поздними утиями, упомянутыми в клинописных и античных источниках в различных районах, и полагают, что последние являют собой остатки некогда широко раскинувшейся ^происходивший от кутиев) племенной группы³⁸. Судя по античным источникам (V в. до н. э.), прежде утии жили южнее Аракса, на территории Иранского Азербайджана, т. е. там, где раньше (по шумероаккадским данным) жили кутии. Затем, в первые века н. э., утии продвинулись на север и оказались у реки Куры. В армянских источниках земля *Отена* (от корня *от* /) - часть кавказской Албании [37, с. 65].

Ряд исследователей (*И. Марквар* и *И. Алиев*) считает, что у Геродота говорится о двух различных племенах утиев, первые из которых жили во внутренних районах Ирана, а вторые - именно Южнее Аракса, в иранском Азербайджане. По мнению *И. М. Дьяконова*, приаракские утии входили в состав скифского царства в Закавказье [507, с. 195].

По классификации кавказских языков современных *утиев/удиев*, считавшихся потомками древних кутиев, включают в группу лезгинских языков. Однако *ути/удийский* язык иногда обособляют от лезгинских, поскольку территория распространения утиев отделена от территории распространения лезгинских языков [617, с. 524]. К тому же среди специалистов распространено мнение об удалённости ути/удинского языка от других языков лезгинской группы и в области фонетической системы, а также по характеру морфологического и синтаксического строя языка.

Есть гипотеза, отождествляющая ути/уди́нский язык с вымершим албанским языком на Кавказе. Однако римский писатель и историк *Плиний (Старший)* в своём труде «Естественная история», перечисляя народы, обитавшие в Восточном Закавказье, называет уди́нов и албанов отдельными племенами, т. е. отдельно [Плиний, кн. 4., гл. 13, с. 38-39].

В течение ряда веков *утии/уди́ны* довольно близко контактировали с местными языками и в административногеографической области Ути и даже перешли на армянский и грузинский языки. А в зоне Азербайджана, за исключением некоторых районов, утии полностью тюркизировались. Вот почему во всех этих трёх языках утинский субстрат сохранился в виде отдельных реликтов, в которых, на наш взгляд, тюркоязычная языковая стихия ощущается довольно весомо. В связи с этим даже возникает заманчивый и вполне закономерный вопрос: предки утиев, пришедшие из региона Переднеазиатского Востока, не оказались ли первоначально или позднее в окружении лезгиноязычного населения, что и способствовало освоению некоторых специфических черт этого языка? И не связана ли часть архаических тюркизмов с влиянием смешавшихся с ними древних кутиев?

При всём этом обращают на себя внимание странные морфологические и синтаксические расхождения между этими языками. Так, если в лезгинском языке отрицательные формы глагола выражаются префиксами *да/де* и *ту* (да-хчун - не брать, ту-т|туьн - не кушать), то в утийском наличествует общая с тюркскими языками отрицательная частица глагола *-ма*. Здесь резонно сослаться на версию видного кавказоведа *Ю. Б. Юсифова*, который склонен считать древних утиев носителями тюркоязычной речи и видит в тюркско-болгарском этнониме уд-/ *utuzuji* («племя ути» или «малые гурь») преемственное отражение этого древнейшего термина. К тому же он считает (с чем я полностью согласен! что племя г и позднее было отдельной от *уди/иду́нов* этнической группой и являлось носителем тюркской речи, тогда как *уд/у* (по *Плинию* и *77шо- лемею*) представляли круг лезгиноязычных кавказских этносов [618, с. 49-50].

Приведём наиболее характерные тюркские лексемы из утийского/удинского языка в Кавказском и Закавказском регионе. Это: *агу* (др.-тюрк.) - яд, отравка | (др.-тюрк. - рука | *шуу* (др.-тюрк. *is* | *es* - друг, приятель ~ *т* - женщина) - человек | *ашик*- чаша, бокал (общетюрк. *айак* - сосуд) | (др.-тюрк. *ак* - течь) - река | *ар(х)* / *ор* (др.-тюрк. *арыг*, общетюрк. *арык*) - ручей, канава | *бичгу* (др.-тюрк. *Ыс* - резать) - пила | (др.-тюрк. *kicig* - маленький) - узкий, тугой | *мачан* (м/в - др.-тюрк. *Bicin* — обезьяна) - «то же» | *нос* (др.-тюрк. *Buz* - ломать, разрушать) - разруха, развал | саз (общетюрк. *saz* - болото) - болотистое место | *чан* (общетюрк. *чак* - высекать огонь, сверкать (о молнии) - молния, гром | *чае* (др.-тюрк. *сав* - слава, известность) - «то же» [619]. Заметим, что некоторые лексемы из этого перечня восходят к словарному составу ареального языкового союза Переднеазиатского Востока.

В утийском языке засвидетельствованы весьма архаические элементы и в морфологической структуре языка. К примеру, множественное число в нём образуется по принципу агглютинации с прибавлением к основе слова суффикса *-ух/-ах*: *нана-ух* - матери, *баба-ух* - отцы, *адамар-ух* - люди, *йолдаш-ух* - товарищи, *вичи-м-ух* - братья, *кул-м-ух* - руки. В последних словах перед суффиксом *-ух* появляется вставной согласный «м». В тюркологии есть гипотеза, согласно которой суффикс -к fal когда-то также активно участвовал в образовании слов, обозначающих однородные предметы и их совокупность или собирательное значение. Собирательность в данном случае, с одной стороны, суть единичности, а с другой - множественности. К таким словам следует отнести в древнетюркском языке: *kirpik* - ресницы, *kozliik* - наглазники ~ *timaq* - ногти, когти ~ *qavuiq* - отруби, *sasiq* - гончарные изделия ~ *topraq* - почва, пыль ~ *tolyaq* - схватывающие боли в животе ~ *s* - персы, согдийцы.

*

Английский учёный-иранист *В. Б. Хеннинг* в 70-е годы минувшего века выступил с неожиданной гипотезой, отождествляя переднеазиатских кутиев с индоевропейскими тохарами из Центральной Азии, известными по китайским источникам начиная с I в. н. э. Автор гипотезы полагает, что из Западного Ирана «протоухарь» переселились позднее в район Центральной Азии. Таким образом, следует предположить большой путь, проделанный этим народом, мигрировавшим с первоначальной территории в Месопотамии и сумевшим на протяжении нескольких тысячелетий сохранить в определённой степени свою самостоятельность и язык.

Эту идею Хеннинга, по существу оставшуюся неизвестной широким кругам учёных, подхватили отечественные учёные *Т. В. Гамкрелидзе* и *Вяч. Вс. Иванов* и стремились по-своему дальше развивать её, подкрепляя дополнительными аргументами лингвистического и историко-этнографического характера, привлекая для сопоставительного анализа материалы как из языка переднеазиатских кутиев, так и именовавшихся условно тохар и тохара (*toxri*) центральноазиатских индоевропейцев. И при этом переселившиеся кутии данными учёными рассматриваются как документально фиксированные предки этих самых индоевропейских диалектов [620].

Однако, несмотря на то, что оба этнических названия «кутии» и «Кисі» означают «маленький» и даже этноним *t.ox(a)r*, согласно установленным нами данным (на санскритском *tiiccha* - мелочь, ничтожный и в языке урду «немногочисленный»), по существу, тоже совпадает с тем же значением, а также несмотря на усиленные попытки *Гамкрелидзе* и *Иванова* доказать индоевропейский характер кутиев, возведение центральноазиатских или восточно-туркестанских «тохаров» (языки тохаров А и В) к переднеазиатским кутиям остаётся, на наш взгляд, лишь искусственной натяжкой и неудачной подгонкой фактов к желаемому результату. Как мы уже видели, фонетический строй и морфологическая структура кутийских слов, включая их склонность к сингармоническому и агглютинативному строю, а также, что не менее важно, возможность интерпретировать их на древнетюркском языке явно претендуют на изначальное родство кути-зю

ев с тюркским миром в составе Ближневосточного ареального союза.

В той же статье эти авторы происхождения центральноазиатских тохаров (А, В) связывают с засвидетельствованным в клинописных источниках народом, или племенем, *tukris* Кроме приблизительно созвучного с именем *tochar* этнонима нет никаких лексических данных, которые сближали бы этот язык Ближнего Востока с языком центральноазиатских тохаров А и В. Поэтому сказать что-либо конкретно о родстве и генетической преемственности между этими народами весьма проблематично. Но это отнюдь не означает, что мы собираемся отрицать *сугубо индоевропейский и, более того, архаический и реликтовый характер уже мёртвых тохарских А и В диалектов* или, как полагают некоторые исследователи, самостоятельных языков, совершенно не схожих с индоиранцами.

По этому поводу французский учёный Э. Бенвенист пишет: «Изучение тохарского словаря оставляет двойственное впечатление: с одной стороны, то индоевропейское, что в нём содержится, состоит в значительной части из древнейших элементов, представленных во всех языках; с другой стороны, встречающиеся специальные связи сближают тохарский либо со своей европейской группой индоевропейских языков, либо с некоторыми из языков этой группы, но никогда с индоиранскими языками. Бесполезно было бы искать слова, общие тохарскому и индоиранскому» [656, с. 100]. В настоящее время предпринимаются попытки сравнить и сблизить тохарские А и В языки не с каким-либо одним языком, а с диалектами групп, объединяющих в себе несколько древних индоевропейских языков.

То же самое нужно сказать и относительно **тохаров Средней Азии**. Некоторые исследователи исходя из малоизвестных сведений клинописных надписей ассирийцев (*Г. Е. Грум-Гржимайло* [400, с. 5]) начинают историю этих тохаров с VII в. до н. э., другие же, согласно данным Страбона, - со II в. до н. э., т. е. с тохаров в составе среднеазиатского Ку шанского царства. Касаясь вопроса об их этнической природе, *В. И. Абаев* заметил, что «На всём доступном обозрению отрезке судьба тохаров тесно переплетается с судьбами сакских племён», настолько, что до сих пор не выяснено, к какому именно народу относились

первоначально названные тохары - к иранским сакским племенам или к носителям той особой индоевропейской речи, которую мы теперь называем тохарской» [цит. по: 560, с. 249].

В настоящее время некоторые исследователи среднеазиатских тохаров отождествляют с народом даха, проживавшим в Туране и враждовавшим с соседними иранцами. (/Вспомним версию о происхождении второй части имени дракона Ажи-Даха из этнонима «даха».) Другие же исследователи видят в тохарах иммигрантов-завоевателей, проникших в Среднюю Азию в составе других племён. По сообщению *Страбона*, «наиболее известные из кочевников те, которые отняли у эллинов Бактриану, именно асии, пассионы, тохары, сакаравлы³⁹, которые переселились из области на другом берегу Яксарты (Сырдарьи) рядом с областью саков и согдианов, занятой саками» [Страбон, XI, 82].

Между тем древние китайские источники называют завоевателями Бактрии племена юечжей, проживающих, очевидно, до этого в Центральной Азии. Большие юечжи напали и захватили Бактрию после двукратного поражения соответственно от хун-нов и усуней. Малые же юечжи остались в Восточном Туркестане.

Вопрос об этнической принадлежности *юечжи* (варианты: *юеит*, *юети*) и их отождествлении с народностями, известными нам по китайским и античным источникам, остаётся по сей день предметом острой научной дискуссии. То их отождествляют с тохарами или кушанами, то с массагетами или согдийцами, или же, наконец, с тюрками.

На наш взгляд, распутыванию клубка этих загадок может помочь отождествление юечжи именно с пришедшими ещё до нашей эры с запада кутиями, в языке которых мы обнаружили, как уже видели на многочисленных примерах, схожую лексику и общие фонетико-грамматические особенности с диалектами или языками тюркской группы. В связи с этим очень важно и весьма показательно то, что в древнем собрании изречений на уйгурском языке название *yüie-ci/yue- chih* (/юечжи), с учётом китайской артикуляции, было транс-

крибировано как *kitsi* или *ketsi* [622, с. 272], что в отдельных диалектах тюркского языка равносильно форманту (*кече*) - «маленький». Отсюда можно заключить, что если это есть этническое самоназвание юечжи, то оно, возможно, являясь унаследованным от их дальних предков и сохранённым в генетической памяти их потомков, как по фонетико-морфологическому строю, так и по значению совпадает с этнонимом переднеазиатских кутиев. Кстати, название «юечжи», соответствующее произношению китайцев Ханьской эпохи. С Е. Яунт> вым реконструировалось в форме (*rdstotie / gotie* [622, с. 272], что почти идентично с этническим названием древних кутиев 1 вар. гутиевУ

К вышеизложенным фактам следует ещё добавить, что у этнонимов *массагет* и *маскут*, состоящих из двух компонентов (мае-гут, массагет < мас-сак-гет), вторая часть фактически также совпадает с корнем древнего этнонима *кутиев* из Передней Азии. Первая часть только что указанных этнонимов «мае» (// шум. *mah* - большой | *maha* (драв.: малаялам) - великий | санскр. *маха* - «то же» | Иран, *мае* - большой | рус. *массивный* - «то же»), скорее всего, отражает язык иранцев, которые и нарекали так этих пришельцев, исходя из многочисленности, но с прибавлением, т. е. сохранением древнейшего корня их самоназвания.

Л. Н. Гумилёв, а вслед за ним Б. И. Кузнецов, опираясь на транскрипцию юечжи в формате *sgwied-di* (?), сделанную американским синологом Б. Лауфером ещё в 1917 г., а также на проанализированные им же пять «юечжийских» слов, пришёл к выводу, что юечжи были ираноязычными согдийцами [621; 622, с. 273, 278]. Кроме, похоже, спорной транскрипции названия этнонима среди перечисленных пяти слов есть и общие с греческим и санскритским языками слова (бык, антилопа, лев), а чисто тюркское древнее слово - наложница, молодая рабыня [МК, III, с. 30] сии авторы почему-то обошли молчанием, не удостоив своим вниманием. *Спрашивается: можно ли на основе столь скудного, ничтожного материала вынести серьёзное заключение о характере какого-либо языка, в данном случае весьма загадочных юечжий?* Это, по сути, не что иное, как искусственная подгонка юечжийцев под идею об их

принадлежности к иранскому миру, порождённую под влиянием доминирующего в ориенталистике ираноцентризма.

В свете сообщений античных авторов перед нами встаёт не изолированная миграция племенной группы *да-юечжи*, а могучая волна кочевников, хлынувших во второй половине II в. до н. э. на юг и юго-запад от берегов Яксарта/Сырдарьи. Вначале в Бактрию вторглись племена *саков* (по-китайски) и, продвигаясь к югу, занимали северо-западные земли Индии. Вслед за саками по тому же пути стали вторгаться кочевые племена юечжи, которые на территории Бактрии создали пять владений, управляемых ябгу. Одно из них имело название *кушан* (в китайских хрониках *гюйшуан*) и его ябгу Киоцзюкю (Куджало Кадфиз) удалось подчинить остальные четыре владения, положив тем самым начало мощному Кушанскому царству. Власть кушанов постепенно распространилась на районы Афганистана и Северной Индии и этим царством, ставшим империей, до самого падения управляли именно представители кушанской династии.

Как полагает *Н. Пигулевская*, население государства Кушан отличалось смешанным характером. В нём слились разноплеменные и разноязычные компоненты, среди которых были тюркские и сакские, ибо в состав населения кушанского государства входили саки, юечжи-кушаны, тохары и тюрки. Наличие тюркского элемента, утверждает автор, сказывается, например, в том, что пять князей кушана носили тюркский титул *ябгу*, пять князей с такими же титулами были правителями областей, а над ними господствовал один царь [646, с. 31-32].

Исследователь *К. В. Тревер* выдвинула гипотезу об этнической неоднородности также и самого юечжийского племенного союза, указывая, что «это был, видимо, союз различных племён, среди которых ведущее место занимали кушаны» [цит. по 623, с. 84]. Эта гипотеза не опровергает и ничуть не ослабевает нашу гипотезу о генетической преемственности между юечжиями Восточного (китайского) Туркестана и мигрировавшими позднее в Среднюю Азию и переселившимися ещё до н. э. из Месопотамии на ту же территорию кутями, а также, как увидим дальше, проникавшими далее в степную часть и подгорье Алтая.

*

Мы уже на весьма конкретном материале, а именно на примерах идентичности этнических названий двух регионов и адекватности их этимологий, а также многочисленных словесносемантических схождений и совпадений с тюркской лексикой, убедились в том, что отдалённые друг от друга дальним расстоянием и большим промежутком времени *кушит* и *юечжи* в сущности вполне должны быть генетически родственными народами. Более того, идущие издалека этнические связи обоих этих народов с пратюркским миром мы можем подкрепить и подтвердить ещё и другими малоизвестными параллелями и аргументами из различных областей.

Если конкретно, прежде всего, об этимологии названия ведущего племени *кушан* в юечжийском племенном союзе, которое кроме тюркского языка не этимологизируется. А на древнетюркском оно явно соответствует пракорню *qos/куш* со значениями «соединять», «присоединять» («объединять») + архаический аффикс *-an* множественного числа, что вкуче соответствует политическому статусу этого племени.

Кроме того, среди монет основателей кушанской империи нами выявлены тюркские обороты речи и даже архаические слова чисто тюркского происхождения. Об одной из них, о монете правителя раннего владения Кушании Герая, где нанесено тюркское (сако-кушанское) словосочетание «Туранская низменность» (TURAN NOV-T-OQ, мы уже говорили. На другой монете царя больших юечжи (поздних кушан) *Кидары (Цидало)* нанесено изменённым греческим алфавитом и так называемым кушанским письмом выражение *«Kidara kushana shahi»*, которое по суффиксу принадлежности 3-го лица *-i* и порядку слов точь-в-точь соответствует характеру тюркской речи «*-кушанский правитель*», чего, кстати, не скажешь, кроме общего слова «шах» (ср. иранское *-sao* - царь), об общем, схожем характере со структурой иранского языка. Попутно заметим, что немецкий востоковед *Ф. Альтхайм* кидаритов считал западными гуннами, которые оказались в составе союза юечжийских племён [632, с. 89]. К тому же мнению склоняются и *Массон, В. А. Ромодин* в коллективном исследовании об Афганистане [633, с. 166].

Общие кушано-юечжийские слова с пратюркскими корнями засвидетельствованы и на медных пластинках, а также на глиняных сосудах из земель кушанской Бактрии. Так, на красноватооранжевой поверхности одного глиняного сосуда чёрной тушью нанесено весьма архаическое и, надо сказать, двусложное слово *kundiyah* (*kundi* + (*a*)*yah*) [634, с. 76]. Первая часть его в формате *kenduk* в значении «большой глиняный кувшин» зафиксирована в словаре Махмуда Кашгарского, а вторая часть также являет собой древнетюркское слово (*h//q*) *ajaq* - сосуд, чаша [36, с. 27] (ср. жамаяк, чинаяк). Насколько мне известно, термин «аяк» в значении сосуда произошёл от названия посуды, сделанной в кочевничьем быту из кожи, снятой с голенной части ноги лошади и рогатого скота.

В надписи же на медной пластинке читается другое тюркское слово *kue/quji* (др.-тюрк. *Quhiy* - колодец) [МК, III, 166]. Такие лингвистические реалии, бесспорно, свидетельствуют о явном присутствии древних тюрков в союзе кушано-юечжийских племён в Средней Азии, однако в силу многочисленности автохтонных этносов тюрки постепенно подвергались иранизации, а также в более южных районах - и индизации.

К этим показателям необходимо добавить также общие с тюркским миром веские аргументы из области мифологии и этнографии, которые, по существу, являются этноопределяющими индикаторами или различительными этническими признаками. В разделе «Скифы и саки: разноликость общей культуры и этническая неоднородность» мы писали, что, как установлено глобальными исследованиями учёных многих поколений, **индоевропейские народы, включая индоариев и иранцев, были змеборцами - яростными противниками культа змей [12, с. 527; 21] и в противовес им именно для древнетюркских племён с незапамятных времён в различных формах было характерно почитание змей и крылатых змей-сазаганов или, по другой терминологии, одноголовых крылатых змей-драконов.**

А что же изображено на паре золотых подвесок, обнаруженных при раскопках на холме Тилля-Тепе в северном Афганистане, т. е. на территории Кушанской империи? На этих подвесках одинаковые изображения: в центре - одевший на голову корону правитель с

длинными волосами, а по бокам его нарисованы тотемистические или почитаемые как покровители драконы, в которых упираются расставленные в стороны руки правителя. Тела драконов украшены сердоликовыми и лазуритовыми вставками (см. рисунок). Историк-археолог *В.И. Сараниди*, находившийся в плену змееборческой идеологии иранцев, пытается выдать этот гербообразный сюжет за борьбу государя со стоящими по бокам драконами [635, с. 272], что является явной натяжкой, противоречащей объективному содержанию изображения.

Поразительно также другое изображение на золотой подвеске, где воспроизведён **образ дракона с волчьей головой**, увенчанной оленьими рогами, любовно детализированный в типично переднеазиатском стиле. Такая трактовка образа, объединяющая в одной мифологической фигуре атрибуты именно этих почитаемых животных, была характерна, как нам известно, не для иранцев, а для искусства пратюрков - хуннов и древних тюрков.

Из области культурно-бытовой жизни этноопределяющим признаком, объединяющим культурные традиции саков и древних тюрков, надо считать свойственный им **костюм**, берущий начало ещё от переднеазиатских кутиев, являвшихся, согласно нашей версии, ранними генетико-контактными предшественниками юечжи-кушанов и, как увидим далее, предками также и среднеазиатских саков (> сюнну-хуннов). Мы имеем в виду крой мужского костюма с левосторонним запахом, т. е. когда правый ворот плечевой одежды, в отличие от одежды индоевропейцев (разумеется, среднеазиатских саков мы сюда не включаем), застёгивался на левой стороне или же борт скреплялся лишь поясом. **Древний воин точно с таким же запахом костюма изображён на скальном рельефе в районе верховьев реки Диалы. Это изображение считают кутийским и датируют периодом старше 2000 г. до н. э.** [279, с. 116]. Такой же стиль костюма, проходя через многие века, сохранился далее и у их преемников - юечжи-кушан в Средней Азии и засвидетельствован в искусстве стенной живописи Кушанской Бактрии. На стенах Халчанского дворца нарисованы сородичи Горяева клана в плечевой одежде и халатах, запахнутых именно справа налево [636, с. 51].

Для более полного пояснения интересующего нас вопроса нужно добавить, что исследователи костюмного комплекса степных кочевников Евразии установили, что у саков и части европейских скифов, а также у хунну и ранних тюрков существовал только левый запах справа налево плечевой одежды. По мнению В. Л. Сычёва, такой запах был удобен при посадке на лошадь с помощью стремян, да и без них тоже. Запах в определённую сторону и на определённую глубину был одним из важнейших факторов этнического самосознания, и произвольное его изменение было, разумеется, исключено [637, с. 323-324]. Как раз это мы и видим на примере преемственности и сохранения такой испытанной веками традиции у юечжи-кушан. Кстати, такой тип одежды у тюркских народов, в том числе и у татар, сохранился до 30-х годов прошлого века.

С другой стороны, по хорошо документированным находкам известно, что для одежды «хунну-тюркского типа» был характерен стан из двух частей, с вертикальным швом на спине («туникообразный крой со швом»). В отношении юечжи-кушан предполагается именно наличие стана из двух частей с таким швом на одежде. По рельефам из династийных изображений плечевой шов выявлен в одежде правителя и высшей знати Кушанской империи (I—III вв. до н. э.) [637, с. 315-317], и этот показатель на первый взгляд не очень приметный, также свидетельствует о былых культурно-генетических связях между юечжи-кушанами в Средней Азии и древнетюркским миром.

* Мы по ходу разбора преемственных взаимосвязей обмолвились о своём предположении, что переднеазиатские кутии (гу-тии) являлись фактически дальними предками среднеазиатских саков, либо близкими им по этногенезу народом. На такую версию нас натолкнуло зафиксированное в VIII в. до н. э. в надписи ассирийского царя Ашшурбанапала выражение о вожде сакско-киммерийского объединения в Передней Азии Тугдамме (в мидийских и греческих источниках TuYdame/Duydamiq; > др.-тюрк. Туктамыш!), где он именуется «царём саков...» или «**царём страны саков и Гутиума**» (вар. Кутиема) [545, с. 142-143; 546, с. 143]. (Этническое название кутиев отражено в источниках в формах *gutium/qutium/qutiim.*) Из этого

важнейшего сведения вытекает, что саки и кутии находились в одном союзе, в одной конфедерации и, согласно другим источникам, выступали совместно против ассирийского государства. *Их связывает не только общий военно-политический союз, но и близость языка, подтверждаемая общими изоглоссами, а также, что не менее существенно, общая идеология, заключающаяся, например, в почитании культа змеи-дракона, возвеличивании левой стороны (стороны сердца), отрицательном отношении к маздаизму (по имени главного иранского бога Ахуры-Мазды) или зороастризму (по имени легендарного основателя религии пророка Зороастра).*

По всей вероятности, генетические корни предков среднеазиатских *саков*, а также переднеазиатских *кутиев* взаимосвязаны на базе генетико-контактного языкового союза в ареале Средиземноморского бассейна, или, по-другому, Переднеазиатского Востока. Ведь не зря в списке военнопленных женщин из города Уммы Шумера, наряду с многочисленными кутийскими именами, встречаются и **сакские антропонимы**, связанные, вероятнее всего, с названием этноса, засвидетельствованного также и в имени области в Передней Азии - *Сакасен* (по Страбону, в армянских и греческих же источниках - *Шакашен*), а именно: *Шакубали, Шакинзу, Бамушаг(к), Татубишхи* [616]. Включение в состав собственного имени самоназвания своего этноса в древних культурах было достаточно распространённым явлением.

Особый интерес в этой связи представляет сходство и преемственность между этнонимами, отдалёнными друг от друга по хронологу большим отрезком времени, а также и большим расстоянием. Нам уже известно, что этноним переднеазиатских *кутиев/гутиев* по звучанию или по звуковому составу почти полностью совпадает с транскрибированным из китайской передачи названием народа из Центральной Азии): *guti/gu(t)-tu* (по В. Хинингу) или *(n)gotie/gotije* (по С. Х. Яхонтову). При этом этноним *юети/юечжи* в варианте на уйгурском языке (*kuti/keti/ketsi*) идентичен с кутиями и по значению.

Но исследователи уловили аналогичное, т. е. звуковое и семантическое сходство также и между да-юети /юечжи (точнее, их реальным звучанием) и массагетами: do-goti/gotie - большие готы/

ГОТИИ *massa-gefae*/массагеты = большие (вар. великие) геты. «Да» на китайском языке означает «большой», «великий» (? - тюрк. «Дзу» - большой, огромный), то же значение в иранском языке имеет «*мае*», а также «*мак*» в шумерском, а также родственное значение 'великий' имеют слова того же корня *maha* (драв.: малаялам) и *маха* (санскрит) | -(m/b) - *bdz* (драв.: брауи) - много [95, с. 132; 125, с. 24; 81, с. 280-281]⁴⁰. К массагетам примыкают, на наш взгляд, и жители раннесредневекового Кавказа *масгуты/маскуты*, считающиеся рядом исследователей пратюрками, в названии которых вторая половина, по сути, тождественна с корневой основой как переднеазиатских *кутиев/гутиев* (V~~кут/гут), так и *юечжи* (V~~гут) из Центральной и Средней Азии, а также массагетов (гет) Закаспия, Приаралья и, возможно, Алтая.

Необходимо ещё отметить, что ряд исследователей под этнонимом «массагеты» видят значение «большие (великие) саки» < *mas + sag{k}*. + (*eDae* - аффикс множественного числа, что как приемлемый вариант не противоречит собирательному значению этого названия. Если конкретно, отдельные исследователи, употребляя термин «сак» в широком смысле, считают массагетов одним из сакских племён Западной Средней Азии, отождествляя их чаще всего с саками-тиграхауда древнеперсидских надписей (В. В. Струве, И. В. Пьянков, Б. А. Литвинский). С. П. Толстов же видел в массагетах саков хаумаварга, а из иностранных историков В. В. Тары и А. Германн племенными подразделениями массагетов считают дербиков, аугасиев, аттасиев, харасмиев. Позднее С. П. Толстов в состав массагетской конфедерации включил сакараваков и дахов Турана [507, с. 182].

И. М. Дьяконов полагает («История Мидии», с. 245), что сообщение Геродота о том, что саки и киммерийцы под давлением массагетов покинули свои земли в Азии (эта земля издревле принадлежала киммерийцам) [Геродот, IV, 11-12], соответствует действительности, так как в более позднее время в Албании (Северном Азербайджане) существовали массагеты, которые, скорее всего, продвинулись сюда в связи с общим движением кочевых племён. Так что этнонимы «сак» и «гути», содержащиеся в тексте ассирийского царя Ашшурбанапала (VII в. до н. э.), где

Тугдаме/Дугдамес' (>др.-тюрк. *Туктамыш*) назван царём «саков» (вар. «страны саков») и *Гутиума* (*Кутиума*), по всей вероятности, означают племенной союз, который объединял в своём составе саков-массагетов, киммерийцев и гутиев (*кути ев*). Такая версия, нам кажется, снимает ряд противоречий в расстановке древних племён, включая пребывание пратюрков, вне всяких сомнений, в Передней Азии и их миграцию в дальнейшем в Среднюю Азию и Алтайский регион, и вносит коррективы в проблему их этногенеза.

А без таких допущений очень странно получается: ведущие мужи ориенталистики чуть ли не до последнего времени самую нижнюю черту этногенеза тюрков целенаправленно ограничивали начальными веками нашей эры или, в лучшем, и то обретавшим спорный характер случае, хуннским периодом (III в. до н. э.), и лишь когда для доказательства присутствия прото-харского языка в Средней Азии понадобился отсутствующий у других народов синхронный и параллельный лексический материал, наконец-то была предпринята попытка удревления бытования там тюркского населения до рубежа II и I тысячелетий до н. э. Так осмелились поступить в последнее время крупные специалисты по европоведению *Т Гамкрелидзе* и *В. В. Иванов* [620, с. 28].

К тому же до сего времени сломано сколько копий и мечей в целях выяснения этногенеза племён древнего Горного Алтая, дискуссия по которому не затихает по сей день. Как нам известно, *С. И. Руденко* в своё время предложил отождествлять юеч-жи с племенами пазырыкской культуры Горного Алтая. В свою очередь большие юечжи, как было сказано, многими исследователями связываются с массагетами Средней Азии, продвинувшимися в период греко-персидских войн далеко на восток, вплоть до территории Монголии и китайской провинции Ганьсу. Однако, исходя из якобы близости сако-массагетской культуры с культурой ахеменидского Ирана и к тому же основываясь на ⁴¹ общности археологических материалов, в том числе и «триады скифско-сибирской культуры» на территориях Средней, а также

Центральной Азии, большинство учёных индоевропейской ориентации **считают как юечжиев, так и массагетов иранцами.**

На самом же деле, как считают ведущие антропологи В. 77. *Алексеев, И. И. Гохман* и монгольский антрополог *мэн*, «при всём своеобразии пазырыкской культуры переднеазиатские связи её явно преобладают над центроазиатскими, что объясняется, скорее всего, не только очевидными контактами в скифское время, но и тем вкладом, который был внесён переселившимися сюда с запада группами населения эпохи бронзы» [393, с. 232].

В результате раскопок было установлено, что большинство похороненных в Горном Алтае - европеоиды, которые определяются как вариант европеоидного типа Среднеазиатского Междуречья, восходящего, как мы видели в разделе о среднеазиатских саках, к Передней Азии. А из обнаруженных находок материальной культуры формы сосудов, например, аналогичны тем, которые можно видеть на ассирийских барельефах. Были найдены также семена растений, объединяющие Среднюю и Переднюю Азию. Культура юечжи вообще указывает на древние и глубокие связи с народами этих регионов. Об этом же свидетельствуют также изображения на коврах и пряжках львиных и орлиных грифонов, где последние, как правило, имеют тело льва, тигра или барса и ушастую голову грифона с крыльями и даже рогами. Как подчёркивает *Б. И. Кузнецов*, мотивы такого типа орла в Среднюю Азию и в Горный Алтай проникли много раньше персидского господства в Передней Азии [622, с. 274].

Таким образом, и *антропологические показатели, и своеобразная материальная и фольклорно-этнографическая культура Горного Алтая, связывающие воедино юечжи и массагетов, своими контактно-генетическими корнями также восходят к ареалу Переднеазиатского Востока. И если учесть при этом почти безупречное совпадение этнических названий переднеазиатских кутиев, а также центральноазиатских и среднеазиатских юечжи (юети) и массагетов (соответственно кути/гути*

**guti/gu(t)ti (по Хинингу) gotie/(n)goti-je (по С. Е. Яхонтову), то перед нами воссоздаётся картина взаимосвязей и преемственности между этими родственными этносами, за которой скрываются древнейшие миграции и обретение второй родины*

разновременными предками тюрков на новых землях.

А если ещё обратить внимание на **группу тамг и родовых знаков**, обнаруженных на скалах и монетах отдалённых друг от друга регионов - в Юго-Западной Монголии, Средней Азии, Казахстане и Северном Причерноморье (см. таблицу), то благодаря сходству и повторению одних и тех же тамг убедительно и наглядно подтверждается восточная стадия таких связей, а также маршруты движений юечжи-кушанских и пазырыкских (массагетских и, конечно, согласно исследованиям К. А. Акишева и Н. В. Полосьмак [433; 438], ещё и древнехуннских) племён [74; 456, с. 10-11].

Вопреки распространённому мнению об ираноязычности этих племён абсолютно нет каких-либо серьёзных препятствий рассматривать юечжи-массагетов, или хотя бы часть из них, как пратюрков по этносу. Как полагает Д. Г. Савинов, часть пазырыкцев-юечжи, разбитых хуннами в середине II в. до н. э., не была вовлечена в миграционный процесс и продолжала жить на территории Горного Алтая вплоть до рубежа нашей эры. Более того, в памятниках пазырыкской культуры Горного Алтая зафиксирован ряд атрибутов древнетюркского культурного комплекса. Это сопроводительные захоронения коней, расположенные в могильной яме на приступе с северной стороны, и вертикально вкопанные камни с восточной стороны ряда больших (С. И. Руденко) и малых пазырыкских курганов - прообразы будущих надмогильных камней балбалов [456, с. 11].

С такой трактовкой вопроса полностью согласуются взгляды крупного специалиста по Востоку академика А. 77. - ва. который выбитые на скалах Монголии и Казахстана родоплеменные знаки, тамги и рисунки без колебания относит к древнетюркскому миру. [640, с. 71-82].

*

В. Д. Кубарев, специально занимавшийся изучением древнетюркских изваяний Алтая, выявил их типологическую и генетическую общность также и с «**оленными камнями**», к которым, конечно, причастны и предки тюрков. Приведём выдержку из его заключения: «Оленные камни - изваяния воинов скифской эпохи - имеют много общего с древнетюркскими изваяниями (сходная ориентировка, одинаковый материал и набор изображений,

дополнительные сооружения поминального характера и т. д.)» [398, с. 84].

Генетические корни этих антропоморфных изваяний М. Н. Погребова совершенно справедливо усматривает в более ранних образцах иконографии и стел Ближнего Востока.

Чрезвычайно интересные такие стелы сосредоточены в северо-восточной части Иранского Азербайджана. Здесь обнаружено более 120 таких стел, датирующихся приблизительно концом II - началом I тыс. до н. э. На них изображены три обязательных компонента: лицо, пояс и кинжал на поясе. Значительно ближе азербайджанским стелы скифского времени Северо-Восточного Кавказа [641, с. 188]. По мнению 77. 77. Шульца, монументальное искусство Передней Азии также явилось одним из источников формирования антропоморфных стел-изваяний на территории Восточной Евразии, большинство из которых изображены с ритуальным сосудом или ритоном в руке [642, с. 84].

Разумеется, были и относительно местные, центральноазиатские источники, оказавшие определённое влияние на окончательное сложение и оформление антропоморфных стел. Установка таких стел - мужчины с оружием и ритуальным сосудом - в Западной Монголии засвидетельствована уже в конце II - начале I тыс. до н. э. По этому поводу Э. А. Новгородова пишет, что «в Западной Монголии в эпоху бронзы и раннего железного века обитали не монголоидные племена, а европеоидные (не исключено, что частично были ираноязычные народы, частично пратюркские племена!»⁴². Кроме традиции установки стел, именно в этой среде зарождался местный вариант «звериного стиля» и были распространены изображения колесниц [643, с. 205-206].

Академик А. 77. Окладников и здесь высоко оценивает цивилизаторскую роль пратюрков и признаёт их прямое участие в создании в Центральной Азии «звериного стиля» в искусстве. В написанной совместно с В. Д. Запорожской монографии он утверждает, что **«неправильно переоценивать масштабы влияния иранского кочевого мира на становление скифо-сибирского звериного стиля. В создании и распространении его, несомненно,**

принимали активное участие кочевники Центральной Азии - гунны (тюрки), которые напрямую связаны с культурой Ордосской бронзы». Вместе с тем в статье подчёркивается, что некоторые специфические черты, которыми характеризуются фигуры оленей на оленных камнях Северной Монголии и Забайкалья (устойчивая стилизация морд оленя в виде раскрытого птичьего клюва), свидетельствуют о том, что оленные камни, датируемые второй половиной I тыс. до н. э., оставлены какой-то особой, явно не скифской (читайте: не иранской) этнической группой [644, с. 156, 168].

Таким образом, отечественные исследователи, предвосхищая концепцию китайского учёного Тянь Гуанцзиня (1983), *расширили хронологические рамки «культуры бронз»*, которая складывалась по южную сторону пустыни Гоби приблизительно с XIII в. до н. э., в эпоху и достигла свое *го расцвета в XII-VI вв. до н. э.*, в эпоху Чжоу. Как китайский учёный, так и отечественные учёные Окладников совместно с Запорожской, независимо друг от друга, рассматривают классические образцы ордосских бронз - оружие и украшения в зверином стиле - в качестве характерных произведений хуннского искусства [380, с. 58].

Воспринимая всё это как оригинальное открытие, мы не должны, однако, упускать из виду и неправомерно игнорировать весьма обоснованную теорию об импульсах, исходящих на заре пазырыкской и ордосской культур с Запада - Нуристана, связанного с цивилизациями Элама и Месопотамии, а также отвергать убедительно доказанную многими поколениями учёных теорию миграций европеоидных племён и народов из Переднеазиатского Востока.

Существует, кстати, вполне законная *теория о модели ритма глобальных миграций*, характерных для кочевнического населения, равным образом и для земледельческих обществ, которые обусловлены глубокими объективными причинами. Исторические реалии показывают, что каждые 200-300 лет вследствие быстрого роста численности населения и ограниченности географического ландшафта, занятого численно возрастающим населением, происходил демографический взрыв, который влёт за собой и

расселения на новые смежные и даже дальние территории. Это характерная для древних социумов закономерность.

Вторая веская причина миграций, о которой специалисты обычно умалчивают, это *грабительские войны*, сопровождавшиеся в интересующем нас регионе Передней Азии угоном населения в рабство. О том, насколько значительные размеры приняло такое колониальное занятие, могли свидетельствовать, например, следующие факты: только за короткий срок с 883 по 876 г. до н. э., когда верховному господству Ассирии была подчинена вся Месопотамия, ассирийские войска совершили ряд грабительских походов в восточные горные области Загроса, т. е. в районы, где обитали пастушеские племена (кутии, луллубеи и др.). На захваченных Ассирией территориях было физически уничтожено или обращено в рабство не менее трети взрослого мужского населения [645, с. 45, 46]. Представляется, что во многом именно указанными факторами объясняются, вне всякого сомнения, миграции кутиев с Переднеазиатского Востока в регионы Средней и Центральной Азии, И наряду с саками Турана и некоторыми другими племенами, пришедшими тоже из Передней Азии, кутии (юечжи-массагеты) как раз и составляли, на наш взгляд, основу тюркского этногенеза в период их консолидации как народа.

*

Напоследок вернёмся, однако, к временам, когда юечжи-кушаны экспандировали определённые территории Средней Азии. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что ядром государства Кушан была Бактрия, откуда их власть распространилась на районы Афганистана и Индии. В «Истории династии Поздняя Хань» после описания юечжийского завоевания Бактрии сообщается: «По происшествии с небольшим ста лет Гуй-шуаньский князь Киоцзюкю (отождествляется с ябгу Куджалой Кадфизом, имя которого запечатлено на монетах Кушанского царства) покорил прочих четырёх князей и объявил себя государем под названием Гуйшуаньского». Он покорил и подчинил под свой суверенитет земли к югу от Гундикуша, в бассейне Кабула и верховьях Инда.

Преемники Куджалы Кадфиза, самым выдающимся из которых был Канишка (около 78-120 гг. н. э.), продолжали за-воевательскую

политику своего предшественника, подчинив всю северно-западную часть Индии (Кашмир, Пенджаб, Синд). Правители некоторых областей Двуречья стали вассалами кушанских царей. Под их властью находились также территории современного Афганистана, Кашгара, Хотана, Яркенда и южные районы Средней Азии. И центром огромной империи стала Гандхара, т. е. территория в долинах Кабула и среднего течения Инда [632, с. 82]. Эти дополнительные сведения о завоеваниях и о пребывании юечжи-кушанов в Индии мы приводим потому, чтобы дополнить наш этноисторический экскурс малоизвестными и интересными материалами из этого региона.

В историческом труде знаменитого среднеазиатского учёного-энциклопедиста *Абу Рейхана аль-«Индия»* задействована в форме полупредания генеалогическая легенда, связанная с юечжи-кушанами. Бируни их прямо называет тюрками и пишет следующее: «У индийцев были в Кабуле цари из тюрков, происходивших, как говорят, из Тибета. Первым из них был *кин*. Он вошёл в пещеру в Кабуле, в которую нельзя было войти иначе как боком или ползком; там была вода, и он положил туда еду на несколько дней... Через несколько дней после того, как Бархатакин вошёл в пещеру, вдруг выходит кто-то из неё, когда люди были в сборе и видели, что он как бы рождается из [чрева] матери. Он был в тюркской одежде, состоящей из куба, высокой шапки, башмаков и оружия. Народ воздал ему почести как чудесному существу, предназначенному на царство, и он воцарился над теми краями с титулом Кабульского шаха. Царство оставалось за его сыновьями в течение поколений, число которых около шестидесяти. Одним из этих царей был *Каник* (среднеиндийская, а может быть, основная сакско-тюркская форма имени *Кантики*). Пещера эта известна до сих пор и называется Вар (*var* - по-сакски и по-хуннски означает «река, водоём»). Люди, ищущие в этом доброе знамение, посещают её и приносят оттуда, с большими трудностями, немного воды» [647, с. 359-360; 648].

Возведение правителей Кушанского государства через юечжи-кушанов, а может быть, смешанных с ними саков к древнейшим тюркам мы считаем вполне допустимым и оправданным. Помимо сохранившихся в виде *субстрата* языковых и этнографических параллелей, нам кажется, подтверждается и названием племени и

рода, откуда произошла династия кушанских правителей. В кашмирской хронике из Сурх-Котала, датированной 31 г. н. э., зафиксировано любопытное сообщение, которое гласит: «Затем (т. е. после Канишки) правили три царя и два других, происходящих из племени *turuskay*».

Ряд исследователей (77. Пеллио, Л. Г. Герценберг, Н. ская) название *turuska* связывают с этнонимом древних тюрков. Это не осмеливается отрицать и В. В. , который пишет: «Независимо от того, в какой мере обоснованно возведение последнего, позднего имени (выступающего в санскритских текстах обычно как *turuska*) к имени *ту-кюэ* (тюрков), несомненно одно: для составителя кашмирской хроники имена «трёх Нишка» (*Ница, Јушка, Каица*) и имя *Тигука* образовывали единый ряд, в котором выделялся суффикс *-ška(-ska)y* [648, с. 109]. Впрочем, мы уже приводили ряд примеров, подтверждающих существование *-ska/-ska* и в древнетюркском, уйгурском, болгарском, алтайском языках в уменьшительном, ласкательном и уважительном значениях. А в чувашском (> болгарском) языке даже засвидетельствованы собственные имена *Канюшка, Васишка*, почти идентичные с именами кушанских правителей.

Воспользовавшись случаем, именно в этом месте можно и нужно привлечь дополнительные материалы, которые позволяют возводить генетические корни родо-племенного названия или этнонима *twji* ещё глубже, самое заманчивое, к древнему региону Переднеазиатского Востока. В начале II тыс. до н. э. в связи с политическими событиями в Приурмейской зоне упоминается племя *туруккиев* (*Jn-ni-ki-i*). Туруккии обитали на территории древнего Азербайджана южнее Урмийского озера. В клинописных источниках этноним отразился в формах «*туруки*», а страна - как *Турукким* [618, с. 47-48]. Античный же автор Плиний, описывая Северный Кавказ, рядом с сарматами, которых считали потомками мидян, отмечает широко распространённых жителей под названием [Plini, VI, 19 и 7]. На северном же Кавказе племени *туркэ* () фиксирует и Помпоний Мела [649, с. 106].

Приводившие эти сведения оба автора (*Ю. Б. Юсифов, З. Ямпольский*) этнонимы *туркэ, турукки* (урартский вариант *турухи*)

отождествляют позже засвидетельствованным этнонимом *туркэ*// *тюрк* (кит. *тукю*). В ранних средневековых источниках этот этноним передавался в формах *тюрк* (византийские источники), *турука*// *турушка* (индийские источники), *ттурка* (хотанские тексты). Юсифов свою версию, связывающую общекорневые этнонимы с Ближнего Востока (включая Кавказский регион) с идентичным этнонимом тюрков, подкрепляет чрезвычайно важными архаическими лексическими праформами, выявленными им самим.

Так, как раз в Приурмийской зоне Азербайджана, где в начале II тыс. до н. э. обитали *турукки*, шумеровские источники локализуют так называемую страну *Аратту*. Позже в надписи урартского царя Аргишти I (786-764 гг. до н. э.) в связи с походом на Манну, расположенную в том же районе - в бассейне Урмийского озера, упоминается страна Исходя из того, что в шумеро-аккадских силлабариях значение пракорня *ала* (*// ара*) передано как «гора», Юсифов совершенно уверенно отождествляет топонимы *Аратта* и *Алатейе*, считая их разными фонетическими вариантами названия одного и того же местожительства *турукков* на их же языке. И самое интересное, он обнаруживает при этом сходство *Алате* с поздними специфическими тюркскими оронимами *Алатао*, *Алату*, *Алтай*, *Аштаг*, что является весомым аргументом в пользу родства *турукков* с поздними *тукю-тюрками* [618, с. 48].

В свете отстаиваемой нами концепции о первоначальной Ближневосточной прародине тюрков, а также прослеженных выше ранних миграций оттуда же, с Запада, очевидно, **можно объединить сако-юечжи- кушанскую (retr. пратюркскую) родо-племенную этническую группу , ставшую основой для правившей династии Кушанского государства, с ближневосточными этнонимами *туркэ*, *турука* (*турукка*). Ибо генетическая память народа, бесспорно, обладает способностью и потенциальной мощью сохранять и передавать из поколения в поколение не только базовую лексику, мифы и предания, но также и весьма созвучные и прославленные этнонимы, преемственно ставшие названиями тех племён и народов, которые оставили глубокий след в истории. И не зря этноним *тюрк***

(*turk*) в древнетюркском языке носит весомое архаическое значение «сильный», «могучий» [36, с. 599].

Ранние взаимосвязи древнейшего этнологического архетипа *tur/turk/тырушка* (> Туран, Туркестан) со Среднеазиатским регионом подтверждается, очевидно, также и сохранившимися в памяти народа историческими преданиями. Так, *Махмуд Кашгарский* в своём труде приводит архаичное сведение о городе-крепости Шу, построенном турецким-тюркским царём того же имени, современником Александра Македонского. Не опровергая это сообщение, *В. В. Бартольд* замечает: «Надо думать, что крепость стояла на реке того же имени, и что в местном диалекте и тогда, как теперь в киргизском, звук *с* заменяется звуком *ш*», т. е. местонахождение этого тюркского города-крепости учёный привязывает к долине реки Чу [652, с. 36].

Приведём фрагмент и из другого легендарного исторического предания из словаря Махмуда Кашгарского, приуроченного тоже к временам Александра Македонского⁴³. «Уйгур - это название области, состоящей из пяти городов. Александр Македонский построил их после заключения мира с повелителем турок. Это мне сообщил Низамал Дин Исфарил Тоган Текин, сын Жакир Тунка Хана, ссылаясь на слова отца. Он сказал: «Когда Александр подошёл к области уйгуров, тюркский хакан выслал ему навстречу четыре тысячи человек, поля их головных уборов были похожи на крылья кречетов (кречет - вид орла. - *М. Б.*). Из лука на лошадях они стреляли с одинаковой меткостью и назад и вперёд. Они удивили Александра Македонского, и он сказал: «Эти люди сами добывают себе пищу, потому что дичь не может ускользнуть от них. И они могут питаться ею когда им угодно. Эту местность называли Худхур».

Махмуд Кашгарский, комментируя эти сообщения, пишет, что эта область (вар. страна) действительно состоит из пяти городов и её народ - самые сильные и лучшие стрелки из лука среди неверных. Эти города следующие: *Сулма*, который построил Александр Македонский, *Кижу* (*Комо?*), *Бешбалык* и *Йацибалык* [653, с. 209-210; 654, с. 140-141]. Конечно, в этом перечне фигурируют города, давно превратившиеся в развалины, а также города более позднего времени. Но нельзя, видимо, лишь

умозрительно отрицать содержащиеся в сообщении и дошедшие из толщи времён отголоски исторических реалий. И если воспринять теорию о генетической преемственности между переднеазиатскими *кутиями/гутиями* и *юечжи-гутиями* из Центральной и Средней Азии, то нельзя исключать и того, что ещё более поздний племенной союз *утигуров* (вар. *болгар*) - малые болгары) и *уйгуров* тоже стал одним из весьма отдалённых, но родственных звеньев в цепи эстафетообразной преемственности.

В этой же связи крайне любопытна содержащаяся в предании этнографическая деталь, относящаяся к этническому **костюму или одежде** древних тюрков. Речь идёт о головных уборах посланных к Александру Македонскому древних тюркских воинов специально подчёркиваемой в тексте необычной формы: *«Поля их головных уборов были похожи на крылья кречетов»*, т. е. птиц семейства соколиных. Такого типа мужского головного убора, связанного с кочевничьим бытом и степной психологией, у иранцев не было⁴⁴. Что же касается древних сакских правителей Турана, а также Кушанской империи юечжи-сако-тюркских племён, то у них на монетах запечатлено изображение правителя в головном уборе именно в виде кречета⁴⁵ (см. рисунок).

Ношение шапки, изготовленной в стиле культовых птиц, у тюрков засвидетельствовано и в период Тюркского каганата: у тюрков известный скульптурный портрет Кюль-Тегина из погребального комплекса воспроизводит его в высокой шапке, на передней части которой нанесено изображение заимствованной у китайцев птицы счастья *фэнхуана* (в чём-то схожей с греческим *фениксом* и иранской *хомой*, тюркское название - *хома-хомай*).

*

Здесь можно было бы остановиться и на **древнетюркском эпосе-сказании** «Огуз-наме», которое является продуктом многовекового устного народного предания, основанного на легендарных реалиях и исторических рассказах различных народов и народностей. *Ещё А. Н. Бернштам* зафиксировал в «Огуз-наме» пять эпох исторического процесса на Востоке: формирование патриархальных отношений, формирование классовых отношений, гуннская эпоха, тюркская эпоха

VI-VIII вв., печенегополовецкая эпоха IX-XIII вв. и эпоха, связанная с Чингисханом. Легендарная версия об Огузе на протяжении многих веков подвергалась синхронной модернизации, вбирая в себя отзвуки походов огузских племён, сельджуков, хорезмшахов и монголов.

В капитальном труде иранского учёного-энциклопедиста и историка *Фазлаллах Рашида ад-Дина* (1247-1318) «Джама ат-товарих» («Сборник летописей») впервые история огузов излагается в контексте всемирной истории, и известный в научном мире как «Огуз-наме» прозаический текст представляет собой один из разделов этого труда. По свидетельству одного из сотрудников Рашида ад-Дина, обширное собрание летописей было составлено Рашидом ад-Дином с помощью нескольких сотрудников, одни из которых делали переводы с китайского, другие - с тибетского или санскрита, третьи - с тюрко-уйгурского, четвёртые - с арабского. Возможно, что в числе переведённых на персидский язык и существенно переработанных источников могла находиться и одна из ранних рукописей «Огуз-наме» на древнетюркском языке. Версия «Огуз-наме», извлечённая из труда Рашида ад-Дина, в настоящее время хранится в Стамбуле в библиотеке Топкапы [651]. Кроме персидской версии известно значительное число рукописей на тюркском языке, содержащих различные варианты легендарной истории Огуза, включая также наиболее распространённый вариант «Родословное древо тюрков» Абу-л Гази Бахадур-хана, который хранится в Отделе рукописей Института востоковедения АН РФ.

Мы, конечно, далеки от гипотезы *Н. Я. Бичурина* (в монашестве Иакинф) и *А.Н. Бернштама*, отождествляющих Огуз-хана с легендарным хуннским вождём Моде/Модун (Бабадур). Огуз-хан 1 вар. Огуз-каган") - это фактически символический и сводный образ, вобравший в себя и олицетворяющий ряд вождей тюркских племён и правителей государственных объединений. и отражающий через свои походы историю военных экспансий древних тюрков, которые передавались из поколения в поколение, а также сохранились в нерасшифрованных письменных источниках. В данном случае нас интересуют походы Огуз-хана в Индию, за которыми скрывается, как мы полагаем, реальная экспансия или покорение земель этого региона саками и юечжи-кушанскими племенами.

Не меньший интерес представляет и основанный на общем с индийцами сюжете рассказ о принце, в которого влюбляется его мачеха. Но страсть мачехи принц отвергает, за что она, молодая жена отца, клеветает на пасынка-принца. Отец приказывает выколоть сыну глаза и оправить его к обитавшему на склонах высокой горы **дракону**, который определит вину или невиновность сына: если он не виновен, то глаза его прозреют, а если виновен, то погибнет - дракон его сожрёт. Но принц, естественно, с места обитания дракона возвращается в полном здравии и карает смертью оклеветавшую его мачеху. Легенда точно с таким же сюжетом существовала у индийцев, она была привязана к известному в истории индийскому правителю Ашоки. царствовавшему в III в. до н. э. в Северо-Западной Индии и Афганистане ГМаурийская держава!

Переводившая с иранского языка версию «Огуз-наме» Рашида ад-Дина *Р. М. Шукюрова* в связи с этим пишет: «Этот рассказ является модификацией полностью возрождённой среди тюрков индийской легенды о сыне правителя принца Ашоки. А может быть, и наоборот: ходившая среди древних тюрков известная легенда была привязана к Ашоке и его сыну» [651, с. 19]. Такая мысль вполне приемлема, поскольку культ дракона, в отличие от драко-ноборческой идеологии индоарийской «Ригведы», издавна был характерен как раз для мифологических верований древних тюрков.

Да и для контактировавших и далее смешавшихся вследствие экспансии на юг с индийскими саков и юечжи-кушанов тоже.

Напоследок ещё одно загадочное и интересное сообщение. Мы обратили внимание *на схожесть довольно специфических родоплеменных тамги-знаков и поволжских болгар*, первые из которых выявлены в Западной Монголии, Казахстане и Средней Азии. Говоря конкретно, на бронзовой круглой эмблемообразной пластинке из древнего Биляра (город Приволжской Болгарии) изображён одноглавый сазаган-дракон, закрутастому хвосту которого специально придана форма довольно сложной тамги. Самое интригующее то, что эта болгарская тамга, на наш взгляд, носит этнородовой характер и очень близка к определённым родоплеменным династическим тамгам юечжи-кушанов и сако-массагетов. Не только схожесть конфигураций

этих родо-племенных тамги-знаков и бильярской тамги-эмблемы, а также общность выделенных нами идеологических отличий (в частности, культа змеи-дракона и волка), но и, **должно быть, взаимное соприкосновение и стыковка древнейших этногенетических корней объединяют нас, болгаро-татар, с нашими предшественниками - юечжи и саками.** Скорее всего, эта родо-племенная эмблема является своеобразным подтверждением пока малоисследованных ранних контактов на востоке или на юге и даже этнических смешений наших предков.

Таким образом, наши исследования, начавшиеся с обзора разнотипных исторических материалов, связывающих переднеазиатских кутиев с юечжи и сако-массагетами из Центральной и Средней Азии, ввели ход рассуждений в малоизученные или вовсе незатронутые области этногенеза тюрков, дополнили и, надо думать, подкрепили нашу теорию о Ближневосточном их происхождении новыми догадками и аргументами.

10. Касситский Луристан и хуннский Ордос

Племена касситы (акк. *kassu*) в III-II тыс. до н. э. жили к северу от Элама, в горах Загроса на территории Передней Азии. Точнее, основной территорией обитания касситского этноса был по преимуществу Луристан с прилегающими к нему районами нагорного Загра.

Однако ономастические данные свидетельствуют о широком распространении племён касситов как в эпоху выступления их на историческую арену, так и в более позднюю эпоху, о которой нам сообщают аккадские и античные авторы. Ряд исследователей объединяют их с каспианами, именем которых греческие авторы называли Каспийское море. Каспии жили в Мидии {Геродот, III, 38}, в Албании {Страбон, XI, 13, 5}; о каспиях, живших южнее албанцев, говорил Плиний (VI, 6). И, наконец, о них же как об обитателях приморских областей Каспия говорит тот же Геродот [613, с. 18-20].

И. М. Дьяконов, К. В. Тревер, В. В. Струве, Г. А. Стратанов-ский рассматривают касситов и каспиев как отдельные племена, независимые друг от друга. В частности, если первые два автора каспиев, говоривших, по античным источникам, на языке,

отличавшемся от языка соседей, относят к иберийско-кавказской группе языков - к черкесам, то *В. В. Струве* и *Г. А. Страта-новский* считают их тождественными сакам, которые «за морем» [507, с. 196; 658, с. 51]. **В то же время Струве подчёркивает, что народ «кашту-каспии не входили в состав иранской группы народов»** (Советская этнография. - 1947. - № VI-VII. - С. 120). Надо особо отметить, что такие расхождения во взглядах исследователей вызваны отчасти тем, что у Геродота каспии указаны в составе двух разных (XI, XV) округов Ахеменидской державы.

На историческую арену касситские племена выходят как завоеватели в начале II тыс. до н. э., когда они из горных областей Загроса лавиной нахлынули на Вавилонию, завладев этой страной и обосновавшись там более чем на 500 лет. Эпоха касситской гегемонии, начиная от их экспансии в Месопотамию, длилась приблизительно с 1750 по 1170 г. до н. э. включительно.

Об этнической принадлежности касситов свидетельствуют полсотни слов и собственных имён, сохранившихся с переводом на аккадский язык в ассиро-вавилонских лексикологических текстах, а также ещё некоторое количество собственных имён, сохранившихся в вавилонских хозяйственных документах, царских надписях и списках, восходящих ко II тыс. до н. э.

В определении характера языка касситов среди учёных существуют определённые разногласия и колебания. Так, *И. М. Дьяконов* и *И. Алиев* первоначально в своих монографиях язык этих горцев-скотоводов независимо друг от друга сближали с языком эламитов и считали их генетически родственными [37, с. 80; 279, с. 121]. Однако позже *И. Алиев* выразил в этом сомнение, признавая, что, «по-видимому, нет достаточных оснований объединять загро-эламские и каспийские языки в одну семью, во всяком случае... утверждать родство касситского с эламским» [657, с. 126].

И. М. Дьяконов же, скорректировав своё прежнее суждение, заявил, что, «хотя известно около сотни касситских слов, предположение о родстве касситского языка с эламским остаётся недоказанным» [44, с. 87].

Но тем не менее оба исследователя не отказались от своего главного убеждения о неиндоевропейском и несемитском характере

касситского языка. В основной справочной литературе ^Большой энциклопедии! предполагаемое родство касситского языка с эламским сохранено как более предпочтительная версия.

Племенные передвижения касситов и передвижение их с гор в низменные районы Месопотамии большинство исследователей связывают с появлением лошади как транспортного животного. Во второй четверти II тыс. до н. э. лошадь как домашнее животное включается в обиход ряда государств Передней Азии. И знакомство с лошадью отнюдь не было монополией индоевропейцев и, в частности, индоиранцев. Её знали в какой-то мере уже шумерийцы. На равнинах и низинах лошади в древневосточные времена, правда, не разводились, но в нагорьях переход к использованию лошадей произошёл, как полагают учёные, раньше и причём у различных этнических групп почти одновременно. Одним из таких племён как раз и были касситы, что подтверждается частым упоминанием лошадей в вавилонских документах касситского времени.

Очень интересно и показательное то, что древнейшее неиндоевропейское, в том числе неиндоиранское название лошади **kutii**, которое, должно быть, с помощью переселенцев добралось постепенно до Центральной Азии и в обшечорневых вариантах сохранилось у хуннов в форме *quti*, а также *godux*, *goti* соответственно у азербайджанцев и крымских татар (см. словарную статью №57), по утверждению И. М. Дьяконова, было заимствовано эламитянами из языка горцев, точнее, наверняка, из языка касситов [279, с. 125]. (Для сравнения в скобках приводим названия лошадей у индоевропейских народов: *agva* (др.-инд.) ~ *aspa* (авест.) ~ **asa* (др.-перс.) - лошадь || *eqmis* (лат.) ~ *hippos* (греч.) - «то же».) Как говорится, дальше - больше. Мы серьёзно подозреваем, что не только древнее неиндоевропейское название лошади, но и ряд ономастических терминов и отдалённые слова также имеют преемственное продолжение в тюркском языке. Территорию в долине Диялы, которая была захвачена самой первой и выполняла роль плацдарма для дальнейшей экспансии, касситы называли *Туплияш/Туплийаш*. Корень этого топонима точь-в-точь совпадает со словом *topla* (*topliy*- мн. число) на древнетюркском языке в значениях «собирать», «сплотить» [36, с. 537], что идеально

соответствует назначению плацдарма. А окончание *-аш/-йаш* в данном случае является аффиксом отглагольного существительного.

Когда же касситы, расширив свою территорию, осели, своё новое государство они называли *Кардуньяш*. И. М. Дьяконов переводит это название как «колония божества, вручившего землю» (< акк. *Kat* - колония, *Дуньяш* - имя касситского божества, аэлам. *t/dun* - давать, вручать). Мы предлагаем другую расшифровку: *кар* в ряде неиндоевропейских языков - «царство», «область», «город/крепость», «населённый пункт» (см. словарную статью №413). Сравните: *Шупашкар* - Чебоксары, *Семикаракар*, *Искар/Искер* - бывшая столица Сибирского ханства, *кар-аты*¹ - племенное объединение саков, по Птолемею, гуннов - по Иордану, *карлук* - огузское племенное объедине⁴⁶ние. А в семитском слово *дунья* (сем.: араб.) - «мир», «свет», «богатство», в древнетюркском *dunja* - «то же» [36, с. 161], *-ш (-аш)* -словообразовательный суффикс¹. Отсюда Кардуньяш - «царство мира» (/«богатства»).

Можно предположить этимологию и при помощи другого, зафиксированного также и у греков (т. е. в Передней Азии) значения лексемы *кар* - «город» > «городской мир». Для бывших скотоводов Загросских гор переход к оседлости и полuosедло-сти в низовьях с городами на деле означал перемену жизненного уклада, что и нашло, возможно, соответствующее значение в названии страны (ср. *кар базар* (неи.-е.: удм.) - «городской базар»).

Есть также третий вариант, связанный с «ка» в алтайских языках. Как установил языковед *И. В. Кормушин*, этот корень с прибавлением формантов -г и -га приобретал значение наполнения качества: «сложение», «соединение во множество», «многочисленное», «крупное», «большое» [30, с. 595], на основе чего *Кардуньяш* можно истолковать как «*Большой мир*». Как видим, засвидетельствованное у касситов слово «Кардуньяш» свободно поддаётся этимологизированию на основе тюркских слов, чего, кстати, не смогли сделать исследователи при помощи индоевропейских слов.

Имена касситских царей, о которых говорят вавилонские источники, также чужды индоевропейским народам, имеют местный

характер и сугубо самобытны. Основатель касситской династии, например, носил имя *Гандаш*, оканчивающееся на специфический суффикс -аш. Такого же характера имена были и у некоторых первых и последующих царей Кардуньяша: *Каши-талиаш*, *Абиратташ*, *Назимаратташ*, *Уршигурумаш*, которые состояли из нескольких частей, обозначающих целые фразы. Между прочим, такое же живучее и прочное окончание не чуждо и тюркским именам: *Такташ*, *Тугаш*, *Бикташ*, *Теляш*, *Бай-раш*.

Кашишу - это именная форма, очевидно, племенного бога и название касситов в передаче аккадцев (так звучало по-аккадски, ⁴⁷ а как называли себя касситы - *каш/кас* или *куги*. - мы не знаем). В древнетюркском от пракорня *qas* образовалось слово *qasir* со значениями «величественный», «мужественный» [36, с. 431]. Нам кажется, на тюркской основе или же лексиконе соседних переднеазиатских языков можно расшифровать или сблизить также собственные имена некоторых касситских божеств. Это: божества солнца или, по иным источникам, солнце *sah saq* (др.-тюрк.) - высекать (огонь) ~ (др.-тюрк.) - блеск, сияние (солнца), пламя, жар ~ *cau-araq* (чаг., турк., кирг.) - круг, круг-окошко наверху юрты, *chakram* (неи.-е.: драв.) - колесо [30, с. 508-509]. Генетическая преемственность этих лексем как по схожести корней, так и по взаимообусловленности значений сомнений вызывать не должна.

Далее: *Бурияш* - бог грозы, ветра и бури, буря *bur/бур* (др.-тюрк.) - буря, вьюга ~ **Бою* (кирг.) - бушевать [5 (I), с. 188-189; 41 (2), с. 192] (см. словарную статью №32) | *Им-мирия* - божество-покровитель царского рода (др.-тюрк.) - рассвет, имя, очевидно, связанное с культом солнца, почитаемого на Востоке | *Мири-зур* - бог земледелия (*z//u*) -*jer/йер* (др.-тюрк.) ~ *imr* (др.-уйг.) ~ *зер* (балк.) - земля (см. словарную статью № 16) || *kari/a* (кассит., элам.) ~ *kiurum* (луллубейск.) ~ *kiurum* (акк.) - бог < *каерим* (этрус.) - священный ~ *кэрэмэт* (угро-финск., тюрк., чув.) - * божество ~ *кэрэмэт* (тюрк.: тат.) - идол (см. словарную статью №8). Как установил Н. Я. Марр, за архаическим корнем *керм/керб* (*м//б*) скрывается одно из древних названий змеи и дракона (в

«Шах-наме» представлен в форме «керм») [82, с. 16; 279, с. 124-125, 128]

| *Dur* - имя божества *tur/tur-d/tur-k* - бог, этноним оберег («яфетическо»-средиземноморские языки, чув., жёлт, уйг.) [684, с. 685].

Sugab - этот бог в кассито-аккадском словарики приравнен к шумеро-аккадскому богу смерти и войны Нергалу. Если исходить из взаимозаменяемости в ассирийском и эламском языках *s* и *s* (ш//с), то начальная часть имени касситского бога войны *Sugab* идентична тюркской лексеме *soq* - бить (> *soqos* - сражение, ср.: *or*- бить —» *orus* - сражение) [140, с. 422, 439]. А окончание *-ab*, скорее всего, именной суффикс (в эламском он является аффиксом множественного числа).

Тотемистическое

или атрибутивное животное бога войны - лев, имя которого в диалектном (или переводном на аккадский (?) язык) варианте зафиксировано как *Gidar* [37, с. 80], что в семитском формате *Hajdar* (сем.: араб.) означает именно «лев».

Отдельные лексикосемантические схождения между касситским и тюркскими языками обнаруживаются в лексиконе и некоторых других сфер. Мы уже приводили из области животноводства древнейшее название лошади. А нижеследующие примеры по лингвистическим нормам, тем более с учётом огромного хронологического разрыва, вполне допустимые параллели из различных областей: *кзк* (элам.) ~ *da-gigi* (касс.) - небо *G kok* (др.-тюрк.) ~ *гдк* (азерб.) - небо | *suri-jas* - солнце (вар.) (?) - *jas-uq* (др.-тюрк.) ~ *qu-jas* (др.-тюрк.) - солнце | *ul-am* (-am - специфический эламский суффикс) - дитя, отпрыск (l//r) - *uri* (др.-тюрк.) - ребёнок, сын ~ *u!* (общетюрк.) - сын.

Janzu/jcmzi - царь. Этот титул верховного правителя страны касситов ни в одном языке Переднеазиатского Востока ещё не расшифрован. Попробуем предложить свою версию. Представляется, что, как и многие ономастические термины Древнего Востока, этот титул многосоставный, образован из двух частей: *jan* (др.-тюрк.) - сторона (синонимическая пара *jak* - сторона) + *zu* (сем.: араб.) - владелец, владеющий, обладатель, обладающий. Отсюда *janzu* - «владеющий сторонами», что соответствует титулу царь, фигурально это «владелец (или правитель) (четырёх) сторон света». Такое

значение титула созвучно с распространённым титулом восточных правителей, а порядок лексических компонентов в нём сходится с порядком слов в тюркском языке. Относительно компонента «*ги*» сравните: *Карнайн* - Двурогий или владелец/обладатель двух рогов - прозвище Александра Македонского.

Значение титула «владелец/правитель сторон (света)» тем более вероятно, поскольку государство касситов в Вавилонии занимало огромные территории и цари его любили называться пышными титулами. Например, Агум II, подлинный основатель касситского Вавилонского государства (1595 г. до н. э.), величал себя не только царём Вавилона, но и царём Падана и Альмана, царём кутиев [37, с. 165].

А теперь пора остановиться на общей и материальной культуре касситов, рассматривая её как этнический компонент. Ряд ведущих иностранных и отечественных учёных *Годар, 77. Аскерманн, В. Ф. Минорский, И. М. Дьяконов*) культуру горных племён касситов связывают с культурой так называемой «*Луристанской бронзы*». Когда луристанские находки привлекли внимание европейских археологов и искусствоведов, после длительных споров было признано, что большинство бронзовых памятников относится ко временам с середины II до I тыс. до н. э. Более того, установлено, что большая часть вещей «принадлежат народу, разводящему коней и пользующемуся ими не только для верховой езды, но и для упряжки. Наряду с прекрасными удилами со щёчными украшениями, представляющими животных, имеются предметы, явно принадлежащие колесницам» [659, с. 221].

Этим народом, естественно, признаются касситы, проживавшие в тот период в исторической области Нуристана на западе Ирана, которые, по утверждению И. М. , первыми в Передней Азии одомашнили лошадь [279]. И уже то обстоятельство, что луристанская упряжь - это упряжь колесничная, указывает в основном на II тыс. до н. э. как на дату её изготовления и использования конно-колесничной тактики боя, поскольку в I тыс. до н. э. колесница в значительной мере уже выходит из боевого употребления.

В череде миграционных волн с Запада на Восток свою роль сыграли, конечно, передвижения по степному поясу владевших колесницами касситов и племён карасукской культуры. Э. А. *Новгородова* совершенно справедливо подчёркивает, что в Западной Монголии изображения колесниц на скалах появляются по времени, по меркам исторического масштаба, приблизительно синхронно, вернее, лишь на несколько веков позже (середина II тыс. до н. э.) изображений колесниц в Переднеазиатском Луристане [643].

Однако миграция с Запада не ограничивалась лишь территорией Западной Монголии, но проникла также и на территорию по южной стороне Великой пустыни Гоби, где приблизительно с XIII в. до н. э., в эпоху Шан, складывалась

ордосская бронзовая культура пратохуннов. Несмотря на то что есть ещё неапробированные сенсационные утверждения, что боевые колесницы на территории Древнего Казахстана (Большой Синташтинский курган) были изобретены ещё в III тыс. до н. э. [660, с. 19, 38], на территории Китая, находящегося рядом, колесницы появились лишь в Иньско-Шанскую эпоху (середина II тыс. до н. э.), и они считаются нововведением, занесённым с Ближнего Востока. По типу самих колесниц, их бронзовых частей, ярмы и упряжки иньские колесницы (как и сходные с ними карасукские), утверждает исследователь 77. М. , проявляют очевидное происхождение от переднеазиатских образцов [цит. по: 12 (2), с. 735].

Поэтому не исключено, что среди создателей бронзовой культуры Ордоса оказались и сами касситы из Передней Азии, создатели дуристанской бронзовой культуры, поскольку проникновение их в Центральную Азию подтверждается, как было сказано, однотипностью колесниц и их деталей на обеих территориях. Кроме того, часть бронзовых вещей: части конской упряжки, некоторые виды оружия, украшений и, самое главное, предметы прикладного искусства, выполненные в «зверином стиле» и хронологически в одном и том же периоде - имеет много общего [661, с. 128; 650]. И, наконец, ещё одно весомое обстоятельство, свидетельствующее о древних связях двух отдалённых друг от друга по времени и территориально регионов: это древнее переднеазиатское название лошади kutu, употреблявшееся у хуннов под названием «quti».

Разумеется, искусство «звериного стиля» Ордоса базировалось на местной питательной почве, черпало мотивы, сюжеты из мифологических верований, окружающей фауны и флоры; возможно, оно также испытывало влияние культурных традиций аркаимцев и андроновцев. Как бы то ни было, костяком создателей культуры ордосской бронзы, безусловно, были пратюрки, включая проникшего с Запада одного из их предков - касситов.

Одним из излюбленных образов, изображённых на предметах ордосской бронзы, был **волк**, являющийся своеобразным этническим индикатором. Изображение волка встречается на различных бронзовых предметах и в стилизованных позах: и на

рукоятке ножа, и как один из образов декоративного сюжета, показывающего единоборство зверей, и на пластинках в свернувшемся в клубок виде. Во многих случаях волк изображается с задранным кончиком носа. *С. И. Руденко и Ростовцев* считали, что эта традиция первоначально сформировалась в переднеазиатском искусстве [662, с. 99-103].

*

Для сравнения различий в мифологическом мироощущении древними людьми природы и окружающей действительности, а также для осмысления этих различий в качестве этноопределяющего и этноразделительного признака приведём ещё дополнительные сведения о верованиях разных племён и народов, связанных с волком. Крупный учёный и ориенталист *Ж Дюмезиль* на основе своих исследований «Ригведы» и «Авесты» пишет, что «понятие чужого присутствовало в мышлении древних индоевропейских народов. Чужой - это варвар, не ари, исконный враг арийского народа. Арии противопоставляется угка (угка нолю, чужой, дикарь)» [663, с. 176-179].

В «Библии», в Деяниях Апостольских (XX, 29), гонители христианства сравниваются с волками. В древней Англии волков называли «собаками ада», в румынских же заговорах волка относили к нечистой силе и отождествляли с самим чёртом. Согласно исследованиям известного литературоведа и фольклориста *А. Н. Афанасьева*, по верованиям индоевропейских народов, в том числе славян, волка, как олицетворение ночной тьмы и мрачной тучи, уподобляли дьяволу. По средневековому германскому поверью, девяти годовалый волк рождает змей. А у скандинавов волк считался олицетворением разрушительной силы Неба, его боялись галлы, да и другие индоевропейские народы Азии и Европы. В конце мира гигантский Волк с Мировым Змеем в схватке погубят богов и возьмут верх над самим Одином [664, с. 399; 665, с. 208; 666, с. 28; 667, с. 740].

Фигурирование волка и змеи как разрушителей и смертоносной силы в одном семантическом ряду отнюдь не случайно. Русский филолог-славист *А. А. Потебня* в своих исследованиях пришёл к выводу: «Мы считаем волка за другую форму мифического змея» [668, с. 278]. На основании лексических архети-

пов армянского и грузинского языков лингвисты *Н. Я.* и *И. Мещанинов* и этимологию волка и змеи на этих наречиях сводили к одному и тому же корню [669, с. 406]. Поэтому, как подчёркивает Е. Л. Мороз: «Миф о борьбе с волком, соответствующий мифу о змееборчестве, обнаруживается у многих (мы бы добавили: индоевропейских. — М. народов от индейцев до иранцев, подобно же ирландцев, подобным же образом и в русском фольклоре действия волка повторяют действия змея» [670, с. 66].

На фоне этих глобального индоевропейского масштаба свидетельств попытки некоторых учёных подыскать в мифологических верованиях и лексических архетипах индоевропейских народов факты и изоплоссы всеобщего почитания волка и змеи выйдут просто ничтожными или узколокальными, а в отдельных случаях они объясняются обычным заимствованием. Засвидетельствованная в осетинской (получается, что якобы в иранской?!) традиции легенда, где волк фигурирует в качестве тотема-родоначальника племени, фактически является не чем иным, как результатом заимствования у тюрков. Это подтверждается не только историческим фактом смешения осетин с тюрками, но и названием волка *birceg/ berceg/ birach* тюркского происхождения [12 (2), с. 496]. Ибо у иранцев название волка имеет иную конфигурацию: **vrka* (авест. *vahr*), *varka*. Да и слово «бирюк» в русском, а также табуированное слово «хорт» также заимствованы у тюрков. *Хорт* - калька от древнетюркского слова «*к о р т*» / «*к у р т*» - волк.

В отличие от индоевропейцев, у тюркоязычных народов волк издревле считался сакральным животным, связанным с небом. Чуваша волка именовали пигамбаровой собакой (т. е. собакой ангела), якуты - «тангарабыта» (божьей собакой). Согласно исследованиям *Р. С. Липецца* и *Ф. И. Урманчеева* (а также вашего покорного слуги - *М. Х. Бакирова*), волк у тюркских племён и народов выступал в различных ипостасях: как прародитель-родоначальник тюрки-тугю или, скажем, телеуйгуров; и как проводник, указывающий тому или иному племени, народу новые места для поселения, маршруты военных походов или спасательный путь в трудный момент; и как кормилец младенца - будущего родоначальника или вождя племе-

ни, или, наконец, как оборотень, когда обретение героем волчьего облика помогает ему достичь своей цели [672; 673, с. 89]. Надо особо подчеркнуть, что такие многогранные проявления волка встречаются в древних источниках не изредка, отнюдь не в единичных случаях, а являются системными.

*

Обращает на себя внимание то, что известные нам ранние истоки культа волка также восходят к Западу, точнее, приходятся на зону стыка Средней и Передней Азии ^Средний Восток). Мы имеем в виду в данном случае не культ отрицания этого животного или волкоборчества, а культ почитания и сакрализации благословенного волка, который был раскрыт археологами в погребальном комплексе Алтын-Тепе на промежуточной территории Туркменистана. В этом комплексе, заложенном в эпоху бронзы (III-II тыс. до н. э.) на территории цивилизационного центра Намазга-Тепе, среди погребальных вещей обнаружена **голова волка из золота**. Голова изготовлена путём литья и ручной обработки острым ножом, зубами и т.п. Там же был обнаружен светлый камень с изображением полумесяца и креста с равными лучами, являющихся символами луны и солнца [686, с. 88]. Эти символы, в купе с обожествлением и почитанием волка, получили продолжение в культуре древних тюрков. Тем более территория Алтын-Тепе, должно быть, изначально представляла восточную периферию ареального языкового союза, в составе которого формировались пратюрки.

Очевидно, с территории Туркменистана традиция почитания и сакрализации волка была заимствована или, скорее всего, миграционной волной неиндоевропейских скотоводов была занесена в центральные и восточные районы Средней Азии. Об этом красноречиво свидетельствуют, прежде всего, изображения мифического, в том числе **рогатого, волка** на бронзовых изделиях карасукской культуры у туранского населения, а также обнаруженные среди археологических вещей у массагетов Алтая, что никак не вписывается в волкоборческую идеологию индоевропейцев.

Далее, на Кувандарье, в самом сердце страны тохаров и юечжи-кушанов (цивилизация Древнего Хорезма), были найде-

ны два золотых браслета с изображениями: на одном - коня, на другом - многоголового волка, выполненными в «зверином стиле» [517, с. 141]. Изображение семиголового волка обнаружено позже и среди мифологических образов настенной живописи Пенджикента [577, с. 88].

К этому же семантическому ряду примыкает изображение единственного в своём роде **рогатого и крылатого волка**, принадлежащее древним хуннам. Это изображение нанесено на костяной трубочке, которая была извлечена из Ноин-улинского кургана-могильника хуннской знати в Монголии [674, с. 82].

Среди изображений волка особое место занимает *генеалогический сюжет, связывающий происхождение или выживание человека с волком*. Самое древнее изображение такого типа (VI в. до н. э.) сохранилось в регионе Средиземноморья (Апеннинский полуостров) на надгробной стеле у загадочных этрусков. На нём мы видим сцену вскармливания волчицей человека под её брюхом. По первоначальному варианту этрусской легенды, основателем города Рима являлось лишь одно лицо - Ромул. Изображение на надгробной стеле как раз отражает эту версию. Оно же послужило основанием для появления в Риме бронзового изваяния «Капитолийская волчица». Далее мифологический сюжет о тотемном предке или кормилице будущего родоначальника получил дальнейшее распространение через, надо полагать, мигрировавших на восток переселенцев, вплоть до Центральной Азии.

Н. Н. Негматов и *В. М. Соколовский* происхождение генеалогического сюжета «волк - человек» и первоначальных его создателей связывают с регионом Восточного Средиземноморья и пишут, что «круг сюжета волк - человек начинался, как нам представляется, в Иране и Туране, откуда шёл в глубинные районы Центральной Азии» [687, с. 456]. В частности, переработанный этот сюжет, где изображена волчица с припавшими к её соскам двумя младенцами, был обнаружен на одной из стен развалин дворца Устрашина (Сев. Таджикистан). Исследовавший эту тему *Л. И. Альбаум* подчёркивает: «Можно сделать предположение, что художник-согдиец, рисовавший по заказу тюрка, вложил в него миф о происхождении тюрков» [688, с. 106].

Золотые монета и медальон с изображением волчицы, кормящей двух младенцев, были найдены в Средней Азии - соответственно при раскопках храма Пенджикента и у реки Ахангаран. Учёные полагают, что эти находки из этрусско-италийской легенды, скорее всего, чеканены в Римско-Византийской империи.

Мотив волчицы, кормящей будущего родоначальника, через мигрировавшие с Запада этнические группы или как «кочующий сюжет», что менее вероятно, стал известен, конечно, и древним хуннам, а также ранним тюркам (теле-уйгурам). Согласно генеалогическим легендам, вышедший из среды хуннов род Ашина (и заложивший начало племени тукю-тюрки), а также уйгуры своим размножением и обретением статуса племени и народа оказались обязаны соответственно именно браку волчицы и изуродованного мальчика и браку дочери уйгурского шаньюя с волком. Вместе с тем этот же сюжет и у древних тюрков нашёл материально-вещественное воплощение: на стеле погребального комплекса в Аравинском аймаке Монголии, который был изучен *С. Г. Кляшторным*, также изображена волчица и человеческие фигуры под её брюхом [687, с. 443].

Таким образом, странствия волчицы, начавшиеся с земли древних этрусков, через территории Ирана и Турана и через определённые районы Средней Азии привели её в Центральную Азию. Если учесть при этом кропотливые и довольно аргументированные исследования отдельных энтузиастов науки (*О. Сулейменов* [17, с. 360-457]; *Ф. Латыпов* [689; 690]), к которым мы отсылаем любознательного читателя, то вопрос о предполагаемом глубинном родстве между этнически неоднородными средиземноморскими этрусками (вернее, их частью) и пратюркским миром встаёт перед нами со всей серьёзностью.

В завершение надо добавить, что в ранний и средневековый период почитавшийся предками тюрко-мифологический образ волка нашёл воплощение и в древнем эпосе - сказаниях тюркских народов. В частности, в эпосе киргизов «Манас», даста-не «Огуз-наме» уйгуро-огузов, «Нартах» карачаево-балкар, в «Алтын Арыге» хакасов, эпосах «Ак Тойчы», «Алтын Кучкаш» алтайцев гривастый и белый или голубой волк изображаются в качестве тотемного или почитаемого образа, помогающего тюркам в различных ситуациях.

Итак, перечисленных фактов сравнительного характера больше чем достаточно, чтобы убедиться в том, что отношение к волку, как и к змее-дракону, издревле было связано с этнопсихологическим мироощущением и мифологическими верованиями древних, и у разных народов оно проявилось по-разному. Говоря яснее, сакральное или враждебное отношение к этим животным выступало как один из статических долговременных этноразделяющих, а значит, этноопределяющих признаков. Вот почему этот фактор в наших исследованиях выступает как своеобразный ключ для определения этнической природы и менталитета как индоевропейцев, так и дальних и близких предков тюрков.

Созданный Ангро-Майнью позитивный для туранцев **культ дракона**, семантического и функционального напарника волка, также находит отражение как в искусстве бронзы Луристана, так и в аналогичном искусстве Ордоса. В государственном Эрмитаже, например, демонстрируется кольцообразное бронзовое изделие из Луристана, не присоединённые концы которого завершаются змеиными головками [279, с. 131]. Аналогичное украшение обнаружено в захоронениях VII-VI вв. до н. э. на территории Азербайджана [279, с. 317].

Такого же типа изделия известны также у саков и алтайских юечжи-массагетов. мифологические и художественные истоки которых взаимосвязаны с Западом, а если копнуть глубже - со змеепочитающими и «змеерождёнными» народами Передней Азии. Как пишет Играр Алиев, «области будущей Мидии с древнейших времён до нашествия иранских племён были заселены, по существу, племенными группами (в частности, **эламитянами, кутиями, кассиатами, луллубеями**. - М. Б.), **поклонявшимися по преимуществу змеиным божествам**. Этот этнический массив условно может быть назван каспийским или эламо-каспийским⁴⁸ (или загросским) [376, с. 84]. По утверждению Г. Н. Курочкина из Нукуса, змееногая богиня и связанный с ней популярный сюжет у скифов Северного Причерноморья также восходят к Передней Азии и проникли именно оттуда [680, с. 77].

Согласно концепции В. Я. Пронна, «мотива змееборства нет у народов, ещё не образовавших государство. Отсюда сразу может быть

сделан вывод, что мотив змееборства возникает вместе с государственностью» [675, с. 205]. Если в этом утверждении есть зерно истины, то оно может касаться в основном некоторых индоевропейских народов (возможно, теоретически индоариев).

Как утверждают отдельные исследователи, это у них, индоарийцев, змей-дракон первоначально находился на небе и связан был, как космический хозяин или божество плодородия, с громом и небесными водами. В ведийском гимне, например, атрибуты молнии и грома отнесены к побеждённому богом Индрой дракону Врите: «Не помогли ему ни молнии, ни гром, ни тот дождь и град, которые он рассыпал» [Ригведа, I, 32, 13]. В результате борьбы обожествляемых ранее существ старого и нового поколений находившийся на Небе дракон был свергнут на землю и стал враждебным, хтоническим существом, преграждавшим течение рек и ограждавшим доступ к водоисточникам [679; 21, с. 394]. **Функцию же громовержца присвоил себе Небесный бог, ставший яростным змееборцем.**

А что касается неиндоевропейских народов, то у них, наоборот, дракон оставался на небе, в тесной связи с громом и молнией. И государственный институт отнюдь не мешал им оставаться змеепоклонниками или змеепочитателями. *Таковыми были коренные или неиранские жители Переднеазиатского Востока шумеры, ранние мидийцы, эламиты, кутии, касситы, туранцы, хунну-сюнны, юечжи-массагеты, среднеазиатские саки и некоторые скифские племена Причерноморья, дравиды, месопотамские сабиры/сапиры, да и хунны и древние тюрки.* Большинство из этих народов или народностей в той или иной степени участвовали в этногенезе тюркских диалектов, т. е. в сложении прототюркского языка и многослойного древнетюркского народа.

*

В разделе «Скифы и саки...» мы уже приводили много примеров о почитании и сакрализации древней средневековыми тюрками образа мифического дракона. Там же мы упомянули о царском флаге Казанского ханства жёлтого цвета с изображением дракона, сведение о котором мы обнаружили в книге голландского средневекового автора *Алярды*. **Теперь**

мы хотим сообщить немаловажное и не известное до сего времени научному миру новое сведение о флаге «казанского царя» («татарского цесаря»), на этот раз информацию о его судьбе. В «Описи Московской Оружейной палаты (знамёна, прапоры, флаги и штандарты)», изданной в 1884 г. под номером 4217, мы натолкнулись на следующую уникальную запись: «Знамя с (изображением дракона), остатки каймы с надписью с золотыми буквами и арабесками⁴⁹, писанными золотом, серебром и красками» [676, с. 105]. Цвет знамени не указан.

Если вспомнить слова из «Сказания о покорении Казани» князя *Курбского* о том, что «и приказал (Государь) воеводам во граде огни гасите, и многие сокровища казанские велил всему воинству имети. **На себе же Государь велел имети... царя Едигерь Магмета и знамёна царские, да пушки**» [677], то здесь недовольно напрашивается правомерный вывод: *указанное наверху знамя и есть знамя Казанского ханства*. Мысль о возможности нахождения и сохранения знамён казанского татарского государства в запасниках Московской Оружейной палаты мы впервые высказали в своей научной статье «Наши корни, связанные с болгарами» [678, с. 139]. Кажется, она подтверждается.

Не менее интересными представляются сообщения английского путешественника *Антония Дженкинсона*, побывавшего на большом приёме у Ивана Грозного всего через три года после покорения Казани. Он обратил внимание на «вещь из золота, длиною в 2 ярда, с башнями и драконовыми головами чеканной работы», которая стояла как особо ценный экспонат среди золотых кубков и серебряных бочонок, на специальной подставке в середине палаты и которая, безусловно, тоже была трофеем. Ибо в той же церемонии участвовал находящийся в плену сын царевны Сююмбике Утямеш-Гирей, выставленный тоже на всеобщее обозрение как живой экспонат, чтобы демонстрировать и подчёркивать победу Московского княжества над Казанским ханством. К тому же, как подчёркивает автор, на приёме «парь был в короне татарского образца», являвшейся, бесспорно, тоже трофеем [681]. По мнению большинства учёных, эта так называемая

«казанская шапка» из золота в сочетании с самоцветами принадлежала казанским ханам.

*

А сейчас, чтобы привести дополнительную информацию о своих предшественниках по теме и сделать соответствующие заключения, снова вернёмся к вопросу об этнической природе **касситов**. В частности, *Играр Алиев* относительно этнического массива или племенных групп нагорного Загросского региона пишет следующее: «Можно высказать предположения о существовании некогда, в глубокой древности, на территории Иранского плато каспийского языка-основы, из которого в течение многих веков ^возможно, и тысячелетий! выделились языки эламской, касситской, луллубейской и некоторых иных групп. Возможно, с этим каспийским праязыком в какой-то мере связаны кавказские и урало-алтайские, дравидские и некоторые другие языки. Возможно, что все эти перечисленные языковые семьи происходят от более древнего языка-основы» [37, с. 85].

Это предположение, конечно, опытного и крупного ориенталиста является результатом выстраданных размышлений, целенаправленных исследований и сравнительных наблюдений особенностей языка, культуры и истории народов Переднеазиатского Востока. А до И. Алиева, опираясь на шумерские и урало-алтайские лексические сходения такого типа, но с более узкими воззрениями, в начале XIX в. выступил немецкий востоковед *Ф. Гомель*. В наши дни к этой сложной проблеме приложил руку и создал весьма уникальные труды казахский писатель и филолог-исследователь *Олжас Сулейменов*.

Но все попытки вышеназванных исследователей, без исключения, попали под жернова европоцентризма, монополюно господствующего в науке. Хотя предубеждённые критики для подтверждения глубокой древности и генетической общности индоевропейских изоглосс и архетипов сами свободно пользуются прочитанными или расшифрованными ими же праформами, то в отношении тюркологов такие действия ими игнорируются. Это мотивируется тем, что за многовековой период слова до неузнаваемости меняются и что вдобавок идентичность или сходения лексем по структуре и семантике рассматриваются ими в

данном случае уже как результат чистой случайности, поскольку, дескать, они прочитаны неправильно или же в древности они должны были звучать обязательно по-другому.

Такой предвзятый подход и двойные стандарты, конечно, не что иное, как явное проявление именно пресловутого и скомпрометировавшего себя индоевропеизма и в том числе его ветви - иранизма, характеризующегося не менее диктаторской при-родой. А то, что благодаря агглютинативному, устойчивому строю корня слова в тюркском языке (в отличие от флективных языков!) основная лексика без резких изменений сохраняется веками, даже тысячелетиями, исследователями индоевропейского уклона абсолютно в расчёт не принимается, что, конечно, глубоко антинаучно. Чтобы убедиться в долговечности тюркских праформ, достаточно обратить внимание на словарный состав орхон-енисейских рунических памятников, который, несмотря на то, что после их создания прошло уже почти полторы тысячи лет, продолжает оставаться вполне доступным и понятным и в настоящее время едва ли не на 40-45 процентов, если не больше.

11. Эламиты и дравиды - контактно-генетические пращуры тюрков

Элам - древнее государство Передней Азии, располагавшееся к востоку от нижнего течения Тигра, в юго-западной части Иранского плоскогорья (нынешний Загрос, иранские области Хузистан и отчасти Луристан). Однако есть основание полагать, что эламский язык этого государства в древности был распространён гораздо шире. Ибо тексты, написанные эламским иероглифическим письмом, найдены на юге и в самом центре Ирана. Имея в виду возможную лингвистическую связь эламского языка с дравидийской семьёй языков, ряд исследователей считает, что племена, родственные эламитами и дравидам, в IV—III тыс. до н. э., а может быть и позже, были распространены по всему Ирану, по крайней мере, в южной его части [44, с. 83-85]. А крупнейший американский ориенталист *А. Сней-сер*, основываясь на ономастическом материале, утверждает, что древнейшее население Месопотамии до прихода в эту область шумерийцев было загро-

эламским [37, с. 78], включая, возможно, в понятие «загра» и неиндоевропейские нагорные племена.

В самих эламских текстах страна Элам называлась , первая часть которого *hal* в эламском языке означает 'страна' и представляет собой более архаическую форму (сравните: *Halamti* <А-Элам). На наш взгляд, второе имя Элам по значению является адекватным, вернее, установившимся позднее вариантом вместо раннего варианта (*Halam-ti* → (а/э) - Элам). **И весьма интересно то, что родственные и синонимические корни *эл* представляют из себя самую раннюю фиксацию долговечной лексемы со значением «страна», которая сохранилась и получила дальнейшее продолжение в древней общетюркском языке: *el/il* — страна, государство, племенной союз [34, с. 168-169].**

А вторая часть *am (ama)* этнонима и топонима *Halam/Элам* в ряде языков, в том числе в шумерском и общетюркском, означает «мать», «родительница». Отсюда этимологию Элам можно трактовать как «Страна-мать» ~ «Родина». Что же касается начального *h* и *hal*, то это придыхательный звук, который был характерен и для в «высшей степени архаического тюркского языка халладж в Иране» (ср. *hat* - лошадь, *hut* - огонь) [Г. Дёф-фер, 409, с. 49, 95], а также для языка народов яо-мяо в Китае, сохранивших в своей лексике хуннско-тюркские слова с таким же придыхательным началом: *коу//оу//иу* (общетюрк.) - правый и др. [407, с. 36]. Очевидно, этот фонетический изоглосс является архаическим рудиментом, унаследованным из некоторых ранних языков Передней Азии.

Древнейшие правители Элама вели то завоевательные, то оборонительные войны: вторгались в соседние области нагорного Загра и неоднократно в Месопотамию; нередко и эламские земли подвергались нашествиям соседей (кутиев, аккадцев, касситов). Временами эламиты создавали сильное централизованное государство, соперничающее с государствами Двуречья. В конце XII в. до н. э. Элам вынужден был уступить Вавилонии господствующее положение над южным Двуречьем.

В VIII-VII вв. до н. э. цари Элама находились в союзе с Вавилонией и вели ожесточённую борьбу с Ассирией. Далее посредством ряда завоевательных походов Элам завоевала Ассирию. Однако господство

этой страны продолжалось недолго, так как в конце VII в. Ассирия перестала существовать. Далее Элам, раздираемый внутренними противоречиями, в начале VI в. до н. э. был завоёван Мидией, затем - персами [44, с. 85; БСЭ, т. 30, с. 27-28].

Эламиты издревле славились как искусные, храбрые и выносливые воины, в связи с чем их использовали в качестве наёмников цари Аккада и Вавилона. *Страбон* неоднократно называет горные племена Элама разбойниками, включая в это понятие отнюдь не оскорбительный смысл, а, напротив, подчёркивая их воинственность и свободолюбие, борьбу за независимость с персидским и парфянским государствами. *Аррион* и *Диодор* отмечают, что они оказали отчаянное сопротивление грекомакедонским завоевателям.

Что же касается языка эламитов, то он известен из письменных памятников трёх различных периодов: 1) второй половины III и первой половины II тысячелетия, 2) от XVI до VII вв. до н. э., 3) от VI до IV вв. до н. э. Если язык первых двух периодов в науке считается старо-и среднеэламским языком, то язык последнего периода - новоэламским. Мы избрали для анализа старо-и среднеэламский язык, так как в связи с завоеванием Элама Ассирией с конца VII - начала VI в. этот язык претерпевает сильнейшие изменения в грамматическом строе. Вместе с тем начиная с конца VI в. до н. э., после персидского завоевания, эламские тексты буквально наводняются персидской лексикой.

В определении характера и структуры основного эламского языка все исследователи единодушны в том, что язык этот по морфологическому строю носит агглютинативный характер с тенденцией к сингармонизму, поскольку образование и изменение слов в нём осуществляются способом присоединения к лексическому корню или к основе грамматически однозначных аффиксов, которые следуют друг за другом, подстраиваясь к корню и по звучанию. Кроме того, в отличие от индоевропейских языков, эламский язык не имеет префиксов или приставок, стоящих перед корнем, изменяя при этом его лексическое и грамматическое значение.

Историк-востоковед *И. Алиев* происхождение и строй языка эламитов связывает, как и языков кутиев и касситов, с так называемой

загросско-каспийской языковой основой, или потенциально полиэтническим массивом, из которого в седой древности отпочковались эти языковые группы, а также и эламский [37, с. 77, 85].

Играр Алиев склоняется к мысли, что эламский язык и позже, в частности засвидетельствованный во втором абзаце Бехистунской надписи древнеперсидского царя Дария I, высеченной в 20-х гг. VI в. до н. э., был понятен значительной массе неиндоевропейской Г в том числе и неиранской! части населения Мидии, а также большинству населения Месопотамии. По мнению *В. В. Струве*, эламский язык был разговорным и в Персиде [там же, с. 107; 44, с. 85-88]. Согласно общности определённых признаков и архаических корней, этот автохтонный переднеазиатский язык причисляется к восточной группе ностратической макросемьи языков.

Мы со своей стороны языковой массив Передней Азии, названный И. Алиевым условно загросско-каспийским, связываем с протюркской языковой основой, которая в доисторические времена играла для ряда языков Средиземноморья роль одного из главных, если не одного из наидревних субстратных первоисточников. Родство между этими языками признают и американский учёный *Ричард Фрай* [641, с. 90], и особенно родство между языками эламитов и дравидов - российский специалист по истории и языкам Передней Азии *И. М. Дьяконов* [692, с. 60; 693, с. 26]. Более того, касаясь сложного и малоисследованного вопроса о взаимоотношении эламского языка с так называемыми «алтайскими языками», последний из них с оговорками допускает: «хотя эламский язык состоит, возможно, в известном родстве, скажем, с тюркомонгольскими языками, однако, из одного только родства, если оно и было доказано, ещё не вытекает прямое их происхождение» [279, с. 62].

Самое время теперь перейти к сопоставительному перечню и анализу лексики эламского и древнетюркского языков на материале, зафиксированном в эламских письменных текстах различных периодов, а также извлечённом из синхронных языков Передней Азии. Свою книгу мы начали с создания проблемной ситуации, где фигурировало слово *as/aiu* - пища, хлеб, общее для эламского и тюркского языков, в том числе и для некоторых других. Мы также в сравнительном словаре приводили сохранившийся ряд общих слов, эстафетообразно и преемственно получивших продолжение в древнем и общетюркском языке. А сейчас вернёмся к некоторым из этих примеров и дополним новыми примерами и аргументами, главное, своим видением проблемы.

а) **Хозяйственные термины:** (элам.) - охранять [694, с. 96] | (*й/d*) - *k a d u* (сем.: акк.) - сторожить, охранять (скот) | *kutu* (урарт.) - «то же» [54, с. 178] // (др.-тюрк.) - сте речь, пасти (скот) [30, с. 324; 36, с. 330]. Как видим, схожесть и родство эламского и древнетюркского корней, означающих взаимосвязанные значения «охранять» и «пасти», налицо.

К этому термину примыкает общекорневое, но с утерей начального звука «к» и наращённое суффиксом слово ста до //*kut-ti*/ *к у ш у* (тюрк.) - «то же». Как установил И. Алиев, звук «к» (так же как «g» и «b») в эламском неустойчив (*uk-kirpias*) [37, с. 65]. А суффикс *-tas*, по нашему мнению, соответствует тюркскому суффиксу соучастия, объединения, принадлежности (кому, чему-нибудь) *-ta* ← *иол* - дорога = спутник, *йак-таги* ← *йак* - сторона, край = земляк.

По такому же принципу, должно быть, образовано эламское слово из Бехистунской надписи - раб, где первая часть его *kur* приравняется к значению «дом» (ср. тюрк, *gor/quir* - сооружать, *kurgan* - могильный холм, *кур-а* - помещение для скота). Исходя из этого, а также на примере древнегреческого слова *ογυτις* при *οιυογ* - дом = домашний раб эламское этимологизировали точно в таком же значении [37, с. 280].

Мы же омонимический корень *kur* в данном случае связываем с другим эламским словом *kur-p* («p» здесь явно аффикс множественного числа) - рука ~ *kur-min* - руками [352, с. 247]

(*min* И др.-тюрк. *menan* - послелог для обозначения объекта действия), дающим вкупе с суффиксом *-tas* однозначное значение «раб». Раб - это, особенно в древности, закабалённый работник, основное орудие производства которого - рука, с чем и связано лексическое его обозначение. Чрезвычайно интересно и показательно то, что древнейший корень этого социального термина с тем же значением и фонетически в правомерном варианте (*p*—>*л*- *kur/kul/kot*) добрался с ранними переселенцами из Ближнего Востока вплоть до центральноазиатских хуннов и сохранился далее у тюркских народов: *qul* (др.-тюрк. и межтюрк.), *gul* (тур.) - раб, невольник, слуга [30, с. 318].

К этому же корню и семантическому гнезду относится также зоономическая параллель *gnd/гуд* - бык // *ud* (др.-тюрк.) - корова и производное от него *udci* - пастух. Как известно, слово «гуд» - бык присутствует и в шумерском языке. Но если верно предположение исследователей о том, что эламский язык ещё до прихода шумеров был распространён в Месопотамии, то в шумерском языке это слово (да и некоторые другие параллельные лексемы! вполне может (или могут быть! эламским субстратом. Среди относительно позднего населения Вавилонии - шумеров, семитов или аккадцев - протоэламиты, возможно, считаются древнейшим и, конечно, коренным и автохтонным населением Вавилонии.

Другой древнейший зооним, засвидетельствованный у эламитов, -это *kuti*, древнейшее обозначение лошади, появившееся в связи с приручением и одомашниванием лошади в Передней Азии. Далее этот термин в различных вариантах (*qutu, godur / gudur, gudux* и др.) распространился среди касситов, аккадцев и шумеров, а также миграционными волнами был занесён в Индию (*ghori / ghodi* [615, с. 105]) и к центральноазиатским хун-нам (*guti*) [62, с. 139]).

Ещё один зоонимический скотоводческий термин относится к самцу мелкого рогатого скота - барану: *kassu* (элам.) [352, с. 247] // *qockctr/кочкар* (др.-тюрк.) ~ (МК). Корень общетюркских названий этого животного, безусловно, восходит к корню *kas/kac* эламского зоонима.

б) Космогонические и другие сакрализованные объекты: *kik/кик* (элам.) - небо // *kok* (др.-тюрк.) - небо | *suh* (элам.) -

солнце // *soy* (др.-тюрк.) - блеск, сияние (солнца) | *m* (злам.) - волнистый знак (вода) *Isub/suy* (др.-тюрк.) - вода | *age* (злам.) - разлив, течение // *aqim/aqin* (др.-тюрк.) - поток, течение, струя ~ *aq-* (др.-тюрк.) - течь | *mesa* (злам.) - лес // *mesa* (азерб.) - лес ~ (м / б) - *bita* (кумык, ног.) - кустарник [352, с. 37; 697, с. 36]⁵⁰.

в) **Антропонимы, выражающие родственные отношения:** *atta* (злам.) - отец // *ata* (др.-тюрк.) - «то же» | *amma* (злам.) - мать // *ana* (др.-тюрк.) ~ *ama* (тюрк.: чув.) - «то же» | *как* (злам.) - сын, дитя // *так* (др.-тюрк.) - маленький ~ *usag* (тюрк.: азерб.) - дитя ~ *чага* (тюрк, диал.) - детвора ~ детёныш (животных) | *ahha* (злам.) - братья // *aya/aqa* (др.-тюрк.) - старший брат ~ *aqq-ini* - братья | *ike* (злам.) - брат // (к → п) - *ini* (др.-тюрк.) - младший брат. При допущении последнего варианта нужно учитывать установленную специалистами закономерность, согласно которой «звук «к» в эламском и родственных ему языках очень неустойчив и часто исчезает» [37, с. 92] или же заменяется другим. Если такая закономерность верна, то сюда же можно причислять и эламское слово *kir* - один // *bir/ber* (др.-тюрк.) - «то же».

г) Прочие параллельные лексемы: *sah* (злам.) - стрела // *soy-an* (др.-тюрк.) - стрела ~ *sag-an* - остриё стрелы [252, с. 247; 41 (4), с. 140-141] | *sukurrum/сук-уррум* (элам.) - копьё // *soq-* (др.-тюрк.) - впихивать, всовывать, втолкнуть + неизвестный изоглосс | *kašša* (элам.) - резать // *kes-* (др.-тюрк.) - резать I *kip-p* (элам.) - коробка, сундук // *qap* (др.-тюрк.) - коробка, бурдюк, мешок | *hut-ta* (элам.) - сделать, выполнить // *bla* (др.-тюрк.) - исполнить, выполнить | *pili* (элам.) - вернуть, вручить, отдать // (1 → г) - *Blz / Blz-* (др.-тюрк.) - давать, вручать [37, с. 275].

Специалистами установлена ещё одна закономерность в эламском языке, а именно изначальное доминантное употребление звука «а» в корне, который в смежных или позднее в других родственных языках заменялся и иными гласными [37, с. 94, 103]. Выше на примере *hal* // *эл/ил* 'страна' мы это уже видели. А эти - новые изоглоссы: *al-pe* - умирать // / *bl- u* (др.-тюрк.) - «то же» | *alu* - община, поселение // (1 → г) - /

ugu-y /ory-g (др.-тюрк.) - род, община ~ *ыру* (тюрк.: тат.) - «то же» | *sari-is* - разрушать, ломать // *seril* (др.-тюрк.) - разрушаться, погибать [36, с. 496].

Личные местоимения с тюркскими расходятся. Но это, на наш взгляд, не может служить аргументом для отрицания древнейшего их преемственного родства, сохранившего достаточно убедительных и архаических параллельных следов до сегодняшнего дня. Они дошли до нас через посредство неоднократных миграционных волн и многих поколений предшественников. К примеру, древнейшая общность индоевропейских народов не помешала им со временем завести свои личные в отдельности местоимения альтернативного характера. У эламского языка и аффикс множественного числа другой: *-p/-pi* (пи). Такой же показатель имели и касситы, название моря по лагают, произошло от их самоназвания. Кроме того, аффикс множественного числа «*ni*» характерен также для утийского языка.

Можно гипотетически полагать, что эта архаическая модель, *-pi* (пи), как субстрат-остаток архидревних связей сохранилась в некоторых словах также и тюрков: *чул-ны* (болг. *чул* - камень) - накосник, монисто | *kirpi* (др.-тюрк.) - ёж (от корня - проникающий, колющий ~ иголка) | (др.-тюрк.) - металлические латы (др.-тюрк. *ки* - охранять, оберегать +аффикс). По этой же модели названы объекты, состоящие или образованные из множества мельчайших единиц: *керак/ке-нэ-к⁵¹* (др.-тюрк.) - отруби ~ *кврпэ* (тюрк.: тат.) - «то же» | *kirpik* (др.-тюрк.) - ресницы | *курпы* (тюрк.) - молодая трава.

Несмотря на то что из различных периодов Элама до нас дошло довольно много письменных текстов, эламский язык пока ещё изучен далеко не достаточно. Древние таблички, написанные эламской пиктографией, до сих пор не удалось прочитать. После 2900 г. до н. э. путём упрощения пиктографических знаков родилось слоговое, а ещё позднее - линейное письмо. Лишь с расшифровкой надписей Дария, составленных на древнеперсидском, эламском и вавилонском (семито-аккадском) языках, наконец-то в достаточной степени удалось определить аккадские прототипы эламских клинописных знаков и установить их звучание [698, с. 28]. Хочется надеяться, что со временем наши знания о языке эламитов

пополняются новыми открытиями, в том числе и по линии дальнейшего выяснения взаимоотношений эламского с пратюркским языком.

*

Что же касается взаимоотношения эламского языка с дравидийским, то генетическое родство их, после достаточно убедительного доказательства кардинальными исследованиями американского учёного Д. Макальпина а также западное происхождение дравидов не вызывают сомнения. Из менее чем 250 известных в эламистике корней с надёжно установленным звучанием и пригодной для сравнения семантикой Д. Макальпин предлагает дравидийские соответствия примерно для 40 процентов корней. Многочисленные материальные и системные тождества слов в сфере грамматики, формантов склонения и предикативности делают родство несомненным. Распад эламо-дравидийского единства Макальпин предположительно относит к V тыс. до н. э. [699, с. 39].

По ностратической теории, дравидийский язык, особенно близкий к эламскому, выделился из восточно-ностратического, куда входили эламский, уральские (финно-угро-самодийские языки), во многих отношениях близкие к дравидийскому, а также алтайские языки (маньчжурский, корейский и японский) [В. В. Иванов, 307, с. 13].

На деле же первоначально обитавшие на стыке Передней и Средней Азии, т. е. в пределах Ближнего Востока, эламиты и дравиды относились к региону западной ностратики. Особенно это касается пребывавших в районе Южного Загра и Месопотамии эламитов. **Да и самые ранние тюрки, вернее языковой массив будущей тюркоязычной семьи, по нашему твёрдому убеждению, находился не в регионе Аральского моря, как это утверждается ностратической теорией, а гораздо западнее, в составе языкового ареального союза, объединяясь и даже сливаясь при этом с кутиями, касситами, эламитами или даже с их предками именно в один более тесно связанный генетико-контактный массив.** Иначе как объяснить многочисленные лингвистические параллели и схождения тюркского языка с названными языками западного происхождения?!

Со временем носители этих языков, включая, конечно, пратюрков, а может быть, и шумеров, постепенно отделялись из этого общего

массива, составляющего восточную часть более широкого ареального языкового союза на Ближнем Востоке. А языковая, так называемая «алтайская общность» тюрков с монголами и тунгусо-маньчжурами формировалась, как мы уже отмечали, в результате длительного смежного проживания и культурно-экономических контактов в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, начиная со времён китайских династий Яо, Шан-Чжоу и протохуннов, а может быть, даже со времён проникновения с Запада расписной керамики (III тыс. до н. э.), если не раньше.

Правда, часть дравидов до поэтапного или волнообразного переселения на юг Индостанского полуострова жила на севере Средней Азии, где они через посредство носителей кельтеминарской культуры контактировали с одной из групп праурро-финнов [702, с. 40]. Об этом свидетельствуют дравидизмы в угро-финских языках. Но есть также гипотезы, объясняющие общие для этих народов изоглоссы какими-то пока ещё не выясненными ранними связями, куда были вовлечены и дальние предки тюрков [701, с. 99].

Дравидийские языки распадаются на несколько групп, среди которых выделяются, прежде всего, большие языки Южной Индии, которые распадаются на две группы - дравиды и андхра. К группе дравидов относятся языки *тамильский, малаялам и каннада*, обладающие богатой литературой, а также языки других народностей. Группа андхра представлена одним языком - *телегу*. Центральноиндийская группа объединяет бесписьменные языки небольших народностей и племён, разбросанных среди иноязычного населения. Эта группа, в свою очередь, подразделяется на ряд подгрупп. Несколько обособлены *курух* и *мстто*, обнаруживающие сходство со старым каннада. На дравидийском языке говорит и народ *брагуи*, живущий в Пакистане и соседних районах Афганистана.

Сходство и дравидийских, и тюркских языков лингвистами рассматривается как типологическая близость, возникшая независимо друг от друга, так и генетико-контактная общность, уходящая своими корнями в глубокую древность. Попытка сопоставления этих языков в свете гипотезы родства дравидийских и урало-алтайских языковых семей началась с работ видных английских лингвистов XIX в. *Р. Раска*

и *Р. Колдуэлла, К. Г. Геса*. В пользу такого родства далее выступили иностранные ориенталисты *Ч. Шебель, А. М. Мерварт, Т. Барроу, К. Бауда*.

Из отечественных учёных сравнительным изучением интересующих нас языков занимались и занимаются *Ю. Я. Глазов, И. Г. Вернер, М. С. Андронов, К. С.* Первые три из этих исследователей, как и немецкий учёный *Ф. О. Шредер*, хотя и признают существование между дравидийской и уралоалтайской семьёй исторических взаимосвязей, объясняют их не столько их родством, сколько доисторическим соседством и весьма тесными взаимовлияниями [703; 704; 309].

Тюрколог *К.С. Кадыраджнев* же, как и перечисленные в первом списке иностранные лингвисты, **видит в общих изоглоссах и обнаруженных ими в структурно-морфологических параллелях генетическое родство между дравидийской и тюркской семьями языков** [705; 706]. Мы в целом солидарны с позицией и большинством результатов общего характера именно этих учёных.

*

А теперь более конкретно о характере и особенностях дравидийских языков и об их лексикосемантических параллельных и схожих изоглоссах с таковыми в тюркских языках. Общий характер морфологического строя дравидийских языков не противоречит увязке их с эламским и тюркским языками; для них, как и для названных языков, характерна грамматически неизменная основа, как для имени, так и для глагола, а также суффиксальная агглютинация. Кроме того, дравидийским языкам свойственен твёрдый порядок слов в предложении: сказуемое, как и в тюркских, стоит на последнем месте; группа подлежащего - на первом. Но перед ней могут находиться обстоятельства времени и места, определение предшествует определяемому, управляемые члены предложения - управляющим. Звуковой состав дравидийских языков имеет немало общего со звуковым составом эламского и общетюркского языков [707, с. 77-78].

Приведём по отдельности из дравидийских языков наиболее характерные и, на наш взгляд, не вызывающие резких возражений

лексикосемантические схождения с лексиконом древнего и общетюркского языка.

а) **Из тамильского языка**, носители которого с незапамятных времён живут на крайнем юге Индии, в штате Мадрас, и считаются самым древним и наиболее развитым из дравидийских⁵²: *кудиран* - лошадь // *кути* (хунн.) - «то же» ~ *кутур* (др.-тюрк., диалектные варианты) - олень, як ~ *годи* (крым. тат.) - дурная лошадь [62, с. 139; 36, с. 474; 37, с. 66] | *куттам* - стадо > *кутти* - собирать // *кету* (тюрк.) ~ *кету* (чув.) = стадо, сборище | саккимукки *тл* - кремень // *чакма*таI /таw* (др.-тюрк.) ~ *чакма* — кремень, огниво, кресало [36, с. 140, 151] | *тайну*- вода (холодная) // *тан* (чув.) - вода, выступающая из-под льда ~ *таан* (як.) - наплыв воды на льду, наледь ~ *Тец* (др.-тюрк.) - озеро ~ *тециз* (др.-тюрк.) - море [МК, I, 528, с. 36; 552, с. 561] | *ары* - река // *арык* (др.-тюрк.) - ручей, арык [366, с. 52] | *катал*⁵³ - море // *Этил/Етиш* (др.-тюрк.) - название реки | *калам* - сосуд // *ка* (др.-тюрк.) - «то же», посуда ~ (л/б) - *кабан* (др.-тюрк.) - блюдо, посуда ~ *кар/кан* (др.-тюрк.) - сосуд, бурдюк | *йуртта* - дом // *йорт* (др.-тюрк.) - дом ~ *юрта* - переносное жилище | *бадивам* - идол // *пот* (тюрк.) - «то же» | *ур* - село, город // *ор/ур* (др.-тюрк.) - укрепление, место стоянки, крепость [41 (1), с. 470-471].

Производное от корня *ур* * *урда* страна | мужчина, человек // (л —> р) - *эр/ар* (др.-тюрк.) - мужчина, человек ~ *эрат* - мужи, мужчины | *савукку* - кнут, плеть // *чыбыркы / сыбыркы* (общетюрк.) - «то же» | *балам* - крепость // *балик* (др.-тюрк.) - город, крепость | *а нам* - клятва // *ант/анд* (др.-тюрк.) - клятва, присяга | *тамир-ам* - медь (инверсия или изначальная семантика) // *темир* (др.-тюрк.) - железо | *чол* - слово ~ *сол/соллы* говорить // (л/з) - *свз* (др.-тюрк.) - слово - *говорить* (?) - *сав* (др.-тюрк.) - слово | *уч-чи* - вершина // *уч* (др.-тюрк.) - (др.-тюрк.) - вершина, конец | *ан-нам* - небо // *ацкау* (тюрк.) - «то же» | *кал* - нога // > *ба-кал* (общетюрк.) - *бэкзл* (тюрк.: тат.) - щиколотка, лодыжка | *кулан* - кисть // *кол/кул* (др.-тюрк., общетюрк.) - рука | *кел* - слушать // > кулак - ухо | *кел* - просить // *крл* (др.-тюрк.) - просить ~ *келяу/келзу* (тюрк.) - языческое моление | *кали* - приходиться // *кел-* (др.-тюрк.) - «то же» | *улау* - вой // *улау* (тюрк.) - «то же» | *ен/эн* - говорить // *ун/вн* (др.-

тюрк.) - голос, производные - плакать, страдать | *каина* - кипеть // *крина* (др.-тюрк.) - «то же» | *кару* - чёрный // *кара* (др.-тюрк.) - «то же».

Как видим, несмотря на громадную хронологическую и пространственную отдалённость от первоначальной прародины, откуда вышли предки дравидийских и тюркских языковых групп, а также несмотря на отсутствие в дальнейшем близких контактов между их потомками, оба народа удивительным образом сумели сохранить общие и даже сегодня роднящие их праформы. Конечно, среди этих архаических схождений наверняка есть, хотя и немного, инновационные изоглоссы и слова более позднего происхождения, каким-то образом позаимствованные у другого через расстояния. Но не должно быть сомнений в том, что подавляющее большинство из этих архетипов, являющихся по сути неизменяющимися агглютинативными корнями, выдержали испытания, связанные с чрезвычайно длительным расстоянием и временем.

б) **Из каннадского языка**, который также относится к южной группе дравидийской семьи и распространён в южной части Индии ⁵⁴ : *огхаву* - поток, течение ~ *огалу* - течь // *ак* (др.-тюрк.) - течь ~ *акыг* - поток, течение ~ (общетюрк.) - «то же» | *ару* - река // *арык* (др.-тюрк.) - ручей, *арык* \ *талу* - небо // *талай* (др.-тюрк.) - море (не связано ли это тождество с мифологическим воззрением, отождествляющим небо с небесным «морем»?!) | *талу* - небо // (т→ к/х) *калык/халык* (др.-тюрк.) - небо. Ср. *кал* (драв.: тамиль. - камень // **тал* (пратюрк.) - камень [139, с. 72; 145, с. 79] | *пуду* - союз, объединение // *буд* (др.-тюрк.) - племя, род, скопление людей ~ *бодун* - народ | *Ума* - супруга Шивы // *Умай* (др.-тюрк.) - имя богини, считавшейся, по мнению некоторых учёных, супругой бога Неба Тен-гри | *чатту* / *чатыр* - крыша, потолок, навес // *чагыыр* (тюрк.: огуз.) - *шатёр* ~ *чатыр* (общетюрк.) - «то же» | *чака* - кремень // *чака* (др.-тюрк.) - *огниво* ~ *чак*- (др.-тюрк.) - высекать (искру, огонь) | *тару* - дерево // *терок* (др.-тюрк.) - тополь | *джаду* - колдовство // *йадчы* (др.-тюрк.) - заклинатель дождя | *чабаку* - кнут // *чыбырт* (др.-тюрк.) - хлестать ~ *чыбырки* (общетюрк.) - кнут, плеть | *справу* - плуг // *сур* (др.-тюрк.) - тянуть, влачить, пахать | *шура* - герой // *чура* (тюрк.) - батыр, герой | *баба* - отец ~ *дада* - отец: почтенные

обращения соответственно к пожилому человеку и старшему по возрасту мужчине // *баба* (др.-тюрк.) ~ *дедэ* (огуз.) - «то же» | *дангыраву* - барабан // *двнгер/твнгер* (тюрк.) - «то же» | *бала* - детский, юный ~ *баликейу* - ребёнок, дитя // *бала* (др.-тюрк.) - детёныш (животных) ~ *бала* (общетюрк.) - ребёнок, дитя, подросток | *калу* - шест, палка // *кулга* (др.-тюрк.) - шест, жердь | *чакрака* - круглый // *чакара-ву* - колесо | *укиаву* - бык, буйвол // *огуз* (др.-тюрк.) - вол, бык ~ *вк* - животное в возрасте более четырёх лет | *го* - бык // *гуда* (тюрк.: тофалар.) - бык, олень | *кутаву* - собрание, скопление, толпа // *коту* (тюрк.) - стадо, сборище, орава | *чару* - выгон, гнать // (с > ч) — *сур-* (др.-тюрк.) - гнать, выгнать | *така* - шить, пришивать // *тик-* (др.-тюрк.) - шить | *урулу* - вращение, вертеть // *ура-* (тюрк.) - окружать, мотать, накрутить | *мену* - высоко, верх // *мун/мин* (др.-тюрк.) - подниматься, восходить | *кучу* - маленький // *кичиг* (др.-тюрк.) - «то же» | *багу* - изгиб, сгиб ~ *багалу*⁵⁵ - гнуться, сгибаться // *бук-* (др.-тюрк.) - пригибаться, сгибаться, согнуться ~ *бвгелу* (тюрк.) - «то же» | *савйа* - левый // *сол* (др.-тюрк.) - «то же» | *карийа* - чёрный // *кара* (др.-тюрк.) - «то же» | *кайалу* - нагреваться // *каина-* (др.-тюрк.) - кипеть | *кесу* - красный // *кызыл* - красный / *алава* - большой // *алагаем* (тюрк.: тат.) - большущий, огромный | *сакта* - внимательный, сосредоточенный // *сак* (др.-тюрк.) - внимательный, чуткий, осторожный | *дав* - великан // *дев* (тюрк.) - большой, огромный | *челуварайану* - самый красивый (эпитет Кришны) // *чебэр* (др.-тюрк.) - красивый.

в) Из малаяламского языка, распространённого в южной части Малабарского побережья (западный берег Индостанского полуострова в Индии). Область его употребления ограничивается современным штатом Керала, за пределы которого он почти не выходит. Считается наиболее древним ответвлением тамильского языка⁵⁶. Схождения: *кутту* - собирать // *кету* (межтюрк.) - стадо, сборище | *кутира-* лошадь // *кути* (хунн.) ~ *гуди* (клат.) - «то же» [62, с. 139; 36, с. 474; 37, с. 66] | *кал/хал* — камень // **тал* (пратюрк.) ~ *чул* (чув.) - «то же» | *ал/аллу* - человек // (л → р) - *ар* (общетюрк.) - человек ~ *эр/ер* (др.-тюрк.) - «то же» | *кал-ам* - пруд // *кол* (др.-тюрк.) - «то же» | *туруни* - девушка // *теркун* (др.-тюрк.) - родственники жены (В. Радлов, III,

1563) | *kol* - брать // <**кол* (драв., др.-тюрк.) - рука | *кёел/ке!ак-кука* - слушать // *кулак* (др.-тюрк.) - ухо | *ул* - быть // *бол/булл* (др.-тюрк., общетюрк.) - «то же» | *ким/кее* - что, кто // *ким* (др.-тюрк.) - кто | *avan* - он ~ *avar/uear* - они // *аны* (тюрк.) - его ~ увар → *олар/улар/алар* (межтюрк.) - «то же» | *тилла* - ребёнок // (п → б) — *бала* (др.-тюрк.) - «то же» | *мара* - дождь // *йаг-мур* (др.-тюрк.) - «то же» | *киш/кишл* - рука/руки // *кол* (др.-тюрк.) - рука | *таамаса* - тёмный // *туман* (др.-тюрк.) - мрак, туман *варука* - приходиться // (в → б) - *бар-* (др.-тюрк.) - идти, прийти | *киру* - внизу // ?-*коды/козы* (др.-тюрк.) - «то же» | *синту* - сморкаться // *сецгэру* (др.-тюрк.) - сопливый (о детях). Обращают на себя внимание парные лексемы - слова-эхо, схожие, например, с тюркскими удвоенными лексемами: *бала-сула* ребята // *бала-чага* (тюрк.) - ребята, детвора.

Помимо тамильского, последние два вышепрослеженных языка также весьма рельефно и наглядно подтверждают, что дравидийские языки юга Индии представляют из себя подлинный клад, который сохранил и донёс до сегодняшнего дня образцы и каноны раннего словотворчества и множества архаических праформ.

г) Из брауинского языка, расположенного в западном Пакистане, а также отчасти в Афганистане и Иране. При историческом переселении дравидов в Индию предки брауи первыми откололись от общей массы протодравидийских племён, стремившихся на юг и юго-восток, и обосновались севернее всех остальных родичей. Никаких письменных памятников на этом языке нет. Кроме отмеченных выше общих дравидийских корней с пратюркскими, таких как *хал* - камень, *аре* - человек, *ал/алиц* - брат, *ог/огитц* - плач, *ул/улу* выть, *бар* - идти, приходиться, *кад* - яма, *кар* - чёрный, *хисун* - красный, в брауинском языке можно указать ещё на следующие параллельные изоглоссы⁵⁷ :
 **маш/машиц* - голова // (м → б) - *баши* (др.-тюрк.) - «то же» | *кас (ас)* - человек // *киши* (др.-тюрк.) - «то же». Ср. *каси/коси* (картв.: карте., мегр.) - «то же» | *мал* - сын // *лай* (тюрк.) - мальчик, сын | *ура* дом ~ *ур* - деревня // *орду* (др.-тюрк.) - ставка, дворец ~ урам - улица | *чорр* течь, вытекать // (р → л) ~ *чол* (др.-тюрк.) - убывать, иссякать (о воде) | *мон* - передняя часть ~ *му'* - лицо // *мециз/мецгиз* (др.-тюрк.) - лицо, облик ~ *мацлай/мацгай* (тюрк.) - лоб | *мили* - мозг //

мейи (др.-тюрк.) - головной мозг | *'ор* - палец // *бармак/пармак* (общетюрк.) - «то же». Ср. *бр* (др.-тюрк.: малайял.) - один | *бер/бир* (др.-тюрк.) - один | *пат* - нога (п → б) - *бут* - бедро, нога | *даз* - пыль // (д → т) — *тос* (др.-тюрк.) - пыль, *туе* - соль | Далее часть браунинских корней представлена глагольным аффиксом -иц: *агиц* - наливать // *ак* (др.-тюрк.) - течь ~ *акын* - струя ~ *агызу* (тюрк.) - лить, разливать, наливать | *'уриц* - видеть // *квр/квр-у* (др.-тюрк.) - видеть | *то/тониц* - держать // *тут-* (др.-тюрк.) - «то же» | *сагиц* - молотить // *сок-* (др.-тюрк.) - измельчать, толочь | *бисиц* - зреть, созреть // *биш-/быш-* (др.-тюрк.) - «то же» | *бисц* (*бис/бисо*) - печь // *быш-/беш-* (др.-тюрк.) - варить | - класть // *тик-* (др.-тюрк.) - ставить | *йарагу* - происходить // *йарат-* (др.-тюрк.) - создавать, творить | *кад* - яма, рытвина // *кудуг* (др.-тюрк.) - колодец | *кисак* - собака // *кучук / кочек* (тюрк.) - щенок | *чик* - нет // *йок/юк* (др.-тюрк., междтюрк.) - «то же» | *ра* - частица отрицания // *-ра/-ма* - «то же».

Дравидийские языки, как и эламский и тюркский, относятся к языкам агглютинативного строя, в которых лицо, число имён существительных и глаголов, а также изменение имён по падежам происходит путём присоединения к основе суффиксов. А в части дравидийских языков нет различия между женским, мужским и средним родами. Звуковой состав в значительной степени сохраняет первоначальную общность в пределах всей языковой семьи.

И самое главное и поразительное то, что хотя после разрыва предполагаемых генетических связей между ними и пратюрками прошло слишком много времени, в дравидийской среде сохранились праформы, родственные и параллельные с тюркскими корнями. Притом их набирается достаточно много, среди них встречаются глубоко архаичные пракорни с изначальной и вторичной (инновационной) семантикой, а также инварианты субстратного или заимствованного характера, которые берут начало явно с Ближнего Востока - основного ареала этногенеза наших самых дальних предков. К примеру: *Шу/иллу* (телегу) - дом ~ *il/ил* (тамил.) ~ *й'/ил* (каннада) - дом, со временем приобретающий расширенный смысл *эл/ил* (др.-тюрк.) - страна в этой лексической цепи. Или: *кас* (малайялам) - человек // *кто* (арийск.) // *каси/коси* (картв.) - человек // *киши* (др.-

тюрк.) // *gini* (шумер.) // *ими* (америнд.: яна) - «то же» // *шуу* (кавк.: удин.) - человек. Вторая половина этой лексической цепи без начального (неустойчивого «к»!) также, должно быть, восходит к общему ареальному корню.

Разумеется, определённая часть родственного лексического слоя дравидийских праязыков подвергалась и изменениям, трансформации. Кумыкский тюрколог *К. С. Кадыраджиев* в своей докторской диссертации предпринял попытку реконструировать ряд таких альтернативных праформ, предлагая свои варианты исторических видоизменений. Так, изначальные праформы инновационных, современных слов он, вслед за своими предшественниками, видит следующим образом: нар (лето, весна) → йар → йаз | тен (ты) → сен/син *он → ол/ул (ср. он-ы - его, он-дан - оттуда) | *йерге/йирек (ольха, калина)* → зерк | нарук (свет) → йарык (ср. драв, нара - свет, огонь) | аффикс отрицания *сар → сыз (ср. ярсыз - безбрежный) и др. [706].

*

Надо особо подчеркнуть, что **в агглютинативных языках** видоизменения фонетико-морфологической структуры корневых слов, по большому счёту, происходили в определённых рамках, в порядке исторического изменения или замены отдельных звуков, не разрушая при этом конфигурацию и целостность праформ. Благодаря этому большинство корней уцелевших слов, созданных нашими пращурами, как это ни парадоксально, дошли до нас из глубин седой древности почти без изменений или с минимальными видоизменениями. Сопоставительный анализ эламского, дравидийского и тюркского праязыков позволяет заключить, что привлечённые нами многочисленные лексикосемантические схождения не только демонстрируют устойчивость и долговечность архетипов агглютинативного характера, но и, по нашему мнению, подтверждают былые генетико-контактные связи и даже определённое единство этих консолидировавшихся народов на заре их этнической истории, а также, конечно, свидетельствуют о генетической преемственности между ними и современными их потомками.

К лингвистическим аргументам можно было бы добавить весомые реалии и из других областей, скажем, из сферы идеологии.

специфических религиозно-мифологических представлений этноопределяющего характера. Можно, да и очень нужно, в частности, указать на процветание культа змеи-дракона в регионе бытования эламитов и ранних дравидов, начиная с эпохи бронзы. Археологами на территории Иранского плато, включая культуру Анау, Намазга-Тепе, Алтын-Тепе, Гисар, Тепе-Гавры, обнаружено достаточно много изображений змей-драконов на печатях и пластинках, нанесённых резцом. Изображения змей сочетаются как с зоо- и антропоморфными персонажами, так и с птицами [708].

Разумеется, по мнению подавляющего большинства учёных, в этот ранний период на данной территории индоариев не было. *И. М. Дьяконов*, в частности, считает, что племена, родственные по языку эламитами и дравидам, в IV—III тыс. до н. э., а может быть и позже, были распространены по всему Ирану [694, с. 87]. *И. Алиев* также связывает этот регион с неиндоевропейскими каспийско-эламскими и дравидийскими народами [37, с. 135], а из современных учёных *И. К. Нарымбаева* в лице их видит пратюрков [660, с. 306-307].

Как пишет автор монографии «Государство Элам» (М. : Наука, 1977. 198 с.) *В. Хинц*: «Змея прямо-таки лейтмотив эламской культуры. Змеи с человеческими головами свидетельствуют о такой степени обожествления этого пресмыкающегося, в какой оно не встречалось в Двуречье. Как символ защиты от зла мы их видим в затычках для кувшинов и крышках сосудов. Изображения змей дыбились возле ворот, выполняя роль привратников, извивались на тронах, алтарях и блюдах» [698, с. 37-38]. Культ змей засвидетельствован и у дравидийских народов, которые, сохраняя его определённые черты, занесли и в Индию, в том числе в долину Инда [712].

Однако надо оговориться и в связи с подходящим случаем необходимо указать на то, что культ змеи, не считая верований первобытных людей, был характерен также для коренных, автохтонных жителей определённых районов Индии или Индокитая. Подчёркивая эту региональную особенность, *Я. В. Чеснов* отмечает, что **«проблема змеборчества - этот сюжет не характерен для юго-**

восточной Азии и соседних областей в целом... Змееборческий мотив, столь не соответствующий строю жизни у некоторых автохтонных народов, появился под влиянием извне. Это воздействие шло, скорее всего, от индуизма, в котором главным змееборцем выступает бог Индра» [711, с. 189]. Фактически на северо-западе Индии ещё до прихода туда ариев бытовали исторические племена монгольской расы наги. Учёные считают их тибето-бирманскими племенами по языку.

Наги, по арийской традиции, - народ, имеющий змеиную природу, происшедший от змей и могущий превратиться в змей. Вражда и яростные столкновения ариев-завоевателей с этими племенами, которые произошли на первых порах их переселений и экспансии, постепенно сменились взаимным уважением и мирным сосуществованием. Более того, наступил период культурного синтеза, в ходе которого арийские пришельцы восприняли у автохтонного населения и освоили культ змей, называющийся, как и сами почитатели этого культа, нагами [710, с. 39-41].

В индуистской мифологии наги - полубожественные существа со змеиным туловищем и одной или несколькими человеческими головами. Такого рода религиозно-мифологические представления индусов, нашедшие отражение в эпосах «Ма-хабхарата» и «Рамаяна», никак нельзя отождествлять с верованиями ариев, отражёнными в «Ригведе» («Книга гимнов»). Как известно из раздела нашей книги «Скифы и саки...», арийская «Ригведа» пронизана змееборческой идеологией, где глава пантеона богов Индра выступает яростным противником культа змей и убивает змея Вритру, преградившего путь к водным источникам. Даже обожествлённый белый конь Педу в «Ригведе» изображается как яростный убийца змей.

И ещё один чрезвычайно интересный факт из этой священной книги арийцев: племена *dasa/dgṣyu* (дасов/дасью). по мнению большинства учёных, отождествляются там с дравидами, которые «не поклоняются арийским богам» и причисляются к враждебным племенам [64, с. 433, 580].

А в упомянутой книге В. Хинца «Государство Элам» мы обратили внимание, казалось бы, на незначительный факт этнографического характера, который на деле является этноопределяющим фактором.

Мы уже ознакомились на примере хуннов и древних тюрков, а также среднеазиатских саков с традицией почитания и возвеличивания левой стороны, где на теле человека размещено сердце и считавшейся у этих народов мужской стороной. Эту же этносоциальную дилемму мы видим и на рельефном изображении семьи царя Элама, нанесённом на стене раскопанного храма. На этой сцене царь и царица почтительно приветствуют друг друга, в то время как два сына стоят от них слева, а две дочери - справа. «На всём древнем Ближнем Востоке нельзя найти подобную «семейную идиллию» - так отзывается об этом художественном памятнике автор названной книги, правда не выделяя при этом её этнопсихологическое отличие.

Обобщая вышеизложенное, надо подчеркнуть, что эламские и дравидийские племена, будучи неиндоевропейскими народностями, как по языку, так и по религиозно-мифологическим представлениям отличались от индоевропейских ариев и иранцев. Вместе с тем они же именно по этим показателям имели много общего с тюркским миром, что, без всякого сомнения, сближает и роднит их. Ибо их дальние предки на территории Ближнего Востока когда-то с пратюрками жили совместно (да и оба при этом входили в состав ностратической макросемьи) и в силу этого даже после отделения и слишком долгого проживания врозь сумели сохранить былые родственные следы.

12. Этнические связи месопотамских и прикаспийских субаро-суварских племенных групп

Ознакомившись с довольно обширной литературой о древних племенах и народах Евразии, именовавшихся, несмотря на громадный разрыв по времени, одинаковыми или разительно схожими названиями, такими как *субар/савир* или же *сабиры/савиры*, оказываешься в лабиринте со сложными и запутанными разветвлениями. Ибо относительно этнической принадлежности носителей этих этнонимов, а также об их взаимоотношениях или о возможных связях и преемственности между ними существуют диаметрально противоположные суждения и даже разного рода невообразимые предположения.

Так, большинство учёных отождествляют су баров, заселявших ещё в III тыс. до н. э. (быть может, и ранее) территорию Месопотамии, с

рано распространившимися на обширной территории Передней Азии хурритами, тогда как американский востоковед *И Гельб* и вслед за ним советский ориенталист *Играр Алиев* считают их, во всяком случае до смешения или слияния их в единый этнос, разными народами [37, с. 57]. Н. Я. Марр же в своих исследованиях субаров Северной Месопотамии приравнивает к шумерам (сумер//субар) и

преемниками их считает приволжских «суваров-чувашей» [цит. по 713, с. 58]. Версию Н. Я. Марра о приходе субаров/савиров из Передней Азии и о том, что их потомки стали предками чувашского народа принял и по своему трансформировал чувашский учёный В. В. Николаев. В частности, он считает переселившихся с запада савиров потомками индоиранских (?) племён, которые в Центральной Азии находясь длительное время в составе хуннской державы, оторчались [797, с. 293].

Существует также версия чешского востоковеда *Б. го*, смыкающаяся с начальной, первой частью гипотезы Марра, согласно которой чешский учёный наличие в шумерском языке двух диалектов, а в физическом облике шумеров - двух (длинноголовых и короткоголовых) типов объясняет присоединением к раннему шумерскому слою субаров, пришедших с северо-запада - из географического района Субарту [433, с. 38]. По этой версии, страна шумерийцев Сугир именно после этого стала называться Сумер.

Другие учёные (*М И. Артамонов, А. В. А. Я. Фёдоров, Л. Я. Гмыря*), ссылаясь на показания Птолемея (II в. н. э.), который помещает схожих по названию савиров в степях северо-западного Прикаспия, а также опираясь на сведения *Стефана Византийского* (VI в. н. э.), сообщающего, что «сапиры - народ Понтийской области, ныне называемый через «б» - сабирами», связывают их местопребывание с регионом между Азовским и Каспийским морями.

Особый интерес в этой связи представляют взгляды *В. Л. Гукасяна* и *А. В. Гадло*, которые, исходя из письменных сообщений античных, византийских и армянских авторов, утверждают, что предположение о наличии тюркского этноса на побережье Каспийского моря не только до нашествия арабов, но и до миграции гуннов основывается на реальных фактах. Ныне почти нет сомнений в том, что тюрки-савиры

с первых веков нашей эры (возможно, и раньше) обитали вдоль побережья Каспийского моря и около Кавказских гор до Дербента. По мнению этих авторов, наиболее ранними тюрками в пределах Северного Кавказа были именно савиры. По признаку языковой принадлежности они относят их к племенам тюрко-булгарского круга. Готский историк *Иордан* (IV в.) также упоминает савиров среди болгарских племён, кочевавших в степях севернее Понтийского (Чёрного) моря [714, с. 4; 714, с. 53-54; 716, с. 90].

По сведениям древних авторов явствует, что в последующих веках численность савиров увеличилась за счёт прибывших вместе с гуннами в IV в. из Западной Сибири увлечённых переселенческой волной отюрченных угров (**восточный компонент будущих болгар**), последние из которых по ещё не выясненным пока обстоятельствам тоже назывались схожим именем савыр или сыбыр. **В первой половине V в. савиры уже населяли степи между Азовским и Каспийским морями и стали проникать в Албанию (Северный Дагестан), а также через Албанию - даже в Закавказье.**

Более того, сувары Дагестана в VI в. создали своё царство Джирдан (Сувар), столицей которого, по словам современников, был «великолепный Варачан». Именно здесь по инициативе Византии албанским (в хронике - «аранским») епископом Кардостом и тремя его учениками после семилетнего пребывания их в этом царстве была переведена на язык савиров раннехристианская «священная книга» Евангелие [714, с. 6; 89, с. 195]. Какой именно алфавит использован для перевода, неизвестно.

Вслед за немецким востоковедом *77. Гайдн (P. Hajdi) Л. 77. Гумилёв* сабиры (савыров) лесостепной полосы Западной Сибири первоначально причислял к угро-самодейской группе [402, с. 201]. Позже он эту версию дополнил своим видением, согласно которому сабиры (савиры) - это прииртышские динлины. Они, «смешавшись с уграми, составили народ сабир, который в V в. прорвался на Кавказ, там сабиры долго торговали мечом, служа то императору Византии, то шахин-шаху Ирана» [444, с. 324]. Во время похода Атиллы на запад савиры жили на территории Северного Дагестана, в стороне от главного пути движения гуннов, и не приняли участие в их вторжении в Западную Европу.

Однако, по одним источникам, после распада Великой Болгарии в Приазовье и на Западном Кавказе, возглавляемой Курба-том (VII в.), а по другим - после завоевательных походов Арабского халифата в Закавказье и Восточное Предкавказье (VIII в.) сувары оказались на территории будущей Приволжской Булгарии (в скобках добавим, что есть ещё и третья версия *В. Ф. Каховского*, согласно которой часть савиров - отюрченных угров Западной Сибири переселилась в Среднее Поволжье прямо из региона Иртыша) [718, с. 178]. Угорские лексические элементы в составе поволжского болгарского языка, должно быть, объясняются именно этим фактором, а также интенсивным контактированием тюркских племён Среднего Поволжья с соседними и местными угро-финскими племенами.

Хотя чувашаи, на наш взгляд, как этнос формировались на базе восточных угров, испытывавших определённое влияние сибирских и приволжских тюрков, возможно, они, вследствие значительного слияния с суварями-язычниками, восприняли созвучное их имени наименование как собственное самоназвание чуваш. Во всяком случае, ряд учёных склоняются к мнению, что этноним *чувашаи* происходит именно от древнего отюрченного имени *сувар* (>суаз). Однако не забудем и тот интересный факт, что мари́йцы собственно суазами (суас, суасс) называли именно татар, подчёркивая при этом определённую преемственность между ними и носителями древнего этнонима сувар —> суаз. Возможно, это связано с тем, что в Поволжье пришлые татары-булгары вытеснили на северо-восток угороязычных в своей основе чувашей и заняли часть их территории. Как заметил *Р. Х. Ахметзянов*, некоторые учёные пытались вывести этноним *чувашаи* из названия древнего племени чеши (*В. Ф. Каховский*), а также из оронима йуач/жуач - заречье (*Г. В. Юсупов*) [145, с. 127] и, нужно добавить, из названия реки на юге - Чу.

История савир Северного и Западного Прикаспия также связана с начальным этапом истории хазар. Ибо савир на этой территории позднее сменили хазары, которые, очевидно, подчинили часть савир. Именно из-за вхождения последних в хазарское объединение *Масуди* называет хазар «тюркскими савирами» [560, с. 286]. В письме хазарского царя Иосифа (X в.) отражено представление самих хазар о

происхождении этого народа и других племён. В этом письме содержится перечень десяти тюркских племён, имевших родственные корни происхождения, среди которых названо и племя савир [717, с. 102]. Необходимо также заметить, что имя или этноним савиры в форме *сауары* до сих пор употребляются по отношению к карачайцам и балкарцам их соседи сваны.

Автор книги «Древнее население Дагестана» (М., 1975) *Е. И. Крупнов* справедливо считает, что тюркоязычные племена гуннской федерации (в составе которой в силу исторических обстоятельств оказались и ранние, догуннские савиры Кавказа. - *М. Б.*) сыграли определённую роль в этногенезе современных тюркоязычных народов Северного Кавказа: кумыков, балкарцев, карачайцев. Появившиеся вслед за хазарами болгары и прииртышские савиры также имели отношение к происхождению кавказских тюрков.

И тюркский язык народов горного Дагестана, который до революции в инородных кругах принято было называть обобщающим термином «татарский», в своё время даже стал межнациональным языком для всего Кавказа. Об этом красноречиво свидетельствуют слова великого русского поэта *Ю. Лермонтова*, который в 1837 г. писал, что он на Кавказе «начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии необходим, как французский в Европе» [*Лермонтов Ю.* Собрание сочинений. Т. IV. - М., 1965. - С. 411-412].

Очевидно, в силу того, что пресловутая версия Н. Я. Марра ставящая знак равенства между месопотамскими субарами и сумерами 1 шумерами! Передней Азии, а также связывающая последних едва ли не напрямую с современными чувашами, неоднократно подвергалась специалистами резкой критике. В наше время, за исключением *Геннадия Егорова*, написавшего тенденциозный опус явно чувашецентрического характера, где утверждается, что «жизнь и путь шумеров - это жизнь и путь чувашского народа. Шумерский язык - это чувашский язык» [719, с. 25], эту гипотезу никто не возобновил и не повторил. Правда, была ещё одна работа *И. Султанова* башкироцентрического характера, который выдвигал идею о языковом родстве древних башкир с шумерами и о возможности понять шумерские клинописи «только с

позиции башкирского языка, сохранивший до сегодняшнего дня смысл этих значений» [цит. по 799; №9, с. 113-114; №10, с. 109, 114-116].

В отличие от этих горе-авторов татарский языковед-компаративист *М. З. Закаев*, наоборот, в своих исследованиях *сுவаров* и *сумеров* (*шумеров*) рассматривает как отдельные народности и полагает, что первые из них, будучи по языку пратюрками, оказывали интенсивное влияние на тюркизапию шумеров [42, с. 89].

А в начале шестидесятых годов минувшего века в капитальной монографии «История Мидии» (Баку, 1960) тему об этнической принадлежности месопотамских субаров затронул и по-своему интерпретировал известный азербайджанский востоковед *Играр Алиев*. Он в своём труде ссылается на работу американского востоковеда *И. Гельба* (*J. Gelb. Hurrians and Subarians. Chicago, 1944*), который, в отличие от общепринятой точки зрения о тождестве хурритов и субаров, предпринял попытку рассмотреть носителей этих этнических названий как отдельные этносы. «До работ И. Гельба, - пишет И. Алиев, - никто не сомневался в тождестве хурритов и субаров. И смотря на то, что положения Гельба, пытавшегося доказать различие хурритов и субаров, вызвали возражения, в частности, со стороны Шпейзе-ра, но тем не менее даже и этот последний не мог в противовес своим прежним построениям не различать «субарский» и «хурритский» элементы, первый из которых он считает собственно месопотамским, а второй - периферическим» [37, с. 57].

И. Гельб, настаивавший на различии хурритов и субарийцев, считает, что автохтонные в Северной Месопотамии субары были родственны племенам Загра - эламитами, касситам, луллубеям и другим - и что среди собственно субаров наличествуют нехурритские имена. В самом деле, часть исследованных упомянутым учёным имён, известных как субарские, в действительности оказывались нехурритскими. Это обстоятельство является плавным аргументом И. Гельба. И, по мнению американского учёного *Е. А.*, занимавшегося изучением хурритского языка, хурриты и субары первоначально представляли собой различные группы, имевшие разные культуры: у первых - верхнемесопотамская, у вторых - периферийная по отношению к первой [720, с. 49; 37, с. 57].

Сторонником тезиса о монолитности и автохтонности субарского этноса был также такой авторитет, как немецкий ориенталист *А. Унгнад*. Он считал субарийцев, упоминаемых в *ассирийских текстах*, древнейшим населением и этническим субстратом Передней Азии, хурриты же являлись лишь верхушкой субарского народа, проживавшего на очень обширной территории [там же, с. 37]. Хурриты, по его мнению, наслоились на

субаров в середине II тыс. до н. э., и они совместно обосновали крупное государство - **Митанни** [37, с. 57-58].

В связи с этим необходимо выделить тот примечательный факт, что ряд учёных по примеру *Гельба*, *Иенсена* и *Унгнада* раньше митаннский язык почти везде называли субарским, поскольку содержащиеся в силлабариях митаннийские слова везде именовались как субарийские [729, с. 185].

И. Алиев между названными авторами и их идейными противниками выбрал так называемую золотую середину и, признав существование между субарами и хурритами «некоторых отличий», заключил, что, «возможно, собственно хурриты выступают по отношению к субарам - более архаическому слою - как сравнительно новый, но связанный с ним компонент, этнический элемент» [37, с. 57-58].

Далее этот учёный хуррито-субарскую группу связывает генетическими узами с довольно распространённой в древности в Передней Азии племенной группой *маров*. Часть из них жила в районе между Ванским и Урмийским озёрами. Вместе с тем этнический термин *mar* (мар) задействован также и в топонимике Армянского нагорья (Ван-Урмитский район). О марах, связанных с хуррито-субарами, повествует армянский историк *Моисей Хоренский*, который, в частности, пишет о вишапудзунках - «*змеерождённых*» (от слова «вишап» - змея, дракон), *потомках АждаИака*, т. е. о тех же марах, живших в Армянском нагорье (М. Хоренский, I, 30) [37, с. 70].

И. М. Дьяконов же относительно взаимоотношений интересующих нас этнонимов заявил, что в источниках II и начала I тыс. до н. э. термин «шубарийцы» употреблялся как синоним хурритов. Однако при этом он сделал оговорку, что «остаётся неясным, являлся ли термин «шубарийцы» (субарийцы) с самого начала просто другим названием хурритов, или же он первоначально относился к дохурритскому населению, либо применялся к жителям данной области (т. е. области по-шумерски *Су-бир*, а по-аккадски - *Субарту* или *Шубарту*. -М. Б.) безотносительно к их языковой принадлежности [27, с. 14].

Крупный специалист по истории Ближнего Востока" . А. Меликишвили полагает, что «происхождение термина «Субар(ту)» не совсем ясно. Что касается его значения, то в древнейшую эпоху, в III тыс. до н. э. это, скорее всего, географическое название, обозначающее «север». И вот обращает на себя внимание тот факт, что в эту древнюю эпоху в связи с «субарту» то и дело выступают хурритские (субарские) элементы. В текстах III династии Ура (2118-2007 гг.) упоминаются люди из Субарты, субарийцы, имена которых явно хурритские. Так обстоит дело с преобладающей частью имён, носители которых в текстах определены как субарийцы, как люди из Субарту. Но, по-видимому, часть имён этих «субарийцев» не являются хурритскими и скорее принадлежат к загро-эламской языковой среде» [95, с. 100].

Эту пространную выдержку из книги «Наири Урарту» (Тбилиси, 1954. - 446 с.) Меликишвили мы привели потому, что в ней отражается двойственность, противоречивость вопроса о суvaraх, в частности нерешённость их этимологии, очевидно, именно этим обстоятельством обусловлен эклектический характер подхода к нему.

По поводу этимологии термина Субарту мы уже высказали свою точку зрения, возведя его без всякой натяжки к двусложному слову *Sub-artu* афразийско-палеотюркского происхождения со значением «*межд*», что соответствует греческому варианту названия почти той же, но более обширной территории между реками Тигр и Евфрат и с тем же значением - *Mesopotamiya* (см. словарно-семантическую статью № 148). А значение шумерского эквивалента вышеназванного топонима Subartu, предложенное И. М. Дьяконовым как «*Степь Су*» (*Бг*- по-шумерски «*степь*»), мы считаем приемлемым, поскольку ядром этой страны была именно степь, или иначе долина между двумя реками.

Другая попытка расшифровать этимологию термина связана с именем Р. Блейхитейнера, который, чтобы выделить из этого слова корень (?) «*вар*», якобы созвучный с именем древнего грузинского племени -*meg* < *i-ber*, первую часть названного топонима «*су*» (*su-bar*) рассматривает как префикс (?) с нейтральным значением «*это*» =

> «это (племя) бар». Мы считаем такую версию ниже всякой критики [721, с. 186-189].

Предпринимались попытки связать происхождение топонима Субарту, а также название этнонима субаратов или субариев с именем древней страны в Месопотамии - Су. Название *hlsu/lusuki*, *Lu/su-a/tusu-ai* было известно в этом регионе с III тыс. до н. э. Су некоторые учёные отождествляли с шумерскими и ассирийскими названиями Северной Месопотамии - *Субир* и *Субарту*, считая его сокращённой передачей этих эквивалентных топонимов. Однако в древнейших источниках имелось также выражение «*страна людей су*», что указывает и на этнический характер названия су. В текстах III династии Ура, шумерских литературных текстах старовавилонской копии su является, как полагают, обозначением восточных и северо-восточных этнических групп, обитавших в горах Загроса. В ассирийских надписях второй половины II тыс. до н. э. субареи порой перечисляются рядом с кутиями и луллубеями, что указывает, по мнению *Ю. Б. Юсифова*, на смешанный этноязыковой характер населения страны Су. Эта страна и население её - «люди су» включали в свой состав прежде всего субариев [24, с. 32].

Немецкий востоковед *В. Хинц* же считает, что племя su, участвовавшее в разрушении III династии Ура (2005 г. до н. э.), вероятно, жило на широкой территории вплоть до зоны озера Урмия, ибо в начале I тыс. до н. э. здесь засвидетельствовано племя *su-bi*, название которого оформлено суффиксом *-bi*. Возможно, su, subarp, subi являются родственными племенами, этнически близкими к эламитам, считает этот учёный [698, с. 17].

Не с этими ли обстоятельствами связаны попытки *И. Гельба* и *А. Унгнада* отличать ранних субаров или субарийцев от хурритов, которые присоединились к ним, по их мнению, после их массовой миграции в Северную Месопотамию с юга?!

Разумеется, ещё до обоснования «великого царства» Митанни на Ближнем Востоке субарами и хурритами, как полагает и всячески старается доказать на материале ономастики *Г. А. Ме-ликишвили*, в Северной Месопотамии был и хурритский элемент. Они, по

признанию названного учёного, были известны под именем субарийцев [95]. Но может ли наличие среди них предполагаемых хурритских имён служить веским основанием для того, чтобы считать субаров или субарийцев по этносу изначальноными хурритами, отрицая при этом наличие в составе их языка нехурритских, принадлежащих загро-эламским племенам имён?! К тому же в документах, обнаруженных в области Кер-кука в Северной Месопотамии, хурритские элементы не встречаются вплоть до начала II тыс.

Указывалось также на отсутствие собственно хурритских имён и в Каппадокийских табличках, т. е. в документах древнеассирийских колоний [37, с. 57]. Однако Г. А. Меликишвили отмечает, что он и в Каппадокийских табличках обнаружил, «по всей вероятности, хурритские имена (это, по крайней мере, ясно по отношению к имени *Кики / Kikia (Кикиа)у*» [95, с. 102; 729, с. 199]. Но тот факт, что это имя «явно не семитское и не индоевропейское», не означает ещё, что оно было однозначно хурритским. Во всяком случае, насколько нам известно, такое имя в форме *Кики* носил представитель другого неиндоевропейского народа - древнеуйгурский поэт из Турфанского оазиса Центральной Азии [722, с. 244, 246; 307, с. 361].

О первоначальном разделении ранних субариев и хурритов мы говорили не потому, что пытаемся отрицать их возможное изначальное или, скорее, приобретённое контактногенетическое родство, сложившееся благодаря их долгому совместному проживанию в пределах единого географического пространства и объединению в общий языковой союз. Но при этом отнюдь нельзя исключить близость самых ранних субариев или субарийцев к носителям загро-эламских языков, которые в своём лексиконе, как правомерно полагали отдельные учёные, имели изоглоссы упомянутых языков и которых, в свою очередь, мы сближаем с пратюрками. Вот почему мы солидарны с лингвистическими наблюдениями кумыкского тюрколога-языковеда *К. С. Кадыраджиева*, направленными на выявление точек соприкосновения древнетюркского и общетюркского языка с субаро-хурритской языковой общностью [728, с. 46].

*

Филолог-фольклорист и этнограф *Л. С. Толстова* вслед за историком-востоковедом *С. 77. Толстовым*, а также за своими

предшественниками по теме Э. Новатиным и А. Л. Соколовым, изучив обширную литературу этноисторического характера и используя исторический фольклор, связанный с генеалогическими преданиями, создала востребованные труды о контактногенетических связях доиранского и последующего населения Южного Приаралья и Арало-Каспийского региона - предков каракалпаков и узбеков - с древними племенами Переднеазиатского Востока. Её исследования в известной степени под-

тверждают высказанное в своё время С. П. Толстовым мнение о проникновении в этот регион носителей так называемых загро-эламских и субарийских языков.

Особый интерес для нашей темы представляет присутствие в составе узбеков и каракалпаков так называемых *мюйтенских (mijten)* и *митанских (mitan)* племён, которых автор возводит к прослеженной нами выше субарийско-митаннийской племенной конфедерации в Северной Месопотамии [723, с. 246-247; 724].

Участие в составе населения Приаралья, Хорезмского оазиса компонентов западного происхождения в эпоху бронзы подтверждается и антропологическими материалами, представленными здесь протоевропейским физическим типом, а также древнейшими формами средиземноморского типа, которые были характерны в эту эпоху в основном для жителей Передней Азии. Эти территории входили, таким образом, в область распространения восточносредиземноморского типа, которая, кстати, смыкалась также с соседними территориями Казахстана и Туркмении. Поэтому примесь названного типа, кроме узбеков и каракалпаков, обнаруживается ещё и у казахов и туркмен [724, с. 59; 391; 297]. Эти антропологические особенности весьма ярко свидетельствуют о направленности древних этнических связей у предков этих народов.

Кто-то, естественно, может и возразить: это же, мол, регион соседней с Передней Азией Средней Азии, а не Дальний Восток и не Центральная Азия. Однако в предыдущих разделах мы уже ознакомились с многочисленными фактами и аргументами, подтверждающими языковые, культурные и физические (антропологические) связи народов средних и центральных регионов Азии с народами древнего Ближнего Востока. Такие связи, должно

быть, коснулись также предков *угров* и *динлинов*, и, по предположению учёных, определённая группа из них, смешавшись с тюрками, образовала знакомых нам сабиров / сабыров.

Но как установила своими исследованиями *Г. И. Пелих*, отдалённые предки *селькупов*, относящиеся к самодийской группе угров, сохранили у себя веские элементы духовной и материальной культуры, восходящие к культуре определённых регионов Передней Азии. Исследователь эти элементы, давно исчезнувшие в других местах, объясняет замедленностью развития селькупов, изолированностью существования в глухой нарым-ской земле, порождённой оттеснением их туда, в северный таёжно-болотистый край. Вместе с тем *Г. И. Пелих* связывает параллельные с Передней Азией элементы культуры с версией о южном (среднеазиатском) происхождении предков (или части предков) современных угров, в том числе селькупов [425, с. 159-175]. Как мы уже писали, считается, что *С. А. Старостин* было установлено также отдалённое родство енисейских и сино-тибетских языков с северокавказскими языками.

В. И. Васильев, в свою очередь, обращает внимание на дравидийские параллели названий угро-финских, в том числе и самодийских групп орудий рыбной ловли, свидетельствующих о древних контактах между угро-финскими и дравидийскими языками, которые могли существовать лишь в области Приаралья и Зауралья [726].

В связи с вышеприведёнными фактами надо заметить, что такие культурные и языковые параллели не противоречат ностратический теории, которая размещает урало-алтаев в восточной части ностратических народов, включая и Среднюю Азию.

*

Поскольку мы предполагаем генетико-контактное родство месопотамских сабиров/сабирийцев с прототюрками или признаём их как один из исходных этнических компонентов самых ранних тюрков, то нас больше всего должны интересовать языковые параллели между ними, которые могли бы подтвердить эту версию.

Начнём с того, что в вавилонских и митаннийских диалектах хурритского языка, по существу в остатках субарского наречия, в

отличие от других диалектов, отрицание выражается частицей *-ma* (*-ma*), *-wa* (*//ba*), что соответствует общетюркскому отрицанию. А в других диалектах хурритского языка отрицание материализуется частицами *-k(ə)*, *-kk*, *-a* (*z*), *-a(s)* [427, с. 40-41]. Вместе с тем субаро-хурритская лексема *asti/asta* - женщина, жена, по всей вероятности, получила продолжение и сохранилась в слегка изменённых вариантах у тюрков: ш (др.-тюрк.) ~ ш (др.-уйг.) - женщина, дама, супруга ~ *asi* (як.) - жена и даже засвидетельствована у америндов майя: *is* - женщина, супруга, госпожа [36, С. 214; 241, С. 12-14; 46, С. 200-203].

Приведём субаро-хурритские⁵⁸ и древнетюркские лексикосемантические схождения из различных областей, по возможности систематизируя их.

Культовый и сакральный мир: *ene* (СХ) - бог (шумер. - «ш» - небо, бог неба ~ удмурт, «ш» - небо ~ коми «эн/ену» - бог, небо) // *ug-an* (др.-тюрк.) - всемогущий бог, (тюрк.: гагауз.) - небо, бог ~ *кок-ан* - радуга ~ *ан-ган* (тувин.) - высота, верх | *Куар* (кавк. сувары) - бог молнии и грома // *кавар* (чув.) - огонь. | В суваро-хурритском пантеоне были также боги, внедрённые из пантеона шумеро-аккадских богов. В частности, в хурритский религиозный культ были включены вавилонская супруга бога Солнца - *Айя* (др.-тюрк. Ай - луна), шумерский бог подземных вод *Эйя* [730, с. 94-95]. Не к этому ли созвучному эпониму восходит у тюрков эпитет бога *ija* - хозяин, господин и общее название божеств низшей мифологии у тюрков *ija/iga* - хозяин, дух, божество [36, с. 204-205]? ~ *Tar-ku* (СХ) - бог плодородия растительности (этрус. *Tar-qan* - тотемное слово и собственные имена *Tarckon*, *Tagco*, связанные с богом. - Н. Я. Марр. Избр. труды, т. IV, с. 156 ~ хатт. *Tagu* - бог грозы) // *tarxan* (др.-тюрк.) - титул верховного правителя [МК, I, 436]. Ш. В. Габескири оспаривает индоевропейское происхождение анатолийского названия бога грозы **tarhant* > *tarh* - побеждать [800]. Ср. др.-тюрк. *turk* в мягком варианте - сильный, могучий, восходящее к тому же древнему корню.

Ландшафт: *sak-/tu* (СХ) - гора [34, с. 139] ~ (*с/з*) *Заг-рос* (назв. горы в Передней Азии) // - (*с/з/т*) - *таг* (др.-тюрк.) - гора | *se/sejY* (СХ) - вода,

река // *sub/suy* (др.-тюрк.) - вода *pala* (СХ) - канал // *bulaq* (др.-тюрк.) - источник (СХ) -

земля, пахотное поле // *qira* (др.-тюрк.) - пашня, поле ~ *кыр* (др.-тюрк.) - плоскогорье | *tab* (СХ) - дерево // *tal* (др.-тюрк.) - ива ~ (л/р) - *terak* (др.-тюрк.) - тополь | *kirikiri* (СХ) - шишка сосны // *kiirka/куркз* (тюрк.: тат.) - шишка.

Человек и родственные отношения: *atta/attaj* (СХ) - отец ~ *amma* - мать // *ata* (др.-тюрк.) - отец ~ *ama* (алт. языки) - мать, самка *arss* (СХ) - юноша, дети // (др.-тюрк.) - сын, мальчик (ср. кавк.: дарг. *ursi* - «то же») | *isa/iste* (СХ) - я ~ *ase* (урарт.) - мужчина ~ *isii* (кавк.: удин.) - человек ~ ш (америнд.: яна) - человек // *kisi / киши* (др.-тюрк.)⁵⁹ - человек ~ *is /es* (др.-тюрк.) - друг, приятель (см. более цельную картину родственных лексем, связанных с корнем-праформой в сравнительном словаре № 83).

Органы человеческого тела: *zruk-iyu* (СХ) - сердце [76, с. 137] ~ *jerk'wi* (СХ) - сердце [32, с. 137] // *jiirak* (др.-тюрк.) - сердце | *karsd* (СХ) - живот [128, с. 72] // *qurugsak* (др.-тюрк.) ~ *qursaq* (др.-уйг.) - «то же» | *a-ja* (СХ) - лицо, перед // *ji'tz* (др.-тюрк.) - лицо, лик. Согласно версии тюркологов *Лугети* и *В. Банга*, форма множественного и парного числа выражалась у тюрков и через «д»: *juz* (лицо, две щеки). Ср.: *qiiz* - глаз (два глаза).

Животные: *taya* (СХ) - самец // *teka* (др.-тюрк.) - козёл | *esa* (СХ) - лошадь [88, с. 170] // *esak* (др.-тюрк.) - осёл. Первоначально в Переднеазиатском Востоке у отдельных народов осёл и лошадь назывались одними и теми же словами или близкими, родственными корнями.

Глаголы: *pal/nal* (СХ) - знать // *Ыл-/бин-* (др.-тюрк.) - знать | *asx* (СХ) - поднимать // *аш-*у (тюрк.) - восходить (к небу), возноситься | *u/oll* (СХ) - погибать // *дI/ол* (др.-тюрк.) - умирать | *xill* (СХ) - говорить // -(х-к) - *kela-cii* (тюрк.: огуз.) - речь, рассказ | *ti/j* (урарт.) - сказать < *tiwe* (СХ) - слово // *te-* (др.-тюрк.) - говорить, сказать | *k'ew* (СХ) - класть // *qoj-/qod-* (др.-тюрк.) - «то же» | *or* (СХ) - работать / *ырат* (др.-тюрк.) - стараться / *(pug* (СХ) - смотреть, видеть // *кдг-/кор-* (др.-тюрк.) - «то же».

Прилагательные: *gaz-uli* (урарт., хурр.)⁶⁰ - красивый // (тюрк.: тур., тат.) - красивый, прекрасный | (СХ) - серый, коричневый (ср. языки Воет. Кавказа: *bure/bero* - «то же» // -? - > *huri* (др.-тюрк.) - волк ~ *Бдгг* (тюрк.) - почка | (СХ) - чистый // -1—*silik* (др.-тюрк.) - чистый | *ashu* (СХ) - высокий // *ашу* (др.-тюрк.) - восхождение, вознесение (в небеса) | *al-a-wc* (СХ) - великий // *ulu/олы* (др.-тюрк.) - великий, большой.

Прочие слова: *sawb* (СХ) - здоровье, процветание // *сау-лык* (тюрк, инновация?) - здоровье | *suri* (СХ) - войско ~ *suils* (СХ) - вооружённое племя // *cerig* (др.-тюрк.) - войско | *хиггэ*⁶¹ (СХ) - утро, восток // *erta* (др.-тюрк.) - утро, восток, рано | *zitta* (СХ) - семь // *jeti/jetti /jitty* (др.-тюрк., общетюрк.) - семь.

Ономастика. В каппадокийских клинописных надписях засвидетельствовано достаточное количество собственных имён, на наш взгляд, неиндоевропейского характера. Это, кроме вышеприведенного *Kiki*, следующие имена: *Akليا, Tabia, Qazulia, Balkazia, Kuzia, Tamuria, Zuania, Kidak, Tarqumu, Maqusi, Hamadasi* [729], *Dada, Tarku* [731].

Изучивший имена субариев Месопотамии *Р. Блейхштейнер* предлагает своеобразную версию, которую, на наш взгляд, можно связать с древнетюркскими лексическими архетипами. В частности, он обращает внимание на женские сложные имена, которые заканчиваются на формант *-qepa*. По мнению автора, суваро-митаннийский формант *-qepa* образован из элементов цельного (в отдельных языках) или стяжного (т. е. без конечного «z») корня *qe/gi* (*кы*) - девушка, дочь (ср. др.-тюрк. *qiz* - «то же») и из такого же типа корня второй половины форманта *-pa/-Ba* (*ба*) - дитя (ср. др.-тюрк. *bala* - «то же»), которые совместно означают аффиксообразную идеограмму со значением «женский пол». Такое окончание иногда даже в сокращённой форме присоединялось к женским именам. Например, *Tatum-qepa, Gila-qepa, Parda-qi/qe* [729, с. 192-193].

В словарной же статье № 403 мы сами выдвинули и отстаиваем незасвидетельствованную до этого версию, в которой архидревний формант *at/ata*, присоединяющийся к теонимам, антропонимам и т. д., мы объясняли как поясняющую идеограмму со значением «имя», «по

имени», «имя его (её)». Отсюда, по нашей интерпретации, двучастные имена царей Верхней Месопотамии воспринимались именно с такими сопровождающими значениями: *Antar-atli* (-Н - аффикс принадлежности) = царь по имени Антар и *Antar-ati* = имя его Антар. Вместе с тем формант *at/atli // атл-/атль*, использовавшийся в лексиконе американских индейцев, мы рассматривали как архидревнюю идеограмму с тем же значением и функцией (*том-атль* - томат, *чополатль* - шоколад, *Ицкоатль*, *Ашайакатль* - цари ацтеков и имя главного бога в двух вариантах *Кацальатль / Ка-цальатли* у того же народа) [276, с. 98, 106]. Для получения более полной информации смотрите названную словарную статью.

В высшей степени интересно и примечательно то, что точно такой же формант, связывающий Старый и Новый Свет, оказывается сохранился - не чудо ли?! - у тех же субаров-хурритов. первые из которых считаются большинством специалистов самым древним народом на Ближнем Востоке. Мы имеем в виду, прежде всего, ономастический материал из Гасура (северо-восточнее Тигра), который, «быть может, связан и с языками народов, обитавших в горах Загроса, таких, как кутей и луллубеи и другие» [730, с. 31-32]. Именно в составе этого материала содержатся название города *Субар* и имя царя страны Симурум - *Путтим-аталь*. На развалинах царства Аккада возникло первое известное востоковедам хурритское государство Уркеш, к именам царей которого также добавлялась идеограмма «*аталь*»: *Аталь-Шен*, *Киклип-аталь*, *Тиш-аталь*. А имя правителя города Субара *Тахши.-ат(ы)ли* содержит в своём составе, как видим, другой вариант - «*атлт* (/по имени) с аффиксом принадлежности «-и» того же общего однородного корня « » [там же, с. 32-35].

Чрезвычайно любопытно и показательно ещё и то обстоятельство, что месопотамская праформа, активно бытовавшая в седой древности у субаров-хурритов и, скорее всего, заимствованная у них аккадцами (- слово, название), после выделения пратюрков из ареального союза и их миграции на восточные территории Евразии продолжала выполнять номинативную функцию, сохраняя и выражая заложенное в ней ещё на Западе изначальное основное значение.

Относительно этноопределяющих религиозно-мифологических верований субаров/субариев следует сказать, что в случае их причастности к загро-эламской языковой группе они фактически оказываются в составе древнейших народов средиземноморской расы, неиндоевропейские автохтонные группы из которых почитали змей и поклонялись змеиным божествам. И это, по всей вероятности, так и было. Как установил по древнейшим источникам И. Алиев, области будущей Мидии - нагорного Загра и Северной Месопотамии - были заселены автохтонными племенами. Авестийские мотивы пестрят упоминаниями о борьбе пришлых иранцев со змеями или, точнее, со змееобразными чудовищами. В данном случае под змеями понимается символизированный этноним местного населения, ибо змей был тотемом автохтонных племён. Память об этих племенах змеепоклонников сохранили нам по прошествии многих сотен лет персы, резко отгораживавшие себя от этих местных племён [37, с. 84-85].

Кстати, позднее савирм/£МШМл отмеченные в византийских и армянских источниках как наиболее ранние тюрки на побережье Каспийского моря и Северного Кавказа, проживавшие там ещё до миграции гуннов, тоже были змеепочитателями. В частности, из сообщения в «Истории аванк» *Мовсеса Каланкатуйского* явствует, что савиры/субары Северного Кавказа носили на шее золотые, серебряные амулеты с изображением крылатого змея-дракона [291, с. 127].

В этот религиозно-мифологический контекст удачно вписываются отмеченные до этого концепция и наблюдения *С. 77. Толстова*, свидетельствующие о распространении в III тыс. до н. э. между Каспийским и Аральским морями субарийско-каспийских языков, а также взгляды, настаивавшего даже на проникновении хурритов вплоть до Индии (это мнение разделял также академик *В. В. Струве*), которые могли занести туда культ змеи. Следует особо подчеркнуть, что название *субар/савир*, впервые зафиксированное в источниках древней Передней Азии, рядом исследователей отождествляется с позднейшими этнонимами *савир/сабир*. Как полагает историк-востоковед Ю. Б. Юсифов, древний переднеазиатский этноним *su-u/suw/sum*, оформленный различными суффиксами, в частности *-би* - формантом множественного числа, в своём северном передвижении, вероятно,

дошёл до Закавказья и до Дагестана на Северном Кавказе [24, с. 32-34].

В конце прошлого столетия в ориенталистике как итог многолетних изысканий появилась **новая теория**, авторы которой (*И. М. Дьяконов* и *С. А. Старостин*) громкопласно заявили, что им «удалось показать близкое родство хуррито-урартских и восточнокавказских (лезгинско-даргинская, лакская, аваро-андцезская, нахская ветви. - *М.Б.*) языков. Можно даже говорить о том, что хуррито-урартская группа является одной из ветвей восточнокавказских языков» [88]. И действительно, на основе своих исследований они выделили хуррито-урартскую группу как пятую ветвь восточнокавказской семьи языков.

Мы внимательно ознакомились с исследованиями этих многоуважаемых учёных и пришли к выводу о том, что общетюркские схождения с хуррито-урартскими словами или праформами **гораздо ближе и убедительнее**, чем альтернативные параллели с теми же корнями из восточнокавказских языков. Для наглядности и наибольшей убедительности сказанного, очевидно, можно и даже необходимо сопоставлять уже знакомые нам субаро-хурритские (а отчасти урартские) и тюркские схождения с соответствующими им восточнокавказскими параллелями, предложенными этими учёными. К ним нужно добавить и новые изоглоссы из сравнительного словаря, составленного ими же.

Сопоставительные примеры с тремя звеньями таковы: *aṣti* (хурр.) - женщина, жена // *isi* (др.-тюрк.) - женщина ~ ш (уйг.) - женщина, супруга ~ *asi* (як.) - жена ВК⁶² - (чеч.) - женщина, жена ~ *cade* (дарг. диал.) - самка, *ste* (чеч.), *se* (инг.) - «то же» || *gazuli* (урарт.) - красивый // *gtizal* (осм., ктат., тат.) - красивый, хороший ВК - *raz-en* (бацб.) - хороший ~ *xaza* (чеч.) - «то же» || *pal* (хурр.) ~ *pal* (урарт.) - знать // *bil / bel* (др.-тюрк., общетюрк.) - знать ВК *max-ize* (ав.) - учить(ся), *max* - учёные ~ *max-sa* (лак.) - ручной || *sawle* (хурр.) - здоровье, процветание // *caулык* (тюрк.) - здоровье *aga* (дарг.) - (диал. *Zara*) - здоровый ~ *c 'ullu* ~ здоровый, целый ~ (ав.) - целиком, все || *sija* (хурр.) - вода, река // *sub/suw/suy* (др.-тюрк.) - вода ^ ВК - *'jad* (лезг.) вода ~ *xan* (цах., арч.), *xad* (рут.), *xin* (ав.), *sin* (дарг.) - вода ||

u/oll (хурр.) - погибать // *ɔl* (др.-тюрк.) - умирать ВК - *tukw az* (лезг.) ~ *urgja-s* (рут.), *kur* (крыз.) - зарезать ~ *к%-аг*
итка (ахв.) - убивать || *taws* (хурр.) - дно // *tup* (др.-тюрк.) - дно, низ ВК - *гос* - дно, *amus* ~ *rosi* (кар.) - дно, зад ~ *los* (инх.) - фундамент || *alg-a/al-ga* (урарт.) - горный хребет, граница // *al/ ag* (др.-тюрк.) - гора ~ *ar-t* (др.-тюрк.) - нагорье, гора, горный перевал ВК - *urqi* (дарг.) - горы (ав.) - межа, граница ||
аџх (хурр.) - поднимать, *asx-u/o* (хурр.) - высокий, верхний // *asu* (тюрк.) - восходить, подниматься, возноситься ВК - *hec* (чам.) - высокий ~ *hec'-ala* (чам.) поднимать ~ *herc'ob* (кар.)- высокий ~ *hec-or-uka* (арх.)- поднимать || *kew/gew* (хурр.) - класть // *qoj/god* (др.-тюрк.) - класть ВК - *ik-as* (аг.) - «то же» ~ *l-ici'-n* (лак.) - класть, устанавливать ~ *-екм-ала* (чам.) - класть || *xill* (хурр.) - говорить // *kel-acii* (др.-тюрк.) - речь, рассказ ~ *kilay* (тюрк.) - молитва ВК - *гка* (гунз.) - звать ~ *eka* (цез.) - говорить ~ *hik'ixa* (тинд.) - «то же» ~ *ax* (бацб.), *al* (чуч.) - говорить || *(pu* (хурр.) - смотреть, видеть // *кдг/киг* (др.-тюрк., общетюрк.) - «то же» ВК - *her* (дарг.) ~ *b* (чеч.) - взгляд.

Такого рода примеры можно было бы приводить и дальше. Сопоставляя альтернативные словесные параллели из тюркских и восточнокавказских языков с исходными праформами хуррито-урартов (retr. суваро-хуррито-урартов), читатель легко может распознать, что **тюркские корни и лексемы несоизмеримо ближе им, чем восточнокавказские.** Тюркские изоглоссы уверенно возводятся к субаро-хурритским и родственным им урартским архетипам, что, на наш взгляд, указывает на эти языки как на один из архидревних и исходных источников в составе генетико-контактного ареального союза, откуда черпали и унесли на восток изначальные лексические архетипы отпочковавшиеся из этого союза пращуры тюрков.

Проанализировав данные словаря *В. М.* *М. Л. Палмайтис* выделил из ностратической макросистемы четыре возможных праязыковых единства, в которые, без исключения, он вводил алтайскую группу, а одно из них он назвал «афразийско-индоевропейско-уралоалтайской общностью», обосновывая свою версию параллельными изоглоссами, которые «не были учтены В. М. Илличем-Свитычем». Этот же учёный предложил ввести в

ностратическую семью языков «хуррито-кавказскую систему», которая, по его мнению, «возможно, генетически родственна борельным (ностратическим. - М. Б.) системам» [6, с. 55].

А если это так, то названная Палмайтисом «хуррито-кавказская система», по существу, соответствует исследованной и выделенной И. М. Дьяконовым и С. А. Старостиным хуррито-урартской ветви восточнокавказской семьи языков. Однако при обязательном учёте установленного нами факта, что тюркские лексемы по сравнению с восточнокавказскими гораздо ближе к исходным хуррито-урартским праформам, напрашивается объективный вывод о том, что восточнокавказские языки стали родственными с хуррито-урартской группой на уровне ностратики в более позднем периоде, в процессе «кавказизации» части ностратической макросемьи, тогда как определённая часть будущих тюрков, на наш взгляд, находилась с этой группой в генетико-контактном союзе намного раньше и в гораздо близких отношениях. Можно даже допустить, что суваро-хурриты-урарты при сложении и консолидации прототюрков как этнос частично вошли в его состав в качестве одного из первичных этнических компонентов.

Вместо заключения

Те специалисты и читатели, которые найдут в себе силы и время для прочтения от корки до корки этой книги, очевидно, убедятся в том, что она построена на коренном пересмотре ряда наших традиционных взглядов на происхождение тюркского языка и его носителей, а также на этническую и этнокультурную историю древних тюрков. Ибо речь в ней идёт о предложенной нами глобальной концепции, которая, вопреки устоявшемуся в тюркологии официальному взгляду, размещающему «прародину тюрков в южной таёжной части Саяно-Алтая» или же «в северо-западной части Центрально-Азиатского плато», между горами Алтая и северной частью Хинганского хребта [30, с. 732], первичную прародину прототюрков связывает с древним Ближним Востоком.

Названная концепция построена на прочном фундаменте, во главе угла которого мы ставим Слово. *«Слово - это самый долговечный и*

самый надёжный памятник истории. Оно - её неподкупный свидетель и летопись, строгий и верный хранитель её ценностей» [Т. А. Шумовский, цит. по 757, с. 87].

А сравнительные исследования лексики древнейших языков Ближнего Востока показывают, что ряд языков, родственных и неродственных, из различных семей поразительно образом имеют значительный корпус схожих корней и праформ, которые объединяют эти языки в генетико-контактный ареальный союз. Среди этих языков как раз и находились отдельные племенные группы, которые в процессе длительного и интенсивного взаимодействия и интеграции стали этническими компонентами формировавшихся на этой же базе, т. е. на их языковом субстрате и адстрате⁶³, прототюрков.

К этим племенам мы относим носителей языков неиндоевропейского и неиранского склада и непременно с **агглютинативным** морфологическим строем, как то: *, митов, субаров, дравидов*, а также переселившихся из Передней Азии в Африку *кушитов* и ряд других хамитских племён. К этому нужно добавить, что кутии, касситы, эламиты и субары, по утверждению отдельных специалистов по Ближнему Востоку (*И. Гельб, А. Унгнад, И. Алиев*), составляли родственную между собой языковую группу, которая условно была названа *загро-эламской* (или *кастийской*).

ТТТТумеры же, обосновавшиеся позднее в районе распространения и влияния этих языков, хотя и активно насыщались их лексическим субстратом, остались с ними не в генетическом, а в культурно-контактном родстве. Ибо у шумеров, несмотря на наличие значительного количества схожих или общих слов, порядок слов абсолютно не соответствует субаро-загро-эламскому и тюркскому строю речи. *Б. А. Серебренников* считал, что твёрдый порядок слов «определение + определяемое» является основой агглютинативного строя языков, в том числе тюркских, «поскольку исторически каждое сочетание корня с суффиксом может быть сведено к простейшему сочетанию двух слов, находящихся в отношении определения и определяемого» [765, с. 55].

А у шумеров определение не предшествует определяемому, т. е. иной порядок слов, который проявляется даже в структуре образовавшихся из двух лексических компонентов основ. (Примеры: *Lugal* - хозяин = *Lu* + *gal* - человек большой | *dumu-sag*- первородный сын = ребёнок-голова | *dumu-nita (n)* - сын = ребёнок-мужчина | *dumimi* - дочь = ребёнок-женщина | *natan-dam* - муж = мужчина-супруг [69, с. 18-19]). Из-за всего этого ряд филологов-исследователей *Закаев, Олжас лейменов, Нурихан Фаттахов*) - мы солидарны с ними - родство между шумерским и тюркскими языками относят к типу культурного, т. е. контактного ⁶⁴.

После волнообразных миграций на Восток вышеназванные загро-эламо-каспийские племена, уже консолидировавшиеся в какой-то степени в пратюркские группы, а некоторые отдельно в течение ряда веков, общаясь или смешиваясь с другими племенами, осваивали территории Средней Азии и Монголии, Кавказа и Причерноморья, Алтая и Сибири. Из отдельных племён *субары* и их потомки в различных фонетических вариантах сохранили своё прежнее название. Кутии же (табуированное самоназвание в значении «маленький») и их наследники в Центральной Азии на лад китайской артикуляции стали называться юечжи (варианты: юеши, юети), что фактически является калькированным переводом прежнего этнонима. Название *yüie-ci/yue-chih* в древнем собрании уйгурских изречений было транскрибировано как *kits* или *ketsi*, что в диалектах тюркского языка равноценно форманту кеце (кече) - «маленький».

Более того, по историческим источникам мы установили, что кутии в Передней Азии находились с саками в одном союзе, в одной конфедерации. И, согласно различного рода бесспорным реалиям, их связывал не только общий военно-политический союз, но и близость языка, подтверждаемая общими изоглоссами, а также, что не менее существенно, общая идеология, выражавшаяся, например, в почитании культа змеи-дракона и волка, возвеличивании левой стороны (стороны сердца), отрицательном отношении к религии иранцев - зороастризму и т. п. Эти же качества роднили их и с пратюрками.

Согласно мнению ряда ведущих специалистов и показателям наших исследований, сако-скифы и сарматы были этнически неоднородными. То, что часть из них являлась тюрками, мы подтвердили не только вескими и нововыявленными лингвистическими доводами, но и уместно использованными этноопределяющими признаками культурно-идеологического характера. В числе их, например, *змеепоклонческая идеология у саков и части причерноморских скифов, которая резко противостояла яростной змеборческой идеологии и верованиям иранцев. У причерноморских скифов (да и саков) вообще отсутствуют борющиеся против драконов и убивающие их боги и герои, зато у них есть змееногая богиня-родительница, которая стала праматерью трёх будущих вождей или царей ранних скифских племён Северного Причерноморья.*

Если учесть новые данные о происхождении хуннов из сако-скифской среды Средней Азии (*В. Полосьмак, А. Н. Бернштам, М. Х Бакиров*), то берущий начало ещё в Передней Азии культ змеи-дракона и волка далее был унаследован от саков хуннскими древнетюркскими племенами. В монографии приводятся многочисленные примеры, подтверждающие почитание в тюркском мире в ранние времена и даже позже этих сакрализованных животных в противовес ираноязычным и индоевропейским народам в целом. Кстати, через бездну времени и огромные расстояния из Переднеазиатского Востока до хуннов дошло и эламо-загорское название лошади - *quti*, не говоря уже о ряде других общих лексем [62, с. 139]. Предполагавшееся до этого мизерное количество хуннских лексем было дополнено нами значительным корпусом не введённых до этого в научный оборот изоглоссов.

В монографии в качестве этноопределяющего признака, характерного именно для тюрков, приводится ещё один интересный факт, который нуждается в дополнении и развитии. Мы имеем в виду легенду, связанную с правлением в Индии в эру сака тюркоязычных пришельцев. Как гласит легенда, первым царём Кабула в начале этой эры был Бархатикин, который вышел из пещеры, по тексту: «как бы рождался из чрева матери. Он был в тюркской одежде и высокой

(сакской?) шапке. Народ воздал ему почести как чудесному существу, предназначенному на царство, и он воцарился над теми краями с титулом Кабульского шаха. Царство оставалось за его сыновьями в течение поколений, число которых около шестидесяти» [647, с. 359-360]. Таким образом, как следует из легенды, первый представитель из династии саков (по другой версии - юечжи-кушанов) в Индии, родившийся в высокой шапке, оказался по этносу тюрком.

Всё это мы приводим потому, что мотив **«пещерного рождения»** или происхождения родоначальника племени, или же вообще этноса, либо того или иного племени тюрков суть системный признак и этноопределяющий индикатор, характерный более всех именно для тюркского мира.

Такой мотив восходит, насколько нам известно, к тюркоязычной группе скифов Причерноморья и нашёл отражение в записанной *Геродотом* генеалогической легенде. По легенде Геракл именно в пещере встретил некое «существо смешанной природы - полудеву, полузмею» и, чтобы вернуть своих коней, вступил с ней в любовную связь. Это значит, что появление будущих вождей или царей первых скифских племён связано не только с тотемной полузмейей-драконом, но и с местом рождения - пещерой.

Далее мы сталкиваемся уже с последствиями цепной реакции от этого генеалогического мотива или преемственностью, проявившейся благодаря живучести генетической памяти у наследников скифов - древних тюрков. Кроме вышеприведённой легенды из Индии, нам хорошо известны другие тексты: легенда о появлении правящего хунно-тюркского рода Ашины от волчицы в пещере Алтая (по *С. Г. Кляшторному* - в горной пещере Турфанского озера)⁶⁵; легенда о родовой пещере предков туцзие (тюрков), связанная с белым оленем с золотыми рогами [758, с. 97]; легенда о выходе оказавшегося внутри неприступных гор смешанного монголо-тюркского потомства Ил-хана путём расплавления огнём горного склона [*Бичурин* - т. 1, с. 224-225]. Сюда же можно присовокупить и легенду о пещерном происхождении приволжских булгар, связанную с Искандером Двурогим (Александром Македонским), которая приводится в

монографии татарского учёного-востоковеда *Р.К. Ганиевой* [762, с. 35-36].

Конечно, такого рода легенды совершенно чужды исповедовавшим зороастризм иранцам, поскольку, по их священной «Авесте», *agarada* «пещера» - жилище даэвийских существ», т. е. дэвов - злых духов, противостоящих благим духам - аху-рам. По большому счёту, аналогичные легенды о пещерном происхождении родов или целых народов отсутствуют и у других индоевропейских народов, конечно, за вычетом места рождения Иисуса Христа в апокрифическом Евангелии Фомы.

В этот же контекст напрашивается весьма примечательная и заманчивая генеалогическая легенда-миф, обнаруженная на территории древних цивилизаций - Ближнем Востоке, который, согласно нашей этногенетической реконструкции, как раз является регионом изначальной интеграции и, следовательно, первоначальной прародиной прототюрков. Текст легенды приводим полностью: «Сильные потоки воды забили глиной пещеры горы Карадагджи и заполнили неровности, напоминающие очертания человеческой фигуры. Наступило лето, солнце грело нещадно. В результате наносы сварились, спаялись, пещера стала напоминать беременную женщину. Спустя девять месяцев, в течение которых дул ветер, из пещеры вылезло существо, похожее на человека, и это первое существо по-тюркски было названо *Ай-Атам* (ср. с библ. *Адам*). Ай-Атам опустился в цветущую долину и на берегу реки прожил 40 лет.

Опять потоки воды забили глиной пещеру и заполнили её ямы. Был конец лета, солнце пекло менее сильно. Снова появилось существо, которое было названо (ср. с библ. *Ева*. - *Хава*). *Ай-Атам* и *Ай-Ва* поженились, у них родилось 40 детей (20 мальчиков и 20 девочек), которые тоже переженились, и от них пошёл род человеческий» [766, с. 12-13; 759, с. 60].

Эта мифологическая легенда, которая довела до нас отголоски идеологической атмосферы древнего Ближнего Востока, является, по всей вероятности, одним из ранних и местных вариантов (правда, переработанных) генеалогического мифотворчества разноразличных автохтонов. Что же касается имён (если они, конечно, не инновации) первопродков человеческого рода, а именно двусоставных

пратюркских слов Ай-Атам и Ай-Ва, образованных с участием архаичной препозитивной усилительной частицы ай/айа, то довольно трудно сказать, унаследованы ли они из родственных между собой языков субаро-эламо-касситских племенных групп (или же, короче, загросской лингвистической общности), либо появились позже, под влиянием осколков общей и местной мифологии. Как бы там ни было, схожие с Ай-Ва⁶⁶ и тем более с корнем «ата» имена засвидетельствованы в загросских языках. К тому же довольно схожая с ближневосточным текстом мифологическая легенда сохранилась и у алтайских тюрков [761, с. 539], что указывает на преемственность, восходящую к древнему культурномифологическому наследию Ближнего Востока.

В генеалогических легендах древних тюрков, переплетающихся с историческими реалиями, обращает на себя внимание одно не очень прозрачное обстоятельство, которое, на наш взгляд, допускает двоякое толкование. Мы имеем в виду легенду, где волчица, родившая в горах Южного (Монгольского) Алтая (по версии *Кляшторного* - в горах Восточного Тянь-Шаня в Турфанском оазисе) 10 сыновей, выступает в роли символа возрождения тюрков. А до этого, по китайским источникам, «предки тукюеского Дома обитали от Западного моря (Си хай⁶⁷) на запад и одни составляли аймак. Это есть отдельная отрасль - дом хунну по прозванию Ашина» [*Бичурин*, т. 1, с. 220]. И только после их истребления врагами, как свидетельствует легенда, волчица, забеременевшая от оставшегося в живых изуродованного подростка, убежала в названные горы на севере или северо-востоке.

Исследователи отождествляют Западное море то с низовьями реки Эдзин-Гол (*С. Г. Кляшторн* то с другими мелкими водоёмами на территории Северного Китая или Восточной Монголии, но только не с морем на западе. Из отечественных историков лишь *Л. Н. Гумилёв* считает, что «под Западным морем надо понимать Аральское море» [614, с. 40]. *А раз так, то мы имеем дело не с рекой и озером, а с морем, расположенным, согласно названию, именно на западе, - это во-первых.*

Во-вторых, если обратить внимание на вторую генеалогическую легенду, которая выводит древних тюрков (а вместе с ними и род

Ашина) от местного рода или государства Со, то выявляется дополнительная ценная информация, проливающая свет на этническую природу древних тюрков. Ибо, по мнению Ю. А. Зуева и других синологов, китайский иероглиф Со означает «сак», т. е. этническое название саков [цит. по 768, с. 97]. Исходя из вышеизложенных фактов мы и определяем раннее местопребывание древних саков-пратюрков, связанное с морем, - это, конечно, расположенный у Азовского моря Туран, или Туранская низменность, чисто тюркское название последнего словосочетания мы обнаружили на монете правителя или царя Герая.

Наш концептуальный тезис, усматривающий в этногенетических легендах подтверждение местообитания предков тюрков в Туране, косвенно доказывается и показаниями известных археологов К. А. Акишева и Н. В. Полосьмак. Первый из них в погребальном комплексе и керамике тасмолинской культуры Центрального Казахстана видел «протосюнные черты», правда, предполагая их проникновение с восточной территории сунну-гуннов. Полосьмак же, наоборот, в том же комплексе находила ряд сакских черт и связывала их с влиянием саков с запада. В результате выяснилось, что названный погребальный комплекс Центрального Казахстана синтезировал в одно целое этнокультурные черты и компоненты (керамика, оружие и др.) как саков, так и сунну-хуннов, что свидетельствует о том, что этнические корни и этнокультурные истоки хунно-пратюрков восходят к западу и переплетаются с корнями среднеазиатских саков.

К этому можно было бы добавить ещё один аргумент, который обуславливает связь описанной в легендах прародины (разумеется, вторичной) предков тюрков с Западным Туркестаном. Оказывается, на этой территории Туркестана, включая Южное Приаралье и Южный Казахстан, довольно много карстовых явлений и пещер, где обнаружены следы проживания древних людей [760]. Перенесение или связывание «пещеры предков» с Гаочаном и Турфаном, «краем пещер», и проведение там ежегодного коллективного жертвоприношения, на наш взгляд, относится уже к поздним, переселившимся в Восточный Туркестан тюркам.

Согласно теории этноса, этнические и национальные особенности социума или народа главным образом проявляются в сфере культуры, которая охватывает и язык, и духовную и материальную культуру. Именно поэтому для выяснения и подтверждения древнейших корней тюркского мира в монографии, кроме примеров из религиозномифологических верований, культов и обычаев-обрядов, в качестве аргументов преемственности приводятся также описания особенностей этнического костюма и левостороннего запаха ворота, причёски, специфической еды (конина, кумыс), этнических тамг и символов, возвеличивания левой стороны (стороны сердца, а также стороны восхождения солнца - Востока), системного проявления обычая использовать череп врага в качестве кубка для питья, при совершении клятвенных договоров в виде погружения в чашу с напитком, смешанным с кровью договаривающихся сторон, меча или секиры, пользования дождевым камнем «яда таш», принесения жертв в «пещере предков» и т. д.

Но самым главным этническим определителем, конечно, выступал язык, проявлявшийся по всеобщему канону или дилемме социально-этнической психологии «мы - они». Как утверждают маститые учёные (*К. Х. Уленбек, Э. Феррор, Н. С. Трубецкой*), индоевропейская языковая общность образовалась как результат взаимопроникновения двух языковых типов, один из которых был близок, согласно условному названию, «уралоалтайским»⁶⁸ языкам агглютинативного строя, другой же имел существенные черты, сближающие его со «средиземноморско-кавказскими языками» флективного типа. *Мы же полагаем, что прототюркский язык сложился в результате интеграции (сближения и слияния) перечисленных выше (кутио-кассито-субаро-эламо-дравидийских) агглютинативных языков, или, иначе, формировался на адстрате и субстрате их слившихся языковых черт и структурных типов, а также при воздействии соседствующих индоевропейских, семитских, кавказских языков.* Вследствие этого и возник язык так называемого «алтайского типа», который после дифференциации и волнообразных миграций в различные регионы Востока, встречаясь с другими языками, как бы «тюркизировал», точнее, ещё больше «алтаизировал» их. Мы в данном случае имеем в виду расположенных на дальней восточной

окраине ностратического единства монголов и ещё далее - тунгусо-маньчжуров.

Относительно языков, воздействовавших при сложении прототюрков, необходимо сказать ещё следующее. Если выступление загро-каспийских языков в качестве адстрата и субстрата обусловило глубокое проникновение их лексики и грамматического строя во все сферы формирующегося языка общетюркского типа, то роль смежных воздействующих языков сводилась в основном к снабжению его культурной лексикой. А это значит, что, в отличие от субстратного родства, заимствование, как правило, не было связано с генетическим родством.

В этой связи особого внимания заслуживает концептуальное заключение *В. М. Иллича-Свитыча* о том, что **алтайская общность значительно древнее уральской, дравидийской, индоевропейской, картвельской и семито-хамитской и наиболее близка к ностратической** [5 (1), с. 69]. Этим и объясняется сведение учёным многих ностратических праформ к алтайским праформам.

Отсюда напрашивается другой концептуальный и, можно сказать, фундаментальный вывод о том, что *если «алтайское» - это фактическое прототюркское состояние*, за вычетом уральской и других позднейших ветвей ностратической макросемьи, то оно должно было оказывать адстратное языковое влияние и на эти ветви. Притом и в формировании индоевропейской общности доминантную роль должен был сыграть именно прототюркский язык. Исходя из этого мы допускаем, что часть приведённых нами в сравнительном словаре слов, представленных как индоевропейские или семитские, на деле могут оказаться прототюркскими. Так что языковое взаимодействие между прототюркским и индоевропейскими языками было обоюдным, т. е. двусторонним.

Наша ссылка на показатели ностратики ни в коей мере не означает, конечно, что мы выводим прототюркский язык из ностратического единства. Как мы уже неоднократно подчёркивали и специально указывали это в сносках при сравниваемых словах, большая часть введённой нами в оборот лексики, которая более полно отражена в специальных разделах, относится именно к каспио-загорским и

эламо-дравидийским языкам, а также к хуррито-урартским, которые не относились к ностратической общности. Субаро-урартские и палеотюрк-ские сближения и их контактные связи, на наш взгляд, восходят даже к дошумерскому и дохурритскому периоду, когда на их будущей территории господствовал субарский язык агглютинативного строя, игравший важную, если не ведущую роль в сложении и пополнении словарного фонда прототюркского языка.

Всё это вкупе, скорее всего, свидетельствует о том, что длительный процесс интеграции и формирования прототюркского языка начался ещё до сложения ностратического единства и даже после его формирования выхолил далеко за его рамки. хотя лексика интегрирующих прототюрков активно проникала в другие ветви этой суперсемьи и, в свою очередь, сами прототюрки пополняли свой словарный фонд за их счёт. Одним словом, формирование прототюркского языка и его носителей происходило именно в *ареальном языковом союзе Ближнего Востока.*

На базе представленной нами лексики можно было бы составить, хотя бы в первом приближении, портрет прототюрков, а также портрет их культуры. Выделенные в словаре тематические разделы фактически охватывают все необходимые для этого стороны: и социальные и родственные отношения, и хозяйственную деятельность и средства жизнеобеспечения, и культовый и сакральный мир, отражающий мирозерцание и верования древних тюрков. Кроме того, «культурные слова», названия растительного мира, элементы материальной и нематериальной культуры дают ключ для определения и реконструкции географической среды и эпохи, рода занятий и жизненного уклада, характера общественных отношений и образа мышления носителей, по сути, диалектов складывавшегося прототюркского языка.

В конце хочется сослаться в качестве теоретической и фактологической опоры на исследования трёх авторов, которые весьма созвучны с нашей концепцией по духу и сути. Первые из них - проблемные статьи *И. Н. Хлопина*, где автор, опираясь на антропологические показатели *В. 77. Алексеева*, выдвигает версию о западных истоках скотоводческих культур ямного, а затем андроновского типа в интервале между первой половиной III и

серединой II тыс. до н. э. Появление скотоводческого населения доликранного (средиземноморского) типа не только в степных районах Междуречья Амударьи и Сырдарьи, в том числе и в поселении Заман Баба, но и в Казахстане и далее на востоке - вплоть до Минусинской котловины, - автор объясняет именно переселениями с Запада [789, с. 106-108; 790].

Вторая капитальная работа - В. А. в которой учёный сначала на большом фактическом материале доказывает возникновение земледельческо-скотоводческого хозяйства ещё в VIII—VII тыс. до н. э. в Передней Азии, в том числе в Иране и южном Туркменистане, а затем *обосновывает постепенное проникновение и распространение такого же типа хозяйства в среде собирателей, рыболовов и охотников Средней Азии и далее на востоке.* Там же автор прослеживает процесс постепенного отделения скотоводства от земледелия и заключает: «Таким образом, в эпоху бронзы на базе раннего скотоводства возникали, с одной стороны, первые формы подвижного скотоводства, носители которых постепенно отрывались от своей земледельческой основы, а с другой - шло формирование интенсивных методов ведения скотоводческого хозяйства в среде плужных земледельцев» [791, с. 242].

И, наконец, третья работа связана с именем английского учёного К. Ренфрю, который, руководствуясь исследованиями Шнирельмана и других, а также теорией ностратики, разрабатывал теорию распространения языков вместе с их носителями из Передней Азии. Он пишет: «В благоприятных случаях язык или языки очаговых зон передаются вместе с domesticiрованными растениями и животными либо посредством расселения земледельческого⁶⁹ населения (модель волны продвижения), либо через усвоение группами местных охотников-собирателей нового языка вместе с новой для них земледельческой экономикой (т. е. модель аккультурации: «модель пригодности»). В качестве одного из аргументов автор останавливается на протоалтайской языковой семье, первоначальное местопребывание которой, в отличие от Иллича-Свитыча, он локализует на западе - в Туркменистане. А перемещение их на восток, как и индоевропейцев, связывает с развитием кочевого скотоводства [365, с. 115-116, 121].

Как видим, предположения всех трёх авторов, сформированные на большом антропологическом и историко-археологическом материале, не только не противоречат отстаиваемой нами концепции о Западной и Ближневосточной прародине прототюрков, но как раз подтверждают её, способствуя её превращению в теорию. А от некоторых не очень принципиальных в данном случае расхождений в трактовке отдельных положений (скажем, от приравнивания прототюрков к протоалтайцам или же ограничивая первоначального региона их пребывания и интеграции узкой территорией - поселением Джейтуна), как это делает Ренфрю, суть западного происхождения тюркского мира не меняется.

Как утверждают исследователи, с VI тыс. до н. э. области Иранского плато также входили в пределы древнего земледельческого ареала Ближнего Востока. В IV—II тыс. до н. э., если не раньше, территория Западного и Центрального Ирана уже была населена племенами каспио-загросской группы: эламитянами, кутеями, касситами, луллубеями, языки которых, по нашей концепции, служили базой для интеграции и формирования прототюрков. В IV тыс. до н. э. проходили передвижения части населения из этих регионов в среднеазиатские оазисы и определённые районы нынешнего Узбекистана и Казахстана, о чём свидетельствуют появление сначала расписной, а затем серой керамики на их территории (которые «в Иране использовались неиндоиранцами ещё до прихода туда иранцев»! а также просачивание влияния убейдской культуры, связанной с протошумерами [368, с. 422-430, 444-445]).

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что миграции земледельческо-скотоводческого населения, имеющие отношение, безусловно, и к ранним тюркам, происходили не только из южных районов Туркменистана, но также из соседнего Ирана, и эти жители двух регионов, по всей вероятности, были связаны между собой генетикоконтактной общностью.

Цитированные источники и литература

1. *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. - Л. : Наука, 1970.-207 с.
2. *Литин Л. А.* Аккадский (вавилонно-ассирийский) язык. Вып. II. Словарь. - Л. : Изд-во ЛГУ, 1957. -215 С.
3. *Сводеш Моррис.* Лексико-статическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. - М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. - С. 23-52; *M Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contracts / I Proceedings of the American philosophical society. 1952. -Vol. 96. -P. 452-463.*
4. *Трубецкой Н. С.* Мысли об индоевропейской проблеме // ВЯ. - 1958. - № 1. - С. 65-77; *Trubetzkoy N. S. Gedanken liber das indogermanen problem // Acta linguistica, vol. I fasc.2, Copenhagen, 1939.-S. 81-89.*
5. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь - М. : Наука, 1971. - 412 с.; его же. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков // Этимология. 1965. -М. : Наука, 1967. - С. 321-373.
6. *Палмайтис М. Л.* Праязык - генетическая или контактная общность // Вопросы языкознания. - 1978. - № 1. - С. 51-56; *Palmaitis L. Dardel ide fleksines sistemes atsiradimo // Baltistica, IX. L. 1976.*
7. *Пучков Г. Г.* Некоторые проблемы протоэтногенеза // Исчезнувшие народы. - М. : Наука, 1988. - С. 3-19 *А., Терентьев В. А.* Проблемы изучения ностратической макросемьи. Часть V. -М. : Наука, 1984.
8. *Дьяконов Г. М.* Семито-хамитские языки. - М. : Наука, 1965. - 119 с.; *Порхоменко В. Я.* Проблемы генетической классификации языков Африки // Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. - М. : Наука, 1982. - С. 195— 258.
9. *Непомнящий Г. Г.* Все тайны и загадки мира. - М. : Вече, 2004. - 314 с.; *Oppenheimer S. The Real Eve Modern Man's Journey Out of Africa. New York : Carrol & Graf, 2004. - 440 p.*

10. *Долгопольский А. Б.* Какие языки родственны европейским? // Наука и человечество. 1971-1972. -М, 1971.-С. 106-119.
11. *Сводеш М.* Лингвистические связи Америки и Евразии // Этимология. - М. : Наука, 1965. - С. 271-322; *Swadesh M.* Tras la huella Linguistica de la prehistoria. Univ. Nacional de Mexico. - Mexico, 1960.
12. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ, праязыки и протокультуры. - Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. - Ч. I. - 428 с.; Ч. II. - 1328 с.
13. *Андреев Н. Д.* Раннеиндоевропейский праязык. - Л. : Наука, 1986.-328 с.
14. *Долгопольский А. Б.* Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков. - М. : Наука, 1978. - 398 с.; его же. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков // Этимология.-М. : Наука, 1967.-С. 321-373.
15. *Гранде Б. М.* Введение в сравнительное изучение семитских языков. - М. : Наука, 1972. - 442 с.
16. *Кадыраджиев К. С.* Загадки кумыкской и тюркской истории от Эгейского до Каспийского морей. - Махачкала, 1992. - 64 с.
17. *Сулейменов Олжас.* Язык письма. - Алматы - Рим, 1998. - 502 с.
18. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. Вып. 1,2, 3.-Ч. III; IV.-М. : Наука, 1981.-127 с.; 1982. - 92 с.; 1986.-116 с.
19. *Дёмин В. Н.* Гиперборея. Исторические корни русского народа. - М. : Торговый дом Грану, 2001. - 616 с.
20. *Франсуа Бодэ Клод.* Майя. Потерянная цивилизация. - М. : Вече, 2008. - 366 с.; *Ко Майкл.* Майя. - М. : Центрполиграф, 2001.-237 с.
21. Мифы народов мира. - 1987. - Т. 1.-671 с.; Энциклопедия. - М. : Советская энциклопедия, 1988. - 719 с.
22. *Кобищанов Ю. М.* Религия пилотских и кутийских народов (Эфиопия, Кения, Уганда, Сомали, Судан) // Традиционные и синкретические религии Африки. -М. : Гл. ред. восточн. литературы, 1986.-588 с.

23. *Долгопольский А. Б.* Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков. - М. : Наука, 1973. - 398 с.
24. *Юсифов Ю. Б.* Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами // Вестник древней истории. - 1987. - № 1. - С. 19-42.
25. *Долгопольский А. Б.* Материалы по сравнительно-исторической фонетике кушитских языков // Языки Африки. - М. : Наука, 1966.- С. 35-88.
26. *Коростовцев М. А.* Египетский язык. - М., 1961. - 104 с.
27. *Дьяконов И. М* Предыстория армянского народа. - Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1966. - 264 с.
28. Древние языки Малой Азии : сборник статей / под ред. И. М. Дьяконова и В. В. Иванова. -М. : Наука, 1980. -431 с.
29. Древний Восток. Этнокультурные языки. - М. : Наука, 1988.-С. 58-111.
30. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. -М. : Наука, 1997. -790 с.
31. *Милитарёв А. Ю.* Шумеры и афразийцы // Вестник древней истории. 1991,-№2.-С. 113-136.
32. *Шрадер О.* Сравнительное языковедение и первобытная история. - СПб., 1886. - 485 с.
33. *Старостин С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. -М. : Наука, 1991. -298 с.
34. *Стеблин-Каменский И. М.* Этнологический словарь ваханского языка. - СНб., 1999. - 480 с.
35. *Март Н.Я.* Термины абхазо-русских этнических связей. - Л. : Изд-во наркомпроса Абхазии, 1924. - 59 с.
36. Древнетюркский словарь. - Л. : Наука, 1969. - 676 с.
37. *Алиев И* История Мидии. - Баку : Изд-во АН Азерб. ССР, 1960.-360 с.
38. *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. - Новосибирск : Наука, 1977. - 256 с.
39. *Эберхард В.* Китайские праздники. - М. : Наука, 1977. - 127 с.
40. *Мегцанинов И. И.* Язык ванских надписей. - Л. : Изд-во АН СССР, 1932.- 144 с.

41. *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. - М. : Наука, 1974. - 767 с.; 1978. - 349 с.; 1980. - 410 с.; 2003.-446 с.
42. *Закиев М. З.* Происхождение тюрков и татар. -М. : Инсан, 2003.-495 с.
43. Древняя Эбла (раскопки в Сирии). - М. : Прогресс, 1985. - 366 с.
44. *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. - М. : Паука, 1956.-471 с.
45. *Капстцян Гр.* Историко-лингвистические работы. Древняя Малая Азия. - Ереван : Изд-во АП Арм. ССР, 1956. - 471 с.
46. *Ко Майкл.* Майя. Исчезнувшая цивилизация : легенды и факты. - М. : Центрполиграф, 2001. - 273 с.
47. *Лаплас П. С.* Сравнительный словарь всех языков и наречий. - Ч. I. - СПб., 1787. - 412 с.
48. Библейский словарь А. Верховского. Т. 1. - СПб., 1871. - 272 с.
49. *Воробъев-Десятовский В. С.* Памятники центральноазиатской письменности // Учён. зап. Института востоковедения. - Т. XVI. - Л.-М., 1958. - С. 280-308.
50. *Джидалаев Н. С., Алиханов С.* Генезис аварского словообразовательного элемента -чи // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. - Махачкала, 1985. - С. 43-53.
51. Языки мира. Семитские языки. Аккадский язык. Северо-западные языки. - М. : АсаДеми, 2009. - 825 с.
52. *Майтинская К. Е.* К происхождению местоименных слов в языках разных систем // Вопросы языкознания. 1966. - № 1. - С. 15-25.
53. *Капанцян Гр.* Хурритские слова армянского языка. - Ереван : Изд-во АП Арм. ССР, 1951. - 50 с.
54. *Меирлинов И. И.* Аннотированный словарь урартского (биайнского) языка. - Л. : Паука, 1978. - 388 с.
55. *Долгопольский А. Б.* О ностратической системе аффрикат и сибилантов : корень с фонемой *3 И Этимология. 1972. - М. : Паука, 1974.-С. 163-175.
56. Санкритско-русский словарь. -М. : Русский язык, 1978. - 895 с.
57. *Шшимарёв В. Ф.* Баскский язык // Культура Испании. - М. : Изд-во АП СССР, 1940. - С. 297-326.
58. *Елоева Ф.* О западных связях скифов // Античная Балканистика и Сев. Причерноморье. - М. : 1980.-С. 18-25.

59. *Март Н.Я.* Избранные работы. Т. II. - Л. : Гос. социально-экон. изд-во, 1936; Т. IV. 1937.
60. *Гусева Н. Р.* Славяне и арии. Путь богов и слов. - М., 2002.-329 с.
61. *Чаттерджи Сунити Кумяр.* Введение в индоарийское языкознание. -М. : Наука, 1977. - 256 с.
62. *Дульзон А. П.* Гунны и кеты // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общ. наук. 1969. - № 11. - Вып. 3. - С. 137-144.
63. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2, ч. 2.-СНБ., 1899,- 1814 с.; Т. 4, ч. 1. - 1911. - 1150 с.; Т. 3, ч. 1,- 1905.- 1254 с.
64. Ригведа. Мандалы I-IV. -М. : Наука, 1989. - 758 с.
65. *Эдельман Д. И.* Иранские и славянские языки : Исторические отношения. -М. : Воет, литература, 2002. - 230 с.
66. *Мусаев К. М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. -М. : Наука, 1975. -357 с.
67. *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестник древней истории. - 1982. - № 3 - С. 3-30.
68. *Старостин С. А.* Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. - М. : Наука, 1985. - С. 74-94.
69. *Дьяконов И. М.* Шумерский язык // Языки Азии и Африки. -М. : Наука, 1979. - С. 7-36.
70. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков / под ред. Г. Б. Муркелинского. - М. : Наука, 1971. - 296 с.
71. *Щербак А. М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков.-М. : Наука. 1961.-С. 82-173.
72. *Новикова К. А.* Названия животных в тунгусо-маньчжурских языках // Алтайские этимологии. - Л. : Наука, 1984. -С. 189-218.
73. *Дёрфер Г.* О состоянии исследования халаджской группы языков // Вопросы языкознания. - 1972. - № 1. - С. 89-96.
74. Авеста. - М. : Дружба народов, 1993. - 206 с.
75. *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. -М. : Изд-во иностр. литературы, 1958. - 317 с.

76. *Иванов В. В.* История славянских и балканских названий металлов. - М. : Наука, 1983. - 192 с.
77. *Татаринцев Б. И.* О реконструкции мотивирующего семантического признака в процессе этимологизации // Теория и практика этимологических исследований. - М. : Наука, 1985. - С. 35-42.
78. *Багрянородный К.* Об управлении государством // Известия Института истории материальной культуры. - 1935. - Вып. 91. - 230 с.; его же. О фемах и народах. - М., 1899. - 263 с.
79. Языки мира. Семитские языки. 1. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. - М. : Academia, 2009. - 825 с.
80. Большой энциклопедический словарь. Мифология. - М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. - 736 с.
81. *Блаватская Е. П.* Теософский словарь. - М. : Сфера, 1994.-638 с.
82. *Бакиров М. Х* Феномен параллелизма древнейших мифологических теонимов // Филология и культура (жури. ВАК). - 2012.-№ 1 (27).-С. 13-18.
83. *Мелетинский Е. М* Палеоазиатский мифологический эпос. - М. : Главн. ред. вост. литературы, 1979. - 229 с.
84. *Баюн Л. С.* Некоторые вопросы реконструкции общепалеоазиатского глагольного строя // Древняя Анатолия. - М. : Наука, 1985. -С. 6-21.
85. *Хелимский Е. А.* К изучению и оценке надёжности индоевропейско-семитских лексических соответствий // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. - М., 1980. - 190 с.
86. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. - Киев : Паукова думка, 1974.- 176 с.
87. *Иванов В. В.* К балкано-славяно-кавказским параллелям // Балканский лингвистический сборник. - М. : Наука, 1977. - С. 144-164.
88. *Дьяконов И. М, Старостин С. А.* Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток. Этнокультурные связи. -М. : Наука, 1988. - С. 164-207.

89. *Бакиров М.Х* Древнетюркская поэзия. Неразгаданные тайны устного и письменного поэтического творчества наших предков. - Казань : Татар, кн. изд-во, 2014. - 390 с.
90. *Нойман Г.* Ликийский язык // Древние языки Малой Азии. - М. : Прогресс, 1980. - С. 322-353.
91. *Иванов В. В.* Миграционные термины в языках Евразии // Ностратические языки и ностратические языкознания. Тезисы докладов. - М. : Наука, 1977. - С. 67-68.
92. *Акопов Б. Б.* Вопросы этногенеза народов Ближнего Востока в пантюркской историографии // Известия АН Арм. ССР. Серия общ. наук. 1965. - № 7. - С. 27-45.
93. *Саттаров Г. Ф.* Татар исемнэре сузлеге. - Казан : Татар, кит. нэшр., 1981. - 213 б.
94. *Фасмер М.* Этимологический словарь. - М. : Наука, 1973. - Т. 4.-587 с.
95. *Меликишвили Г. А.* Наири-Урарту. - Тбилиси : Изд-во АН Груз. ССР, 1954.-446 с.
96. *Булатов А. Б., Димитриев В. Д.* Параллели в верованиях древних суваров и чувашей // Учёные записки ИЯЛИЭ. - 1962. - Вып. XXI. - С. 226-236.
97. *Кадыраджиев К. С.* Структура и генезис кумыкских мифологических элементов палеотюркского происхождения // Мифология народов Дагестана. - Махачкала, 1984. - С. 130-148.
98. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. - М. : Наука, 1948. - 332 с.
99. *Дьяконов И. М.* Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков // Переднеазиатский сборник. - М. : Изд-во вост. литературы, 1961. - С. 369-423.
100. *Сулейменов О.* Тюрки в доистории. - Алматы : Атамур, 2004.
101. Канада-русский словарь. - М. : Русский язык, 1979. - 762 с.
102. *Андронов М. С.* Языки малаялам. - М. : Наука, 1993. - 201 с.
103. Большой русско-японский словарь. Т. 2. - М. : Русский язык, 2000. - 319 с.
104. *Дьяконов И. М.* Шумеры и афразийцы глазами историка // Вестник древней истории. - М., 1996. - № 4. - С. 81-88.
105. *Невский Н. А.* Представление о радуге как о небесной змее // Сергею Фёдоровичу Ольденбургу : Сб. статей к 50-летию научно-

- общественной деятельности (1882-1932). - Л. : Изд-во АН СССР, 1932.-С. 367-376.
106. *Мусаев К.* Пратюркские названия неба // 90 лет Н. А. Баскову. -М. : Языки русской культуры, 1996. - С. 169-179.
107. *Старостин С. А.* Проблемы реконструкции древнекитайской фонологической системы : автореф. ... канд. филол. наук. - М., 1979; его же. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. - Л. : Наука, 1982. - С. 144-237.
108. *Иллин-Свитыч В. М.* Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты // Проблемы индоевропейского языкознания. -М. : Наука, 1964. - С. 3-12.
109. *Сулейменов О.* Азия. - Алма-Ата : Жазушы, 1975. - 303 с.
110. *Иванов В. В.* Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским // Древняя Анатолия. - М. : Наука, 1985. - С. 26-59.
111. *Орёл В. Э., Столбова О. В.* Из семито-хамитских дополнений к ностратическому словарю // Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе. -М., 1990. - С. 15-16.
112. Традиционная и синкретическая религия Африки. - М. : Наука, 1986.-590 с.
113. *Андреев Н. Д.* Раннеиндоевропейский язык. - Л. : Наука, 1986. -328 с.
114. *Аширалиев К.* Древние тюркские элементы в современных языках // Источники формирования тюркских языков Южной Сибири и Ср. Азии. - Фрунзе : Илим, 1966. - С. 23-109.
115. *Дьяконов И. М.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // Вестник древней истории. - 1951. - № 2. - С. 257-356.
116. *Мамедов Айдын.* Тюркские согласные : анлаут и комбинаторика. -Баку : Элм, 1985. -206 с.
117. *Асмангулян А. А.* История армянских терминов родства. - Ереван : Изд-во Ереванского университета, 1983. - 83 с.
118. *Большаков А. О.* Представление о двойнике в Египте Старого царства // Вестник древней истории. - 1987. - № 2. - С. 3-36.

119. *Дьяконов И. М.* Эламский язык // Языки Азии и Африки. - М. : Наука, 1973. - С. 37-49.
120. *Миллер В. Ф.* Осетинский язык. - М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1962.- 190 с.
121. Тамильско-русский словарь. -М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. - 1384 с.
122. *Иллич-Свитыч В. М.* Из истории чадского константизма // Языки Африки. - М. : Наука, 1966. - С. 9-34.
123. *Дыбо В. А., Терентьев В. А.* Ностратическая макросемья и проблемы её временной локализации // Проблемы изучения ностратической макросемьи языков. Ч. IV. - М. : Наука, 1984. - С. 3-20.
124. *Покровская Л. А.* Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. - М. : Изд-во АН СССР, 1961.-С. 11-81.
125. *Секхар Ч, Глазов Ю. Я.* Язык малайлам. -М. : Восточная литература, 1961. - 295 с.
126. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1.-Л. : Наука, 1975.-672 с.
127. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. - М. : УРСС, 2002. - 510 с.
128. *Хачикян М.Л.* Хурритский и урартский языки. - Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1985.- 195 с.
129. *Церетели К. Г* Сирийский язык. - М. : Наука, 1974. - 160 с.
130. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Первые индоевропейцы в истории : предки тохар в древней Передней Азии //Вестник древней истории. - 1989. -№ 1. - С. 14-39.
131. *Кадыраджиев К. С.* Историческая морфология имени в кумыкском языке : автореф. ... д-ра филол. наук. - Махачкала, 1999.-73 с.
132. *Колесникова В. Д.* О названиях частей тела в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. - Л. : Наука, 1971.-С. 139-150.
133. *Штишарёв В. Ф.* Баскский язык // Культура Испании. - М. : Изд-во АН СССР, 1940. - С. 297-326.

134. *Трубачёв О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. -М. : Наука, 1967. - С. 3-84.
135. *Дыбо В. А., Терентьев В. А.* Ностратическая макросемья и проблема её временной локализации // Проблемы изучения ностратической макросемьи языков. - Ч. V. - М. : Наука, 1984. - С. 3-24.
136. *Андронов М. С.* Дравидийские языки. -М. : Наука, 1965. - 123 с.
137. *Кадыраджиев К. С.* Загадки кумыкской и тюркской истории : от Эгейского до Каспийского морей. - Махачкала, 1992. - 62 с.
138. *Долгопольский А. Г.* Древние корни и древние люди // Русская речь. - 1968. - № 2. - С. 96-108.
139. Русско-тамильского словарь. - М. : Сов. энциклопедия, 1965.- 1175 с.
140. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. - М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1951.-451 с.
141. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. -М. : Наука, 1984. - 135 с.
142. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языкам. - М. : Наука, 2006. - 908 с.
143. *Камменхубер А.* Хаттский язык // Древние языки Передней Азии. - М. : Прогресс, 1980. - С. 23-98.
144. Традиционные и синкретические религии Африки. - М. : Главн. ред. воег, литературы, 1986. - 588 с.
145. *Ахметьянов Р. Г.* Сравнительное изучение татарского и чувашского языков. -М. : Наука, 1978. - 248 с.
146. Большой русско-японский словарь. - М. : Русский язык; Живой язык, 2000. - 896 с.
147. *Трубачёв О. Н.* Названия рек правобережной Украины. - М. : Наука, 1968.-258 с.
148. *Хинц В.* Государство Элам. -М. : Наука, 1977. -231 с.
149. *Корнилов Г. Е.* Евразийские лексические параллели. - Чебоксары, 1973. - 297 с.
150. *Ахметьянов Р.* Краткий этимологический словарь татарского языка (на тат. языке). Казань : Татар, кн. изд-во, 2001. - 272 с.

151. *Кузьмина Е. Е.* О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // *Нереднеазиатский сборник - IV.* - М. : Наука, 1986. - С. 169-228.
152. *Долгопольский А. Б.* Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии с вероятностной точки зрения // *Вопросы языкознания.* - 1964. - № 2. - С. 53-63.
153. *Маковский М. М.* Картина мира и миры образов // *Вопросы языкознания.* - 1992. - № 6. - С. 36—53.
154. *Трубачёв О. Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства, индоарийцы в Северном Причерноморье // *Вопросы языкознания.* - 1977. - № 6. - С. 13-29.
155. *Капанцян Гр.* Историко-лингвистические работы. - Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1956. - 470 с.
156. *Панова Н. С.* Дополнения к ностратическим этимологиям по группе марги центральночадских языков // *Ностратические языки и ностратическое языкознание.* - М. : Наука, 1977. - С. 56-61.
157. *Тимонина Л. Г.* Коттско-тюркские словарные сопоставления Карла Боуда // *Советская тюркология.* - 1979. - № 5. - С. 20-25.
158. *Ханс-Петер Фийце.* Двойственное число в древнетюркском языке и его соответствия в других алтайских языках // *Тюркское языкознание.* - Ташкент : Изд-во «Фан» Узб. ССР, 1985. - С. 9-11.
159. *Хелимский Е. А.* Проблемы границ ностратической макросемьи языков // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. V.* - М. : Наука, 1984. - С. 31-44.
160. *Корнилов Г. Е.* К определению объёма и характера болгаро-чувашско-картвельских лексических параллелей // *Чувашский язык, литература и фольклор.* - Чебоксары, 1972. - С. 54-93.
161. *Крадин Н. Н.* Империя Хуину. - М. : Логос, 2002. - 312с.
162. *Каримуллин Абрар.* Прототюрки и индейцы Америки. - М. : Нисан, 1995. - 80 с.
163. *Никольский Б. М.* Греко-северокавказские параллели // *Балканские древности.* - М., 1991. - С. 61-66.
164. *Литин Л. А.* Аккадский язык. - М. : Наука, 1964. - 156 с.
165. *Гиндин Л. А.* Некоторые ареальные характеристики хеттского, II // *Этимология.* 1972. - М. : Наука, 1974. - С. 148-159.

166. *Герценберг Л. Г* Алтаистика с точки зрения индоевропеиста // Проблемы общности алтайских языков. - Л. : Наука, 1971. — С. 31-46.
167. *Ахметьянов Р. Г* Краткий историко-этнологический словарь татарского языка (на тат. языке). - Казань : Тат. кн. изд-во, 2001.-272 с.
168. *Гиндин Л. А.* Население гомеровской Трои. - М. : Наука, 1993.-230 с.
169. Этимологический словарь тюркских языков. - М. : Наука, 1989.-312 с.
170. *Богородский В.* Из области лингвистической археологии // Изв. общ-ва археол., истории и этнографии при императ. Казанском ун-те. 1893. - Т. XI, вып. 1. — С. 139-146.
171. *Шрадер О.* Индоевропейцы. - СПб., 1913. - 206 с.
172. *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. - СПб., 1869-71.
173. *Кузьмина Е. Е.* Сюжет противоборства 2-х животных в искусстве Азиатских степей // Краткие сообщения ин-та археологии АН СССР - № 154. - Ранние кочевники. - М. : Наука, 1978. - С. 103-108.
174. *Маршак Б. Н., Распопова В. И.* Кочевники и Согд//Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата : Наука, Каз. ССР, 1989. - С. 416-426.
175. *Горелик М В.* Боевые колесницы Переднего Востока. III-II тысячелетий до н. э. // Древняя Анатолия. - М. : Наука, 1985.-С. 183-202.
176. *Милитарёв А.Ю., Шнирельман.* К проблеме локализации древнейших афразийцев (опыт лингво-археологической реконструкции) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. - Ч. II. Лингвистическая и историческая реконструкция. - М. : Наука, 1981. - С. 35-53.
177. *Даль В.* Толковый словарь. -Т. II. -М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. - 779 с.
178. *Дьяконов И. М* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. - М. : Восточная литература, 1959. - 300 с.
179. *Вербицкий В. И.* и др. Грамматика алтайского языка. - 1896.-212 с.

180. *Фазиров Э.* Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. - Ташкент : Изд-во «Фан» Узб. ССР, 1966. - 649 с.
181. Сравнительно-историческое изучение разных языковых семей. Реконструкция исчезнувших языков. - М. : Наука, 1991. - 120 с.
182. *Джаукян Г. Б.* Урартский и индоевропейские языки. - Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1963. - 156 с.
183. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. - М. : Изд-во АН СССР, 1964. - 305 с.
184. *Климов Г. А.* Этимологический словарь картвельских языков. -М. : Изд-во АН СССР, 1963. - 142 с.
185. *Дьяконов И. М.* Урартские письма и документы. -М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1963.- 142 с.
186. *Соколов С. Н.* Язык Авесты. - Л. : Изд-во ЛГУ, 1964. - 414 с.
187. Исследования по Балтийской этимологии (1957-1961) // Этимология. - М. : Изд-во АН СССР, 1963. - С. 250-261.
188. Русско-курдский словарь. -М. : Изд-во иностр. и националы!. словарей, 1957. - 781 с.
189. *Шайхулов А. Г.* Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Новолжья. - Уфа, 2000. - 484 с.
190. *Саллерес Р.* Языки, генетика и археология // Вестник древней истории. - 1998. - № 3. - С. 123-133.
191. *Калужская И Л.* К возможности относительной хронологизации некоторых албано-восточнороманских лексических схождения // Античная Балканистика. -М. : Наука, 1987. - С. 55-61.
192. *Дьяконов И. М.* Хуррито-урартский и восточнокавказские языки // Древний Восток. Вып. 3. - Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1978.-С. 25-35.
193. *Алиев Играр.* Очерк истории Атропатены. - Баку : Азерб. гос. изд-во, 1989. - 160 с.
194. *Паркер Э.* X Тысяча лет из истории татар. - Казань : Идел-Нресс, Слово, 2003. - 287 с.
195. *Бакиров М. Х* Древнетюркская поэзия. - Казань : Татар, кн. изд-во, 2014. - 390 с.
196. Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. III. Языковая ситуация в Передней Азии в X-IV тысячелетиях

- до н. э. - М. : Наука, 1984. - С. 3-27.
197. *Бедер Д.Г.* Появление мотыги и плуга в Древнем Египте и шумере // Древний мир. - М. : Изд-во вост, литературы, 1962. - С. 165-170.
 198. Этнография в Таджикистане. - Душанбе : Дониш, 1989. - 208 с.
 199. *Насилов В. М.* Древнеуйгурский язык. - М. : Изд-во вост, лит-ры, 1963. - 122 с.
 200. *Милитарёв А. Ю.* Об одном общеафразийском земледельческом термине // Вестник древней истории. - 1983. - № 4. - С. 97-106.
 201. *Лекомцева М. И.* Фонология // Славянское и балканское языкознание. -М. : Наука, 1983. - С. 133-144.
 202. *Баюн Л. С.* Некоторые вопросы реконструкции общеанатолийского глагольного строя // Древняя Анатолия. - М. : Наука, 1985.-С. 6-21.
 203. *Соколова В. С.* Генетические отношения язгулямско-го языка и шугнанской языковой группы. - Л. : Наука, 1967. - 207 с.
 204. *Иванов В. В.* Хеттский язык. - М. : Изд-во вост, лит-ры, 1963.-220 с.
 205. *Дэюайраншивили Е.Ф.* Удинский язык Языки мира. Кавказский язык. - М. : Academia, 2001. - С. 453-460.
 206. *Трубачёв О. Н.* Из славянско-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. -М. : Наука, 1967. - С. 3-70.
 207. *Сыромятников Н. А.* Как отличить заимствования от исконных общностей в алтайских языках? //Вопросы языкознания. - 1975.-№3,-С. 50-63.
 208. *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Т. 1. А-Б. - Новосибирск, 2000. - 340 с.
 209. *Татаринцев Б. И.* Об этимологии некоторых предполагаемых заимствований и «алтаизмов» // Проблемы этимологии тюркских языков. -Алма-Ата : Гылым, 1990. - С. 145-151.
 210. *Казанцев Д. Е.* Истоки финно-угорского родства. - Йошкар-Ола : Марийск. кн. изд-во, 1979. - 114 с.
 211. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Критомикинский период. - Л. : Наука, 1986. - 202 с.
 212. *Ериштедт П. В.* Египетские заимствования в греческом языке. - М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1953. - 208 с.

213. Новейший словарь иностранных слов и выражений. -М. : АСТ, Минск : ХАЕВЕСТ, 2002. - 975 с.
214. *Tiirlop-tatarcasozliiK*. - Казан - Мэскэу : Инсан, 1998. - 559 б.
215. *Инан Абдулкадир*. Шаманизм тарихта Бэм беген. - Офе : Китан, 1998.-223 б.
216. Татар эдэбияты тарихына материаллар. Ж^емжемэ сол-тан / [тез. Хатин Госман]. - Казан, 1970. - 68 б.
217. Персидско-русский словарь. - М. : Сов. энциклопедия, 1970.-Т. II. 848 с.
218. *Закиев М. З.* Происхождение тюрков и татар. - М. : Инсан, 2003. - 495 с.
219. *Сергеев В. И.* О так называемых странствующих словах // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. - Чебоксары, 1980. - С. 96-109.
220. *Хамзин К. З., Махмутов М.И., Сайфуллин В. Е.И.* Арабо-татарско-русский словарь. - Казань : Татар, кн. изд-во, 1965. - 854 с.
221. Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микинский период. - Л. : Наука, 1986. - 203 с.
222. *Десницкая А.Г.* Вопросы изучения языков Малой Азии. - М. : Наука, 1955.-332 с.
223. Татарско-русский словарь. - Казань : Магариф, 2007. - Т. 1.-725 с.;Т. 2.-727 с.
224. *Капанцян Г. А.* Историко-лингвистические работы. - Ереван, 1975. - 540 с.
225. *Зализняк А. А.* Морфологическая классификация древнеиндийских глагольных корней // Очерки по фонологии восточных языков. - М. : Наука, 1975. - 335 с.
226. *Хелимский Е. А.* К изучению и оценке надёжности индоевропейско-семитских лексических соответствий // Балканы в контакте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. -М., 1986. - С. 164-167.
227. *Джаукян Г. Б.* Взаимоотношение индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. - Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1967.-215 с.
228. *Бакиров М. Х.* Татарский фольклор. - Казань : Ихлас, 2012.-400 с.

229. *Стоковский Ст.* Турцизмы в словаре Я. Миколи // *Этимология.* 1965. -М. : Наука, 1967. -398 с.
230. *Егоров В. Г.* *Этимологический словарь чувашского языка.* - Чебоксары : Чуваш, кн. изд-во, 1964. - 356 с.
231. *Татаринцев Б. И.* Об этимологии некоторых предполагаемых заимствований и «алтаизмов» // *Проблемы этимологии тюркских языков.* - Алма-Ата : Гылым, 1990.-С. 145-151.
232. *Егоров Н. И.* О названиях времён года в тюркских языках // *Проблемы исторической лексикологии чувашского языка.* - Чебоксары, 1980. - С. 43-52.
233. *Иванов В. В.* Язык как историк при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей // *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев.* - М. : Паука, 1976. - С. 30-44.
234. *Корнилов Г. Е.* К определению объёма и характера болгаро-чувашско-картвельских лексических параллелей // *Чувашский язык, литература и фольклор.* - Чебоксары, 1972. - С. 54-94.
235. *LabalR. Mannot d'epigraphie akkadiene (Signes, syllabaire, idegrammes).* - Paris, 1952.
236. *Колычева Т. А.* *Мифологическое драконоведение.* - М. : Вече, 2007. - 512 с.
237. *Ахметьянов Р.Г.* *Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья.* - М. : Паука, 1981. - 144 с.
238. *Иванов Вяч. Вс.* Проблемы истории металлов на древнем Востоке в свете данных лингвистики // *Историко-филологический журнал.* - 1976. - № 4 (78). - С. 69-76.
239. *Таскин В. С.* Тюркские названия домашних животных в языке сюнну // *Краткие сообщения Института народов Азии.* - 1964.- № 85.-С. 13-21.
240. *Клима Йозеф.* *Общество и культура древнего Двуречья.* - Прага, 1967. - 274 с.
241. *Насилов В.М* *Древнеуйгурский язык.* - М. : Изд-во вост, лит-ры, 1963. - 122 с.
242. *Кадыраджиев К. С.* *Историческая морфология имени в кумыкском языке : автореф. ... д-ра филол. наук.* - Махачкала, 1999.-73 с.

243. *Мельничук А. С.* О сущности белого s- // *Этимология.* 1984.-М. : Наука, 1986.-С. 137-146.
244. *Топоров В. Н.* Ещё раз о древних западнобалканско-балтийских языковых связях в ареальном аспекте // *Славянское и балканское языкознание.* -М. : Наука, 1984. - С. 10-45.
245. *Ернштедт П. В.* Египетские заимствования в греческом языке. - М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1953. - 208 с.
246. *Новейший словарь иностранных слов и выражений.* -М. : Аст, Минск : ХАРВЕСТ, 2002. - 975 с.
247. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь. - М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1958. - 656 с.
248. *Эрмитов М.* Этногенез и формирование узбекского народа. - Ташкент : Узбекистан, 1968. - 200 с.
249. *Милитарёв А. Ю.* Афразийско-шумерские лексические связи // *Лингвистическая реконструкция и древняя история Востока.* -М. : Наука, 1984. - С. 58-61.
250. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. - М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1951.-451 с.
251. *Рамазанова Д. Б.* Материалы к татарской исторической лексикологии (на тат. языке). - Казань, 2016. - 411 с.
252. *Вернер Г. К.* К вопросу о древних енисейско-индоевропейских лексических отношениях // *Вопросы филологии. Учёные зап. Омского педагогического института.* - 1969. - Вып. 52.-С. 124-154.
253. *Мифология. Большой мифологический словарь.* - М. : Большая мифологическая энциклопедия, 1998. - 736 с.
254. *Яковлев Н. Ф.* Древнейшие связи языков Кавказа, Азии и Америки // *Труды института Этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. II.* 1947. - С. 196-204.
255. *Иллич-Свитыч В. М.* Из истории чадского консонантизма : лабиальные смычные // *Языки Африки.* - М. : Наука, 1966. - С. 9-34.
256. *Бакиров М. Х.* Генезис и древнейшие формы общетюркской поэзии : автореф. ... д-ра филол. наук. Казань, 1999. - 96 с.
257. *Татарско-русский словарь.* - Казань : Магариф, 2007. - Т. 1.-С. 725; Т. 2. - С. 727.

258. Новейший словарь иностранных слов и выражений. -М. : Аст; Минск : Харвест, 2002. - 975 с.
259. *Грозный Б.* Доисторические судьбы Передней Азии // Вестник древней истории. - 1940. - № 3. - С. 24-45.
260. *Арируни А.* Армянское нагорье и цивилизация. - М., 1999.-239 с.
261. *Авирицев С. С.* Историческая подвижность категории жанра : опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. -М. : Наука, 1986. - С. 104-116.
262. *Зализняк А. А.* Морфологическая классификация древнеиндийских глагольных корней // Очерк по фонологии восточных языков. - М. : Наука, 1975. - 335 с.
263. Большой диалектологический словарь татарского языка (на тат. языке). - Казань : Татар, кн. изд-во, 2009. - 839 с.
264. *Майтинская К. Е.* К типологии генетической связи личных и указательных местоимений в языках разных систем // Вопросы языкознания. - 1968. - № 3. - С. 31-41.
265. *Мыркин В. Я.* Типология личного местоимения и вопросы реконструкции его в индоевропейском аспекте // Вопросы языкознания. - 1964. - № 5. - С. 78-86.
266. *Шантрэн П.* Историческая морфология греческого языка. - М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1953. - 339 с.
267. *Серебренников Б. А.* Некоторые вопросы истории кельтских языков // Кельты и кельтские языки. - М. : Наука, 1974. - С. 72-83.
268. *Туманян Э. Г.* Древнеармянский язык. - М. : Наука, 1971.-378 с.
269. *Щербак А. М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. - М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1961.-204 с.
270. *Кон И. С.* Открытие «я». - М. : Наука, 1978. - 232 с.
271. *Поринёв Б.Ф.* Социальная психология и история. -М. : Наука, 1979. - 238 с.
272. *Дульзон А. П.* Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими // Учёные записки Томского гос. университета. - 1969. - № 75. - С. 111-132.
273. *Орёл С.* Исконная лексика албанского языка // Славянское и балканское языкознание. -М. : Наука, 1983. - С. 145-156.

274. *Иллич-Свитыч В. М* Опыт сравнения ностратических языков. -М. : Наука, 1976. - 156 с.
275. *Литвин И. П.* Географическое название Мексики // Вопросы географии. - 1962. - Сб. 58. - С. 139-150.
276. *Стингл Милослав.* Индейцы без томагавков (перевод с чешского). - М. : Прогресс, 1984. - 454 с.
277. *Гарипова Ф. Г.* Татарская гидронимия. - Казань, 1998. - 571 с.
278. *Бакиров М. Х.* Корни наши, восходящие к Волжской Булгарин (на тат. языке) // Казан утлары. - 2013. - С. 136-155.
279. *Дьяконов И. М.* История Мидии от древнейших времён до конца IV века до н. э. - М.-Л. : Наука, 1956. - 485 с.
280. *Арутюнян Н. В.* Биайнили (Урарту). - Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1970.-472 с.
281. *Эбелгазый Ваһадир хан.* Шэжэрэи терек. (Перевод книги Абу-л-Гази «Родословная туркмен»), - Казань : Тат. кн. изд-во, 2007.-271 б.
282. *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах // Записки импер. АН. - СПб., 1893.-Т. 72.
283. Барбаро и Контарини о России. - Л. : Наука, 1971. - 275 с.
284. Зарубежная тюркология. - М. : Наука, 1986. - Вып. 1. - 384 с.
285. 100 великих богов. - М. : Вече, 2002. - 430 с.
286. *Вайян Дж.* История ацтеков. - М. : Изд-во иностр. литры, 1949.-238 с.
287. *Вернер Г. К.* Вопросы эволюции ностратических реконструкций // Ностратические языки и ностратическое языкознание.-М., 1972.- С. 130-138.
288. *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. - Казань : Изд-во КГУ, 1972. - 222 с.
289. Гуннский именник с Тамани и его чувашские соответствия // Чувашский язык и алтаистика. - Чебоксары, 1995. - С. 19-20.
290. *Ямпольский З. И* О тождестве Антарпатиану и Атропатены // Учёные зап. Азерб. госуниверситета. Серия истории и философии. 1972. - № 6. - С. 29-32.
291. *Каланкатуаци Мовсес.* История страны Алуанк. - Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1984. - 258 с.

292. *Магомедов М. Г.* Образование хазарского каганата. - М. : Наука, 1983.-223 с.
293. *Фёдоров Я. А., Фёдоров Г.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. - М. : МГУ, 1978. - 296 с.
294. *Ковалевский А. П.* Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. - М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1939.
295. *Артамонов М.И.* История хазар. - СПб., 2001. - 687 с.
296. *Дунаевская И. М.* О характере и связях языков Древней Малой Азии // Вопросы языкознания. - 1954. - № 6. - С. 63-79.
297. *Кадыраджиев К. С.* Булгарский ономастикой Дагестана // Тюрко-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985.-С. 95-106.
298. *Иванов Вяч. Вс.* Мекинское и греческое название солёного моря в свете сравнительного языкознания // Античная Балканистика. - М. : Паука, 1987. - С. 36-42.
299. *Дьяконов И. М.* Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы Вавилонских царей // Вестник древней истории. - 1981. - № 2. - С. 34-64.
300. *Иордан.* О происхождении и деяниях геттов. - М. : Изд-во вост. лит-ры, 1960. - 220 с.
301. *Март И. Я.* Кавказские племенные названия и местные параллели. - Петроград, 1922. - 39 с.
302. *Валеев Ф. Т.* Западносибирские татары. - Казань : Татар, кн. изд-во, 1980. - 232 с.
303. *Тунман.* Крымское ханство. - Симферополь : Гос. изд-во Крымск. АССР, 1936. - 106 с.
304. *Добродомов И. Г.* Ворскла // Русская речь. - М. : Паука, 1987.- (Март-апрель).-С. 114-118.
305. *Добродомов И. Г.* О слове «атаман» в славянских и тюркских языках // Теория и практика этимологических исследований. - М. : Паука, 1985. - С. 72-78.
306. *Дандамаев М. А.* Вавилония в 626-330 годы до н. э. : социальная структура и этнические отношения. - СПб. : Петербургское лингвистическое общество, 2010.-221 с.
307. *Восточный Туркестан в древности и средневековье.* -М. : Паука, 1992. - 687 с.

308. *Белецкий А. А.* Названия рек Греции // Античная Балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. - М., 1980.-С. 7-10.
309. Об этимологической методике Карла Боуды (на материале кавказских языков) // Этимология. - М. : Изд-во АН СССР, 1963.- С. 268-274.
310. *Дульзон А. 77.* Гидрономический ареал -МАН в южной части Сибири // Топонимика Востока. - М. : Изд-во вост, лит-ры, 1962.- С. 22-27.
311. Арабо-персидские источники о тюркских народах. - Фрунзе : Илим, 1973. - 193 с.
312. История Востока. Т. 1. - Восток в древности. - М. : Восточная литература РАН, 2000. - 688 с.
313. *Гумилёв Л. Н.* Хунну. Хунну в Китае. -М. : Айрис пресс, 2008. - 622 с.
314. *7 (радш)Н. Н.* Империя Хунну. - М. : Логос, 2002. - 311 с.
315. Хрестоматия по истории Древнего Востока. - М. : Восточная литература РАН, 1997. - 400 с.
316. Языки Азии и Африки несемитские. III. - М. : Гл. ред. вост, лит-ры, 1979. - 286 с.
317. *Мухамадиев А. Г* Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. - Казань : Тат. кн. изд-во, 2011.- 159 с.
318. *Толстов С. 77.* Города гузов // Советская этнография. - 1947.-№3,- С. 55-102.
319. *Щербак А. М* К вопросу об отдалённых связях тюркских языков // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. - Л.: Наука, 1989.-С. 150-170.
320. *Будаев А. Ж.* Скифо-карачаево-балкарские лексические сходжения // Вопросы тюркских языков и взаимоотношения их с другими языками. - Баку : Изд-во Аз. ГУ, 1972, - С. 172-174.
321. *Геродот.* История. -М. : Ладомир; Аст, 1999. - 740 с.
322. *Дьяконов И. М.* О языках Древней Передней Азии // Вопросы языкознания. - 1954. - № 5. - С. 43-68.
323. *Огибенин Б. Л.* Семантический аспект изучения ведийского поэтического языка в связи с проблемой реконструкции

- индоевропейского поэтического языка // *Этимология*. 1971. - М. : Наука, 1973.-С. 307-331.
324. *Андронов М. С.* Тамильский язык. - М. : Изд-во вост, лит-ры, 1960. - 73 с.
325. *Вендина Т. И.* Введение в языкознание. - М. : Высшая школа, 2005. - 391 с.
326. *Трубецкой Н. С.* Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. - М. : Прогресс, Универс, 1995.-С. 327-338.
327. *Серебренников Б. А.* Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // Теоретические основы классификации языков мира. Проблема родства. - М. : Паука, 1982.-С. 6-60.
328. *Салларес Р.* Языки, генетика и археология // Вестник древней истории. - 1998. - № 3. - С. 122-133.
329. *Горбунов В. В., Тишкин А. А.* О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. - Тобольск - Омск, 2002. - С. 43-46.
330. *Лайпанов К. Т, Мизиев И.* М О происхождении тюркских народов. - Черкесск, 1993. - 140 с.
331. *Нарсибаева А. К.* Туран - колыбель древних цивилизаций. - Алматы, 2009. - 688 с.
332. *Фэттах Нурихан.* Шэжэрэ («Родословная») (на татар, языке). - Казань : Тат. кн. изд-во, 1990. - 325 с.
333. *Милитарёв А. Ю.* Современное сравнительно-историческое языкознание : что оно может дать исторической науке? // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. - Ч. III. Языковая ситуация в Передней Азии в X-IV тысячелетиях до н. э. -М. : Паука, 1984. - С. 3-25.
334. Языки Азии и Африки. IV. Афразийские языки. Кн. I. Семитские языки. -М. : Паука, 1991. - 447 с.
335. *Хачикян М. Л.* Шумерско-хурритский словарь из Рас-Шамры как источник по хурритской диалектологии // Вестник древней истории. - 1975. - № 3. - С. 21-38.
336. *Петруничева З. Н.* Язык телегу. - М. : Изд-во вост, лит-ры, 1960. - 110 с.

337. *Фридрих И.* Грамматика хеттского языка. - М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1952. - 200 с.
338. *Пейрос И. И., Шнирельман В. А.* В поисках прародины дравидов // Вестник древней истории. - 1992. - № 1. - С. 135-147.
339. Большой диалектологический словарь татарского языка (на татар, языке). - Казань : Татар, кн. изд-во, 2009. - 839 с.
340. *Андронов М. С.* Язык брауи. -М. : Наука, 1971. - 151 с.
341. *Юсифов Ю. Б.* Элам. Социально-экономическая история. - М. : Наука, 1968. - 407 с.
342. *Яйленко В. П.* Несколько возможных ностратических соответствий // Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе. - М., 1990. - С. 56-58.
343. Малаялам-русский словарь. - М. : Сов. энциклопедия, 1971.-871 с.
344. Удмуртско-русский словарь. - М. : Русский язык, 1983. - 591 с.
345. *Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. - М. : Вост. лит-ра, 1996. - 327 с.
346. *Топоров В. Н.* Хеттско-лувийский kamrusepa : мифологический образ// Древняя Анатолия. -М., 1985. - С. 106-127.
347. *Гиндин Л. А.* Язык населения юга Балканского полуострова. - М. : Наука, 1967. - 200 с.
348. *Латыпов Ф. Р.* Общие сведения, основные группы слов и дословные переводы крупнейших этрусских текстов. - Уфа : Полиграфдизайн, 2014. - 151 с.
349. *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. - М. : Высшая школа, 1969. - 383 с.
350. *Латыпов Ф. Р.* Факты шумерского языка. - Уфа : Полиграфдизайн, 2009. - 67 с.
351. *Фаттахов Ф. Ш.* Прототюрки : географические представления, боги, имена и язык. - Казань : Казан, ун-т, 2013. - 444 с.
352. *Юсифов Ю. Б.* Эламские хозяйственные документы из Суз // Вестник древней истории. - 1963. - № 3. - С. 200-261.
353. *Латыпов Ф. Р.* Иберийские языки древней Испании. - Уфа : Полиграфдизайн, 2016. - 151 с.
354. *Дьяконов И. М.* Хурритский и урартский языки // Языки Азии и Африки, III. - М. : Паука, 1979. - С. 50-78.

355. *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. - М. : Изд-во вост, лит-ры, 1959. -258 с.
356. Тохарские языки. -М. : Наука, 1959.
357. *Даль Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка. - СПб. - М., 1882. - Т. IV. - 683 с.
358. *Тумашева Д. Г.* Словарь диалектов сибирских татар. - Казань : Изд-во КГУ, 1992. - 255 с.
359. *Горнунг Б. В.* К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. -М. : Наука, 1964. - 11 с.
360. *Пучков П. И.* Некоторые проблемы протоэтногенеза Исчезнувшие народы. -М. : Наука, 1988. - С. 3-19.
361. *Виноградов А. В.* К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры // Советская этнография. - 1957. - № 1. - С. 25-45.
362. *Массон В. М.* Алтын-Депе. - Л. : Наука, 1981. - 176 с.
363. *Долуханов П. М.* Истоки этноса. - СПб. : Европейский Дом, 2000. - 220 с.
364. *Кузьмина Е. Е.* О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Нереднеазиатский сборник, IV. - М. : Наука, 1986. - С. 169-232.
365. *Ренфрю К.* Разнообразие языков мира. Распространение земледелия и индоевропейская проблема // Вестник древней истории. - 1998. - № 3. - С. 113-121; *Renfrew C.* Before Babel : Speculations on the Origins of Linguistic Diversity // CAJ. - 1991. - V. I.-P. 20.
366. *Кузьмина Е. Е.* Первая волна миграции индоевропейцев на юг // Вестник древней истории. - 2000. - № 4. - С. 3-20.
367. *Шнирельман В. А.* Возникновение производящего хозяйства. - М. : Наука, 1989. - 444 с.; его же. Происхождение скотоводства. -М. : Наука, 1992. -331 с.
368. *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. - М. : Мысль, 1983. - 208 с.
369. *Массон В. М.* Алтай-Депе. - Л. : Наука, 1981. - 172 с.
370. *Членова Н. Л.* Памятники I тысячелетия до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности // Искусство и археология Ирана. - М. : Наука, 1971. - С. 323-340.
371. *Артамонов М. И.* Сокровища саков. - М. : Искусство, 1973.-280 с.

372. *Рыкушина Г. В.* Население Среднего Енисея в карасукскую эпоху // Палеоантропология Сибири. - М. : Наука, 1980. - С. 47-63.
373. *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры // Труды Государственного исторического музея. -М. : Изд-во культурно-полит. лит-ры, 1955. -Вып. 24. - 178 с.
374. *Отрощенко В. В., Пустовалов С. Ж.* Обряд моделирования лица по черепу у племён катакомбной культуры // Духовная культура древних обществ на территории Украины. - Киев : Паукова Думка, 1991.-С. 59-84.
375. *Мугамедов М. Г.* Погребальные сооружения. Их инвентарь и вопросы хронологии. -М. : Наука, 1983. - 223 с.
376. *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. - М.-Л., 1948. - §18,19.
377. *Алексеев В. П.* Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири. - Новосибирск : Наука, 1974. - С. 370-390.
378. *Новгородова Э. А.* Искусства ранних кочевников Монголии // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. - Улан-Батор, 1974. - С. 223-227; её же. Древняя Монголия. - М., 1989.-С. 384.
379. *Членова Н. Л.* Памятники I тысячелетия до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности // Искусство и археология Ирана. - М. : Наука, 1971. - С. 323-340.
380. 100 лет гуннской археологии. Номадизм : прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. - Улан-Удэ, 1996.-Ч. I. 204 с.
381. *Кузьмина Е. Е.* Сюжет борьбы в искусстве «звериного стиля» евразийских степей скифской эпохи // Скифо-сибирский мир. - Новосибирск : Наука, сибирск. отд., 1987. - С. 3-12.
382. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // Материалы и исследования по археологии СССР. - 1952. - № 26. - С. 3-346.
383. *Окладников А. П.* Из истории этнических культурных связей неолитических племён Среднего Енисея // Советская археология. - 1957.-№ 1. - С. 26-55.
384. *Бельская Б., Милитарёв А.* Услышать прошлое // Беседа. - 1985. - № 7. - С. 9-12; № 8. - С. 14-16.

385. *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. - М. : Наука, 1974.-317 с.
386. *Бунак В. В.* Древнейшие краниологические типы Передней Азии // Антропология Передней Азии, Малой Азии и Балкан. Краткие сообщения Института этнографии. - М.-Л., 1947. - С. 76-79.
387. *Хакимов Р. С.* Метаморфоза духа. - Казань : Идел-Пресс, 2006.-300 с.
388. *Кланчук М. Н* К вопросу об археологических культурах Центрального Казахстана в верхнем плейстоцене // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. - Алма-Ата : Паука, 1989.- С. 121-135.
389. История татар с древнейших времён. Т. 1. - Казань : Ру-хият, 2002. - 551 с.
390. *Вайнштейн С. 77., Крюков М. В.* Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. - М. : Паука, 1966. - С. 177-187.
391. *Гинзбург В. В.* Древние и современные типы Средней Азии // Происхождение человека и древнее расселение человечества.-М. : Изд-во АН СССР, 1951. - С. 357-392.
392. *Тумэн Д.* Антропологическая характеристика хунну Монголии // Древние культуры Монголии. - Новосибирск : Паука, 1985.-С. 87-96.
393. *Алексеев В. 77., Гохман 77. И., Тумэн Д.* Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век - эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. - Новосибирск : Паука, 1987. - С. 208-240.
394. *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. -М. : Наука, 1980. - 224 с.
395. *Новгородова Э. А.* Ранний этап этногенеза народов Монголии (конец III - I тысячелетие до н. э.) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. - М. : Наука, 1981. - С. 207-215.
396. *Вайнберг Б. 77., Новгородова Э. А.* Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. - М. : Наука, 1984.-230 с.

397. *Алексеев В. 77., Аскарлов А. А., Ходэюайов Т. К.* Историческая антропология Средней Азии. - Ташкент : Фан, 1990. - 208 с.
398. *Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. - Новосибирск : Наука, 1984. - 230 с.
399. *Думай Л. И.* Рецензия на книгу : «Л. Н. Гумилёв. Хунну. Срединная Азия в древние времена». - М. : ИВЛ, 1960. - 291 с. // Народы Азии и Африки. - 1962. - № 3. - С. 196-199.
400. *Грум-Грэюймайло Г. Е.* Описание путешествия в Западный Китай. Т. II. - СПб., 1899. - 420 с.
401. *Бичурин 77. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950.-Т. I.-362с.;Т. II.- 335 с.
402. *Гумилёв Л. 77.* Хунну. Степная трилогия. - СПб. : Тайм-Аут-Компасс, 1993. - 224 с.
403. *Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы : проблемы этногенеза. -М. : Наука, 1978. - 342 с.
404. *Фицджеральд С. П.* Китай. Краткая история культуры. - СПб. : Евразия, 1998. -455 с.
405. *Бернштам А. Н.* Из истории гуннов I в. до н. э. // Советское востоковедение. - 1940. -№ 1. - С. 51-57.
406. *Москалёв А. А.* Язык дуаньских яо (язык ну). - М. : Наука, 1978.- 134 с.
407. *Яхонтов С. Е.* Классификация малоизвестных народов Южного Китая // Страны и народы Востока. Вып. XXIII. - М. : Наука, 1982.-С. 269-287.
408. *Шицзин.* Книга песен и гимнов. - М. : Худож. лит-ра, 1987.-350 с.
409. *Дёрфер Г. О.* состоянии исследования халаджской группы языков // Вопросы языкознания. - 1972. - № 1. - С. 89-96.
410. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы / [под ред. В. М. Массона]. - М.-Л. : Наука, 1966. - 300 с.
411. *Таскин В. С.* Тюркские названия домашних животных в языке сунну // Краткие сообщения Института народов Азии. - 1964. -№ 85. -С. 13-21.
412. *Заднепровский Ю.* Археологические памятники южных районов Ошской области. - Фрунзе : Изд-во АН Киргизской ССР, 1960.- 174 с.

413. *Плетнёва С. А.* Кочевники средневековья. - М. : Наука, 1982.- 120 с.
414. *Фань Вэн-лань.* Древняя история Китая от первобытнообщинного строя до образования централизованного феодального государства. Т. I. -М. : Наука; Главная ред. вост. лит.-ры, 1958.
415. *Гмырял. Б.* Страна гуннов у каспийских ворот. - Махачкала, 1981. - 286 с.
416. *Баскаков Н. А.* К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // Советская тюркология. - 1987. - № 5. - С. 69-75.
417. *Семёнов А. Л.* Лексика китайского языка. -М. : Изд. дом «Муравей», 2000. - 313 с.
418. *Бугаева Т. Г., Цинциус В. И.* О названиях некоторых металлов в алтайских языках // Проблемы Алтаистики и монголоведение. Вып. 2. -М. : Наука, 1975. - С. 69-71.
419. *Крюков М В.* Язык иньских надписей. - М. : Наука, 1973.- 136 с.
420. *Милитарёв А. Ю.* Языки мира и мир языка. Услышать прошлое // Знание - сила. - 1985. - № 7. - С. 9-12; № 8. - С. 14-16.
421. *Пуллиблэнк Э. Дюю.* Язык сюнну // Зарубежная тюркология. Вып. I. - М. : Наука, 1986. - С. 29-70.
422. *Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. I. - М. : Наука, 1986. - С. 71-134.
423. *Дульзон А. 77.* Гунны и кеты // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. - 1968. - № 11. - Вып. 3.-С. 137-142.
424. *Топоров В. 77.* Из этимологии енисейских языков // Этимология. -М. : Наука, 1967. - С. 311-320.
425. *Дульзон А. 77.* Кеттско-тюркские параллели в области склонения // Советская тюркология. - 1971. - № 4. - С. 20-26.
426. *Панов В. А.* К истории народов Средней Азии. - Владивосток, 1916.-С. 3-82.
427. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / [пер. В. С. Таскина]. Вып. II. - М. : Наука, 1973. - 171 с.
428. *Малявкин А. Г.* Историческая география Центральной Азии. - Новосибирск : Наука, 1981. -336 с.

429. *Потапов Л. 77.* К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. - С. 3-49.
430. *Иордан.* О происхождении и деяниях геттов. - М. : Изд-во вост, лит-ры, 1960. - 220 с.
431. *Яхонтов С. Е.* Современное состояние вопроса о генетических связях языков Восточной Азии // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. - М. : Наука, 1983. - С. 19-32.
432. *Коновалов 77. Б.* Некоторые итоги и задачи изучения хун-ну // Древние культуры Монголии. - Новосибирск : Наука, 1985. - С. 41-50.
433. *Полосьмак 77. В.* Некоторые аналоги погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. - Новосибирск, 1990.-С. 101-107.
434. 100 лет гуннской археологии. Номадизм : прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Тезисы докладов международной конференции. Ч. I. - Улан-Удэ, 1996. - 204 с.
435. *Коновалов П. Б.* О происхождении и ранней истории хунну // 100 лет гуннской археологии. Ч. I. - Улан-Удэ, 1996. - С. 58-63.
436. *Акишев К. А.* Саки и скифы европейские // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, 1973. - С. 43-58.
437. *Окладников А. 77., Запорожска* Нетроглифы Забайкалья. Ч. II. - Л. : Наука, 1970. - 364 с.
438. *Мажитов 77. А.* Происхождение башкир // Археология и этнография Башкирии. Материалы научной сессии по этногенезу башкир (IV).-Уфа, 1971.-С. 11-16.
439. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Оразбаев А. М* Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1966. - 436 с.
440. Большой диалектный словарь татарского языка (на татар, языке). - Казань : Тат. кн. изд-во, 2009. - 839 с.
441. *Топоров В. 77.* Материалы к сравнительно-исторической фонетике енисейских языков. - М. : Главн. ред. вост, лит-ры, 1968.-С. 277-330.

442. *Чаттердэюи С. К.* Введение в индоарийское языкознание. - М. : Наука, 1977. - 256 с.
443. *Паркер Эдуард Харпер.* Тысяча лет истории татар. - Казань : Идел-Пресс; Слово, 2003. - 287 с.
444. *Гумилёв Л. Н.* История народа хунну. - М. : Институт ДИ-ДИК, 1998.-446 с.
445. *Баскаков 77. А.* Имена собственные гуннов, болгар, хазаров, сабиров и аваров в исторических источниках // Советская тюркология. - 1985. - № 4. - С. 29-36.
446. Античные писатели. Словарь. - СПб., 1999. - 448 с.
447. *Маргулан А. Х, Акишев К. А., Кадырбаев М. К, Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата : Наука, 1966. - 436 с.
448. *Исмагулов О.* Антропологическая характеристика усуней Семиречья // Вопросы этнографии и антропологии Казахстана. - Алма-Ата : Изд-во АН Казах. ССР, 1962. - С. 168-191.
449. *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. - Новосибирск : Наука, 1977. - 256 с.
450. *Бернштам А. 77.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Намиро-Алтая. - М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1952.-345 с.
451. *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. - М. : Наука, 1974. - 572 с.
452. *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. - Л., 1926. - Т. II. 896 с.
453. *Кабиров М. Н.* К вопросу изучения древней и средневековой истории уйгуров в отечественной науке // Материалы по истории и культуре уйгурского народа. - Алма-Ата : Наука, 1973. - С. 3-21.
454. *Гумилёв Л. Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестник древней истории. - 1959. - № 1. - С. 129-140.
455. *Малявкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. - Новосибирск : Наука, 1989. - 432 с.
456. *Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. - Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. - 175 с.
457. *Щербак А. М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. - М.-Л. : Изд. АН СССР,

1961.-204 с.

458. *Кляшторный С. Г.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана в северо-западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. - М. : Наука, 1987. - С. 19-37.
459. *Семёнов А. А.* Очерк культурной роли уйгуров в монгольских государствах // Материалы по истории и культуре народа. - Алма-Ата : Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1978. - С. 22-48.
460. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. - М. : Наука, 1988. - 456 с.
461. *Бернштам А. Н.* Проблемы истории Восточного Туркестана // Вестник древней истории. - 1947. - № 2. - С. 52-71.
462. *Худяков О. С.* Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана // Древние культуры Центральной Азии. - СПб. : Культ-информ-пресс, 1998. - С. 214-219.
463. *Мурзаев Э. М.* Топонимика Синьцзяна // Географические названия. - М. : Географгиз, 1962. - С. 117-137.
464. Землеведение К. Риттера. География стран Азии. Восточный или китайский Туркестан / [пер. с комментариями и дополнениями В. В. Григорьева]. - СПб., 1893. - 130 с.
465. *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах. - СПб., 1893. - 130 с.
466. *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей // Живая старина. - СПб., 1896. - Вып. III—IV.-С. 112-130.
467. *Григорьев В. В.* Восточный и Китайский Туркестан. - СПб., 1873.-280 с.
468. *Позднеев Д.* Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). - СПб., 1899. - 214 с.
469. *Боженев Л. Д.* Древние авторы о Средней Азии. - Ташкент, 1940. - 284 с.
470. *Кляшторный С. Г.* Эпоха Махмуда Кашгарского // Советская тюркология. - 1972. - № 1. - С. 18-21.
471. *Петров К. И.* Очерк происхождения киргизского народа. - Фрунзе : Изд-во АН Киргизской ССР, 1963. - 148 с.
472. *Кононов А. И.* Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат-иттурк» // Советская тюркология. - 1972. - № 1. - С. 3-17.

473. *Толстов С. П.* Но древним дельтам Окса и Яксарта. - М. : Изд-во воев, лит-ры, 1962. - 324 с.
474. *Толстов С. П.* Огузы, печенеги, море Даукара // Советская этнография. -М.-Л., 1950. -№ 4. - С. 49-54.
475. *Кригер В. А.* Средневековые кочевники Заволжья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. - Саратов : Изд-во СГУ, 1986.-С. 114-131.
476. *Рассадин В. И.* Роль контактов в образовании тюркомонгольской языковой общности. Ч. II. - М., 1986. - С. 100- юз.
477. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. - М. : Изд-во МГУ, 1948.-352 с.
478. *Семёнова Л. А.* Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период. -М. : Наука, 1990. -248 с.
479. *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад : Ылым, 1969. - 282 с.
480. *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. -М. : Наука, 1972. - 425 с.
481. *Лившиц В. А.* К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Буддийские пещеры. Кара-тепе в старом Термезе. - М. : Наука, 1969.-С. 47-81.
482. *Васильева Г. П.* Этнические компоненты в составе туркмен, по данным этнографии // Проблемы этногенеза туркменского народа. - Ашхабад : Ылым, 1977. - 159 с.
483. *Грум-Гржимайло Г. Е.* Белокурая раса в Средней Азии // Гумилёв Л. Н. Сочинения. История народа хунну. Т. 9. - М. : Институт ДИ-ДИК, 1998. - 448 с.
484. *Гумилёв Л. Н.* Динлинская проблема // Гумилёв Л. Н. Сочинения. Т. 9. -М. : Институт ДИ-ДИК, 1998. - 448 с.
485. *Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. - Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. - 175 с.
486. *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М. : Изд-во воев, лит-ры, 1961. -392 с.
487. *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. - Фрунзе : Комитет наук при СНК Кирг. ССР, 1941. - 112 с.
488. *Добродомов В.Н.* О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник, 1975. - М. : Наука,

- 1978.-С. 103-133.
489. *Ахинжанов С. М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. - Алма-Ата : «Наука» Казах. ССР, 1989. - 294 с.
490. *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. - Томск : Изд-во ТГУ, 1972.-421 с.
491. *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия. - М. : Наука, 1989.-384 с.
492. *Николаев Р. В.* Некоторые вопросы кетского этногенеза и динлинская проблема // Известия Красноярского отдела Всесоюзного географического общества. - Красноярск, 1962. -Вып. II.
493. *Вайнштейн С. И.* К вопросу об этногенезе кетов // Краткие сообщения Института этнографии. - М., 1951. - XIII. - С. 3-7.
494. История Казахстана и Центральной Азии. - Алматы, 2001.-612 с.
495. *Ушницкий В. В.* Средневековые народы Центральной Азии. - Казань : Фэн, 2009. - 115 с.
496. *Мусаев К. М.* Отношение кыргызского языка к пракрып-чакскому языку // Туркология. - 2003. - № 3 (5). - С. 16-25.
497. *Дебец Г. Ф.* Налеоантропология СССР. - М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1948.-392 с.
498. *Алексеев В. П.* Древнее население Внутренней Азии и прилегающих районов эпохи камня и бронзы по данным палеоантропологии //Расы и народы. -М. : Наука, 1988. - С. 65-75.
499. *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Налеоантропология Средней Азии. - М. : Наука, 1972. - 372 с.
500. *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия. - М. : Наука, 1989.-384 с.
501. *Март Н.Я.* О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье. -М.-Л. : ОГИЗ, 1934. - 130 с.
502. *Март 77 Я.* Избранные работы. - М.-Л. : ОГИЗ, 1933. - 397 с.
503. *Коломийцев Игорь.* Тайны Великой Скифии. - М. : Олма-пресс, 2005. - 396 с.
504. *Граков Б. Н, Мелюкова А. И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. -М. : Изд-во АН СССР, 1952.
505. *Миллер В. Ф.* Эпиграфические следы иранства на юге Рос

- сии // Журнал Министерства народного просвещения. - Часть 247, октябрь. - СПб., 1886. - С. 232-283.
506. *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. - Ч. III. - М., 1887. - 216 с.
507. *Доватур А. И., Каллистов Д. 77., Шитова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. - М. : Наука, 1982. -439 с.
508. *Колобова К М.* К вопросу о сарматском языке // Из истории докапиталистических формаций. - М.-Л., 1933.
509. *Руденко С. И. и 77 М.* Искусство скифов Алтая. - М., 1949.-92 с.
510. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии // Народы Азии и Африки. - 1980. - № 5. - С. 102-130; № 6. - С. 67-102.
511. *Алексеев В. 77.* Историческая антропология и этногенез. - М. : Наука, 1989.-446 с.
512. *Акишев К А.* Саки азиатские и скифы европейские (Общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата : «Наука» Каз. ССР, 1973. - С. 43-58.
513. *Кузьмина Е. Е.* О «прочтении» изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени // Вестник древней истории. - 1983. -№ 1. - С. 95-105.
514. *Кузьмина Е. Е.* Занавес поднимается // Знание - сила. - 1985.-№ 11.-С. 38-42.
515. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. -М. : Наука, 1990. -232 с.
516. *Хазанов А. М.* Социальная история скифов, основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. - М. : Наука, 1975. - 34 с.
517. *Магницкий В. К* Чувашские языческие имена. - Казань, 1915.
518. *Гуриев Т. А.* Из жемчужин Востока : «Авеста». - Владикавказ, 1993. - 38 с.
519. *Кузнецов Б. И.* Древний Иран и Тибет. - Снб. : «Евразия*1», 1998. - 351 с.
520. *Толстой И. И.* Черноморская легенда о Геракле и змееной деве // Статьи о фольклоре. - М.-Л., 1966. - С. 232-249.
521. *Кузьмина Е. Е.* Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства // Вестник древней истории. - М.-Л., 1984. - № 1.-С. 93-108.

522. *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. - Фрунзе : Илим, 1986. - 132 с.
523. *Раевский Д. Р.* Модель мира скифской культуры. - М. : Наука, 1985.-256 с.
524. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. - М. : Наука, 1976. - С. 109-125.
525. *Кызласов Л. Р.* Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // Советская археология. - 1977. - № 2. - С. 69-86.
526. *Маргит К Палло.* Реальная основа заимствованного слова sarkani 'дракон' // Исследования венгерских учёных по чувашскому языку. - Чебоксары, 1985. - С. 98-106.
527. *Пуганченкова Г. А.* Образы юечжийцев и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согда // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. - Ташкент : Изд-во «Фан» Узб. ССР, 1989.- С. 96-110.
528. Мифологическое драконоведение. - М. : Вече, 2007. - 512 с.
529. *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. - М. : Наука, 1987.-788 с.
530. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. - М. : Наука, 1981.-608 с.
531. *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Древние арийцы : мифы и история. - СПб. : Алетейя, 2001.-223 с.
532. *Бернштам А. Н.* Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография. Сборник статей. VI-VII. - М.-Л. : Изд. АН СССР, 1947. - С. 148-158.
533. *Март Н. Я.* Избранные работы. -М.-Л., 1935. -Т.V. 668 с.
534. *Мищенко Ф. Г.* К вопросу о Геродотовых скифах // Журнал Министерства народного просвещения. - Ч. 234. - СПб., 1884. - С. 145-155.
535. *Эйхвальд Э.* О древнейших обиталищах племён // Библиотека для чтения. Т. 27. - СПб., 1838. - С. 50-93.
536. *Алиев И. А.* Несколько слов о скифо-сакской проблеме// Известия АН Азерб. ССР. История, философия, право. - 1986. - № 1.-С. 132-

135.

537. *Милитарёв А. Ю.* Афразийско-шумерские лексические связи // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. - М. : Наука, 1984. - С. 58-61.
538. *Берзин Э.* Киммерийцы и скифы - старые загадки и новые открытия // Знания - сила. - 1985. - № 10. - С. 32-35.
539. *Абаев В. И.* Доистория индоариев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы Центральной Азии. - М. : Наука, 1978.- 120 с.
540. *Смирнов И. Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. - Казань : Типография императорского университета, 1895. - 291 с.
541. *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранние скифы и Древний Восток. - М. : Наука, 1992. - 253 с.
542. *Кадыраджиев К. С.* Фонетико-мифологическая структура скифо-тюркских языков // Дагестанская ономастика. - Махачкала, 1991.- С. 94-106.
543. *Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнегерманские языки. - М. : Наука, 1979. - С. 272-367.
544. *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». - М. : Наука, 1977.-267 с.
545. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племён. - М. : Наука, 1977.-216 с.
546. *Алиев Играр.* Очерк истории Атропатены. - Баку : Азерб. гос. изд-во, 1989. - 160 с.
547. *Гратовский Э. А.* О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. - М. : Наука, 1975.-С. 76-92.
548. Археология Украинской ССР. Т. 2. - Киев : Наукова думка, 1986.-591 с.
549. *Юсифов Ю. Б.* Киммеры, скифы и саки в древнем Азербайджане // Кавказско-Ближневосточный сборник. - Тбилиси : Мецниереба, 1988.-С. 181-192.
550. Рецензия *С. Волыни* на книгу Julius Junge : Saka-studien - Klio, 1939, Beiheft XLI. Leipzig, 1939. - 115 p. // Вестник древней истории. - М.-Л., 1939.-№ 1.-С. 132-135.

551. *Лелеков Л. А.* Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традиции // Древняя Индия. Историко-культурные связи. - М. : Наука, 1982. - С. 148-163.
552. *Пьянков И. В.* Зороастр в истории Средней Азии : проблема места и времени // Вестник древней истории. - М.-Л., 1996. - № 3. - С. 3-23.
553. *Ставиский Б. Я.* Средняя Азия и Древний Иран // Искусство и археология Ирана. -М. : Наука, 1971. - С. 304-313.
554. *Дебец Г. Ф.* О физических типах скифского времени // Проблема скифской археологии. -М. : Наука, 1971. - С. 5-52.
555. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. - М. : Наука, 1989. - 464 с.
556. *Яблонский Л. Т.* Население раннесакского времени в Приаралье : археолого-палеоантропологический подход к проблеме этногенеза // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1988.-С. 128-131.
557. *Яблонский Л. Т.* Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне // Российская археология. - М., 1998. - №4.-С. 35-49.
558. *Шаниязов К. Ш.* К вопросу о тюркоязычных компонентах в сложении узбекской народности // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1988.-С. 124-127.
559. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. - Киев : Паукова думка, 1974.- 176 с.
560. *Вайнберг Б. И.* Этнография Турана в древности. VII в. до н. э. - VIII в. н. э. - М. : Изд-во «Восточная литература» РАН, 1999.-359 с.
561. *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усу-ней долины р. Или. - Алма-Ата, 1965. - 300 с.
562. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // Материалы и исследования по археологии СССР. - № 26. - М.-Л., 1952. - С. 3-346.
563. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники. - М. : Наука, 1964. - 215 с.

564. Хауссиц Г. В. К вопросу о происхождении гуннов // Византийский временник. - Т. 38. - М. : Наука, 1977.
565. Ходжаев Т. К. Этнические процессы в эпоху Средневековья. - Ташкент : Изд-во «Фан» Узб. ССР, 1987. - 208 с.
566. Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов по свидетельствам античных письменных источников // Археологический сборник. - Л., 1971. - Вып. 13. - С. 30-54.
567. Зограф А. Н. Монеты «Герая» // Монеты в музеях Узбекистана. - Ташкент : Изд. комитета наук Узб. ССР, 1937. - 36 с.
568. Пьянков И. В. Массажеты Геродота // Вестник древней истории. - 1975. - № 2. - С. 46-70.
569. Бернштам А. Н. Происхождение тюрков. К постановке проблемы // Проблемы истории докапиталистических обществ. - 1935, - № 5-6. - С. 43-54.
570. Древняя Индия. Историко-культурные связи. - М. : Наука, 1982. - 344 с.
571. Толстов С. П. Но следам древнехорезмской цивилизации. - М.-Л., 1948. - 328 с.
572. Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. - М. : Наука, 1984. - 486 с.
573. Дьяконов И. М. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии // Краткие сообщения института материальной культуры. - 1951, - № 40. - С. 34-44.
574. Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. - М. : Наука, 1968.
575. Агадзюанов С. Г. Брачные и свадебные обряды огузов Средней Азии и Казахстана в IX-XIII вв. // Страны и народы Востока. - Вып. 22. - М. : Наука, 1980. - С. 225-238.
576. Книга моего деда Коркута. - М.-Л. : Изд. АН СССР, 1962. - 299 с.
577. Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Ненджикента // История и культура народов Средней Азии. - М. : Наука, 1976. - С. 75-89.
578. Тревер К. В. Очерки по истории культуры Древней Армении. - М.-Л. : Изд. АН СССР, 1953.
579. Шмидт А. И. Материалы по истории Средней Азии // Учёные зап. Института востоковедения. Т. XVI. - М.-Л., 1958. - С. 441-513.

580. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. - М. : Наука, 1981.-544 с.
581. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. - М. : Наука, 1979. - 248 с.
582. *Куклина И. В.* Этнография Скифии по античным источникам. - Л. : Наука, 1985. - 206 с.
583. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Доклад в международной конференции. -М. : Наука, 1964. - 10 с.
584. *Гумилёв Л. Н.* «Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы» // Советская Татария. - 1990. - 3 дек.
585. *Ямпольский З.* О тюрках V века до нашей эры // Учёные записки Азербайджанского государственного университета. Серия языка и литературы. - 1970. - № 5-6. - С. 10-13.
586. *Калинина Т. М.* Сведения ранних учёных Арабского халифата (Серия «Древнейшие источники по истории народов СССР»), -М., 1988.
587. *Гумилёв Л. Н.* Открытие Хазарии. - М. : Айрис-пресс, 2001.-412 с.
588. *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. - Л., 1927.
589. *Лившиц В. А.* К открытию бактрийских надписей // Буддийские пещеры. Кара-тепе в старом Термезе. - М. : Наука, 1969.-С. 47-81.
590. *Боровкова Л. А.* Проблемы местоположения царства Гао-чан (по китайским источникам). -М. : Наука, 1992. - 185 с.
591. *Алексеев В. П.* Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири. - Новосибирск : Наука, 1974. - С. 370-390.
592. *Грум-Гржимайло Г. Е.* Описание путешествия в Западный Китай. Т. II. - СПб., 1889. - 420 с.
593. *Джафаров Ю. Р.* К вопросу о происхождении европейских гуннов // Историко-культурные контакты народов Алтайской общности. - М., 1986. - С. 29-31.
594. *Артамонов М. И.* Очерки древней истории хазар. - М. : Соцэкгиз, 1937. - 140 с.
595. *Джюафаров Ю. Р.* Гунны и Азербайджан. - Баку, 1985. - 124 с.
596. *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения : «Хронология» Феофана, «Бревиарий» Никифора. - М. : Наука, 1980.-214 с.

597. *Рона-Таш А.* Общее наследие или заимствование? // Вопросы языкознания. - 1974. - № 2. - С. 34-40.
598. *Щербак А. М.* Об алтайской гипотезе в языкознании // Вопросы языкознания. - 1959. - № 6. - С. 72-81.
599. *Серебренников Б. А.* Проблема субстрата // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. - 1956. - № 9. - С. 33-57.
600. *Алексеев В. П.* Очерк происхождения тюркоязычных народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. - Казань, 1971.-С. 246-254.
601. *Серебренников Б. А.* О взаимодействии языков // Вопросы языкознания. - 1955. - С. 7-25.
602. *Серебренников Б. А.* Происхождение чуваш по данным языка // Происхождение чувашского народа. - Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1957. - С. 40-47.
603. О происхождении чувашского народа. - Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1957. - 132 с.
604. *Юсифов Ю. Б.* Киммеры, скифы и саки в древнем Азербайджане. Десятая авторско-читательская конференция // Вестник древней истории. - М.-Л, 1987. - С. 33-34.
605. *Молчанова О. Т.* Элемент «тай» в топонимике Средней Азии и смежных территориях // Ономастика Средней Азии. - М. : Паука, 1978.-С. 81-85.
606. *Яйленко В. П.* Палеоазиаты и этническая история древней Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов конференции.-М., 1988.-С. 132-134.
607. *Март Н. Я.* Ещё о слове «челеби» // Записки Восточного отделения Русского Археологического общества. - Т. XX. - СПб., 1908.-С. 99-151.
608. *Altheim Fr.* Geschichte der Punen. Bd. 1. - Berlin, 1959. - 463 s.
609. *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия. История и культура. - М. : Паука, 1977. - 296 с.
610. *Дьяконов И. М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. - М. : Изд. вост, лит-ры, 1959. - 300 с.

611. *Дьяконов И. М.* Первобытно-общинный строй на территории Мидии // Труды института истории и философии АН Азерб. ССР. - Баку, 1954. - Т. 5. - С. 5-44.
612. *Белицкий Марион.* Забытый мир шумеров / [пер. с нольск.] - М. : Наука, 1980. - 398 с.
613. *Алиев Играр.* О первых племенных союзах на территории Азербайджана. - Баку, 1959. - 44 с.
614. *Гумилёв Л. Н.* Древние тюрки. -М. : Айрис-Пресс, 2007. - 556 с.
615. *Воробьев-Десятовский В. С.* К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков // Советское востоковедение. - 1956.-№ 1.-С. 99-110.
616. *Струве В. В.* Лагерь военнопленных женщин конца III тысячелетия до н. э. // Вестник древней истории. - 1952. - № 3 (40). - С. 12-25.
617. *Панчвидзе В. Н., Дже йран ши вил и Е. Ф.* Удинский язык // Языки народов СССР. - М. : Наука, 1967. - С. 676-688.
618. *Юсифов Ю. Б.* О некоторых этнонимах клинообразных надписей древней Месопотамии // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа. - Махачкала, 1991.-С. 47-54.
619. *Гукасян Ворошил.* Древние тюркизмы в удинском языке // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия лит-ры, языка и искусства. - 1978. - № 2. - С. 66-80.
620. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Первые индоевропейцы в истории : предки тохар Древней Передней Азии // Вестник древней истории. - 1989. -№ 1. - С. 14-39.
621. *Гумилёв Л. Н. И. Руденко* и современная география аридной зоны Европейского континента // Этнография народов СССР.-Л., 1971.-С. 6-14.
622. *Кузнецов Б. И.* Древний Иран и Тибет. - СПб. : Евразия. - 349 с.
623. *Ганковский Ю. В.* Народы Пакистана (Основные этапы этнической истории). - М. : Наука, 1964. - 280 с.
624. *Бонгард-Левин Г М, Ильин Г Ф.* Индия в древности. - М. : Гл. ред. воет, лит-ры, 1985. - 758 с.; его же. Индия в древности. 2-е изд. - СПб. : Алетейя, 2001. - 813 с.

625. *Додыхудоев Р. Х* Памирская микротопонимия. - Душанбе : Ирфон, 1975.- 163 с.
626. *Герценберг Л. Г* Хотано-сакский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. - М. : Наука, 1981. - С. 233-268.
627. *Соколова В. С.* Генетические отношения мунджанско-го языка и шугнано-язгулямской группы. - Л. : Наука, 1973. - 248 с.
628. *Саид-Мурза.* Вершикское наречие канджутского языка// Записки коллегии востоковедов. - Л. : Изд. АН СССР, 1927. - Т. II, вып. 2. - С. 275-349.
629. *Захарьин Б. А., Эдельман Д. И.* Язык кашмири. -М. : Наука, 1971.- 140 с.
630. *Грюнберг А. Л.* Языки Восточного Гиндикуша. Мунджанский язык. - Л. : Наука, 1972. - 474 с.
631. *Синха Н. К., Банерджи А. Ч.* История Индии / [пер. с англ.] -М. : Изд. иностр. лит-ры, 1954. -440 с.
632. *Банковский Ю. В.* Народы Пакистана (Основные этапы этнической истории). - М. : Наука, 1964. - 280 с.
633. *Массон В.М., Ромодин В. А.* История Афганистана. Т. 1. - С средних времён до XVI века. - М. : Наука, 1964. - 464 с.
634. *Грек Т. В.* Индийские надписи на керамике из Кара-Тепе // *Грек Т. В., Пчёлкина Е. Г, Ставицкий Б. Я.* Кара-Тепе - буддийский пещерный монастырь в старом Термезе (индийская надпись на керамике). - М. : Наука, 1964. - 110 с.
635. *Сарианиди В. И.* Тилля-Тепе и ювелирное искусство ранних кушан // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. - М. : Гл. ред. вост. лит-ры, 1987. - С. 268-281.
636. *Пугаченкова Г А.* Скульптура Халчаяна. -М. : Искусство, 1971.-204 с.
637. Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье - М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. - 584 с.
638. *Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А.* Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. - М. : Наука, 1976.-С. 66-74.
639. *Новгородова Э. А., Горелик М. В.* Наскальные изображения тяжелооружённых воинов с монгольского Алтая // Древний

- Восток и античный мир.-М. :Изд-воМГУ, 1980.-С. 101-112.
640. *Окладников А. П.* Петроглифы Монголии. - Л. : Наука, 1981.-228 с.
641. *Погребова М.Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. - М. : Наука, 1984. - 247 с.
642. *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. -Киев : Наукова думка, 1984. - 136 с.
643. *Новгородова Э. А.* Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени // Тюркологический сборник, 1977. - М. : Гл. ред. вост. лит.-ры, 1981. - С. 203-218.
644. *Окладников А.П., Запорожская* Петроглифы Забайкалья. Ч. II. - Л. : Наука, 1970. - 263 с.
645. *Вильчевский О.* Курды. - М.-Л. : Изд. АН СССР, 1961. - 166 с.
646. *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. - М.-Л. : Изд. АН СССР, 1941. - 172 с.
647. *Бируни Абу Рейхан.* - Индия. - М. : Научно-издат. центр «Ладомир», 1995. - 727 с.
648. *Иванов Вяч. Вс.* Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема // Народы Азии и Африки. - 1967.-№ 3. - С. 106-118.
649. *Ямпольский З.* К вопросу об одноименности древнейшего населения Атропатены и Албании // Труды Института истории и философии АН Азербайджанской ССР. Баку, 1954. - С. 100-108.
650. *Панова Е. А.* Об истоках традиции и эволюции форм скифской скульптуры // Советская археология. 1976. - № 1. - С. 108-121. '
651. *Рашид ад-Дин Фазлаллах* / [пер. с перс.; предисл. и коммент. Р. М. Шукюровой]. - Баку : Элм, 1987. - 127 с.
652. *Бартольд В. В.* К вопросу о языках согдийском и тохарском // Иран. - Л. : Изд. АН СССР, 1927. - С. 29-40.
653. *Клосон Дж.* О названии «уйгур» [пер. с англ.] / Исследование по уйгурскому языку. - Алма-Ата : Наука, 1965. - С. 209-220.
654. *Кашигари Махмуд.* Диван лугат ат-турк. - Алматы : Дайк-Пресс, 2005. - 1286 с.
655. *Мухамадиев А. Г.* Древние монеты Казани. Казань : Татар, кн. изд-во, 2005. - 200 с.
656. *Бенвенист Э.* Тохарский и индоевропейский [пер. с франц.] / Тохарские языки. - М. : Изд. иностр. лит.-ры, 1959. - С. 90-108.

657. *Алиев Играр, Погребова М. Н.* Об этнических процессах в областях Восточного Закавказья и Западного Ирана в конце II - начале I тысячелетия до и. э. // Этнические проблемы Центральной Азии в древности. - М. : Гл. ред. вост, лит-ры, 1981. - С. 127-137.
658. *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н. э. - VII в. н. э.). - М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950.-390 с.
659. *МиНорсКифи В. Ф.* Луристанские бронзы и касситы // Вестник древней истории. - 1959. - № 1. - С. 220-222.
660. *Наримбаева А. К.* Туран - колыбель древних цивилизаций. - Алматы, 2009. - 688 с.
661. *Членова И. Л.* Происхождение и ранняя история племён татарской культуры. - М. : Наука, 1967. - 300 с.
662. *Кубарев В. Д., Черемисин Д.В.* Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири. - Новосибирск : Наука, 1987. - С. 98-117.
663. *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. - М. : Гл. ред. вост, лит-ры, 1986. - 234 с.
664. *Иванов Вяч. Вс.* Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. - 1975. - Т. 34. - № 5. - С. 399-408.
665. *Свешникова Т. Н.* Волки-оборотни у румын // *Balkanica*. Лингвистические исследования. - М. : Наука, 1979. - С. 208-229.
666. *Щербаков В. И.* Где жили герои эддийских мифов? - М. : Знание, 1989. - 48 с.
667. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. - М., 1865.-800 с.
668. *Пошебня А. А.* О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. - М., 1865. - 310 с.
669. *Мегцанинов И.* Каменные статуи рыб-вишапы на Кавказе и в Северной Монголии // Записки коллегии востоковедов при азиатском музее Российской АН. Т. 1. - Л. : Российская АН, 1925. - С. 401-409.
670. *Мороз Е.Л.* Следы шаманских представлений в эпической традиции Древней Руси // Фольклор и этнография. Связи

- фольклора с древними представлениями и обрядами. - Л. : Наука, 1977. - С. 64-72.
671. *Миллер Д. Ч.* Значение собаки в мифологических верованиях. - М., 1876. - 20 с.
672. *Липец Р. С.* Лицо волка благословенно // Советская этнография. - 1981. - № 1. - С. 120-133.
673. *Урманчеев Ф. И.* По следам белого волка. - Казань, 1994. - 126 с.
674. *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноин-лунские курганы. - М.-Л. : Наука, 1962.-206 с.
675. *Пропт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. - Л. : Изд. ЛГУ, 1946.-340 с.
676. Описание Московской Оружейной палаты. - Ч. 3. - Кн. 1. - Знамена, прапоры, флаги и штандарты. -М., 1884. - 130 с.
677. *Курбский А. М.* Сказание о покорении Казани. -М., 1902. - 104 с.
678. *Бакиров М. Х.* Наши корни, восходящие к болгарам // Казан утлары. - № 8. - 2013. - С. 136-155.
679. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. -М. : Наука, 1974. - 344 с.
680. Успехи Среднеазиатской археологии. Вып. 4. -Л. : Наука, 1979.-99 с.
681. *Дженкинсон Антоний.* Путешествие из Лондона в Москву (1557-1558 гг.) // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. - Л., 1937. - С. 67-80.
682. *Антонова Е. В.* Мургабские печати в свете религиозномифологических представлений первобытных обитателей юга Средней Азии и их соседей // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток.-М. : Наука, 1983.-С. 13-31.
683. *Генинг В. Ф.* Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. - Казань, 1989. - С. 4-15.
684. *Кононов А. Н.* Опыт анализа термина турк // Советская этнография. - 1949. - № 1.
685. *Мынбаев Нурлан.* Об этнониме тюрк // Туркология. - 2003. - №3, - С. 76-88.
686. *Массон В. М.* Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе // Советская археология. - 1974. - № 4. - С. 3-22.

687. *Негматов Н. Н., Соколовский В. М.* «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1974. - М. : Наука, 1975. - С.438-459.
688. *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиба. - Ташкент : Изд-во «Фан» Узб. ССР, 1975. - 112 с.
689. *Латыпов Ф. Р.* Исследование этрусского и минойского языков на основе фоноэволюционной пратюркской гипотезы и комбинаторночастотных методов. - Уфа : Китап, 1999. - 275 с.
690. *Латыпов Ф. Р.* Исследование древних языков Средиземноморья на основе фоноэволюционной гипотезы и комбинаторночастотных методов. - Уфа : Гыйлем, 2003. - 164 с.
691. *Фрай Ричард.* Население Ирана. - М. : Гл. ред. вост, лит-ры, 1972. -468 с.
692. *Дьяконов И. М* О языках древней Передней Азии // Вопросы языкознания. -М., 1954. - С. 43-64.
693. *Дьяконов И.М* О прародине носителей индоевропейских языков // Вестник древней истории. - М., 1982. - С. 3-30.
694. *Дьяконов И.М.* Языки древней Передней Азии. -М. : Наука, 1967.-492 с.
695. *Юсифов Ю. Б.* Элам. -М. : Наука, 1968. -408 с.
696. *Георгиев В.* Исследования по сравнительному языкознанию. -М. : Изд. иностр. лит-ры, 1958. -317 с.
697. *Ямпольский З. И* О северных эламитянах //Материалы по истории Азербайджана. - Баку, 1957. - С. 199-211.
698. *Хинц В.* Государство Элам / [пер. с нем.] - М. : Наука, 1977.- 192 с.
699. *Хелимский Е. А.* Проблема грани ностратической макросемьи // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. - Часть V. Проблемы изучения ностратической макросемьи языков. - М. : Наука, 1984.-С. 32-43.
700. *Васильев Л. С.* О роли внешних влияний в возникновении китайской цивилизации // Народы Азии и Африки. - 1964. - №2. -С. 113-164.
701. *Андронов М. С.* Дравидийские языки. -М. : Наука, 1965. - 124 с.
702. *Пьянков И. В.* Некоторые вопросы этнической истории Древней Средней Азии // Восток. - М., 1995. - С. 27-46.

703. *Глазов Ю. Я.* К проблеме типологического сходства дравидийских и тюркских языков // Лингвистическая типология и восточные языки. - М. : Наука, 1965. - С. 205-212.
704. *Андронов М. С.* О характере деккано-уральских аналогий // Языковые универсалии и лингвистическая типология. - М. : Наука, 1969.-С. 308-321.
705. *Кадыраджиев К. С.* Проблемы сравнительно-исторического изучения кумыкского и тюркских языков. - Махачкала, 1998. -368 с.
706. *Кадырадэюиев К. С.* Историческая мифология имени в кумыкском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Махачкала, 1999. -73 с.
707. *Загроф Г. А.* Языки Индии, Накистана, Цейлона и Ненала. -М. : Изд. вост. лит-ры, 1960. - 133 с.
708. *Антонова Е. В.* Мургабские печати в свете религиозно-мифологических представлений первобытных обитателей юга Средней Азии и их соседей // Средняя Азия и Зарубежный Восток в древности. -М. : Наука, 1983.-С. 13-31.
709. *Бонгард Г. М., Туров Н. В.* Новые исследования протоиндийской культуры // Наука в СССР. - 1981. - № 3. - С. 71-93.
710. *Чеснов Я.В.* Распространение риса в Южной Азии и некоторые вопросы этногенеза // Очерки экономической и социальной истории Индии. - М. : Наука, 1973. - С. 28-45.
711. *Чеснов Я. В.* Историческая этнография стран Индокитая. - М. : Наука, 1976. - 298 с.
712. *Маккей.* Древнейшая культура долины Инда / [пер. с англ.] -М. : Изд. иностр. лит-ры, 1951. - 142 с.
713. *Трофимова Т А.* Об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры // Советская этнография. - 1949. - № 3. - С. 37-72.
714. *Лукасян В. Л.* Взаимоотношение азербайджанского и удинского языков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Баку, 1973. - 59 с.
715. *Фёдоров Я. А., Фёдоров Г. С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. - М. : Изд-во МГУ, 1978. - 296 с.
716. *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа в IV-X вв. - Л. : Изд-во ЛГУ, 1979. - 214 с.

717. *Гмыря Л. Б.* Страна гуннов у каспийских ворот. - Махачкала, 1995. - 286 с.
718. *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа. - Чебоксары : Чувашек, кн. изд-во, 1965. -482 с.
719. *Егоров Геннадий.* Воскресение шумеров. - Чебоксары : Атал, 1993. - 112 с.
720. *Пиотровский Б. Б.* Ванское государство (Урарту). - М. : Изд-во воет, лит-ры, 1959. - 280 с.
721. Субары древнего Востока в свете изучения яфетидов // Язык и история. - Л. : ОГИЗ, 1936. - С. 182-202.
722. *Тугушева Л. Ю.* Поэтические памятники древних уйгуров // Тюркологический сборник, 1972. - М. : Наука, 1973. - С. 235-253.
723. *Толстова Л. С.* Некоторые вопросы исторической ономастики Хорезмского оазиса // Этнография имён. - М. : Наука, 1971.-С. 246-254.
724. *Толстова Л. С.* Исторические предания Южного Приаралья. - М. : Наука, 1984. - 246 с.
725. *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. - Томск : Изд-во ТГУ, 1972.-421 с.
726. *Васильев В. И.* Проблемы происхождения орудий заповного рыболовства угров // Сибирский этнографический сборник. IV. -М. : Изд-во АН СССР, 1962.-С. 137-152.
727. *Хачикян М. Л.* Диалектное членение хурритского языка // Древний Восток. Вып. 3. - Ереван : Изд-во Арм. ССР, 1978. - С. 39-48.
728. *Кадыраджиев К . С .* Генезис показателей множественного числа в дагестанских языках // Категория числа в дагестанских языках. -Махачкала, 1985. - С. 37-51.
729. *Блейхштейнер Роберт.* Сувары Древнего Востока в свете изучения яфетидов // Язык и история. - Л. : ОГИЗ, 1936. - С. 182-202.
730. *Гернот Вильгельм.* Субарейцы-хурриты. - М. : Наука, 1992.- 159 с.
731. *Капанцян Гр.* Хурритские слова армянского языка. - Ереван, 1951. - 52 с.

732. *Толстов С. П.* Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии // Советская этнография - М.-Л., 1947. - VI-VII. - С. 304-322.
733. *Грозный Б.* Доисторические судьбы Передней Азии // Вестник древней истории. - 1940. - № 3-4. - С. 24-45.
734. *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения : «Хронология» Феофана, «Бревиарий» Никифора. - М. : Наука, 1980.-213 с.
735. *Грантовский Э. А.* О распространении иранских племён на территории Ирана // История иранского государства и культуры. - М. : Наука, 1974. - С. 286-326.
736. *Толстов С. П.* Из предыстории Руси (Палеоэтнографические этюды) // Советская этнография. - 1947. - № 5-6. - С. 39-59.
737. *Трубачёв О. Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. - 1977. - № 6. - С. 13-29.
738. *Шмидт.* Материалы по истории Средней Азии // Учёные записки Института востоковедения. Т. XVI. - М.-Л., 1958. - С. 441-513.
739. *Тревер К. В.* Очерки по истории культуры Древней Армении. - М.-Л. : Изд-во АП СССР, 1953.
740. Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной конференции. - Волгоград, 1994. - 87 с.
741. *Трубачёв О. Н.* О синдах и их языке // Вопросы языкознания. - 1976.-№ 4. - С. 39-63.
742. *Соболевский А.* Русско-скифские этюды // Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. - Пгд., 1923. -Т. 26.-С. 312.
743. *Трубачёв О. Н.* Названия рек правобережной Украины. - М. : Наука, 1962.-262 с.
744. *Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. - М. : Наука, 1979. - С. 273-365.
745. *Паркер Э. Х.* Тысячи лет из истории татар. - Казань : Идел-Пресс; «Слово», 2003. - 287 с.
746. *Ахметзянов М.* Предки-сарматов у татар (на тат. языке) // Гасырлар авазы = Эхо веков. - 2005. - С. 85-93.

747. *Виноградов Ю. Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // Вестник древней истории. - 1994. - № 2. - С. 151-169.
748. *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». - М. : Наука, 1985. - 212 с.
749. Корпус боспорских надписей / [под ред. акад. В. В. Струве]. - М.-Л. : Наука, 1965. - 951 с.
750. *Дмитриева Л. В.* Этимологии географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках // Алтайские этимологии. - Л. : Наука, 1984. - С. 130-177.
751. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. - М.-Л., 1947. - № 4. - С. 171-289; №5. - С. 194-338.
752. *Аксёнова И. С., Ветошкина Т. Л., Журинский А. Н.* Классы слов в языках Африки. - М. : Наука, 1984. - 164 с.
753. *Белогуров М. Г., Овчинников В. Г.* В Отделении истории и научных Советах АН СССР. В Совете по координации научной деятельности // Вопросы истории. - 1987. - № 12. - С. 90-97.
754. Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной конференции. - Волгоград, 1994. - 87 с.
755. *Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. - М. : Изд-во «Восточная литература» РАН, 2001. - 190 с.
756. *Гаджиева Н. З.* К проблеме реконструкции на лексико-семантическом уровне // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. - М. : Наука, 1991. - С. 36-48.
757. *Телягиов Рахим.* От индейцев и гуннов до Золотой Орды. - СПб. : Нанорама, 2001. - 231 с.
758. *Нестеров С. П.* Конь в культуре тюркоязычных племён Центральной Азии. - Новосибирск : Наука, 1990. - 142 с.
759. *Короглы Х. Г.* Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. - М. : Наука, 1983. - 336 с.
760. *Гвоздецкий Н. А.* О распространении карстовых явлений в пустынях и горах Средней Азии // Вопросы географии. - 1957. - №40. - С. 173-189.
761. Мифы народов мира. - М. : Сов. энцикл., 1988. - Т. 2. - 719 с.

762. *Ганиева Р. К.* Восточный Ренессанс и поэт Кул Гали. - Казань : Изд-во КГУ, 1998. - 172 с.
763. *Серов С. Я.* Динамика этногенетического мифа инков // Этническая история и фольклор. - М. : Наука, 1977. - С. 33-61.
764. *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников. VII-IX вв. - Л. : Наука, 1980.
765. *Серебренников Б. А.* О причинах устойчивости агглютинативного строя // Вопросы языкознания. - 1963. - № 1. - С. 53-60.
766. *Abdulkadir Inan.* Şamanizm. - Istanbul, 1958.
767. *Беллвуд П.* Покорение человеком Тихого океана. - М. : Наука, 1986.-924 с.
768. *Мазитов Н. А.* Происхождение башкир // АЭБ. Т. IV. - Уфа, 1971.
769. *Смирнов А. П.* Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. - М. : Изд-во МГУ, 1962.
770. *Мусаев К. М.* Лексикология тюркских языков. - М. : Наука, 1984.-228 с.
771. *Дьяконов И. М.* Сравнительное языкознание, история и другие смежные науки // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы докладов конференции. Ч. 2. - М., 1984.- С. 3-20.
772. *Кляшторный С. Г.* Проблемы ранней истории племён тюрков (Ашина) // Новое в советской археологии. - М., 1965. - 278 с.
773. *Гусева Н. Р.* Славяне и арьи. Путь богов и слов. - М. : Гранд, 2002. - 234 с.
774. *Кайрос О 'Хора.* От рунических знаков до языка Вселенной. - Казань : Изд-во МНФ «Паравитта», 2010.- 183 с.
775. *Мухшедова З. Б.* Опыт исследования числительных в историческом плане // Исследования по истории туркменского языка. Т. 1. - Ашхабад, 1973. - 158 с.
776. *Ранов В. А.* Некоторые аспекты изучения домустьерских культур // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. -М. : Наука, 1979. - С. 7-11.
777. *Меликишвили Г. А.* Урартские клинообразные надписи // Вестник древней истории. - 1953. -№ 1. - С. 239-324.

778. *Акишев К. А., Кугиаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата : Изд-во АН Каз. ССР, 1963.
779. *Толубаев А. Т.* Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. - Алма-Ата : Гылым, 1991. -214 с.
780. *Окладников А. П.* Археологические исследования в Бурят-Монголии//Вестник древней истории, - 1948.-С. 155-163.
781. *Лелеков Л. А.* Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточных народов в первой половине I тысячелетия до н. э. // История и культура Средней Азии. - М. : Наука, 1976.-С. 7-18.
782. *Потанов Л. П.* Мифы алтае-саянских народов как исторический источник // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1983. - С. 96-110.
783. *Плетнёва Л. П.* Кочевники средневековья. - М. : Наука, 1976.
784. *Пяткин Б. Н.* Об особенностях ранних погребальных обрядов и надгробных сооружений // Скифо-Сибирский мир. - Новосибирск, 1987.
785. Античные писатели. Словарь. - СПб., 1999. - 447 с.
786. *Богэн Агнес Карр.* Этруски. - М. : Крон-пресс, 1998. - 234 с.
787. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. - М.-Л. : Наука, 1966.-290 с.
788. *Алексеев В. П.* Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. - Казань, 1971.-С. 232-255.
789. *Хлопин И. Н.* Возникновение скотоводства и общественное разделение труда // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. - М. : Наука, 1970.- С. 94-112.
790. *Хлопин И. Н.* Проблема происхождения культуры степной бронзы // Краткие сообщения Института археологии. - 1970. - № 122. -С. 54-58.
791. *Штрельман В. А.* Происхождение скотоводства. - М. : Наука, 1980.-331 с.
792. *Adile Ayda.* Etrusker (Tursakalar) turk idier. - Ankara: Ayyiliz Matbaasi, 1992 s.

793. *Ахиююанов С. М.* Этнонимы «кимак» и «кипчак» // Археология эпохи камня и металла Сибири. - Новосибирск : Наука, 1983.-С. 106-122.
794. *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. -М. : Наука, 1960.
795. *Кондратенко А. П.* К вопросу о функциональном назначении верхнепалеолитической пластины стоянки Мальта // Пластика и рисунки древних культур. - Новосибирск : Наука, 1983. - С. 66-76.
796. *Вадецкая Э. Б.* Проблема интерпретации окупёвских изваяний // Пластика и рисунки древних культур. - Новосибирск : Наука, 1983.-С. 86-97. ”
797. *Николаев В. В.* История предков чувашей. XXX в. до н. э. - Чебоксары, 2005. - 407 с.
798. *Кузеев Р. Г* Проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины второй половины I тысячелетия н. э. до XV в. Препринт доклада. - Уфа, 1987. - 67 с.
799. *Солтанов Й.* «Урал батыр» шэжэрэйэ» («Родословное «Урал батыра») // Агизел. - 0фэ, 1982. - № 9, 10.
800. *Габескирие Ш. В.* К происхождению слова *tarхан* в алтайских языках // Историко-культурные контакты народов Алтайской языковой общности. Тезисы докладов, II. -М., 1986. - С. 33-34.
801. *Гиндин А. А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. - М. : Наука, 1967. - 200 с.

Условные обозначения языков и диалектов

абз. абазинский

-

абх. - абхазский

ав. - аварский

авест. - авестийский

аг. - агульский

-

ад. адыгейский

азерб. - азербайджанский

акк. - аккадский

алб. - албанский

алт. - праалтайский

англ. - английский

америнд. - американо-индийский

араб. - арабский

арам. арамейский

арм. армянский

арч. арчинский

ассир. - ассирийский

афг. - афганский

афраз. - афразийский

балк. - балкарский

балт. - балтийский

баш к. - башкирский

бежт. - бежтинский

бербер. - берберский

болг. болгарский

-

брет. - бретонский

булг. - болгарский

бцб. - бацбийский

вах. - ваханский

венг. - венгерский

гагауз. - гагаузский

герм. - (пра)германский

гот. готский

греч. - греческий

груз. - грузинский

гунз. - гунзибский

дагур. - дагурский

дарг. - даргинский

драв. - дравидийский

др.-англ. - древнеанглийский

др.-в.- -

нем. древневерхненемецкий

др.-инд. - древнеиндийский

др.- - древнеиранский

иран.

др.-ирл. - древнеирландский

др.-исл. - древнеисландский

др.-пер. - древнеперсидский

др.-пр. - древнепрусский

др.-рус. - древнерусский

др.-
тюрк. - древнетюркский

др.-уйг. - древнеуйгурский

евр. еврейский

егип. - древнеегипетский

и-е. - индоевропейский

иврит - ивритский

инг. ингушский

индоар. - индоарийский

иран. - иранский

ирл. - ирландский

исп. - испанский

итал. итальянский

каб. кабардинский

каз. - казахский

кбал. - карачай-балкарский

кельт. - кельтский

кемр. - кемерийский

кипр.	кипрский
кирг.	киргизский
кит.	- китайский
ком.	- комийский
кор.	- корейский
ктат.	- крымско-татарский
кут.	кутийский
куш.	кушитский
лак.	- лакский
лазск.	- лазский
лат.	- латинский
лезг.	- лезгинский
лит.	- литовский
луллуб.	- луллубейский

лтш. латышский
-
мар. - марийский
метр. мегрельский
монг. - монгольский
морд. мордовский
неи.-е.,
неинд.- неиндоевропейский
евр.
ног. - ногайский
ностр. - (пра)ностратический
огуз. огузский
о сет. - осетинский
осм. - османский
пандж. – панджаби
перс. персидский
-
пехл. пехлевийский

-

ПА - праандийский

ПВК право
- сточнокавказский

ПЗК празападнокавказский
-

ПИЕ праиндоевропейский
-

пракр. - пракрит

пск прасеверокавказский
-

-

русс. русский

сабир. - сабирский

сак. - сакский

санскр. - санскритский

сар. сарматский

сван. сванский
-

сем.	- семитский
сем.- хам.	— семито-хамитский (афразийский)
скиф.	скифский
слав.	- праславянский
су вар.	суварский
сюнн.	- сюннуский
таб.	- табасаранский
тат.	- татарский
тинд.	- тиндинский
тох.	- тохарский
тув.	тувинский
тунг.	пратунгусо- маньчжурский
тур.	турецкий
турк.	туркменский
тюрк.	тюркский

-

уб. - убыхский

уд* - удинский

удм. — удмуртский

узб. - узбекский

урал. прауральский

урарт. - урартский

фин. - финский

хакас. - хакасский

халд. - халдийский

хатт. - хаттский

хетт. - хеттский

хунн. - хуннский

хурр. хурритский

цах. цахурский

цез. - цезский

чад. - чадский

чам. - чамалинский

чан. - чанский

чеч. - чеченский

чув. - чувашский

чыг. - чыгытайский

шор. - шорский

шум. - шумерский

злам. - эламский

этрус. -
этрусский

эфиоп. - эфиопский

як. якутский

япон. - японский

Список афразийских языков

а) Семитские: аккадский (диалекты: вавилонский, ассирийский), угаритский, финикийский, еврейский, арамейский, египетский, сирийский, иудейский, арабский, йеменский, мальтийский и др.

б) Кушитские: бедауе, или беджа, сахо, афар, сомали, оро-мо, арборе, консо, гидроле, сидамо, хадия, бурджи, камбатта, алагва, горова, билин, хамир, хамта, квара, омето, ямма, кафичо, моча, анфилла, гимирра и др.

в) Берберо-ливийские: зайан, зенетские языки, риф, фигиг, гадамес, сокна, ауджила, сива, аир, зенага, гуанче, зикри, гери-уа, зикки, садден, туат, гмара, харауа и др.

г) Египетский, коптский.

д) Чадские: хауса, гвандара, сура, ангас, чип, тангале, маха, гера, кифри, беле, варджа, сири, тера, хона, бура, чибак, хеба, марги, главда, гульфей, каба, илесем, логоне, мугсум, кулунг, маса, сомрай, тумак, сокоро, муби и др.

Список дравидийских языков

Андра, бадага, брауи, гадаба, гонди, кайкади, каннада, колами, конда, ката, куви, курух, малаялам, малто, парджи, савара, тамильский, телегу, тулу.

На обложке:

1. Наскальный рисунок сцены запряжки лошадей в колесницу (Южный Казахстан, Каратау).
2. Изображение волчицы с прилипшей к её соску человеческой фигурой, нанесённое на погребальной стеле этрусков. Этрусски считаются одними из контактногенетических соплеменников пратюрков, которые, как и тюрки, сакрализовали и тотемизировали волка.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ Бакиров Марсель Хаernasович ПРОТОТЮРКИ

**ИЗНАЧАЛЬНАЯ ПРАРОДИНА,
РАННИЕ ПЛЕМЕНА И ЯЗЫК,
ИСТОРИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРА**

Монография

Казань. Татарское книжное издательство. 2019 Редактор *Г. Р. Зарипова*

Художник и художественный редактор *Х. Хасаншин* Техническое редактирование и компьютерная вёрстка *Я. Я. Клиповой* Корректор *Г. Р. Зарипова*

Оригинал-макет подписан в печать 9.11.2018. Формат 60x90 Vie. Уел. печ. л. 29,0+вкл. 2,5.

Тираж 3000 экз. Заказ

ЕУП РТ «Татарское книжное издательство».

420066. Казань, ул. Декабристов, 2.

Тел./факс: (843) 519-45-22. <http://www.tatkniga.ru> e-mail: info@tatkniga.ru

Фирменные магазины Татарского книжного издательства:

Казань, ул. Баумана, 19. Тел.: (843) 294-70-50.

Казань, ул. Баумана, 51. Тел.: (843)225-76-55.

Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-13.

Отдел маркетинга:

Казань, ул. Декабристов, 2. Тел.: (843) 519-45-35.

Интернет-магазин:

<http://www.tatkniga.ru>

Филиал АО «Татмедиа»

полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс». 420066. Казань, ул. Декабристов, 2.

Бакиров Марсель Хаernasович - учёный-литературовед, фольклорист, тюрколог-ориенталист, литературный критик-стиховед, вузовский педагог - родился 10 декабря 1933 года в селе Муслюмово Муслюмовского района РТ. Окончил историко-филологический факультет Казанского государственного университета (1956).

В течение десяти лет работал журналистом в центральной областной газете «Кызыл тан» («Красная заря») в г. Уфе РБ. После прохождения очной аспирантуры с 1969 по 2017 г., в течение 48 лет, преподавал ведущие курсы по литературоведению и фольклор в КГУ (КФУ). Ныне - ведущий научный сотрудник Республиканского Центра развития традиционной культуры, а также старший научный сотрудник ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова.

Является автором свыше 500 научных и литературно-критических публикаций. Из них - 1 учебник для вузов, 8 монографий по теории и истории тюркско-татарского стиха, поэзии и прозы, фольклора, написанных в тесной взаимосвязи с этнической и этнокультурной историей тюркоязычных народов.

М. Бакиров - доктор филологических наук, профессор, академик Российской Академии гуманитарных наук (РАГН), почётный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РТ, заслуженный работник культуры РТ, лауреат международной премии им. Кул Гали. Удостоен правительственных и отраслевых наград (медали, нагрудный знак «За достижения в культуре», Благодарственное письмо Президента РТ, почётные грамоты).

Заметки

[←1]

По нашему твёрдому убеждению, процесс изменения лексики в агглютинативных языках происходит медленнее, и они сохраняют базовую лексику гораздо дольше, чем флективные языки.

[←2]

По версии А. Ю. Милитарёва, хамитские языки попали в Африку после распада праафразийского языка с территории Передней Азии [333, с. 13-14].

[←3]

Чередование *s/c/ʃ* вообще было характерно для древних языков: и.-е. *sent-um* (**cent-um*)- сто // *cent-um* (лат.) - «то же» // *cent-a* (ит.) - сто // *kant* < (тохар В) - «то же» [17, с. 372-373] ~ *s-n* И **g-n* // **k-n* - солнце // *sin* (др.- тюрк.) - тело, туловище // *tan* (сем., араб.) - тело.

[←4]

Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с тем фактом, что кафтан у знатного воина, обнаруженного при раскопках царского кургана сакского времени (V-IV вв. до н. э.) вблизи Алма-Аты, имел левосторонний запах, т. е. правый борт находился наверху на левой стороне кафтана [778, с. 58-59]. Мы уже писали о необычном и ненормальном запахе костюма у саков и пратюрков.

[←5]

Однако ацтекское слово *coatl* надо расчленить на составные части не в формате *coa(tl)*, как это делает второй автор, а в формате *co(atl)*. -М. Б.

[←6]

На наш взгляд, «кёк тюрк» необходимо переводить как «небесные тюрки», ибо они отождествляли и поклонялись голубому Небу, его персонифицированному властелину - богу Тенгри (см. ещё словарную статью № 1).

[←7]

Архидревность прототюркского массива родственных диалектов агглютинативного типа связана именно с вычетом из ностратического единства уральской (угро-финской), индоевропейской и всех остальных семейств, так как, возможно, аморфный ещё «пратюркский» язык (вернее, единство родственных диалектов) был гораздо старше диалектов или языков индоевропейского (флективного) типа.

[←8]

Н. С. Трубецкой: «Если лингвисты до сих пор считали языки агглютинирующие более примитивными, чем флектирующие, то поступали они так, очевидно, только в силу эгоцентрических предрассудков, являясь сами представителями разных индоевропейских, а следовательно, флектирующих языков... Индоевропейские языки возникли в процессе преодоления гипертрофии флексии, стремясь к рациональной агглютинации как к идеалу. В этом процессе, однако, не дошли до конца, не успели создать в «доисторический период» устойчивый тип языкового строя, подобного, например, алтайскому. А потому они и продолжают эволюционировать всё в том же направлении, не порывая, однако, с некоторыми элементами своей «переходной структуры» [41 (IX с. 77)].

[←9]

*Фиридун Агасы оғлу. Азер халгы (сечмо јазылар). - Баку, 2000. - Эта кни
га не была мне доступна.*

[←10]

В каких именно языках обнаружены и извлечены общие с тюркскими те или иные исконные корни, указано в самом историкосравнительном словаре.

[←11]

Некоторые слоги этих слов помечены цифрами, которые означают тоны гласных звуков, появившиеся под влиянием китайского языка. Данные исторической фонетики подтверждают, что система четырёх тонов в китайском языке сложилась довольно поздно - едва ли ранее III в. до и. э. [431, с. 31].

[←12]

Государство Давань в Ферганской области славилось в то время разведением знаменитых породистых лошадей тяньма («небесные лошади») [412, с. 557].

[←13]

Буква «h» после согласного (в таких сочетаниях, как ch, ph, th и т. д.) является знаком придыхания.

[←14]

Аттила/Атилла, Эрнек (в) - этимология этих имён даётся в нашей интерпретации
-М. Б.

[←15]

Ордос - пустынное плато на северо-западе большой излучины реки Хуанхэ в Северном Китае.

[←16]

Каменные выкладки в виде «усов» или двух дугообразных рядов, отходящих от могильного кургана.

[←17]

Дополнительные сведения о языке и о происхождении динлинов см. на с. 278-279.

[←18]

Прошу извинить за использование вереницы цитат и объёмность некоторых выдержек, поскольку это вызвано необходимостью рельефного выделения и обоснования представляющих научный интерес вопросов.

[←19]

Триада - три характерных вида культуры: вооружение, конская упряжка и «звериный стиль» в прикладном изобразительном искусстве.

[←20]

См. об этом подробнее на с. 343-348.

[←21]

Как было указано ранее, именно для автохтонных мидян, которых И. Алиев считал неиранцами [37, с. 91-92], был характерен культ змея-дракона, сближающий их со змеепочитавшими племенами тюркского мира.

[←22]

В тюркских языках при стечении в начале слова двух согласных начальное «с» всегда огласуется: стакан - ыстакан, скрипка - эскрипка, скил - искил.

[←23]

Бехистунская надпись Дария - высеченная на скале Бехистуна в Мидии надпись на трёх языках, описывает события, развернувшиеся в Ахеменидской державе после смерти Кира II.

[←24]

Как мы уже видели (см. лексическое гнездо № 421), родственные антропони́мы *жин* (жёлт, уйг.), *дын* (чув.), (тув., хак.), *дун* (др.-тюрк.), (ойр.), *зон* (як.), *зон* (монг., бур.), *зон* (тунг.-маньч.) в алтайско-тюркских языках обозначали понятия «народ», «племя», «люди» (= социум). Все вышеназванные племена без всякой натяжки этимологизируются на основе общетюркских наречий.

[←25]

Вторую часть имени туранского мифологизированного героя Ажи-дахака отдельные исследователи сближают и связывают с названием враждебного оседлым иранцам племени *о ахов (даев)*, которые первоначально обитали в районе Приаралья, по правую сторону Сырдарьи. Считаются сакскими племенами [449, с. 82; 544, с. 173].

[←26]

Первоначально и *К. А. Акишев* считал, что тасмолинская культура Центрального Казахстана принадлежит исседонам, которых он, безусловно, относит к кругу сакских племён [561, с. 134-135].

[←27]

Tai - в сакском тоже «река» [605, с. 84].

[←28]

Существует гипотеза, локализирующая предков обских угров и само-дийцев во II—I тыс. до и. э. в Средней Азии, которых позже вытеснили на север иранцы [606, с. 133-134].

[←29]

NOVNTOS,' - другой вариант прочтения NOUNTOΣ' [609, с. 210].

[←30]

Ауга-лы - обратите внимание на чисто тюркскую форму аффикса -лы, сохранившего своё назначение до сегодняшнего дня.

[←31]

Как было отмечено в разделе о древних уйгурах и огузах, востоковеды Э. Дж. Пу.плиблэнк, Ф. Алътхайм, С. П. Толстов хионитов (эфталитов) считали древнетюркскими племенами.

[←32]

Каспийский этнический массив автор называет также эламо-каспийским или загросским, объединяя его с языками эламитов, кутиев и каеситов.

[←33]

При признании такого параллелизма надо учитывать традиционное неустойчивое положение в начале слова «х/к», тем более стечение трёх согласных, которое не допустимо в тюркских языках, а также придыхательную (непроизносимую) функцию в данной позиции - v(h).

[←34]

В авестийском языке слово **𐬀𐬎𐬎 afa**» фактически обозначает пену, т. е. не соответствует предложенному Абаевым из аланского языка значению «рыба», якобы идентичному с нефиксированным скифским словом и его значением.

[←35]

В китайском языке фонема «г/р» отсутствует.

[←36]

Вар. челеби - суффикса «би», однако, в турецком языке нет, он заимствован из языка автохтонных курдов.

[←37]

В Месопотамии в отдельных языках, например, в ассирийском, буква s (ш) читалась как «с».

[←38]

Насчёт сближения этнонимов кути и ути и утраты начального «к» в последнем имени исследователи считают, что это явление было характерно для горных языков Загросской полосы, а также для эламоязычной среды.

[←39]

Обратите внимание на сугубо тюркский характер аффикса «-лы».

[←40]

Как отмечал известный ориенталист *T.*, значительная часть санскритского словаря имеет дравидийский источник, существовавший в течение длительного периода в истории их взаимоотношений [770, с. 150]. Поэтому, как мы заметили, **некоторые тюркские лексемы, рассматриваемые как «санскритизмы» (например, слово «сол» - левый, «jija» - тетива лука и др.), фактически восходят к дравидийским языкам, генетически родственным с прототюрками** [95, с. 132].

[←41]

Из предыдущего раздела нам уже известно, что Дугдамес по другим источникам считался также царём и киммерийцев.

[←42]

В отличие от своих ранних работ, здесь автор допускает проживание в столь ранний период в Западной Монголии и пратюрков, которые участвовали в создании в данном регионе культурных ценностей цивилизаторского характера.

[←43]

В оригинале «Дивани лугат ат-тюрк» имя Александра Македонского передано принятым на Востоке вариативным именем Зулкарнайн (Двурогий - прозвище Александра Македонского).

[←44]

В специальном исследовании, посвящённом изучению костюмного комплекса древних как этнического показателя племени или народа, такого стиля мужская шапка у иранских народов не зафиксирована [637, с. 296-384].

[←45]

Татарский специалист-историк по нумизматике А. Г. Мухаммадиев эти монеты считает гуннскими, которые, по его мнению, и создали империю Кушан [760, с. 16, 20-21].

[←46]

Археолог *В. Ф. Гепинг* корень «*кар*» связывает с местностью Кария в Малой Азии, откуда, по его мнению, проникли на просторы Центральной и Восточной Азии этнические массивы, которые лингвисты относят к северокавказской языковой семье, формировавшейся в северо-восточном Средиземноморье (Эгейский архипелаг). Вместе с тем учёный допускает, что среди широко распространённого этнонимического корня «*кар*» присутствует и этноним *болгар/болкар* [683, с. 9]. Одновременно вышло оригинальное исследование *В. Д. Кубарева* по энеолитическим росписям гробниц *Каракола* (Алтай), в которых автор угадывает влияние ближневосточного культурного очага [там же, с. 10].

[←47]

Буква *S (u)* в аккадском и эламских языках в ряде случаев читается и произносится как *s*. Этноним *kts.su* все исследователи передают в форме «касситы».

[←48]

И. Алиев каспиев объединяет с касситами и рассматривает их как родственные народы.

[←49]

Арабеска - орнамент, сложившийся в средние века в мусульманских странах.

[←50]

Далее при сопоставлении параллельных лексических праформ эламского и древнетюркского языков без конкретного указания будут использованы в основном эти же источники.

[←51]

«Пэ»/пи» и «к» здесь оба являются равнозначными аффиксами множественного числа, забытыми в настоящее время.

[←52]

Примеры тамильского языка позаимствованы из книг: «Русско-тамильский словарь» (М. : Изд-во иностранной лит-ры, 1960. - 1384 с.); «Русско-тамильский словарь» (М. : Советская энциклопедия, 1965. - 1175 с). Тюркские же лексемы здесь и далее, параллельные дравидийским языкам, - из «Древнетюркского словаря» (М. : Наука, 1969. - 676 с.); словаря М. Кашгарского «Дивани лугат ат-турк» (Алматы : Дайк-пресс, 2005. - 1281 с.) и 4-томного издания В. В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий» (СПб., 1893, 1899, 1905, 1911).

[←53]

Напомним о неустойчивом характере «к» в начале слов в родственных дравидийском и эламском языках.

[←54]

Слова этого языка извлечены из книги «Каннада-русский словарь» (М. :
Русский язык, 1979. - 762 с.).

[←55]

Поражает буквальное совпадение каннадского понудительного аффикса *-anu* с тюркским аффиксом *-aluAелу* с такой же функцией.

[←56]

Параллельные изоглоссы из этого языка позаимствованы из следующих источников: *Секхар Ч, Глазов Ю. Я. Язык малаялам. -М. : Изд-во восточной литературы, 1961. - 916 с.;* *Малаялам-русский словарь / [сост. М. С. Андронов, В. А. Макаренко]. - М. : Сов. энциклопедия, 1971. - 871 с.;* *Андронов М. С. Язык малаялам. -М. : Наука, 1993. - 201 с.*

[←57]

Слова этого языка извлечены из книги М. С. Андропова «Язык брауи» (М. : Наука, 1971. - 151 с.).

[←58]

В силу того, что в ряде доступных нам исследований этнические названия ранних жителей Северной Месопотамии сабиров и присоединившихся к ним позднее хурритов рассматриваются как синонимы, а их язык - как единый язык, мы решили лексические примеры из объединённого, общего их языка обозначить в скобках, наряду с пометкой «субарский», а также и как «субаро-хурритский» (условное обозначение - СХ).

[←59]

Вспомним неустойчивое положение «к» в загро-эламских языках: выпадение или прибавление его в фонетико-звуковом составе слова.

[←60]

И. Алиев субарский язык причисляет к условно названной им «аларадий-ской» группе языков, включающей в свой состав субаро-хуррито-урартские языки. Родство субаро-хурритского языка с урартским признают и другие учёные. Поэтому в перечне субаро-хурритских (СХ) и древнетюркских сходжений можно было привести многочисленные параллели с урартским языком. К примеру, *sua/cow* - озеро, водный источник ~ *sera* - оружие ~ *hilra* - войско ~ *tab* - дерево имеют схожие пары и в общетюркском языке. Или же другие лексикосемантические параллели: *alo-a* // др.-тюрк. *al/ar* ~ *oНала* - гора | *sel- arda* - луна, божество луны // -(1/г) - др.-тюрк. *serig* - блестящий | *sija* - вода, река // др.-тюрк. - *suv/sub/suy* - вода | *taws* - дно // др.-тюрк. *tup* - дно, низ и т. п.

[←61]

Вспомним неустойчивость к/х - прибавление или выпадение в загро-эламских языках.

[←62]

ВК - условное обозначение восточнокавказских языков.

[←63]

Адстрат - это совокупность элементов языковой системы, отражающих результат влияния одного языка на другой в условиях длительного существования контактов носителей этих языков. Явление адстрата возникает при длительном соседстве или двуязычии в пограничных районах.

[←64]

Правда, известны случаи, когда под влиянием различных факторов в некоторых языках изменился порядок слов. Например, в ирландском языке, относящемся к кельтской языковой группе, в отличие от современного порядка *сказуемое - подлежащее - дополнение*, глагол раньше свободно мог стоять и на последнем месте [БСЭ, т. 2, с. 28]. Или же другой пример: австронезийские языки восточной части Новой Гвинеи переняли порядок слов папуасских языков [767, с. 143]. Однако в весьма развитом шумерском языке изменение строго фиксированного порядка слов не произошло, пристраиваясь, скажем, под субаро-загросские языки, хотя этот язык обильно насыщался их лексикой. И нет абсолютно никаких следов изменений его строя также и в дальнейшем.

[←65]

Согласно версии Л. Н. Гумилёва, эта легенда является обоснованием права знати рода Ашина на исключительное положение на Алтае. По другим источникам, род Ашина после гибели гуннского государства Северная Лян в количестве 500 семейств переселился на Алтай и фактически являлся там пришельцем.

[←66]

У шумеров имя богини .1 *й'А иа* рассматривается как субстрат, доставшийся им от прежнего населения этой территории [67, с. 28].

[←67]

В легенде об олене с золотыми рогами, связанной с родом Ашидэ, мы опять сталкиваемся с морем, на этот раз персонифицированным в образе *Духа моря* или *Дочери духа моря*, общающейся с одним из предков тюрков из рода Ашидэ (если это, конечно, не связано, по версии *А. Зуева*, с озером Зайсан). Как бы там ни было, в связи с возможным бытованием предков тюрков у моря обращают на себя внимание странные словосочетания у татар и у некоторых других тюрков: «*Ай калыкты*», «*Кояш батты*», которые означают буквально: «*Луна всплыла*», «*Солнце погрузилось*». Не являются ли эти архаические выражения рудиментами, намекающими на то, что предки тюрков когда-то действительно жили у моря? Такие выражения перекликаются с мифом кавказских народов (ингушев и чеченцев), согласно которому персонифицированное солнце (или бог солнца) Г ела утром выходит («всплывает») из моря, а вечером вновь в него погружается [21, с. 604].

[←68]

Уральские языки (угро-финны, самоеды), за некоторыми исключениями, тоже являются языками агглютинативного строя.

[←69]

Термин «земледелие» автор использует в широком смысле, включая в него и скотоводство.